Кларисса Пинкола Эстес
Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях

«Эстес К.-П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях»: София; 2007
ISBN 978-5-91250-157-9
Оригинал: Clarissa Pincola Estes, “Women Who Run with the Wolves. Myths and Stories of the Wild Woman Archetype”, 1995
Перевод: Т. Науменко

Аннотация

Переведенная более чем на двадцать пять языков, книга Клариссы Эстес уже несколько лет занимает одно из первых мест в мировом книжном рейтинге.

Эта книга о женском архетипе на самом деле универсальна. Замените понятие «Первозданная Женщина» на «Первозданный Мужчина» – и вы увидите, что польза, которую принесет эта книга вашей душе, не имеет половой принадлежности.

Внутри каждой женщины живет первозданное, естественное существо, полное добрых инстинктов, сострадательной созидательности и извечной мудрости. Но это существо – Дикая Женщина – находится на грани вымирания. «Цивилизующее» влияние общества, к сожалению, подавляет в ребенке все «дикое», то есть естественное.

Кларисса Эстес, более двадцати лет практикующая и преподающая психоанализ Юнга и исследующая мифы разных культур, показывает, как можно возродить исконный Дух женщины посредством «психоархеологических раскопок» в области женского бессознательного. Здоровая, инстинктивная, ясновидящая, исцеляющая архетипическая Дикая Женщина живет полнокровной жизнью в древних мифах и сказках. Но она может снова проявиться в душе каждой женщины в условиях современного мира.

Кларисса Пинкола Эстес
БЕГУЩАЯ С ВОЛКАМИ
ЖЕНСКИЙ АРХЕТИП В МИФАХ И СКАЗАНИЯХ

A kedves szuleimnek
Maria es Joszef,
Mary and Joseph,
Szeretlek benneteket
y
Para todos los que yo amo
que continuan desaparecidos. [1]

Предисловие

Все мы тоскуем по первозданному. Культура предлагает не слишком большой выбор противоядий от этой тоски. Нас научили стыдиться таких влечений. Мы отпустили длинные волосы и привыкли скрывать под ними свои чувства. Но днем и ночью за нашей спиной таится тень Первозданной Дикой Женщины. Где бы мы ни ступали, эта тень крадется следом и – определенно – опирается на четыре лапы.

---

[1] Дорогим родителям, Марии и Йожефу, Мэри и Джозефу, с глубокой любовью (венг.) и всем тем, кого я люблю, кто продолжает исчезать (исп.). – Прим. ред.

Д-р философии Кларисса Пинкола Эстес,
Чейенн, Вайоминг

Введение
ПЕСНЬ НАД КОСТЯМИ

Первозданная природа и Первозданная Женщина [2] – два вида, которым угрожает полное исчезновение.

На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась гонению, грабежу и злоупотреблениям. Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения. Оглядываясь в прошлое, можно заметить, что в течение нескольких тысяч лет ей отводился самый низменный уровень души. В ходе истории духовные земли Первозданной Женщины опустошались и выжигались, ее убежища сносились бульдозерами, а естественные циклы превращались в искусственные ритмы ради ублажения других.

Потеря нами чувства собственной первозданности совсем не случайно совпадает по времени с исчезновением девственной природы на планете. Не так уж трудно понять, почему и древние леса, и дряхлые женщины считаются не самыми важными ресурсами человечества. Это вовсе не тайна. Нельзя также объяснить случайным совпадением то, что волки, койоты, медведи и диковатые женщины в чем-то схожи между собой: в человеческом представлении их связывают общие инстинктуальные архетипы, в силу которых за ними утвердилась репутация – несправедливая – безжалостных, изначально и чрезвычайно опасных и алчных существ.

Моя жизнь и деятельность в качестве психоаналитика-юнгианца, поэта и cantadora (сказительницы древних преданий) научили и убедили меня, что угасающую женскую жизненную силу можно возродить посредством активных «психоархеологических» раскопок в руинах потаенного мира женщины. Благодаря этим методам становится возможным восстановить повадки естественной, инстинктивной души, а через ее олицетворение в архетипе Первозданной Женщины мы сможем постичь разнообразные проявления глубочайшей женской природы. Сфера деятельности современной женщины огромна и расплывчата: ей приходится быть чем угодно для кого угодно. А древнее знание так и остается невостребованным.

Название этой книги: «Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях» возникло в результате изучения биологии дикой фауны и, в частности, волков. Исследования, посвященные волкам видов Canis lupus и Canis rufus, перекликаются с историей женщин, с тайнами их самоотверженности и их страданий.

Здоровые волчицы и женщины обладают определенными общими психическими особенностями – острой чувствительностью, игривостью нрава и глубокой преданностью. Женщины и волчицы родственны по своей природе: они пытливы, наделены огромной выносливостью и физической силой. Им свойственны глубокая интуиция, тщательная забота о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом. Они искусно приспосабливаются к непрерывно меняющимся обстоятельствам, бывают неистовы в своей верности и необычайно отважны.

Однако и те, и другие всегда подвергались травле, притеснениям и лживым обвинениям в ненасытности, неискренности и чрезмерной агрессивности; считалось, что они менее

[2] В оригинале – Wild Woman. Как следует из концепции автора, это не только и не столько Дикая, сколько Первая, Первозданная, не искалеченная цивилизацией Женщина. В дальнейшем эти термины используются как синонимы, в соответствии с нюансами контекста. – Прим. ред.

достойны, чем их гонители. Они превратились в объекты охоты для тех, кто мечтает очистить не только лесные чащи, но и дикие уголки души – истребить инстинктивное так, чтобы от него не осталось и следа. Хищническое отношение невежд к волкам и к женщинам поразительно похоже в своих проявлениях.

Именно при изучении волков у меня и возникли первые представления об архетипе Первой Женщины. Я исследовала не только этих животных, но и медведей, слонов и даже «птиц души» – бабочек. Особенности каждого вида предлагают обильные намеки на известные черты женской инстинктивной души.

Мой дух был пропитан дикостью вдвойне: от родителей я унаследовала страстную мексикано-испанскую кровь, а потом меня удочерило семейство горячих, вспыльчивых венгров. Я выросла у границ штата Мичиган, среди лесов, садов и крестьянских полей на берегах Великих Озер. Главное мое питание составляли громы и молнии. По ночам вокруг поскрипывали и переговаривались кукурузные стебли. Вдалеке, на севере, в лунные ночи собирались на полянах, танцевали и взывали к Небесам волки. И все мы без страха пили из одного ручья.

Хотя в те времена я еще не называла Ее так, моя любовь к Первозданной Женщине возникла уже в самом раннем детстве. Эстетика была мне ближе, чем атлетика, [3] она и определила единственное мое желание: оставаться восторженным странником. Стульям и столам я предпочитала землю, деревья и пещеры – я чувствовала, что именно в этих местах могу прижаться к щеке Господа. Реки всегда просили навещать их после наступления темноты, в поля обязательно нужно было приходить, чтобы им было кому шелестеть свои рассказы. Лесной костер должен был разводиться только в темноте, а сказки должны были рассказываться только вдалеке от ушей взрослых.

Мне очень повезло: я выросла среди Природы. Вспышки молний поведали мне о внезапности смерти и мимолетности жизни. Мышиные выводки подсказывали, что новая жизнь смягчает утрату. Выкапывая из глины окаменелые трилобиты, так называемые «индейские бусы», я поняла, что люди живут здесь уже очень давно. Я училась священному искусству украшения себя: на мою голову опускались бабочки-данаиды, светляки служили вечерними драгоценностями, а изумрудно-зеленых лягушек я носила вместо браслетов.

Волчица-мать убила своего смертельно раненого детеныша, и это научило меня жестокому состраданию и неизбежности прихода смерти к умирающему. Пушистые гусеницы срывались с ветвей и возвращались наверх, преподавая мне уроки целеустремленности. Их щекочущие прикосновения к руке убеждали, что кожа тоже полна жизни. Умение забираться на самые верхушки деревьев позволило получить первые представления о тех переживаниях, которые впоследствии принесет секс.

Мое поколение росло после Второй мировой войны, во времена, когда женщин задерживали на младенческой стадии развития и считали личной собственностью. К ним относились как к ухоженным огородам… К счастью, ветер неизменно заносит туда семена дикорастущих трав. Хотя то, что писали эти женщины, оставлялось без внимания, они продолжали с увлечением работать. Несмотря на отсутствие признания, написанные ими картины становились пищей для души. Женщинам приходилось вымаливать необходимые для творчества инструменты и помещения, а если надеяться было не на что, они превращали в студии деревья и пещеры, заросли и чуланы.

Танцы если и допускались, то редко, поэтому женщины танцевали в лесу, где никто не мог их видеть, а также в подвалах или по пути к мусорному баку. Украшения сразу же становились поводом для подозрений. Полное радости тело, как и веселое платье, повышало угрозу сексуального оскорбления или насилия. Даже одежду нельзя было назвать своей собственностью.

---

[3] [Игра слов – аллюзия на истоки «Классического образования», восходящие к Древней Греции. – Прим. ред.]

Это было время, когда измывавшихся над своими детьми родителей называли просто «строгими», когда душевные терзания женщин, переносивших смертельные оскорбления, именовались «нервными расстройствами», когда «приличными» считались женщины и девушки, туго перетянутые корсетами, крепкой уздой и плотным намордником, а «распутницами» – те, кому удавалось хотя бы на мгновение выскользнуть из ошейника.

Подобно множеству женщин до и после меня, я тоже вела фальшивую жизнь переодетого существа. Как и все мои сестры, я чинно балансировала на каблуках, а в церковь надевала платье и шляпку. И все же мой легендарный хвост нередко высовывался из-под подола, а уши так прядали, что шляпка в лучшем случае сползала на глаза, но случалось – и отлетала в угол комнаты.

Я не забыла песню той мрачной поры, hambre del alma, песню исстрадавшегося сердца. Но не забыла я и радостную canto Hondo, тайную песнь, слова которой снова и снова приходят к нам, когда мы трудимся над возрождением души.

Как лесная тропинка внезапно становится почти незаметной и вскоре исчезает бесследно, так слишком рано исчерпывается традиционная психологическая теория для творчески одаренной и глубоко мыслящей женщины. Чаще всего эта теория либо касается слишком бегло, либо вообще обходит молчанием глубинные, важные для женщины вопросы: об архетипическом, интуитивном, сексуальном и цикличном, о возрастах женщины, о ее образе действий и принципах понимания, о ее творческом пламени. Именно эти вопросы заставляли меня в продолжение двадцати лет посвящать большую часть времени архетипу Дикой Женщины.

С возникающими у женщин проблемами души нельзя разобраться, вписав их, женщин, в некую приемлемую для бессознательной культуры форму; нельзя их втиснуть и в интеллектуальные представления тех, кто претендует на звание единственных наделенных сознанием существ. Увы, именно такие попытки превращали в изгоев тех женщин, которые начинали свою жизнь как сильные и естественные личности. Целью же, напротив, должна стать помощь в восстановлении очаровательного и естественного психического облика женщины.

Источниками понимания становятся сказки, мифы и легенды. Они обостряют наше зрение до такой степени, что мы можем увидеть путь, оставленный первозданной природой, и направиться по нему. Сохранившиеся в этих историях указания подтверждают, что путь не исчез, что он по-прежнему ведет женщину все дальше и глубже – к самопостижению. Следы, по которым все мы пойдем, оставлены архетипом Первозданной Женщины, врожденного инстинктивного Я.

Я называю этот архетип «Первозданной Женщиной», так как именно эти слова: первозданность и женщина образуют llatnar o tocar a la puerta – сказочный стук в дверь глубокой женской души. В буквальном смысле выражение «llamar o tocar a puerta» означает «играть на инструменте имени, чтобы распахнулась дверь», то есть пользоваться теми словами, которые действуют как заклинание, как открывающий ключ. К какой бы культуре ни принадлежала женщина, сочетание слов «первозданная, дикая» и «женщина» ей интуитивно понятно.

Когда женщина слышит эти слова, старинная, древняя память просыпается в ней и возвращается к жизни. Это – воспоминание о нашем полном, неоспоримом и окончательном родстве с первобытной женственностью; эта связь могла уже давно стать совершенно непонятной, призрачной от забвения, могла быть погребена под толщей домашнего быта, объявлена вне закона окружающей культурой. Мы могли позабыть Ее имена, мы можем не откликаться на Ее зов, но мы помним Ее всем телом и тоскуем по Ней, мы знаем, что Она принадлежит нам, а мы – Ей.

Именно в этой основополагающей, стихийной и важнейшей форме взаимоотношений мы родились, именно от нее произошла наша сущность. Во чреве архетипа Первозданной Женщины кроются начала определяемого по женской линии бытия. Временами мы ощущаем

это, и даже мимолетное чувство заставляет нас сходить с ума от желания его возродить. У некоторых женщин этот животворный «привкус дикости» возникает во время беременности, при кормлении младенца, при изменениях в себе самой в процессе воспитания ребенка или при возникновении таких любовных отношений, которые похожи на посещения любимого сада.

Ощутить Ее можно и в видениях, и в зрелищах невероятной красоты. Я чувствовала Ее, когда наблюдала за солнцем в те минуты, которые у нас в лесных краях называют «закатом Господа Иисуса». Я ощущала, как Она шевелится во мне, когда усталые рыбаки с фонариками в руках возвращались в сумерках с озера или когда мое новорожденное дитя поджимало пальчики на ногах, и эти пальчики похожи были на ряды зернышек сладкой кукурузы. Мы видим Ее там, где встречаем, то есть повсюду.

Она является к нам и в звуках: в музыке, от которой что-то дрожит в груди и учащается сердцебиение, в барабанном бое, свисте, звоне и крике. Она приходит в записанном или произнесенном слове – временами подобное слово, фраза, стихотворная строфа или история становятся такими звучными, такими подлинными, что заставляют нас хотя бы на мгновение вспомнить, из чего мы созданы на самом деле и где наш настоящий дом.

Такие внезапные «ощущения дикости» возникают в таинстве вдохновения: ах, вот оно! – и уже ушло… Стремление к Ней появляется, когда знакомишься с человеком, которому удалось сохранить эту связь с первозданным. Такое желание приходит, когда осознаешь, что уже слишком мало времени осталось для мистического священнодействия и для грез, слишком мало для собственной творческой жизни, для важнейших занятий или для настоящей любви.

Но именно эти мимолетные ощущения, приходящие и через красоту, и через потери, оставляют в нас такое опустошение, такую взволнованность и тоску, что рано или поздно мы пускаемся в погоню за своей первозданной природой: уходим в леса и пустыни, бросаемся в сугробы и катаемся в снегу. Мы обшариваем взглядом Землю, наш слух обостряется, и мы ищем внизу и вверху – ищем какого-нибудь намека, следа, знака того, что Она еще жива и что у нас есть надежда. Когда же женщина находит Ее следы, она чаще всего бросается в отчаянную погоню, сметает все со стола, отбрасывает любые взаимоотношения, освобождает свой разум, становится чистой страницей, настаивает на разрыве, нарушает все правила, заставляет мир остановиться – ибо без Первозданности мы уже не в состоянии двигаться дальше.

Когда женщина потеряла Ее, а затем вновь обрела, ей необходимо любой ценой сохранить эту связь. Получив свою находку, она изо всех сил будет бороться за ее сохранение, так как вместе с ней расцветает творческая жизнь, все взаимоотношения обретают и содержание, и глубину, и здравый смысл, утверждается цикличность сексуальности, творчества, работы и досуга; женщина перестает быть объектом хищнического интереса, а законы природы наделяют ее равным правом на развитие и успех. Наконец-то ее усталость в конце дня становится следствием радостных занятий и свершений, а не замкнутости в мелочных размышлениях, мелочной работе или постылых связях. Она инстинктивно понимает, когда приходит время разрушать и созидать, как нужно уходить и как оставаться.

Укрепляя свои взаимоотношения с первозданной природой, женщина получает в дар извечного внутреннего наблюдателя, мудреца, мечтателя, провидца, художника, виртуоза интуиции, созидателя, творца, изобретателя и слушателя, который направляет, дает советы и способствует кипучей жизни во внутреннем и внешнем мирах. Когда женщина соприкасается с Первозданностью, это становится видимым, словно свечение изнутри. Теперь, независимо от обстоятельств, ее внешнюю и внутреннюю жизнь поддерживает этот первозданный учитель, первозданная мать, первозданный наставник.

Таким образом, слово «дикий» используется здесь отнюдь не в современном уничижительном значении «неподконтрольный», но в исходном смысле, то есть как указание на естественный образ жизни, при котором criatura, существо, обладает врожденной

целостностью и здравыми рамками. Слова «дикость» и «женщина» заставляют женщину вспомнить, кто она и чем занята. Они представляют собой метафору для описания той силы, которая переполняет всех женщин. Они олицетворяют то, без чего женщина не может жить.

Архетип Первозданной Женщины можно описать и другими, не менее подходящими словами. Эту могущественную психическую сущность называют инстинктивной природой, однако Первозданная Женщина выходит за рамки подобного определения. Ее можно назвать естественной душой, но это название тоже не вмещает в себя архетип Первозданной Женщины. Ее именуют врожденной, основополагающей природой женщины, называют подлинной, неотъемлемой ее сущностью. Поэты говорят о «Другой», о «семи океанах вселенной», о «далеких лесах» или о «Подруге» [1]. В разнообразных мировоззрениях и направлениях психологии ее называют Оно, [4] "Я", «срединной природой», а в биологии – природой типичной, или фундаментальной.

А из-за того, что она безмолвна, наделена даром предвидения и инстинктивна, cantadoras называют ее мудрой или знающей природой. Иногда говорят о «женщине, живущей на краю времени» или «на краю света». Эта criatura – и сотворившая мир ведьма, и богиня смерти, и дева, спустившаяся в преисподнюю; но она может явиться и во множестве других обликов. Она и друг, и мать для всех заблудших, нуждающихся в обучении, мучающихся загадками, уходящих в леса и пустыни ради поисков и скитаний.

В действительности Первозданная Женщина так безгранична, что в психоидном бессознательном – на том уровне, откуда она исходит, – остается безымянной. Однако порождая все важнейшие оттенки женственности, здесь, на Земле Первозданная Женщина награждается множеством имен, и это делается не только для того, чтобы охватить миллиарды аспектов ее природы, но и для того, чтобы удержать ее сущность. Ведь в самом начале наших попыток возродить связь с нею она может в один миг обернуться дымкой, и поэтому, присваивая ей имена, мы создаем внутри себя необходимое пространство мыслей и чувств. Тогда, появившись, она сможет задержаться – если мы ее оценим.

Поэтому по-испански я называю ее Rio Abajo Rio – «река под рекой», La Mujer Grande – «Великая Женщина», Luz del abismo – «свет из бездны». В Мексике она – La Loba (женщина-волчица) и La Huesera (костяная женщина). По-венгерски ее называют O Erdoben [5] («Та, что в лесах») и Roszomak (Росомаха). У индейцев навахо она носит имя Na'ashje'ii Asdzaa, Женщина-паук, сплетающая судьбы людей и животных, растений и камней. В Гватемале помимо прочих имен используются Humana del Niebla, «Существо из Тумана», Женщина, живущая вечно. Японцы называют ее Аматэрасу Омиками, «Таинственные Высшие Силы», порождающие всякий свет и всякое сознание. В Тибете говорят о Дакини, танцующей силе, ясно различимой во всех женщинах. Имена неисчислимы. Она бесконечна.

Постижение природы этой Первозданной Женщины – не религия, а практика. Это психология, изучение души в самом подлинном смысле слова: psyche – «душа»; logia, или logos, – «постижение». Без этого знания женщина лишена ушей, которые позволяют вслушиваться в шепот собственного сердца, замечать звоны своих внутренних ритмов. Без него глаза женщины словно прикрыты чьей-то призрачной рукой, и большая часть ее жизни проходит в полупарализующей скуке или прихотливых грезах. Без него женская душа утрачивает прочную опору. Без него женщина забывает, зачем она здесь, цепляется, когда лучше отпустить; берет слишком много, слишком мало или вовсе ничего. Без него она молчит, когда душа пылает. Дикая Женщина жизненно необходима женской душе, она – ее сердце, подобное настоящему сердцу, жизненно необходимому для физического тела.

Утрачивая связь с этой инстинктивной душой, мы живем только наполовину, и образы

---

[4] Id (лат.) в терминологии Фрейда. – Прим. ред.

[5] По техническим причинам (компьютерный набор) диакритические знаки в данном издании отсутствуют. Приносим извинения читателю. – Прим. ред.

и силы, естественные для женщины, не получают полного развития. Отрезанная от своего главного источника, женщина приобретает стерильную благопристойность, но утрачивает свои инстинкты и природные жизненные циклы, попадает под власть общества, интеллекта и эго – собственных или чужих.

Первозданная Женщина – здоровье всех женщин. Без нее женская психология лишается смысла. Эта дикарка – прототип женственности; она не зависит ни от культуры, ни от эпохи, ни от общественного устройства. Меняются ее циклы, ее символы и олицетворения, неизменна лишь сущность: Она. Она – то, что она есть. Она сохраняет свою целостность.

Она – энергия, которая протекает через женщин. Если их притесняют, она устремляется вверх. Если женщины свободны, она тоже свободна. К счастью, сколько бы ее ни подавляли – она снова вырывается на волю, сколько бы ни запрещали, угнетали, пресекали, ослабляли, мучили, обзывали ненадежной, опасной, безумной, каким бы еще унижениям ни подвергали, – она всегда пробивается на поверхность; даже самая кроткая, самая сдержанная женщина таит в себе сокровенный уголок для Первозданной Женщины. И у самой угнетенной женщины есть своя тайная жизнь, и ей присущи тайные мысли и тайные чувства, дикие и буйные – то есть естественные. Даже самая порабощенная и загнанная в угол женщина оберегает обитель своей дикой самости, ибо интуитивно знает, что однажды возникнет лазейка, отверстие, шанс – и она бросится наутек.

Я уверена в том, что все люди, женщины и мужчины, рождаются одаренными. Однако поистине мало было сказано о психологической жизни одаренных, талантливых, творческих женщин – и, напротив, очень много написано о слабостях и уязвимых местах человека в целом и женщин в частности. Что касается архетипа Первозданной Женщины, то для того, чтобы постичь его, оценить по достоинству и воспользоваться его дарами, нам следует внимательнее всего отнестись к тем мыслям, чувствам и свершениям, которые придают женщинам силы, а также правильно учесть ослабляющие женщину внутренние и культурные факторы.

В целом можно сказать, что когда мы постигнем первозданность как независимое бытие, как то, что одушевляет и пронизывает глубочайшую жизнь женщины, перед нами откроются пути, которые прежде невозможно было вообразить. Психология, не способная обратиться к этой врожденной духовной сущности в самой сердцевине женской души, не оправдывает надежд женщин, ни их дочерей, ни дочерей их дочерей, ни всех прочих потомков по женской линии.

Итак, чтобы найти подходящее лекарство для искалеченных участков первозданной души и установить отношения с Первозданной Женщиной, необходимо точно назвать подобные душевные расстройства. Моя клиническая профессия располагает прекрасными, опирающимися на статистику диагностическими пособиями и огромным количеством дифференцированных диагнозов; она использует также психоаналитические параметры, определяющие психопатию по организации (или ее отсутствию) объективной психики, а также по оси «Эго-Самость» [2], однако существуют и иные определяющие формы поведения и ощущений, чрезвычайно убедительно, с точки зрения женщин, описывающие сущность вопроса.

Как выглядят окрашенные ощущениями симптомы нарушенных взаимоотношений с этой первозданной силой души? Ниже описаны те признаки мышления, чувств и действий, которые указывают на серьезные нарушения или полную потерю связи с глубинной, инстинктивной душой. Если пользоваться сугубо женским языком, то это звучит так: я ощущаю себя чрезвычайно истощенной, утомленной, неустойчивой, подавленной, растерянной, заезженной, загнанной, бесчувственной. Я ощущаю себя испуганной, хрупкой, слабой; виноватой, вечно сердитой или раздраженной; бездушной, никчемной, увязшей, зажатой, помешанной; не чувствую ни вдохновения, ни воодушевления, ни смысла.

Ощущаю себя бессильной, постоянно сомневающейся, колеблющейся, зашедшей в тупик, неспособной пробиться; чувствую, что отдаю все свои творческие силы другим,

выбираю таких мужчин, работу или друзей, которые высасывают из меня все соки; страдаю от разрушения собственных жизненных циклов. Ощущаю, что слишком закрыта, инертна, неуверенна, нерешительна, неспособна управлять собой или ставить пределы.

Не умею держать собственный темп, страдаю от застенчивости, отдаляюсь от своего Бога (или Богов), не нахожу пути к собственному возрождению, глубоко погрязла в быту, в интеллектуальных дебрях, работе или инерции, – поскольку это самые безопасные места для того, кто утратил инстинкты.

Боюсь рискнуть быть собой или раскрыть себя, боюсь искать наставника, мать, отца, боюсь обнародовать свое несовершенное произведение, пока оно не стало шедевром, боюсь отправиться в путь, боюсь любить другого или других, боюсь, что кто-то свалится мне на голову или исчезнет неизвестно куда; трепещу перед власть имущими, испытываю упадок сил перед началом творческого проекта, унижение, тоску, оцепенение, тревогу.

Боюсь дать сдачи, когда не остается другого выхода, боюсь испытать новое, боюсь встать в полный рост, боюсь высказаться, выступить против; испытываю боль в животе, тошноту, изжогу, резь под ложечкой, удушье, склонна слишком легко сдаваться или уступать, мстительна.

Боюсь остановки, боюсь действия, привыкла неоднократно считать до трех и так и не начинать; страдаю самомнением, раздвоением чувств – и в то же время имею все способности и возможности для того, чтобы действовать.

Все эти недостатки не являются болезнью какой-то одной эпохи или столетия – они превратились в эпидемию, которая поражает женщин в любое время и в любом месте, где их притесняют, где их дикая природа оказалась в западне.

Здоровая женщина во многом похожа на волчицу: она крепка, бодра, полна жизни и энергии, знает свою территорию, изобретательна, верна, подвижна. А разобщение со своей дикой природой ведет к тому, что личность женщины обедняется, становится слабой, вялой, призрачной. Мы не для того приходим в этот мир, чтобы прожить свой век тщедушными созданиями с жалкой прической, неспособными к прыжку и погоне, к деторождению, к сотворению жизни. Если жизнь женщины пришла в упадок или прокисла от скуки, значит, Дикой Женщине настала пора появиться, творческой силе души – переполнить русло.

Какое влияние оказывает на нас Первозданная Женщина? Когда она становится союзницей, лидером, образцом, учителем, мы начинаем видеть не парой глаз, а многоокой интуицией. Усиливая интуицию, мы становимся похожи на звездную ночь и взираем на мир тысячью глаз.

Первозданная Женщина приносит нам целый мешок с лекарствами, Она держит при себе все, что может понадобиться женщине, все, что женщина должна знать. У Нее есть снадобья от любых болезней. Она наполнена историями и сновидениями, словами и песнями, знаками и символами. Она – одновременно и средство передвижения, и место назначения.

Воссоединиться с инстинктивной природой не означает полностью переделать себя, заменить левое на правое, черное на белое, переместить запад на восток, сделаться безумной или необузданной. Это не означает, что женщина полностью отбрасывает свою принадлежность социуму или становится менее человечной. Нет, совсем наоборот: первозданная природа вносит в жизнь женщины подлинную целостность.

Что это такое? Это умение определить свою территорию, найти свою стаю, пребывать в своем теле с полным пониманием его и с гордостью, независимо от его совершенств и ограничений; это способность действовать и высказываться от своего имени, сохранять бдительность и внимательность, прибегать к врожденным женским силам интуиции и чуткости, достичь гармонии своих циклов, найти то, что принадлежит женщине по праву, развиваться с достоинством и добиться максимальной осознанности.

Архетип Первозданной Женщины – и все, что с ним связано, – всегда был покровителем художников, писателей, скульпторов, танцоров, мыслителей, духовных деятелей, тех, кто ищет и находит, ибо все они посвящают себя творчеству, то есть главному занятию инстинктивных натур. В любых искусствах Она занимает место в сердце, а не в

голове. Она умеет выслеживать и преследовать, призывать и отталкивать. Она способна чувствовать, маскироваться и глубоко любить. Она интуитивна, символична и нормативна. Она необычайно важна для умственного и душевного здоровья женщины.

Кто же Она, Первозданная Женщина? С позиции архетипической психологии, [6] а также с точки зрения традиционных сказителей, она представляет собой женскую душу. И все же она – нечто большее: это источник женственности. Она – все то, что относится к инстинктам в видимом и невидимом мирах, она есть основа. Каждая из нас получает от нее некую сияющую клеточку, где содержатся все необходимые для существования инстинкты и знания.

"…Первозданная Женщина – сила Жизни – Смерти – Жизни. Это интуиция, ясновидящий, внимательный слушатель и преданный друг. Она способствует тому, чтобы человечество продолжало говорить на множестве языков и свободно владело языками сновидений, страсти и поэзии. Она перешептывается с нами в ночных снах, оставляет на грунте женской души грубую шерсть и путаные следы; это наполняет женщин страстным желанием найти ее, освободить ее, полюбить ее.

Она – это мысли, чувства, побуждения и воспоминания. Очень долгое время она оставалась утерянной, забытой. Она – источник, свет, ночь, тьма и рассвет. Она – запах ила и задних лап лисицы. Ей принадлежат птицы, рассказывающие нам разнообразные тайны. Она – тот голос, который произносит: «Сюда, иди сюда».

Именно она разражается громом от содеянной несправедливости. Она – та, кто вращается, словно огромное колесо. Она определяет цикличность. Она – та, ради поисков которой мы покидаем родной дом. Она там, где мы находим новую родину. Она – погруженный в глубину земли корень всех женщин. Она – то, что подталкивает нас вперед, когда мы считаем, что все уже сделано. Она – источник свежих мыслей и поступков. Она – тот разум, который мыслит внутри нас, тогда как мы – всего лишь мысли, возникающие в этом разуме.

Где ее искать? Где ощутить ее, где ее найти? Она скитается по пустыням, океанам, городам, пригородам и жилищам. Она живет среди цариц и среди нищенок, она прячется в роскошных кабинетах и заводских цехах, в тюрьмах и на уединенных горных вершинах. Она живет и в гетто, и в университетах, и на улицах. Она оставляет нам отпечатки своих следов, чтобы мы смогли примерить к ним наши ступни. И она оставляет такие следы повсюду, где есть хотя бы одна женщина, способная стать плодородной почвой.

Где живет Первозданная Женщина? На дне колодца, у истоков рек, в том эфире, который существовал прежде времени. Она живет в слезинке и в океане. Она обитает в звонком камбии растущих деревьев. Она относится и к будущему, и к началу времен. Она живет в прошлом и приходит оттуда на наш зов. Она живет в настоящем, сидит на одном из стульев за нашим столом, стоит за нами в очереди, едет впереди нас по дороге. Она в будущем, и потому движется во времени вспять, чтобы найти нас в нашем «сейчас».

Она живет в зеленом побеге, пробивающемся сквозь снег, в шелесте стеблей умирающей осенью кукурузы; она там, куда за поцелуем являются умершие и куда направляют свои молитвы живые. Она живет в стихах, барабанных ритмах и пении. Она – ив четвертной ноте, и в мелизме, и в кантате, и в сестине [7], и в блюзах. Она – миг перед тем, когда на нас нисходит вдохновение. Она живет в далеком краю, врывающемся в наш мир.

Кто-то может потребовать подтверждений, доказательств ее существования. В сущности, вы требуете доказательств существования души. Поскольку мы сами – душа, то мы и есть подтверждение. Любой и каждый из нас – подтверждение не только

---

[6] Впервые этот термин был употреблен Дж. Хиллманом.

[7] Итальянская литературная форма – стихотворение из шести строф, каждая из которых состоит из шести строк.

существования Дикой Женщины, но и ее состояния в коллективном бытии. Мы – доказательство этого непостижимого женского божества. Наше и ее существование – параллельны.

Доказательство и в том, что мы ощущаем ее, внутри и снаружи. Подтверждение – тысячи и миллионы встреч, когда мы видим ее в глубинах души: в ночных снах и дневных раздумьях, в мечтах и проблесках вдохновения. Свидетельство того, что она бывает здесь, – то, что в ее отсутствие мы ощущаем себя покинутыми, скучаем и тоскуем, когда ее нет с нами" [3].

Моя докторская диссертация была посвящена этно-клинической психологии, то есть исследованию и клинической психологии, и этнологии причем в последнем делается упор на изучении психологии групп, в частности, племен. После защиты докторской я написала работу по аналитической психологии и стала, таким образом, дипломированным специалистом в области юнгианского психоанализа. Мой жизненный опыт cantadora-mesemondo, поэтессы и художницы, также дает богатую пищу для аналитической работы.

Иногда меня просят рассказать, что я делаю в своем кабинете и как я оттуда могу помочь женщинам вернуться к их дикой природе. Основной упор я делаю на клиническую и возрастную психологию, а для лечения использую самые простые и доступные средства – сказки. Мы исследуем материал, содержащийся в сновидениях пациента, и в этом материале находим множество сюжетов и сказочных историй. Физические ощущения и телесная память пациента – это тоже сказки, которые можно читать и переводить на язык сознания.

Кроме того, я обучаю пациентов некоей разновидности мощной интерактивной практики, близкой юнгианскому методу активного воображения; она тоже порождает сказки, которые в дальнейшем помогают прояснить душевные странствия моих клиенток. Мы вызываем дикую Самость, используя специальные вопросы, исследуя сказки, легенды и мифы. В большинстве случаев нам удается со временем отыскать направляющий миф или сказку, где содержатся все наставления, необходимые женщине в настоящее время для развития ее психики. Такие мифы и сказки включают в себя драму женской души. Это похоже на пьесу со сценическими ремарками, описаниями характеров и театральным реквизитом.

Важная часть моей работы – «рукоделие». Я стараюсь передать своим пациенткам знание, обучая их старинным ручным ремеслам, в том числе и символическому искусству изготовления талисманов, las ofrendas и retablos. Это может быть все что угодно, от простых палочек, оплетенных тесьмой, до сложной скульптуры. Искусство – важная вещь: оно знаменует времена года души либо какое-то памятное или трагическое событие в ее странствии. Искусство предназначено не только для себя, оно не только знак, отмечающий собственное понимание. Это еще и карта для тех, кто идет за нами.

Наверное, вы представляете, насколько индивидуальна работа с каждым человеком – ведь недаром говорят, что все люди разные. Но в моей работе с людьми есть постоянные факторы, которые составляют основу любой работы – и моей, и вашей. Это искусство задавать вопросы, искусство сказок, искусство рукоделия – в процессе всего этого что-то создается, и это что-то – душа. И всякий раз, когда мы питаем душу, она обязательно подрастает.

Надеюсь, вы убедитесь, что это вполне доступные способы размягчить давние шрамы, исцелить старые язвы, обрести новое видение и тем самым восстановить прежние навыки, позволяющие видеть душу без специальных ухищрений.

Сказки, которые я привожу здесь, чтобы проиллюстрировать инстинктивную природу женщины, – это иногда подлинные истории, а иногда явные литературные переложения, которые я сделала сама, используя те странные рассказы, которые поверили мне мои tias y ties, abuelitas y abuelos, [8] otnahs y opahs – старейшие члены моих семей, носители устных

---

[8] Тетушки и дядюшки, бабушки и дедушки (исп.).

преданий, непрерывная нить которых уходит в глубины прошлого, едва доступные нашей памяти. Есть здесь и несколько документов, которые я сама записала, встречаясь с людьми, – некоторые из них очень давние; и все они несут в себе голос сердца. Они приведены здесь во всех бесхитростных подробностях и первозданной целостности. Я выношу их на ваш суд с разрешения и благословения трех поныне здравствующих поколений наследственных шаманов-сказочников, которые знают искусство использования всех тонкостей для того, чтобы сказка стала средством исцеления [4].

Кроме того, я привожу здесь некоторые вопросы, которые задаю своим пациенткам и другим людям, помогая им вспомнить себя. А еще я немного объясняю вам секреты ремесла – изысканной и прихотливой игры, позволяющей женщинам сохранять в сознательной памяти божественную сущность своего творчества. Все это помогает восстановить единство с драгоценной дикой Самостью.

Сказки – это лекарство. Они владеют мною с тех пор, как я услышала свою первую сказку. Они обладают целительной силой, не заставляя нас делать, быть, действовать – достаточно просто слушать их. В сказках содержатся средства, позволяющие исправить или возродить любую утраченную душевную пружину. Сказки рождают волнение, печаль, вопросы, стремления и понимание, которые спонтанно поднимают на поверхность нужный архетип, в нашем случае – архетип Дикой Женщины.

В сказках есть наставления, помогающие нам пробиваться через жизненные тернии. Сказки убеждают нас в том, что таящийся в глубине архетип необходимо вытащить на свет, и дают способ, как это сделать. Приведенные на последующих страницах сказки – это лишь единицы из сотен тех, с которыми я десятилетиями работала и над которыми десятилетиями размышляла, – я убеждена, что они яснее других выражают все богатство архетипа Дикой Женщины.

Иногда разные культурные наслоения изменяют костяк сказки. Например, относительно братьев Гримм (типичный пример собирателей сказок, работавших в последние столетия) возникает сильное подозрение, что источники (сказители) того времени порой «подчищали» свои сказки в угоду набожным собратьям. С течением времени на старые языческие символы наложились христианские, так что древняя сказочная ведунья превратилась в злую ведьму, дух – в ангела, использовавшийся при посвящении покров или сорочка – в носовой платок, а дитя по имени Красавица (обычное имя для девочки, родившейся в праздник солнцестояния) оказалось переименованным в Schmerzenreich – Печальница. Детали сексуального характера опускались. Приходившие на помощь существа и животные обычно превращались в демонов и страшилищ.

Именно так были утрачены многие назидательные сказки, призванные рассказывать женщинам о половой жизни, о любви, деньгах, замужестве, деторождении, смерти и преображении. Именно так ушли в тень волшебные истории и мифы, в которых объяснялись древние женские таинства. Из большинства издаваемых ныне старых собраний волшебных сказок и мифов полностью выкорчеваны всякая скатология, [9] все сексуальное, порочное (даже там, где сказка учит избегать этого), все дохристианское, женское, женские Божества, инициации, лекарства от различных душевных недугов и наставления по экстатическим духовным практикам.

Но они не утрачены навсегда. В детстве мне было поведано множество неприукрашенных и неиспорченных старых сказок; не одну из них я перенесла в эту книгу. Но даже обрывки сказок в том виде, в каком они существуют сегодня, могут дать представление о подлинном сюжете. Я размышляю об этом, занимаясь работой, которую в шутку называю патологоанатомией и палеомифологией сказки, хотя на самом деле

---

[9] Все, что имеет отношение к экскрементам, грязное.

реконструкция – это процесс долгий, сложный и требующий терпеливого созерцания. По необходимости я использую различные приемы интерпретации текста, сравнение лейтмотивов, учитываю исторические и антропологические данные, новые и старые образы. Этот метод – в частности, реконструкция на основе исконных древних приемов композиции, которую я освоила за годы изучения аналитической и архетипической психологии, – позволяет сохранять и изучать все мотивы и сюжеты сказок, легенд и мифов, чтобы постичь инстинктивную жизнь людей. Я черпаю сведения в картинах, которые таятся в мирах воображения, в коллективных образах бессознательного и в тех, которые удается обнаружить благодаря сновидениям и необычным состояниям сознания. Последние штрихи можно нанести, сравнивая матрицы сказок с археологическими находками в местах древних культур, например с глиняными ритуальными масками и фигурками. Одним словом, как говорится в сказках, я провожу много времени, разгребая носом золу.

Модели архетипа я изучаю лет двадцать пять, а мифы, сказки и фольклор национальных культур – вдвое дольше. Я очень многое узнала о структуре сказок и понимаю, где и когда в сказке недостает тех или иных «костей» этой структуры. Шли века, один народ побеждал другой, религии сменяли друг друга – иногда мирно, а иногда насильственно – и все это наслаивалось на первоначальное ядро старых сказок или изменяло его.

Но есть и добрые вести. Несмотря на всю структурную неразбериху в версиях сказок, существует прочная основа, которая ярко просвечивает и поныне. По форме и очертаниям фрагментов и обрывков можно довольно точно определить, что в сказке оказалось утраченным, и эти недостающие части можно точно восстановить – иногда попутно обнаруживаются поразительные глубинные структуры, обладающие свойством исцелять женскую печаль – следствие того, что так много женских таинств было уничтожено. Впрочем, это не совсем так. Они не уничтожены. Все, что нужно, и нужно нам всем, по-прежнему подает нам тихий голос из сюжетной структуры сказки – из ее «костяка».

Собирание сказок – это постоянные палеонтологические изыскания. Чем больше костей, тем больше вероятность, что удастся восстановить всю структуру. Чем полнее сказка, тем более тонкие изгибы и повороты души предстают перед нами, тем богаче становится возможность постичь и пробудить плоды труда своей души. Когда душа трудится, то Она, Дикая Женщина, творит и умножает себя.

Мне посчастливилось провести детство в окружении выходцев из различных старых европейских культур и Мексики. Многие члены моей семьи, мои соседи и друзья переселились из Венгрии, Германии, Румынии, Болгарии, Югославии, Польши, Чехословакии, Сербии, Хорватии, России, Литвы, а также из Халиско и Мичоакана, из Хуареса и других старых поселений, расположенных у границы Мексики со штатами Техас и Аризона. Эти люди и многие другие – американские индейцы, жители Аппалачских гор, иммигранты из Азии и американские семьи африканского происхождения, приехавшие с юга, – приходили собирать урожай, работать на фермах, в кочегарках, на сталелитейных заводах, в пивоварнях, помогать по дому. У большинства из них не было традиционного образования, однако они отличались удивительной мудростью. Они были носителями драгоценной и почти чистой устной традиции.

Многие родственники и окружавшие меня соседи прошли трудовые лагеря, лагеря для перемещенных лиц, лагеря для депортированных, концентрационные лагеря, где встречавшиеся среди них сказители пережили кошмарные варианты сказок Шехерезады. Многие потеряли родовые земли, жили в тюрьмах для иммигрантов, были принудительно репатриированы. От этих простых людей я впервые услышала сказки, которые рассказывают в ситуациях, когда жизнь в любой миг может смениться смертью, а смерть – жизнью. Послание, которое я от них получила, было настолько полно страданий и надежд, что, когда я стала достаточно взрослой и научилась читать книги, то по сравнению с услышанными напечатанные в них сказки показались мне плоскими, словно кто-то их накрахмалил и выгладил.

В молодости я перебралась на запад, к Континентальному разделу. Я жила в атмосфере взаимной любви среди евреев, ирландцев, греков, итальянцев, выходцев из Африки и Азии; все они стали для меня добрыми духами и друзьями. Мне посчастливилось узнать людей из некоторых редких и старых латиноамериканских поселений, расположенных на Юго-Западе США, таких, как Трампас, Тручас, Нью-Мехико. Мне выпала удача общаться с друзьями и родственниками из числа американских индейцев, от инуитов [10] на севере, через народности равнин и пуэбло [11] на западе, до науа, лакандонов, техуэльче, уичолей, сери, майя-киче, майя-какчикелей, мискито, кунов, наска-кечуа и хиваро в Центральной и Южной Америке.

Я обменивалась сказками с братьями и сестрами-целительницами за кухонным столом и под виноградными лозами, в курятниках и коровниках, когда лепила тортильи, [12] выслеживала лесную живность и вышивала миллионный по счету крестик. Мне выпала удача делиться последней миской чили, [13] петь вместе с негритянками такие духовные песнопения, которыми, казалось, можно мертвых воскресить, спать под звездами в домах без крыш. Я присаживалась к огню или к столу или к тому и другому в итальянских и польских кварталах, в горных деревушках, в Лос-Барриос и в других этнических поселениях Среднего и Дальнего Запада, а не так давно обменивалась сказками про спаратову злых духов, с друзьями-гриотами [14] на Багамах.

Мне вдвойне везло: куда бы я ни пришла, дети, матери семейств, мужчины в расцвете лет, старики и старухи – все художники души – появлялись из лесов, джунглей, лугов, песчаных холмов, чтобы попотчевать меня баснями и выдумками. И я тоже в долгу не оставалась.

К сказкам можно подходить очень по-разному. Профессиональный фольклорист, специалист в области юнгианского, фрейдовского или другого психоанализа, этнолог, антрополог, теолог, археолог – каждый из них имеет свой особый метод как сбора сказок, так и их использования. С интеллектуальной точки зрения, моя работа со сказками развивалась через изучение аналитической и архетипической психологии. Обучаясь на психоаналитика, я более пяти лет изучала развитие лейтмотивов, символику и мифологию народов мира, древнюю и популярную иконологию, [15] этнологию, религии народов мира и искусство истолкования.

Но интуитивно я подходила к сказкам как cantadora, хранительница старых историй. Я происхожу из двух древних родов сказительниц: с одной стороны – mesemondok, венгерские старухи, которые с одинаковой легкостью могут вести повествование хоть сидя на деревянном стуле, положив на колени пластиковую сумочку, расставив ноги и свесив юбку до земли, хоть сворачивая шею курице; с другой стороны – cuentistas, латиноамериканские широкобедрые старухи с тяжелой грудью, стоя рассказывающие свои сказки навзрыд в стиле ranchera. Оба рода рассказывают сказки просто, голосами женщин, в жизни которых были

---

[10] Самоназвание эскимосов.

[11] Индейские поселения, многокомнатные дома-крепости.

[12] Мексиканские кукурузные лепешки.

[13] Мексиканское блюдо из мяса, тушенного с фасолью и красным перцем чили.

[14] Профессиональные сказители, музыканты-певцы Западной Африки.

[15] Направление в искусствознании XX века, исследующее сюжеты и изобразительные мотивы в художественном произведении для определения его историко-культурного смысла и выраженного в нем мировоззрения.

кровь и дети, хлеб и кости. Для нас сказка – лекарство, укрепляющее и исправляющее человека и общину.

Те, кто взяли на себя ответственность за это ремесло и преданы стоящим за ним божествам, являются прямыми потомками обширного и древнего сообщества святых, трубадуров, бардов, гриотов, кантадор, канторов, странствующих поэтов, бродяг, ведьм и безумцев.

Однажды мне приснилось, что я рассказываю сказки и чувствую: кто-то ободряюще похлопывает меня по ступне. Я смотрю вниз и вижу, что стою на плечах старой женщины, а она придерживает меня за лодыжки и улыбается, глядя на меня снизу.

Я говорю ей:

– Нет-нет, это вы должны стоять у меня на плечах: ведь вы старая, а я молодая.

– Нет-нет, – возражает она, – все как раз так, как положено.

И тут я вижу, что она стоит на плечах женщины, которая гораздо старше ее, а та – на плечах еще более старой женщины, а та – на плечах женщины в пышном одеянии, а та – на плечах еще одной души, а та – на плечах…

И я поверила той старой женщине: так положено. Моя способность рассказывать сказки питается мощью и талантом моих предшественниц. По моему опыту, самый яркий момент рассказа берет свою силу именно в этой уходящей в бесконечность колонне людей, чья связь перекрывает пространство и время, людей, которые, сообразно своему времени, живописно одеты в лохмотья, в пышные одеяния или наготу и до краев наполнены жизнью, и эта жизнь все продолжается! Если и существует единый источник сказки, Божество сказки, то им является эта длинная череда людей.

Сказка гораздо старше, чем искусство и наука психологии, и всегда будет оставаться старшим членом уравнения, сколько бы времени ни прошло. Один из древнейших способов рассказывать сказки, который меня чрезвычайно занимает, – пламенное состояние транса, когда рассказчица, «почувствовав» публику, будь это один человек или целая толпа, входит в состояние «мира между мирами», и тогда сказка «притягивается» к сказительнице и рассказывается через нее.

Сказительница в таком состоянии призывает El duende [5], ветер, который швыряет душу в лица слушателей. Используя медитативную практику сказки, она учится поддерживать двойную психологическую связь, то есть овладевает навыком закрывать некоторые психические врата и выходы эго, чтобы дать слово голосу – тому голосу, который старше, чем камни. И тогда сказка может сделать любой поворот, может встать с ног на голову, может наполниться кашей и стать обедом для бедняка, зазвенеть золотом для любителей наживы, перенести слушателей в другой мир. Сказительница никогда не знает, чем все закончится; и это лишь половина целебной магии сказки.

Эта книга повествует о повадках архетипа Дикой Женщины. Попытаться свести ее к схеме, заключить ее душевную жизнь в таблицы – значило бы войти в противоречие с ее духом. Познавать ее – процесс; этот процесс развивается, длится всю жизнь, вот почему эта книга также развивается и длится всю мою жизнь.

В ней собраны сказки, которые можно принимать как витамины для души; здесь есть наблюдения, обрывки карты, комочки сосновой смолы – нам необходимо прикреплять к деревьям перья, которые укажут путь; есть и примятый кустарник, который приведет нас обратно в el mundo subterraneo – в подземный мир, дом нашей души.

Сказки приводят в движение внутреннюю жизнь, и это особенно важно, когда внутренняя жизнь запугана, стеснена или загнана в угол. Сказка смазывает петли и засовы, вызывает прилив адреналина, указывает выход – наружу, вверх, вниз или к нашей беде, прорезает прекрасные широкие двери в казалось бы ранее глухой стене, открывает пути в царство грез, к любви и знанию, назад к нашей подлинной жизни – жизни мудрой дикарки.

Сказки вроде «Синей Бороды» помогают нам догадаться, что делать с женскими ранами, которые не перестают кровоточить. Сказки вроде «Костяной женщины» раскрывают мистическую власть любовного союза, показывают, как омертвевшее чувство может снова

возродиться к жизни и глубокой любви. В образе Бабы Яги, дряхлой дикой ведьмы, можно обнаружить дары Старой Матушки Смерти. В сказке «Василиса Премудрая» [6] куколка, указывающая путь, когда кажется, что уже все потеряно, извлекает на поверхность одно из утраченных женских инстинктивных умений. Такие сказки, как «La Loba», костяная женщина в пустыне, учат преображающей работе души. Сказка «Безрукая девица» восстанавливает утраченные стадии старых ритуалов посвящения, пришедших из древних времен, а значит, дает вневременное, постоянное руководство на весь срок жизни женщины.

Именно соседство с дикой природой заставляет нас не ограничивать свое общение людьми, не ограничивать свои самые прекрасные движения танцевальной площадкой, уши – только музыкой, издаваемой рукотворными инструментами, глаза – только «выученной» красотой, тело – привычными ощущениями, а ум – тем, с чем все мы заведомо согласны. Все эти сказки несут в себе острие интуиции, пламя страстной жизни, стремление говорить то, что знаешь, смелость не отводя взгляда выносить то, что видишь, аромат дикой души.

Это книга женских сказок, образующих вехи на пути. Они для вас – читайте их, размышляйте над ними, и они помогут вам найти дорогу к естественно добытой свободе, любви к себе, к животным, к земле, к детям, к сестрам, к возлюбленным и мужчинам. Скажу вам сразу: двери в мир Дикой Самости немногочисленны, но драгоценны. Если у вас есть глубокий шрам – это дверь, если есть старая-престарая сказка – это дверь. Если вы любите небо и воду очень сильно, почти нестерпимо – это дверь. Если вы тоскуете по лучшей жизни, полной жизни, здоровой жизни – это дверь.

Собранные в этой книге материалы призваны вселить в вас отвагу. Эта работа должна стать крепостью для тех, кто на пути, в том числе для тех, кто возделывает трудную ниву души, и для тех, кто работает в миру и для мира. Мы должны стараться дать душе возможность расти в естественном направлении, достигать своих естественных глубин. Дикая натура не требует, чтобы у женщины был какой-то определенный цвет кожи, определенное образование, определенный образ жизни или материальный уровень, но она не может цвести в атмосфере вынужденной политической благопристойности или когда ее втискивают в старые, утратившие силу парадигмы. Она расцветает в условиях свежего видения и душевной чистоты. Она расцветает в своей собственной природе.

Поэтому, кем бы вы ни были: интровертом или экстравертом, женщиной, любящей женщин, мужчин, Бога или всех сразу, обладательницей безыскусной души или амбиций амазонки, женщиной, которая старается достичь высот или просто дожить до завтра, женщиной, искрящейся весельем, или угрюмой, царственной или забитой, – Первозданная Женщина принадлежит вам. Она принадлежит всем женщинам.

Чтобы ее найти, необходимо вернуться к инстинктивной жизни, к глубочайшему женскому знанию [7]. Поэтому давайте приложим все усилия и припомним свое прошлое, вплоть до дикой души. Давайте песней вернем на свои кости ее плоть. Сбросим все чужие одежды, которые на нас напялили. Облачимся в свой истинный наряд – мощный инстинкт и знание. Заселим края души, давно принадлежавшие нам. Снимем повязки, приготовим лекарство. Дикие женщины, давайте вернемся прямо сейчас – крича, смеясь, воспевая Ту, Которая так нас любит.

Для нас проблема очень проста. Без нас умрет Дикая Женщина. Без Дикой Женщины умрем мы. Para Vida, ради Истинной Жизни должны жить и мы, и Она.

Глава 1
ВОЙ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ДИКОЙ ЖЕНЩИНЫ

La Loba, женщина-волчица

Должна вам признаться, что я не принадлежу к тем святым, которые удаляются в пустыню и возвращаются исполненные мудрости. Я бывала у многих очагов и разбрасывала

приманку для ангелов вокруг каждой постели. Но чаще всего вместо мудрости я обнаруживала неприятные симптомы лямблиоза, E.coli [1], и амебной дизентерии. Увы! Такова судьба мистиков средней руки со слабой пищеварительной системой.

Я научилась скрывать любую мудрость, любой принцип, добытые в путешествиях, ибо и теперь порой старый папаша Академ, [16] подобно Кроносу, не прочь сожрать детей, прежде чем они смогут начать исцелять или удивлять. Чрезмерное умствование может заслонить образы инстинктивной женской природы.

Чтобы углубить родственные отношения с этой инстинктивной природой, очень полезно понимать сказки так, будто это мы внутри них, а не они вне нас. Мы входим в сказку через дверь внутреннего слуха. Когда рассказывают сказку, звучание ее слов затрагивает слуховой нерв, который пересекает основание черепа и входит в ствол головного мозга пониже варолиева моста. Оттуда слуховые импульсы передаются наверх, в сознание, или, как утверждают некоторые, в душу – в зависимости от отношения, с которым вы слушаете.

Древние анатомы говорили, что глубоко в мозгу слуховой нерв разделяется на три или большее количество ветвей. Поэтому они предполагали, что ухо предназначено, чтобы слушать на трех разных уровнях. Одна ветвь существует, чтобы слышать заурядные мирские разговоры. Вторая ветвь воспринимает науку и искусство. А третья создана для того, чтобы сама душа, пребывая здесь, на Земле, могла слышать наставления и приобретать знание.

Так внимайте же слухом души, ибо для этого и предназначена сказка.

Первозданная Женщина возвращается – по косточке, по волоску. Она возвращается в снах, в наполовину понятых и полузабытых событиях. Она возвращается в сказках.

Я начала свои скитания по Соединенным Штатам в шестидесятых, стремясь обосноваться там, где растут густые деревья, где разлит аромат воды и обитают любимые мною существа: медведи, лисы, змеи, орлы, волки. В районе Великих озер волков систематически уничтожали. Куда бы я ни пришла, повсюду так или иначе шло истребление волков. Хотя многие говорили, что волки опасны, я всегда чувствовала себя спокойно, если в лесу водились волки. В те времена на Западе и на Севере можно было, заночевав под открытым небом, слушать, как горы и леса поют, поют, поют всю ночь.

Но даже там век винтовок с оптическим прицелом, джипов с прожекторами и сдобренных мышьяком угощений привел к тому, что над землей воцарился век безмолвия. Вскоре и в Скалистых горах почти не осталось волков. Вот почему я оказалась в большой пустыне, которая лежит наполовину в Мексике, наполовину в Соединенных Штатах. И чем дальше на юг я забиралась, тем чаще слышала сказки о волках.

Говорят, что есть место в пустыне, где дух женщин и дух волков встречаются по ту сторону времени. Я почувствовала, что напала на след, когда в приграничной части Техаса услышала сказку «Девушка-Loba» – про женщину, которая была волчицей, которая была женщиной. Дальше мне встретилась древняя ацтекская сказка об осиротевших близнецах, которых волчица кормила, пока они не выросли и не стали питаться самостоятельно [2].

И наконец, от старых испанских фермеров и обитателей пуэбло юго-западной части страны я услышала скупые сведения о костяных людях – стариках, которые оживляют мертвецов. Говорили, что они могут возвращать к жизни и людей, и животных. Затем в одной из моих собственных этнографических экспедиций я встретила костяную женщину и с той поры уже никогда не была такой, как прежде. Позвольте мне представить вам подлинный рассказ и вступление к нему.

LA LOBA

Есть старая женщина, обитающая в тайном месте, которое каждая из нас знает в своей душе, но мало кто видел воочию. Как и старухи из сказок Восточной Европы, она

---

[16] В греческой мифологии афинский герой, указавший Диоскурам, где была укрыта их похищенная Тезеем сестра.

дожидается, когда к ней придет сбившийся с пути скиталец или искатель.

Она осторожна, часто волосата, всегда толста и, как правило, старается уклониться от общения. Она каркает и кудахчет – обычно издает звуки, больше похожие на звериные, чем на человеческие.

Я могла бы сказать, что она живет среди выветренных гранитных склонов индейской территории Тараумара. Или что она похоронена у колодца на окраине Феникса. Возможно, вы увидите, как она направляется в дряхлом драндулете с простреленным задним стеклом на юг, по направлению к Монте-Альбан [3]. А может, кто-то заметит, как она стоит у шоссе близ Эль-Пасо или едет в кабине грузовика в Морелию, что в Мексике, или в Оахаке идет на рынок, таща на спине странную на вид вязанку хвороста. Она называет себя многими именами: La Huesera, Костяная Женщина; La Trapera, Собирательница; La Loba, Волчица.

Единственная работа La Loba – собирать кости. Она собирает и хранит главным образом то, чему угрожает опасность стать потерянным для мира. Ее пещера набита костями всевозможных пустынных тварей: оленей, гремучих змей, ворон. Но специализируется она на волках.

Она лазает, ползает, шныряет по montagnas, горам, и arroyos, сухим руслам рек, в поисках волчьих костей, а когда соберет весь скелет, когда последняя косточка встанет на место и перед ней ляжет прекрасная белая скульптура зверя, она садится у огня и думает о том, какую песню спеть.

А когда решит, встает над зверем, вздымает над ним руки и заводит песню. И тогда волчьи ребра и кости лап начинают обрастать плотью, и зверь покрывается шерстью. La Loba продолжает песню, и зверь все больше походит на живого; его хвост загибается вверх, сильный и мохнатый.

La Loba поет дальше, и волк начинает дышать.

А La Loba все поет, так, что гладь пустыни сотрясается, она поет – и волк открывает глаза, вскакивает и убегает вниз по каньону.

Он бежит себе где-то, и вот то ли стремительный бег, то ли плеск реки, которую он пересекает, то ли луч солнца или луны, упавший прямо на него, внезапно превращает волка в смеющуюся женщину, которая свободно бежит к горизонту.

Так что помните: если вы оказались в пустыне, когда солнце клонится к закату, сбились с пути и, конечно, устали, то вам повезло, потому что вы можете понравиться La Loba, и тогда она покажет вам кое-что, имеющее отношение к душе.

Все мы начинаемся с кучки костей, затерянных где-то в пустыне, с занесенного песком, развалившегося на части скелета. И наша задача – собрать эти части. Это кропотливый труд, которым лучше заниматься при хорошем освещении, поскольку он требует большого внимания. La Loba показывает, что именно нам нужно искать – неразрушимую жизненную силу, кости.

Можно считать работу La Loba демонстрацией uncuento milagro, волшебной сказки: она показывает, что будет благом для души. Это сказка о воскресении, о потусторонней связи с Дикой Женщиной. Она обещает: если мы споем песню, то сможем вызвать то, что осталось в психике от первозданной души и помочь ей снова обрести живой облик.

La Loba поет над костями, которые сама же собрала. Петь – значит использовать голос души. Это значит на одном дыхании высказать истину собственной силы и собственной нужды, вдохнуть душу в то, что болит или требует возрождения. Для этого необходимо углубляться в потаенный дух великой любви и чувства, пока вас не переполнит желание соединиться со своей дикой Самостью, а потом, укрепившись в этом состоянии, излить свою душу. Это и есть пение над костями. Мы не можем допустить ошибку, пытаясь получить это великое чувство любви от возлюбленного, ибо этот женский труд – найти, а потом спеть гимн творения – есть работа отшельницы, работа, выполняемая в пустыне души.

Поговорим теперь о самой La Loba. В символическом языке души символ Старухи – один из самых широко распространенных в мире олицетворений архетипа. Есть еще Великие Мать и Отец, Божественное Дитя, Плут, Чародей(ка), Девушка и Юноша, Воительница и

Дурак (Дурочка). И все же можно сказать, что образ, подобный La Loba, кардинально отличается от них по сути и смыслу, ибо она – символ корня, питающего всю систему инстинктов.

На юго-западе страны архетип старухи можно также истолковать как La Que Sabe – Та, Что Знает. Впервые я пришла к пониманию образа La Que Sabe, когда жила в горах Сангре-де-Кристо в штате Нью-Мексико, как раз под вершиной Лобо. Одна старая знахарка с ранчо сказала мне, что La Que Sabe знает про женщин все и что Она сотворила женщин из морщинки на подошве своей божественной ноги; вот почему женщины – существа знающие: ведь они сделаны из кожи ступни, которая все ощущает. В мысли, что кожа ступни очень чувствительна, присутствует истина, потому что одна вполне современная женщина из племени киче как-то сказала мне, что впервые надела обувь, когда ей было двадцать лет, и до сих пор не привыкла ходить con los ojos vendados, с путами на ногах.

Обитающая в природе первозданная сущность известна под многими именами и встречается у всех народов на протяжении веков. Вот несколько ее старых имен: Мать Дней – это Мать-Создательница-Богиня всех существ и свершений, в том числе Неба и Земли; Мать Нике – повелительница всего темного и грязного; Дурга – госпожа небес и ветров, а также людских мыслей, из которых возникает вся реальность; Коатликуэ, которая рождает новую вселенную, коварную и неуправляемую, и, как волчица-мать, кусает дитя за ухо, чтобы привести в чувство; Геката – старая провидица, которая «знает своих родных», от нее веет запахом перегноя и дыханием Бога. И таких имен великое множество. Это образы того, кто и что живет под горой, далеко в пустыне, глубоко в дебрях.

Как бы ни называлась эта сила, олицетворением которой является La Loba, она содержит сведения о прошлом – личном и древнем, ибо пережила множество поколений и стара, как мир. Она – хранительница женских намерений, женской традиции. Ее нос чует грядущее, у нее дальнозоркие белесые глаза старухи, она одновременно живет в прямом и обратном времени и, танцуя с одним направлением, корректирует другое.

Старуха – Та, Что Знает, – живет в каждой из нас. Она цветет в глубинах женской души-психики, Ее обитель – в древней и неискоренимой дикой Самости, то место во времени, где встречаются дух женщины и дух волка, то место, где сливаются ум и инстинкт, где сокровенная жизнь женщины находит ее земную жизнь. Это то место, где обмениваются поцелуями Я и Ты, где женщины, полные задора, бегают с волками.

Эта старуха стоит между рациональным миром и миром мифа. Она – ось, на которой вращаются оба эти мира. Эта страна между двух миров – то непостижимое место, которое все мы узнаем, единожды ощутив, но его подробности ускользают и облик меняется, если мы пробуем их удержать, за исключением тех случаев, когда мы обращаемся к поэзии, музыке, танцу или сказке.

Есть мнение, что иммунная система организма коренится именно в этой загадочной стране души, как и мистические и все архетипические образы и устремления, в том числе наша тяга к Богу, наша страсть к тайнам и все священные инстинкты, да и все земные тоже. Другие говорят, что и летописи человечества, корень света, клубок тьмы – там же. Это не пустота, а скорее обитель Призрачных Существ, где все уже существует и в то же время еще не существует, где тени вещественны, а вещество прозрачно.

Об этой стране можно наверное сказать одно: она стара – старше, чем океаны. Ее века не счесть, она извечна. Архетип Первозданной Женщины – основа этого слоя, исходящего из инстинктивной души. Хотя в наших снах и творческих озарениях она может принимать разные обличья, ее источник – не слой матери, девушки, зрелой женщины. И внутренним ребенком ее тоже не назовешь. Она не царица, не амазонка, не любовница, не провидица. Она – то, что она есть. Зовите ее La Que Sabe, Та, Что Знает; зовите ее Дикой Женщиной, зовите ее La Loba, зовите ее высокими именами или низкими, новыми именами или древними – она остается тем, чем она является.

Дикая Женщина как архетип – неподражаемая и непостижимая сила, несущая человечеству богатство идей, образов и качеств. Архетип существует везде – и в то же время

невидим в обычном смысле этого слова. Ведь то, что можно увидеть в темноте, не обязательно видимо при дневном свете.

Мы находим стойкие следы архетипа в образах и символах сказок, литературы, поэзии, живописи и религии. Может быть, его сияние, его голос и аромат предназначены для того, чтобы вывести нас из созерцания дерьма на собственном хвосте, чтобы мы могли иногда странствовать среди звезд.

Как пишет поэт Тони Моффейт, там, где обитает La Loba, материальное тело становится «лучезарным зверем» [4], а иммунная система организма, по свидетельствам очевидцев, под влиянием сознательной мысли становится сильнее или слабее. Там, где обитает La Loba, духи воплощаются в образах, а la voz mitologica, мифологический голос сокровенной души, возглашает стихи и пророчества. Некогда умершие вещи, обладающие ценностью для души, могут возвращаться к жизни. И еще, исходные материалы всех сказок, которые когда-нибудь существовали на земле, имели источником чьи-то обретенные в этой непостижимой стране души переживания и чьи-то попытки высказать то, что происходило с ними здесь.

У этого места между мирами есть много имен. Юнг называет его по-разному: коллективным бессознательным, объективной психикой или психоидным бессознательным, имея в виду наиболее непостижимый слой коллективного бессознательного. Это последнее он считал местом, где берут начало биологический и психологический миры, где биология и психология могут сливаться и влиять друг на друга. В памяти человечества это место – называем ли мы его Нод, домом Призрачных Существ или трещиной между мирами – есть место, где происходят всевозможные таинственные встречи, чудеса, игры воображения, приливы вдохновения и случаи исцеления.

Хотя это место дарует огромное душевное богатство, приближаться к нему следует подготовленным, ибо у человека может возникнуть искушение блаженно потонуть в его восторгах. По сравнению с ним обыденная реальность может показаться пресной. В этом смысле более глубокие слои психики могут стать восторгом-ловушкой, из которой люди выходят неустойчивыми, полными шатких теорий и туманных представлений. Так не должно быть. Возвращаться нужно полностью промытым или выкупанным в живительных и воодушевляющих водах, которые оставляют на нашем теле аромат сакрального.

Каждая женщина имеет потенциальный доступ к Rio Abajo Rio, реке под рекой. Ее приводит к этой реке глубокая медитация, танец, писательство, молитва, пение, игра на барабане, активное воображение или любая другая деятельность, требующая сильно измененных состояний сознания. В этот мир меж мирами женщину приводит тоска и поиски чего-то такого, что она может увидеть только краешком глаза. Ее приводит туда глубоко творческая деятельность, намеренное одиночество, занятие любым видом искусства. И даже при наличии этих хорошо освоенных практик многое из того, что происходит в этом непостижимом мире, навеки остается для нас тайной, потому что нарушает все известные нам законы физики и рационального мышления.

О том, как осторожно следует подходить к этому состоянию души, повествует короткая, но очень выразительная сказка о четырех раввинах, которые возмечтали узреть священное колесо Иезекииля.

ЧЕТЫРЕ РАВВИНА

Однажды ночью четырем раввинам явился ангел. Он разбудил их и перенес к седьмому своду Седьмого Неба. Там они узрели священное колесо Иезекииля.

Узрев такое великолепие, один из раввинов на обратном пути из Pardes, Рая, на Землю обезумел и до конца жизни блуждал, бессмысленно лепеча. Второй раввин цинично заявил: «Колесо Иезекииля мне просто приснилось, вот и все. На самом деле ничего не случилось». Третий раввин впал в полную одержимость и болтал как заведенный о том, что увидел. Он

говорил без умолку, как это все устроено и что это все значит, – так он сбился с пути истинного и предал свою веру. Четвертый раввин был поэтом. Он взял в руки лист бумаги и свирель, сел у окна и стал писать песню за песней, в которых восхвалял вечернюю голубку, ее дочь в колыбели и все звезды в небе. И зажил лучше, чем прежде [5].

Мы не знаем, что увидел каждый из них на седьмом своде Седьмого Неба. Но мы знаем, что соприкосновение с миром, где обитает Сущность, позволяет постичь нечто недоступное обычному людскому слуху, нечто наполняющее нас чувством простора и великолепия. Когда мы соприкасаемся с подлинной основой Той, Что Знает, это помогает нам отвечать и действовать, исходя из нашей сокровенной целостной природы.

Эта сказка дает совет: наилучший подход, позволяющий пережить глубинное бессознательное, – восхищаться им не слишком сильно, но и не слишком слабо, не слишком благоговеть, но и не быть слишком циничным, быть отважным, но не до безрассудства.

В своей известной монографии «Трансцендентальная функция» [6] Юнг предостерегает: в поисках Высшего Я одни склонны излишне эстетизировать переживание Бога или Я, другие недооценивать его, а те, кто к нему не готов, могут получить душевную травму. Но есть и такие, кто находит путь к тому, что Юнг называет «нравственным долгом» пережить и выразить узнанное при подъеме или спуске к первозданному Я.

Нравственный долг, о котором он говорит, означает необходимость переживать то, что мы воспринимаем, где бы оно ни встретилось: на Елисейских полях души, на островах мертвых, в усеянной костями пустыне души, на горной круче, на морском утесе или в роскоши подземного мира – в любом месте, где La Que Sabe дохнет на нас и таким образом нас изменит. Наше дело – показать, что на нас дохнули: продемонстрировать это, отдать, спеть, прожить в верхнем мире то, что получили во внезапном прозрении от тела, от всевозможных снов и странствий.

La Loba перекликается с теми мифами народов мира, в которых мертвецов возвращают к жизни. В египетских мифах Исида оказывает эту услугу своему умершему брату Осирису, чье тело каждую ночь расчленяет на части злой брат Сет. Каждую ночь Исида трудится с вечерних сумерек до рассвета, чтобы к утру собрать по частям тело брата, иначе Солнце не взойдет. Христос воскресил Лазаря, который так давно умер, что уже «смердел». Деметра раз в год вызывает из Края Мертвых свою изможденную дочь Персефону. А La Loba поет над костями.

Такова наша женская практика медитации – вызывать мертвые и расчлененные части самих себя, вызывать мертвые и расчлененные аспекты самой жизни. Та, кто воссоздает из того, что умерло, – всегда двойной архетип. Мать Творения – всегда еще и Мать-Смерть, и наоборот. Из-за этой двойной природы или двойной задачи нам предстоит великий труд – понять, что вокруг нас, подле нас и в нас самих должно жить и что должно умереть. Наше дело – определить срок того и другого; позволить умереть тому, что должно умереть, и позволить жить тому, что должно жить.

Для женщин El Rio Abajo Rio – мир реки под рекой, родина Костяной Женщины – содержит прямое знание о побегах, корневище и зерне мира. В Мексике говорят, что женщина несет la luz de la vida, свет жизни. Этот свет находится не в сердце женщины и не в ее глазах, а en los ovarios, в ее яичниках, где все семена были заложены еще до того, как она родилась. (У мужчин, если углубляться в идеи плодородия и природу семени, этому образу соответствует los cojones, мошонка.)

Вот знание, которое предстоит обрести, находясь рядом с Дикой Женщиной. Когда La Loba поет, она поет, опираясь на знание, идущее из los ovarios, из глубины тела, глубины ума, глубины души. Символы семени и кости очень схожи. Если есть корневище, основа, начало, если есть зерно, можно восстановить любую разруху, вновь засеять потраву, дать отдых полям, замочить твердое семя, чтобы оно размякло, помочь ему лопнуть и прорасти.

Иметь семя – значит иметь ключ к жизни. Быть заодно с циклами семени – значит танцевать с жизнью, танцевать со смертью, танцуя, снова вернуться к жизни. Именно это воплощает Мать – Жизнь и Смерть в своей самой древней и самой главной ипостаси.

Поскольку она сама вращается в этих постоянных циклах, я зову ее Мать Жизнь-Смерть-Жизнь.

Если что-то потеряно, нужно обратиться к ней, поговорить с ней и выслушать ее. Ее душевный совет порой бывает грубым или трудно осуществимым, но всегда преображающим и возрождающим. Поэтому, что-то потеряв, нужно пойти к старухе, которая всегда живет в недрах таза. Она живет именно там, наполовину внутри, наполовину снаружи созидающего огня. Для женщин это прекрасное место, чтобы жить – совсем рядом с плодородными huevos, яичниками, женскими семенами. Там идеи, самые крошечные и самые большие, ждут, когда наш ум и наши действия помогут им проявиться.

Представьте себе эту старую женщину как старуху-сущность, которой два миллиона лет [7]. Это изначальная Дикая Женщина, живущая под землей и одновременно на ее поверхности. Она живет в нас и через нас, и мы окружены ею. Пустыням, лесам и земле под нашими домами два с лишним миллиона лет.

Меня всегда поражает то, как женщины любят копаться в земле. Они сажают луковицы весенних цветов. Они погружают испачканные пальцы в жирную землю, пересаживая остро пахнущую помидорную рассаду. Мне кажется, они пытаются докопаться до старухи, которой два миллиона лет. Они ищут ее ноги и руки. Они хотят подарить ее себе, поскольку с ней ощущают целостность и умиротворенность.

Без нее они чувствуют беспокойство. Большинство женщин, с которыми я работала на протяжении многих лет, начинали свой первый сеанс психоанализа с вариантов фразы: «Я чувствую себя не то чтобы плохо, но и не хорошо». На мой взгляд, такое состояние – загадка несложная. Мы знаем, что оно происходит от недостатка земли. А лекарство? La Loba. Найдите женщину, которой два миллиона лет. Она опекунша мертвого и умирающего женского. Она дорога между живыми и мертвыми. Она поет гимны творения над костями.

Эта старая женщина, Дикая Женщина – La voz mitologica. Она – голос мифа, который знает прошлое и нашу древнюю историю и хранит ее летопись в сказках. Иногда она приходит к нам во сне как бесплотный, но чарующий голос.

В ипостаси девушки-старухи она показывает нам, что значит быть не состарившимся, а умудренным. Дети рождаются умудренными инстинктом. Они нутром знают, что правильно и что с этим делать. Это врожденное знание. Если женщина хранит этот дар – в юности быть старой, а в старости юной, – она всегда будет знать, что произойдет дальше. Если же она его потеряла, его можно вернуть, прибегнув к осознанному душевному труду.

La Loba старуха в пустыне – собирательница костей. В символике архетипа она – кости, знак неразрушимой силы. Их нелегко уничтожить. Такое уж у них строение – их трудно сжечь, почти невозможно стереть в порошок. В мифе и сказке они символизируют неразрушимую душу-дух. Мы знаем, что душу-дух можно повредить, даже искалечить, но почти невозможно убить.

Душу можно смять и согнуть. Можно покрыть ранами и шрамами. Можно оставить на ней метки болезни и ожоги страха. Но она не умирает, потому что в подземном мире ее охраняет La Loba. Она искательница и хранитель костей.

Кости достаточно тяжелы, чтобы ими можно было наносить удары, достаточно остры, чтобы проткнуть плоть, а старые кости, если их тронешь, звякают, как стекло. Кости живых обладают собственной жизнью и созидательной силой, они постоянно обновляются. У живой кости поразительно мягкая «кожа». Она способна восстанавливать себя. Даже превратившись в сухую кость, она дает приют крошечным живым тварям.

В этой сказке волчьи кости олицетворяют неразрушимый аспект дикой Самости, инстинктивную природу, существо, преданное свободе и неиспорченности, которое никогда не примет строгостей и требований мертвой или излишне цивилизующей культуры.

Использованные в этой сказке метафоры олицетворяют весь процесс, приводящий женщину к ее полным инстинктивным диким чувствам. У нас внутри живет старуха, собирающая кости. У нас внутри кости души дикой Самости. У нас внутри возможность снова облечься в плоть и стать тем существом, которым мы некогда были. У нас внутри

кости-ключи к тому, чтобы изменить себя и свой мир. У нас внутри дыхание, наши истины и наши стремления, и, вместе взятые, они образуют песнь, гимн творения, который мы так страстно желаем спеть.

Это не значит, что мы должны ходить, занавесив глаза волосами, или превратить ногти в когти с черной каймой. Да, мы остаемся людьми, но и у женщины внутри тоже есть инстинктивная, звериная Самость. Это не какой-то карикатурный романтический образ. У нее настоящие зубы, настоящий оскал, беспредельное великодушие, бесподобный слух, острые клыки, щедрые и мохнатые груди.

Этому Я необходима свобода двигаться, говорить, свобода гневаться и творить. Это Я надежно, жизнеспособно и обладает острой интуицией. Это Я, которое разбирается в духовных делах жизни и смерти.

Сегодня живущая у вас внутри старуха собирает кости. Что она воссоздает? Она – Я души, созидательница дома души. Ella lo hace a mano, своими руками она делает и переделывает дом. Что она делает для вас?

Даже в лучшем из миров душа должна время от времени подновляться. Это как глинобитные домишки здесь, на Юго-Западе, – что-то облупилось, что-то отвалилось, что-то смылось. Всегда увидишь кругленькую старушку в шлепанцах, которая заглаживает глинобитные стены. Замесит глину с водой, добавит соломы, налепит на стены – и они опять как новенькие. Не будь ее, дом потерял бы форму. Не будь ее, после ливня он превратился бы в кучу глины.

Она – хранительница души. Без нее мы теряем форму. Если у человека нет с ней прямой связи, его называют бездушным, или пропащей душой. Она придает форму дому души и лепит руками новое пространство. На ней старый передник, а подол платья спереди длиннее, чем сзади. Она подмазывает, похлопывает, приглаживает. Она лепит душу, растит волчицу, оберегает все дикое.

Поэтому я говорю вам любовно и образно: кем бы вы ни были – черной волчицей, северной серой, южной рыжей или арктической белой, – вы инстинктивное существо-сущность. Хотя кто-то может искренне предпочитать, чтобы вы вели себя прилично, а не прыгали до потолка от радости и не кидались на людей в знак приветствия, поступайте, как вам хочется. Кто-то отшатнется от вас в страхе или негодовании. Но ваш возлюбленный оценит это ваше новое качество, если, конечно, он подходит вам в качестве такового.

Некоторым не понравится, если вы будете обнюхивать каждый предмет, чтобы понять, что он собой представляет. И, Бога ради, не вздумайте валяться на спине, задрав ноги. Гадкая девочка! Гадкая волчица! Гадкая собака! Верно? Не верно. Вперед! Наслаждайтесь жизнью!

Люди занимаются медитацией, чтобы обрести душевное равновесие. Вот почему они обращаются к психотерапевтам и психоаналитикам. Вот почему они исследуют свои сны и занимаются художественным творчеством. Вот почему они раскладывают карты Таро, гадают по книге «И Цзин», танцуют, играют на барабанах и на сцене, ищут ответа в поэзии и возносят молитвы. Вот почему мы делаем все то, что делаем. Делая все это, мы собираем все кости вместе. А потом нужно сесть у огня и подумать, какую песню спеть над костями, какой гимн созидания, какой гимн воссоздания. И те истины, которые мы выскажем, составят эту песню.

Есть хорошие вопросы, которые следует задать, пока не выберешь песню, свою истинную песню. Что случилось с голосом моей души? Что такое погребенные кости моей жизни? Какие у меня отношения с инстинктивным Я? Когда я в последний раз бегала на воле? Что сделать, чтобы жизнь снова ожила? Куда ушла La Loba?

Старуха поет над костями, и, пока она поет, кости обрастают плотью. Изливая душу над собранными костями, мы тоже «воплощаемся». Изливая свою тоску и сердечный надрыв над костями того, чем мы были когда-то в молодости, того, что мы знали когда-то, много веков назад, и воскрешения, которое мы ощущаем в будущем, мы стоим на четвереньках, на всех четырех лапах. Изливая душу, мы возрождаемся. Мы уже не слабая женщина, не хрупкое, разваливающееся создание. Нет, мы на стадии «становления», на стадии

преображения.

Как и высохшие кости, мы очень часто начинаем свой путь в пустыне. Мы ощущаем себя бесправными, чужими, не связанными даже с зарослями кактусов. Древние называли пустыню местом божественного откровения. Но для женщин она таит в себе нечто гораздо большее.

Пустыня – место, где жизнь очень насыщенна. Корни всего живого тянутся к последней капле воды, а цветок накапливает влагу только потому, что появляется рано утром и поздно вечером. Жизнь в пустыне скудная, но яркая, и большинство из того, что случается, происходит под землей. И это напоминает жизнь многих женщин.

В пустыне нет буйства леса или джунглей. Жизнь ее обитателей очень напряжена и загадочна. Многие из нас живут такой жизнью: крошечной на поверхности и огромной под землей. La Loba показывает нам драгоценности, которые можно получить от такого распределения души.

Женскую душу может привести в пустыню какой-то отклик, прошлые жестокости или отсутствие жизненного пространства над землей. Как часто женщина чувствует, что живет в пустынном месте, где есть, быть может, всего один кактус с единственным ярко-алым цветком – и больше ничего на тысячу километров вокруг. Но для женщины, которая пройдет тысяча и одну милю, есть кое-что еще. В невзрачной лачуге – нерушимая твердыня. Старуха. Она ждет вас.

Есть женщины, которые не хотят попасть в пустыню души. Им ненавистна ее скудность, ее пустота. Они все стараются завести ржавый драндулет и выбраться на дорогу к выдуманному сияющему граду души. Но их ждет разочарование, потому что ни буйства, ни дикости там не найдешь. Они в мире духа, в мире между мирами, в Rio Abajo Rio, реке под рекой.

Не валяйте дурака. Вернитесь, встаньте под тем единственным красным цветком и ступайте прямо вперед, пройдите последний трудный километр. Подойдите к старой рассохшейся двери и постучите. Заползите в пещеру. Влезьте в окно сновидения. Просейте пустыню и посмотрите, что останется. Это единственный труд, который мы должны исполнить.

Вам нужен совет психоаналитика?

Ступайте собирать кости.

Глава 2
ВЫСЛЕДИТЬ ЗАХВАТЧИКА: ПЕРВАЯ ИНИЦИАЦИЯ

Синяя Борода

В одном человеческом существе заключено множество других существ, и у каждого из них есть свои собственные ценности, мотивы и уловки. Некоторые психологические методики советуют переловить этих существ, пересчитать, назвать по именам и запрячь в сбрую, чтобы они поплелись гуськом, как взятые в плен рабы. Но сделать так значило бы остановить танец диких огоньков в женских глазах, остановить зарницы, переловить все искры. Наша задача – не портить природную красоту, а создать для всех этих существ естественную среду обитания, где входящие в их число художники могли бы творить, влюбленные любить, а целители исцелять.

Но что делать с теми внутренними существами, которые настолько обезумели, что могут бездумно вести нас к саморазрушению? Им тоже нужно дать место, но только такое, где их можно держать взаперти. Есть одно совершенно особое существо, самый коварный и самый сильный беглец души, требующий немедленного внимания и заточения, – природный хищник.

Хотя причину многих человеческих страданий можно объяснить нерадивым

воспитанием, однако в душе естественно присутствует еще и врожденный аспект contra naturam – сила, направленная против природы. Этот аспект contra naturam противостоит положительному началу, он противится развитию, противится гармонии, противится нашей дикой природе. Это насмешливый и жестокий противник, он рождается вместе с нами, и даже при наилучшем родительском воспитании единственная цель этого захватчика – постараться превратить все перекрестки в тупики.

Этот хищный властелин [1] раз за разом возникает в женских снах. Он нарушает наши самые заветные и выношенные планы. Он отрывает женщину от ее интуитивной природы. Когда его разрушительная работа закончена, женщина ощущает, что ее чувства омертвели и у нее недостает сил справиться с жизнью. Ее мысли и сны безжизненно лежат у ее ног.

«Синяя Борода» – сказка именно на эту тему. В Северной Америке лучшие из известных мне версий сказки о Синей Бороде имеют французское и немецкое происхождение [2]. Но я предлагаю вам свою литературную версию, где перемешаны французское и славянское, как в той сказке, что рассказала мне тетушка Кэйти из Чибрака, что близ Домбовара, в Венгрии. В среде деревенских сказочниц сказка о Синей Бороде начинается с присказки о том, кто знал кого-то, кто знал еще кого-то, кто видел страшное доказательство смерти Синей Бороды. Итак, приступим.

СИНЯЯ БОРОДА

В обители белых монахинь, далеко в горах, хранится клок бороды. Как он попал в эту обитель, никому не ведомо. Говорят, что монахини похоронили то, что осталось от тела, потому что больше никто не хотел к нему прикасаться. Не известно, зачем монахини сохранили такую реликвию, но это правда. Подруга моей подруги видела ее собственными глазами. Она говорит, что борода синяя, а точнее, цвета индиго. Она такого же синего цвета, как темный лед в озере, как тень в яме ночью. Некогда эта борода украшала лицо человека, слывшего чародеем-неудачником, охочего до женщин великана; прозвали его Синей Бородой.

Говорят, что он посватался к трем сестрам сразу. Но их испугала его борода странного синего оттенка, и, когда он приехал к ним, они спрятались. Стараясь убедить девушек в своей доброте, жених пригласил их на прогулку в лес. Он явился, ведя на поводу лошадей, убранных бубенчиками и алыми лентами, помог сестрам и их матери сесть в седла, и они поскакали в лес. Они весело катались целый день, а их собаки бежали подле и впереди всадников. Потом они остановились под гигантским деревом, и Синяя Борода стал развлекать их рассказами и потчевать изысканными кушаньями.

«Что ж, может быть, этот человек, Синяя Борода, не так уж плох», – подумали сестры.

Они вернулись домой, без умолку болтая о том, как интересно прошел день, как чудно они повеселились. Но вскоре подозрения и страхи двух старших сестер возобновились, и они поклялись больше не встречаться с Синей Бородой. Однако младшая сестра решила: раз человек может быть таким милым, то, наверное, он не так уж плох. Чем больше она убеждала себя в этом, тем менее страшным представлялся ей он сам, да и борода его казалась не такой уж синей.

Поэтому, когда Синяя Борода попросил ее руки, она согласилась. Она как следует обдумала его предложение и решила, что судьба подарила ей в качестве мужа очень утонченного человека. Они поженились и отправились в его замок, стоявший в глубине леса.

Однажды Синяя Борода пришел к молодой жене и сказал:

– Мне придется на некоторое время уехать. Если хочешь, пригласи сюда своих родных. Можешь кататься по лесу, вели поварам устроить пир – делай все, что пожелаешь, все, что твоей душе угодно. Вот тебе связка ключей. Можешь отпереть любую дверь: в кладовые, в сокровищницы – все двери моего замка, только не трогай вот этот маленький ключик с завитушками.

– Хорошо, – ответила она. – Я сделаю все, как ты сказал. Мне это по нраву. Отправляйся в путь, мой милый супруг, не тревожься и возвращайся поскорей.

Итак, он уехал, а она осталась.

Сестры явились ее навестить, а были они, как и все смертные, очень любопытны. Им захотелось узнать, что велел делать хозяин в его отсутствие. Молодая жена с радостью им доложила:

– Он сказал, что мы можем делать все, что захотим, входить в любую комнату, какую пожелаем, кроме одной. Только я не знаю, что это за комната. У меня есть ключ от нее, но не известно, к какой двери он подходит.

Сестры решили устроить игру: выяснить, к какой двери подходит каждый ключ. В замке было три этажа, а в каждом его крыле по сотне комнат. Поскольку на связке было множество ключей, они переходили от двери к двери и очень веселились, открывая одну за другой. За одной дверью оказывалась кладовая с припасами, за другой – сундуки с деньгами. Каждая дверь открывала свой секрет, один занимательнее другого. Наконец, насмотревшись на все чудеса, они добрались до подвала и в конце коридора наткнулись на гладкую стену.

Сестры ломали голову над последним ключом, с завитками наверху: «Может быть, он не подходит ни к одной двери?»

И только они вымолвили эти слова, как из-за угла коридора раздался странный звук: «Ир-р-р-р-р-р». Девушки бросились туда – глядите-ка! – там закрылась маленькая дверца. Они попробовали открыть ее снова, но она оказалась крепко запертой.

– Сестричка, сестричка, давай скорее ключи! Наверняка это та самая дверца, которую открывает загадочный маленький ключик!

Одна из сестер недолго думая вставила ключ в замок и повернула. Замок взвизгнул, дверь распахнулась, но внутри было так темно, что они ничего не увидели.

– Сестричка, сестричка, принеси свечу!

Свечу зажгли, внесли в комнату – и все три девушки разом вскрикнули: на полу была лужа крови, вокруг валялись почерневшие кости трупов, а в углах, как кучи яблок, были сложены черепа.

Сестры захлопнули дверь, дрожащими руками вынули из замка ключ и привалились к стене, тяжело дыша. Боже, Боже милосердный!

Жена Синей Бороды посмотрела на ключ и увидела, что он испачкан кровью. Она в ужасе пыталась вытереть его подолом сорочки, но кровь выступала снова.

– Нет, нет! – закричала она.

Сестры по очереди старались вернуть ключу прежний вид, но кровь не исчезала.

Жена Синей Бороды спрятала ключик в карман и бросилась на кухню. Когда она прибежала туда, ее белое платье было все в красных пятнах, от кармана до самого подола, а с ключа медленно падали капли темно-красной крови.

– Принеси мне скорее конский волос! – велела она повару.

Девушка принялась тереть ключ, но он продолжал кровоточить. Из маленького ключика сочилась чистая красная кровь, капля за каплей.

Она вынесла ключ из дома, набрала в очаге золы и стала чистить ключ. Потом подержала его над огнем, пытаясь обжечь кровь. Прикладывала к нему паутину, чтобы остановить кровь, но ничто не помогало.

– Что же мне делать! – заплакала она. – Ах, знаю! Я спрячу ключик, положу его в шкаф, закрою дверь. Это дурной сон. Все будет хорошо.

Сказано – сделано.

На следующее же утро вернулся ее муж и, войдя в замок, сразу позвал жену.

– Ну, как ты тут поживала без меня?

– Прекрасно, мой господин.

– А как мои кладовые? – прорычал он.

– Прекрасно, мой господин.

– А сокровищницы? – рявкнул он.

– И сокровищницы в полном порядке, мой господин.

– Так все хорошо, женушка?

– Да, все хорошо.

– Что ж, – сказал он тихо, – тогда верни мне скорее мои ключи. Он сразу увидел, что одного ключа не хватает.

– А где же самый маленький ключик?

– Я… я его потеряла. Ну да, потеряла. Я каталась на лошади, связка упала, и, должно быть, один ключ потерялся.

– Что ты им делала, женщина?

– Я… я… не помню.

– Не лги мне! Отвечай, что ты делала этим ключом!

Он потянулся к ее лицу, будто желая потрепать по щеке, но вместо этого крепко схватил ее за волосы.

– Ах ты, обманщица! – рявкнул он и швырнул жену на пол. – Ведь ты побывала в той комнате, не так ли?

Он распахнул ее шкаф – лежавший на верхней полке ключик залил алой кровью все прекрасные шелковые платья, которые там висели.

– Пришел твой черед, голубушка! – крикнул он и потащил ее по коридору в подвал, к той самой ужасной двери. Едва Синяя Борода навел на дверь свой огненный взор, как она распахнулась сама. Там лежали скелеты его прежних жен.

– А теперь… – взревел он. Но его жена вцепилась в дверной косяк и не отпускала.

– Прошу тебя, – взмолилась она, – позволь мне прийти в себя и подготовиться к смерти. Прежде чем отнимешь у меня жизнь, дай мне всего четверть часа, чтобы я могла примириться с Богом.

– Ладно, – бросил он, – у тебя всего четверть часа, поторопись. Девушка кинулась вверх по лестнице в свои покои и послала сестер на башни замка. Она преклонила колени, чтобы помолиться, а сестрам сказала:

– Сестрицы, сестрицы! Поглядите, не едут ли наши братья!

– Ничего не видим, пустынны равнины. Прошло несколько минут, и она снова позвала:

– Сестрицы, сестрицы! Не едут ли наши братья?

– Видим вдали вихрь; может, то пыльная буря!

Тем временем Синяя Борода громовым голосом велел жене спуститься в подвал, намереваясь отрубить ей голову. Она снова позвала:

– Сестрицы, сестрицы! Не едут ли наши братья?

Тут Синяя Борода снова позвал жену и стал с топотом подниматься по ступеням.

– Видим, видим! – закричали сестры. – Наши братья уже здесь, они только что вошли в замок!

Синяя Борода зашагал по коридору к покоям своей жены.

– Я иду за тобой! – заревел он. Его поступь была так тяжела, что каменные стены зашатались и комья известки посыпались из щелей на пол.

Синяя Борода ввалился в комнату жены, протянул руку, чтобы схватить ее, но тут братья проскакали верхом по коридору замка и тоже ворвались в комнату. Они выволокли Синюю Бороду во двор замка и там набросились на него с мечами. Они рубили его и кололи, резали и хлестали. Они повалили Синюю Бороду на землю, прикончили его, а кровавые останки бросили хищным птицам.

Природный хищник души

Развитие связи с дикой природой – важнейшая часть индивидуации женщины. Чтобы осуществить ее, женщина должна уйти во тьму, но в то же время на пути туда или обратно не должна безвозвратно сгинуть в ловушке или в плену, не должна погибнуть.

Сказка о Синей Бороде повествует о захватчике, о той темной личности, которая обитает в душе каждой женщины, о внутреннем хищнике. Он – та конкретная и несомненная сила, о которой необходимо помнить и которую необходимо обуздывать. Чтобы обуздать естественного хищника [3] души, женщина должна всегда быть во всеоружии своих инстинктивных качеств. Вот некоторые из них: прозорливость, интуиция, выносливость, цепкость, любовь, острое чутье, дальновидность, острый слух, отпевание мертвых, интуитивное целительство и забота о собственном творческом огне.

В психологической интерпретации мы обращаемся ко всем аспектам сказки, чтобы изобразить драму, разыгрывающуюся в душе каждой отдельно взятой женщины. Синяя Борода олицетворяет глубоко скрытый комплекс, который маячит на задворках жизни каждой женщины и выжидает – выжидает случая выступить против нее. Впрочем, этот комплекс может выражать себя – так же или по-другому – ив душе мужчины; он древний и современный враг обоих полов.

Силу Синей Бороды трудно постичь, потому что она является врожденной, то есть изначально присущей каждому человеку с момента рождения, и в этом смысле она не имеет сознательного источника. Тем не менее я считаю, что у нас есть намек на то, как ее природа развивалась в человеческом предсознательном, потому что в сказке Синюю Бороду называют неудавшимся чародеем. Это занятие связывает его с другими сказочными персонажами, также олицетворяющими злобного хищника души в образах, которые внешне выглядят довольно заурядно, но несут в себе огромную разрушительную силу.

Используя это описание как обломок архетипа, мы сравниваем его с тем, что нам известно из истории мифа о неудачном чародействе или неудачливой духовной силе. В греческом мифе Икар поднялся слишком близко к Солнцу, жар растопил воск, скреплявший его крылья, и Икар упал на землю. В мифе индейцев зуньи «Мальчик и орел» повествуется о мальчике, который стал бы одним из орлиного племени, если бы не вздумал, что может нарушить законы Смерти. Когда он парил в небе, ветер сорвал с него позаимствованное орлиное оперение, он упал и погиб. В библейском мифе Люцифер возомнил себя равным Яхве и был изгнан в преисподнюю. Из фольклора нам известно о множестве учеников чародеев, которые, безрассудно осмелившись бросить вызов Природе, преступили границы собственного мастерства. Наказанием им стали увечья и беды.

Исследуя эти лейтмотивы, мы видим, что хищник, о котором в них повествуется, жаждет превосходства и власти над другими. Он занимается чем-то вроде психологической инфляции, [17] когда некое существо хочет превзойти Непостижимое или сравняться с Непостижимым, которое традиционно ведает и повелевает загадочными силами Природы, в том числе и сферами Жизни и Смерти, законами человеческой природы и т.д.

В мифе и сказке мы обнаруживаем, что любая попытка нарушить, сломать или изменить образ действия Непостижимого влечет за собой кару: либо ограничение возможности творить чудеса – например, ученику запрещается заниматься своим делом, – либо изгнание из Царства Божьего в ссылку в одиночестве, либо потеря благодати и силы в результате неудачи, увечья или смерти.

Если мы сумеем увидеть в Синей Бороде внутреннего представителя мифа о таком отверженном, то, возможно, сумеем также постичь то глубокое и необъяснимое одиночество, которое порой находит на него (нас), ведь он томится в вечной ссылке без надежды на искупление.

В сказке о Синей Бороде выдвигается скорее эта проблема, чем проблема утверждения света юных женских сил души. Нет, он полон ненависти и жаждет уничтожить свет души. Нетрудно себе представить, что в таком зловещем образе заключен тот, кто однажды пожелал стать выше света и из-за этого впал в немилость. Можно понять, почему изгнанник

---

[17] Психическое состояние, в котором человек испытывает любое нереальное – либо слишком высокое (мания величия), либо слишком низкое (депрессия) чувство своей идентичности.

после этого неотступно и безжалостно преследует проявление этого света в других. Можно вообразить, что он надеется собрать себе достаточно души (душ) и что это даст ему то сияние, которое наконец-то рассеет тьму и исцелит его одиночество.

В этом смысле в начале сказки мы видим грозное существо в его неискупленном аспекте. Однако именно этот факт являет собой одну из главных истин, которую должна узнать младшая сестра из сказки и все женщины: и внутри и снаружи существует сила, действующая наперекор инстинктам природной Самости, и эта зловещая сила такая, какая есть, Ее можно пожалеть, но наше первое действие – узнать ее, защитить себя от ее опустошительного вторжения и в конце концов лишить ее присущей ей смертоносной энергии.

Все существа должны знать: на свете есть хищники. Без такого знания женщина не сможет спокойно разгуливать в собственном лесу, не опасаясь быть растерзанной. Понять хищника – значит превратиться в зрелое существо, которое не может стать жертвой собственной наивности, неопытности или глупости.

Синяя Борода, словно опытный охотник, чует, что младшая дочь им заинтересовалась, то есть желает стать его добычей. Он просит ее руки, и она в порыве юного восторга, являющего собой сочетание каприза, радости, счастья и сексуального любопытства, говорит «да». Какой женщине не знаком этот сценарий?

Наивная женщина как добыча

Младшая сестра, самая незрелая, разыгрывает очень человечную историю о наивной женщине. Она на время станет добычей своего собственного внутреннего охотника. И все же в конце она выйдет на волю, став мудрее, сильнее и научившись с первого взгляда узнавать коварного хищника.

Психологическая история, лежащая в основе этой сказки, имеет отношение и к женщине постарше, которая не вполне научилась узнавать внутреннего хищника. Возможно, она начинает этот процесс снова и снова, но, не находя руководства и опоры, так и не доводит его до конца.

Вот почему обучающие сказки так полезны: они предлагают путеводные карты, помогающие завершить даже то дело, которое раньше наталкивалось на препятствие. Сказка о Синей Бороде представляет ценность для всех женщин: юных, которые еще только начинают узнавать про хищника, и тех, кого он преследовал и мучил десятилетиями и кто наконец-то готовится к окончательной и решительной схватке с ним.

Младшая сестра олицетворяет творческий потенциал души, нечто приближающееся к жизненной поре буйного, изобильного цветения. Но впереди ложный путь, на который девушка и вступает, когда соглашается стать добычей злодея, поскольку ее инстинкты, которые заставили бы ее заметить опасность и поступить иначе, несовершенны.

В психологическом отношении девушки и юноши как будто не осознают того факта, что сами являются добычей. Порой кажется, что жизнь была бы более легкой и гораздо менее мучительной, рождайся все люди полностью пробужденными; но так не бывает. Все мы рождаемся в виде зачатка, подобного потенциалу в центре клетки. В биологии такой зачаток – та часть клетки, где сосредоточено «то, что будет». Здесь содержится исходное вещество, которое со временем разовьется, позволит нам стать целостным организмом.

Поэтому наша женская жизнь – это ускорение роста зачатка. Сказка о Синей Бороде взывает к пробуждению и воспитанию этого душевного центра, этой мерцающей клетки. В целях такого воспитания младшая сестра соглашается на брак с силой, которую считает очень утонченной. Этот сказочный брак олицетворяет поиск нового статуса, нового слоя души, готового вот-вот раскрыться.

Однако юная супруга обманула себя. Поначалу она побаивалась Синей Бороды, была настороже. Но приятная прогулка по лесу заставила ее пойти наперекор голосу интуиции.

Почти каждая женщина хотя бы раз в жизни имела подобный опыт. В результате она убеждает себя, что Синяя Борода не опасен – просто он чудной, не такой, как все. «Какая глупость! Почему меня так смущает его синяя бороденка?» Ее дикая природа уже учуяла, в чем дело, и знает, что синебородый смертельно опасен, а наивная душа противится этому внутреннему знанию.

Такое ошибочное суждение почти типично для столь юной женщины, чья сигнальная система еще не развита. Она все равно что волчонок-сирота, который резвится и играет на полянке, не ведая, что в тени крадется здоровенная рысь. И женщина постарше, настолько оторванная от своей дикой природы, что едва слышит идущие изнутри тревожные сигналы, тоже с наивной улыбкой идет навстречу опасности.

Возникает закономерный вопрос: можно ли всего этого избежать? Юная девушка, как и юные звери, учится видеть хищника благодаря наставлениям отца и матери. Без заботливого руководства родителей она может очень скоро стать чьей-то добычей. Если припомнить, все мы когда-нибудь хотя бы раз пережили случай, когда какая-то захватывающая мысль или ослепительная личность проникала ночью в окно нашей души и заставала нас врасплох. Даже если на лице у них маска, в зубах нож, а за спиной мешок, набитый деньгами, мы все равно поверим, если они скажут, что служат в банке.

Но даже при мудром родительском воспитании юная особа женского пола, начиная лет с двенадцати, может сбиться с пути истинного под влиянием компании сверстников, сил общества или психического давления, и тогда, случается, она на собственный страх и риск начинает его поиски. Работая с девушками старше шестнадцати лет, которые убеждены, что мир хорош, если правильно с ним обращаться, я всегда чувствую себя старой седой собакой. Мне хочется прикрыть глаза лапами и застонать, потому что я вижу то, чего не видят они, и знаю, особенно если девушки упрямы и своевольны, что они хотя бы раз с бездумной храбростью пойдут навстречу хищнику, пока потрясение не заставит их пробудиться.

На заре жизни наш женский взгляд очень наивен, и это значит, что эмоциональное понимание скрытого еще очень слабо. Но как женщины, все мы начинаем с этого. Мы наивны, и язык заводит нас в какую-нибудь очень Щекотливую ситуацию. Быть непосвященной в этих делах значит, что мы в той поре жизни, когда склонны видеть только явное, и это делает нас уязвимыми.

Когда волчица оставляет волчат и идет на промысел, детеныши пытаются увязаться за ней – вылезти из логова и побежать по тропе. В ответ она, оскалившись, бросается на них, так что они пугаются до полусмерти и кубарем скатываются обратно в логово. Так мать понимает: ее волчата еще не умеют узнавать и оценивать других существ. Они не понимают, кто хищник, а кто нет. Но со временем она их научит – грубо, зато на всю жизнь.

Женщинам, как и волчатам, нужно такое же введение, которое научило бы их, что внутренний и внешний миры не всегда сулят безоблачные радости. Ведь многие женщины не знают даже той самой первой науки о хищниках, которую волчица преподает своим детенышам, а именно: если что-то больше тебя и внушает опасность, спасайся бегством; если слабее – поступай как хочешь; если оно больное, оставь его в покое; если у него колючки, жало, клыки или острые когти, отойди и ступай восвояси; если оно хорошо пахнет, но его держат металлические челюсти, не приближайся.

Младшая сестра из сказки не только пребывает в наивном неведении относительно своих душевных процессов и ничего не знает о смертоносном аспекте собственной души, но и способна соблазниться прелестями эго. А почему бы и нет? Мы все хотим, чтобы все было прекрасно. Каждая женщина хочет сесть на коня, украшенного бубенчиками, и поскакать по бескрайнему и манящему зеленому лесу. Все люди хотят досрочно обрести рай здесь, на земле. Все дело в том, что эго желает прекрасных ощущений, но жажда райского блаженства в сочетании с наивностью не только не приносит удовлетворения, но и делает нас приманкой для хищника.

На самом деле такое решение – согласиться на брак с чудовищем – девочки принимают, когда они совсем малы, обычно еще до того, как им исполнится пять лет. Их

учат не видеть, а приукрашивать любые странности, приятные и неприятные, Именно такое обучение приводит к тому, что младшая сестра может сказать: «Что ж, пожалуй, его борода не такая уж синяя». Эта усвоенная смолоду наука «быть паинькой» заставляет женщин идти наперекор собственной интуиции. В этом смысле их, по существу, умышленно учат уступать хищнику. Представьте, что волчица учит своего детеныша «быть паинькой» при встрече со злобным хорьком или коварной гремучей змеей.

В нашей сказке даже мать заодно с противником. Она едет на пикник, «едет прокатиться». Она ни единым словом не предостерегает ни одну из своих дочерей. Можно предположить, что биологическая мать или внутренняя мать в ней спит или сама наивна, как это часто бывает с очень молоденькими девушками или же женщинами, которые не знали материнской ласки.

Интересно, что старшие сестры демонстрируют некоторую осознанность – говорят, что Синяя Борода им не понравился, несмотря на то что занимал и развлекал их в самом что ни на есть романтическом и изысканном духе. Есть ощущение, что в этой сказке некоторые стороны души, олицетворяемые старшими сестрами, несколько более развиты с точки зрения интуиции, обладают «знанием», которое подсказывает им, что не следует идеализировать хищника. Приобщенная к такому знанию женщина обращает внимание на звучащие в душе голоса старших сестер, которые предупреждают ее об опасности. Не приобщенная к знанию женщина не обращает внимания: она все еще слишком близка к наивности.

Например, наивная женщина постоянно выбирает себе неподходящих партнеров. Где-то в душе она знает, что такой подход бесплоден, что нужно остановиться и найти другие критерии оценки. Нередко она даже знает, что для этого нужно сделать. Но есть нечто притягательное, некое гипнотическое качество, присущее Синей Бороде, которое заставляет ее и дальше поступать по той же заведомо обреченной схеме. В большинстве случаев женщина думает: если она еще немножко, совсем ненадолго, сохранит прежний подход, то райское ощущение, которого она ищет, придет со следующим ударом сердца.

Есть и другая крайность. Женщина, у которой развилась зависимость от каких-то препаратов, в глубине души слышит голоса старших сестер: «Нет! Ни в коем случае! Это вредно для души и для тела. Мы отказываемся это принимать». Но желание обрести рай толкает эту женщину на брак с Синей Бородой, который рекламирует полеты к высотам духа.

С какой бы дилеммой женщина ни сталкивалась, звучащие в душе голоса старших сестер продолжают взывать к ее сознанию, убеждая делать обдуманный выбор. Эти голоса напоминают нам об истинах, которые женщина чаще всего не хочет услышать, ибо они положат конец ее фантазиям об обретенном рае.

Итак, происходит роковое бракосочетание, соединение милой наивности и жестокой тьмы. Когда Синяя Борода уезжает, юная женщина не понимает: хотя ей позволено делать все, что она пожелает, – за одним-единственным исключением, – жизнь ее стала еще менее свободной. Многие женщины живут точь-в-точь по сказке о Синей Бороде. Выходят замуж юными и наивными, не ведая о хищниках, и выбирают губительного для их жизни человека. Они полны решимости «исцелить» его своей любовью. Они как будто играют в семейную жизнь. Они, можно сказать, твердят одно и то же: «На самом деле его борода не такая уж синяя».

В конце концов женщина, попавшая в такую западню, увидит, как ее надежды обеспечить пристойную жизнь себе и своим детям тают как дым, и тогда она откроет дверь в комнату, где скрыта вся погибель ее жизни. Хотя это может быть и ее реальный партнер, и фактически именно он омрачает и разрушает ее жизнь, но врожденный хищник, обитающий в ее душе, действует с ним заодно. До тех пор, пока женщина вынуждена думать, что она бессильна, и/или по заученной привычке намеренно не замечать многих вещей, будучи уверена, что там все в порядке, женские импульсы и дары ее души продолжают гибнуть.

Когда юная душа сочетается браком с хищником, она томится в плену или в жестких границах в ту пору своей жизни, которая должна была стать порой ее расцвета. Вместо того

чтобы жить на воле, она начинает жить во лжи. Хищник лживо пообещал женщине, что она будет жить как царица, хотя на самом деле замыслил ее убить. Из этого положения есть выход, но нужно иметь ключ.

Ключ к знанию: важность вынюхивания

Да, тот самый маленький ключик. Это он помогает проникнуть в тайну, которую знают все женщины и которой все же не знают. Этот ключ символизирует разрешение познать самые потаенные, самые темные тайны души, в данном случае – то, что бездумно ослабляет и губит женский потенциал.

Продолжая осуществлять свой губительный план, Синяя Борода провоцирует жену поставить под угрозу ее собственную душу. «Делай что пожелаешь», – говорит он, поощряя ее пережить ложное чувство свободы. Он внушает ей, что она вольна отдыхать и резвиться на фоне буколических пейзажей, по крайней мере в пределах его владений. На самом же деле она не свободна, потому что вынуждена не замечать зловещие знаки, изобличающие хищника, даже если в глубине души уже прекрасно понимает, в чем дело.

Наивная женщина безропотно соглашается пребывать в неведении. Легковерные женщины или те, чьи инстинкты повреждены, склонны, как цветы, поворачиваться в том направлении, где покажется солнце. Поэтому наивную или травмированную женщину легко соблазнить, посулив возвысить ее в глазах родных или сверстников или пообещав полную защищенность, вечную любовь, захватывающие приключения или страстный секс.

Синяя Борода запрещает своей юной жене пользоваться одним-единственным ключом – тем, что приведет ее в сознание. Запрет пользоваться ключом к сознательному постижению собственной самости обнажает ее интуитивную природу, ее естественное инстинктивное любопытство, и это позволяет ей обнаружить то, что скрыто под очевидным и за ним. Без такого знания у женщины нет надлежащей защиты. Старательно выполнять приказ Синей Бороды и не воспользоваться ключом – значит выбрать смерть духа. Предпочесть открыть дверь в страшную потайную комнату – значит выбрать жизнь.

В сказке старшие сестры приходят навестить младшую, и «они, как все смертные, очень любопытны». Жена Синей Бороды весело говорит им: «Мы можем делать все, что пожелаем, кроме одной-единственной вещи». Сестры решают поиграть в игру: найти, к какой двери подходит маленький ключик. Они снова проявляют верный импульс к сознанию.

Некоторые ученые-психологи, в том числе Фрейд и Беттельгейм, интерпретируют эпизоды вроде этого, из сказки о Синей Бороде, как психологическое наказание за женское любопытство к вопросам пола [4]. В ранних теориях классической психологии женскому любопытству давалась отрицательная оценка, тогда как обладающие таким же качеством мужчины назывались любознательными. Про женщин говорили, что они повсюду суют свой нос, а про мужчин – что они обладают пытливым умом. В действительности опошление женского любопытства до такой степени, что оно кажется не более чем несносным подглядыванием, отрицает женскую интуицию, предчувствия, прозорливость, отрицает все чувства женщины. Оно старается подорвать ее самые главные способности: различать и анализировать.

Поэтому, если учесть, что женщины, еще не открывшие запретную дверь, склонны стать женщинами, которые сами идут в руки Синей Бороде, то это счастье, что старшие сестры в совершенстве обладают необходимым первозданным инстинктом любопытства. Это призрачные женщины в душе каждой из нас, это шепоты и окрики внутреннего голоса: они взывают к нашему здравому уму и твердой памяти. Важно найти маленькую дверь, важно не послушаться приказа хищника, но самое главное – выяснить, что же такого особенного в этой единственной в своем роде комнате.

На протяжении веков разные народы делали двери из камня и дерева и думали, что дух

камня или дерева продолжает жить в двери, а потому призывали его в качестве хранителя помещения. В древности большинство дверей вело в гробницы, а не в жилые дома, и сам образ двери строился на том, что внутри заключена некая духовная ценность или нечто такое, что следует охранять.

В сказке дверь символизирует душевный барьер, нечто вроде часового, поставленного перед тайной. Этот страж снова напоминает нам, что хищник слывет чародеем – это психическая сила, которая, как по волшебству, вертит нами и запутывает нас, мешая узнать то, что мы уже знаем. Женщины укрепляют этот барьер или эту дверь, когда уговаривают себя или друг друга не задумываться или не забираться слишком глубоко, потому что «лучшее враг хорошего». Чтобы сломать этот барьер, нужно нанести правильный волшебный контрудар. И такое волшебство мы находим в символе ключа.

Задать нужный вопрос – вот главное преображающее действие в волшебной сказке, в анализе и в развитии личности. Ключевой вопрос вызывает рост сознания. Правильно поставленный вопрос всегда вытекает из законного любопытства по поводу того, что от нас скрыто. Вопросы – те же ключи, которые заставляют открыться потаенные двери души.

Хотя сестры не знают, что лежит за дверью, сокровище или пустяк, они призывают на помощь свои здоровые инстинкты, чтобы задать единственный психологически точный вопрос: «Как ты думаешь, куда ведет эта дверь и что может за ней находиться?»

Именно в этот миг наивное естество начинает взрослеть, начинает вопрошать: «Что кроется за видимостью? Что является источником тени, которая маячит на стене?» Наивное юное естество начинает понимать: если есть нечто тайное, нечто скрытое, нечто запретное, то необходимо в него заглянуть. Те, кто стремится развить сознание, исследуют то, что таится за легко заметным: незримое щебетанье, затуманенное окно, жалобно скрипнувшую дверь, полоска света над порогом. Они исследуют эти тайны, пока перед ними не откроется суть дела.

Способность вытерпеть увиденное позволяет женщине вернуться к своей сокровенной природе и получить в ней опору для всех своих мыслей, чувств и поступков.

Жених-зверь

Поэтому, хотя юная женщина пытается выполнять приказы хищника и соглашается оставаться в неведении относительно тайны подвала, она способна продержаться не так уж долго. В конце концов она вставляет ключ в дверь – ставит вопрос – и обнаруживает в какой-то части своей глубинной жизни кровавые останки. А ключ, этот крошечный символ ее жизни, неожиданно не желает унять кровь, не желает унять крик: что-то не так! Женщина может попытаться скрыться от опустошительных жизненных бурь, но кровотечение, потеря энергии будут продолжаться, пока она не узнает в хищнике хищника и не отразит его натиск.

Когда женщина открывает дверь своей жизни и обнаруживает там, в глубине, гору трупов, она чаще всего понимает, что допускала массовые убийства своих самых важных мечтаний, целей и надежд. Она находит безжизненные мысли, чувства и желания – когда-то яркие и многообещающие, а теперь обескровленные. С чем бы ни были связаны эти мечты и надежды: с жаждой любви, успеха или художественного творчества, – ясно одно: когда в душе обнаруживается столь страшная находка, мы можем быть уверены, что природный хищник, который в сновидениях часто принимает образ жениха-зверя, работает, методично уничтожая наши самые дорогие желания, представления и надежды.

В сказках образ жениха-зверя – распространенный мотив, который можно понимать как символ зла, маскирующегося под добро. Это или какое-то сходное качество присутствует, когда женщина имеет наивные представления о чем бы то ни было. Когда женщина пытается не видеть фактов собственного опустошения, ее ночные сны могут посылать ей предупреждения – предупреждения и призывы: «Проснись!», «Зови на помощь!», «Спасайся!» или «Иди и убей!».

За годы моей практики я познакомилась со многими женскими снами, в которых присутствовал образ жениха-зверя или ощущение «все не так хорошо, как кажется». Одной женщине приснился красивый, обаятельный мужчина, но, опустив взгляд, он увидела, что у него из рукава вылезает моток страшной колючей проволоки. Другой женщине приснилось, что она помогает старичку перейти улицу, и вдруг старичок коварно ухмыляется и превращается в пар, причиняя ей сильный ожог. Еще одной женщине приснилось, что она обедает с неизвестным другом, и его вилка, перелетев через стол, смертельно ее ранит.

Такая неспособность видеть, понимать, замечать, что наши внутренние желания не совпадают с нашими внешними действиями, – след, оставленный женихом-зверем. Присутствие в душе этого фактора объясняет, почему женщины, которые говорят, что хотели бы прочных отношений, делают все возможное, чтобы оттолкнуть любящего человека. Вот почему женщины, запланировав к такому-то времени быть в пункте А, В или С, так и не удосуживаются проделать даже первый этап маршрута или отказываются от свой цели при первой же трудности. Вот откуда все проволочки, из-за которых мы становимся сами себе ненавистны, все постыдные ощущения, которые мы заталкиваем подальше, вот почему все новые начинания, так отчаянно нужные нам, и все долгожданные свершения никогда не сбываются. Повсюду, где шныряет и делает свое дело хищник, все разлаживается, разваливается и обезглавливается.

Жених-зверь – широко распространенный символ сказок, общая сюжетная линия которых развивается примерно так: какой-то странный человек ухаживает за девушкой, которая соглашается стать его невестой, но за несколько дней до свадьбы уходит на прогулку в лес, сбивается с пути, а когда смеркается, забирается на дерево, чтобы уберечься от хищников. Пережидая ночь, она видит своего нареченного с лопатой на плече. Ей кажется, что в будущем женихе есть что-то не совсем человеческое: иногда это странной формы ступня, рука, кисть или волосы, которые ни на что не похожи и выдают его с головой.

Он начинает рыть могилу как раз под тем деревом, на котором она сидит, приговаривая и напевая, как он убьет свою очередную жену и похоронит в этой могиле. Перепуганная девушка всю ночь прячется, а утром, когда ее будущий муж уходит, бежит домой, рассказывает все отцу и братьям, мужчины хватают жениха-оборотня и убивают.

Это мощный архетипический процесс, происходящий в женской душе. Женщина достаточно восприимчива и, хотя вначале она сама соглашается вступить в брак с этим природным хищником, пожирателем души, хотя она тоже проходит через период блуждания в закоулках души, в конце она вырывается на волю, ибо способна увидеть во всем этом истину, способна сохранить ее в сознании и совершить действие, которое позволит решить задачу.

И тогда очередь за следующим шагом, еще более трудным – выдержать то, что видишь, все свое саморазрушение и омертвение.

Запах крови

В сказке сестры захлопывают дверь в комнату, где совершались убийства. Юная жена в ужасе видит выступившую на ключе кровь, «Я должна во что бы то ни стало оттереть кровь, иначе он узнает!» – причитает она.

Теперь наивная личность знает о смертоносной силе, свободно обитающей в душе. И кровь на ключе – это женская кровь. Будь это только кровь принесенных в жертву легкомысленных фантазий, на ключе осталось бы едва заметное пятнышко. Но дело куда серьезнее, потому что кровь здесь символизирует гибель самых глубоких и задушевных аспектов творческой жизни женщины.

В таком состоянии женщина утрачивает способность к творчеству как при решении повседневных жизненных вопросов, связанных, скажем, с учебой в институте, с семьей, с дружескими отношениями, так и при столкновении с настойчивыми вопросами более

широкого мира или с проблемами духовности: ее личного развития, ее жизни в искусстве. И это не обычные проволочки, ибо такое состояние затягивается на недели и даже месяцы. Женщина кажется подавленной: она может быть полна идей, но совершенно обескровлена и все менее и менее способна эти идеи осуществить.

В этой сказке кровь – не менструальная кровь, но артериальная, кровь души. Она не только пятнает ключ, но и заливает всю героиню, персону. Кровью запятнано надетое на ней платье и все наряды в ее шкафу. В архетипической психологии одежда может олицетворять внешнее присутствие. Персона – это маска, которую человек показывает миру. Она многое скрывает. Скрыв душу под удачными накладками и личинами, и мужчина, и женщина могут явить миру почти совершенную персону, почти совершенный фасад.

Когда плачущий кровавыми слезами ключ – вопиющий вопрос – пятнает наши персоны, мы уже больше не можем скрывать свои муки. Мы можем говорить все что угодно, изображать сияющий улыбками фасад, но, узрев потрясающую истину комнаты, где совершались убийства, мы больше не можем притворяться, что ее не существует. И вид истины заставляет нас все сильнее истекать энергией. Это мучительно, это разрывает наши артерии. Необходимо постараться немедленно исправить это ужасное положение.

Итак, в этой сказке ключ также действует как вместилище – вместилище крови, то есть того, что человек видел и знает. Для женщин ключ всегда символизирует проникновение в тайну или в знание. В других сказках символический ключ часто выражен словами – например, «Сезам, откройся», с которыми Али-Баба обращается к дикой горе, заставляя ее с грохотом открыться и впустить его внутрь. Еще более яркий пример можно увидеть в диснеевском фильме «Золушка»: стоит фее-крестной проворковать «Биббити-боббити-бу!», как тыква превращается в карету, а мыши в лакеев.

В элевсинских мистериях ключ был скрыт в языке, который подразумевает суть дела, ключ, след, и мог быть обнаружен в особом наборе слов или в ключевых вопросах. А вопросы, которые больше всего нужны женщинам в ситуациях, похожих на описанную в сказке о Синей Бороде, таковы: «Что скрывается за очевидным?», «Что не такое, каким кажется?», «Что я знаю в глубине своих овариос такое, чего предпочла бы не знать?», «Какая часть меня убита или лежит на смертном одре?».

Любой из них и все они – ключи. И если женщина жила полумертвой жизнью, очень может быть, что ответы на эти четыре вопроса будут запятнаны кровью. Убийственный аспект души, часть работы которого – следить, чтобы сознание не возникало, будет время от времени утверждать себя, искореняя или отравляя любую новую поросль. Такова его природа. Такова его работа.

Поэтому здесь есть и положительный смысл: ведь только постоянно выступающая на ключе кровь заставляет душу усвоить увиденное. Вы же знаете: мы по природе своей склонны вычеркивать из памяти все дурное и болезненное, что происходит в нашей жизни. Наверняка эго-цензор захочет забыть, что видело комнату, видело трупы. Вот почему жена Синей Бороды пытается оттереть ключ конским волосом. Она пробует все известные в женской народной медицине средства от ссадин и глубоких ран: паутину, золу и огонь, связанные с парками, прядущими и обрезающими нить жизни. Однако ей не удается ни осушить ключ, ни остановить кровотечение, сделав вид, что его не существует. Она не может остановить сочащуюся из маленького ключика кровь. Парадоксально, но по мере того как ее прежняя жизнь умирает и даже лучшие средства не могут скрыть этот факт, она пробуждается к пониманию своей кровопотери и, следовательно, начинает жить.

Прежняя наивная женщина должна осознать, что происходит. Убивая своих «любопытных» жен, Синяя Борода убивает женское творческое начало, тот потенциал, из которого развиваются разнообразные возможности новой, интересной жизни. Хищник особенно агрессивен, преследуя первозданную женскую природу. Он стремится как минимум унизить, а то и обрубить связь женщины с ее интуицией и вдохновением, добравшись до самих ее истоков.

Еще одна моя пациентка, интеллигентная и одаренная женщина, рассказала мне о своей

бабушке, жившей на Среднем Западе. Вот как та представляла себе по-настоящему приятное времяпрепровождение: сесть на поезд до Чикаго, надеть шляпу с большими полями и прогуливаться по Мичиган-авеню, любуясь витринами и изображая из себя важную даму. Однако судьба распорядилась так, что она вышла замуж за фермера. Они поселились посреди бескрайних полей, и она стала прозябать в своем хорошеньком деревенском домике, хотя и дом был замечательный, и муж, и дети были замечательные. Но теперь У нее уже не было времени на ту «легкомысленную» жизнь, которую она вела раньше: слишком много ребятишек, слишком много женской работы.

Прошли годы, и вот однажды, вымыв полы в кухне и в гостиной, она надела свою лучшую шелковую блузку, застегнула на все пуговицы длинную юбку и пришпилила булавкой шляпу с большими полями. Потом вставила в рот дуло мужниного дробовика и нажала на спуск. Каждая женщина на земле поймет, почему она сначала вымыла полы.

Изголодавшаяся душа может болеть так, что нет больше сил терпеть. Ведь у женщин есть насущная потребность выражать себя в движениях души, женщины должны развиваться и цвести так, как это представляется разумным им самим, и без какого-либо понуждения со стороны. В этом смысле можно сказать, что окровавленный ключ также символизирует предшествующие поколения женщин по материнской линии. Кто из нас не знает хотя бы одной женщины, которую любили и которая утратила инстинкт, позволяющий сделать правильный выбор, и из-за этого вынуждена вести убогую жизнь или того хуже? А может быть, эта женщина – вы сами?

Один из наименее обсуждаемых вопросов индивидуации таков: когда направляешь яркий луч света в глубины души, неподвластные ему тени становятся еще темнее. Поэтому, когда мы освещаем какую-то часть души, в итоге возникает еще более густой мрак, с которым предстоит сражаться. Этот мрак нельзя оставить на произвол судьбы. Ключ, вопросы невозможно спрятать или забыть. Необходимо их задать. Необходимо получить на них ответы.

Чем глубже работа, тем гуще мрак. Храбрая женщина, чья мудрость прибывает, возделает даже самый тощий участок души: ведь если она будет строить только на лучших участках, то ее взгляд сможет охватить лишь ничтожную часть того, чем она является. Поэтому не бойтесь исследовать самое худшее. Это только гарантирует возрастание душевной силы за счет новых откровений и возможность заново обозреть свою жизнь и самое себя.

Именно при таком возделывании душевной почвы возникает проблеск Дикой Женщины. Она не боится самой темной тьмы – в сущности, Она умеет видеть в темноте. Она не боится падали, отбросов, разложения, смрада, крови, голых костей, умирающих девушек и мужей-убийц. Она умеет видеть все это, воспринять и прийти на помощь. Именно этому учится младшая сестра в сказке о Синей Бороде.

В самом положительном смысле скелеты в запертой комнате олицетворяют несгибаемую силу женского начала. С точки зрения архетипа, кости символизируют то, что невозможно уничтожить. Сказки, в которых фигурируют кости, повествуют о чем-то таком в нашей душе, что трудно разрушить. И из всего, чем мы владеем, меньше всего поддается уничтожению сама душа.

Когда мы говорим о женской сути, мы в действительности говорим о женской душе. Когда мы говорим о брошенных в подвале трупах, мы говорим о чем-то таком, что произошло с силами души, и все же, хотя ее внешняя жизнеспособность отнята, хотя у нее по существу отнята жизнь, она не уничтожена до конца. Она способна возродиться.

Она возвращается к жизни благодаря юной женщине и ее сестрам, которые в конце концов оказываются способными сломать старые рамки неведения, заметить ужасное и не отвести взгляд. Они способны увидеть и вынести увиденное.

Здесь мы снова попадаем туда, где обитает La Loba, в архетипическую пещеру костяной женщины. Перед нами останки того, что некогда было целостной женщиной. Однако в отличие от цикличных аспектов жизни и смерти, присущих архетипу Дикой

Женщины, которая берет жизнь на грани смерти, выхаживает ее и отправляет обратно в мир, Синяя Борода только убивает и расчленяет женщину, пока от нее не останутся одни кости. Он не оставляет ей ни красоты, ни любви, ни индивидуальности, а значит, не оставляет способности действовать в собственных интересах. Чтобы исправить такое положение, мы, женщины, должны взглянуть на то убийственное, что завладело нами; увидеть результат его страшной работы; осознать, запомнить и сохранить в сознании; а потом действовать в своих, а не в его интересах.

Подвал, темница и пещера – символы, тесно связанные между собой. С древних времен это – места, где проводились посвящения; места, в которые или через которые женщина нисходит к убитым или убитому, нарушает табу во имя обретения истины и смекалкой и/или тяжким трудом одерживает победу, изгоняя, преображая или уничтожая убийцу души. Сказка о Синей Бороде намечает работу для нас, сопровождая ее ясными наставлениями: отыскать трупы, следовать своим инстинктам, видеть то, что видишь, призвать на помощь душевную силу, уничтожить разрушительную энергию.

Не обращая внимания на собственное омертвение и гибель, женщина покорно выполняет приказы хищника. Открыв же в душе ту комнату, которая показывает, насколько она мертва, насколько погублена, она видит, что разные части ее женской природы и инстинктивной души были убиты и безропотно умерли за богатым фасадом. Теперь, когда она это видит, когда понимает, что находится в плену и что вся ее душевная жизнь поставлена на карту, она может утвердить себя еще прочнее.

Петлять и запутывать следы

Петлять и запутывать следы – это термины, описывающие поведение животного, которое, чтобы скрыться, ныряет под землю, а потом выскакивает у хищника за спиной. Именно такой психический маневр предпринимает жена Синей Бороды, чтобы вернуть утраченную власть над собственной жизнью.

Обнаружив поступок жены, который он расценивает как обман, Синяя Борода хватает ее за волосы и тащит вниз по лестнице. «Пришел твой черед!» – рычит он. Убийственный элемент бессознательного восстает и угрожает уничтожить сознательную женщину.

Анализ, толкование снов, самопознание, поиски себя – ко всему этому прибегают потому, что это способы, помогающие петлять и запутывать следы. Это способы, дающие возможность нырнуть и, выскочив позади проблемы, увидеть ее в иной перспективе. Если нет способности видеть, видеть по-настоящему, то все усвоенное об эго-Я и божественном Я, ускользает.

В сказке о Синей Бороде душа уже старается спастись от смерти. Утратив наивность, она стала хитрой: она просит дать ей время прийти в себя, иными словами, время, чтобы собраться перед решающей схваткой. Во внешней реальности мы видим женщин, которые тоже замышляют побег, будь то бегство от прежнего разрушительного образа жизни, любовника или занятия. Прежде чем совершить внешнюю перемену, она берет отсрочку, тянет время, вырабатывает стратегию и внутренне собирается с силой. Иногда именно такая грозная опасность, исходящая от хищника, побуждает женщину превратиться из кроткой лани в зоркое и бдительное существо.

Так получается, что оба аспекта души – хищник и новая возможность – достигают точки кипения. Когда женщина понимает, что и во внешнем мире и во внутреннем она стала жертвой хищника, ей едва удается вынести такой удар. Он подрубает корень ее сердечной сущности, и женщина, находясь в безвыходном положении, решает покончить с этой хищной силой.

Тем времени комплекс хищника приходит в ярость оттого, что женщина тайком открыла запретную дверь; он деловито совершает обход, стараясь перекрыть ей все пути бегства. Эта разрушительная сила становится смертельно опасной: она заявляет, что

женщина нарушила святая святых и теперь должна умереть.

Когда оба противоборствующих аспекта женской души достигают точки воспламенения, женщина может ощущать невероятную усталость, потому что ее либидо утекает в двух противоположных направлениях. Но даже если женщина смертельно устала от ничтожных конфликтов, какими бы они ни были, даже если изголодалась душой, все равно она должна думать о спасении, все равно должна любыми средствами заставить себя бежать. Жить в такой критический период – все равно что ночью и днем находиться на холоде. Чтобы выжить, необходимо не поддаваться усталости. Уснуть в такое время – значит обречь себя на верную смерть.

Это самое глубокое посвящение – посвящение, которое открывает женщине свойственные ей инстинктивные чувства, помогающие обнаружить и изгнать хищника. Это миг, когда женщина-пленница меняет статус жертвы на статус хитроумного, востроглазого, алертного существа. Это время, когда ей почти сверхчеловеческими усилиями удается подвигнуть смертельно усталую душу на последний рывок. Ключевые вопросы продолжают помогать, потому что ключ продолжает ронять мудрую кровь как раз в то время, когда хищник пресек доступ к осознанию. Его маниакальный приговор гласит: «Умри за осознание». В ответ она должна заставить его поверить, что является покорной жертвой, а сама в это время придумать, как в ним разделаться.

Говорят, что у животных существует загадочный танец души, исполняемый хищником и его жертвой. Если жертва смиренно отведет взгляд или вздрогнет, от чего по ее шкуре пробежит рябь, это значит, что она признает свою слабость и согласна стать добычей хищника.

Есть время дрожать и спасаться бегством, но бывает и время действовать иначе. В это критическое время женщина не должна содрогаться и унижаться. То, что жена Синей Бороды умоляет дать ей время, чтобы прийти в себя, не является знаком ее покорности хищнику. Это ее хитрая уловка, позволяющая собраться с силами. Как и некоторые лесные твари, она готовится дать хищнику ожесточенный бой. Она ныряет под землю, чтобы ускользнуть от преследователя, а потом неожиданно появляется за его спиной.

Подать голос

Когда Синяя Борода зовет жену, а она тянет драгоценное время, женщина таким образом пытается собрать энергию, чтобы справиться со своим преследователем, будь он одинок или в союзе с разрушительной религией, мужем, семьей, культурой или с ее собственными губительными комплексами. Жена Синей Бороды умоляет о пощаде, но делает это с умом:

– Прошу тебя, – шепчет она, – позволь мне приготовиться к смерти.

– Ладно, – рычит он, – только поторопись.

Юная женщина призывает душевных братьев. Каким сторонам женской души они соответствуют? Это самые сильные, самые по природе своей агрессивные движители души. Они олицетворяют ту женскую силу, которая действует, когда приходит время убить пагубные импульсы. Хотя здесь это качество изображают персонажи мужского пола, для этого могут подойти существа любого пола, а также бесполые силы: гора, встающая преградой перед преследователем, или солнце, которое на миг сходит с небес, чтобы спалить убийцу дотла.

Жена Синей Бороды мчится по лестнице наверх в свою комнату и посылает сестер на сторожевые башни. «Поглядите, не едут ли наши братья!» – кричит она сестрам. А сестры отзываются, что пока никого не видно. Когда Синяя Борода кричит, чтобы жена спускалась в подвал, где он отрубит ей голову, она снова кричит: «Поглядите, не едут ли наши братья!» А сестры отзываются, что, наверное, это вихрь или пыльная буря виднеется вдали.

Здесь перед нами весь сценарий подъема женской душевной силы. На этой последней

стадии посвящения ее сестры – более мудрые – играют главные роли: они становятся ее глазами. Крик женщины летит через просторы души в далекий край, где живут ее братья – те силы души, которые воспитаны для боев, для того, чтобы биться не на жизнь, а на смерть. Но поначалу защитные силы души находятся не так близко к сознанию, как было бы нужно. У многих женщин боевой и воинственный дух не так близок к сознанию, как следовало бы.

Женщина должна научиться мобилизовать или призывать свою агрессивную природу, те качества, которые роднят ее с вихрем, с пыльной бурей. Вихрь – это символ главной движущей силы, той решимости, которая, если ее сосредоточить, а не распылять, придает женщине колоссальную энергию. Имея наготове такой гневный настрой, она не потеряет сознание и не позволит себя похоронить вместе со своими предшественницами. Она раз и навсегда решит проблему внутреннего женоубийства, утраты либидо, утраты желания жить. Ключевые вопросы помогают женщине открыть дверь и развязать руки, что необходимо для освобождения, но без вмешательства вооруженных мечами братьев она не смогла бы одержать полную победу.

Синяя Борода настойчиво зовет жену и начинает подниматься по каменным ступеням. «А теперь, теперь вы их видите?» – кричит его жена сестрам. «Да, – отзываются они, – теперь мы их видим, они совсем близко». Братья скачут на конях по коридору. Они врываются в комнату сестры и волокут Синюю Бороду во двор. Там они убивают его мечами, а останки бросают пожирателям падали.

Когда женщины оправляются от былой наивности, они приносят с собой и для себя нечто ранее неведомое. В данном случае женщина, ставшая более умудренной, призывает на помощь внутреннюю мужскую энергию. В психологии Юнга этот элемент носит название анимус – почти искорененный, отчасти инстинктивный, отчасти культурно приобретенный элемент женской души, который в сказках и символах сновидений проявляется в виде сына, мужа, незнакомца и/или возлюбленного; иногда, в зависимости от душевных обстоятельств конкретного момента, он может быть настроен враждебно. Этот образ души особенно ценен, ибо наделен качествами, которые в женщинах традиционно искореняются, и одно из самых распространенных из них – агрессия.

Если эта присущая противоположному полу природа здорова – что символизируют братья в сказке «Синяя Борода», – то она любит женщину, в душе которой обитает. Именно эта душевная энергия позволяет ей добиться всего, что она пожелает. Если мужское начало обладает душевной силой, то женскому могут быть присущи другие достоинства. Мужское начало поможет ей и поддержит ее в поисках осознания. Для многих женщин такой аспект, свойственный противоположному полу, становится мостом между миром внутренних мыслей и чувств и внешним миром.

Чем сильнее, целостнее и обширнее анимус (считайте анимус мостом), тем более непринужденно, с большим талантом и вкусом женщина конкретно выражает во внешнем мире свои идеи и творческие замыслы. Если анимус у женщины недоразвит, то у нее может возникать множество мыслей и идей, но она не способна выразить их во внешнем мире. Ей всегда недостает способности организовать или осуществить свои замечательные замыслы.

Братья олицетворяют благодать силы и действия. Благодаря им под занавес происходит несколько событий: одно из них заключается в том, что в женской душе нейтрализована огромная и губительная сила хищника, второе – в том, что на место женщины с наивными глазами приходит женщина с бдительным взглядом, а третье – что теперь у нее со всех сторон есть защитники, готовые прийти на помощь по первому зову.

Пожиратели греха

«Синяя Борода» – это во всех отношениях «пронзительная» история о разделении и воссоединении. В конце сказки труп Синей Бороды оставляют на съедение хищным птицам и зверям. Здесь мы имеем дело с очень странным, мистическим финалом. В старину

существовали души, которые именовались пожирателями греха. Их олицетворяли духи, птицы или звери, а иногда и люди, которые, вроде козла отпущения, брали на себя грехи, то есть психические отбросы общества, чтобы обеспечить людям очищение и избавление от скверны трудной или неправедно прожитой жизни.

Мы видели, что дикую природу человека может олицетворять Та, кто находит мертвых, Та, кто поет над костями мертвых, возвращая их к жизни. Эта функция Жизни-Смерти-Жизни – главный атрибут инстинктивной природы женщины. Сходным образом, в скандинавской мифологии пожиратели греха – это пожиратели падали: они поедают мертвых, вынашивают их в своих животах и приносят Хель, богине жизни и смерти. Она учит мертвых проживать жизнь от конца к началу. Они молодеют и молодеют, пока не становятся готовы снова родиться и обрести освобождение в новой жизни.

Такое пожирание грехов и грешников, их последующее вынашивание и высвобождение в новую жизнь составляет процесс индивидуации самых низменных аспектов души. В этом смысле правильно и справедливо, что энергия черпается из хищнических элементов души, что их, так сказать, убивают, лишают силы. Таким образом их можно вернуть сострадательной Матери Жизни-Смерти-Жизни, чтобы она преобразила их и снова выпустила в свет – будем надеяться, в менее агрессивном обличье.

Многие ученые, исследовавшие эту сказку, считают, что Синяя Борода символизирует силу, для которой искупление невозможно [5]. Я же чувствую, что Для этого аспекта души существует дополнительная перспектива – не преображение серийного убийцы в мистера Чипса, [18] а, скорее, нечто вроде лечебницы для душевнобольных, только пристойной, где можно видеть небо и деревья, где хорошо кормят и, может быть, даже используют музыку в качестве успокаивающего средства, но не изгоняют на окраины души для мучений и унижений.

С другой стороны, я не хочу сказать, что нет такого явления, как очевидное и неискупимое зло, поскольку оно действительно существует. Во все времена существовало мистическое представление, что любая человеческая работа, направленная на индивидуацию, попутно высветляет тьму в коллективном бессознательном всех людей – именно в том месте, где обитает хищник. Юнг как-то сказал, что Бог стал более сознательным [6], потому что люди стали более сознательными. Он утверждал, что люди, выпуская своих личных демонов на дневной свет, становятся причиной того, что свет падает на темную сторону Бога.

Я не хочу сказать, что знаю, как это все работает, но, если следовать архетипической модели, это выглядит и работает примерно так: вместо того чтобы осуждать обитающего в душе хищника или убегать от него, мы его уничтожаем. Чтобы это сделать, мы не позволяем себе уничижительных мыслей о жизни своей души и, особенно, о собственной значимости. Мы ловим оскорбительные мысли, прежде чем они вырастают настолько, чтобы причинить нам вред, и уничтожаем.

Мы уничтожаем хищника, противопоставляя его обличениям собственные питательные истины.

Хищник: Ты никогда не завершаешь начатого.

Вы: Я многое завершаю.

Мы отражаем нападки природного хищника, принимая во внимание то справедливое, что содержится в его словах, и работая над ним, а остальное отбрасываем.

Мы уничтожаем хищника, развивая интуицию и инстинкты и не поддаваясь на соблазны противника. Если бы нам пришлось перечислить все свои потери, вплоть до сегодняшнего дня, припомнить моменты, когда мы переживали разочарование, когда были не в силах вынести мучения, когда лелеяли сладкие, сентиментальные фантазии, мы бы

---

[18] Добропорядочный педант, персонаж фильма «Прощайте, мистер Чипс».

поняли, что именно это и есть уязвимые места нашей души. Именно к этим голодным и обездоленным ее частям обращается хищник, чтобы скрыть тот факт, что его единственное намерение – уволочь вас в подвал и, как кровь, перелить себе вашу энергию.

В финале сказки о Синей Бороде его кости и жилы бросают хищным птицам. Это позволяет нам ясно увидеть преображение хищника. Вот последняя задача женщины в этой сказке: предоставить природе Жизни-Смерти-Жизни подобрать расчлененного хищника, чтобы потом его выносить, преобразить и выпустить обратно в жизнь.

Если мы отказываемся ублажать хищника, он лишается своей силы и не способен действовать без нас. В сущности, мы загоняем его в тот слой души, где все творение еще пребывает в бесформенном виде, и пусть себе булькает в этой эфирной похлебке, пока мы не подыщем для него форму – наилучшую оболочку, которую он сможет занять. Если очистить душевную одержимость хищника, можно будет, придав ей новую форму, использовать ее для других целей. Тогда мы становимся творцами, и это исходное вещество становится сырьем для нашего творчества.

Женщины обнаруживают, что, победив хищника, взяв от него все полезное и отбросив остальное, они наливаются силой, радостью жизни и задором. Они получили от хищника то, что было у них украдено: энергию и сущность. Если мы берем энергию хищника и превращаем ее во что-то полезное, это можно понимать так: ярость хищника можно претворить в огонь души, помогающий вершить великие дела. Хитрость хищника можно использовать для того, чтобы следить издали и понимать с первого взгляда. Свойственную хищнику природу убийцы можно использовать, чтобы убить то, что в жизни женщины должно отмереть само, или то, для чего она должна умереть в своей внешней жизни, – в разное время это могут быть самые разные вещи. Как правило, женщина сама безошибочно знает, что это такое.

Использовать части Синей Бороды – все равно что взять целебные части ядовитого паслена или белладонны и осмотрительно использовать это сырье для лечения и помощи. Тогда оставшийся от хищника прах снова восстанет, но уже в значительно уменьшенном, гораздо более узнаваемом виде и куда менее способным обманывать и уничтожать, ведь вы лишили его многих качеств, которые он направлял на разрушение, и дали им полезное и уместное применение.

Я считаю, что «Синяя Борода» – одна из тех немногих сказок-притч, которые особенно важны для женщин юных – не обязательно годами, но какой-то частью души. Это притча о душевной наивности, но еще и о том, как отважно нарушить запрет «не смотреть». Это притча о том, как окончательно победить и использовать обитающего в душе хищника.

Я убеждена, что задача этой сказки в том, чтобы снова привести внутреннюю жизнь в движение. Сказка о Синей Бороде – это лекарство, принимать которое особенно важно в тех случаях, когда внутренняя жизнь женщины испугана, стеснена или загнана в угол. Подсказанный в ней выход уменьшает страх, снижает выделение адреналина как раз тогда, когда это нужно, и, что важнее всего для пойманной в ловушку наивной самости, прорубает двери в стенах, которые прежде были глухими.

Может быть, самое главное – это то, что сказка о Синей Бороде дает сознанию психический ключ, способность задавать всевозможные вопросы о себе, о своей семье, о своих стремлениях и об окружающей жизни. Тогда, подобно дикому животному, которое, втягивая в себя воздух, обнюхивает предметы со всех сторон, чтобы выяснить, что они собой представляют, женщина обретает способность находить верные ответы на свои самые сокровенные и смутные вопросы. Она обретает способность отнять силы у того, что ей угрожает, и разумно и с пользой направить эти силы, некогда обращенные против нее, себе на благо.

Темный человек в женских снах

Обитающий в душе хищник встречается нам не только в сказках, но и в снах. Всем женщинам знаком сон-посвящение, который настолько универсален, что редкая женщина, дожив до двадцати пяти лет, не видела такого сна. Обычно он заставляет женщину проснуться, как от толчка, в смятении и тревоге.

Вот схема, по которой развивается этот сон. Спящая одна, часто у себя дома. На улице, в темноте, маячит подозрительная фигура – одна или несколько. Испуганная женщина набирает номер телефона [7] службы спасения, чтобы попросить о помощи. Вдруг она понимает, что темный человек уже в доме, совсем близко; возможно, она уже чувствует его дыхание; возможно, он даже прикасается к ней, а она все еще не может дозвониться в службу спасения. Спящая мгновенно просыпается, тяжело дыша, сердце стучит, как обезумевший барабан.

Снам о темном человеке сопутствуют сильные проявления на телесном уровне. Часто бывает, что, когда женщине снится такой сон, она потеет, бьется, хрипло дышит, сердце у нее колотится, иногда она кричит и стонет от страха. Можно подумать, что творец снов запоздал с тонкими посланиями и теперь шлет образы, которые сотрясают нервную систему спящей, таким способом напоминая о неотложности дела.

Обычно преследователи, действующие в таких снах о темном человеке, – это, выражаясь словами самих женщин, «террористы, насильники, бандиты, нацисты из концентрационных лагерей, грабители, убийцы, преступники, взломщики, плохие люди, воры». Есть несколько уровней толкования подобных снов в зависимости от жизненных обстоятельств и внутренних драм, которые окружают женщину.

Часто такой сон, например, указывает почти безошибочно на то, что сознание женщины – особенно если она очень молода – еще только начинает отдавать себе отчет в существовании врожденного хищника души. Такой сон может также быть предвестником: женщина только что обнаружила или вот-вот обнаружит забытую и плененную функцию души и начнет ее освобождать. Или же, при других обстоятельствах, этот сон свидетельствует о все более нестерпимой ситуации, складывающейся в обществе, вне личной жизни женщины, о ситуации, в которой ей нужно либо сражаться, либо спасаться бегством.

Давайте вначале рассмотрим субъективные мысли, присутствующие в этом мотиве, и то, как они соотносятся с личной и внутренней жизнью женщины. Сон о темном человеке рассказывает женщине о том, с какой неприятностью она столкнулась. Этот сон говорит о жестоком отношении к себе самой – это олицетворяет бандит из сна. Если женщина, по примеру жены Синей Бороды, сумеет сознательно поставить «ключевой» вопрос об этом и честно на него ответить, она сможет освободиться. Тогда грабители, тайные враги и хищники души будут докучать ей гораздо меньше. Они уберутся на дальний уровень бессознательного, и она сможет общаться с ними спокойно, а не в горячке.

Темный человек появляется в женских снах, когда неизбежна инициация – переход души с одного уровня знания и поведения на другой, более зрелый или более энергичный. Этот сон приходит и к тем, кому еще только предстоит пройти инициацию, и к ветеранам, пережившим не один ритуал перехода, ибо всегда есть новые инициации. Каков бы ни был возраст женщины, сколько бы лет ни прошло, впереди у нее еще много возрастов, много этапов и много «в первый раз». Именно в этом суть инициации: она образует переход, который мы готовимся преодолеть на пути к новому образу знания и бытия.

Сновидения – это портал, врата, подготовка и практика для перехода на новую ступень сознания, в «новый день» процесса индивидуации. Поэтому женщина может увидеть сон о хищнике, когда ее душевные обстоятельства слишком застойны или безмятежны. Можно сказать, что цель его – поднять бурю в душе, которая позволит выполнить какую-то работу, требующую прилива энергии. Но подобный сон еще и утверждает, что жизни женщины необходима перемена, что там, где нужно сделать сложный выбор, женщину одолела тоска или пустота, что она медлит сделать следующий шаг, пройти следующий отрезок пути, что она не решается отбить у хищника свою собственную силу, что она не привыкла жить/действовать/бороться с азартом, в полную силу.

Кроме того, сны о темном человеке – это еще и тревожные сигналы. Они зовут нас: «Проснись! Обрати внимание! Что-то коренным образом разладилось во внешнем мире, в личной жизни или во внешней коллективной культуре». Теория классической психологии склонна огульно отказывать человеческой психике в какой бы то ни было связи с землей, на которой живут люди, в знании культурной этиологии болезней и тревожных состояний; она склонна также отделять психику от политики и жизни общества, формирующей внешнюю и внутреннюю жизнь людей, будто этот внешний мир не столь же сюрреалистичен, не столь же насыщен символами, не так же влияет и воздействует на жизнь души, как внутренняя болтовня. Страна, культурная и политическая среда, в которой мы живем, точно так же определяют психический ландшафт человека и в этом свете имеют такую же ценность, как и его субъективная среда.

Когда внешний мир вторгается в сокровенную жизнь души одного человека или многих, сны о темном человеке идут косяком. Я собрала очень яркие переживания, регистрируя сновидения женщин, на которых оказал влияние какой-нибудь разлад в обществе, например, у тех, кто живет неподалеку от ядовитого плавильного завода в Йорк-Сити [8], штат Айдахо; сновидения некоторых чрезвычайно сознательных женщин, активно участвующих в общественных выступлениях и защите окружающей среды, например, guerillas compagnems, боевых сестер из Квебрады, захолустья Центральной Америки [9], женщин из Cofradios des Santuarios [10] в Соединенных Штатах и защитниц гражданских прав в округе Латино [11]. Всем им часто снятся сны о темном человеке.

Похоже, что для наивных или не осознающих себя женщин эти сны, как правило, играют роль призыва к пробуждению: «Эй, будь начеку, ты в опасности!» А для тех женщин, которые вполне сознательны и участвуют в общественной деятельности, сны о темном человеке можно сравнить с тонизирующим средством, которое напоминает женщине о том, с чем она борется, побуждает ее быть сильной, бдительной и продолжать начатое дело.

Поэтому, когда женщина видит во сне обитающего в душе хищника, это не всегда и не только весть о ее внутренней жизни. Иногда это весть о какой-то опасной стороне общества, в котором она живет, будь то маленькое, но жестокое общество на службе, в собственной семье, в соседнем городке – или же широкое, включающее в себя всю религиозную общину или нацию. Как можно убедиться, у каждой группы, у каждого общества есть свой собственный врожденный хищник души, а из истории мы видим, что разным народам свойственны эпохи, с которыми этого хищника отождествляют, давая ему полную волю, пока не появится масса людей, которые думают иначе.

Если многие психологи подчеркивают влияние семьи как главную причину человеческого страха, то общественный компонент несет такую же нагрузку, ибо общество – семья семьи. Если семья семьи страдает разными болезнями, то и всем семьям этого общества придется бороться с теми же недугами. У моего народа есть поговорка: cultura cura, общество лечит. Если общество является лекарем, семьи тоже научатся лечить – в них будет меньше борьбы, больше стараний загладить вину, меньше обид и гораздо больше милосердия и любви. В обществе, где правит хищник, вся новая жизнь, которая должна народиться, вся старая жизнь, которая должна уйти, обездвижены, а душевная жизнь граждан скована страхом и духовным голодом.

Никто не может сказать уверенно, почему этот захватчик, который в женских снах чаще всего принимает облик агрессивного мужчины, стремится напасть на инстинктивную душу, в особенности на ее первозданные мудрые силы. Мы говорим, что это в порядке вещей. И все же мы обнаруживаем, что этот разрушительный процесс усугубляется, когда окружающее общество поощряет, питает и защищает разрушительное отношение к глубинам инстинктивной и душевной природы. Таким путем эти разрушительные культурные ценности усиливаются в коллективной психике всех членов общества – к полному удовольствию хищника. Если общество призывает своих членов не доверять глубокой инстинктивной жизни и сторониться ее, хищный элемент, присущий душе каждого человека, набирает силу и скорость.

И все же даже в условиях общественного гнета, если в женщине продолжает жить, цвести и, может быть, даже сиять Первозданная Женщина, то «ключевые» вопросы будут заданы – и не только те, которые мы считаем полезными для того, чтобы заглянуть в себя, но и те, которые касаются нашего общества. «Что стоит за теми запретами, которые я наблюдаю во внешнем мире? Что хорошего или полезного в личности, обществе, земле, человеческой природе было убито или лежит при смерти?» Когда эти вопросы будут рассмотрены, женщина получит возможность действовать в соответствии с собственными способностями и талантами. Взять мир в руки и поступать с ним так, чтобы эти действия наполняли и укрепляли душу, – вот сильный поступок дикого духа.

Именно поэтому дикую женскую природу необходимо сохранять, а в некоторых случаях и чрезвычайно бдительно оберегать, чтобы ее внезапно не похитили и не задушили. Важно питать эту инстинктивную натуру, укрывать, растить, ибо даже при самых стесненных условиях общества, семьи или души в женщинах, которые сохранили связь с этой сокровенной и дикой инстинктивной природой, гораздо меньше скованности. Хотя женщине, которую держат в плену и/или обманом принуждают оставаться наивной и покорной, причиняют вред, она все же сохраняет достаточно энергии, чтобы одолеть тюремщика, ускользнуть от него, убежать и в итоге расчленить и использовать в собственных созидательных целях.

Есть один особый случай, когда у женщины возникает очень большая вероятность увидеть сны о темном незнакомце, – это время, когда ее внутренний творческий огонь начинает сам собой дымить и коптить, когда в запасе мало дров или когда с каждым днем слой пепла становится все толще, а котел остается пустым. Эти симптомы могут возникать даже если нам не занимать опыта, а также в том случае, когда мы впервые начинаем серьезно применять свои дарования во внешнем мире. Эти симптомы возникают, если произошло вторжение хищника в нашу душу, и в результате мы находим повод делать все что угодно, лишь бы не встать, не сесть, не поехать туда, где мы можем разделаться со всем, чего боимся.

В этих случаях сон о незнакомце не является зловещим, даже если он сопровождается страхом, заставляющим сердце бешено колотиться. Это очень благоприятный сон о правильной и своевременной потребности пробудиться, чтобы заметить разрушительное движение в собственной душе, то, что крадет наш внутренний огонь, посягает на нашу энергию, отнимает у нас место, пространство, время, территорию, которую мы должны создать.

Нередко творческая жизнь замедляется или застопоривается, поскольку что-то в нашей душе очень плохо о нас думает, и вот мы ползаем у его ног, вместо того чтобы дать ему по голове и убежать на свободу. Во многих случаях, чтобы исправить ситуацию, необходимо относиться к себе, к своим замыслам, к своему творчеству гораздо серьезнее, чем мы это делали раньше. Из-за того что на протяжении многих поколений в передаче помощи по материнской (и отцовской) линии образовались широкие бреши, это умение – ценить собственную творческую жизнь, то есть ценить совершенно оригинальные, прекрасные и причудливые идеи и произведения, исходящие из первозданной души, – стало для женщин постоянной загвоздкой.

В своем кабинете я наблюдаю, как поэтессы швыряют на кушетку свои рукописи так, будто их поэзия – не сокровище, а мусор. Вижу, как художницы, принося на выставку свои картины, с грохотом задевают ими о дверной косяк. Вижу зеленые искры в глазах женщин, когда они пытаются скрыть гнев из-за того, что другие могут творить, а они почему-то нет.

Я слышу все те оправдания, которые способна выдумать каждая женщина: «Я бездарна», «Я никчемна», «Я необразованна», «У меня нет никаких мыслей», «Я ничего не знаю», «Не знаю почему», «Не знаю когда». И самое смехотворное: «У меня нет времени». Мне всегда хочется схватить таких женщин за ноги и трясти до тех пор, пока они не раскаются и не пообещают больше никогда не лгать. Но мне не нужно их трясти, потому что это сделает незнакомец из сна, а если не он, то какой-нибудь другой персонаж сновидения.

Сон о темном человеке – это страшный сон, а страшные сны чаще всего очень полезны для творческого процесса: они показывают художнику, что с ним случится, если он позволит низвести себя до положения талантливого бездельника. Такого сна о незнакомце часто бывает достаточно, чтобы испуганная женщина снова занялась творчеством. На самый крайний случай она может создать произведение, в котором прольет свет на темного человека из своих снов.

Угроза, исходящая от таинственного незнакомца, служит всем нам предупреждением: если не будешь беречь сокровища, их украдут. Таким образом, когда женщина видит один из таких снов или целую серию, это означает, что открывается широкая дверь, ведущая к месту инициации, где может произойти переоценка ее дарований. Там она сможет узнать и оценить то, что больше всего губит ее или грабит, а потом и справиться с этим.

Если женщина постарается выследить хищника, посягающего на ее душу, если она осознает его присутствие и вступит с ним в неизбежный бой, хищник переместится в гораздо более уединенное и скромное место души. Если же не обращать на него внимания, он проникается все более острой и глубокой ненавистью и ревностью и стремится заставить женщину замолчать навеки.

Если взять самый земной уровень, то женщине, которая видит во сне персонажей типа темного человека или Синей Бороды, важно как можно лучше очистить свою жизнь от всего неблагоприятного. Иногда необходимо ограничить или ослабить некоторые отношения: ведь если во внешнем мире женщину окружают люди, которые настроены к ней враждебно или безразлично, это питает внутреннего хищника, и он наращивает силу в ее душе и становится еще агрессивнее.

Когда приходится проявить агрессию по отношению к захватчику, женщина порой испытывает очень двойственное чувство, потому что видит в этом ситуацию, в которой сделать – плохо и не сделать – плохо. Если не пойти на разрыв, зловещий незнакомец станет ее хозяином, а она – его рабыней. Если пойти на разрыв, он будет ее безжалостно преследовать, как будто она его собственность. Женщина боится, что он будет травить ее, как дичь, чтобы снова подчинить своей власти, и этот страх отражается в содержании ее снов.

Поэтому часто бывает, что в ответ на угрозы хищника женщина умерщвляет свою сокровенную дикую натуру, глубоко самобытную и творческую. Вот почему в подвале Синей Бороды лежат женские трупы и скелеты. Эти женщины увидели западню, но слишком поздно. Осознание – это выход из клетки, спасение от мук. Это избавление от зловещего незнакомца. И право женщины – биться не на жизнь, а на смерть, чтобы завоевать его и сохранить.

В сказке о Синей Бороде мы видим, как женщина, которая поддалась чарам хищника, собирается с силами и ускользает от него, выйдя из этого испытания умудренной опытом. Это сказка о преображении четырех призрачных интроектов, [19] которые для женщин являются особенно противоречивыми. Вот они: отсутствие целостного видения, отсутствие глубокой интуиции, отсутствие самобытного голоса, отсутствие решительного действия. Чтобы изгнать хищника, мы должны отпереть или вскрыть себя и другие вещи и увидеть, что находится внутри. Мы должны использовать свои способности, чтобы вынести то, что увидим. Мы должны отчетливо высказать свою правду. И в довершение, мы должны использовать свой разум, чтобы сделать с увиденным то, что необходимо сделать.

Женщина, чья инстинктивная природа сильна, интуитивно распознает врожденного хищника зрением, слухом, чутьем: предвидит его приход, слышит его приближение и принимает меры, чтобы его прогнать. Если у женщины неполноценные инстинкты, хищник нападает на нее прежде, чем она заметит его присутствие, потому что ее слух, знание и

[19] Психическая структура, образовавшаяся в результате интроекции, когда функции внешнего объекта берет на себя его психическое представление, посредством которого отношения с внешним объектом заменяются отношениями с воображаемым объектом внутри себя.

восприятие повреждены – главным образом интроектами, которые побуждают ее быть милой, вести себя прилично и, особенно, закрывать глаза на то, что ее используют.

С психологической точки зрения бывает трудно с первого взгляда различить непосвященных, которые просто еще молоды, а потому наивны, и женщин с поврежденными инстинктами. Ни те, ни другие почти ничего не знают о зловещем хищнике, а значит, и те, и другие все еще доверчивы. Но, к счастью для нас, когда хищный элемент женской души приходит в движение, он оставляет безошибочно узнаваемые следы в сновидениях. Эти следы в конце концов позволяют его обнаружить, изловить и ликвидировать.

Лекарство для наивной женщины и женщины с поврежденными инстинктами одинаково: прислушивайтесь к своей интуиции, к своему внутреннему голосу; задавайте вопросы; проявляйте любопытство; видьте то, что видите; слышьте то, что слышите; а потом действуйте, опираясь на свое знание истины. Интуиция – способность, которую ваша душа получила при рождении. Может быть, она долгие годы была скрыта под слоем пепла и экскрементов. Но это еще не конец света, потому что все можно смыть. Стоит немного потереть, поскрести, потренироваться, и ваши способности восприятия снова вернутся к первозданному состоянию.

Если извлечь эти способности из мрака души, мы перестанем быть лишь жертвами внутренних и внешних обстоятельств. Какие бы требования ни предъявляли общество, личность, душа и все остальное к одежде и поведению женщины, как бы ни хотели окружающие, чтобы все женщины держались стайкой под присмотром десятка бдительных дуэний, какие бы силы ни пытались подавить жизнь женской души, никто и ничто не в состоянии изменить факт: женщина – то, что она есть, это продиктовано диким бессознательным и просто замечательно.

Очень важно, чтобы мы помнили: когда у нас бывают сны о зловещем темном человеке, всегда есть противоположная, то есть уравновешивающая сила, которая постоянно наготове и ждет, чтобы прийти нам на помощь. Угадайте, кто появляется, как только мы призываем дикую энергию, чтобы дать отпор хищнику? Дикая Женщина, которая одним махом преодолевает все ограды, стены и препятствия, воздвигнутые хищником. Она не икона, которую нужно повесить на стену как retablo, картину религиозного содержания. Она живое существо, Она приходит к нам везде, при любых обстоятельствах. Она и хищник знакомы с незапамятных времен. Она идет по его следу в снах, в сказках, в легендах, на протяжении всей женской жизни. Где он – там и Она, ибо Она уравновешивает его хищные набеги.

Первозданная Женщина учит женщин, когда не следует быть «умницей» в интересах защиты жизни собственной души. Дикая натура знает, что если в таких обстоятельствах вести себя «паинькой», это только вызовет у хищника улыбку. Когда жизнь души в опасности, провести черту и не отступать ни на шаг не только допустимо, но обязательно. Если женщина сделает это, в ее жизнь уже никто не вмешается, потому что она сразу узнает, что не так, и сможет отогнать хищника туда, где ему место. Она уже больше не наивна. Она уже не цель и не мишень. Вот средство, которое заставит ключ – тот маленький, с завитушками – наконец-то прекратить кровоточить.

Глава 3
РАЗНЮХАТЬ ФАКТЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНТУИЦИИ КАК ИНИЦИАЦИЯ

Кукла в кармане: Василиса Премудрая

Интуиция – сокровище женской души. Она сродни гадательной принадлежности, сродни магическому кристаллу, в который можно заглянуть сверхъестественным внутренним зрением. Она сродни старой мудрой женщине, которая всегда с вами, которая точно скажет вам, в чем дело, точно скажет вам, куда идти: налево или направо. Это одна из

ипостасей Той, Кто Знает, старой La Que Sabe, Первозданной Женщины.

В традиции, которая окружала меня в детстве, истинная сказительница всегда трудится под какой-то душевной горой, по колено в прахе истории, сметая пыль столетий, копаясь в напластованиях культур и войн, нумеруя каждый рельеф и каждую фреску сказки, которую удается обнаружить. Порой от сказки осталась одна труха, иногда не хватает каких-то частей и деталей, часто бывает, что форма сохранилась, а от росписи ничего не осталось. Тем не менее, начиная каждый новый раскоп, женщина втайне надеется найти всю историю в целости и сохранности. Сказка, о которой пойдет речь, относится к разряду таких невероятных сокровищ.

На мой взгляд, старинная русская сказка о Василисе [1] – это история об инициации женщины, в которой почти все основные кости на месте. О постижении того, что большинство вещей не такие, какими кажутся. Чтобы это разнюхать, мы, женщины, призываем на помощь интуицию и инстинкты. Мы используем все свои чувства, чтобы выжать из вещей правду, извлечь пищу из своих собственных идей, увидеть то, что следует видеть, узнать то, что следует знать, стать хранительницами своего творческого огня и получить сокровенное знание о циклах Жизни-Смерти-Жизни всей природы – после этого женщину можно назвать инициированной, посвященной.

Сказки, где главным действующим лицом выступает Василиса, рассказывают в России, Румынии, Югославии, Польше и по всей Прибалтике. Иногда в народе эту сказку называют «Василиса Премудрая». Я нахожу подтверждения того, что ее архетипические корни восходят по крайней мере к древним культам Богини-лошади, которые предваряют классическую культуру Греции. Эта сказка рисует извечную психическую картину введения в глубинный мир первозданной богини. Она посвящена наделению земной женщины главной инстинктивной способностью Дикой Женщины – интуицией.

Схему для этой литературной версии сказки о Василисе я получила от своей тетушки Кэйти. Сказка начинается с одного из самых старых сказочных приемов: «Было ли, не было…» [2] Это парадоксальное выражение имеет целью настроить душу слушателя на то, что действие сказки разворачивается в мире между мирами, где все не такое, каким кажется на первый взгляд. Итак, приступим.

ВАСИЛИСА

Было ли, не было, только жила-была когда-то молодая женщина. Занемогла она и лежала на смертном ложе, бледная, как белые розы в ризнице соседней церкви. Ее малая дочь и муж сидели на краю старой деревянной кровати и молились, чтобы Бог благополучно препроводил ее в мир иной.

Умирающая позвала Василису, и девочка в красных башмачках и белом фартучке опустилась на колени у материнской постели.

– Вот тебе куколка, моя милая, – прошептала мать и вытащила из-под шерстяного покрывала маленькую куколку, которая, как и Василиса, была одета в красные башмачки, белый фартучек, черную юбку и жилетку, расшитую цветными нитками.

– Вот мои последние слова, душенька, – сказала мать. – Если заблудишься в лесу или тебе понадобится помощь, спроси у куколки, что делать. Она тебе поможет. Всегда носи куколку с собой, никому про нее не рассказывай, а захочет есть – накорми. Вот тебе мой материнский завет и мое благословение, милая доченька.

Только она это промолвила, как дыхание ее ушло вглубь, подхватило душу, вырвалось из уст – и она умерла.

Девочка с отцом долго горевали. Но, как поле, жестоко перепаханное войной, жизнь отца снова дала новые всходы, и он взял в жены вдову с двумя дочерьми. Хотя мачеха и ее дочери вели учтивые речи и улыбались, будто важные дамы, было в их улыбках что-то крысиное, чего не заметил отец Василисы.

И, разумеется, когда мачеха с дочерьми оставались с Василисой одни, они мучили ее, заставляли себе прислуживать, посылали в лес за хворостом, чтобы ее нежная кожа потрескалась. Они ненавидели ее, потому что была в ней неземная прелесть. Девочка была чудо как хороша. Ее груди наливались, а их сохли от злости. Она всем помогала и никогда не роптала, а мачеха и сестры грызлись, как собаки из-за кости.

Настал день, когда мачеха и сестры просто не могли больше видеть Василису. «Давайте нарочно потушим огонь, – сговорились они, – и пошлем Василису в лес к старой колдунье Бабе Яге попросить огня для нашей печи. Она придет к Бабе Яге, а та ее и съест». Тут они захлопали в ладоши и заухали, как ночные твари.

И вот вечером, когда Василиса вернулась с хворостом домой, весь дом был погружен во тьму. Она встревожилась и спросила мачеху:

– Что случилось? Как же нам приготовить еду? Как сделать, чтобы было светло?

– Глупая ты девчонка, – набросилась на нее мачеха, – разве не видишь, что у нас нет огня? Я уже стара и не могу пойти в лес. А дочери мои не могут, потому что боятся. Так что только ты одна можешь пойти в лес, отыскать там Бабу Ягу и взять у нее уголек, чтобы снова разжечь огонь.

– Ладно, я так и сделаю, – безропотно ответила Василиса и отправилась в путь.

Лес становился все темнее и темнее, сучья трещали под ногами, пугая девочку. Она сунула руку в глубокий карман фартука – там была куколка, которую дала ей мать. Василиса погладила куколку в кармане и сказала: «Дотронусь до куколки, и мне сразу станет легче».

На каждой развилке дороги Василиса совала руку в карман и советовалась с куколкой: «Куда мне идти – налево или направо?» Куколка отвечала «да» или «нет», «туда» или «сюда». Василиса кормила ее хлебом и шла дальше, повинуясь указаниям, которые давала ей куколка.

Вдруг мимо проскакал белый всадник на белом коне, и стало светло. Потом промчался красный всадник на красном коне, и взошло солнце. Василиса все шла и шла, и только она подошла к жилью Бабы Яги, как появился черный всадник на черном коне и въехал прямо в избушку. И сразу спустилась ночь. Забор из костей и черепов, которым была огорожена избушка, засветился изнутри, так что лесная поляна озарилась призрачным светом.

Баба Яга была очень страшна собой. Ездила она не в карете и не на повозке, а в ступе, которая летала сама собой. Она погоняла ступу пестом, а следы заметала помелом из волос мертвецов.

Когда ступа летела по небу, длинные космы Бабы Яги развевались следом. Ее длинный подбородок задирался вверх, а длинный нос загибался вниз, так что они соединялись на полпути. У нее была белая козлиная бороденка, а кожа покрыта бородавками, потому что она вечно возилась с жабами. Бурые ногти были толстые и горбатые, как крыша у дома, и такие крючковатые, что она не могла сжать пальцы в кулак.

Еще чуднее был дом Бабы Яги. То была избушка на курьих ножках, которая ходила сама собой, а иногда кружилась, будто в бешеном танце. Засовы на дверях и ставнях были из человечьих пальцев, а вместо замка на передней двери висела звериная морда с острыми зубами.

Василиса обратилась к куколке и спросила:

– Не это ли тот дом, который мы ищем? И куколка подала ей условный знак:

– Да, это тот самый дом, который ты ищешь.

Не успела Василиса сделать шаг, как Баба Яга спустилась с неба в своей ступе и крикнула:

– А тебе чего надобно?

– Я пришла за огнем, бабушка, – дрожа, ответила девочка. – В доме холодно… мои родные умрут… Мне нужен огонь.

– Как же, знаю я тебя и твоих родных, – проворчала Баба Яга. – И ты, никчемная девчонка, упустила огонь. Это не очень умно. А с чего ты взяла, что я дам тебе огня?

Василиса посоветовалась с куколкой и быстро ответила:

– Потому что я прошу.

– Повезло тебе, – пробормотала Баба Яга. – Ты дала верный ответ. Василиса очень обрадовалась, что правильно ответила.

– Только не дам я тебе огня, пока не выполнишь для меня кое-какую работу, – предупредила Баба Яга. – Справишься – получишь огонь, а не справишься… – тут Василиса увидела, как глаза бабы Яги полыхнули красным пламенем. – А не справишься – с жизнью простишься.

Баба Яга с грохотом въехала в избушку, улеглась на постель и велела Василисе принести то, что варилось в печи. Еды там было на десятерых, но Яга съела все, а девочке оставила только корку хлеба да с наперсток супа.

– Постирай мою одежду, подмети двор, прибери в избе, наготовь еды, отдели хорошее зерно от гнилого да проследи, чтобы все было в порядке. А я вернусь – проверю твою работу. Не справишься – я тебя съем! – И с этими словами Баба Яга улетела в ступе: нос указывал курс, а волосы развевались по ветру, словно паруса. И снова наступила ночь.

Как только Яга исчезла, Василиса стала спрашивать куколку: «Как мне быть? Разве можно успеть переделать все эти дела?» Куколка успокоила девочку и, обещав все уладить, велела ей поесть и ложиться спать. Василиса поделилась едой с куколкой и легла спать.

Утром куколка переделала всю работу, так что осталось только приготовить еду. Вечером вернулась Баба Яга и обнаружила, что все выполнено. С одной стороны, она была довольна, а с другой – рассердилась, потому что не могла ни к чему придраться.

– Везет тебе, девчонка, – усмехнулась она и кликнула трех верных слуг, чтобы они смололи зерно.

Тут откуда ни возьмись появились три пары рук и стали шелушить и дробить зерно. Шелуха залетала по избе, как золотой снег. Наконец все было готово, и Баба Яга уселась за еду. Она ела несколько часов подряд, а потом велела Василисе утром снова убрать в избе, подмести двор и постирать одежду.

Яга показала девочке большую кучу грязи во дворе.

– В этой куче полным-полно маковых семян, так вот, я хочу, чтобы утром маковые семена были отдельно, а грязь отдельно. Поняла?

Василиса едва не лишилась чувств: «Как же мне это сделать?» Она нащупала в кармане куколку, и та шепнула:

– Не печалься, я обо всем позабочусь.

Ночью, когда баба Яга захрапела, Василиса принялась выбирать из грязи маковые семена, но скоро куколка сказала ей:

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

И на этот раз она выполнила всю работу, так что, когда старая карга вернулась домой, все было готово.

– Ладно, – пробурчала Баба Яга, – повезло тебе, что ты смогла все сделать.

Она кликнула верных слуг выжать масло из макового семени, и снова, откуда ни возьмись, появились три пары рук и выполнили приказ.

Наевшись жирного мяса, Баба Яга облизывала губы, а Василиса стояла рядом.

– Ну, чего уставилась? – буркнула старуха.

– Можно я задам один вопрос, бабушка? – спросила Василиса.

– Спрашивай, – разрешила Баба Яга, – только помни: много будешь знать – скоро состаришься.

Василиса спросила про белого всадника на белом коне.

– А, – милостиво сказала Баба Яга, – это мой первенец, День.

– А красный всадник?

– А, это мое Красное Солнышко.

– А черный всадник на черном коне?

– А, это мой третий, Ночь.

– Вот оно что, – сказала девочка.

– Ну, что же ты, милая! Неужто у тебя больше нет вопросов? – вкрадчиво спросила колдунья.

Василиса совсем уж было собралась спросить о трех парах рук, которые откуда ни возьмись появлялись и неведомо куда исчезали, но куколка в кармане начала подпрыгивать, и тогда девочка сказала:

– Нет, бабушка. Ведь ты сама говоришь: много будешь знать, скоро состаришься.

– Что-то ты умна не по годам, красавица, – проворчала Баба Яга, вертя головой, как сова. – И откуда это у тебя?

– От матушкиного благословения, – усмехнулась Василиса.

– Благословения?! – взвизгнула колдунья. – Благословения?! В этом доме нет места для благословений! Убирайся-ка ты отсюда восвояси, милая! – И она вытолкала Василису за дверь, в ночь.

– Вот тебе напоследок, держи! – Баба Яга сняла с забора череп с горящими глазами и насадила на палку. – Вот тебе огонь, забирай череп с собой. А теперь ни слова больше, ступай!

Василиса хотела было поблагодарить старуху, но куколка в кармане стала подпрыгивать, так что девочка поняла: нужно брать огонь и убираться поскорее. Она побежала через лес домой, выбирая те дороги и тропинки, которые указывала ей куколка. В руке она крепко сжимала палку с черепом – из его глазниц и отверстий на месте носа и рта полыхало пламя. Вдруг от его тяжести и призрачного света Василисе стало страшно и захотелось бросить череп. Но он заговорил с ней и велел успокоиться и идти дальше, к дому, где жили ее мачеха и сестры. Так она и сделала.

Когда девочка подошла к дому совсем близко, мачеха и сестры выглянули в окно и увидели, что по лесу разливается странное сияние. Оно все приближалось и приближалось. Злодейки не могли понять, что бы это могло быть. Они решили, что, раз Василисы так долго нет, она, должно быть, умерла, а кости ее растащили дикие звери – вот и прекрасно.

Василиса подходила все ближе к дому. Увидев, что это она, мачеха и сестры выбежали к ней и стали жаловаться: мол, с тех пор, как она ушла, они сидят без огня, и, сколько раз они ни старались его развести, он все время гас.

Девочка вошла в дом, не чуя под собой ног от радости. Она вернулась живая и невредимая и принесла домой огонь! Но череп следил за каждым шагом мачехи и сестер и, улучив момент, спалил их дотла, так что к утру от злодеек остались одни головешки.

Вот он – внезапный конец, помогающий выбросить людей из сказки в реальную жизнь. У сказок множество таких концовок, возвращающих слушателей на землю.

«Василиса» – сказка о том, как благословение женской интуиции передается от матери к дочери, от поколения к поколению. Эта великая сила, интуиция, состоит из молниеносного внутреннего зрения, внутреннего слуха, внутреннего чутья и внутреннего знания.

На протяжении многих поколений эти интуитивные женские силы превратились в ушедшие под землю реки, а ушли они потому, что их не использовали и незаслуженно ославили. Однако Юнг как-то заметил, что в душе никогда ничего не пропадает. Я думаю, можно не сомневаться, что затерянное в душе все еще там. Так что и этот источник женской инстинктивной интуиции никогда не исчезал, и все скрывшееся можно снова обнаружить.

Чтобы уяснить себе смысл этой сказки, нужно понимать, что все ее элементы изображают качества одной-единственной женской души. Поэтому все аспекты сказки относятся к отдельно взятой душе, проходящей процесс инициации, и проливают свет именно на нее. Посвящение проводится в процессе выполнения определенных заданий. В этой сказке есть девять таких заданий, которые должна выполнить душа. Они сосредоточены на узнавании разных повадок Старой Дикой Матери.

Благодаря выполнению этих заданий в женскую душу возвращается интуиция – то мудрое существо, которое повсюду ходит вместе с женщиной, глядит на все, что та видит в жизни, и быстро и точно определяет истинность всего этого. А цель – любовные и доверительные отношения с этим существом, которое мы называем «мудрой женщиной»,

сущностью архетипа Первозданной Женщины.

В ритуале, который проводит Баба Яга – старое дикое божество, – задания, выполняемые в ходе посвящения, таковы:

Задача первая: позволить слишком, доброй матери умереть

В начале сказки умирающая мать завещает дочери ценное наследство. На этом этапе жизни перед женщиной стоят следующие задачи:

Смириться с тем, что вечно бдительная, слишком заботливая мать-наседка не годится для роли главного проводника в будущую инстинктивную жизнь (слишком хорошая мать умирает). Взять на себя ответственность за самостоятельную жизнь, развивать осознанность по отношению к опасности, интриге, политике. Стать бдительной к себе и для себя. Позволить умереть тому, что должно умереть. Со смертью слишком доброй матери рождается женщина.

В сказке процесс инициации начинается после того, как добрая и любимая мать умирает. Ее нет, больше никогда она не погладит Василису по голове. У каждой из нас – у каждой дочери – наступает время, когда добрая мать души, прежде служившая нам верой и правдой, превращается в слишком добрую мать, которая из-за своей чрезмерной опеки начинает мешать нашему отклику на новые задачи, а значит, и более глубокому развитию.

В естественном процессе нашего взросления слишком добрая мать должна все больше бледнеть и наконец совсем растаять, чтобы мы могли сами по-новому заботиться о себе. Хотя мы навсегда сохраняем частицу ее тепла, этот естественный психический переход оставляет нас одинокими в мире, который относится к нам совсем не по-матерински. Но погодите: эта слишком добрая мать – нечто большее, чем может показаться на первый взгляд. Под одеялом она прячет куколку, чтобы вручить ее дочери.

Да, за этим образом скрыто что-то от Дикой Матери. Только слишком добрая мать не может до конца это выразить, потому что она – мать наших младенческих лет, это та благодать, которая необходима каждому ребенку, чтобы укрепиться в душевном мире любви. Поэтому, пусть даже эта слишком добрая мать может жить и оказывать влияние только до некоего рубежа в жизни девочки, здесь снарядом со своим чадом. Она благословляет Василису куклой и, как мы убеждаемся, это поистине великое благословение.

Драматическое психологическое угасание слишком заботливой матери происходит по мере того, как девочка выходит из выстланного пухом гнезда детства в буйные джунгли отрочества. Однако для некоторых девочек процесс развития новой, более проницательной внутренней матери – матери по имени интуиция – в эту пору завершается лишь наполовину, и получившие такое посвящение женщины годами блуждают, томясь от жажды пережить полную инициацию и нуждаясь в ней, и сами, как могут, латают свои недостатки.

Остановка процесса инициации происходит у женщин по разным причинам, например, если на долю девочки выпало слишком много трудностей психологического характера, особенно если в раннем возрасте у нее не было постоянной «в меру доброй» матери [3]. Инициация может и прекратиться или не завершиться, если душе недостает напряжения – слишком добрая мать, обладая несокрушимым здоровьем сорной травы, продолжает жить, распускать листья и чрезмерно опекать свою дочь, даже если в сценарии о ней сказано: «Быстро покидает сцену». В такой ситуации женщины нередко оказываются слишком робкими, чтобы уйти в лес, и всеми силами противятся этому.

Для них, а также для других взрослых женщин, которых невзгоды реальной Жизни отрезают и отгораживают от жизни сокровенной, интуитивной, которые часто жалуются: «Я так устала сама о себе заботиться», – есть одно хорошее и мудрое средство. Если утвердить себя заново, пройти по собственным следам или еще раз пройти посвящение, это поможет вернуть глубокую интуицию, независимо от возраста женщины. Ведь именно глубокая интуиция знает, что для нас хорошо, знает, что нам понадобится дальше, причем узнает это с

быстротой молнии – если только мы прислушиваемся к ее указаниям.

Инициация Василисы начинается с того, что она учится позволять умереть тому, что должно умереть. Это значит позволить умереть тем ценностям и отношениям, которые больше не питают душу. Следует обратить особое внимание на те укоренившиеся принципы, которые делают нашу жизнь слишком надежной, слишком оберегают нас – и заставляют нас семенить, вместо того чтобы шагать широко и свободно.

Пора, когда «хорошая мать» нашего детства угасает и свойственный ей подход тоже отмирает, – это всегда время активного обучения. У каждой из нас в жизни бывает период, когда мы вполне обоснованно держимся за юбку опекающей нас психологической матери (например, в детстве, или когда мы оправляемся от болезни, психологической или духовной травмы, или когда наша жизнь в опасности, и чем тише мы себя ведем, тем больше у нас шансов уцелеть); но, даже если мы сохраним на всю жизнь запас ее помощи, все равно приходит время, образно выражаясь, найти себе другую мать [4].

Если мы слишком надолго задержимся в своей душе с матерью-наседкой, то окажется, что мы сами перекрываем себе все дороги, а значит, препятствуем дальнейшему развитию. Я ни в коем случае не хочу сказать, что женщина должна намеренно ставить себя в мучительные или оскорбительные ситуации; я просто имею в виду, что она должна наметить для себя в жизни нечто такое, чего ей хотелось бы достичь, даже если придется пойти на риск. Именно в ходе этого процесса она обостряет свои интуитивные способности.

Когда волчица-мать выкармливает своих волчат, они проводят вместе много счастливых часов. Все возятся в одной мохнатой куче, внешний мир, полный опасностей, уходит куда-то далеко. Но когда волчица окончательно научит детенышей охотиться и добывать себе пищу, она все чаще показывает им зубы, рычит и требует, чтобы они не отставали, а если они не делают того, что от них требуется, задает им трепку.

Поэтому, именно стремясь к дальнейшему развитию, мы меняем внутреннюю мать-наседку, которая так подходила нам, когда мы были малы, на другую, живущую еще глубже в душевной чаще мать, которая может стать нашей спутницей и наставницей. Это любящая мать, но в то же время она свирепа и требовательна.

Большинство из нас не хочет дать слишком доброй матери умереть, когда для этого приходит время. Хотя эта слишком добрая мать не позволяет нашим самым ярким энергиям проявиться, нам так хорошо рядом с ней, так спокойно – зачем же расставаться? Часто мы слышим в душе голоса, которые убеждают нас не отпускать ее, остаться в безопасном гнезде.

Эти голоса произносят что-нибудь вроде: «Не надо так говорить!», или «Ты не можешь так поступить!», или «Если ты это сделаешь, ты мне больше не дочь (подруга, сестра)!», или «Там опасно!», или «Кто знает, что из тебя получится, если ты покинешь это теплое гнездышко!», или «Разве ты не видишь, что только унижаешь себя?!», или еще более вкрадчиво: «Притворись, что идешь на риск, а сама тайком останься здесь, со мной!»

Все это голоса испуганной или изрядно рассерженной слишком доброй матери, которая живет у нас в душе. Она не может ничего с собой поделать – такой уж она уродилась. Но если мы будем возиться с этой слишком доброй матерью чересчур долго, наша жизнь и наши способности к самовыражению канут во тьму и мы станем не сильными, а хилыми.

Бывает и хуже: что происходит, когда мы подавляем бурную энергию и не даем ей жить? Как каша в волшебном горшке, который попал в неумелые руки, она растет, растет, р-р-растет, пока горшок не взорвется, – и все содержимое вываливается на землю. Поэтому нужно уметь понять: для того чтобы интуитивная душа могла черпать энергию, добрая, опекающая нас мать-наседка должна уйти. Или, может быть, еще точнее, мы в конце концов обнаруживаем себя выброшенными из этого уютного тет-а-тет – и не потому, что мы сами так решили, и не потому, что были совершенно готовы к этому – никто не бывает совершенно готов, – а потому, что на краю леса нас что-то ждет, и нам суждено с ним встретиться.

Гийом Аполлинер писал: «Мы привели их на край и стали уговаривать полетать. Они упирались. Летите! – сказали мы. Они продолжали упираться. Тогда мы столкнули их. И они

полетели».

Для женщин это характерно – они боятся дать умереть слишком спокойной и слишком безопасной жизни. Иногда женщина получает удовольствие от опеки слишком доброй матери и поэтому хочет, чтобы так продолжалось до бесконечности. Но ей необходимо захотеть время от времени ощущать тревогу иначе можно всю жизнь просидеть в гнезде.

Иногда женщина боится даже совсем ненадолго потерять опору или уверенность. У нее больше оправданий, чем блох у собаки. А нужно просто нырнуть и вынырнуть, не зная, что будет дальше. Только это поможет ей обрести свою интуитивную природу. Иногда женщину настолько связывает необходимость быть слишком доброй матерью для других взрослых людей, что они присасываются к ее груди и не собираются позволить ей уйти. В этом случае женщина должна отшвырнуть их задней лапой и все равно идти дальше.

Поскольку в сновидениях душа, наряду с другими вещами, компенсирует то, чего не желает или не может признать эго, то в качестве компенсации женские сны во время такой борьбы будут изобиловать погонями, тупиками, машинами, которые никак не заводятся, неудачными беременностями и другими символами, которые показывают, что жизнь стоит на месте. Женщина нутром чует: если самость слишком долго остается слишком милой, в этом есть что-то убийственное.

Поэтому первый шаг – перестать цепляться за сияющий архетип неизменно милой, слишком доброй матери души. Мы отвалились от соска и учимся охотиться. Нас ждет дикая мать – ждет, чтобы научить. Но пока наша вторая задача – держаться за куклу, учась в то же время ею пользоваться.

Задача вторая: разоблачить тень

В этой части сказки в мир Василисы входит отвратительная семья мачехи [5], превращая ее жизнь в ад. Задачи этого периода таковы:

Еще осознаннее учиться расставанию со слишком хорошей матерью. Понять, что если быть доброй, милой, покладистой, жизнь не осыплет тебя розами (Василиса становится служанкой, но и это не помогает). Непосредственно ощутить свою теневую природу, особенно те аспекты самости, которые связаны с неприязнью, ревностью и использованием людей в своих целях (мачеха и ее дочери). Чистосердечно признать их существование. Установить наилучшие отношения с наихудшими частями своей личности. Допустить образование напряженности между тем, кем вас учат быть, и тем, кем вы являетесь на самом деле. В итоге постараться позволить старой самости умереть, а новой родиться.

Мачеха и ее дочери олицетворяют неразвитые, но вызывающе жестокие элементы души. Это теневые элементы, то есть те аспекты личности, которые эго считает нежелательными или бесполезными и поэтому изгоняет во тьму. С одной стороны, этот теневой материал вполне может быть положительным, потому что часто во тьму вытесняются и женские дарования, скрываются там и ждут, чтобы их обнаружили. С другой стороны, отрицательный теневой материал – тот, который с готовностью уничтожает или тормозит любую новую жизнь, – тоже можно использовать в своих целях, как мы увидим дальше. Когда он прорывается, мы наконец-то опознаем его истоки и качества, отчего становимся еще сильнее и мудрее.

На этом этапе инициации женщину изводят мелочные придирки собственной души, которые вынуждают уступать любому желанию других. Такая уступчивость приводит к потрясающему открытию, которое должна заметить каждая женщина: стараясь быть собой, мы вызываем у многих людей отчуждение, стараясь же уступать желаниям других, мы вызываем отчуждение от самих себя. В этом – мучительное напряжение, которое необходимо вынести, но выбор ясен.

Василиса бесправна, потому что обретает семью, которая, считая девочку своей собственностью, не способна ее понять и оценить. Она им не нужна. Они ненавидят ее и

помыкают ею. Они обращаются с ней как с Чужой, как с человеком, которому нельзя доверять. В сказках роль чужака или отверженного обычно достается тому, кто обладает самой глубокой связью со знающей природой.

Мачеху и ее дочерей можно рассматривать как существа, внедренные в женскую душу тем обществом, к которому принадлежит женщина. Неродная семья души отличается от «душевной семьи», поскольку относится к супер-эго, к тому аспекту души, который построен в соответствии с ожиданиями каждого конкретного общества, а они могут быть для женщин благоприятными или неблагоприятными. Женщины не ощущают, что эти влияния и предписания общества, то есть супер-эго, исходят от психики души-Самости, – ей кажется, что они идут откуда-то извне, из какого-то другого источника, который не является врожденным. Влияния общества (супер-эго) могут быть очень благотворными или очень пагубными.

Неродная семья Василисы – это созревшая в душе опухоль, которая ущемляет сосуды, питающие ее жизненной силой. Эти женщины возникают как хор нераскаявшихся ведьм и сыплют упреками: «Тебе это не по плечу. Ты посредственность. Тебе не хватает смелости. Ты глупа, пресна, пуста. У тебя нет времени. Тебе под силу только простые вещи. Тебе позволено делать от сих до сих и не больше. Брось, пока не поздно». Поскольку Василиса еще не вполне осознает свои способности, она позволяет этой злой преграде пересечь линию своей жизни. Чтобы ее жизнь выправилась, должно произойти что-то еще – нечто животворное.

То же самое справедливо и для нас. В сказке мы видим, что Василиса еще очень слабо разбирается в том, что происходит вокруг нее, а отец души также не замечает враждебного окружения; он слишком добр и не обладает развитой интуицией. Интересно отметить, что тем дочерям, чьи отцы наивны, обычно необходимо гораздо больше времени, чтобы достичь пробуждения.

Нас тоже ущемляют, когда неродная семья в нас и/или вокруг нас говорит, что в нас, по меньшей мере, нет ничего особенного, и заставляет нас сосредоточиться на собственных недостатках и не замечать окружающей жестокости, откуда бы она ни исходила – из нашей души или из общества. Однако для того, чтобы заглянуть вглубь или видеть насквозь, необходима интуиция, а также способность настоять на том, что вы увидели. Как и Василиса, мы иногда стараемся быть кроткими, когда нужно быть знающими. Возможно, нас научили отказываться от острой интуиции, чтобы было легче жить. Но если быть кроткой [6], когда тебя угнетают, то в награду с тобой будут обращаться еще хуже. Хотя женщина чувствует, что быть собой – значит быть чужой для других, именно такое психическое напряжение необходимо для формирования души и создания перемены.

Итак, мачеха и ее дочери замышляют услать Василису. Втайне они думают: «Ступай-ка ты, Василиса, в лес, ступай к Бабе Яге, и, если выживешь, – да только этому не бывать! – тогда, может быть, мы тебя примем». Это очень важная мысль, потому что многие женщины в процессе инициации застревают на полпути – как будто наполовину перепрыгнули через обруч, наполовину остались. Хотя в душе и без того живет природный хищник, который твердит, как заведенный: «Умри!», «Чтоб вас!» и «Почему не послать все к черту?», общество, в котором женщина живет, и семья, в которой она выросла, могут усугублять до абсурда этот естественный, но умеренный отрицающий аспект души.

Например, женщины, выросшие в семьях, где их дарования не были признаны, часто раз за разом затевают архисложные проекты, сами не зная зачем. Им кажется, что необходимо защитить три докторские диссертации или повиснуть головой вниз на горе Эверест, или ввязываться во всевозможные авантюры, пожирающие массу времени и денег, лишь бы доказать своим семьям, что они чего-то стоят. «Ну, теперь вы меня примете? Нет? Ладно, (вздох) а как вам это?» Опухоль неродной семьи, конечно же, принадлежит нам, каким бы образом мы ее ни получили, и наша задача – справиться с ней на уровне вновь обретенной силы. Но – мы это еще увидим – если мы хотим, чтобы глубинная работа продолжалась, бесполезно пытаться доказать хору завистливых ведьм, что мы чего-то стоим;

на самом деле это даже препятствует инициации.

Василиса послушно выполняет ежедневную тяжелую работу. Безропотное смирение выглядит геройством, но, в сущности, порождает все большее напряжение и конфликт между двумя противоположными натурами, одна из которых слишком добра, а другая слишком требовательна. Как и конфликт между излишней приспособляемостью и стремлением быть собой, это напряжение благотворно. Женщина, разрывающаяся между этими двумя крайностями, – на верном пути, но ей необходимо сделать следующие шаги.

В нашей сказке мачеха и сестры так притесняют расцветающую душу, что из-за их происков гаснет огонь. Здесь женщина начинает терять свои душевные ориентиры. Она может ощущать холод, одиночество и быть готова пойти на все что угодно, лишь бы вернуть свет. Это именно тот толчок, который нужен слишком кроткой женщине, чтобы продолжить процесс посвящения в собственную силу. Можно сказать, что Василиса непременно должна встретить Великую Старую Колдунью, потому что ей нужна хорошая встряска. Нам необходимо покинуть хор хулителей и нырнуть в лес. Невозможно одновременно уйти и остаться.

Василисе, как и нам, необходим путеводный свет, который помог бы различить, что полезно, а что вредно. Невозможно развиваться, если все делают из тебя козла отпущения. Женщина, которая пытается скрывать от других свои самые глубокие чувства, умерщвляет себя. Огонь гаснет. Это очень мучительная разновидность утраты чувствительности.

Перед нами противоположная, может быть несколько противоестественная, ситуация: погашенный огонь помогает выбить Василису из состояния покорности. Он заставляет ее умереть для старого образа жизни и, содрогаясь, вступить в новую жизнь, основанную на более взрослом, более умудренном внутреннем знании.

Задача третья: ориентироваться в темноте

В этой части сказки наследство покойной матери – куколка – ведет Василису через темный лес к избе Бабы Яги. Вот психологические задачи этого периода:

Отважиться проникнуть туда, где происходит настоящая инициация (войти в лес), и испытать встречу с новыми, вызывающими ощущение опасности божествами, которые олицетворяют владение силой собственной интуиции. Научиться развивать чутье, которое указывает направление к таинственному бессознательному, и полагаться только на свои внутренние чувства. Научиться находить обратный путь домой, к дикой Матери (слушаться указаний куклы). Позволить слабой, ничего не ведающей девушке умереть еще больше. Передать власть кукле (то есть интуиции).

Василисина куколка – из запасов Старой Дикой Матери. Куклы – одно из символических сокровищ инстинктуальной природы. В случае с Василисой кукла символизирует la vidacita, маленькую инстинктивную силу жизни, которая одновременно является и яростной, и терпеливой. В какую бы ситуацию мы ни вляпались, она проживает в нас свою скрытую жизнь.

Люди веками ощущали, что от кукол исходит и святость, и тапа [7] – пугающее и неотразимое присутствие, которое воздействует на человека, меняя его духовную сущность. Например, среди деревенских знахарей корень мандрагоры чрезвычайно ценится за сходство с человеческим телом: у него есть отростки, похожие на руки и ноги, а на месте головы – шишковатый нарост. Говорят, он содержит большой заряд духовной энергии. Считается, что создатели кукол вдыхают в них жизнь. Некоторые куклы используются в ритуалах, колдовстве, любовной магии и просто для развлечения. Когда я жила среди индейцев куна на островах, принадлежащих Панаме, они использовали маленькие деревянные фигурки как знаки власти, напоминающие человеку о его собственной силе.

В музеях разных стран полным-полно идолов и статуэток из глины, дерева и металла. Фигурки, дошедшие до нас из эпох палеолита и неолита, – это тоже куклы. Художественные

галереи забиты куклами. Если взять современное искусство, то Сигаловы мумии в натуральную величину, обмотанные бинтами, [20] – это тоже куклы. Куклы в национальных костюмах заполонили сувенирные киоски на вокзалах и бензоколонках на главных автострадах. При дворе с древних времен дарили кукол как знак расположения. По всему свету в сельских церквях можно встретить кукол-святых. Кукол-святых не только регулярно купают и облачают в наряды ручной работы, но и «выводят на прогулки», чтобы они могли посмотреть, как дела в полях, как живет народ, а потом замолвить за людей словечко на небесах.

Кукла – это символический гомункул, маленькая жизнь [8]. Это символ того нуминозного, [21] что скрыто в людях. Это уменьшенная сияющая копия изначальной Самости. С виду это просто кукла, но внутренне она олицетворяет частицу души, в которой сосредоточено все знание более широкой души-Самости. В кукле в миниатюре заключен голос старой La Que Sabe – Той, Что Знает. Кукла связана с такими символами, как лепрекон, [22] эльф, пикси, [23] фея и карлик. В сказках они выражают глубокое биение мудрости, пронизывающее культуру души. Все это создания, которые трудятся без устали, непрестанно выполняя мудрую подспудную работу. Душа трудится, даже когда мы спим, – именно когда спим, даже если мы при этом не сознаем, что происходит.

Таким образом кукла выражает наш внутренний женский дух, голос внутреннего разума, внутреннее знание и внутреннее сознание. Кукла сродни маленькой птичке из сказок, которая появляется в трудную минуту и шепчет героине на ухо необходимый совет, обнаруживает скрытого врага и подсказывает, как поступить. Это мудрость гомункула, маленького существа, обитающего внутри. Она наш помощник, который сам по себе невидим, но всегда доступен.

Нет большего благословения, которое может дать дочери мать, чем надежное ощущение, что ее интуиция верна. Интуиция передается от матери к дочери простейшим способом: «У тебя вострые глазки. Присмотрись-ка, что за всем этим кроется?» Вместо того чтобы относиться к интуиции как к чему-то сомнительному и иррациональному, мы считаем ее подлинной речью нашей души. Интуиция чует, в каком направлении нужно идти, чтобы получить наибольшую пользу. Ей свойственно самосохранение, она улавливает подспудные мотивы и намерения и делает выбор, который причинит душе наименьшие разрушения.

Этот процесс схож со сказкой. Связав девочку и куклу воедино, Василисина мать дала своей дочери огромное преимущество. Связь с собственной интуицией дает возможность надежно опираться на нее, что бы ни случилось. Она изменяет главный подход женщины с отношения «будь что будет» на отношение «дайте-ка я посмотрю, что все это значит».

Чем полезна для женщин эта дикая интуиция? Как и у волка, у интуиции есть когти, которые могут разорвать и пригвоздить; есть глаза, которые могут видеть сквозь покровы личности, есть уши, которые могут слышать недоступное обычному человеческому слуху. Благодаря этим надежным психическим орудиям женщина обретает звериное [9] сознание, проницательное и даже способное на предвидение; оно углубляет женское начало и обостряет способность уверенно передвигаться во внешнем мире.

Итак, теперь Василиса на пути к тому, чтобы достать уголек и вновь зажечь огонь. Она

---

[20] Джордж Сигал – американский скульптор, известный своими белыми гипсовыми фигурами, изображающими людей.

[21] У Юнга – сильный, внушающий трепет, таинственный, обогащающий; символическое переживание, которое невозможно описать.

[22] В ирландской мифологии и фольклоре – эльф, букв, «маленькое тело».

[23] В английской мифологии – одна из разновидностей эльфов; согласно преданию, это потомки друидов, не принявшие христианство.

во тьме, в диких лесных дебрях, и ей остается только одно – слушать внутренний голос, исходящий от куколки. Она учится полагаться на эту связь и делать еще кое-что: кормить куколку.

Чем же кормят интуицию, чтобы она всегда была сыта и чутка к нашим просьбам разобраться в окружающей ситуации? Ее кормят жизнью – а для этого ее нужно слушать. Что толку от голоса, если нет уха, которое бы его улавливало? Что толку от женщины в дебрях повседневной жизни, если она не умеет слушать и полагаться на голос La Que Sabe, Той, Кто Знает?

Я слышу, как женщины говорят, и не сотни – тысячи раз: «Я знала, нужно было послушаться интуиции. Я чувствовала, что должна (не должна) была делать то-то и то-то, но не послушалась внутреннего голоса». Мы кормим, питаем глубокую интуитивную самость, когда прислушиваемся к ней и поступаем в соответствии с ее советами. Это самостоятельный персонаж, волшебное создание кукольного размера, которое обитает в душевной стране внутренней женщины. Оно сродни мышцам тела – если мышцы не используются, они постепенно усыхают. Точно так же и с интуицией: без пищи, без работы она атрофируется.

Кормление куколки – важный цикл архетипа Первозданной Женщины, хранительницы потаенных сокровищ. Василиса кормит куколку двумя способами: во-первых, крошками хлеба – крошками жизни для нового душевного предприятия, и во-вторых, тем, что находит путь к Старой Дикой Матери – к Бабе Яге. Она слушает куколку на каждом повороте, на каждой развилке дороги, и та показывает, в какой стороне «дом».

Связь между куколкой и Василисой символизирует некую эмпатическую магию между женщиной и ее интуицией. Именно она должна передаваться от женщины к женщине – это благословенное усвоение, испытание и кормление интуиции. Мы, как и Василиса, укрепляем связь со своей интуитивной природой, когда напрягаем внутренний слух при каждом повороте дороги. «Куда идти: туда или сюда? Уйти или остаться? Сопротивляться или уступить? Броситься наутек или навстречу? Что кроется в этом человеке, событии, предприятии – правда или ложь?»

Нарушение связи между женщиной и ее дикой интуицией часто неверно понимают так, будто нарушена сама интуиция. Дело не в этом. Нарушена не интуиция, нарушено ее благословение, передающееся по материнской линии, передача интуитивного доверия между женщиной и всеми женщинами ее рода, которые ей предшествуют, – эта длинная река женщин была запружена [10]. В результате у женщины может быть ослаблено понимание интуитивной мудрости, но, если поупражняться, оно возвращается и полностью проявляется [11].

Куклы служат талисманами. Талисманы – это напоминания о том, что мы чувствуем, но не видим, о том, что присутствует, но не явно. Божество-талисман в образе куклы напоминает нам, подсказывает, видит раньше нас. Эта интуитивная функция свойственна всем женщинам. Это сильнейшая врожденная восприимчивость. Не та восприимчивость, которую когда-то превозносили в классической психологии, то есть пассивное средство, но восприимчивость, имеющая непосредственный доступ к глубокой мудрости, которая пронизывает женщину до мозга костей [12].

Задача четвертая: встретиться с дикой колдуньей лицом к лицу

В этой части сказки Василиса встречается с Дикой Колдуньей лицом к лицу. Эта встреча ставит такие задачи:

Суметь стойко вынести вид устрашающей Дикой Богини, то есть имаго [24] свирепой

---

[24] Бессознательный прообраз, избирательно направляющий восприятие одним субъектом другого; вырабатывается на основе первых межличностных отношений в семейном окружении.

матери (встреча с Бабой Ягой). Освоиться с тайным, странным, с непохожестью дикого (жизнь в избе Бабы Яги). Принести в нашу жизнь некоторые ее ценности, став для этого немного странной в хорошем смысле слова (употребление ее пищи). Научиться переносить великую силу – сначала в других, а потом, и свою собственную. Дать слабому и слишком кроткому ребенку умереть безвозвратно.

Баба Яга живет в избушке на курьих ножках. Избушка может крутиться и вертеться по собственному желанию. В снах символ дома свидетельствует об организации психического пространства, в котором человек обитает, как сознательно, так и бессознательно. Будь эта сказка компенсирующим сновидением, столь чудной дом намекал бы на то, что Василиса слишком незначительна, слишком далека от цели и должна крутиться и вертеться, чтобы понять, что это такое, – время от времени плясать, как обезумевшая курица.

Теперь мы видим, что избушка Яги принадлежит к миру инстинкта и что Василисиной личности необходима добавка этого элемента. Эта избушка на курьих ножках расхаживает и даже кружится в каком-то причудливом танце. Она одушевленная, в ней бурлит энергия и радость жизни. Эти качества – краеугольные камни архетипической души Первозданной Женщины, радостной и дикой жизненной силы, где дома пускаются в пляс, где неодушевленные предметы, вроде комьев известкового раствора, летают словно птицы, где старуха умеет колдовать, где все не такое, каким кажется, но, главным образом, гораздо лучше, чем казалось поначалу.

Василиса начинала как подавленная, приземленная личность. Именно такая «сверх-нормальность» наваливается на нас, когда мы, помимо собственной воли, ведем размеренную, безжизненную жизнь. Это побуждает нас пренебрегать интуицией [13], что, в свою очередь, ведет к недостатку света в душе. Тогда необходимо что-то делать: отправиться в лес и найти страшную женщину; или в один прекрасный день, когда мы будем идти по улице, крышка люка с лязгом откроется, и что-то бессознательное вмиг схватит нас и начнет размахивать, как тряпкой, весело или грозно – чаще всего грозно, – но с благополучным исходом [14].

Передача куколки от первой, доброй матери была бы неполной без заданий и испытаний, исходящих от Старой Дикой Матери. Баба Яга – это самая суть инстинктивной, целостной души. Об этом можно судить по тому, что ей известно все, что было раньше. «Как же, знаю я тебя и твоих родных», – говорит она, когда к ней приходит Василиса. Кроме того, выступая в других своих воплощениях как Мать Дней и Мать Нике (Мать Ночь [15], богиня Жизни-Смерти-Жизни), старуха Баба Яга является хранительницей небесных и земных сущностей: Дня, Восходящего Солнца и Ночи. Она зовет их «мой День, моя Ночь».

Баба Яга внушает страх, потому что одновременно олицетворяет и разрушительную энергию, и энергию жизненной силы. Посмотреть ей в лицо – значит увидеть vagina dentata, [25] кровавые глаза, безупречное новорожденное дитя и крылья ангелов – и все это сразу.

И Василиса, стоя перед ней, принимает это божество, Дикую Мать, вместе с ее мудростью, бородавками и всем прочим. Одна из самых удивительных черт Яги, запечатленных в этой сказке, – то, что, несмотря на все угрозы, она справедлива. Она не обижает Василису, пока та относится к ней почтительно. Почтение перед лицом великой силы – решающий урок. Женщина должна суметь выстоять перед силой, ведь в конце концов какая-то часть этой силы перейдет к ней. Василиса держит себя с этой силой не подобострастно, не хвастливо и не спесиво, не убегает от нее и не прячется. Она ведет себя честно – так, как ей это свойственно.

Многие женщины излечиваются от комплекса «излишней кротости», из-за которого – что бы они ни ощущали, кто бы на них ни покушался – они всегда реагировали так кротко, что практически обрекали себя на роль жертвы. Но, хотя днем они могли мило улыбаться, по

---

[25] «Зубастое влагалище», у Фрейда – женские гениталии, способные убить или кастрировать.

ночам они скрежетали зубами, как хищные звери – это обитающая в их душах Яга стремилась выразить себя.

Такая излишняя, слишком кроткая приспособляемость часто бывает у женщин, когда они отчаянно боятся чего-то лишиться или оказаться ненужными. Два самых пронзительных сна, о которых я слышала, снились молодой женщине, которая определенно нуждалась в том, чтобы стать менее ручной. В первом она видела, что получила в наследство альбом – особый, с фотографиями «Дикой Матери». Как же она была счастлива – но лишь до тех пор, пока на следующей неделе ей не приснилось, что она открывает похожий альбом, и оттуда на нее смотрит устрашающего вида старуха. У этой ведьмы были зеленые зубы, а по подбородку стекали черные струйки – сок бетеля.

Этот сон характерен для женщины, которая излечивается от излишней кротости. Первый сон демонстрирует одну сторону дикой натуры, благодетельную и щедрую, и все то хорошее, что есть в ее мире. Когда же Дикая Женщина приходит в сон в образе страшной карги с зелеными зубами… ой-ой-ой! – нельзя ли убрать ее куда-нибудь подальше? Ответ: нельзя.

Бессознательное по-своему великолепно дает спящей представление о новом образе жизни, а это не только жеманная улыбка слишком кроткой женщины. Узреть эту дикую, творческую энергию в себе – значит получить доступ к миллионам ипостасей потаенной женственности. Они все принадлежат нам от рождения, и мы можем выбирать любую – ту, которая больше всего подходит нам в каждый конкретный момент.

В этой драме инициации Баба Яга – инстинктивная природа в обличье ведьмы. Слово «ведьма», как и слово «дикая», стало восприниматься в отрицательном смысле; но в давние времена этими словами называли знахарок, как старых, так и молодых, и само слово «ведьма» произошло от глагола «ведать», то есть знать. Это было еще до того, как цивилизации, принесшие с собой образ единственного Бога, возобладали над древними пантеистическими цивилизациями, в которых божество постигалось через многообразные религиозные образы Вселенной и всех ее явлений. Но, несмотря на это, великанша, ведьма, дикая натура и любые другие создания и целостные аспекты, существование которых в душе женщины общество считает чем-то ужасным, – это та самая благодать, которую женщинам, как правило, больше всего необходимо вновь обрести и вывести на поверхность.

В большинстве источников, посвященных женской силе, утверждается, что мужчины этой силы боятся. Мне всегда хочется воскликнуть: «Матерь Божья! А сколько женщин сами боятся женской силы!» Ведь древние женские качества и силы так обширны, так по-настоящему могучи! Вполне понятно, что, впервые встретившись лицом к лицу с Древними Дикими Силами, и мужчины, и женщины испуганно вглядываются в эти Силы – и наутек, поджав хвост и теряя клочья шерсти.

Если мужчины хотят хоть когда-нибудь научиться их выдерживать, то уж женщины должны научиться выдерживать их и подавно. Если мужчины хотят хоть когда-нибудь научиться понимать женщин, женщинам придется объяснить им, как устроена первозданная женственность. Для этого сно-творящая функция души по ночам приносит Бабу Ягу и всю ее свиту прямо в женские спальни. Если нам повезет, Яга оставит свои огромные следы на ковре около нашей постели. Она придет, чтобы вглядеться в тех, кто ее не знает. Если мы опоздали с нашей инициацией, Баба Яга будет недоумевать, почему это мы не пришли ее проведать, и тогда уж сама приходит с визитом в наши ночные сновидения.

Одной пациентке, с которой я работала, приснились женщины в длинных рваных ночных сорочках: они радостно поедали такие вещи, которых никогда не найдешь в ресторанном меню. Другой приснилась старуха в облике старой колченогой ванны, которая завывала трубами и грозилась их взорвать, если спящая не пробьет стену, чтобы ванна могла «видеть». Третьей приснилось, что она – одна из трех слепых старух, вот только она все время теряла свои водительские права и оставляла товарок, чтобы их найти. В каком-то смысле можно сказать, что ей было трудно отождествить себя с тремя парками, силами, которые управляют жизнью и смертью души. Но со временем она тоже научилась это

переносить, научилась не уходить от того, чего когда-то боялась – своей же дикой природы.

В снах все эти существа напоминают женщине о ее стихийной самости – о Самости Яги, о загадочной и мощной силе Матери Жизни-Смерти-Жизни. Да, мы говорим, что быть ягой – хорошо; и что мы должны быть способны это выносить. Быть сильной – не значит нарастить мышцы и играть ими. Это значит встретиться с собственной нуминозностью и не сбежать от нее, а активно уживаться с дикой природой на свой лад. Это значит уметь учиться, уметь выносить то, что знаешь. Это значит быть выносливой и жить.

Задача пятая: служить нерациональному

В этой части сказки Василиса просит у Бабы Яги огня, и колдунья соглашается – но только в том случае, если взамен девочка будет выполнять для нее Домашнюю работу. На этом этапе обучения перед душой стоят такие задачи:

Жить с колдуньей; освоиться с великими дикими силами женской души; научиться узнавать ее (свою) силу и силы внутреннего очищения; омывать, перебирать, питать, выстраивать энергии и замыслы (стирать одежду Яги, стряпать для нее, убирать у нее в доме и перебирать семена).

Еще не так давно женщины были тесно связаны с ритмами жизни и смерти. Они вдыхали резкий запах железа – запах свежей крови при родах. Они обмывали остывающие тела умерших. Душа современной женщины, особенно той, что принадлежит к промышленному, техническому обществу, часто лишена этих важных и благодатных переживаний, сокровенных и простых. Но есть способ, который позволяет и новичкам полностью участвовать в чувственных аспектах циклов жизни и смерти.

Баба Яга, Дикая Мать, – вот наставница, которая может дать нам совет в этих вопросах. Она научит наводить порядок в доме нашей души. Она внушает эго другой порядок – тот, при котором могут происходить чудеса, может царить радость, может разыгрываться аппетит, и все можно делать со вкусом. Баба Яга – образец того, как оставаться верной своей Самости. Она учит и смерти и обновлению.

В сказке она учит Василису ухаживать за душевным домом первозданной женственности. Стирка одежды Бабы Яги – поразительный символ. Чтобы выстирать белье, в старину – хотя есть места, где так делают и поныне – женщины спускались к реке и там выполняли ритуальное омовение, которое люди совершали испокон веков, чтобы обновить ткань. Это прекрасный символ очищения и освежения всего содержимого души.

В мифологии ткань – это продукт труда матерей Жизни-Смерти-Жизни. Например, в греческой мифологии есть три мойры: Клото, Лахесис и Атропос. В мифологии индейцев племени дине (навахо) есть Na'ashje'ii Asdzaa, Женщина-Паучиха, которая передала им дар прядения. Эти матери Жизни-Смерти-Жизни учат женщин чуять, что должно умереть и что должно жить, что нужно извлечь из распоротой ткани и что в нее воткать. Баба Яга заставляет Василису стирать свою одежду, чтобы вынести эти узоры, известные Жизни-Смерти-Жизни, наружу, в сознание, – отстирать их и освежить.

Стирка – извечный ритуал очищения. И он предназначен не только для очищения: как и крещение, стирка подразумевает пропитывание, наполнение духовностью, высшей силой, тайной. В сказке стирка – самая первая задача. Ее смысл – снова придать форму тому, что растянулось от носки. Ведь одежда – вроде нас самих: наши принципы и ценности все больше изнашиваются, пока со временем совсем не утрачивают форму. Такое обновление, оживление происходит в воде, когда мы заново обнаруживаем то, что действительно считаем истинным, священным.

В символике архетипа одежда соответствует персоне, тому первому впечатлению, которое мы производим на окружающих. Персона – нечто вроде камуфляжа, который позволяет показать другим только то, что хотим мы сами, и не больше. Но у персоны есть и более древний смысл, что можно увидеть в ритуалах Центральной Америки; его хорошо

знают cantadoras, cuentistas и curanderas – сказительницы и знахарки. Здесь персона – не только маска, за которой можно спрятаться, но присутствие, затмевающее привычную личность. В этом смысле персона или маска – это знак ранга, достоинства, характера и власти. Это внешний указатель, внешнее проявление мастерства [16].

Мне очень по душе это сопутствующее инициации задание, которое требует, чтобы женщина очистила персону, одеяние власти великой Яги, хозяйки леса. Стирая одежду Яги, посвящаемая воочию увидит, как выглядят швы персоны, как скроено платье. Скоро ей самой предстоит получить кое-какие образцы этих персон, чтобы спрятать в кладовку вместе с другими, сделанными раньше [17].

Нетрудно представить, что знаки силы и власти Яги – ее одежды – сделаны по образу и подобию ее собственной психики: прочными и долговечными. Стирка ее одежды – это метафора, которая помогает нам заметить, рассмотреть и приобрести такое сочетание качеств. Мы учимся сортировать, исправлять и обновлять инстинктивную душу, стирая волокна бытия.

Следующее задание для Василисы – подмести в избе и во дворе. В сказках Восточной Европы веники часто бывают сделаны из прутьев деревьев и кустарников, а иногда – из корней гибких растений. Задача Василисы – вымести этим орудием, сделанным из растительных материалов, мусор из избы и со двора. Мудрая женщина держит свою душевную среду незамусоренной. Для этого необходимо иметь ясную голову, чистое место для работы и работу, которая бы давала возможность осуществлять свои замыслы и проекты [18].

Для многих женщин эта задача требует выделения ежедневного времени для размышления, а также жизненного пространства, которое принадлежало бы исключительно им и в котором были бы бумага, ручки, краски, инструменты, беседы, время, свобода – все предназначенное только для этой работы. Для многих такое специальное место и время для работы предоставляют психоанализ, созерцание, медитация и другие методы, позволяющие пережить погружение в глубины души и преображение. У каждой женщины свои предпочтения, свой путь.

Если такую работу можно выполнять в избушке бабы Яги – тем лучше. Даже рядом с этой избушкой лучше, чем вдали от нее. Так или иначе, свою Дикую жизнь необходимо регулярно упорядочивать. Не годится обращаться к ней раз в год, на день-другой.

Но поскольку Василиса метет избу Бабы Яги, двор Бабы Яги, мы можем сказать, что речь идет о содержании в чистоте и порядке необычных идей, в том числе незаурядных, мистических, духовных и сверхъестественных [19].

Подметать в доме – значит не только начать ценить внутреннюю жизнь, но и заботиться о ее опрятности. Иногда женщины запускают свою душевную работу, пренебрегают ее архитектурой, и в итоге она зарастает лесом. Постепенно все конструкции души исчезают под слоем растительности, и в конце концов остаются лишь археологические черепки, затерянные в бессознательном нашей психики. Если периодически производить генеральную уборку, этого не случится. Если женщина создает для себя чистое пространство, дикая природа пышнее расцветает.

Прежде чем стряпать на Бабу Ягу, мы должны спросить себя: какой частью души питается Баба Яга, чем можно накормить столь дикую богиню? Чтобы стряпать на Бабу Ягу, нужно, во-первых, разжечь огонь: женщина должна захотеть пылать ярким пламенем, сгорать от страсти, искриться словами, идеями, желанием получить то, что она искренне любит. В сущности, именно эта страсть дает огонь для стряпни, а продукты – это изначальные женские представления об истинном смысле. Чтобы стряпать на Ягу, нужно позаботиться, чтобы творческая жизнь постоянно подогревалась на огне.

Большинству из нас было бы полезно получше следить за этим огнем – получше присматривать за стряпней, которой мы кормим свою дикую Самость. Мы слишком часто отворачиваемся от котла, от печи. Мы забываем караулить, забываем подбрасывать дрова, забываем помешивать. Мы ошибочно думаем, что огонь и стряпня – все равно что колючие

комнатные растения, которые могут обходиться без воды восемь месяцев, прежде чем засохнут окончательно. Ничего подобного. Огонь требует ухода, потому что пламя может легко погаснуть. Ягу нужно кормить. Если она останется голодной, вам не поздоровится.

Итак, именно стряпая что-то новое, совершенно оригинальное, открывая новые направления, проявляя преданность своей работе и творчеству, мы постоянно питаем дикую душу. То же самое является пищей и для Старой Дикой Матери, поддерживает ее жизнь в наших душах. Если нет огня, наши великие идеи, наши оригинальные мысли, наши стремления и томления остаются полусырыми, а все желания неутоленными. Зато все то, что мы делаем с огоньком, доставляет удовольствие Ей и питает всех нас.

Когда речь идет о развитии женщины, все эти мотивы домашней работы – стряпни, стирки, уборки – подразумевают вещи за пределами обыденности. Все эти метафоры предлагают новые способы обдумывания, измерения, кормления, питания, исправления, очищения, упорядочивания жизни души.

Василиса проходит инициацию, посвящение во все это, а интуиция помогает ей выполнить все задания. Интуитивная природа дает способность измерять на глазок, мгновенно взвешивать, счищать сор с идей и называть вещи по сути, воспламенять жизненной силой, доводить сырые идеи до готовности, стряпать пищу для души. С помощью куколки-интуиции Василиса учится разбирать, понимать, содержать в порядке, очищать и прибирать обитель души.

Вдобавок она узнает: для того чтобы Дикая Мать могла выполнять свою работу, ей необходимо обильное питание. Бабу Ягу не посадишь на диету из листьев салата и черного кофе. Если хочешь быть с нею рядом, нужно понимать, что ей по вкусу определенные вещи. Если хочешь установить связь с древней женственностью, нужно много стряпать.

С помощью этих заданий Баба Яга учит, а Василиса учится не пугаться огромного, могучего, цикличного, непредвиденного, неожиданного, обширного и широкомасштабного, то есть имеющего размер Природы, а также странного, непонятного и необычного.

Женские циклы, связанные с заданиями для Василисы, таковы: регулярно освежать мышление, обновлять ценности. Регулярно очищать ум от мелочей, подметать свое существо, прибирать свои мысли и чувства. Развести негаснущий огонь под творческой жизнью и систематически доводить на нем до готовности свои замыслы – значит стряпать, причем изобретательно, массу небывалых событий, чтобы питать отношения между собой и дикой натурой.

Благодаря времени, проведенному у Яги, Василиса в конце концов усвоит кое-какие из повадок и манер старой колдуньи. И мы – тоже. Ведь это наша работа – по-своему, по-человечески ограниченно, лепить себя по ее образу и подобию. Этому-то мы и учимся, исполненные благоговейного ужаса, ибо в краю Бабы Яги есть вещи, которые летают по ночам и просыпаются днем, и все они приглашены и призваны дикой инстинктивной природой. Есть мертвые кости, которые сохранили способность говорить, есть ветры, судьбы, солнца, луны и небо – и все это живет в ее необъятном сундуке. Но она следит за порядком. День сменяет ночь, времена года следуют своим чередом. Она не допускает случайностей. В ней есть и Склад и Лад.

В сказке, обнаружив, что Василиса выполнила все порученные ей задания, Баба Яга остается довольной и вместе с тем слегка разочарованной, поскольку не может побранить девочку. Поэтому, желая удостовериться, что Василиса не обленилась от успеха, колдунья всякий раз заявляет ей: «Если ты выполнила работу один раз, это не значит, что выполнишь ее в следующий. Так что вот тебе работа на завтра. Посмотрим, как ты справишься, красавица. А не справишься…»

Ведомая интуицией, Василиса снова выполняет задание. И Яга удостаивает ее скупой и ворчливой похвалы, как это свойственно старухам, которые прожили долгую жизнь, повидали много такого, чего бы лучше и не видать, и это наполняет их гордостью.

Задача шестая: отделить одно от другого

В этой части сказки Баба Яга требует от Василисы выполнения двух очень важных заданий. Вот задачи женской души:

Научиться точно узнавать, безошибочно отделять одно от другого, научиться делать тонкие различия в суждениях (перебрать зерно, отделив хорошее от испорченного, и выбрать маковые семена из кучи грязи). Наблюдать за силой бессознательного и его деятельностью даже в те моменты, когда эго не осознает происходящего (пары рук, возникающие из воздуха). Больше узнать о жизни (зерно) и смерти (маковые семена).

Василисе велено разделить четыре субстанции: отделить хорошее зерно от гнилого и маковые семена от грязи. Куколка-интуиция успешно справляется с этой работой. Порой процесс сортировки происходит на таком глубинном уровне, что мы его едва осознаем, пока в один прекрасный день…

Сортировка, о которой идет речь в сказке, происходит в тех случаях, когда перед нами встает дилемма или вопрос, которые нам придется решать без посторонней помощи. Оставьте его и вернитесь к нему позже – может быть, там, где раньше ничего не было, вас будет дожидаться готовый ответ. Или ложитесь спать и посмотрите, что вам приснится [20], – может быть, женщина, которой уже два миллиона лет, придет навестить вас из ночной страны. Может быть, она принесет решение или покажет вам, что ответ спрятан под кроватью или в кармане, в книге или за ухом. Так часто бывает: при наличии опыта, на вопрос, заданный на ночь, часто приходит ответ после пробуждения. Есть в душе нечто такое, сродни сказочной куколке, что таится в коллективном бессознательном, над или под ним, что анализирует сведения, пока мы спим и видим сны [21]. И доверие к этому качеству – тоже часть дикой натуры.

Здесь гнилое зерно – символ с двойным смыслом. Напиток, который готовят из пораженного гнилью зерна, может производить опьяняющее и целебное действие. Есть злаковая болезнь под названием головня – довольно странный черный грибок, который можно увидеть в гнилом зерне; говорят, что он вызывает галлюцинации.

Многие ученые предполагают, что в древнегреческих элевсинских священных мистериях участники употребляли галлюциногены, для приготовления которых используется зерно пшеницы, ячменя, мака или кукурузы. Кроме того, перебирание зерна – задание, которое дает Василисе Баба Яга, – связано со сбором лекарственных трав; и поныне в Северной, Центральной и Южной Америке можно увидеть curanderas, старых знахарок-целительниц, занятых этим делом. И в маковом семени, с его снотворным и успокаивающим действием, и в грязи, которую с древних времен используют для припарок и ванн, а в некоторых случаях и внутрь, мы тоже видим намек на методы и средства древних целительниц [22].

Это одно из самых замечательных мест во всей сказке. Свежее зерно, гнилое зерно, маковое семя и грязь – все это остатки аптеки древних знахарей. Эти средства используют в бальзамах, мазях, примочках и припарках, чтобы удерживать на теле другие целебные вещества. В метафорическом смысле это еще и лекарства для души: одни насыщают, другие успокаивают, одни вызывают истому, другие бодрят. Все это – грани циклов Жизни-Смерти-Жизни. Баба Яга не просто велит Василисе отделить одно от другого, различить похожие вещи – например, истинную любовь и ложную, вдохновенную жизнь и пропащую, – она также велит ей отличать одно лекарство от другого.

Как и сновидения, которые, хотя их можно представлять на объективном уровне, остаются субъективной реальностью, эти носители пищевых и/или лекарственных свойств являются для нас путеводными символами. Вслед за Василисой мы должны сортировать целительные средства своей души, перебирать их снова и снова, пока не поймем, что пища для души – это то же лекарство для души, – и выжать из этих средств истину, сущность, которая утолит наш голод.

Все эти предметы и задания знакомят Василису с природой Жизни-Смерти-Жизни, с

взаимными уступками любви к своей дикой природе. Иногда, чтобы приблизить женщину к этой природе, я прошу ее поработать в саду – будь то сад души или настоящий: с землей, грязью, зеленью и всем тем, что окружает, помогает и наступает. Пусть он станет олицетворением дикой души. Сад – это конкретная связь с Жизнью и Смертью. Можно даже сказать, что есть религия сада, поскольку он дает глубокие уроки психологии и духовности. Все, что может случиться с садом, может случиться и с душой – избыток влаги, недостаток влаги, вредители, зной, буря, наводнение, вторжение, чудеса, умирание, возвращение, благодать, исцеление, цветение, изобилие, красота.

Наблюдая за садом, женщины ведут дневник, отмечая в нем признаки дарения и отнятия жизни. Чтобы сделать каждую запись, приходится состряпать целый психологический суп. Работая в саду, мы предоставляем мыслям, идеям, предпочтениям, желаниям и даже любовным привязанностям жить и умирать. Мы сажаем, вырываем, закапываем. Мы сушим семена, сеем их, поливаем, подпираем растения, собираем урожай.

Сад – это практика медитации, которая позволяет нам уловить момент, когда для чего-то приходит пора умирать. В саду можно видеть время созревания и отмирания. В саду мы следуем вдохам и выдохам великой Дикой Природы, а не сопротивляемся им.

Благодаря медитации мы узнаем, что цикл Жизни-Смерти-Жизни носит естественный характер. И природа дарования жизни, и природа отнятия жизни ждут вашей дружбы и вечной любви. В этом процессе мы усваиваем цикличность дикой природы. Мы способны влить энергию и укрепить жизнь и в то же время не мешать тому, что умирает.

Задача седьмая: спросить о тайном

Успешно выполнив все задания, Василиса задает Яге хорошие вопросы. Вот задачи этого периода:

Спрашивать и стараться побольше узнать о природе Жизни-Смерти-Жизни и о том, как она проявляется (Василиса спрашивает о всадниках). Узнать правду о способности понимать все элементы дикой природы («Много будешь знать – скоро состаришься») [23].

Все мы начинаем с вопроса: «Что я в действительности собой представляю? Каково мое предназначение на этой земле?» Яга учит нас, что мы похожи на Жизнь-Смерть-Жизнь, что это наш цикл, наше конкретное прозрение глубокой женственности. В детстве одна из моих тетушек познакомила меня с семейным преданием о «водяной женщине». Она сказала, что на краю каждого озера живет молодая женщина со старыми руками. Ее первая забота – вложить туж (могу перевести это слово только такими понятиями, как «душа» или «душевный огонь») в дюжины красивых фарфоровых уток. Ее вторая забота – завести уток деревянными ключиками, которые торчат у каждой из спины. Когда завод кончается и утки падают, их тела разбиваются – тогда женщина должна махнуть передником на освободившиеся души, чтобы они взметнулись в небо. Ее четвертая забота – вложить туж в следующую партию красивых фарфоровых уток и выпустить их в жизнь…

Эта сказка – одно из самых красноречивых повествований о том, чем занята Мать Жизнь-Смерть-Жизнь. В контексте психики Мать Нике, Баба Яга, Водяная Женщина, La Que Sabe и Дикая Женщина олицетворяют разные картины, разные возрасты, настроения и аспекты Дикой Матери Богини. Наша работа – вложить туж в собственные идеи, в собственную жизнь и в жизнь тех, с кем мы соприкасаемся. Наша работа – отправить душу в ее дом. Наша работа – взметнуть дождь искр, наполнив ими день и сотворив свет, чтобы затем найти дорогу и во тьме.

Василиса спрашивает про всадников, которых она видела по пути к избе Бабы Яги: белого всадника на белом коне, красного всадника на красном коне и черного всадника на черном коне. Яга, как и Деметра, – мать коней, старая богиня, ассоциируемая также с силой кобылицы и с плодородием. Изба Бабы Яги – конюшня для разноцветных лошадей и их всадников. Днем эти пары поднимают на небо Солнце и перемещают его по небосводу, а

ночью затягивают небо покровом тьмы. Но есть и кое-что еще.

Черный, красный и белый всадники символизируют древние цвета, соответствующие рождению, жизни и смерти. Эти цвета также символизируют древние принципы спуска, падения, смерти и возрождения: черный – низвержение старых ценностей, красный – принесение в жертву своих бережно хранимых иллюзий, а белый – новый свет, новое знание, которое приходит благодаря переживанию двух первых.

Вот старинные слова, которые использовались для них в средние века: нигредо – черный, рубедо – красный, альбедо – белый. Они описывают алхимию [24], которая сопровождает круговорот Дикой Женщины, работу Матери Жизни-Смерти-Жизни. Без этих символов зари, нарастающего света и таинственной тьмы Она не была бы тем, кто Она есть. Без зарождения надежды в наших сердцах, без постоянного света – все равно, свечи или солнца, – позволяющего отличить в жизни одно от другого, без ночи, которая несет всему утешение и из которой все рождается, мы тоже не могли бы воспользоваться своей дикой природой.

В сказке эти цвета чрезвычайно важны, ибо у каждого из них есть своя природа смерти и природа жизни. Черный – цвет земли, плодородия, исходной почвы, в которую засевают все идеи. Но черный – еще и цвет смерти, помрачения света. Есть у черного и третий аспект. Этот цвет связан с тем миром между мирами, на котором стоит La Loba, ибо черный – цвет спуска, падения. Черный – обещание: скоро вы узнаете то, чего не знали раньше.

Красный – цвет жертвы, ярости и убийства, мук и гибели. Но красный – также цвет трепещущей жизни, динамической эмоции, возбуждения, эроса и страсти. Этот цвет считается сильным лекарством от душевной немочи, он возбуждает аппетит. Во всем мире известен образ так называемой красной матери [25]. Не столь хорошо известная, как черная мать, или черная мадонна, она наблюдает за всем тем, «что совершает переход». Ее расположения особенно ищут те, кто готовится родить, ибо покидающие этот мир или приходящие в него должны пересечь ее красную реку. Красный цвет – обещание: скоро произойдет восход или рождение.

Белый – цвет новизны, чистоты, первозданности. Это также цвет души, свободной от тела, цвет духа, не отягощенного материей. Это цвет самой необходимой пищи – материнского молока. И напротив – это цвет мертвых, того, что утратило свою розовость, румянец жизни. Там, где есть белый Цвет, все на миг становится tabula rasa, чистым листом. Белый цвет – обещание: пищи достаточно для того, чтобы все началось заново; пустота или бездна заполнится.

В одежде Василисы и ее куколки повторяются цвета всадников: белый, красный, черный. Василиса и ее кукла – это начала (Anlagen) алхимии. Это они помогают Василисе превратиться в маленькую Мать Жизнь-Смерть-Жизнь. В этой сказке есть два воскресения, два дарования жизни: Василиса воскресает Для новой жизни благодаря кукле, а также встрече с Бабой Ягой и выполнению ее заданий. Есть и две смерти: родной, слишком доброй матери, а также мачехи и ее дочерей. Однако легко понять, что эти смерти необходимы и что в итоге они позволяют юной душе жить гораздо более полной жизнью.

Получается, что это очень важно – позволить жить, позволить умереть. Это основа природного ритма, который женщине следует понимать – и которому следует подчиняться. Понимание этого ритма уменьшает страх, потому что мы предвидим будущее – и земля набухает, готовясь принять останки. Куколка и Яга – дикие матери всех женщин, они приносят дары – острую интуицию – из сферы личного и божественного. В этом высший парадокс и урок инстинктивной природы, своеобразный «волчий буддизм». Одно есть оба. Из двух получается три. То, что живет, – умрет. То, что умирает, – будет жить.

Именно это имеет в виду Баба Яга, говоря: «Много будешь знать, скоро состаришься». В каждом возрасте, в каждую пору своей жизни каждый из нас должен иметь определенное знание. В сказке узнать о руках, которые появляются невесть откуда, чтобы выжать масло из зерна и макового семени, – животворные и смертельно ядовитые снадобья, – значит знать слишком много. Василиса спрашивает о всадниках, но не о руках.

В молодости я расспрашивала о Бабе Яге свою приятельницу Булгану Робнович, пожилую сказительницу с Кавказа, жившую в крошечной общине русских фермеров в Миннесоте. Как она понимает ту часть сказки, где Василиса «просто знает», что дальше спрашивать нельзя? Она посмотрела на меня своими глазами без ресниц, похожими на глаза старой собаки, и сказала: «Просто есть вещи, узнать которые нельзя». Потом загадочно улыбнулась и скрестила толстые ноги – вот и весь ответ.

Пытаться понять тайну появления и исчезновения слуг, которые приходят в облике рук без тела, – все равно что пытаться до конца постичь непостижимое. Предостерегая Василису от этого вопроса, куколка и Яга предупреждают девочку: не следует сразу слишком углубляться в тайны потустороннего; и это правильно, ибо, даже проникнув туда, мы не должны поддаться чарам и попасть в западню.

Есть еще одна совокупность циклов, на которую здесь намекает Баба Яга, – это циклы женской жизни. Подчиняясь им, женщина все больше и больше понимает внутренние женские ритмы, в том числе ритмы творчества, рождения детей души, а может быть, и телесных детей, ритмы одиночества, игры, отдыха, сексуальности и охоты. Не нужно торопить себя – понимание наступит. Придется смириться и с тем, что некоторые вещи остаются недосягаемыми, несмотря на то что они воздействуют на нас и обогащают. У нас в семье говорят: «Есть дела, которыми ведает Господь Бог».

Итак, когда мы одолеваем эти задачи, «наследство диких матерей» углубляется, и интуитивные способности появляются как из человеческой, так и из сокровенной части души. Теперь у нас две наставницы: одна – куколка, а вторая – Баба Яга.

Задача восьмая: встать на четвереньки

Благословение, полученное Василисой от покойной матери, отпугивает Бабу Ягу: она дает девочке свет – пылающий череп на палке – и велит убираться. В этой части сказки определяются такие задачи:

Обрести колоссальную способность видеть и воздействовать на других (получение черепа). Воспринимать свои жизненные обстоятельства в этом новом свете (возвращение назад, к своей прежней, неродной семье).

Что же отпугивает Бабу Ягу: тот факт, что Василиса получила от своей покойной матери благословение, или же сама благословенность вообще? По существу, ни то, ни другое не вносит полной ясности. Если учесть, что в сказке неизбежны более поздние монотеистические наслоения, то, видимо, именно здесь внесены некоторые «исправления»: у читателя должно возникать впечатление, будто Баба Яга пугается материнского благословения, которое несет в себе Василиса. А цель в том, чтобы представить эту Старую Дикую Мать (родом, быть может, из эпохи неолита) как нечистую силу и тем самым возвысить более новую христианскую религию и скомпрометировать старую.

Возможно, первоначальное слово этой сказки заменили на «благословение», чтобы подтолкнуть к обращению в христианство; однако на мой взгляд, первоначальный, архетипический смысл сохранился. Суть материнского благословения можно истолковать так: Ягу не отпугивает сам факт полученного благословения; ее отталкивает то, что это благословение исходит от слишком доброй матери – кроткой и нежной любимицы души. Если Яга есть Яга, то ей вовсе не по вкусу так долго находиться рядом с этой слишком смиренной, слишком скромной стороной женской природы.

Хотя Яга может вдохнуть жизнь в эту робкую мышку, она с таким же успехом могла бы велеть ей не заходить на чужую территорию. Страна Бабы Яги – нижний мир души. Страна слишком доброй матери – верхний мир. Если кроткое может соседствовать с диким, то дикое не может долго соседствовать с кротким.

Усваивая эту черту Бабы Яги, женщины перестают безропотно принимать каждый выпад, каждую колкость, каждый вздор – все, что встречается на пути. Желая немного

освободиться от нежного благословения слишком доброй матери, женщина постепенно учится не просто смотреть, а приглядываться и подмечать и все меньше попадать впросак.

Теперь, приобретя на службе у Яги ранее отсутствовавшую способность, Василиса получает частицу силы дикой Ведьмы. Некоторые женщины боятся, что это глубокое знание, проистекающее от инстинкта и интуиции, сделает их безрассудными и неосмотрительными, но такой страх безоснователен.

Совсем напротив, недостаток интуиции, слабое восприятие циклов или неумение использовать свои знания приводит к тому, что женщина делает неверный выбор – он-то и приносит плачевные или даже гибельные последствия. Чаще такое знание, достояние Яги, влияет на женщину очень постепенно – как правило, указывает направление, передавая отчетливые картины того, что таится за или под мотивами, идеями, действиями и словами других людей.

Если инстинктивная душа предупреждает: «Остерегайся!», – женщина должна быть начеку. Если глубинная интуиция говорит: «Делай это, делай то, иди туда, остановись здесь, иди дальше», – женщина должна вносить необходимые поправки в свои планы. Интуиция предназначена не для того, чтобы посоветоваться с ней разок, а потом забыть. Это не одноразовое средство. С ней нужно советоваться на каждом шагу пути, сражается ли женщина с внутренним демоном или решает какую-то задачу во внешней жизни, являются ли ее заботы и устремления личными или глобальными. Прежде чем предпринять какое бы то ни было действие, следует прежде всего укрепить дух.

Но вернемся к жуткому пылающему черепу. Этот символ связан с явлением, которое старые археологи называют поклонением предкам [26]. В поздних архео-религиозных версиях сказки говорится, что черепа на шестах принадлежат людям, которых Яга убила и съела. Но в более древних религиозных обрядах, направленных на поддержание связи с предками, кости считались средствами вызывания духов, причем самым важным был именно череп [27].

Практикующие такие обряды верят, что особое, неподвластное времени знание предков продолжает после смерти жить в их костях. Череп они рассматривают как свод, вместилище деятельного элемента души, который, если его попросить, может на время призвать весь дух покойного, чтобы обратиться к нему за советом. Можно легко представить, что душа-Самость обитает прямо в костяном соборе черепа, где глаза – окна, рот – дверь, а уши – слуховые окна.

Поэтому, вручая Василисе пылающий череп, Яга дает ей изображение старухи, «родовую ведунью-знахарку», чтобы девочка пронесла ее с собой по жизни. Она передает Василисе наследство материнской линии знания, которое пребывает в целости и сохранности в пещерах и ущельях души.

И вот Василиса уходит в темный лес, неся в руке пылающий череп. Она долго скиталась, чтобы разыскать Бабу Ягу, и теперь возвращается домой – более знающая, более уверенная, целеустремленно двигаясь прямо вперед. Она возвращается, выдержав посвящение и приобретя глубокую интуицию. Интуиция вставлена в нее, как драгоценный камень в центр короны. Если женщина дошла до этой ступени, значит, она сумела расстаться с опекой своей внутренней слишком доброй матери, научилась предвидеть превратности внешнего мира и справляться с ними, преодолевая их, а не усложняя. Она познакомилась со своими скрытыми угнетательницами – мачехой и ее дочерьми – и осознала тот вред, который они хотят ей причинить.

Прислушиваясь к своему внутреннему голосу, она сумела найти дорогу во тьме и вынести вид Ведьмы, которая олицетворяет одну из сторон нашей собственной природы, но еще и властную дикую природу. Так она обрела способность понимать эту страшную и мудрую силу в себе и других. Она уже больше не скажет: «Я боюсь кого-то или чего-то».

Она служила Богине-Ведьме души, вскармливала связь с ней, очищала персону, со держала в чистоте мышление. Она научилась понимать великую дикую силу, обитающую в собственной душе.

Она узнала о Жизни-Смерти-Жизни и связанном с ней женским даром. Теперь, когда она обрела эти навыки Яги, у нее больше нет недостатка ни в силе, ни в уверенности. Получив наследство матерей – интуицию человеческой стороны природы – и дикое знание той стороны души, где обитает La Que Sabe, она во всеоружии. Она идет по жизни, уверенно ступая, шаг за шагом, женственно. Она слилась воедино со своей силой и теперь видит мир и свою жизнь в новом свете. Посмотрим, что бывает, когда женщина становится такой.

Задача девятая: преобразить тень

Василиса идет домой, неся на палке пылающий череп. Девочка едва не выбрасывает его, но череп удерживает ее от этого. Когда она приходит домой, череп наблюдает за мачехой и ее дочерьми и затем сжигает их дотла. Василиса живет долго и счастливо [28].

Вот психологические задачи этой поры:

Использовать острое зрение (пылающий череп), чтобы узнать пагубные закутки собственной души и отреагировать на них и/или пагубные стороны людей и событий внешнего мира; огнем ведьмы преобразить пагубные тени своей души (злая мачеха с дочерьми, которые мучили Василису, превратились в головешки).

Пробираясь через лес, Василиса держит перед собой пылающий череп, а куколка указывает ей обратный путь: «Иди туда, а не сюда». Василиса, бывшая наивной простушкой, теперь стала женщиной, и ее сила предшествует ей.

Из глазниц, носового и ротового отверстий черепа вырываются огненные лучи. Это еще одно изображение душевных процессов, имеющих отношение к способности различать, а также к связи с предками, то есть к памяти. Если бы на палку, которую Василиса получила от Бабы Яги, была насажена коленная чашечка, этот символ требовал бы иного истолкования. Получи она кость Руки, ключицу или любую другую – за исключением, пожалуй, женской тазовой кости, – смысл был бы совсем другим [29].

Поэтому череп – еще один символ интуиции – не причиняет вреда ни Яге, ни Василисе, поскольку сам обладает способностью различать. Теперь Василиса несет огонь знания, она обладает звериным чутьем. Она умеет видеть, слышать, чуять запахи, ощущать вкус, и к тому же с ней – ее Самость. У неё есть куколка, есть способности Яги, а теперь еще и пылающий череп.

На какой-то миг Василиса пугается силы, которую несет, и ей хочется выбросить пылающий череп. Не удивительно, что, когда в ее распоряжении оказывается такая колоссальная сила, эго думает: пожалуй, лучше, проще, безопаснее избавиться от этого жгучего света, потому что его слишком много и из-за него Василисы тоже стало слишком много. Но раздавшийся из черепа сверхъестественный голос велит девочке успокоиться и продолжать путь. И ей это удается.

У каждой женщины, которая обретает интуицию и способности Яги в придачу, бывает момент, когда ее одолевает искушение отделаться от них, – что проку видеть и знать все это? Сияющий из черепа свет безжалостен. В его лучах пожилые выглядят стариками, красивые – красавчиками и красотками, глупые – дураками, неверные – изменниками, пьяные – выпивохами, а невероятные события – чудесами. Череп видит то, что видит, это вечный свет, который освещает дорогу женщине, как некое существо, которое идет чуть впереди и сообщает о том, что видит. Это ее постоянный разведчик.

Но если так видишь и ощущаешь, нужно это как-то использовать. Если обладаешь хорошей интуицией, полезными способностями, приходится работать. Приходится вначале наблюдать и оценивать враждебные силы и нарушения равновесия – как извне, так и изнутри. Потом напрягать волю, чтобы что-то сделать с тем, что видишь, – себе на благо, для равновесия или чтобы позволить чему-то жить или умереть.

Это правда, я не стану вам лгать – легче избавиться от света и снова уснуть. Это правда – порой бывает трудно держать перед собой светильник из черепа. Ведь с ним мы четко

видим себя и других со всех сторон – и уродливое, и божественное, и все промежуточные состояния.

Но благодаря этому свету до сознания доходит чудесная и глубокая красота мира и людей. Благодаря этому пронизывающему свету можно увидеть за дурным поступком доброе сердце, можно разглядеть под ненавистью сломленный хрупкий дух, можно многое понять вместо того, чтобы пребывать в недоумении. Этот свет помогает различать слои личность-намерения-побуждения в других людях. Он поможет выявить сознательное и бессознательное у себя и других. Он – волшебная палочка, открывающая знание. Он – зеркало, в котором можно увидеть и почувствовать все на свете. Он – сокровенная дикая природа.

И все же бывают времена, когда его откровения причиняют боль и становятся почти невыносимы, ибо пылающий череп также распознает, где зреет предательство, где за смелыми словами скрывается слабость. Он распознает за теплой улыбкой зависть, похожую на застывший жир, распознает взгляды, которые служат лишь масками неприязни. И нас самих он освещает так же ярко – и наши сокровища, и наши слабости.

Именно это знание вынести труднее всего. Именно в этот миг нам всегда хочется зашвырнуть подальше это наше чертово всезнание. Именно здесь мы ощутим, если, конечно, обратим внимание, как исходящая от Самости могучая сила говорит: «Не бросай меня. Храни меня. И ты увидишь».

Плутая по лесу, Василиса, безусловно, думает о своей неродной семье, которая коварно послала ее на смерть, и, хотя у девочки добрая душа, череп отнюдь не добр: его дело – быть зорким. Поэтому, когда она хочет бросить череп, мы понимаем, что она думает о той боли, которую причиняет знание некоторых вещей о себе, о других и о мире.

Василиса добирается до дома, и мачеха с дочерьми говорят, что, пока ее не было, они сидели без света и тепла и никакими силами не могли разжечь огонь. И это сущая правда: именно такое происходит в душе любой женщины, когда ее обуревает дикая сила. В такое время все то, что ее угнетает, лишается либидо – либидо исчезает в неизвестном направлении. Без либидо неприятные стороны души, угнетающие творческую жизнь женщины или вынуждающие ее растрачивать жизнь на мелочи, становятся похожи на перчатки, из которых вынули руки.

Череп начинает неотступно следить за мачехой и ее дочерьми, не спуская с них огненного взора. Можно ли испепелить какой-то вредный аспект, если неотступно за ним следить? Можно. Постоянно удерживая предмет в сознании, можно его иссушить. В одном из вариантов сказки злые обидчицы сгорают дотла, а в другом от них остаются три маленьких черных уголька.

В трех маленьких черных угольках воплощена очень интересная мысль." Маленький черный комочек часто считают началом жизни. В Ветхом Завете, создавая первого мужчину и первую женщину, Бог сотворил их из земли, грязи, глины, в зависимости от того, к какому переводу мы обратимся. Но сколько земли ему понадобилось? Об этом ничего не сказано. Зато в других историях о творении мир и его обитатели часто бывают сотворены из комочка, из единой крупицы, из одной щепотки чего-то черного [30].

Таким образом, три уголька – это вотчина Матери Жизни-Смерти-Жизни. В душе они сгорают почти без остатка. Они лишаются либидо. Теперь может произойти что-то новое. В большинстве случаев, когда мы сознательно лишаем часть души сока, она съеживается, а ее энергия высвобождается или изменяется.

В этом испепелении злобной мачехи и ее дочерей есть и другая сторона. Невозможно сохранить сознание, приобретенное благодаря встрече с Богиней-Ведьмой, получению пылающего света и т.д., если на внешнем или внутреннем уровне живешь рядом с жестокими людьми. Если вас окружают люди, которые обмениваются взглядами и негодующе возводят очи горе, стоит вам войти в комнату, что-то сказать, сделать, на что-то отреагировать, – значит, вы живете с людьми, которые душат чувства – ваши, а скорее всего, и свои тоже. Этим людям нет дела до вас, вашей работы, вашей жизни.

Женщина должна с умом выбирать друзей и возлюбленных, иначе и те и другие могут превратиться в злую мачеху и мерзких сестер. Когда дело касается наших любимых, мы часто наделяем их силой великого мага, великого волшебника. Сделать это легко, потому что, когда возникает подлинная близость, для нас открывается дверь в волшебный мир – во всяком случае, нам так кажется. Возлюбленный может создать и/или разрушить даже самые прочные наши связи с собственными циклами и идеями. От любовника-разрушителя следует держаться подальше. Нам больше подходит тот, чья душа сделана из сильных мышц и нежной ткани. Ведь для Дикой Женщины лучше, чтобы ее любимый тоже был немножко не от мира сего – человеком, который умел бы читать в ее душе.

Если у женщины-дикарки возникает идея, такой друг или возлюбленный никогда не скажет: «Ну, я не знаю; по-моему, это просто глупо (чрезмерно, невыполнимо, дорого и т.д.)». Настоящий друг никогда так не скажет. Он может сказать: «Не знаю, правильно ли я понял. Расскажи, как ты себе это представляешь. Расскажи, как это будет работать».

Возлюбленный и друг, который относится к тебе как к живому, развивающемуся организму, вроде дерева в лесу, фикуса в доме или розы в саду; любимый и друзья, видящие в тебе существо, которое живет и дышит, – человеческое, но вдобавок состоящее из очень тонких, влажных и волшебных вещей; любимый и друзья, которые поддерживают в тебе это существо, – вот люди, которых ты ищешь. Они будут друзьями твоей души на всю жизнь. Чтобы сохранить осознанность, сохранить интуицию, сохранить тот пылающий свет, который видит и знает, очень важно осмотрительно выбирать друзей и возлюбленных, не говоря уж об учителях.

Чтобы сохранить связь с первозданным, спроси себя, чего ты хочешь. Это и значит отделить зерна от грязи. Одно из важнейших различий, которые мы можем здесь сделать, – различие между тем, что нас манит, и тем, что взывает к нам из глубин души.

Вот как это делается. Представьте себе шведский стол, который ломится от взбитых сливок, лососины, булочек, жареного мяса, фруктового салата, энчиладас [26] с зеленью, риса с кари, йогурта и множества всякой прочей снеди – закусок, основных блюд, десертов. Представьте, что вы рассматриваете его и видите блюда, которые вам по вкусу. «Так, – говорите вы себе, – возьму-ка я это, это и немножко того».

Некоторые всю жизнь принимают решения, пользуясь таким подходом. Нас окружает мир, который постоянно манит, который проникает в нашу жизнь, возбуждая аппетит там, где прежде его не было. Делая такой выбор, мы выбираем что-то только потому, что оно в этот момент оказалось у нас перед носом. Это не обязательно то, чего мы хотим, но оно нас заинтересовало, и чем дольше мы на него смотрим, тем соблазнительнее оно кажется.

Если мы связаны с инстинктивной самостью, с душой женственности, естественной и дикой, то, вместо того чтобы рассматривать выставленное на показ, мы говорим себе: «Чего я жажду?» Не глядя на внешние приметы, мы устремляем взгляд внутрь и спрашиваем: «К чему у меня лежит душа? Что мне нужно сейчас?» Или можно спросить: «К чему меня тянет? Чего я желаю? По чему томлюсь?» Обычно ответ приходит быстро: «Пожалуй, я хочу… Мне пойдет на пользу немного того или этого… Ага, вот то, что мне действительно нужно!»

Есть ли это на шведском столе? Может, да, а может, и нет. Чаще всего – нет. Нам придется поискать – немного, а иногда и довольно долго. Но в конце концов мы это найдем и будем рады, что предприняли поиски того, чего так жаждала наша душа.

Умение различать, которому учится Василиса, отделяя маковые семена от грязи и свежее зерно от гнилого, – один из самых сложных навыков, ибо он требует духа, воли и душевности, а это обычно означает необходимость добиваться того, чего хочешь. Нигде это не проявляется так отчетливо, как при выборе супругов и любовников. Любимого не выберешь, как на шведском столе. Его нужно выбирать по зову души. Выбирая то, от чего

[26] Блинчики с острой мясной начинкой.

слюнки текут, никогда не утолишь голод души-Самости. Вот для чего нам нужна интуиция, эта прямая вестница души.

Поясню более подробно. Если вам представилась возможность купить велосипед или поехать в Египет и увидеть пирамиды, стоит немного помедлить, заглянуть в себя и спросить: «Чего я жажду? К чему меня тянет? Может быть, я жажду иметь не велосипед, а мотоцикл. Может, я жажду поехать в гости к бабушке, которая все больше старится». Решение не обязательно должно быть таким важным. Иногда нужно взвесить, к чему нас больше тянет: прогуляться или сложить стихотворение. Замысел, даже мимолетный или заурядный, стоит согласовать с инстинктивной самостью, прибегнув к одному или нескольким доступным вам аспектам, символами которых выступают кукла, старуха Баба Яга и пылающий череп.

Еще один способ укрепить связь с интуицией – не позволять никому подавлять вашу жизненную энергию, то есть ваши взгляды, ваши мысли, ваши идеи, ваши ценности, ваши нравственные устои, ваши идеалы. В мире очень мало вещей, которые можно определить как «верные – неверные» или «хорошие – плохие». Однако есть вещи полезные и бесполезные. Есть такие, которые порой бывают разрушительными, но есть и созидательные. Есть поступки хорошо продуманные и осуществленные, а есть и противоположные. Но все вы прекрасно знаете: чтобы подготовить огород к весне, осенью его нужно перекопать. Он не может плодоносить без перерыва. Пусть же подъемы и спуски в вашей жизни зависят от ваших собственных врожденных циклов, а не от внешних сил и посторонних людей, или отягощающих внутренних комплексов.

Есть некие постоянные энтропии и образования, являющиеся частью наших внутренних циклов. Наша задача – синхронизироваться с ними. Вместо того чтобы быть жертвами ритма Жизни-Смерти-Жизни, мы изучаем его, как изучают ритм сердца, желудочки которого наполняются, опустошаются и снова наполняются. Он похож на ритм вращающейся скакалки. Этот ритм уже существует. Вы стоите, покачиваясь взад-вперед, пока не проникнетесь им. А потом – прыг! Вот как это делается. Наша задача ничуть не труднее.

К тому же интуиция предоставляет вам выбор. Если работает связь с инстинктивной самостью, то у вас всегда есть как минимум четыре варианта: «за» и «против», нечто среднее и материал для дальнейшего размышления. Если же не полагаться на интуицию, то можно решить, что у вас единственный выход, к тому же весьма незавидный. Возможно, вам покажется, что его необходимо выстрадать. И смириться. И заставить себя. Нет, есть куда лучший выход: быть чуткой к внутреннему слуху, внутреннему видению, внутреннему бытию. Внимайте им, они знают, что делать дальше.

Одна из самых замечательных особенностей использования интуиции, инстинктивной природы, состоит в том, что она приносит способность к стихийным и безошибочным прорывам. «Стихийный» не значит «неразумный». Это не манера действовать с налета, не думая о последствиях. Надежные границы по-прежнему важны. К примеру, Шехерезада прекрасно чувствовала границы. Она умело использовала свой ум, доставляя удовольствие и в то же время заставляя себя ценить. Быть самой собой – не значит быть безрассудной. Это значит слушать La voz mitologica, Мифологический Голос. А для этого нужно на время отключить эго и предоставить слово тому, кто хочет говорить.

В повседневной реальности все мы имеем возможность общаться с маленькими дикими матерями во плоти. Есть такие женщины – стоит их увидеть, как что-то в нас вздрагивает и говорит: «Ма-ма». Один взгляд, и вы думаете: «Я ее потомок, ее дитя. Она моя мать, моя бабушка». Если же это un hombre con pechos – так называемые «мужчины с грудями», – вы можете подумать: «Это мой дедушка!» или «Брат мой, друг мой!». Вы знаете: эта женщина – ваш источник питания (парадоксально, но эти люди бывают очень мужественными и одновременно очень женственными. В них есть что-то от феи-крестной, от наставницы, от матери, которой у вас никогда не было или которая была очень недолго, – вот что это такое, un hombre con pechos) [31].

Всех этих женщин можно назвать маленькими дикими матерями. Обычно у каждой из вас есть хотя бы одна такая. Если повезет, в жизни можно встретить и нескольких. Как правило, вы встречаете их уже будучи взрослыми, самое раннее – на пороге юности. Они в корне отличаются от слишком добрых матерей. Маленькие дикие матери руководят вами и страшно гордятся вашими достижениями. Они вскрывают заторы и ошибочные взгляды в вашей творческой, эмоциональной, духовной и интеллектуальной жизни и вокруг нее.

Их цель – помогать вам, лелеять ваши умения, связывать вас с дикими инстинктами, выявлять ваши врожденные лучшие качества. Они направляют возрождение интуитивной жизни. Они радуются, когда вы встречаетесь с куколкой, гордятся, когда вы находите Бабу Ягу, и ликуют, когда видят, что вы возвращаетесь, неся перед собой пылающий череп.

Мы уже убедились, что оставаться слишком кроткой глупышкой опасно. Но, быть может, вы все еще сомневаетесь, быть может, вы думаете: «Господи, да кто же захочет быть такой, как Василиса?» Вы захотите, уверяю вас. Вы захотите быть такой, как она, сделать то, что сделала она, и пройти по ее следам, ибо это путь, который позволит вам сохранить и развить свою душу. Дикая женщина – отважная женщина; она сама создает и сама разрушает. Это первобытная изобретательная душа, благодаря которой осуществляются все творческие достижения и свершения. Она создает вокруг нас лес, и мы начинаем взаимодействовать с жизнью, исходя из этой новой и первозданной перспективы.

Итак, заканчивая обновляющую инициацию женской души, мы видим юную женщину, обладающую солидным опытом, научившуюся следовать тому, что она знает. Выполнив все задания, она прошла полное посвящение. Корона принадлежит ей. Возможно, познать интуицию – самая легкая из задач, но сохранить ее в сознании и позволить жить тому, что может жить, и умереть тому, что должно умереть, – задача куда более трудная и в то же время такая благодатная!

Баба Яга – то же самое, что и Мать Нике, мать мира, еще одна богиня Жизни-Смерти-Жизни. Но богиня Жизни-Смерти-Жизни – это всегда еще и богиня-создательница. Она создает, лепит, вдыхает жизнь; она приходит, чтобы принять душу, когда дыхание иссякает. Идя за ней по следам, мы учимся позволять рождаться тому, что должно родиться, независимо от того, присутствуют ли при этом все нужные люди. Природа не спрашивает разрешения. Цветите и приносите плоды, когда вам захочется. Когда мы становимся взрослыми, нам уже не нужно просить разрешения – нужно больше рождать, гораздо больше поощрять свои дикие циклы, обладать гораздо более первозданным видением.

Тема окончания сказки – умение позволять умереть. Василиса – прилежная ученица. Разве она начинает биться и пронзительно кричать, когда череп сжигает злодеек? Ничуть не бывало. Умирает то, что должно умереть.

Как человек приходит к такому решению? Он просто знает. La Que Sabe – знает. Чтобы спросить у нее совета, загляните в себя. Она Мать Веков. Ее ничем не удивишь. Она видела все. Для большинства женщин решение позволить умереть не противоречит их природе – оно противоречит их воспитанию. Но это можно изменить. В los ovarios все мы знаем, когда время жить, а когда умирать. Бывает, что по разным причинам мы пытаемся себя обмануть, но все равно знаем.

Это открывается светом пылающего черепа.

Глава 4
ПАРА: СОЮЗ С ДРУГИМ

Гимн Первозданному Мужчине: Манауи

Если женщины хотят, чтобы мужчины их узнали, узнали по-настоящему, то им следует поделиться с мужчинами своим сокровенным знанием. Некоторые женщины говорят, что устали, что и так затратили на это слишком много сил. Смею предположить, что они

пытались учить мужчин, которые не желают учиться. Большинство мужчин хотят знать, хотят учиться. Если мужчина проявляет такую готовность, значит, пришло время открыть правду – и не просто пришло время, а еще и другая душа просит об этом. Вы сами это увидите. Вот кое-что из того, что значительно облегчает мужчине понимание, позволяет ему пойти женщине навстречу: это язык, наш язык.

В мифе, как и в жизни, нет сомнений, что Первозданный Мужчина ищет свою скрытую под землей невесту. В кельтских сказаниях есть знаменитые пары Диких Богов, неразрывно связанные любовью. Чаще всего они живут под озерами и являются защитниками подземного мира и его обитателей. Из вавилонского мифа кедровобедрая Инанна [27] взывает к своему возлюбленному, Бычьему Плугу: «Приди, накрой меня своей дикостью!» Даже в наше время на Среднем Востоке говорят: это мать и отец Бога ворочаются на пружинной кровати, производя раскаты грома.

И женщина-дикарка никого не любит так, как мужчину, который ей под стать. Но снова и снова, наверное с начала времен, те, кто становятся ее супругами, не вполне уверены, что понимают ее истинную природу. Чего на самом деле хочет женщина? Это древний вопрос, загадка для души, предмет которой – та дикая и таинственная природа, которой обладает каждая женщина. Хотя ведьма из Чосеровской «Женщины из Бата» каркнула, что ответ на этот вопрос состоит в том, что женщина хочет быть хозяйкой своей жизни – и это истинная правда, – однако есть и другая, столь же непреложная истина, которая тоже служит ответом на этот вопрос.

Перед вами сказка, дающая ответ на извечный вопрос об истинной природе женщины. Тот, кто в совершенстве усвоит методы и средства, изложенные в этой сказке, навеки станет первозданной женщине возлюбленным и супругом. Давным-давно мисс В. Б. Вашингтон подарила мне эту маленькую афро-американскую сказку, которую я дополнила, превратив в историю, которую помещаю здесь под названием «Манауи».

МАНАУИ

Жил-был человек, который посватался к двум сестрам-близнецам. Но их отец сказал: «Ты не сможешь взять их в жены, пока не угадаешь, как их зовут». Манауи гадал и гадал, но никак не мог угадать имена сестер. Отец девушек каждый раз качал головой и отсылал Манауи прочь.

Однажды, отправившись угадывать в очередной раз, Манауи захватил с собой своего песика, и тот заметил, что одна из сестер красивее, а другая милее. И хотя ни одна из девушек не была верхом совершенства, песику они очень понравились, потому что угощали его и улыбались, глядя ему в глаза.

Манауи снова не сумел угадать имена девушек и поплелся домой. А песик вернулся к хижине, где жили сестры. Он притаился у боковой стены и навострил уши. Девушки, хихикая, обсуждали красоту и мужественный вид Манауи и при этом называли друг друга по имени. Услыхав это, песик со всех ног помчался к хозяину, чтобы все ему рассказать. Но по пути он почуял запах кости с остатками мяса, которую лев бросил рядом с тропинкой, и, не долго думая, кинулся за ней в кусты. Песик долго лизал и грыз кость, пока она не потеряла весь свой запах. И тут он вдруг вспомнил про неотложное дело, но, к несчастью, имена девушек выскочили у него из головы.

Тогда он снова бросился к хижине двойняшек. Уже наступила ночь, и девушки умащали друг друга маслом, будто готовились к празднику. И снова песик услыхал, как они называли друг друга по имени. От восторга он высоко подпрыгнул и помчался по тропинке к хижине Манауи – но тут из кустов донесся запах свежего мускатного ореха.

---

[27] Инанна – героиня шумерского мифа; в вавилонской мифологии ей соответствует Иштар.

А надо сказать, что песик любил мускатный орех больше всего на свете. Поэтому он быстро свернул с тропинки и помчался туда, где на бревне остывал дивный пирог с фруктовой начинкой. Скоро от пирога ничего не осталось, а у песика из пасти разливалось благоухание мускатного ореха. Труся домой с раздувшимся брюшком, он попытался вспомнить имена девушек, но увы! – он опять их забыл.

Тогда песик снова бросился к хижине сестер. На этот раз они готовились к свадьбе. «Только не это, – подумал песик, – ведь времени почти не осталось!» И как только девушки назвали друг друга по имени, он запомнил их имена крепко-накрепко и помчался назад, твердо и непреклонно решив, что на этот раз ничто не помешает ему сообщить Манауи два драгоценных слова.

На тропинке песик заметил чью-то свежую добычу, но без колебаний перепрыгнул через нее и побежал дальше. Потом ему показалось, что в воздухе запахло мускатным орехом, но он и ухом не повел и продолжал нестись к дому хозяина. Но песик никак не мог предполагать, что из кустов вдруг выскочит страшный незнакомец, схватит его за шею и начнет его трясти, да так, что чуть хвост не отвалился.

Но случилось именно это, и незнакомец все время повторял: «Назови мне их имена! Скажи, как зовут девушек, чтобы я смог на них жениться!»

Песик боялся потерять сознание – так крепко обидчик держал его за шею, – но продолжал храбро сражаться. Он рычал, царапался, извивался и наконец ухитрился укусить великана между пальцами, а зубы у него были острые, как иголки. Незнакомец взревел, как буйвол, но песик только крепче сжал зубы. Он метнулся в кусты, но песик висел у него на руке.

– Отпусти меня, песик, – взмолился незнакомец, – тогда я тебя тоже отпущу!

А песик прорычал сквозь зубы:

– Только не возвращайся, а то больше не видать тебе белого света! Незнакомец бросился напролом через кусты, стеная и держась за укушенную руку, а песик, прихрамывая, заковылял по тропинке к Манауи.

Хотя мордочка у него была в крови и челюсти ныли, он отчетливо помнил имена девушек и радостно бросился навстречу Манауи. Тот бережно промыл раны своего маленького друга, а песик рассказал ему обо всем, что случилось, и назвал имена сестер. Манауи поспешил в деревню, где жили девушки; песик сидел у него на плече, и уши его развевались, как два конских хвоста.

Когда Манауи пришел к отцу девушек и назвал ему имена его дочерей, те были полностью одеты и готовы отправиться в путь вместе с ним: ведь все это время они только его и ждали. Вот как Манауи заполучил двух самых красивых девушек из этих мест. И все четверо – сестры, Манауи и песик – прожили в мире и согласии долгие годы.

Крик-крак-кря – вот и сказка вся.

Крик-крак-крец – сказочке конец [1].

Двойная природа женщины

В народных сказках, как и в сновидениях, содержание можно понимать субъективно, так что все символы изображают аспекты одной человеческой души, а можно и объективно, в их связи с обстоятельствами и взаимоотношениями внешнего мира. В данном случае давайте рассмотрим сказку о Манауи скорее с точки зрения отношений между женщиной и ее избранником, имея в виду, что обычно «как снаружи, так и внутри».

Эта сказка раскрывает древний женский секрет: чтобы завоевать сердце дикой женщины, мужчина должен до конца постичь ее природную двойственность. Двух девушек из сказки можно трактовать этнологически, как будущих невест, что характерно для общества, где принят полигамный брак, но если взглянуть на эту историю с архетипической точки зрения, то она расскажет о тайне двух могучих женских сил, живущих в одной

женщине.

В сказке о Манауи есть все факты, необходимые для того, чтобы приблизиться к первозданной женщине. С помощью верного песика Манауи угадывает два имени, две природы женского начала. Он не может победить, не отгадав загадку. И, чтобы сделать это, он вынужден прибегнуть к помощи своей инстинктивной самости, которую олицетворяет песик.

Любой, кто живет рядом с женщиной, по существу, находится в присутствии двух женщин, внешней и внутренней; последнюю мы называем criatura. Одна живет в мире яви; проникнуть в мир другой женщины не так легко. Внешняя женщина живет на белом свете, она всем видна. Она часто бывает прагматична, воспитана в духе общества и очень человечна. Криатура же выходит на поверхность, лишь проделав длинный путь; часто бывает так, что она внезапно появится – и так же быстро исчезнет, но всегда оставляет у нас ощущение, что мы были свидетелями чего-то удивительного, первозданного и мудрого.

Понимание такой двойной природы женщины нередко заставляет мужчин, а иногда и самих женщин, зажмуриться и просить помощи у неба. Парадокс двойной женской природы заключается в том, что, когда дело касается чувств, одна сторона бывает более прохладной, а другая более горячей. Когда в отношениях одна сторона проявляет большую пылкость и томность, другая холодна, как лед. Часто одна сторона бывает более счастливой и податливой, а другая требует сама не знает чего. Одна может быть солнечной, другая сладостно-горькой и тоскующей. Эти «две женщины в одной» – отдельные и в то же время неразрывно связанные элементы, образующие в душе тысячи различных сочетаний.

Сила Двоих

Если каждая сторона женской природы представляет собой отдельную сущность со своими функциями и способностью различать, то они должны, как и мозг и его corpus callosurn, [28] знать друг о друге или общаться между собой и таким образом функционировать как единое целое. Если женщина скрывает одну из своих сторон или слишком благоволит другой, ее жизнь становится заметно однобокой, и это не позволяет ей использовать всю свою силу. В этом нет ничего хорошего – необходимо развивать обе стороны.

Рассматривая символ близнецов, можно многое узнать об этой силе Двоих. Во всем мире с древних времен близнецов считали обладателями сверхъестественных способностей. В некоторых культурах существует целая наука, которая посвящена способам уравновешивания природы близнецов, поскольку их считают двумя существами с одной общей душой. Даже после смерти близнецов кормят, разговаривают с ними, приносят им подарки и жертвы.

В разных африканских и карибских общинах есть поверье, что символ сестер-близнецов является носителем джуджу, мистической энергии души. Поэтому считается, что близнецы должны быть окружены неусыпной заботой, чтобы на всю общину не пал злой рок. Одна из предосторожностей, диктуемых религией гаитянских колдунов, требует, чтобы близнецам давали одинаковые, точно отмеренные порции пищи, – это поможет окончательно усмирить всякую зависть между ними, а главное, не допустить гибели одного из них, поскольку, если один из близнецов умрет, уйдет и другой, а с ними исчезнет и та особая душевная атмосфера, которую они сообщают окружению.

Женщина тоже обладает огромной силой, если два аспекта ее души сознательно учитывают и воспринимают как единое целое, стремятся держать вместе, а не порознь. Власть Двоих очень сильна, и ни одной из сторон этой пары нельзя пренебрегать. Их нужно

---

[28] «Мозолистое тело» (лат.).

кормить одинаково, ибо в совокупности они даруют человеку необыкновенную мощь.

Как-то на Среднем Юге от старого американца африканского происхождения я услышала одну историю. Он шел по аллее, а я сидела посреди граффити, оставленных в городском парке. Кто-то назвал бы его психом, потому что он разговаривал со всеми и ни с кем. Он ковылял, вытянув вперед палец, будто желая узнать направление ветра. Cuentistas знают, что на таком человеке лежит печать богов. В нашей традиции его назвали бы El bulto, Котомка, потому что такие души несут в себе некое содержимое, показывая его каждому, кто захочет увидеть, каждому, у кого есть глаза, чтобы увидеть, и здравый смысл, чтобы сохранить.

Этот на редкость дружелюбный El bulto подарил мне такую историю, посвященную родовому обычаю. Он назвал ее «Раз палка, два палка». «Это обычай древних африканских царей», – шепнул он.

Перед смертью старик собирает своих близких. Каждому из многочисленных потомков, жен и родственников он дает короткую крепкую палку.

– Сломайте палку, – велит он им.

Приложив усилие, каждый переламывает палку пополам.

– Вот как бывает, когда душа одна-одинешенька и у нее никого нет. Ее легко сломать.

Потом старик дает каждому еще по одной палке и говорит: – А вот так я хотел бы, чтобы вы жили, когда меня не станет. Сложите свои палки вместе по две, по три. Ну-ка, попробуйте теперь сломать их пополам! Никому не удается сломать палки, когда они сложены по две и по три.

– Мы сильны, когда рядом кто-то есть. Если мы вместе, нас не сломать. Точно так же, если обе стороны двойной природы держать в сознании бок о бок, они обладают колоссальной силой, их не сломать. Такова природа душевной двойственности, парности, двух аспектов женской личности. Отдельно взятая более цивилизованная самость прекрасна – но довольно одинока. Отдельно взятая дикая самость тоже прекрасна, но жаждет общения с себе подобными. Утрата психологических, эмоциональных и духовных сил происходит в том случае, если женщина разделяет эти две природы и делает вид, что одна их них больше не существует.

Эту притчу можно понимать и как рассказ не только о женской двойственности, но и о мужской. У мужчины по имени Манауи своя двойная природа: человеческая и инстинктивная, которую олицетворяет собака. Одной человеческой природы, даже самой милой и любящей, недостаточно, чтобы сватовство закончилось победой. Именно собака, символ инстинктивной природы, способна подобраться к женщинам и, благодаря своему острому слуху, уловить их имена. Именно собака учится преодолевать внешние соблазны и хранить самые важные знания. Именно собака Манауи обладает острым слухом и цепкостью, инстинктом рыть под стенами и откапывать, находить и приносить ценные сведения.

В других сказках мужские силы могут выступать носителями энергий, присущих Синей Бороде или коварному Братцу Лису, и, прибегая к ним, пытаться уничтожить двойную природу женщины. Такие женихи не терпят двойственности и ищут совершенство, одну истину, одну застывшую, неизменную femi-nina substancia, женскую сущность, воплощенную в одной совершенной женщине! Если встретите такого человека, бегите прочь со всех ног. Лучше иметь возлюбленного вроде Манауи – и снаружи, и внутри. Он гораздо лучший жених, потому что безоглядно предан идее Двоих. А сила Двоих проявляется как одно нераздельное существо.

Поэтому Манауи хочет коснуться этого вездесущего и в то же время таинственного сочетания души и жизни в женщине и имеет на это полное право. Сам он – мужчина-дикарь, дитя природы, а потому ему по вкусу женщина-дикарка, она рождает в нем отклик.

В обобщенном племени мужских фигур, которое обитает в женской душе, – Юнг называет его анимус – есть и некое подобие Манауи: это подход, который ищет и утверждает женскую двойственность, считая ее ценной, желанной и достойной внимания, а не

дьявольской, безобразной и достойной презрения [2]. Образ Манауи, внутренний или внешний, олицетворяет неопытного, но исполненного веры влюбленного, чье главное желание – назвать по имени и понять таинственную и божественную двойню, скрытую в женской природе.

Сила имени

Наименование силы, существа, человека или вещи – дело многозначное. В тех культурах, где имена тщательно выбирают, учитывая их магический или благоприятный смысл, узнать подлинное имя человека – значит узнать его жизненный путь и качества души. А причина, по которой подлинное имя часто держат в тайне, – это стремление защитить владельца имени, дать ему возможность дорасти до силы имени, защитить его; тогда уже никто не сможет это имя очернить или умалить, и духовная сила человека разовьется в полной мере.

В волшебных и народных сказках имени присущи кое-какие дополнительные аспекты; они проявляются и в сказке о Манауи. Хотя в некоторых сказках враждебная сила пытается выведать имя героя, чтобы одержать над ним верх, чаще всего поиск имени направлен на то, чтобы вызвать силу или человека, привлечь их к себе и завязать с ними отношения.

Именно это происходит в сказке о Манауи. Он мечется туда и обратно, туда и обратно, искренне пытаясь привлечь к себе силу Двоих. Он стремится назвать их не затем, чтобы захватить их силу, а затем, чтобы обрести свою, равную их силе. Узнать имена – значит получить и хранить осознанное понимание двойной природы. Как ни старайся, а не узнав имен, глубоких отношений не завяжешь, даже насильно.

Вначале отгадать имена двойной природы бывает одинаково трудно и женщинам, и мужчинам. Впрочем, особенно переживать из-за этого не стоит. Если мы заинтересованы в том, чтобы узнать имена, значит, мы уже на верном пути.

И все-таки, каковы же имена двух символических сестер в женской душе? Разумеется, у каждого человека есть свои наименования для этих пар, но, как правило, они выражают лежащее в их основе противоречие. Как и многое другое в мире природы, они поначалу могут показаться столь многообразными, что в них трудно заметить систему или повторяемость. Но если внимательно присматриваться к двойной природе, обращаться к ней с вопросами и выслушивать их, то скоро вам откроется, что в ней все же есть система. Да, она обширна, но обладает и постоянством, как набегающие и убегающие волны; ее приливы и отливы можно предсказать, а глубинные течения нанести на карту.

Кстати, об угадывании имен: произносить имя человека – значит каждый раз выражать пожелание или благословлять. Мы именуем эти обитающие в нас двойные темпераменты, чтобы связать узами брака эго и дух. На человеческом языке такое поименование и заключение брака называют любовью к себе. Если же это происходит между двумя людьми, то называется любовью к другому.

Манауи все гадает, гадает и никак не может отгадать имена близнецов, опираясь только на свою рациональную природу. И тогда ему на помощь приходит собака, символ интуиции. Женщину часто привлекает партнер, обладающий настойчивостью и умом, которые заставляют его снова и снова пытаться понять ее сокровенную природу. Найдя такого мужчину, она на всю жизнь отдаст ему свою любовь и верность.

В сказке отец сестер-близнецов играет роль охранителя мистической пары. Он олицетворяет подлинное внутреннее качество психики, обеспечивающее целостность вещей, следящее за тем, чтобы они «держались вместе», а не разъединялись. Это он проверяет, достоин ли соискатель, подходит ли он. Хорошо, если у женщины есть такой страж.

По этому поводу можно сказать, что здоровая психика испытывает новые элементы, когда они обращаются к ней с просьбой о присоединении, что такая психика обладает

целостностью и способностью защитить себя. Здоровая психика, имеющая по-отечески заботливого стража, не станет просто так впускать любую старую мысль, любой старый подход, любого знакомого человека, а откроет доступ только тому, что разумно или стремится стать таковым.

Отец сестер-близнецов говорит: «Не спеши. Ты не получишь моих дочерей, пока не убедишь меня в том, что искренне хочешь узнать их истинную суть – подлинные имена». Он имеет в виду, что понимание женских тайн не придет само, по первому желанию. Сначала придется потрудиться, приложить немало усилий. Придется идти наощупь, постепенно приближаясь к истинной разгадке этой тайны женской души, этой задачи, которая одновременно является и загадкой, и открытием.

Цепкая собачья природа

В этой сказке песик наглядно демонстрирует нам, как работает психическая цепкость. Собаки – волшебники Вселенной. Одним своим присутствием они преображают брюзгливого человека в улыбчивого, развеивают печаль. Они способствуют общению. Как в древнем вавилонском эпосе о Гильгамеше слишком рационального царя Гильгамеша уравновешивает Энкиду, заросший шерстью человек-зверь, так здесь собака целиком воплощает в себе одну из сторон двойственной человеческой природы. Это природа лесов, существо, которое умеет чуять след, определяет предметы по запаху.

Песику нравятся сестры, потому что они кормят его и улыбаются ему. Мистическая женственность легко понимает и охотно принимает инстинктивную природу собаки. Кроме всего прочего, собаки олицетворяют того (или ту), кто любит верно и от всей души, кто легко прощает, кто умеет бегать без устали, а если нужно, то и сражаться насмерть. Собачья природа [3] дает конкретные ключи к тому, как мужчине завоевать сердца сестер-близнецов… и женщины-дикарки; и главный ключ здесь – «возвращаться опять и опять».

В очередной раз не сумев угадать имена девушек, Манауи плетется домой. А песик мчится назад, к хижине, где живут девушки, и подслушивает до тех пор, пока не услышит их имена. В мире архетипов собачья природа – и психопомп – проводник душ из верхнего мира в сумеречный, и хтоническое существо, обитатель тех темных или дальних окраин души, которые издревле называют подземным миром. Именно такую чуткость должен развить в себе мужчина, стремясь понять двойственную природу женщины.

Собака сродни волку, только она более цивилизована, хотя и не намного, как мы увидим по ходу сказки. В качестве психопомпа песик олицетворяет инстинктивную душу. Он видит и слышит иначе, чем человек. Он добирается до уровней, недоступных эго. Он слышит слова и советы, недоступные слуху эго. И поступает в соответствии с ними.

Однажды в Сан-Франциско, в музее естествознания, я побывала в камере, оснащенной микрофонами и воспроизводящими устройствами, которые имитировали собачий слух. Шелест пальмовых листьев на ветру звучал как Армагеддон. Звук приближающихся шагов создавал впечатление, что прямо у меня в ухе кто-то топчет миллионы мешков с кукурузными хлопьями. Собачий мир наполнен постоянной симфонией оглушительных звуков – звуков, которых мы, люди, совершенно не улавливаем. Зато песик улавливает.

Собака слышит звуки диапазона, превышающего возможности человеческого слуха. Этот аспект – посредник инстинктивной души – интуитивно улавливает сокровенную работу, сокровенную музыку, сокровенные тайны женской души. Именно эта природа способна постичь дикую природу женщины.

Коварная тяга к удовольствиям

Не случайно мужчины и женщины, стремясь обнаружить глубинные стороны своей

природы, отвлекаются по ряду причин – главным образом, на всевозможные соблазны. У некоторых развивается столь сильная тяга к удовольствиям, что они навеки погрязают в них и никогда не доводят поиск до конца.

Песика тоже поначалу отвлекают страсти. Ведь страсти – это нередко милые маленькие forajidos, воришки, норовящие украсть у вас время и либидо. Юнг подчеркивал, что человеческие страсти необходимо как-то умерять. Иначе, как вы уже видели, придется делать остановку, учуяв каждую кость на дороге, каждый пирог на бревне.

Искатели, стремящиеся узнать имена составляющих двойственной природы, могут, как и песик, утратить решимость и, поддавшись соблазну, сойти с тропы. Это особенно вероятно, если сами они – существа дикие или изголодавшиеся. Они тоже могут утратить память о том, к чему стремятся. Их может соблазнить/атаковать некий аспект собственной бессознательной природы, стремящийся подчинить себе женщину, чтобы ее эксплуатировать, или соблазнить женщину для собственного удовольствия либо чтобы утолить охотничий голод.

Возвращаясь к хозяину, песик отвлекается на аппетитную кость и, поддавшись искушению, забывает имена девушек. Этот эпизод олицетворяет явление, очень характерное для глубинной душевной деятельности: страсти отвлекают нас от главной задачи. Не проходит и месяца, чтобы кто-то из пациентов не пожаловался: «Понимаете, я отвлекаюсь от глубинной работы, потому что так сексуально возбуждаюсь, что приходится остывать целую неделю» или «…потому что я решила, что на этой неделе самое время пересадить все пятьсот комнатных растений», или «…потому что я начала семь новых творческих проектов, угробила на них массу времени, а потом решила, что все они никуда не годятся, и забросила их».

Вы видите – косточка на дороге поджидает каждого из нас. Она так благоухает, что собака просто не может пройти мимо. В худшем случае это прочная зависимость, которая очень дорого нам обходится. Но даже если время от времени мы терпим неудачу, необходимо пытаться снова и снова, пока мы не сможем пройти мимо и заняться главным делом.

Процесс глубинной работы имеет много общего с сексуальным возбуждением: начинается с нулевой точки, нарастает, образуя несколько плато, набирает силу и устойчивость. Если резко прервать его на стадии плато (представьте себе внезапный громкий шум), придется начинать все снова. В работе с архетипическим слоем психики присутствует похожее напряжение, сопутствующее возбуждению. Если это напряжение нарушить, придется начинать почти с нуля. Итак, на дороге полно костей – мясных, соблазнительных, необычайно притягательных костей. Но почему-то они увлекают нас в беспамятство, заставляют забыть не только о том, что мы заняты делом, но и с чего мы начали это дело.

Коран мудро напоминает, что нас призовут к ответу за все дозволенные радости, которыми мы не насладились в земной жизни. Тем не менее избыток или даже самая малость удовольствия в неудачное время может обернуться крупной потерей осознанности. И тогда, вместо того чтобы получить внезапное откровение, мы бродим, как рассеянный ученый, бормоча: «Где же это я побывал?» А на то, чтобы оправиться от такой рассеянности, уходят недели, а порой и месяцы.

В сказке песик возвращается к хижине сестер, снова слышит их имена и опять убегает. Собачьему племени присущ верный инстинкт: делать новые и новые попытки. Вот только… по пути песика поджидает ароматный пирог – он отвлекается и снова забывает имена. На этот раз его одолел другой аспект страсти и снова помешал ему выполнить задачу. Теперь его желудок полон, но душевный труд так и не завершен.

Мы начинаем понимать, что такой процесс сохранения осознанности и, особенно, умение не поддаваться отвлекающим страстям, когда мы пытаемся установить душевную связь, – процесс длительный и многотрудный. Мы видим, что хитрый песик бьется изо всех сил. Но от глубинного архетипического бессознательного до сознательного ума – долгий путь: долгий путь вглубь, к именам, и долгий путь обратно, к поверхности. Трудно удержать

в уме знание, когда на пути подстерегают соблазны.

Пирог и кость олицетворяют отвлекающие приманки, которые сами по себе восхитительны, – иными словами, это то лукавое, обманчивое и влекущее, что присутствует в душе каждого человека. Это элементы, противостоящие сознанию, их дело – таиться во тьме, волнуя и маня. Порой бывает трудно напомнить себе, что мы стремимся к совсем другой приманке – к свету.

В этой сказке носителем света выступает собака: именно она пытается установить сознательную связь с загадочной двойной природой. Что-то постоянно старается этого не допустить – это «что-то» невидимо, но, скорее всего, именно оно разбрасывает кости и подкладывает пироги. Сомнений нет, это таинственный незнакомец, еще один вариант природного хищника души, противника сознания. По вине этого противника, естественно обитающего в душе каждого человека, даже самой здравой душе грозит опасность заблудиться. Помните истинную задачу, твердите ее как мантру – это поможет вам сохранить осознанность.

Как стать свирепым

Песик снова узнает имена девушек и мчится к хозяину. Он не обращает внимания ни на лакомство на дороге, ни на соблазнительные ароматы из кустов. Мы становимся свидетелями развития сознания души. Инстинктивная душа учится обуздывать себя, устанавливать приоритеты и сосредоточиваться. Она отказывается реагировать на отвлекающие факторы. Она настойчиво стремится к цели.

И тут, откуда ни возьмись, выскакивает зловещий незнакомец. Он трясет песика и кричит: «Назови мне их имена! Скажи, как зовут девушек, чтобы я смог на них жениться!» Незнакомцу нет никакого дела до двойственности тончайших элементов души. Для него женственность – вещь, которой стоит обладать, и не больше.

Воплощением этого незнакомца может стать реальный человек, присутствующий во внешнем мире, или вредный внутренний комплекс – не важно, что именно, поскольку губительные последствия будут одинаковы. На этот раз песик вступает в отчаянную борьбу. Во внешней жизни это бывает и с мужчинами, и с женщинами: внезапно выскакивает какая-то случайность, оговорка, странность, и старается заставить нас забыть, кто мы есть. В душе всегда таится нечто такое, что пытается отнять у нас имена. И во внешнем мире любителей красть имена тоже немало.

В сказке песик бьется не на жизнь, а на смерть. Иногда мы можем научиться опираться на глубинное знание только потому, что откуда-то выскакивает зловещий незнакомец. И тогда нам приходится бороться за то, что нам дорого; за то, чтобы серьезно относиться к тому, что для нас действительно важно; за то, чтобы перерасти поверхностные духовные мотивы, которые Роберт Блай называет «желанием оторваться от земли» [4]; за то, чтобы опираться на глубинное знание; за то, чтобы завершить начатое.

Песик борется за то, чтобы сохранить имена, и в ходе сражения побеждает свою склонность забывать их. Выиграв схватку, он, как это ни удивительно, не забывает имена, а ведь причиной битвы было именно это – понимание дикой женской природы. Тот, кто ею владеет, обладает силой, равной силе женщины. Песик бился за то, чтобы отдать эту силу достойному, Манауи. Он бился, чтобы уберечь эту силу от того аспекта древней человеческой природы, который склонен ею злоупотреблять. Отдать эту силу в верные руки так же важно, как узнать имена.

Отважный песик сообщает имена Манауи, и тот называет их отцу девушек. Девушки уже готовы уйти с Манауи. Все это время они ожидали, чтобы он открыл и сохранил осознанное понимание их врожденной природы.

Итак, мы видим, что два фактора, мешающие развиваться в этом направлении, – это соблазны, которые нас отвлекают, и зловещий незнакомец, которым может быть

затаившийся в душе внутренний угнетатель либо какой-то человек или ситуация во внешнем мире. Так или иначе, каждый путник знает, как одолеть этих воров и грабителей. Храните имена: имена – это все.

Сокровенная женщина

Иногда, ожидая, пока партнер ее поймет, женщина утомляется и становится раздражительной. «Ну почему он не может понять, о чем я думаю, чего я хочу?!» – сетует она. Она устает задавать этот вопрос. И все же эта дилемма имеет решение, причем весьма эффектное и эффективное.

Если женщина жаждет найти партнера, который обладал бы такой чуткостью, она готова открыть ему тайну женской двойственности. Она расскажет ему о сокровенной женщине – о той, которая вместе с ней самой образует пару. Она сделает это, научив мужчину задавать два обманчиво простых вопроса, которые позволят ей почувствовать, что ее видят, слышат и понимают.

Первый вопрос: «Чего ты хочешь?» Почти каждый, как правило, задает его в той или иной формулировке. Но есть и еще более важный вопрос: «Чего хочет твоя сокровенная самость?»

Если не разглядеть двойной природы женщины и судить о ней по внешнему впечатлению, вас ожидает большой сюрприз: ведь когда ее дикая природа поднимается из глубин и начинает утверждать себя, у женщины часто возникают интересы, чувства и мысли, весьма отличные от тех, которые она демонстрировала раньше.

Чтобы свить прочную связь, женщина задаст те же два вопроса своему избраннику. Мы, женщины, учимся взвешивать обе стороны как своей природы, так и природы других людей. Получив взаимно дополняющую информацию от обеих сторон, мы можем очень четко определить, что человек ценит больше всего, и реагировать соответствующим образом.

Когда женщина обращается за советом к своей собственной двойной природе, она рассматривает, анализирует, испытывает материал, который находится за пределами сознания, а потому подчас бывает удивительным по составу и действию и, чаще всего, очень ценным.

Чтобы любить женщину по-настоящему, мужчина должен полюбить и ее неукрощенную природу. Если женщина выберет партнера, который не сумеет или не пожелает полюбить эту вторую ее сторону, такой женщине суждено потерпеть ущерб и остаться с невосполнимой потерей.

Поэтому мужчины, равно как и женщины, должны давать имена своей двойной природе. Самые ценные – те возлюбленные, те родители, те друзья, те «дикари», которые хотят учиться. Те, кто не в восторге от учения, кого не соблазняют новые идеи или переживания, никогда не пойдут дальше дорожного столба, у которого сейчас отдыхают. Если существует хотя бы одна-единственная сила, которая питает корень страдания, то это – нежелание учиться дальше.

Мы знаем, что Дикий Мужчина ищет свою земную женщину. Боитесь вы этого или нет, но акт глубочайшей любви – позволить, чтобы тебя взволновала дикая душа другого человека. В мире, где люди так боятся «проиграть», есть слишком много защитных заграждений, которые не дают нам раствориться в нуминозности другой человеческой души.

Партнер первозданной женщины – тот, кто обладает душевной цепкостью и выносливостью, кто может отправить свою инстинктивную природу подслушивать под стеной дома женской души и понять увиденное и услышанное. Хороший избранник – тот, кто снова и снова возвращается, пытаясь постичь, кто не позволяет себе отвлечься на приманки у дороги.

Поэтому извечная задача мужчины – узнать подлинные имена женщины и не злоупотреблять этим знанием; не подчинить ее своей власти, а постичь и оценить ту

божественную Субстанцию, из которой женщина создана, – и пусть Она захлестывает его, изумляет, даже пугает. И остаться с Ней. И огласить мир звуками имен женщины. И тогда в глазах женщины засияет огонь. И в глазах мужчины засияет огонь.

Но, если мы не хотим слишком рано успокоиться на достигнутом, есть еще один аспект в наименовании двух сторон – более пугающий и все же чрезвычайно важный для всех любящих. Если одну сторону женской природы можно назвать «Жизнь», то ее сестра-близнец – это сила по имени Смерть. Сила по имени Смерть – один из двух магнитных полюсов дикой природы. Тот, кто научится называть эти две стороны по имени, в конце концов непременно натолкнется на голый череп природы Смерти. Говорят, что вынести это могут только герои. Мужчине-дикарю это, конечно, по плечу. И женщине-дикарке – тоже. И эта встреча их полностью преображает. Итак – разрешите вам представить Женщину-Скелет.

Глава 5
ОХОТА: КОГДА СЕРДЦЕ – ОДИНОКИЙ ОХОТНИК

Женщина-Скелет: лицом к лицу с природой любви – Жизнью-Смертью-Жизнью

Волки способны на прочные отношения. Любой, кто наблюдал волков, знает, как глубоки связующие их узы. Их брачные союзы чаще всего длятся всю жизнь. Несмотря на драки, несмотря на то, что между ними бывает вражда, эти узы нерушимы суровой зимой и изобильным летом, во время долгих переходов и появления на свет нового потомства, при встрече со старыми врагами и во время общих танцев и песен. И человек нуждается в таких же узах.

Если инстинктивной жизни волков свойственны верность и пожизненные связи, исполненные доверия и преданности, то у людей в этой сфере порой возникают трудности. Если для описания того, что определяет прочные узы между волками, мы прибегнем к терминам из области архетипического, то можно предположить, что целостность, характеризующая их отношения, происходит от их синхронизованности с древним укладом всей природы, с тем, что я называю циклом Жизни-Смерти-Жизни.

Природа Жизни-Смерти-Жизни – это цикл рождения, развития, упадка и смерти, за которой всегда следует новое рождение. Этот цикл влияет на всю материальную жизнь и на все грани жизни психологической. Все в мире – Солнце, звезды и Луна, как и дела людские и дела мельчайших тварей, клеток и атомов, – все подчиняется этому циклу: пульсация, замирание и снова пульсация.

Волки, в отличие от людей, не воспринимают взлеты и падения жизни, энергии, силы, питания или случая как некое чрезвычайное событие или наказание. Для них подъемы и спуски просто данность, и волки минуют их как можно более плавно и безболезненно. Инстинктивная природа обладает волшебной способностью переживать все подарки судьбы и все неприятные последствия, сохраняя связь с собой и с другими.

Волки воспринимают циклы природы и судьбы благосклонно и мудро, проявляя постоянство в привязанности к своей половине и стремлении жить как можно дольше и лучше. Но человеку, для того чтобы жить и хранить верность столь же успешно, столь же мудро, бережно и чутко, нужно встретиться с тем, чего он больше всего боится. Другого выхода нет, мы в этом убедимся. Нужно переспать с Госпожой Смертью.

В мудрых сказках любовь редко бывает романтической встречей двух влюбленных. Например, в некоторых сказках народов Крайнего Севера любовь изображается как союз двоих, чья объединенная сила позволяет одному или обоим войти в контакт с миром души и стать участником судьбы как танца с жизнью и смертью.

История, которую я собираюсь вам поведать, – это охотничья сказка о любви. Ее сложили на ледяном севере. Чтобы понять эту сказку, нужно учесть, что там, в одном из самых суровых мест на земле, в охотничьем племени, живущем в тяжелейших условиях,

любовь означала не флирт или погоню за простыми радостями эго, а зримую связь, сплетенную из прочных и долговечных жил, – союз, который выдерживает периоды изобилия и лишений, самые трудные и самые легкие дни и ночи. Сам по себе союз двух существ рассматривается как шаманская магия, как связь, благодаря которой оба обретают подлинные силы.

Но такой союз выдвигает свои требования. Чтобы создать столь долговечную любовь, один из двоих приглашает третьего участника. Я зову его «Женщина-Скелет». Ее можно назвать и Госпожой Смертью, и в этом качестве она выступает как образ Жизни-Смерти-Жизни, одно из множества ее обличий. В этой своей ипостаси Госпожа Смерть не напасть, а божество.

В союзе она играет роль оракула, который знает время начала и конца цикла этом качестве она олицетворяет дикий аспект отношений, тот, которого больше всего боятся мужчины – а иногда и женщины, ибо если в процессе преображения оказывается утраченной вера, человек начинает бояться циклов роста и убывания.

Чтобы любовь была долговечной, оба любящих должны допустить в свой союз Женщину-Скелет и заключить ее в объятия. Предлагаю вам старый инуитский вариант истории о Женщине-Скелете, который я получила от Мари Улакат в виде короткого пяти строчного устного стихотворения и превратила в сказку. В ней тоже описаны стадии, которые должна пройти душа, чтобы научиться таким объятиям. Итак, рассмотрим образы, которые возникают из дыма этой истории.

ЖЕНЩИНА-СКЕЛЕТ

Она совершила что-то такое, от чего ее отец разгневался. В чем именно она провинилась, никто уже не помнит, только отец притащил ее на берег моря и сбросил со скалы вниз. Рыбы обглодали ее плоть и выели глаза. Остался скелет, который подводные течения перекатывали по дну.

Однажды рыбак отправился ловить рыбу. Надо сказать, что многие в свое время наведывались в этот залив, но наш рыбак уплыл далеко от родного дома и не знал, что местные рыбаки стараются держаться отсюда подальше, потому что здесь водится нечистая сила.

И надо же было случиться, чтобы крючок, заброшенный рыбаком, зацепился как раз за ребро Женщины-Скелета. «Должно быть, на этот раз попалась большая рыба, – подумал рыбак. – Наконец-то!» В мыслях он уже прикидывал, сколько людей удастся накормить такой огромной рыбой, насколько ее хватит, как долго он сможет отдыхать от своих обязанностей добытчика. Рыбак боролся с тяжелым грузом, висевшим на крючке, а морская вода кипела и пенилась, лодка-каяк подпрыгивала и дрожала, потому что та, что лежала на дне, пыталась освободиться. Но чем больше она боролась, тем больше запутывалась в леске. Несмотря на все свои усилия, она неудержимо приближалась к поверхности, влекомая зацепившейся за ребра леской.

Рыбак как раз пытался поддеть добычу сачком и поэтому не видел, как из воды показался голый череп, не видел поблескивающие в глазницах кораллы, не видел ракушки, облепившие желтые зубы. Потом он обернулся, держа в руках сачок, и тут увидел Женщину-Скелет во всей красе: она свисала с носа каяка, вцепившись в него длинными передними зубами.

«А-а-а! – вскрикнул бедняга, и от ужаса сердце у него ушло в пятки, глаза полезли на лоб, а уши запылали огнем. – А-а-а!» – завопил он и сбил ее с каяка веслом, а потом стал грести к берегу, как угорелый. От страха он не сообразил, что скелет попался на его удочку, и совсем перепугался, когда увидел, что ужасный призрак следует за ним к берегу. Куда он ни направлял свою лодку, Женщина-Скелет не отставала; ее дыхание собиралось над водой клубами пара, а руки тянулись к нему, будто желая схватить и утащить на дно.

«А-а-а-а-а!» – закричал он, добравшись до берега. Одним прыжком он выскочил из каяка и, сжимая в руке удочку, бросился наутек. А кораллово-белый скелет, все еще обвитый леской, лязгая, запрыгал вслед за ним. Он на скалы – Женщина-Скелет за ним. Он через ледяную тундру – она следом. Он пробежал по мясу, разложенному для просушки, и разметал его в клочья своими сапогами-муклуками.

Неотступно следуя за ним по пятам, Женщина-Скелет подхватила несколько мороженых рыбин и стала жевать: ведь у нее во рту так давно не было ни крошки. Наконец рыбак добрался до своей снежной хижины, иглу, нырнул в лаз и на четвереньках прополз внутрь. Он лежал во тьме, задыхаясь и всхлипывая, а сердце стучало как бубен – самый гулкий бубен. Наконец-то он в безопасности, в полной безопасности, да, в безопасности! Слава богам, слава Ворону и изобильной Седне [1]… наконец-то… он… в безопасности.

Он зажег коптилку, и – о ужас! – на снежном полу ворохом костей лежала она: пятка зацепилась за плечо, колено застряло между ребрами, нога закинута за локоть. Потом он не мог сказать, что это было: может быть, свет смягчил ее черты или все дело в том, что он был одинок. Только в сердце его зажглась искра доброты, он медленно протянул почерневшие от сажи руки и, что-то ласково приговаривая, как мать, утешающая ребенка, принялся распутывать рыболовную леску.

«Вот так, вот так, – сначала он освободил пальцы ног, потом лодыжки. – Вот так, вот так». Он трудился всю ночь и под конец закутал ее в меха, чтобы согреть. Теперь все кости Женщины-Скелета были на своих местах, как положено у человека.

Он достал кремень и, отрезав часть своих волос, развел маленький костер. Время от времени, смазывая жиром драгоценное дерево своей удочки и сматывая леску из жил, он поглядывал на нее. А она, закутанная в меха, не говорила ни слова – не смела, – чтобы рыбак не вытащил ее из хижины, не сбросил со скал, не разбил ее кости.

Рыбак стал клевать носом, забрался под меховые одеяла и скоро уснул. Бывает, что, когда человек спит, у него из глаза выкатывается слезинка. Никому не ведомо, какой именно сон бывает тому причиной, но мы знаем, что этот сон навеян печалью или тоской. Так случилось и на этот раз.

Женщина-Скелет увидела, как в свете коптилки блеснула слеза, и вдруг ей ужасно захотелось пить. Позвякивая костями, она подползла к спящему и приникла к слезинке ртом. Эта одна-единственная слеза была как река, и она все пила и пила, пока не утолила свою многолетнюю жажду.

Потом она легла рядом с рыбаком, проникла в него и вынула его сердце, гулкий бубен. Села и стала бить в него с обеих сторон: Бом-бомм! Бом-бомм!

И под этот ритм бубна она запела: «Плоть-плоть-плоть! Плоть-плоть-плоть!» Чем дольше она пела, тем больше ее кости обрастали плотью. Так она напела себе волосы и зоркие глаза, и красивые полные руки. Напела себе лощинку между ногами, напела груди – такие длинные, чтобы ими можно было обернуться для тепла, и все остальное, что нужно женщине.

Когда все у нее было на месте, она песней сняла со спящего мужчины одежду, забралась к нему в постель и тесно прижалась к нему. Она вернула обратно его сердце, гулкий бубен, и так они и проснулись – сплетясь телами, соединенные новой связью, доброй и прочной.

Люди, которые не помнят, из-за чего с ней приключилась беда, говорят, что она ушла вместе с рыбаком, и их кормили досыта те существа, которых она знала, когда жила под водой. Люди говорят, что это чистая правда, а больше они ничего не знают.

Смерть в доме любви

Неспособность вынести вид Женщины-Скелета и освободить ее от пут – вот что становится причиной краха многих любовных связей. Чтобы любить, нужно быть не только

сильным, но и мудрым. Сила приходит от духа, а мудрость – от общения с Женщиной-Скелетом.

Из этой сказки мы узнаем, что, если хочешь всю жизнь быть сытым, необходимо вступить в контакт с природой Жизни-Смерти-Жизни и развить взаимоотношения с ней. Тогда нам уже не придется на свой страх и риск ловить на крючок фантазии – умудренные опытом, мы будем знать: чтобы образовался истинный союз, необходимы и смерти, и удивительные рождения. Встречаясь лицом к лицу с Женщиной-Скелетом, мы узнаем, что чувство невозможно получить извне: это нечто такое, что периодически рождается в душе и выходит наружу. Женщина Скелет показывает нам, что только совместная жизнь, преодолевающая все подъемы и спады, все начала и концы, создает ни с чем не сравнимую преданную любовь.

Эта сказка – удачная метафора проблемы любви в современном мире, страха перед природой Жизни-Смерти-Жизни и, в особенности, аспектом Смерти. В западной культуре исконный характер природы Смерти привыкли прикрывать разнообразными теориями и учениями, пока он не оказался разъединенным со своей второй половиной, Жизнью. В результате неверного обучения мы усвоили половинчатый образ одного из важнейших и глубочайших аспектов дикой природы. Нас учили, что за смертью следует только смерть. Но это совсем не так. Смерть всегда порождает новую жизнь, даже если от нее осталась только кучка костей.

Вместо того чтобы рассматривать архетипы Жизни и Смерти как противоположности, их нужно воспринимать вместе, как левую и правую стороны одной мысли. Правильно говорят, что у одного любовного союза много концов [2]. И все же где-то в тонких слоях существа, которое возникает, когда двое любят друг друга, есть и сердце, и дыхание. И когда одна сторона сердца опустошается, другая наполняется. Когда одно дыхание затихает, другое начинается.

Если люди верят, что сила Жизни-Смерти-Жизни не имеет продолжения после смерти, то не удивительно, что многие боятся определенности. Их пугает даже один-единственный конец. Они не в силах перейти с веранды во внутренние помещения. Они пугливы, поскольку ощущают, что в столовой дома любви сидит Госпожа Смерть, постукивая ногой, складывая и раскладывая перчатки. Перед ней список: в одной колонке то, что живет, в другой – то, что умирает. Она намеревается подвести итог. Ее цель – соблюсти равновесие.

Во многих современных культурах архетип силы Жизни-Смерти-Жизни воспринимают совершенно неверно. Некоторые уже не понимают, что Госпожа Смерть олицетворяет важнейший принцип творения. Благодаря ее милостивым трудам возобновляется жизнь. В фольклоре многих народов женские образы смерти обычно наделены наводящими ужас чертами: она ходит с серпом и «пожинает» не чующих опасности людей, она целует свои жертвы и уходит, оставляя за собой трупы, или топит людей, а потом оглашает ночь протяжным плачем.

Однако в других культурах, например у индусов и майя, сохранивших учения о колесе жизни и смерти, Госпожа Смерть обнимает тех, кто уже умирает, облегчая муки, принося утешение. В curanderisma говорится, что это она переворачивает плод в материнской утробе головкой вперед, чтобы он мог родиться, она направляет руки повитухи, открывающие приток молока к материнской груди, она утешает всех страждущих в одиночестве. Те, кто знает ее полный цикл, не станет ее чернить, а поклонится ее величию и усвоит ее уроки.

С точки зрения архетипа, природа Жизни-Смерти-Жизни является основным компонентом инстинктивной природы. В фольклоре народов мира ее олицетворяют такие персонажи как Dama del Muerte, Госпожа Смерть, как Коатликуэ, Хель, Берхта, Гуаньинь, Баба Яга, Дама в Белом, сострадательная Ночная Красавица и три женщины, которых древние греки называли Граи (старухи). Сказки изобилуют следами олицетворений древней

богини-создательницы [3] от Баньши [29] в колеснице из ночного облака до La Llorona, женщины, плачущей у реки; от черного ангела, который, погладив женщину концом своего крыла, повергает ее в экстаз, до болотных огней, появляющихся как знак неминуемой смерти.

Наше понимание природы Жизни-Смерти-Жизни изрядно омрачено страхом смерти, поэтому наша способность следовать циклам этой природы очень слаба. Эти силы ничего с нами не делают. Они не воры, отнимающие у нас то, что мы любим. Эта природа – не водитель-лихач, разбивающий то, что мы ценим.

Конечно же, силы Жизни-Смерти-Жизни – это часть нашей собственной природы, часть сокровенной власти, которая знает шаги, знает танец Жизни и Смерти. Она состоит из тех наших аспектов, которые знают, когда чему-то можно, следует и должно родиться и когда надлежит умереть. Она – мудрый учитель, если только мы способны следовать ее темпу. Росарио Кастелланос, мексиканский мистик и поэт, так пишет об этом смирении перед силами, управляющими жизнью и смертью:

…dadme la muerte que me falta…

…дай мне смерть, которая мне необходима…

Поэты понимают: не будь смерти, было бы нечего ценить. Не будь смерти, не было бы уроков, не было бы тьмы, в которой сверкают алмазы. В то время как посвященные не боятся Госпожи Смерти, культура часто подстрекает нас сбросить Женщину-Скелет на камни, и дело не только в том, что мы ее боимся, а еще и в том, что усваивать ее науку приходится слишком долго. Бездушный мир поощряет нас к поспешной суете, цель которой – найти тот единственный светильник, который, как нам кажется, сразу загорится и будет гореть вечно. Но чудо, которое мы ищем, требует времени: нужно время, чтобы его найти, и время, чтобы осуществить.

Современные поиски вечного двигателя можно сравнить с поисками механизма вечной любви. Не удивительно, что люди в своих попытках любить испытывают смятение и муки, как в сказке «Красные башмачки», и, кружась в безумном танце, не в силах остановить бешеную пляску, проскакивают мимо того, что они в глубине души любят больше всего.

Но есть и другой способ, гораздо лучше, который учитывает человеческие слабости, страхи и странности. Как это часто случается, проходя циклы индивидуации, каждый из нас чаще всего спотыкается именно на этом.

Первые этапы любви

Случайно найденное сокровище

Во всех сказках есть материал, который можно воспринимать как зеркало, отражающее недуг или здоровье общества или внутренней жизни человека. Присутствуют в них и мифологические темы, которые можно понимать как описание стадий сохранения равновесия – во внутреннем мире и во внешнем, – и связанные с этим наставления.

Таким образом, можно считать, что Женщина-Скелет олицетворяет движения отдельно взятой души, но я считаю, что эта сказка приобретает наибольшую ценность, если понимать ее как последовательность из семи задач, выполняя которые, одна душа учится искренне и глубоко любить другую. Вот они: увидеть в другом человеке духовное сокровище, даже если поначалу не понимаешь, что именно нашел. Дальше в большинстве любовных связей наступает пора, когда один убегает, а другой преследует, пора надежд и страхов для обеих сторон. Потом следует этап распутывания и понимания присутствующих в любовной связи аспектов Жизни-Смерти-Жизни и развития сострадания к этой задаче. Потом – этап доверия,

---

[29] В ирландской мифологии сверхъестественное существо (иногда в облике прекрасной женщины), встреча с которым предвещает смерть.

позволяющего расслабиться, обрести покой в присутствии и благодати другого, а вслед за ним – пора, когда двое делят и грядущие мечты, и былые печали, и это знаменует начало исцеления застарелых ран, связанных с любовью. Далее идет обращение к сердцу, чтобы воспеть новую жизнь, и, наконец, слияние – телесное и духовное.

Первую задачу – найти сокровище – можно встретить в десятках сказок всех народов мира, где герой ловит какого-то обитателя подводного мира. Когда по ходу действия это случается, мы всегда знаем, что вскоре начнется яростная схватка между тем, что живет в верхнем мире, и тем, что живет или удерживается в нижнем. В этой сказке добыча превосходит все ожидания рыбака. «Должно быть, попалась большая рыба», – думает он, оборачиваясь, чтобы взять сачок.

Он еще не знает, что выловил самое ужасное из сокровищ, что вытаскивает на поверхность большее, чем способен вынести. Он не знает, что ему придется с ним поладить и предстоит пройти испытание, проверку всех своих способностей. И, что еще хуже, он не знает, что не знает. Именно таковы поначалу все влюбленные: слепы как кроты.

Люди, не знающие лучшего способа, склонны подходить к любви так же, как рыбак в сказке подходит к своему промыслу: «Хорошо бы заполучить добычу побольше, которая будет долго меня кормить, радовать, облегчать мне жизнь, которой я смогу хвастаться перед теми рыбаками, которые остались дома!»

Это естественный ход мыслей простодушного или изголодавшегося рыбака. Для очень юных, непосвященных, голодных или страждущих характерно желание приобрести ценности, главная из которых – найти и завоевать трофей. Очень юные искренне не ведают, чего ищут, голодные ищут пропитание, а страждущие – утешение, которое искупит прошлые потери. И всем суждено обрести сокровище, которое на них «свалится».

Если человека сопровождают великие силы души – в данном случае это женщина «Жизнь-Смерть-Жизнь», – то он безусловно получит больше того, за чем охотится. Поэтому мы часто обманываемся, думая, будто благодаря любовной связи, работе или деньгам получаем доступ к сокровенной природе, и надеемся, что она будет долго нас питать. Нам не хочется больше ничего делать. По правде сказать, бывают даже такие времена, когда нам хотелось бы кормиться, не прилагая никаких усилий. Мы знаем, что в действительности ничего по-настоящему ценного таким образом не получишь. И все равно хочется.

Легко мечтать о совершенной любви и ничего не делать – это как наркоз, от которого можно никогда не очнуться, если только не ухватиться изо всех сил за что-то ценное, но пока недоступное нашему пониманию. Для простодушных и страждущих чудо души заключается в том, что ты все равно случайно наткнешься на сокровище, даже если относишься к нему равнодушно или презрительно, если не собирался, не надеялся или не хотел его находить, если считаешь себя недостойным или неготовым. И тогда тебе предстоит душевный труд – не проглядеть находку, узнать в ней сокровище, как бы необычно она ни выглядела, и хорошенько подумать, что с ней делать.

С точки зрения символики архетипа, мотив, который движет рыбаком, в чем-то схож с мотивом охотника – они оба олицетворяют в том числе и тот психологический элемент человека, который стремится к знанию, стремится, сливаясь с инстинктивной природой, питать свою самость. В сказках, как и в жизни, охотник и рыбак начинают свой поиск, используя один из трех подходов: священный, коварный или неумелый. В сказке о Женщине-Скелете рыбак скорее неумел. Его нельзя назвать коварным, но и священного подхода или намерения у него нет.

Порой влюбленные начинают точно так же. Когда отношения между ними только завязываются, они хотят ощутить всего-навсего легкое возбуждение или получить легкий антидепрессант под названием «скоротаем ночку вместе». Сами того не сознавая, они вторгаются в часть не только собственной души, но и чужой – в ту часть, где обитает Женщина-Скелет. Хотя их "Я" могут охотиться только за приключением, для Женщины-Скелета это душевное пространство священно. Если мы закинем крючок в эти воды, то выудим ее наверняка.

Рыбак думает, что добывает себе пропитание, а на самом деле вытаскивает на поверхность всю стихийную женскую природу, забытую природу Жизни-Смерти-Жизни. Ее нельзя проглядеть, ибо Царица Смерть появляется всякий раз, когда начинается новая жизнь. И когда это происходит даже на миг, люди замирают в страхе и благоговении.

В мотиве, открывающем повествование, – картине женщины, лежащей на дне океана, – Женщина-Скелет имеет сходство с Седной, воплощением Жизни-Смерти-Жизни из мифологии эскимосов. Седна – великая и страшная богиня-создательница, живущая в загробном мире инуитов. Отец Седны выбросил ее за борт каяка за то, что она, в отличие от других послушных дочерей племени, сбежала с псом. Отец Седны, как и отец из сказки «Безрукая девица», отрубил ей руки. Ее пальцы и кисти опустились на дно морское, где превратились в рыб, котиков и других животных, которые с тех пор стали пищей инуитов.

То, что осталось от Седны, тоже опустилось на дно моря. Там она превратилась в скелет с длинными-предлинными волосами. У эскимосов есть ритуал: шаманы плывут к ней, приносят ей земную пищу, чтобы умилостивить грозного пса – ее мужа и охранителя. Расчесывая ее длинные-предлинные волосы, шаманы поют ей песню, в которой просят исцелить душу или тело живущего наверху человека, ибо она великая ангакок, колдунья. Она – великие северные врата Жизни и Смерти.

Женщину-Скелет, которая много веков пролежала под водой, можно также понимать как силу Жизни-Смерти-Жизни, которую не использовали, которой злоупотребляли. В своей воскресшей к жизни ипостаси она направляет интуитивные и эмоциональные способности на завершение циклов рождений и кончин, горестей и праздников. Она – та, кто видит суть. Она может сказать, когда для места, вещи, действия, группы или отношений приходит время умереть. Этот дар, это психологическое чутье, ждет тех, кто вернет ее к сознанию, кого-то полюбив.

Какая-то часть каждой женщины и каждого мужчины отказывается знать, что в каждом любовном союзе Смерть имеет свою долю. Мы притворяемся, что способны любить, не дав умереть своим иллюзиям относительно любви, притворяемся, что можем идти вперед, не дожидаясь, пока умрут наши пустые ожидания, притворяемся, что у нас что-то получится и что так любимые нами взлеты и высоты не умрут никогда. Но в любви буквально все рассыпается в прах – все. Эго не хочет, чтобы это произошло. Тем не менее так должно быть, и человека, чья природа глубока и дика, такая задача неизменно привлекает.

Что же умирает? Умирают иллюзии, умирают ожидания, алчное стремление заполучить все, иметь только красивое – все это умирает. Ведь любовь всегда вызывает спуск в природу Смерти, поэтому понятно, почему, чтобы принять такое решение, необходимы изрядное самообладание и душевная сила. Когда решаешься на любовь, решаешься и на то, чтобы воскресить к жизни сущность Женщины-Скелета и ее учений.

Рыбак в этой сказке далеко не сразу понимает природу своей добычи. Поначалу так бывает со всеми. Трудно понять, что делаешь, когда ведешь промысел в бессознательном. Если ты неопытен, то не знаешь, что там, в глубине, обитает природа Смерти. А когда обнаруживаешь, с чем имеешь дело, то первое желание – выбросить это обратно. Мы уподобляемся тем отцам из мифов, которые выбрасывают своих диких, непокорных дочерей из каяка прямо в море.

Мы знаем, что отношения часто разлаживаются, когда переходят от стадии предвкушения к стадии, когда мы своими глазами видим, что висит на конце крючка. Это справедливо для отношений между матерью и ее полуторагодовалым ребенком, и между родителями и детьми-подростками, и между друзьями, и между теми, кто влюблен на всю жизнь или совсем ненадолго. Отношения, которые начались так замечательно, начинают давать сбои, буксовать, а иногда и вовсе разлаживаются, когда заканчивается этап безоглядной влюбленности. Тогда на смену фантазиям приходят отношения, требующие более серьезной отдачи, и приходится призвать на помощь всю свою мудрость и умение.

Лежащая на дне Женщина-Скелет олицетворяет пассивную разновидность подспудной инстинктивной жизни, которой известно все про зарождение Жизни и про зарождение

Смерти. Если влюбленные упорно стремятся к жизни, исполненной неистового веселья, вечного вихря удовольствий и других разновидностей мертвящей напряженности, если упорно стремятся к постоянному сексу типа Donner und Blitz, гром и молния, или к сплошным восторгам безо всяких усилий, они тем самым сбрасывают со скалы природу Жизни-Смерти-Жизни, и ей снова суждено кануть в пучину.

Отказ допустить в любовную связь все циклы жизни и смерти приводит к отрыву природы Женщины-Скелета от ее душевной обители, и она тонет в море. Тогда любовный союз принимается всеми силами изображать безоблачное счастье: «Мы будем всегда веселиться, давай не грустить никогда». И душа такого союза исчезает в пучине, обреченная лежать на дне без чувств и без применения.

Женщину-Скелет всегда сбрасывают со скалы, когда один из любящих или оба не могут ее вынести или понять. Ее сбрасывают со скалы, когда мы не понимаем всей важности преображающих циклов: когда и чему позволить умереть, уступив место другому. Если любящие не могут вынести этот процесс Жизни-Смерти-Жизни, они не смогут пронести свою любовь дальше через желания, диктуемые гормонами.

Когда мы сбрасываем эту таинственную природу с утеса, это всегда превращает влюбленную женщину и душевную силу мужчины в скелет, лишенный подлинной любви и жизненных соков. Женщины часто проявляют живой интерес к биологическим и эмоциональным циклам, поэтому циклы жизни и смерти тоже находятся в центре их внимания. Поскольку новая жизнь едва ли возникнет прежде, чем угаснет то, что было раньше, влюбленным, которые стремятся во что бы то ни стало поддерживать отношения на пике страстей, предстоит стать свидетелями все большего омертвения их союза. Желание заставить любовь продолжаться только в ее наилучших проявлениях становится причиной гибели любви, и не случайно.

Задача рыбака – вытерпеть Госпожу Смерть, ее объятия и ее циклы жизни и смерти. В отличие от других сказок, где обитателя подводного мира сначала ловят, а потом отпускают, и за это рыбаку даруется исполнение желания, Госпожа Смерть не собирается уходить, Госпожа Смерть не собирается милостиво исполнять желания. Она поднимается на поверхность, хотите вы этого или нет, потому что без нее не может быть подлинного знания жизни, а без такого знания не может быть ни верности, ни истинной любви и преданности.

Любовь требует жертв. Она требует отваги. И еще, как мы увидим дальше, она требует пройти долгий путь.

Снова и снова я наблюдаю у влюбленных – независимо от пола – один и тот же феномен. Это бывает примерно так: двое начинают танец, чтобы выяснить, захочется ли им полюбить друг друга. И вдруг случайно ловят на крючок Женщину-Скелет. Что-то в их отношениях начинает убывать и соскальзывает в энтропию. Чаще всего притупляется мучительная сладость сексуального возбуждения, или кто-то из двоих видит неприглядную сторону партнера, болезненную и увечную, или видит, что тот не такая уж завидная добыча, – здесь-то и выплывает на поверхность лысый череп с желтыми зубами.

Кажется, что это очень страшное зрелище; однако это наилучшая возможность проявить отвагу и познать любовь. Любить – значит оставаться вместе. Это значит перейти из мира фантазий в мир, где любовь можно лелеять – лицо к лицу, кости к костям – питая ее преданностью. Любить – значит остаться, когда все в тебе кричит: «Беги!»

Если любящие способны терпеть природу Жизни-Смерти-Жизни, если они способны понимать ее как непрерывность, как ночь, соединяющую два дня, как именно ту силу, которая создает любовь на всю жизнь, они способны вынести вид Женщины-Скелета в своем союзе. Тогда оба они становятся сильнее, оба получают импульс глубже понять два мира, в которых живут: мир земной и мир духа.

За двадцать с лишним лет практики я насмотрелась на мужчин и женщин, которые, вытянувшись на моей кушетке, произносили с блаженным трепетом: «Я тут встретил(а) одного человека. Я и думать не думал(а), не ждал(а), не искал(а). И вдруг – бах! – встретил (а) Ее (Его). Что же мне теперь делать?» Но по мере развития новых отношений они

начинают скисать. Они напрягаются, тревожатся. Может быть, это беспокойство за любимого? Нет. Они боятся, потому что им начинает мерещиться голый череп, вздымающийся из-под волн их любви. Что же им делать?

Я говорю им, что это волшебная пора, но это их не успокаивает. Я говорю им, что теперь мы увидим нечто удивительное, но они не верят. Я уговариваю их держаться, и это им удается, но с трудом. Не успеваю я предсказать это с точки зрения психоанализа, как суденышко их любви разгоняется, вот оно врезается в берег, и вот уже они мчатся как угорелые, и я как психоаналитик несусь рядом, пытаясь вставить слово, а за нашей спиной слышен топот… угадайте чей?

У большинства людей первая встреча с Женщиной-Скелетом вызывает желание бежать со скоростью ветра и как можно дальше. Но даже это бегство есть часть процесса. Этот поступок свойствен человеку, только не нужно убегать далеко и навсегда.

Бегство и преследование

В любовных делах природа Смерти имеет странное обыкновение выплывать на поверхность в тот момент, когда мы чувствуем, что одержали над возлюбленным верх, – так рыбак чувствует, что у него на крючке большая рыба. Именно тогда появляется природа Жизни-Смерти-Жизни и наводит на всех ужас. Именно тогда возникают новые домыслы о том, почему любовь не сможет, не станет и не должна «срабатывать» для обоих участников союза. Именно здесь происходят все попытки бегства, попытки стать невидимым. Невидимым для возлюбленного? Нет, невидимым для Женщины-Скелета. Вот откуда все попытки убежать и спрятаться. Но спрятаться, как мы видим, негде.

Рациональная душа хочет выловить что-то глубокое, а выловив, испытывает такое потрясение, что едва может его пережить. Влюбленным кажется, что их что-то преследует. Иногда они думают, что преследователем является партнер, хотя на самом деле это Женщина-Скелет. Поначалу, когда мы учимся любить по-настоящему, нам многое бывает непонятно. Нам кажется, что нас преследуют другие, тогда как мы сами ловим на крючок Женщину-Скелет и поэтому не можем от нее убежать, а причина – наше намерение установить с другим человеком особые отношения. Каждый раз, когда рождается любовь, сила Жизни-Смерти-Жизни всплывает на поверхность. И так бывает всегда.

И вот перед нами рыбак и Женщина-Скелет, связанные между собой. Ковыляя за перепуганным рыбаком, Женщина-Скелет начинает восстанавливать простейшие жизненные функции: ощутив голод, она подбирает вяленую рыбу и поедает ее. Потом, еще больше возвратившись к жизни, она утолит жажду слезой рыбака.

Этот странный феномен мы наблюдаем во всех любовных делах: чем быстрее он бежит, тем неотступнее она следует по пятам. Когда один из любящих пытается освободиться, любовная связь, как это ни парадоксально, обретает все большую жизнь. И чем больше этой жизни, тем страшнее становится рыбаку. И чем дольше он бежит, тем больше жизни создается. Этот феномен – одна из главных трагикомедий жизни.

В такой ситуации одному человеку приснилось, что он встретил возлюбленную, чье нежное тело распахнулось перед ним, словно шкаф. Внутри на полках оказались блестящие, пульсирующие эмбрионы, кинжалы, роняющие капли крови, и мешки, набитые свежей весенней зеленью. Ему пришлось надолго задуматься, потому что то был сон о природе Жизни-Смерти-Жизни.

Такие проблески, позволяющие увидеть нутро Женщины-Скелета, заставляют тех, кто изучает науку любви, хватать удочки и мчаться с головокружительной скоростью в попытке скрыться от нее как можно дальше. Женщина-Скелет огромна и загадочна, в ней есть ослепительная нуминозность. На горизонте души она занимает все пространство, соединяя небеса и преисподнюю. Объять ее нелегко. И все же не удивительно, что люди стремятся ее объять. То, чего они страшатся, способно придать силы, способно исцелить.

Этап бегства и погони – это пора, когда влюбленные пытаются осознать свой страх перед присущими любви циклами Жизни-Смерти-Жизни. Они говорят: «Мне будет лучше с

кем-нибудь другим», или "Я не хочу отказываться о></emphasis*>" (вставить нужное слово)* , или «Я не хочу ничего менять», или «Не желаю видеть раны, ни свои, ни чужие», или «Я еще не готова», или «Не хочу меняться, пока не буду совершенно точно знать, как я буду выглядеть/чувствовать после».

Это пора, когда все в голове путается, когда отчаянно стараешься скрыться, а сердце колотится не оттого, что любишь и любима, а от животного ужаса. Попасть в ловушку Госпожи Смерти – как это страшно! А встретить силу Жизни-Смерти-Жизни лицом к лицу страшно вдвойне!

Некоторые ошибочно думают, что убегают от связи с любимым человеком. Ничего подобного. Они убегают не от любви и не от уз, накладываемых отношениями. Они стараются скрыться от таинственной силы Жизни-Смерти-Жизни. У психологов это называется страхом близости, страхом преданности. Но это только симптомы. А в глубине таится неверие и недоверие. Те, кто вечно убегает, страшатся по-настоящему жить в ладу с циклами дикой и целостной природы.

Итак, здесь Женщина-Смерть преследует мужчину по воде, через границу бессознательного, на материк сознательного ума. Сознательная душа понимает, ЧТО поймала, и отчаянно пытается спастись бегством. В жизни мы постоянно занимаемся тем же самым. На поверхности появляется что-то страшное. Мы не обращаем внимания и продолжаем тянуть, думая, что это ценная добыча. Это добыча, но совсем не такая, как мы воображали. Это сокровище, которого нас, к несчастью, научили бояться. Поэтому мы стараемся убежать или выбросить свою находку, или же приукрасить ее и сделать из нее то, чем она не является. Но из этого ничего не получится. В конце концов всем нам придется поцеловаться со страшилищем.

То же самое происходит и в любви. Мы хотим только красот, а когда перед нами предстает страшилка, пугаемся. Мы отталкиваем Женщину-Скелет, но она не отступает. Мы бежать – она за нами. Она великий учитель, которого мы желали и сами заявляли об этом. «Нет-нет, хотим другого учителя!» – кричим мы, когда она приходит. И это плохо. Это учитель, которого получают все.

Говорят: когда ученик готов, учитель приходит. Это значит, что внутренний учитель появляется, когда готова душа, а не эго. Этот учитель приходит по первому зову души – и слава Богу, – ведь эго никогда не будет окончательно готово. Если бы приход учителя зависел только от готовности эго, мы бы всю жизнь оставались без наставника. Нам повезло, потому что душа выражает свое желание независимо от постоянно меняющихся взглядов эго.

Люди боятся, что, когда любовные отношения становятся запутанными и пугающими, это предвещает их близкий конец, но это не так. Поскольку ситуация связана с архетипом, а Женщина-Скелет выполняет роль судьбы, герою положено бежать, куда глаза глядят, Женщине-Смерти положено следовать за ним по пятам, постигающему науку любви положено нырнуть в свою хижину и, задыхаясь, думать, что он в безопасности. А Женщине-Скелету положено последовать за ним, прямо в его безопасную норку. Ему положено ее распутать, и так далее.

В наше время желание влюбленных потянуть время можно сравнить с хижиной рыболова, где он ощущал себя в безопасности. Иногда этот страх перед встречей с природой смерти вырождается в стремление вымолить отсрочку, когда мы пытаемся сохранить только приятные стороны любви и не видеть Женщины-Скелета. Из этого никогда ничего не выходит.

Тем влюбленным, которые не стремятся тянуть время, это причиняет колоссальное беспокойство, поскольку они хотят встретить Женщину-Скелет. Они себя воспитывают, укрепляют свой дух, они стараются уравновесить свои страхи. И вот, когда они готовы распутать эту тайну, когда один из двоих собирается ударить в бубен сердца и воспеть жизнь, другой кричит: «Нет, еще рано!» или «Нет, никогда!»

Есть большая разница между потребностью в одиночестве и обновлении и желанием

тянуть время, чтобы уклониться от неизбежного общения с Женщиной-Скелетом. Но такое общение, предполагающее обмен с природой Жизни-Смерти-Жизни и приятие ее, – это следующий шаг, ведущий к укреплению способности любить. Тот, кто его сделает, обретет неизбывное искусство любить. А тот, кто не сделает, останется ни с чем. Третьего не дано [4].

Все заявления о неготовности, о том, что нужно подождать, вполне объяснимы, но ненадолго. Истина в том, что никогда не бывает полной готовности или времени, когда действительно пора. Как и при любом спуске в бессознательное, приходит время, когда просто надеешься на лучшее, набираешь побольше воздуха и прыгаешь в бездну. Не будь так, не было бы повода придумывать слова «героиня», «герой» или «отвага».

Постичь природу Жизни-Смерти-Жизни – это работа, сделать которую необходимо. Если ее отложить, Женщина-Скелет скроется под водой, но только для того, чтобы снова и снова появляться и преследовать вас. Это ее задача. А ваша задача – учиться. Без этого не обойтись, если хочешь любить. Объять ее – это задача. Без трудной задачи не бывает преображения. Не решив задачу, не получишь подлинного чувства удовлетворения. Нетрудно любить приятное. Но, чтобы любить по-настоящему, нужно стать героем, способным превозмочь собственный страх.

Разумеется, эту стадию бегства и преследования проходят очень многие. К несчастью, есть и такие, кто повторяют ее снова и снова. Для них вход в норку стал проторенной дорогой. Но те, кто хочет любить, следуют примеру рыбака. Они стараются разжечь огонь и взглянуть в лицо природе Жизни-Смерти-Жизни. Они созерцают то, чего страшатся и, как это ни парадоксально, на смену страху приходят убежденность и изумление.

Освободить скелет

В сказке о Женщине-Скелете присутствует тема «испытание жениха». Чтобы пройти это испытание, женихи должны доказать серьезность своих намерений и наличие способностей – обычно это демонстрация наличия cojones или ovaries, позволяющих лицом к лицу встретиться с некоей могучей и устрашающей божественностью… Хотя здесь мы зовем ее природой Жизни-Смерти-Жизни, одни могут назвать ее аспектом Самости или духом Любви, другие – Богом или Благодатью, или духом энергии, или множеством других имен.

Освободив Женщину-Скелет от пут, рыбак тем самым проявляет свое правильное намерение, способности и усиливающуюся связь с ней. Он смотрит на это беспорядочное нагромождение костей и видит в нем проблеск чего-то неведомого. Он бежал от нее, всхлипывая и задыхаясь, а теперь ему хочется ее коснуться. Она трогает его сердце самим фактом своего существования. Когда мы постигнем одиночество природы Жизни-Смерти-Жизни в своей душе, той природы, которую постоянно отбрасывают, хотя она ни в чем не виновата, – тогда, возможно, нас тоже тронет ее печальная участь.

Если мы творим любовь, то, несмотря на все свои опасения и страхи, хотим освободить кости природы Смерти. Мы хотим увидеть, как это все выглядит целиком. Мы хотим коснуться некрасивого [5] в себе и других. За этой задачей кроется хитрая проверка, которая исходит от Самости. Еще более отчетливо она присутствует в сказках, где красивое предстает безобразным, чтобы кого-то испытать.

В сказке «Алмазы, рубины и жемчуга» добрая падчерица, которой помыкают, дает незнакомке напиться и получает за это награду: стоит ей заговорить, как изо рта у нее сыплются алмазы, рубины и жемчуга. Мачеха велит своим ленивым дочерям встать у того же колодца и ждать богатую незнакомку. Но на этот раз она является в облике нищенки. Когда она просит у злых девиц напиться, те высокомерно отказывают. И получают свою награду: стоит им заговорить, как изо рта у них сыплются змеи, жабы и ящерицы. В сказках, как и в глубинах души, торжествует справедливость: доброта к униженным щедро вознаграждается, а отказ проявить доброту к тому, кто не обладает внешней красотой, осуждается и наказывается. Так же бывает и с высокими чувствами, скажем, с любовью. Если мы превосходим себя, стремясь коснуться того, что не обладает красотой, то бываем

вознаграждены. Если же отвергаем некрасивое, то оказываемся отрезаны от истинной жизни и остаемся с носом.

Некоторым бывает легче мыслить более высокими, более утонченными категориями, соприкасаться с тем, что делает нас лучше, чем соприкасаться с чем-то не очень приятным, помогать и содействовать ему. Более того, как мы видим из сказки, легко отвернуться от некрасивого и при этом ошибочно считать себя правым. Именно такая проблема любви встает при общении с Женщиной-Скелетом.

Что значит «некрасивое»? Некрасиво наше неумение любить и злоупотребление любовью. Неприглядна наша неверность, непривлекательно наше чувство душевной обособленности, некрасивы наши психологические выверты, странности, непонимания и незрелые фантазии. Вдобавок в нашем обществе некрасивой считается природа Жизни-Смерти-Жизни, которая рождает, уничтожает, вынашивает и снова рождает.

Освободить от пут Женщину-Скелет – значит понять эту принципиальную ошибку и исправить ее. Освободить Женщину-Скелет – значит понять, что любовь – не только мерцание свечей и прибыль. Освободить Женщину-Скелет – значит увидеть, что во тьме возрождения таится не только страх, но и надежда. Это бальзам для старых ран. Это значит изменить свой образ видения и бытия, чтобы они отражали богатство, а не скудость души.

Стремясь любить, мы прикасаемся к древней и совсем не привлекательной костяной женщине, распутывая для себя смысл этой природы, приводя ее в порядок, давая ей возможность снова жить. Недостаточно вытащить бессознательное на поверхность или даже случайно притащить его к себе домой. Слишком долго бояться любви или презирать ее – значит тормозить ее развитие.

Если распутать тайну Женщины-Скелета, это положит конец заклятию, то есть страху кончины, вечной смерти. С точки зрения архетипа – чтобы что-то распутать, необходимо миновать лабиринт, спуститься в подземный мир или туда, где все открывается в совершенно новом свете. Необходимо пройти процесс, который поначалу кажется запутанным, а в действительности является сложным рисунком обновления. В сказках ослабить повод, развязать узел, распустить и распутать – значит начать понимать нечто ранее недоступное, постичь, как им владеть и пользоваться, уподобиться мудрецу, знающей душе.

Освобождая Женщину-Скелет от пут, рыбак узнает на собственном опыте, как устроены Жизнь и Смерть. Скелет – превосходный образ для природы Жизни-Смерти-Жизни. Скелет как образ души состоит из сотен больших и маленьких стержней и шариков причудливой формы, которые неразрывно и гармонично связаны друг с другом. Когда одна кость поворачивается, поворачиваются и остальные, даже если это невозможно заметить. Точно так же протекают и циклы Жизни-Смерти-Жизни. Когда Жизнь находится в движении, одновременно движутся и кости Смерти. Когда в движение приходит Смерть, поворачиваются и кости Жизни.

Если одна малюсенькая косточка смещена, сломана, деформирована, вывихнута, это наносит ущерб всей конструкции в целом. Если природа Жизни-Смерти-Жизни, сама по себе или в своей взаимосвязи оказывается подавлена, происходит то же самое. Человеческая жизнь то тащится, то пускается бежать, то подпрыгивает – словом, постоянно движется. Если же эти структуры и циклы нарушаются, следствием всегда является нарушение либидо. И тогда любовь невозможна. Мы лежим под водой – всего лишь кости, колеблемые течением.

Распутать эту природу – значит усвоить ее слабости, привычки, движения. Это значит усвоить циклы жизни и смерти, запомнить их и благодаря этому понять, что они как единое целое образуют единый организм, наподобие скелета.

Страх – негодный предлог, чтобы отказаться от этой работы. Все мы боимся. В этом нет ничего нового. Если вы живы, вам свойственно бояться. У инуитов Ворон – это плут-трикстер. В своей низменной ипостаси это любитель удовольствий, который стремится избежать всяческой неопределенности и сопутствующих ей страхов. Он весьма

осмотрителен и весьма жаден. Если добыча не кажется заманчивой, он не станет рисковать, а если приглянется ему, то мигом схватит.

Он любит блестящие ракушки, серебряные бусы, нескончаемые трапезы, сплетни и теплый ночлег над дымовым отверстием. Порой тот, кто хочет любви, походит на Ворона, которому нужна только «верная» вещь. Эго, как и ворон, боится, что страсть иссякнет, и старается сделать так, чтобы не было конца ни еде, ни огню, ни дню, ни удовольствиям. Ворон, как и эго, начинает хитрить – и всегда себе во вред, ибо, забывая о своей душе, он теряет силу.

Эго боится, что, впустив в свою жизнь природу Жизни-Смерти-Жизни, мы больше никогда не будем счастливы. А что, разве до сих пор мы были так уж абсолютно счастливы? Нет. Но низменное эго очень примитивно, оно как невоспитанное дитя, причем не такое уж беззаботно-счастливое. Оно скорее похоже на дитя, которое все время наблюдает: какой кусок самый большой, какая постель самая мягкая, какой любовник самый красивый?

Если сравнить жизнь, определяемую душой, и жизнь, определяемую исключительно эго, то мы увидим три отличия первой: способность чувствовать и изучать новые пути, цепкость, позволяющую ехать по неровной дороге, и терпение, помогающее со временем научиться глубоко любить. Эго же имеет склонность и обыкновение уклоняться от учения. Терпение не относится к сильным сторонам эго. Постоянство в отношениях – не конек Ворона. Поэтому наша любовь к другому исходит не из вечно изменчивого эго, а из дикой души.

Выражаясь словами поэтессы Адрианы Рич [6], необходимо «дикое терпение», чтобы распутать кости, чтобы понять значение Госпожи Смерти и обрести цепкость, которая позволит остаться с ней. Было бы ошибкой думать, будто для того, чтобы все это осуществить, нужно быть мускулистым героем. Вовсе нет. Нужно иметь сердце, которое желало бы умирать и рождаться, умирать и рождаться все снова и снова.

Освобождая от пут Женщину-Скелет, мы обнаруживаем, какая она древняя – старше, чем наши понятия о времени. Это она, Госпожа Смерть, которая соизмеряет энергию и расстояние, взвешивает время и либидо, сравнивает дух и выживание. Она размышляет, изучает, обдумывает, а потом решает: наделить их искрой-другой, раздуть в бушующий пожар, слегка притушить, засыпать или совсем заглушить. Она знает, что необходимо сделать. Она знает, когда пришла пора.

Освобождая ее от пут, мы обретаем способность предчувствовать, что будет дальше, лучше понимать, как связаны между собой все аспекты природной души, что можем сделать мы сами. Распутать ее – значит обрести четкое знание себя и другого. Это значит усилить свою способность соблюдать фазы, проекты, периоды вынашивания, рождения и преображения безмятежно и как можно более благостно.

Таким образом, ознакомившись с Женщиной-Скелетом и разобрав ее кости по порядку, влюбленный, прежде совершенно несведущий в любви, начинает смыслить в ней гораздо больше. Постигая ходы Жизни-Смерти-Жизни, учишься предугадывать циклы отношений: рост, следующий за остановкой, и убыль, следующую за изобилием.

Тот, кто освободил Женщину-Скелет от пут, познал терпение, познал искусство ждать. Его не потрясет и не испугает оскудение, не собьет с толку плодоношение. Его потребность добиться, получить «сию минуту» преображается в более тонкое умение находить все грани отношений, наблюдая, как взаимодействуют их циклы. Он не боится общения с красотой свирепости, с красотой неведомого, с красотой некрасивого. И, познавая и используя все это, он становится подлинным диким любовником.

Как учится этому мужчина? Как учатся этому все? Вступите в прямой диалог с природой Жизни-Смерти-Жизни, слушая ее внутренний голос, который исходит не от эго. Учитесь, задавая природе Жизни-Смерти-Жизни прямые вопросы о любви и умении любить, а потом выслушивая ее ответы. Постепенно мы учимся не поддаваться голосу из глубины сознания, который бубнит: «Это глупо… Я завязываю со всем этим». Мы учимся не обращать на него внимания и слушать то, что пробивается сквозь него. Учимся следовать

советам, которые слышим, – всему тому, что приближает нас к чуткой осознанности, к преданной любви и ясному видению души.

Полезно ежедневно заниматься медитативной практикой, снова и снова распутывая природу Жизни-Смерти-Жизни. Помогая себе распутывать природу Женщины-Скелета, рыбак снова и снова поет коротенькую песенку из одной строки. Мы не знаем, о чем он поет. Мы можем только догадываться. Когда мы станем распутывать эту природу, хорошо напевать что-нибудь вроде: «Чему мне сегодня отдать больше смерти, чтоб родить больше жизни? Что должно умереть? – ведь я это знаю, но не решаюсь позволить всему идти своим чередом. Что во мне должно умереть, чтобы я сумел полюбить? Какой некрасивости я боюсь? Какую пользу несет мне сегодня сила некрасивого? Что должно умереть сегодня? Что должно жить? Какой жизни я боюсь дать рождение? Если не сейчас, то когда?»

Если мы будем петь эту песню сознания, пока не почувствуем жжение истины, то бросим пригоршню огня во тьму души, чтобы видеть, что делаем: что мы действительно делаем, а не хотели бы думать, что делаем, Так мы начинаем распутывать собственные чувства и понимать, почему любовь и жизнь необходимо прожить костями.

Чтобы вынести вид Женщины-Скелета, не нужно брать на себя роль героя, не нужно вступать в вооруженную схватку, не нужно рисковать жизнью в диких краях. Нужно только захотеть ее распутать. Эта способность познать природу Жизни-Смерти-Жизни ожидает тех любящих, которые преодолевают этап бегства, преодолевают искушение обрести безопасность.

Древние, которые искали это искусство жизни и смерти, называли его бесценной жемчужиной, несравненным сокровищем. Завладев нитями этих тайн и распутав их, вы обретете могучее знание Судьбы и Времени, срока каждой вещи, узнаете, что всему свое время, научитесь катиться с круглым и скользить по гладкому. И нет для любви знания более оберегающего, более благодатного, более укрепляющего, чем это.

Вот что ожидает влюбленного, который сядет у огня с Женщиной-Скелетом, который будет созерцать ее и позволит, чтобы в его душе зародилось сочувствие к ней. Это ожидает тех, кто коснется ее некрасивости и нежно распутает ее природу, природу Жизни-Смерти-Жизни.

Доверчивый сон

На этой стадии отношений любящий возвращается к состоянию невинности – к состоянию, в котором его все еще наполняют благоговением эмоциональные элементы, к состоянию, в котором он все еще полон желаний, надежд и мечтаний. Невинность отлична от наивности. В краях, откуда я родом, говорят: «Неведение – это когда ничего не знаешь и тянешься к добру, а невинность – когда все знаешь и все равно тянешься к добру».

Давайте посмотрим, на чем мы остановились. Рыбак вытащил на поверхность природу Жизни-Смерти-Жизни. И невольно стал добычей, которую она «преследовала». Но вдобавок он сумел вынести ее вид, ощутил сострадание к ее жалкому состоянию и прикоснулся к ней. Все это приводит его к полному контакту с ней. Все это приводит его к преображению, к любви.

Хотя метафора сна может обозначать беспамятство души, здесь она символизирует творение и обновление. Сон – символ возрождения. В мифах о творении души спят, пока происходит более или менее длительное преображение, ибо во сне мы воссоздаемся, обновляемся.

Сон, распускающий клубок забот,
Купель трудов, смерть каждодневной жизни,
Бальзам увечных душ, на пире жизни

Сытнейшее из блюд. [30]

Шекспир, «Макбет», акт II, сцена 2

Если бы вам довелось наблюдать самого огрубелого, самого жестокого и безжалостного человека на свете, когда он спит или только что проснулся, вы бы на миг увидели в нем незапятнанный детский дух, чистый и невинный. Во сне все мы снова возвращаемся к состоянию непорочности. Во сне мы создаемся заново. Мы выворачиваемся наизнанку и предстаем свежими и чистыми, как невинные младенцы.

В это состояние невинности можно проникнуть, отбросив цинизм и самозащиту и вернувшись к тому состоянию удивления, которое можно увидеть у большинства очень юных и у многих глубоких стариков. Это умение смотреть глазами мудрого и любящего духа, а не глазами побитой собаки, загнанного зверя, раба своих страстей, озлобленного раненого человека. Невинность – это состояние, которое возобновляется, когда человек спит. К несчастью, вставая по утрам, многие сбрасывают его вместе с одеялом. Было бы куда лучше взять эту чуткую невинность с собой и прижать к себе для тепла.

Пусть для того, чтобы впервые вернуться к этому состоянию, вам, быть может, придется содрать с себя годы выстраданных взглядов, десятилетия окаменевшей, тщательно возведенной защиты, но, раз вернувшись, вам уже больше не придется искать его, докапываться до него. Возврат к чуткой невинности – не такой уж труд, для этого не придется перетаскивать с места на место груды кирпичей. Ведь она стоит на месте достаточно долго, чтобы ее дух мог вас отыскать. Говорят: все, что вы ищете, само ищет вас; так что, если вы будете лежать неподвижно или сидеть неподвижно, она вас найдет. Она ждет вас уже давно. Когда она появится, не трогайтесь с места. Погодите. Поглядите, что будет дальше.

Именно так нужно подходить к природе Смерти – не с хитростью и коварством, а с духом, исполненным доверия. Слово «невинный» часто используют, имея в виду человека несмышленого или простодушного. Но по сути своей оно подразумевает неподверженность вреду или ущербу. В испанском языке слово inocente используют применительно к человеку, который старается не причинять вреда другим и к тому же способен исправить любой вред или ущерб, который нанесли ему.

La inocente – этим именем часто называют курандеру, целительницу, ту, что избавляет других от нанесенного им ущерба или вреда. Невинность означает также умение ясно видеть ситуацию и исправлять ее. Вот какие могучие принципы кроются в основе невинности. Считается, что это не только стремление не причинять вред другим и себе, но и способность врачевать и восстанавливать себя и других. Подумайте об этом. Какой это дар всем циклам любви.

С помощью этой метафоры невинного сна рыбак проникается к природе Жизни-Смерти-Жизни таким доверием, что способен отдохнуть и обрести новую жизнь в ее присутствии. Он вступает в фазу перехода, которая приведет его к более глубокому пониманию, на более высокую ступень зрелости. Входя в это состояние, влюбленные покоряются силам собственной души, тем, что обладают верой, доверием и глубокой невинностью. Влюбленный верит, что в этом духовном сне в нем свершатся душевные труды, что все будет происходить наилучшим образом. Такой влюбленный спит сном мудрости, а не сном осторожности. Бывает истинная осторожность, когда опасность близка, и неоправданная осторожность, что коренится в старых ранах. Эта последняя заставляет мужчин и женщин быть обидчивыми и равнодушными, даже когда они хотели бы проявить любовь и нежность. Те, кто боится, что их проведут или загонят в угол, или те, кто снова и

[30] Перевод М. Лозинского.

снова громогласно заявляет о своем желании быть свободным, – это люди, которые позволяют золоту ускользать сквозь пальцы.

Сколько раз я слышала, как мужчина говорит, что у него есть «хорошая женщина», которая в него влюблена, и он тоже в нее влюблен, но не может как следует расслабиться, чтобы понять, как он действительно к ней относится. Поворотным моментом для такого человека станет тот миг, когда он позволит себе любить «вопреки» – вопреки своим мукам, вопреки нервозности, вопреки старым ранам, вопреки страху перед неизвестным.

Бывает, что нет слов, которые могли бы нас подбодрить. Бывает, что нужно просто сделать прыжок. В жизни мужчины должно наступить такое время, когда он доверяется направлению, в котором ведет его любовь, когда он больше боится застрять в каком-нибудь пересохшем русле души, чем оказаться на изобильной, но неизведанной территории. Если слишком себя сдерживать, может получиться так, что и сдерживать почти нечего.

На этой стадии невинности рыбак возвращается к состоянию юной души, ведь во сне он не ведает страха и воспоминаний о том, кем он был вчера или того раньше. Во сне он не стремится занять какое-то место или положение. Во сне он переживает обновление.

В мужской душе обитает некое существо – не изведавший ран мужчина, который верит в добро, который не сомневается в жизни, который не только мудр, но и не боится смерти. Кто-то назовет его воином, но это неверно. Это дух самости, причем юный дух, который продолжает любить, несмотря на муки, раны и гонения, потому что для него это своеобразное самоисцеление, самоврачевание.

Женщины подтвердят, что порой видят в мужчине проблески этого существа, которое он сам не осознает. Способность этого юного духа привлекать целительную силу для развития собственной души настолько поразительна, что может удивить любого. Его доверие – не следствие того, что возлюбленная не намерена причинить ему боль. Он верит, что любая нанесенная ему рана заживет, что за старой жизнью последует новая. Верит, что во всем есть сокровенный смысл, что незначительные на первый взгляд события не бессмысленны, что все в жизни – неладное и нескладное, звенящее и парящее – все можно использовать в качестве жизненной энергии.

И еще нужно отметить, что порой, по мере того как мужчина становится все свободнее и все ближе к Женщине-Скелету, его возлюбленная становится все боязливее, и ей приходится самой приниматься за работу, связанную с распутыванием, наблюдением, сном, который возвращает невинность, умением доверять природе Жизни-Смерти-Жизни. Когда оба пройдут полное посвящение, они вдвоем будут обладать способностью исцелить любую рану, перенести любую боль.

Порой человек боится расслабиться в присутствии любимого человека, боится вернуться к душевной невинности или боится, что тот его обманет. Такие люди переносят на других всевозможные мотивы и просто-напросто не доверяют себе. Объект их недоверия – не возлюбленные, а природа Жизни-Смерти-Жизни, с которой они еще не справились. Именно этой природе Смерти им необходимо довериться. Как и во сне, природа Жизни-Смерти-Жизни в своей самой дикой ипостаси так же проста, как легкий выдох (конец) и вдох (начало). Там, где кончается одно, начинается другое – вот то единственное знание, которому необходимо довериться.

Как же это сделать? Если повезет, мы просто расслабимся и соскользнем в это доверие, поддавшись его притяжению. Более трудный способ – силой ввергнуть себя в доверчивое состояние ума, заставить себя отбросить все условия, все «если» и «только». Однако, как правило, нет смысла ждать, пока мы ощутим в себе достаточно силы, чтобы довериться, ибо этот день не придет никогда. А потому давайте попытаем счастья: а вдруг все то, чему нас учит общество о природе Жизни-Смерти-Жизни неверно, а наши инстинкты верны?

Чтобы любовь цвела, ваш партнер должен верить: все, что бы ни случилось, обладает способностью к преображению. Мужчина или женщина – каждый должен позволить себе войти в то состояние сна, которое возвращает нас к мудрой невинности, которое создает и воссоздает, как ему и подобает, глубинные пласты опыта Жизни-Смерти-Жизни.

Уронить слезу

Пока рыбак спит, из уголка его глаза вытекает слеза. Женщина-Скелет видит ее, ощущает жажду и неуклюже подползает к спящему, чтобы напиться из чаши его глаза. Что же такое он увидел во сне? – спрашиваем мы себя. Что смогло стать причиной этой слезы?

Слезы обладают творческой силой. В мифах плач влечет за собой огромные свершения и воссоединение сердец. В фольклоре знахарей слезы служат связью, которая скрепляет порядок элементов, объединение помыслов, союз душ. В сказках слезы разбрасывают, чтобы отпугнуть разбойников или вызвать разливы рек, разбрызгивают, желая вызвать духов, поливают ими тело, чтобы исцелить раны и вернуть зрение, прикасаются к ним, чтобы зачать.

Когда в общении с природой Жизни-Смерти-Жизни человек доходит до этой черты, слеза, которую он роняет, это слеза, в которой смешались страсть и сострадание – к себе и другому. Такую слезу выплакать труднее всего, особенно для мужчин и тех женщин, которых называют железными.

Такую слезу страсти и сострадания мы чаще всего роняем после того, как случайно наткнемся на сокровище, после жестокой погони, после освобождения от пут, ибо именно сочетание всего этого приводит к изнеможению, к падению защиты, к встрече с самим собой, к обнажению до костей, к желанию обрести знание и облегчение для себя и другого. Это заставляет душу заглянуть в то, чего душа поистине желает, и оплакать утрату и любовь обоих.

С той же неизбежностью, с какой Женщина-Скелет оказалась на поверхности, теперь на поверхность выходит эта слеза, это таящееся в мужчине чувство. Она – наказ любить себя и другого. Теперь, сбросив с себя все колючки, иглы и шипы мира яви, мужчина привлекает Женщину-Скелет на свое ложе и дает ей испить свое глубочайшее чувство. В этой своей новой ипостаси он способен утолить жажду другого.

Плач мужчины вызвал ее дух: над теплой слезой собираются мысли и силы с окраин мира души. История символа воды как творческой силы, как пути, длинна и разнообразна. Весна приходит ливнем слез. Путь в загробный мир проходит через водопад слез. Услышав плач, сердечный человек усматривает в нем призыв подойти поближе. Итак, рыбак плачет, и Женщина-Скелет действительно подбирается поближе. Не будь этой слезы, она так и осталась бы кучкой костей. Не будь этой слезы, он так и не пробудился бы к любви.

Слеза выкатывается у спящего в тот миг, когда будущий влюбленный находит в себе мудрость и силы обнаружить и перевязать собственные раны, когда он позволяет себе осознать саморазрушение, которым занимался из-за потери веры в свои добрые качества, когда он чувствует свою отрезанность от питающего и животворящего цикла природы Жизни-Смерти-Жизни. И он плачет, ибо ощущает одиночество, острую тоску по этому месту в душе, по этому первозданному знанию.

Так происходит исцеление мужчины, рост его понимания. Он сам берется за изготовление лекарств, сам берет на себя труд выкормить вычеркнутого из жизни другого. Слезы делают его творцом.

Мало любить другого, мало не быть помехой в его жизни. Мало быть отзывчивым, приходить на помощь и все такое прочее. Цель в том, чтобы стать сведущим в том, что касается обычаев жизни и смерти, – как в своей собственной жизни, так и в целом. И единственный способ стать знающим – пройти выучку у костей Женщины-Скелета. Она ждет сигнала глубокого чувства, той единственной слезы, которая скажет: «Я смиряюсь с раной».

Это смирение питает природу Жизни-Смерти-Жизни, приводит к созданию связи и зарождению в мужчине глубокого знания. Все мы ошибались, думая, будто кто-то другой может стать для нас целителем, вдохновителем, наполнителем. Для понимания, что это не так, должно пройти немало времени, главным образом потому, что мы проецируем свою рану наружу, вместо того чтобы исцелять ее внутри.

Наверное, женщина больше всего хочет от мужчины, чтобы он рассеял свои проекции и взглянул на свою рану. Когда он видит ее, слезы приходят сами, и его верность внешнему и внутреннему обретает ясность и силу. Он становится собственным целителем, он больше не тоскует по глубинной Самости. Он больше не просит, чтобы женщина стала его болеутоляющим.

Все это прекрасно описано в одной истории. В греческой мифологии есть персонаж по имени Филоктет. Говорят, он унаследовал волшебный лук и стрелы Геракла. В бою Филоктет был ранен в ногу. [31] Рана его не заживала; она источала такое зловоние, а сам Филоктет так ужасно стенал от боли, что спутники оставили его на острове Лемнос – бросили умирать.

Филоктет едва не умер от голода, но ему порой удавалось подстрелить из Гераклова лука мелкую дичь. Рана гноилась и зловоние становилось все ужаснее, так что любой мореплаватель, оказавшись поблизости от острова, сразу менял курс. И вот несколько греков решились стерпеть дух Филоктетовой раны, чтобы похитить у него волшебные лук и стрелы.

Они кинули жребий, и эта задача выпала самому младшему [7]. Старшие товарищи убеждали его поспешить и отправиться в путь под покровом ночи. Юноша поднял парус. Но вместе с запахом моря ветер принес и другой – такой ужасный, что путнику, чтобы дышать, пришлось обвязать лицо намоченным в морской воде платком. Однако ничто не могло заглушить жуткие крики Филоктета.

Луна зашла за тучи. Вот и хорошо, думал юноша, причалив к берегу и подползая к измученному Филоктету. Но едва он коснулся драгоценного лука и стрел, как луна внезапно озарила изможденное лицо умирающего. И что-то – юноша сам не понял, что именно, – тронуло его до слез. Им овладело сострадание и милосердие.

Вместо того чтобы похитить лук и стрелы, юноша промыл раны Филоктета и остался с ним. Он кормил его, купал, разводил огонь и оставался с несчастным до тех пор, пока не смог доставить его в Трою, где его исцелил полубог, врачеватель Асклепий. На этом история заканчивается.

Слеза сострадания падает как отклик на созерцание зловонной раны. У каждого человека эта зловонная рана имеет свой облик и свой источник. Для одного это означает всю жизнь карабкаться в гору, сантиметр за сантиметром, чтобы в итоге убедиться, что это не та гора. Для другого это нерешенные и неисцеленные проблемы жестокого обращения в детстве. Для третьего – сокрушительное поражение в жизни или в любви.

Юноша потерпел неудачу в первой любви и, не получив ни у кого помощи, так и не сумел оправиться от разочарования. Прошли годы, а он так и остался сломленным, хотя и утверждал, что эта история его совершенно не задела. Молодой человек только что добился приема в профессиональную футбольную команду. И получил случайную травму ноги, которая навсегда вывела его из строя. Так мечта его жизни в одночасье развеялась в прах. Для него зловонной раной стала не только трагедия, не только увечье: в течение двадцати лет единственными лекарствами, которые он прикладывал к ране, были горечь, злоупотребление наркотиками и пьянство. Если мужчина страдает от такой раны, это можно определить по запаху. Такую рану не исцелит ни женщина, ни любовь, ни забота – только сострадание к себе, только внимание к собственному израненному сознанию.

Если мужчина выплакивает слезу, это значит, что он нашел свою боль и познает ее, прикасаясь к больному месту. Он понимает, что из-за раны всю жизнь осторожничал. Понимает, что именно упустил в жизни по этой причине. Понимает, насколько калечит свою любовь к жизни, к себе самому, к другому человеку.

В сказках слезы изменяют людей, напоминают им о важном и спасают их Душу. Только черствое сердце может противиться плачу и слиянию. Есть одно суфийское изречение, которое я перевела много лет назад. Это молитва к Богу с просьбой разбить

---

[31] По другой версии – его ужалила змея.

сердце: «Разрушь мое сердце, чтобы освободилось место для безграничной любви».

Внутреннее чувство нежности, которое побуждает рыбака освободить Женщину-Скелет от пут, позволяет ему ощутить и другие забытые стремления, возродить сострадание к себе. Поскольку он пребывает в состоянии невинности, т. е. считает, что все возможно, он не боится высказать свои задушевные желания. Он не боится хотеть, ибо уверен, что его желание исполнится. Для него большое облегчение верить, что его душа обретет удовлетворение. Когда рыбак выплакивает свое истинное чувство, воссоединение с природой Жизни-Смерти-Жизни продолжается.

Слезы рыбака притягивают к нему Женщину-Скелет, вызывают у нее жажду, заставляют искать большей близости. Как и в волшебных сказках, слезы могут притягивать к нам вещи, могут исправлять, приносить недостающую часть или фрагмент. В африканской сказке «Золотые водопады» колдун укрывает беглую девушку-рабыню: он выплакивает столько слез, что они образуют водопад, под которым прячется беглянка. В африканской сказке «Стук костей» души умерших целителей вызывают, орошая землю детскими слезами. Нам снова и снова напоминают о силе этого великого чувства. В слезах есть притягательная сила, а в каждой слезинке – яркие образы, которые указывают нам путь. Слезы не только выражают чувство, но еще и являются линзами, благодаря которым мы обретаем новое видение, новую точку зрения.

В этой сказке рыбак позволяет своему сердцу разбиться – но не разрушиться, а раскрыться. Ему нужна не любовь к la teta, матери-кормилице, не корыстная любовь, не любовь к власти, славе или сексу. Это любовь, которая нисходит на него, любовь, которую он всегда носил в себе, но никогда не узнавал.

По мере того как мужчина постигает эту связь, душа его укореняется все глубже и очевиднее. Набегает слеза. Женщина-Скелет пьет. Теперь в нем должно возникнуть и родиться что-то еще, нечто такое, чем он сможет поделиться с ней, – просторное, необъятное сердце.

Дальнейшие фазы любвих

Сердце-бубен и песня

Говорят, что от кожи и корпуса бубна зависит, кто и что явится на зов. Некоторые бубны считают транспортными средствами: они переносят исполнителя и слушателей (в некоторых традициях их называют «пассажирами») в самые разные места. У других бубнов иные способности.

Говорят, что бубны, сделанные из человеческих костей, призывают мертвых. Бубны, сделанные из шкуры конкретных животных, вызывают духи соответствующих животных. Особо красивые бубны так и называют – «красавцы». Бубны с прикрепленными колокольчиками призывают духи детей и погоду. Бубны низкого тона призывают духов, которые способны услышать такой звук. Бубны высокого тона призывают своих духов и т.д.

Бубен, сделанный из сердца, призывает духов, обитающих в человеческом сердце. Сердце символизирует сущность. Сердце – один из важнейших органов, без которых не могут жить ни люди, ни животные. Удалите почку – человек живет. Отрежьте обе ноги, желчный пузырь, одно легкое, одну руку и селезенку – человек живет. Может быть, не лучшим образом, но живет. Удалите некоторые доли мозга – человек все еще жив. Удалите сердце – человек мгновенно умирает.

Сердце – психологический и физиологический центр. В индуистских тантрах, наставлениях, которые боги дают людям, сердце – это анахата-чакра, нервный центр, где сосредоточены чувства к другим, чувство к себе, чувство к земле и чувство к Богу. Именно сердце позволяет нам любить, как любит дитя: всецело, безудержно, без всякого налета цинизма, уничижения или самозащиты.

Взяв в руки сердце рыбака, Женщина-Скелет использует главный двигатель всей его

души, единственное, что имеет подлинный смысл, единственное, что способно сотворить чистое и невинное чувство. Говорят, что мыслит и творит разум. У этой сказки иной взгляд. В ней утверждается, что именно сердце мыслит и призывает молекулы, атомы, чувства, мечты и все остальное, что необходимо, чтобы сотворить материал, способный воплотить замысел Женщины– Скелета.

В сказке заключено обещание: позвольте Женщине-Скелету более осязаемо присутствовать в своей жизни, и она в ответ сделает вашу жизнь более полной. Если вы освободите ее от пут и непонимания, если признаете в ней своего учителя и возлюбленную, она станет вашим союзником и партнером.

Отдавая свое сердце новому творению, новой жизни, силам Жизни-Смерти-Жизни, мы нисходим в область чувств. Это может даться нам с трудом, особенно если мы ранены разочарованием или печалью. Но так задумано: возродиться под звуки бубна, оживить Женщину-Скелет, подойти вплотную к тому, кто всегда был рядом.

Отдавая все свое сердце, мужчина становится поразительной силой, вдохновителем, принимая на себя роль, которая в прошлом принадлежала исключительно женщинам. Когда Женщина-Скелет спит с ним, он обретает плодовитость, новые женские способности в мужском обличье. Он несет семена новой жизни и необходимых смертей. Он вдохновляет на новые труды себя и тех, кто рядом.

Многие годы я видела это в других и наблюдала в себе. Это очень важное событие, когда создаешь что-то ценное благодаря тому, что твой любимый в тебя верит, благодаря его душевному интересу к твоей работе, твоему проекту, твоему предмету. Это удивительное явление. И не обязательно ограничивать его любимым человеком – оно может исходить от любого, кто искренне отдаст вам свое сердце.

Поэтому связь с природой Жизни-Смерти-Жизни в конце концов дает мужчине десятки идей, жизненных сюжетов и ситуаций, а также несравненные звуки, цвета и образы, ибо в распоряжении природы Жизни-Смерти-Жизни, если рассматривать ее в связи с архетипом Дикой Женщины, – все, что когда-либо существовало, и все, что когда-нибудь будет существовать. Когда Женщина-Скелет творит, когда она песней создает себе плоть, тот, чье сердце она использует, чувствует это, сам наполняется творчеством, кипит им, излучает его.

Эта сказка также знакомит нас с силой, которая рождается в душе, – ее символами становятся игра на бубне и пение. В мифах песнями исцеляют раны, их используют, чтобы сгонять скот в стада. Пением имен призывают к себе людей. Песня облегчает боль, волшебное дыхание исцеляет тело. Песня призывает или воскрешает мертвых.

Говорят, что все творение сопровождалось звучанием слова, произносимого вслух, звучанием слова, произносимого шепотом или про себя. В мифах считается, что пение изливается из волшебного источника, который наполняет знанием все творение: животных и людей, деревья и травы и все, что его слышит. Сказители говорят, что все, в чем есть жизненный сок, может петь.

Гимн творения вызывает в душе перемену. Это явление известно в разных традициях: песни, рождающие любовь, есть у исландцев, а также у микмаков и уичита. В Ирландии волшебной песней призывают волшебную силу. В одной исландской сказке человек падает на обледенелые скалы и повреждает ногу, но исцеляется благодаря силе песни.

Почти во всех культурах боги в период творения даруют людям песни и говорят, что ими можно в любое время снова призвать богов, что песня даст людям все что нужно, а также преобразит или устранит все то, что не нужно. Таким образом, дарение песни – это акт сострадания, который позволяет людям призывать в человеческий мир богов и великие силы. Песня – особый язык, который помогает осуществить то, чего не может обычная речь.

С незапамятных времен песню, как и бубен, использовали для того, чтобы обретать необычное состояние сознания, состояние транса, состояние молитвы. Все люди и многие животные склонны реагировать на звук изменением сознания. Некоторые звуки, вроде капающей из крана воды или настойчивого автомобильного сигнала, могут вызывать тревогу и даже гнев. Другие звуки – РОКОТ прибоя или шелест деревьев на ветру – могут наполнять

нас покоем. Мерный стук, вроде звука шагов, вызывает у змеи оборонительную реакцию, а приглушенное пение может заставить ее танцевать.

Слово pneuma (дыхание) имеет общий источник со словом psyche – оба они используются для обозначения души. Поэтому, если в мифе или сказке присутствует песня, мы знаем: это призывают богов, чтобы они вдохнули в ситуацию свою мудрость и силу. Мы знаем, что в мире духа работают силы, занятые творчеством души.

Поэтому и пение, и использование сердца в качестве бубна – это мистические акты, пробуждающие те слои души, которые редко используются и редко видны. Дыхание, или пневма, касаясь нас, распахивает некие отверстия, возбуждает способности, к которым иначе не подступиться. Невозможно сказать, что именно нужно спеть или сыграть на бубне для каждого человека, потому что при этом открываются очень странные и необычные отверстия. Однако можете не сомневаться, что эта музыка будет божественной и захватывающей.

Танец тела и души

Благодаря своему телу женщина живет очень близко к природе Жизни-Смерти-Жизни. Если женщина пребывает в здравом инстинктивном уме, ее помыслы и импульсы – любить, творить, верить, желать – рождаются, проживают свой срок, вянут, умирают и снова рождаются. Можно сказать, что женщины сознательно или бессознательно практикуют это знание каждый лунный цикл своей жизни. Для одних луна, которая задает эти циклы, находится в небе, для других это – Женщина-Скелет, обитающая в собственной душе.

Исходя из своей плоти и крови и постоянных циклов наполнения и опорожнения красного сосуда в утробе, женщина понимает – физически, эмоционально и духовно, – что зениты бледнеют и гаснут, а то, что остается, перерождается непредсказуемо и вдохновенно, только для того, чтобы кануть в небытие и все же быть снова зачатым в полном великолепии. Как вы видите, циклы Женщины-Скелета пронизывают женщину сверху донизу, вдоль и поперек. Иначе и быть не может.

Порой мужчины, которые все еще убегают от природы Жизни-Смерти-Жизни, боятся такой женщины, поскольку чуют в ней прирожденного союзника Женщины-Скелета. Но так было не всегда. Символ смерти как силы духовного преображения остался с тех времен, когда Госпожу Смерть привечали как близкую родственницу, как сестру, брата, мать, отца или возлюбленную. Женские образы: Женщина-Смерть, Мать-Смерть или Дева-Смерть – всегда понимались как носительницы судьбы, созидательницы, жницы, матери, перевозчицы через реку и воскресительницы – все вместе, в едином цикле.

Иногда тот, кто убегает от природы Жизни-Смерти-Жизни, упорно считает любовь исключительно даром, тогда как любовь в своей наиболее полной форме есть череда смертей и возрождений. Мы расстаемся с одной фазой, с одной гранью любви, и входим в следующую. Страсть умирает и возвращается. Изгнанная боль всплывает снова. Любить – значит принять и в то же время вынести великое множество концов и начал, и все это в ходе одной и той же связи.

Этот процесс осложняется тем, что наша излишне цивилизованная культура в большинстве своем с превеликим трудом выносит способность к превращению. Но есть и лучшие позиции, которые позволяют принять природу Жизни-Смерти-Жизни. Хотя в разных странах ее называют разными именами, многие видят в ней un baile con la Muerte, танец со смертью, где танцор – Смерть, а Жизнь – его партнер.

В холмистом краю Великих Озер, где я выросла, жили люди, которые до сих пор используют библейские обороты речи: ибо, есмь, сие. Моя подруга детства госпожа Арль Шеффелер, седовласая мать, чей единственный сын погиб во Второй мировой войне, верна этому архаичному стилю. Однажды летним вечером я осмелилась спросить ее, продолжает ли она тосковать по сыну, и она ласково объяснила свой взгляд на жизнь и смерть, так что понять смог бы даже ребенок. Рассказ, который она загадочно озаглавила «Смертельный удар» [8], заключался приблизительно в следующем. Женщина приглашает путника по

имени Смерть к своему очагу. Она стара и не боится. Похоже, она знает, что Смерть не только отбирает жизнь, но и дарует. Она уверена, что смерть – причина всех слез и всякого смеха.

Она говорит Смерти: «Добро пожаловать к огню». Говорит, что любила ее «за то, что все хлеба колосились и все поля полегали, за то, что мои дети рождались и мои дети умирали». Она говорит, что знает ее, что они друзья. «Смерть, ты приносишь мне много горя и веселья. Так давай потанцуем! Я знаю все шаги танца».

Чтобы заниматься любовью – если нам суждено полюбить, – balaimos con la Muerte, мы танцуем со Смертью. Будут ливни и засухи, будут новорожденные и мертворожденные, и снова родится что-то новое. Любить – значит учить шаги. Заниматься любовью – значит исполнять танец.

Энергия, чувство, близость, одиночество, желание, скука – все это увеличивается и уменьшается относительно компактными циклами. Желание близости и обособленности прибывает и убывает. Природа Жизни-Смерти-Жизни учит нас не только танцевать – она учит, что болезнь нужно всегда лечить противоположным, поэтому лекарство от скуки – это новое действие, от одиночества – близость, а от чувства стесненности – одиночество.

Не зная этого танца, человек во время периодов затишья бывает склонен реализовать потребность в новых личных свершениях в безудержной трате Денег, опасных поступках, безрассудном выборе, новой любовнице. Это путь простака или глупца. Это путь тех, кто не знает.

Поначалу все мы думаем, что можем обогнать смертельный аспект природы Жизни-Смерти-Жизни. Но оказывается, что не можем. Он следует за нами по пятам: топ-топ, шлеп-шлеп – прямиком в наш дом, прямиком в наше сознание. Если другого случая не представится, мы узнаем об этой темной природе, когда убеждаемся, что в мире нет места справедливости, что шансы упущены, что к нам приходит то, чего мы не просили, что циклы Жизни-Смерти-Жизни преобладают, хотим мы этого или нет. Но если мы живем как дышим – впускаем и отпускаем, – то не собьемся с пути.

В этой сказке два превращения: одно – рыбака, другое – Женщины-Скелета. Если описать превращение рыбака современным языком, то оно протекает примерно так. Вначале он бездумный охотник: «Привет, это я. Я тут рыбачу и в чужие дела не лезу». Потом это перепуганный охотник, бегущий во всю прыть: «Что? Ты меня хочешь? Пожалуй, мне пора». Дальше он пересматривает свои чувства, начинает их распутывать и находит способ общаться с ней: «Я чувствую, как душа тянется к тебе. Кто ты на самом деле? Как ты устроена?»

Потом он засыпает. «Я доверяю тебе. Я позволяю себе проявить невинность». Он роняет слезу глубокого чувства, и Женщина-Скелет утоляет ею свою жажду. «Я ждал тебя так долго». Он отдает свое сердце, чтобы полностью воссоздать ее. «Вот, возьми мое сердце и оживи в моей жизни». И рыбак-охотник получает в награду ответную любовь. Это типичное превращение человека, который учится истинной любви.

Превращения Женщины-Скелета развиваются несколько по-иному. Прежде всего, будучи природой Жизни-Смерти-Жизни, она привыкла, что ее отношения с людьми прерываются, как только они вытащат ее на поверхность. Не удивительно, что она осыплет милостями того, кто пойдет с ней рядом: ведь она привыкла, что люди обрывают крючок и бросаются наутек.

Сначала ее выбросили и предали забвенью. Потом ее случайно выловил человек, который ее боится. Она начинает выходить из пассивного состояния и возвращаться к жизни: ест, пьет слезу того, кто ее воскресил, преображает себя силой его сердца, силой, которая позволяет ему вынести вид ее… и самого себя. Она превращается из скелета в живую женщину. Она любима им, а он ею. Она придает силу ему, а он ей. Она, великое колесо природы, и он, человек, теперь живут в согласии друг с другом.

В этой сказке мы видим, что Смерти нужна любовь. Ей нужны слеза – чувство – и сердце. Ей нужно, чтобы с ней занимались любовью. Природа Жизни-Смерти-Жизни требует

от влюбленных, чтобы они смотрели ей прямо в лицо без страха и притворства, чтобы их преданность друг другу была чем-то большим, чем просто намерение быть вместе, чтобы их любовь основывалась на совместном знании и способности встретить эту природу, полюбить эту природу, танцевать вместе с этой природой.

Женщина-Скелет «напевает» себе цветущее тело. И тело, которое она себе создает песней, на редкость функционально: это не отдельные части женской плоти, которым поклоняются в некоторых культурах, а целостное женское тело, способное выкармливать младенцев, заниматься любовью, петь и танцевать, давать жизнь и кровоточить, не умирая.

Такое «напевание» себе плоти – еще один распространенный фольклорный мотив. В африканских, папуасских, еврейских, испанских и инуитских сказках кости превращаются в человека. Мексиканская Коатликуэ в преисподней делает из костей умерших взрослых людей. Тлинкитский шаман песней снимает одежду с женщины, которую любит. В сказках всех народов песня творит чудеса. Песня способствует росту.

И еще: во всем мире у фей, нимф и великанш груди такие длинные, что их можно забросить за плечи. У скандинавов, кельтов и жителей приполярной зоны есть истории про женщин, которые могут создавать себе тело по собственному желанию.

Из этой сказки мы понимаем, что тело отдают на одной из последних фаз любви. Так и должно быть. Это правильно – благополучно миновать первые стадии встречи с природой Жизни-Смерти-Жизни, а радости плоти оставить напоследок. Предупреждаю женщин: не уступайте любовнику, который, случайно поймав добычу, норовит сразу перейти к телесной близости. Настаивайте на всех фазах. Тогда последняя сама позаботится о себе, пора слияния тел придет своим чередом.

Если начать соединение с телесной стадии, процесс встречи с природой Жизни-Смерти-Жизни можно завершить и после; только для этого потребуется гораздо больше решимости. Это более тяжелый труд, ибо придется оттащить сластолюбивое эго от плотских утех, чтобы проделать главную работу. В сказке о Манауи метания песика показывают, как трудно помнить о пути, когда нервы звенят от восторга.

Заниматься любовью – значит слить дыхание и плоть, духи материю: одно проникает в другое. В этой сказке происходит бракосочетание смертного с бессмертным, и это также характерно для любовного союза, которому суждено продлиться долго. Существует бессмертная связь душ, которую трудно описать и в которую, быть может, даже трудно поверить, но которую мы глубоко ощущаем. Есть чудесная индийская сказка, в которой смертный бьет в барабан, чтобы пэри могли танцевать перед богом Индрой. За эту услугу барабанщик получает в жены фею. Что-то вроде этого происходит и в любовной связи: мужчина, который установит взаимоотношения с неизведанной женственной областью души, получит награду.

В конце сказки рыбак обретает близость с природой Жизни-Смерти-Жизни: дыхание к дыханию, плоть к плоти. Смысл этого для каждого человека свой. И такое углубление ее связи с собой каждый тоже ощущает по-своему. Мы знаем только: чтобы полюбить, необходимо поцеловать страшную Женщину-Скелет – и не только поцеловать. Необходимо заняться с ней любовью.

Но в сказке рассказывается еще и о том, как установить взаимную и плодотворную связь с тем, чего боишься. Именно этому нужно отдать свое сердце. Когда мужчина соединяется с областью души и духа, – а это и олицетворяет Женщина-Скелет, – он вступает с ней в наитеснейшую близость, и это так же тесно сближает его с любимой женщиной. Чтобы найти такого замечательного советчика в жизни и любви, нужно всего лишь перестать убегать, кое-что распутать, с состраданием вынести вид раны и собственной жажды и отдать этому процессу все свое сердце.

В конце, воплощая себя, Женщина-Скелет осуществляет весь процесс творения. Но вместо того, чтобы начать жизнь с младенчества, – ведь именно так учат воспринимать жизнь и смерть на Западе, – она начинает ее со старых костей и воплощает свою жизнь исходя из них. Она учит мужчину создавать новую жизнь. Она показывает ему, что путь

творения – это путь сердца. Она показывает ему, что творение – это череда рождений и смертей. Она учит, что самозащитой ничего не создашь, себялюбием ничего не создашь, цепляться и кричать бесполезно. Только отпустив, отдав сердце, великий бубен, великий инструмент дикой природы, научишься создавать.

Именно так должна развиваться любовная связь – каждый из партнеров преображает другого. Сила и энергия каждого распутана, она одна на двоих. Он отдает ей свое сердце-бубен. Она отдает ему знание самых сложных ритмов и эмоций, которые только можно вообразить. Кто знает, на что они будут охотиться вместе? Мы знаем только, что они будут сыты до конца дней своих.

Глава 6
НАЙТИ СВОЮ СТАЮ: ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КАК БЛАГОДАТЬ

Гадкий утенок

Иногда у дикой женщины жизнь не задается с самого начала. У многих были родители, которые в детстве не спускали с них глаз и недоумевали: как этот маленький чужак ухитрился проникнуть в нашу семью? Другие родители возводили очи к небу, не обращали на девочку никакого внимания, были с нею жестоки или смотрели глазами ледяными, как сосульки.

Пусть женщины, которым пришлось все это перенести, не унывают. Вы отомстили за себя тем, что, сами того не желая, были для них истинным наказанием, вечной занозой в заднице. И, возможно, даже сегодня вам удается вызвать у них малодушный страх, появившись на пороге. А это не самое слабое и невинное возмездие.

Но теперь уже не стоит уделять столько времени тому, чего они вам не дали; лучше посвятите свое время тому, чтобы найти людей, к которым вы принадлежите. Ведь вполне может быть, что вы принадлежите вовсе не к своей родной семье. Вы можете иметь с ней генетическое сходство, но по темпераменту относиться совсем к другой группе людей. Или же внешне вы можете принадлежать к своей семье, а душа ваша вырывается, мчится по дороге и наслаждается жизнью, поедая духовные сласти где-то в другом месте.

Ханс Кристиан Андерсен [1] написал десятки сказок о детях-сиротах. Он был первым защитником забытых и заброшенных детей; он горячо отстаивал их потребность и право на поиск близких по духу людей. Его сказка «Гадкий утенок» была впервые опубликована в 1845 году. В основу этой сказки положен древний мотив о необычном и гонимом существе – точь-в-точь первая часть истории Первозданной Женщины. История о гадком утенке стала одной из немногочисленных сказок, которые помогли не одному поколению чужаков продержаться, пока они не находили себе подобных.

Я бы назвала ее коренной психологической и духовной историей. Коренная история – та, в которой содержится истина, столь важная для развития человека, что, пока он ее не усвоит, дальнейшее продвижение будет неустойчивым и ему не удастся достичь полного психологического благополучия. Итак, перед вами сказка о гадком утенке, которую я литературно обработала, положив в основу причудливый вариант, впервые услышанный мною на венгерском языке от falusias meselok, деревенских сказительниц, принадлежавших к нашей семье [2].

ГАДКИЙ УТЕНОК

Приближалось время жатвы. Старухи делали из кукурузных початков зеленые куклы. Старики латали одеяла. Девушки вышивали белые платья кроваво-красными цветами. Парни пели, собирая в копны золотистое сено. Женщины вязали колючие фуфайки на зиму.

Мужчины помогали собирать, вытаскивать, срезать и выкапывать дары полей, садов и огородов. Задули ветры, с каждым днем листва все больше редела. А внизу, у реки, утка-мать сидела в гнезде на яйцах.

Все у нее шло как положено, и наконец яйца, одно за другим, стали шевелиться и подпрыгивать, скорлупа лопалась, и на белый свет появились утята. Осталось одно яйцо, самое большое. Оно лежало в гнезде неподвижно, будто каменное.

Мимо проходила старая утка, и утка-мать показала ей своих новорожденных детей. «Ну разве не милы?» – хвасталась она. Но от взгляда старой утки не укрылось последнее яйцо, и она стала уговаривать утку-мать больше его не насиживать.

– Да это же индюшачье яйцо! – воскликнула старая утка. – Оно неправильное. Сама подумай, индюка ведь в воду не загонишь.

Уж она-то знала: сама пробовала.

Но утка-мать решила: раз уж так долго просидела на яйцах, еще малость не повредит.

– Это меня как раз не беспокоит, – сказала она. – А знаешь ли ты, что этот негодник, отец моих утят, ни разу не явился меня проведать?

Но наконец и большое яйцо начало подпрыгивать и перекатываться. Потом раскололось пополам, и из скорлупы вывалилось крупное нескладное существо. Кожица его была прорезана извилистыми красно-синими прожилками, ноги бледно-лиловые, глаза розовые и прозрачные.

Утка-мать вытянула шею, склонила голову набок и воззрилась на новорожденного.

– До чего же гадкий, – вырвалось у нее. – Может быть, это все-таки индюшонок, – успокаивала она себя.

Но когда гадкий утенок вместе со всем выводком вошел в воду, утка-мать заметила, что плавает он ловко и уверенно.

– Нет, он мое дитя, хотя и выглядит немного странно. Вообще-то, при определенном освещении он выглядит… почти красавцем.

И она повела его знакомиться с другими обитателями птичьего двора, но не успела оглянуться, как другая утка подскочила и клюнула гадкого утенка прямо в шею.

– Стой! – крикнула утка-мать. Но обидчица закрякала:

– Он такой странный и гадкий на вид. Нужно прогнать его отсюда. А царица уток с красной ленточкой на лапке сказала:

– Еще один выводок! Как будто у нас мало ртов. А вот тот, большой и гадкий, – вообще сплошное недоразумение.

– Он не недоразумение, – вступилась за малыша утка-мать. – Он вырастет очень сильным. Просто он слишком долго пробыл в яйце и от этого получился немножко нескладным. Он выправится, вот увидите. – И она поправила гадкому утенку перышки и пригладила вихры.

Зато остальные изводили бедняжку как могли. На него налетали, его клевали, на него шипели и шикали. И чем дальше, тем больше ему доставалось. Он прятался, увертывался, бросался то в одну сторону, то в другую, но спасения не было нигде. Утенок чувствовал себя самым несчастным на свете.

Сначала мать защищала его, но постепенно даже ей все это надоело, и она в сердцах воскликнула:

– Чтоб я тебя больше не видела!

И тогда гадкий утенок убежал. Почти все перья у него были выщипаны, так что вид он имел крайне неприглядный. Он бежал и бежал, пока не добрался до болота. Там он лег у воды, вытянув шею, и время от времени понемножку пил воду.

Из камышей за ним наблюдали два гусака. Они были молоды и самоуверенны.

– Эй ты, уродец, – загоготали они, – хочешь с нами в соседнюю деревню? Там целая стая молодых незамужних гусынь – есть из чего выбрать!

Вдруг прогремели выстрелы – гусаки шлепнулись в болото, и вода окрасилась кровью.

Чтобы спрятаться, гадкий утенок нырнул в заросли; а вокруг гремели выстрелы, клубился дым, лаяли собаки.

Наконец на болоте стало тихо, и тогда утенок бросился куда глаза глядят: то бежал, то летел. К ночи он добрался до маленькой хижины. Дверь держалась на ниточке, а в стенах было больше трещин, чем глины. Там жила оборванная старуха, а с ней – лохматый кот и косоглазая курица. Кот платил за ночлег тем, что ловил мышей, а курица – тем, что несла яйца.

Старуха обрадовалась, что к ней забрел утенок. «Может, тоже будет нести яйца, – подумала она, – а не будет, зарежу и съем».

Так вышло, что утенок остался, но ему не давали покоя кот с курицей, которые все время спрашивали: «Какой от тебя прок, если ты и яиц не несешь, и мышей не ловишь?»

– Больше всего я люблю находиться «под», – вздыхал утенок, – под просторным синим небом или под прохладной синей водой.

Кот не мог взять в толк, что можно делать под водой, и бранил утенка за глупые бредни. Курица не могла взять в толк, как можно мочить перья, и тоже насмехалась над утенком. Скоро бедняжке стало ясно, что поладить с ними не удастся, и он отправился искать счастья в другом месте.

Он набрел на пруд и стал плавать в нем. Холодало. Над головой пролетела стая птиц, одна прекраснее другой. Они что-то кричали ему, и от их криков сердце его билось и разрывалось. Он кричал им в ответ, и из груди у него вырывались новые, неслыханные звуки. Еще никогда ему не приходилось видеть такие красивые создания, и никогда он не чувствовал себя таким одиноким.

Он все следил за ними, пока они не скрылись из вида, а потом нырнул на дно пруда и, дрожа, свернулся там в комочек. Он был сам не свой: в нем проснулась отчаянная любовь к этим большим белым птицам – любовь, которой он не мог понять.

Холодный ветер с каждым днем становился все сильнее, а вслед за морозом пришел и снег. Старики разбивали лед в ведрах с молоком, а старухи пряли дотемна. Матери кормили детей при свечах, а мужчины в полночь искали овец под белым небом. Парни по пояс в снегу ходили доить коров, а девушкам в пламени очага чудились лица красивых юношей. А утенку, оставшемуся зимовать в пруду, приходилось плавать по кругу все быстрей и быстрей, чтобы сохранить полынью во льду.

Однажды утром утенок проснулся и обнаружил, что вмерз в лед, – и тогда он почувствовал, что пришла его смерть. Прилетели две дикие утки и сели на лед.

– Вот урод, – закрякали они. – Как жаль, какая печаль! Ничем не можем помочь, полетели прочь!

К счастью, появился крестьянин и, разбив посохом лед, освободил утенка. Он поднял его, сунул за пазуху и отнес домой. Детишки захотели потрогать утенка, но он от страха взлетел под потолок, так что клочья пыли упали в масло. Оттуда он угодил в подойник с молоком, а выбравшись из него, мокрый и перепуганный до смерти, попал в бочонок с мукой. Хозяйская жена гонялась за ним с метлой, а дети надрывались от хохота.

Утенок выполз через кошачий лаз и, оказавшись на свободе, упал в снег полумертвый. Потом поковылял прочь и тащился, пока не наткнулся на другой пруд. Так и пошло: пруд – дом, новый пруд – новый дом, новый пруд – новый дом… Так он провел всю зиму – между жизнью и смертью.

И вот опять нежно повеяло весной. Старухи принялись перетряхивать перины, а старики сняли теплое белье. По ночам рождались дети, пока их отцы меряли шагами двор под звездным небом. Днем девушки втыкали в волосы нарциссы, а парни засматривались на их ножки. Вода в ближнем пруду становилась все теплее, и утенок, который там плавал, расправил крылья. И какие же это оказались большие и сильные крылья! Они подняли его над землей. Сверху он увидел сады в белых платьях, увидел, как крестьяне пашут, а юная живность вылупляется, ковыляет, жужжит и плавает. На пруд опустились три лебедя – те самые красивые птицы, которых он видел осенью, от чьих голосов у него защемило сердце.

И его неудержимо потянуло к ним.

«А что, если они только сделают вид, что ко мне благосклонны, а когда я к ним приближусь, со смехом улетят?» – думал утенок. Но все же спланировал вниз и приземлился на пруд, стараясь унять колотящееся сердце.

Увидев утенка, лебеди поплыли к нему. «Вот и пришел мой конец, – подумал утенок, – но, если мне суждено умереть, то пусть меня убьют эти прекрасные создания, а не охотники, крестьянские жены или долгие зимы». И он склонил голову, ожидая ударов.

И тут – о диво! – он увидел свое отражение в воде: то был лебедь в белоснежном оперении с темными глазами и всем прочим, что положено лебедю. Сначала гадкий утенок не узнал себя в этом отражении: ведь оно как две капли воды походило на прекрасных незнакомцев, которыми он любовался издали.

А теперь оказалось, что он один из них! Его яйцо случайно закатилось в утиное гнездо. Он – лебедь, благородный лебедь! И вот в первый раз сородичи приблизились к нему и с любовью и нежностью коснулись его кончиками крыльев. Они гладили его клювами и плавали вокруг него в знак привета.

Дети, прибежавшие кормить лебедей хлебными крошками, закричали: «Новый, новый!» И, как все дети на земле, побежали всем рассказывать. К пруду пришли старухи, расплетая длинные седые волосы. Парни зачерпывали пригоршнями воду и плескали на девушек, а те краснели, как маков цвет. Мужчины отложили дойку, чтобы просто подышать воздухом. Женщины отложили штопку, чтобы просто посмеяться с мужьями. А старики рассказывали сказки о том, что война слишком длинна, а жизнь слишком коротка.

А потом все они, друг за другом – парни и девушки, старики и старухи, мужья и жены, дети и лебеди, – кружась в танце, исчезли, потому что все проходит: и жизнь, и любовь, и время… Остались только мы с вами да весна. А внизу, на реке, другая утка-мать принялась насиживать яйца.

Проблема изгнанника стара, как мир. Теме изгоя посвящены многие сказки и мифы. В таких сказках главный герой становится игрушкой неподвластных ему событий, и обычно виной тому бывает чей-то недосмотр. В «Спящей красавице» тринадцатую фею по оплошности забыли пригласить на крестины, а результатом становится наложенное на ребенка заклятие, которое так или иначе, но весьма действенно изгоняет всех его близких, одного за другим. Иногда изгнание – дело рук злых сил. Пример – мачеха, прогоняющая падчерицу в темный лес, как в «Василисе Премудрой».

Бывает, что изгнание происходит в результате невинной ошибки. Греческий бог Гефест в споре с Зевсом принял сторону Геры, своей матери, супруги Зевса. Тот рассвирепел и сбросил Гефеста с горы Олимп, изгнав и искалечив его.

Иногда изгнание становится результатом сделки, смысл которой не был понят, как в сказке про человека, который согласился пробыть несколько лет животным, чтобы получить золото, а потом обнаружил, что продал душу дьяволу в человеческом обличье.

Тема «Гадкого утенка» распространена во всем мире. Во всех сказках об изгнании содержится одно и то же смысловое ядро, которое в каждом случае окружено разными оборками и воланами, отражающими культурный фон сказки, а также поэтику отдельного сказителя.

Главный смысл, который интересует нас, заключен в следующем: сказочный утенок олицетворяет дикую природу, которая, если загнать ее в среду со скудным питанием, инстинктивно стремится выжить во что бы то ни стало. Дикая натура инстинктивно цепляется и упирается – порою робко, порой отчаянно, однако держится мертвой хваткой. И слава Богу. Выносливость – одна из самых сильных сторон Дикой Женщины.

А вот еще один важный урок этой сказки: когда особый вид человеческой душевности – его инстинктивная и духовная суть – встречает душевное признание и принятие, человек как никогда ощущает жизнь и энергию. Обретя свою душевную семью, человек обретает жизненную силу и чувство принадлежности.

Изгнание непохожего на других ребенка

В этой сказке разные обитатели скотного двора разглядывают «гадкого» утенка и по той или иной причине признают его неприемлемым. На самом деле утенок ничуть не гадкий – просто он другой. Он настолько непохож на всех, что выглядит черной фасолиной в миске зеленого гороха. Утка-мать поначалу пытается защитить утенка, которого считает одним из своего выводка. Но в конце концов она испытывает глубокий эмоциональный разлад и отказывается заботиться о чужаке.

Братья, сестры и соседи налетают на него, щиплют, изводят. Они хотят его прогнать. Гадкий утенок по-настоящему убит горем: ведь его отвергли близкие. Это ужасная беда, особенно если учесть, что он ничего не сделал, чтобы заслужить такую кару, – просто он выглядит и ведет себя немного по-другому. Сказать по правде, перед нами утенок, который, еще даже не став подростком, приобрел сильнейший психологический комплекс.

Девочки, в которых сильна инстинктивная природа, в раннем возрасте часто переживают сильные мучения. Их с младенчества берут в плен, приручают, твердят, что у них мозги набекрень и что они не умеют вести себя прилично. Их дикая натура проявляется рано. Они любопытны, сообразительны и обладают различными безобидными странностями, которые, если их развить, составят основу их творческих способностей на всю оставшуюся жизнь. А если иметь в виду, что для души творческая жизнь – это пища и вода, то раннее развитие становится чрезвычайно важным.

Обычно раннее изгнание начинается без какой бы то ни было вины со стороны ребенка и бывает вызвано непониманием, жестокостью, невежеством или сознательной низостью окружающих. Тогда глубинному "Я" души наносится первая рана. Когда это случается, девочка начинает верить, что те отрицательные образы ее самой, которые отражают семья и культура, не только абсолютно верны, но и абсолютно лишены предвзятости, личных мнений и предпочтений. Девочка начинает считать себя слабой, гадкой, никому не нужной и думать, что останется такой навсегда, как бы она ни старалась стать другой.

Девочку подвергают гонениям точно по той же причине, которую мы видим в «Гадком утенке». Во многих культурах рождение девочки сопровождается надеждами: она станет такой-то; будет поступать так-то и так-то; в соответствии с освященными временем правилами будет средоточием таких-то ценностей – если не тождественных семейным, то по крайней мере чтимых семьей – и ни в коем случае не будет перечить старшим. Набор этих надежд бывает очень узким, если один из родителей или оба жаждут иметь «ангельского ребенка», то есть совершенного и удобного.

Некоторые родители ошибочно полагают, что любой ребенок должен быть совершенством и точно соответствовать их взглядам и ожиданиям. Если у девочки дикий нрав, то она, к сожалению, может снова и снова подвергаться родительским попыткам перекроить ее психику. Они стараются переделать девочку, более того, стараются переделать как раз то, чего требует от нее душа. Если ее душа требует зоркости, окружающее общество требует слепоты. Если ее душа желает говорить правду, ее заставляют молчать.

Ни душа, ни психика ребенка не могут этого вынести. Требование «соответствовать», как бы его ни формулировали старшие, может отпугнуть ребенка, загнать в себя или заставить пуститься в долгий путь в поисках покоя и духовной пищи.

Если общество жестко регламентирует все, что определяет успех или желательное совершенство, – взгляды, внешность, умение устраиваться, положение, мужские и женские достоинства, хорошие дети, хорошее поведение, религиозные убеждения, – то, соответственно, необходимость мерить себя этими критериями укореняется в душе каждого члена этого общества. Поэтому трудности, с которыми сталкивается изгнанница, женщина-дикарка, обычно бывают двоякими: внутренними, то есть личными, и внешними, то есть обусловленными обществом.

Давайте рассмотрим внешние трудности, сопутствующие изгнанию, ибо, обретая

достаточную способность – не совершенную, а умеренную и устойчивую, – быть собой и находить то, к чему он принадлежит, человек может умело влиять на внешнюю среду и культурное сознание. Что же такое умеренная сила? Это когда внутренняя мать, которая тобой руководит, не уверена на сто процентов относительно того, что делать дальше. Вполне достаточно семидесятипятипроцентной уверенности. Семьдесят пять процентов – хороший показатель. Не забывайте: мы говорим, что роза расцвела, независимо от того, распустилась она наполовину, на три четверти или полностью.

Разновидности матерей

Действующую в сказке мать мы можем интерпретировать как символ внешней матери, но большинство взрослых женщин унаследовало кое-что и от истинной, внутренней матери. Это тот аспект души, который действует и реагирует соответственно опыту, который женщина получила в детстве, рядом со своей матерью. Но внутренняя мать состоит не только из опыта внешней матери, но и из других материнских фигур в нашей жизни, а также из образов, которые во времена нашего детства были приняты в обществе как воплощения хорошей и плохой матери.

У большинства взрослых, которые когда-то имели трения с матерью, а теперь не имеют, в душе по-прежнему живет мать-двойник, которая действует реагирует так же, как и в пору раннего детства. Даже если в обществе, где живет женщина, появился новый, более здравый подход к роли матери, внутренняя мать хранит те же ценности и представления относительно того, какой должна быть мать, как она должна поступать, что были приняты во времена ее детства [3].

В психологии глубинного вся эта совокупность называется материнским комплексом. Это один из центральных аспектов женской души, поэтому важно понимать его состояние, чтобы укрепить одну сторону, выправить другую, устранись третью, а если необходимо, то и начать сначала.

Утка-мать в этой сказке обладает несколькими качествами, которые мы разберем по очереди. Она одновременно олицетворяет амбивалентную мать, мать-неудачницу и мать-сироту. Рассматривая эти материнские структуры, мы начинаем понимать, способен ли наш собственный внутренний материнский комплекс прочно поддерживать наши уникальные качества или его давно пора привести в порядок.

Амбивалентная мать

В нашей сказке утка-мать отрезана от своих инстинктов, насильно разлучена с ними. Ее упрекают в том, что ее утенок не похож на других. Эмоционально она разрывается на части и потому терпит крах и лишает ребенка-чужака своей опеки. Хотя поначалу она пытается стоять на своем, непохожесть утенка на других начинает угрожать ее безопасности в собственном обществе, и она прячет голову под крыло и капитулирует.

Разве вы не встречали мать, вынужденную принять такое же решение – если не полностью, то хотя бы отчасти? Вместо того чтобы взять сторону ребенка, мать уступает требованиям своей деревни. До сих пор матери продолжают вести себя исходя из укоренившихся страхов, знакомых женщинам, жившим многие века до них: быть изгнанной из общины означает, что по меньшей мере тебя будут игнорировать, или относиться к тебе с подозрением, или, того хуже, начнут преследовать и доведут до гибели. Женщина, живущая в такой среде, часто старается переделать дочь, чтобы она во внешнем мире вела себя «прилично», стараясь этим уберечь ее и себя от нападок.

Таким образом, разрыв переживают и мать, и дитя. В сказке «Гадкий утенок» утка-мать испытывает душевный разлад, она разрывается на части, а это и есть амбивалентность.

Каждая мать, которой доводилось быть мишенью для нападок, ее поймет. Ее тянет в одну сторону желание быть принятой в своей деревне, в другую – самосохранение, в третью – страх, что соседи накажут ее и ребенка, подвергнут преследованиям, убьют. Этот страх – нормальная реакция на ненормальную угрозу психического или физического насилия. В четвертую сторону ее тянет инстинктивная материнская любовь к ребенку и стремление его защитить. '

В репрессивных обществах это не такое уж редкое явление, когда женщина разрывается между стремлением заслужить одобрение правящего класса (своей деревни) и любовью к ребенку, будь этот ребенок символическим, творческим или биологическим. Эта история стара, как мир. Женщины обрекали себя на душевную или духовную смерть, пытаясь спасти несанкционированного обществом ребенка – будь то творчество, любовник, политические взгляды, потомство или жизнь души. В качестве крайней меры таких женщин, нарушивших запрет деревни и укрывших несанкционированного ребенка, вешали, расстреливали, сжигали на костре.

Чтобы выстоять против нетерпимого общества, мать, имеющая ребенка, непохожего на других, должна обладать упорством Сизифа, бесстрашием циклопа и толстой шкурой Калибана [4]. Самые разрушительные общественные условия, в которых может родиться и жить женщина, – те, которые настаивают на послушании и не позволяют спросить совета у души, те, где нет обычая прощать от всего сердца, где женщину заставляют делать выбор между душой и обществом, где сострадание к ближнему ограничено сословными или кастовыми предрассудками, где тело считается или чем-то нечистым, или храмом, управляемым указами свыше, где новое, необычное или непохожее не вызывает восторга, где любопытство и творческое начало получают не награду, а хулу, или вознаграждаются только в том случае, если не исходят от женщины, где муки, которым подвергается тело, называют священными, где женщину несправедливо наказывают, как метко выразилась Элис Миллер, «за то, что она слишком хороша» [5], где за душой не признается права на существование.

Если в душе у женщины присутствует такой образ амбивалентной матери, она может обнаружить, что слишком легко уступает, боится настоять на своем, потребовать уважения к себе, утвердить свое право поступать, учиться, жить по-своему.

Происходит ли это от внутреннего образа или от внешней среды, но для того, чтобы материнская функция смогла преодолеть такие ограничения, женщина должна развить в себе очень жесткие качества – качества, которые во многих культурах считаются мужскими. Как это ни печально, на протяжении многих поколений матерям, которые хотели вызвать уважение к себе и своему потомству, были необходимы именно те качества, в которых им было решительно оказано: страстность, бесстрашие и умение заставить себя бояться.

Чтобы выращивать ребенка, который психологически в большей или меньшей степени не отвечает требованиям общепринятой культуры, мать должна для начала сама развить в себе героические качества. Она, как героини мифов, должна найти и присвоить эти качества, скрывать их, если они не дозволены, выпустить их в нужное время и постоять за себя и за то, во что она верит. Подготовиться к этому почти невозможно – нужно набрать побольше воздуха для храбрости и действовать. С незапамятных времен намеренное геройство – как раз то средство, которое помогает победить амбивалентность.

Сломленная мать

Наконец утка-мать больше не может терпеть выходки ребенка, которого произвела на свет. Но еще более красноречивый факт – то, что она больше не может терпеть муки, которым подвергает ее общество в ответ на попытки защитить своего странного ребенка. И тогда она сдается. «Чтобы я тебя больше не видела!» – кричит она маленькому утенку. И измученный птенец убегает.

Если мать психологически сломлена, это значит, что она перестала чувствовать себя. Это может быть патологически самовлюбленная мать, которая чувствует себя вправе самой быть ребенком. Что еще более вероятно, она отрезана от своей дикой самости и оказывается сломленной действием страха, столкнувшись с какой-то реальной угрозой, психологической или физической.

Сломленные люди обычно впадают в одно из трех эмоциональных состояний: сумятица (они в недоумении), трясина (они чувствуют, что никто не сочувствует их беде по-настоящему) или яма (эмоциональный перепев старой раны – нередко это незаглаженная и незаслуженная несправедливость, причиненная им в детстве).

Чтобы заставить мать сломаться, нужно вынудить ее пережить эмоциональный разлад. С незапамятных времен наилучший способ для этого – заставить ее выбирать между любовью к ребенку и страхом кары со стороны сограждан, которую она навлечет на себя и ребенка, если не подчинится правилам. В фильме по роману Стайрона «Выбор Софи» героиня, Софи, попадает фашистский концентрационный лагерь. Она стоит перед комендантом-нацистом, держа на руках двоих детей. Комендант вынуждает ее выбирать, который из двоих останется жить, а который умрет. Он говорит Софи, что, если она не сделает выбора, погибнут оба.

Хотя быть поставленной перед таким выбором – немыслимое дело, и все же матери испокон веков вынуждены делать такой выбор. Подчиняйся правилам и убей своих детей, а не то… И это продолжается. Если мать вынуждена выбирать между ребенком и обществом, в таком обществе есть что-то безумно жестокое и бессмысленное. Общество, которое требует причинить вред душе, чтобы следовать его предписаниям, – общество тяжело больное. Это «общество» может быть средой, в которой живет женщина, но, что еще ужаснее, оно может быть тем, что она носит и в собственной душе, тем, чьим приказам она подчиняется.

Тому есть множество ярких примеров во всем мире [6], причем самые ужасающие из них можно найти в Америке, где было заведено отрывать женщин от любимых людей и мест. Это долгая и неприглядная история, продолжавшаяся в течение восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого веков, когда семьи, обреченные на рабство, безжалостно разбивали. Уже много веков родина требует матерей посылать сыновей на войну и гордиться этим. Насильственные репатриации продолжаются и по сей день [7].

В разные века в разных странах существовали обычаи, запрещавшие женщине любить и защищать того, кого она любит так, как сама желает.

Одна из тех областей угнетения женской души, которые обсуждаются менее всего, касается миллионов незамужних или никогда не бывших замужем матерей во всем мире, в том числе и в Соединенных Штатах; даже в нашем веке общественные нравы вынуждали их скрывать свое положение и своих детей – а то и убивать их, или отдавать чужим людям, или жить на полулегальном положении, под чужим именем, в бесправии, подвергаясь нападкам [8].

Многие поколения женщин были вынуждены узаконивать свое существование посредством замужества. Они принимали как должное, что человеческое существо недостойно признания, если на это не соглашается мужчина. Без такой мужской опеки мать беззащитна. И мы чувствуем иронию в том, что в сказке «Гадкий утенок» отец упоминается лишь однажды – когда утка-мать, глядя на последнее яйцо, жалуется: «Этот негодник, отец моих утят, ни разу не явился меня проведать!» В нашем обществе отец нередко, к сожалению, – не важно, по какой причине [9], – не мог или не желал быть доступным ни для кого и, что самое печальное, даже для самого себя. Можно смело сказать, что для очень многих девочек-дикарок отец был неудачником, всего лишь тенью, которая каждый вечер вешала себя в шкаф рядом с пиджаком.

Если в женской душе или в окружающем ее обществе прочно держится стереотип сломленной матери, то у такой женщины нет уверенности в своих достоинствах. Она может считать, что выбор между выполнением требований извне и требований собственной души – это дело жизни и смерти. Она может ощущать себя третируемым чужаком, которому нигде

нет места, – для изгнанника это вполне нормальное состояние; что ненормально – так это сидеть, лить слезы по этому поводу и ничего не предпринимать. Нужно подняться на ноги и идти искать то место, к которому ты принадлежишь. Для изгнанника это всегда неизбежный шаг, а для женщины с укоренившимся в душе комплексом сломленной матери – самый главный шаг. Если у женщины сломленная мать, то сама она должна принять решение не стать такой же.

Мать-ребенок, или мать-сирота

Как мы смогли убедиться, утка-мать в сказке – существо очень наивное и простодушное. Самая распространенная разновидность слабых матерей – это мать-сирота. В нашей сказке утка, которая так настойчиво высиживала птенцов, в конце концов отказывается от одного из них. Есть много причин, которые могут заставить человеческую и/или внутреннюю мать поступить таким образом. Она сама может быть матерью-сиротой. Она может принадлежать к разряду слабых матерей, очень незрелых душой или очень простодушных.

Она может быть столь душевно дезориентированной, что думает, будто ее не любит даже собственный ребенок. Возможно, она так измучена семьей и обществом, что не считает себя достойной коснуться даже краешка архетипа «лучезарной матери», который осеняет новое материнство. Понимаете, здесь нет двух вариантов: чтобы опекать свое потомство, мать должна сама познать материнскую заботу. Хотя каждая женщина обладает неразрывной духовной и физической связью со своими детьми, в мире инстинктивной Дикой Женщины она сразу, сама по себе не становится законченной земной матерью.

В старину благословения дикой природы обычно приходили из рук и уст женщин, воспитывавших молодых матерей. Ведь в душе у матери, которая рожает в первый раз, обитает не видавшая виды старуха, а мать-ребенок. Мать-ребенок достаточно взрослая, чтобы иметь детей, и обладает нужными инстинктами, ведущими ее в верном направлении, но ей необходима опека женщины или женщин постарше, главная задача которых – подсказывать, ободрять и поддерживать ее в заботе о ребенке.

Эту роль испокон веков исполняли старшие женщины племени или деревни. Эти человеческие «богини-матери», которых церковь впоследствии утвердила в роли «крестных матерей», образовывали важнейшую систему воспитания от женщины к женщине, которая, в частности, питала молодых матерей, уча их, в свою очередь, питать душу и психику детей. Когда роль богини-матери сделалась скорее умозрительной, под крестной матерью стали понимать женщину, которая следит, чтобы дитя не сбилось с пути, определяемого церковными заповедями. На этом переходе многое оказалось утерянным.

Старшие женщины были сокровищницами знания как норм поведения, основанного на инстинкте, и могли наделить им младших подруг. Женщины передавали друг другу это знание не только словами, но и другими средствами. Ведь емкие советы о том, как быть и какой быть, можно передать и взглядом, и прикосновением руки, и бормотанием, и особым объятием, которое как бы говорит говорящим: «Я с тобой».

Инстинктивная самость всегда дарует благодать и помощь тем, кто за ними обращается. Это относится и к здоровым животным, и к здоровым людям. Так мать-ребенок, переступив порог, оказывается в кругу зрелых матерей, которые приветствуют ее шутками, сказками и подарками.

Некогда такой женский кружок принадлежал к сфере Дикой Женщины, и вход в него был открытым: к нему могла принадлежать любая из нас. Но все, что осталось от него сегодня, – это скудные остатки, так называемое «омовение новорожденного», когда все байки о родах, подарки матери и шутки на постельные темы втискиваются в двухчасовые посиделки, – и больше за всю свою материнскую «карьеру» женщина ничего подобного не услышит.

В наше время в большинстве уголков промышленно-развитых стран матери вынашивают, рожают и стараются выхаживать своих детей в одиночку, без всякой помощи со стороны. Это колоссальная трагедия. Ведь многие женщины – дочери слабых матерей, незрелых матерей и матерей-сирот – и сами внутренне склонны к «самоматеринству».

Если образ матери-ребенка или матери-сироты живет в душе у женщины или возвеличивается обществом и поддерживается на работе и в семье, то такая женщина, скорее всего, будет отмечена наивной мечтательностью, незрелостью и, в особенности, ослабленной инстинктивной способностью представлять, что произойдет через час, через неделю, через год, через десять лет.

Женщина, у которой внутри сидит мать-ребенок, сохраняет ребяческий дух и только притворяется матерью. Таких женщин часто отличает повышенный энтузиазм по отношению ко всему без разбора, та разновидность «гипер-материнства», когда они хватаются за все и стремятся быть всем для всех. Они не способны направлять и поддерживать собственных детей, – вроде тех крестьянских ребятишек в сказке о гадком утенке, которые приходят в неописуемый восторг от появления в доме нового существа, но не знают, как правильно о нем заботиться. Так и у матери-ребенка дети чаще всего неухоженные и издерганные. Сама того не понимая, она изводит их всеми видами ненужного внимания, в то же время нередко лишая самого необходимого элементарного ухода.

Иногда слабая мать сама является лебедем, которого вырастили утки. Она не сумела вовремя найти самое себя и таким образом принести пользу своему ребенку. Потом, когда ее дочь, взрослея, сталкивается с великой тайной дикой природы женственности, мать тоже обнаруживает в себе признаки сочувствия и тягу к лебединому. И тогда поиски, предпринимаемые дочерью, могут даже вдохновить мать на запоздалое странствие с целью найти утраченную самость. В доме, где есть такие мать и дочь, есть и два диких, неприкаянных духа, которые томятся в подвале, простирая руки и надеясь, что их позовут наверх.

Вот что может произойти, если мать отрезана от своей инстинктивной природы. Но не стоит вздыхать слишком тяжело или слишком долго – есть средство все это исправить.

Сильная мать – сильное дитя

Это средство – окружить заботой юную внутреннюю мать. Для этого нужна помощь окружающих вас реальных женщин – тех, кто старше, мудрее и к тому же, по возможности, прошли огонь, воду и медные трубы. Трудности, которые они испытали, закалили их, как сталь. Чего бы им это ни стоило, они добры, их глаза и теперь видят, уши слышат, уста говорят.

Даже если у вас была лучшая в мире мать, ничто не мешает вам иметь несколько матерей. Сама я часто говорю своим дочерям: «Вас родила одна мать, но если повезет – будут и другие. И у них вы найдете большую часть того, что вам необходимо». Ваши отношения с todas las madres, многими матерями, скорее всего, будут продолжительными, потому что потребность в руководстве и совете всегда сохраняется – да так и должно быть, если дело касается глубинной творческой жизни женщины [10].

Взаимоотношения между женщинами – объединяет ли их кровное родство или родство душ, – устанавливаемые между психоаналитиком и пациенткой, учителем и ученицей или духовная близость – все это родственные и чрезвычайно важные отношения.

Хотя некоторые современные авторы-психологи назойливо предлагают отбросить все материнские связи, уверяя, что если этот переворот не осуществить, то на вас навеки останется пятно; хотя многие говорят, что чернить свою мать полезно для собственного душевного здоровья, – с образом и сутью дикой матери никогда не следует расставаться, да это и невозможно. Ведь, поступив так, женщина рассталась бы с собственной глубинной природой, хранилищем всех знаний, всех мешочков с семенами, всех иголок для штопки,

всех лекарств для работы, отдыха, любви и надежды.

Вместо того чтобы порвать с матерью, мы ищем дикую и мудрую мать. С ней мы нераздельны, и никто не может нас с ней разлучить. Наши отношения с этой задушевной матерью существуют для того, чтобы мы могли постоянно превращаться и изменяться, и в этом заключен их парадокс. Эта мать – школа, для которой мы рождаемся, школа, где мы учимся, школа, где мы учим, причем все это происходит одновременно. Есть у нас дети или нет, лелеем ли мы сад, научную ниву, грозовой мир поэзии или что-то иное, мы всегда соприкасаемся с дикой матерью. И так оно и должно быть.

Но что сказать о женщине, которая в детстве получила подлинный опыт разрушительного общения с матерью? Разумеется, этот опыт не вычеркнуть, но его можно облегчить. Его нельзя подсластить, но можно переделать, преобразить в нужном направлении, необратимо и не откладывая. И не преображения внутренней матери многие из нас так боятся; они опасаются, что тогда отомрет нечто важное, нечто такое, чего уже никогда не вернуть к жизни, нечто, не получающее пищи, поскольку психологически их мать сама душевно мертва. Таким я говорю: не тревожьтесь, вы не умерли, не получили смертельной травмы.

Как и у природы, у души и духа есть поразительно богатые ресурсы. Наподобие волков и других животных, душа и дух могут довольствоваться скудной пищей, а иногда очень долго обходиться совсем без пищи. Для меня это всегда было чудом из чудес. Однажды я пересаживала живую сиреневую изгородь. Один большой куст по непонятной причине погиб, но остальные по весне обильно покрылись лиловыми гроздьями. На мертвом кусте кора потрескалась и отстала, словно арахисовая скорлупа, и я стала его выкапывать. И обнаружила, что его корни соединены со всеми живыми кустами сирени, образующими изгородь.

Что еще больше меня поразило, так это то, что погибшая сирень была «матерью». Ее корни были самыми толстыми и старыми. А ее взрослые дети прекрасно себя чувствовали, хотя сама она была мертва. Сирень размножается корневыми отростками, и каждый куст – вегетативный потомок своего родителя. В этой системе потомство может выжить даже если мать погибает. Это психологическая модель и обещание для тех, кто был лишен материнской заботы, имел ее недостаточно или терпел мучения от своей матери. Даже если мать по каким-то причинам не выполняет своих функций, даже если ей нечего предложить своему ребенку, отпрыск будет развиваться и расти самостоятельно и все равно достигнет поры цветения.

Плохая компания

Гадкий утенок проходит одно испытание за другим, стараясь найти себе место отдохновения. Хотя инстинкт, подсказывающий, куда именно нужно идти, может быть недоразвит, инстинкт, предписывающий скитаться, пока не найдешь то, что необходимо, в полном порядке. И все же в синдроме гадкого утенка иногда присутствует некоторая патология. Даже обретя кое-какое знание, человек продолжает стучаться не в те двери. Трудно себе представить, откуда человеку знать, какая дверь – та, если прежде он никогда не видел нужной двери. Тем не менее не те двери – это двери, которые заставляют вас снова и снова чувствовать себя изгоем.

Такую реакцию на изгнание можно назвать поисками любви не там, где следует. Если женщина, чтобы облегчить свою жизнь в изгнании, усваивает хронически неверное поведение, снова и снова совершая поступки, которые не приносят удовлетворения, не насыщают жизненной силой, а приводят к упадку сил, она, по сути, причиняет себе еще больший вред, ведь изначально травмированное состояние не облегчается, и каждой новой выходкой она наносит себе новые раны.

Это все равно что мазать мазью нос, когда рана на руке. Разные женщины выбирают

разные неподходящие средства. Некоторые выбирают явное зло, например плохую компанию, пагубные для тела или души излишества, которые сначала возносят женщину на небеса, но потом сбрасывают вниз, еще ниже начальной отметки.

Чтобы не допустить неверного выбора, есть несколько средств. Если бы женщина могла заглянуть в собственное сердце, она бы прочитала в нем, что необходимо с уважением относиться к своим талантам, дарованиям и ограничениям, принимая и те, другие. Поэтому, чтобы начать путь к исцелению, перестаньте себя обманывать, внушать себе, что небольшая порция бесполезных, хоть и приятных на вкус снадобий поможет вылечить сломанную ногу. Скажите себе правду о своей ране – тогда вы будете знать, какое лекарство для нее необходимо. Не переводите попусту то, что проще всего или ближе всего под рукой. Достаньте нужное средство. Вы узнаете его по тому, что от него ваша жизнь окрепнет, а не ослабеет.

Неправильный внешний вид

Как и гадкий утенок, чужак учится избегать ситуаций, где ты можешь поступать правильно, но твой поступок все равно будет выглядеть неверным. Например, утенок хорошо плавает, но все равно выглядит не так, как надо. И напротив, женщина может внешне выглядеть нормально, но не умеет правильно поступать. Есть много поговорок о людях, которые не способны (а в душе и не желают) спрятать свою истинную суть, – от восточно-техасской: «Можно нарядить, да нельзя на люди выводить» до испанской: «У этой женщины под юбкой черное перо» [11].

В сказке утенок начинает вести себя как простофиля [12] – человек, который не способен сделать ничего путного. Он стряхивает пыль в масло, падает в бочонок с мукой, но сначала ухитряется угодить в подойник с молоком. Всем нам знакомы такие неурядицы, когда все идет наперекосяк. Стараешься исправить положение – выходит еще хуже. Утенку нечего делать в этом доме. Но вы видите, что получается, когда человеку не везет. В поисках не той вещи он попадает не в то место. Как говаривала моя любимая подруга и коллега, ныне покойная, «в доме у барана молока не найдешь» [13].

Хотя полезно устанавливать связи даже с теми группами, к которым не принадлежишь, и важно стараться проявлять доброту, непременное условие – не стараться слишком усердно, не слишком полагаться на то, что если будешь вести себя правильно, если сумеешь держать в узде все порывы и позывы дикого существа, то вполне можно сойти за милую, сдержанную, мягкую и серьезную даму. Именно такое поведение, именно такое желание эго быть принятым любой ценой нарушает душевную связь с Дикой Женщиной. И тогда вместо полнокровной женщины вы получаете милую женщину с вырванными когтями. Вы получаете хорошо воспитанную, благонравную женщину – нервную женщину, которая изо всех сил старается быть хорошей. Нет, куда лучше, милосерднее и душевнее быть той и такой, какова ты есть, и предоставить другим тоже быть самими собой.

Замороженные чувства, замороженные творческие способности

Женщины-изгнанницы поступают иначе. Они леденеют, как утенок, вмерзший в лед на пруду. Заледенеть – худшее, что можно сделать. Для творческого начала, отношений, для жизни как таковой холод – это поцелуй смерти. Некоторые женщины поступают так, будто стать холодной – большое достижение. Ничего подобного. Это акт оборонительного гнева.

В архетипической психологии быть холодным – значит быть бесчувственным. Есть сказки о заледеневшем ребенке, который утратил способность чувствовать, о вмерзших в лед трупах: ничто не может двигаться, развиваться, рождаться на свет, пока они находятся в таком состоянии. Для человека заледенеть – значит намеренно стать бесчувственным,

особенно к самому себе, но иногда – еще более бесчувственным к другим. Хотя это механизм самозащиты, он вреден для души-психеи, поскольку душа больше реагирует на тепло, чем на холод. Леденящее отношение гасит в женщине творческий огонь, снижает творческую функцию.

Это серьезная проблема, но в истории о гадком утенке содержится подсказка: нужно разбить лед и извлечь душу из ледяного плена.

Например, когда писатель ощущает, что вдохновение полностью иссякло, он знает, что единственный способ вызвать его приток – писать. Но если его окружает лед, он ничего не напишет. Есть художники, которые жить не могут без живописи, и все же твердят себе: «Искусство не для тебя. Твои работы – просто дурацкая мазня». В искусстве много таких людей – одни еще не завоевали прочного положения, другие уже поднаторели на творческом пути. Но и те и другие, стоит им взяться за перо, кисть, микрофон, сценарий, каждый раз слышат: «От тебя одни неприятности. Твоя работа бездарна и совершенно никуда не годится, потому что ты сам бездарен и никуда не годишься».

Так где же выход? Поступайте как утенок. Идите вперед, справьтесь с этим. Возьмитесь за перо, начните писать, и полно хныкать. Пишите! Возьмитесь за кисть и ради разнообразия рассердитесь на себя. Рисуйте! Танцоры, наденьте воздушные одежды, повяжите ленты на голову, на талию или на лодыжки и велите телу снять их оттуда. Танцуйте! Актрисы, сценаристы, поэты, музыканты и иже с ними! Просто перестаньте болтать. Не говорите ни единого слова – если только вы не певцы. Уединитесь в закрытом помещении или на поляне под синим небом. Творите свое искусство. Почти невозможно замерзнуть, если двигаешься. Так шевелитесь! Продолжайте двигаться.

Случайный прохожий

Хотя в сказке крестьянин, который принес утенка домой, выглядит просто литературным приемом, позволяющим продолжить историю, а не архетипическим лейтмотивом изгнания, здесь есть одна мысль, которая представляется мне ценной. Человек, который может вызволить нас изо льда, который может спасти нас от недостатка чувства, – не обязательно тот, кто нам близок. Его появление может быть, как в этой сказке, очередным из волшебных, но мимолетных событий, которые случаются каждый раз, когда мы их меньше всего ожидаем, – помощью со стороны случайного прохожего.

Это еще один пример пищи, которую получает душа, когда она на пределе и больше не способна терпеть. Тут из ниоткуда возникает помощь, а потом снова исчезает в ночи, оставляя вас в полном изумлении. Кто это был – человек или дух? Это мог быть внезапный ветер удачи, который принес к вашей двери что-то очень нужное, возможно, что-то совсем простое, вроде передышки, минуты расслабления, крошечного пространства покоя и отдыха.

Сейчас мы говорим не о сказке, а о реальной жизни. Что бы это ни было, это время, когда дух так или иначе питает нас, выручает нас, показывает нам потайной ход, приют, путь к спасению. Это происходит, когда мы в тупике, когда на душе у нас грозовой мрак или мрачный покой, и это выталкивает нас на следующую ступень, на следующий этап постижения всей тяжести изгнания и овладения его силой.

Изгнание как дар

Если вы пытались приспособиться ко всяческим шаблонам и потерпели неудачу, то вам, скорее всего, повезло. Возможно, вы и попали в изгнание, но зато обрели кров для своей души. Это странное явление наблюдается как раз тогда, когда человек пытается приспособиться и терпит неудачу. Несмотря на то что чужака гонят, он в то же время попадает прямо в объятия своих истинных душевных сородичей, будь то учебный семинар,

разновидность творчества или просто группа людей. Хуже остаться с теми, к чьему обществу не принадлежишь, чем некоторое время скитаться наугад в поисках необходимого душевного и духовного родства. Это никакая не ошибка – искать то, что тебе необходимо. Отнюдь нет.

Во всех этих поисках и метаниях есть кое-что полезное. Благодаря изгнанию что-то в утенке закалилось, стало прочным. И хотя подобной ситуации и никому не пожелаешь, своими последствиями она напоминает ту, когда под давлением природный углерод превращается в алмаз: в итоге душа обретает глубокое величие и ясность.

В алхимии есть такой процесс: исходное вещество – свинец – отбивают и плющат. Хотя изгнание – не то, чего можно пожелать для удовольствия, оно приносит нежданное благо, и таких даров немало. Оно выбивает из нас слабость, избавляет от нытья, наделяет острой проницательностью, усиливает интуицию, сообщает наблюдательность и дар предвидения, которых никогда не получит тот, кто не побывал в шкуре чужака.

Хотя в изгнании есть неприятные стороны, дикая душа с ними справится. Изгнание заставляет нас еще сильнее стремиться к освобождению своей истинной природы и мечтать об обществе, которое было бы ей под стать. И само это стремление, эта мечта, толкают человека вперед. Они заставляют женщину продолжать поиски, а если ей не удается найти общество, которое бы ее воодушевляло, она обычно решает, что создаст его сама. И это хорошо, ибо, когда она его построит, однажды как по волшебству появятся и другие и с жаром заявят, что давно его ищут.

Лохматые коты и косоглазые курицы в нашей жизни

Лохматый кот и косоглазая курица находят устремления утенка глупыми и нелепыми. Такая раздражительность тех, кто поносит других, потому что те на них непохожи, объясняется очень просто: у них разные ценности. Разве можно ожидать от кота, чтобы он любил воду? Разве можно ожидать от курицы умения плавать? Разумеется, нет. Но очень часто изгнанник воспринимает это так: если люди не похожи друг на друга, значит, изгнанник – всегда худший; и нет даже попытки оценить ограничения и/или побуждения других.

Чтобы не оказывать предпочтения одному типу по сравнению с другим и не распространяться на эту тему больше, чем необходимо для нашего исследования, скажем просто, что здесь утенок получает такой же опыт, как и тысячи женщин-изгнанниц: он убеждается в коренной несовместимости внутренне непохожих людей, которую нельзя считать чьим-либо недостатком, хотя большинство женщин слишком уступчивы и воспринимают это как свой личный изъян.

Когда это происходит, мы видим женщин, готовых извиняться даже за то, что они ступают по земле. Мы видим женщин, которые боятся просто сказать «Нет, спасибо» и уйти. Мы видим женщин, которые снова и снова выслушивают тех, кто внушает им, что у них мозги набекрень, не понимая, что коты не плавают, а курицы не ныряют.

Должна признаться, что в своей практике я иногда считаю полезным подчеркнуть некоторые различия в типах людей, подразделяя их, скажем, на котов и куриц, уток и лебедей и т.д. Если нужно, я могу попросить свою клиентку на минуту предположить, что она лебедь, который об этом не знает. И еще на минуту предположить, что ее вырастили и до сих пор окружают утки.

Я убеждаю их, что в утках нет ничего плохого, равно как и в лебедях. Просто утки – это утки, а лебеди – лебеди. Иногда, чтобы облегчить понимание, мне приходится использовать в качестве метафоры других животных. Что, если бы вас вырастили люди-мыши? А вы сами при этом, скажем, лебедь. Лебеди и мыши, как правило, кормятся совершенно по-разному. Им не по нраву запах чужого. У них нет желания жить бок о бок, а если бы это случилось, они бы постоянно мешали друг другу.

А что, если бы вам, лебедю, пришлось притворяться мышью? Пришлось бы притворяться маленькой, серой, пушистой? Что, если бы у вас не было длинного тонкого хвоста, чтобы по праздникам задирать его вверх, как флаг? Что, если, стараясь ходить мышиной трусцой, вы сбивались бы на шаг вперевалку? Что, если, стараясь пищать по-мышиному, вы испускали бы лебединый шип? Разве вы не чувствовали бы себя самым несчастным существом на свете?

Ответ однозначен: да. Почему же, если все это так, женщины пытаются втиснуть себя в образы, которые не имеют с ними ничего общего? Основываясь на многолетнем опыте клинических исследований этой проблемы, я должна сказать, что в большинстве случаев причиной служит не какой-нибудь, скажем, глубоко укоренившийся мазохизм, или пагубная склонность к саморазрушению, или что-нибудь еще из этой серии. Чаще всего дело в том, что женщина не умеет вести себя по-другому. Она выросла сиротой.

Есть пословица: tu puedes saber muchas cosas – ты можешь знать все на свете, но это не делает тебя sentido, здравомыслящим. Утенок знает много вещей, он нахватался всякой всячины; но он не обладает здравым смыслом. Он сирота, то есть не усвоил самой необходимой науки. Помните, именно мать учит своего ребенка, развивая его скрытые дарования. У животных мать, уча детенышей охотиться, не объясняет им «как охотиться», потому что у них это в крови. Она учит их, за чем следить, на что обращать внимание – этого они не знают, пока мать им не покажет и тем самым не пробудит новое знание и первозданную мудрость.

Так и женщина-изгнанница: если она гадкий утенок, если она сирота, ее инстинкты не обострены. Ей приходится учиться методом проб и ошибок. И, как правило, пробы бывают столь же бесчисленны, как и ошибки. Но есть надежда, потому что изгнанница никогда не сдается. Она идет вперед, пока не найдет проводника, не учует запах, пока не найдет след, пока не найдет дом.

Волк выглядит на редкость забавно, когда потеряет след и старается найти его снова: он подпрыгивает вверх, он бегает кругами, он пашет землю носом, он царапает ее когтями, он носится взад-вперед, он стоит как вкопанный. Можно подумать, что он помешался. На самом же деле он собирает все ключи, которые удается найти. Он выкусывает их из воздуха, он наполняет легкие запахами на уровне земли и на уровне плеч, он пробует воздух, чтобы узнать, кто недавно проходил, его уши поворачиваются, как локаторы, улавливая вести издалека. Собрав все ключи вместе, он знает, что делать дальше.

Хотя женщина, утратившая связь с жизнью, которую ценила больше всего на свете, может выглядеть растерянной и метаться, пытаясь ее восстановить, чаще всего она собирает информацию: попробует на вкус одно, зачерпнет горсточку другого. В крайнем случае, ей можно вкратце объяснить, что именно она делает. А потом предоставьте ее себе. Обработав всю информацию, содержащуюся в собранных ключах, она снова пойдет в нужном направлении. И тогда от желания делить общество лохматого кота и косоглазой курицы не останется и следа.

Память и неистребимое упорство

Все мы ощущаем тоску по себе подобным, по своим диким сородичам. Вы помните, утенок сбежал потому, что его нещадно изводили. Потом произошла встреча с дикими гусями, в результате которой он едва спасся от охотников. Он унес ноги из хижины старухи и из дома крестьянина, и наконец, в полном изнеможении, чуть не погиб от холода на краю озера. Среди нас не окажется ни одной женщины, которой не было бы знакомо это чувство. И все же именно эта тоска побуждает нас держаться, идти к цели, не терять надежды.

Это обещание дикой души, обращенное ко всем нам. Пусть мы только слышали о чудесном диком мире, к которому некогда принадлежали, пусть видели его только мельком или во сне, пусть мы еще не соприкасались с ним или соприкоснулись на краткий миг, пусть

мы не осознаем, что принадлежим к нему, – все равно память о нем, как луч маяка, ведет нас туда, где наш дом, чтобы остаться там навсегда. Когда гадкий утенок увидел в небе лебедей, в нем шевельнулась тоска по утраченному, и память об этом единственно значимом событии поддерживает его в пути.

Как-то мне довелось работать с женщиной, которая дошла до последней черты и подумывала о самоубийстве. Как-то ей на глаза попался паучок, который плел паутину на ее крыльце. Что именно в действиях этого крошечного насекомого растопило лед вокруг ее души, так что она снова смогла стать свободной и развиваться, мы никогда не узнаем. Но я уверена – и как психоаналитик, и как cantadora, – в большинстве случаев самыми целительными бывают природные средства, особенно очень доступные и очень простые. Эти природные снадобья сильны и непосредственны, ими может стать божья коровка на зеленой арбузной корке, малиновка с клочком пряжи в клюве, луговые травы в полном цвету, падающая звезда и даже радуга в осколке стекла под ногами. Упорство – странная вещь: оно выделяет огромную энергию, а чтобы зарядить его на целый месяц, достаточно пятиминутного созерцания спокойной воды.

Интересно отметить, что волчица, как бы она ни был больна, загнана, одинока, испугана или слаба, будет упорно стремиться вперед. Она будет запутывать следы даже со сломанной ногой. Она прибьется к другим, ища защиты стаи. Она терпеливо переждет, перехитрит, перегонит и переупрямит все, что пытается ей навредить. Она вся превратится в дыхание. Если необходимо, она, как утенок, будет тащиться с одного места на другое, пока не найдет хорошее место, целительное место, место, где возможно процветание.

Отличительный признак живой природы – ее способность продолжаться. Она сама себя сохраняет. Для этого не нужно ничего делать – это качество присуще нам естественно и неотъемлемо. Если сейчас процветание невозможно, мы живем, пока оно не вернется. Идет ли речь о творческой жизни, от которой мы оказались отрезаны, об обществе или религии, подвергших нас изгнанию, о группе людей, которая нас преследует, о запрете на движения, мысли и чувства – сокровенная дикая жизнь души продолжается, и мы идем дальше. Дикая природа не принадлежит какой-то одной этнической группе. Это исконная природа женщин из Бенина, Камеруна и Новой Гвинеи. Она присутствует у женщин из Латвии, Нидерландов и Сьерра-Леоне. Это стержень гватемальских женщин, гаитянских женщин, полинезийских женщин. Назовите любую страну. Назовите любую расу. Назовите любую религию. Назовите город, деревню, далекую границу. Это то, что объединяет всех женщин, – Первозданная Женщина, дикая душа. Все они чувствуют в себе зов дикого и следуют ему.

Поэтому, если возникнет такая необходимость, женщина нарисует голубое небо на стенах тюремной камеры. Если пряжа сгорит, она спрядет новую. Если урожай погибнет, она тут же засеет поле снова. Женщина нарисует двери там, где их нет, откроет их и вступит на новый путь и в новую жизнь. Дикая природа упорствует и одерживает победу – и женщина упорствует и одерживает победу.

Утенок оказывается на краю гибели. Он одинок, он продрог и промерз, его изводили, мучили, пытались застрелить, и вот он в конце пути, награни жизни и смерти, измученный, изголодавшийся, не ведающий, что будет дальше. И здесь начинается самая важная часть сказки: наступает весна, расцветает новая жизнь, возможен новый поворот, новая попытка. Самое важное – держаться, отстаивать свое право на творческую жизнь, на одиночество, на время быть и делать, на свою жизнь как таковую; держаться, ибо дикая природа обещает: после зимы всегда приходит весна.

Любовь к душе

Держитесь. Выше голову. Делайте свое дело. Вы найдете свой путь. В конце сказки лебеди признают в утенке себе подобного – раньше, чем он сам это понимает. Это довольно характерно для женщины-изгнанницы. После мучительных скитаний, когда ей удается

пробраться через границу на родную территорию, она обычно не сразу осознает, что люди уже не смотрят на нее с осуждением, а если и не выражают восхищения или одобрения, то чаще всего настроены дружелюбно.

Человек может думать, что теперь, обретя родную почву для души, он будет блаженно счастлив. Но не тут-то было. По крайней мере первое время он ужасно недоверчив. Действительно ли эти люди ко мне хорошо относятся? Действительно ли я здесь в безопасности? Не прогонят ли меня прочь? Могу ли я теперь спать не вполглаза? Можно ли мне теперь вести себя как подобает… лебедю? Через некоторое время эти подозрения улягутся и начнется новая стадия возвращения к себе: принятие своей уникальной красоты – дикой души, из которой мы состоим.

Не были ли вы какое-то время или всю жизнь в положении гадкого утенка? Нет лучшего и более надежного способа узнать это, чем проверить ваше умение принять искренний комплимент. Конечно, это можно отнести на счет скромности или приписать робости – хотя слишком много серьезных ран небрежно списывают со счета под предлогом того, что это «просто робость» [14], – но гораздо чаще мы слышим невнятные оправдания в ответ на комплимент, потому что он автоматически вызывает в сознании женщины неприятный диалог.

Стоит похвалить ее внешность, ее искусство или что-то еще, в чем проявляется ее душа, как что-то у нее в сознании говорит, что она этого не заслуживает, а вы, автор комплимента, прежде всего болван, если действительно так думаете. Не понимая, что красота души просвечивает изнутри, когда она бывает сама собой, такая женщина переводит разговор на другую тему и тем самым успешно лишает пищи душу-самость, которая расцветает, когда чувствует признание, когда ее замечают.

Это и есть последняя задача изгнанницы, которая находит самое себя: принять не только собственную индивидуальность, принадлежность к определенному типу людей, но и свою красоту – образ своей души и тот факт, что близость к этому дикому существу преображает нас и всех, кто с ним соприкасается.

Когда мы признаём свою дикую красоту, она отступает на задний план и мы больше не уделяем ей пристального внимания, но и не расстаемся с ней и не отрекаемся от нее. Разве знает волчица, как она красива в прыжке? Разве знает кошка, какие изящные позы она принимает? Разве птица приходит в восторг от звука, который она слышит, распуская крылья? Учась у них, мы просто поступаем так, как подсказывает нам наша истинная природа, и не пугаемся своей естественной красоты, не скрываем ее. Как и все живое, мы просто существуем. И это правильно.

Для женщины эти поиски и находки основаны на загадочной женской тяге к дикому, к тому, что неотделимо от нее самой. Мы называем объект этой тяги Первозданной Женщиной; но, даже не зная ее имени, не зная, где она обитает, женщины стремятся к ней: они любят ее всем сердцем. Они тоскуют по ней. И эта тоска служит и побуждением, и движущей силой. Именно эта тяга заставляет нас искать Дикую Женщину и найти ее. Это не так трудно, как можно поначалу вообразить, ибо Она тоже ищет нас. Мы ее дети.

ЗАБЛУДШАЯ ЗИГОТА

За свою многолетнюю практику я убедилась, что к вопросу о принадлежности иногда следует подходить более легко, потому что легкостью можно частично вытряхнуть из женщины боль. И я начала рассказывать своим клиенткам сказку, которую сама придумала и назвала «Заблудившаяся зигота», – главным образом затем, чтобы помочь им взглянуть на свою судьбу изгнанницы, используя более выразительную метафору. Вот эта история.

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, как вам удалось угодить в такую семью, как ваша? Если вы прожили жизнь чужака, слегка странного или непохожего на других человека, если вы одиночка, человек, живущий на краю общего течения, вам, наверное,

довелось страдать. Но вот приходит время уплыть от всего этого, взглянуть на мир с другой высоты, вернуться в край себе подобных.

И пусть там не будет страданий, не будет попыток выяснить, в чем же ваша ошибка. Хватит гадать, почему вы родились именно у этих людей, пора положить этому конец – finis, terminado. Отдохните минутку на носу лодки, вдыхая ветер, прилетевший из родного края.

Женщины, которые годами живут мифической жизнью Первозданной Женщины, беззвучно кричат: «Почему я не такая, как все? Почему я родилась в такой странной [или нечуткой] семье?» Каждый раз, когда их жизнь была готова расцвести пышным цветом, кто-то посыпал землю солью, чтобы на ней ничего не выросло. Их мучили разнообразными запретами, ограничивавшими их естественные желания. Если они были детьми природы, их держали в четырех стенах. Если у них была склонность к наукам, им велели быть матерями. Если они хотели быть матерями, им велели знать свой шесток. Если они хотели что-нибудь изобрести, им велели быть практичными. Если они хотели творить, им говорили, что у женщины полно домашней работы.

Порой, стараясь соответствовать наиболее распространенным стандартам, они только потом понимали, чего действительно хотят и как нужно жить. Тогда, чтобы жить своей жизнью, они решались на мучительную ампутацию: оставляли семью, брак, который поклялись сохранить до самой смерти, работу, которая должна была стать трамплином для другой, еще более отупляющей, но зато и более высокооплачиваемой. Они оставляли свои мечты, рассыпав их по дороге.

Так что ответ на вопросы: «Почему я?», «Почему в этой семье?», «Почему я так непохожа на других?» – заключается, конечно же, в том, что ответов на эти вопросы нет. И все же эго нужно дать какую-то пищу, прежде чем оно от вас отстанет. Поэтому я предлагаю три ответа на выбор (женщина может выбрать тот, который пожелает, но должна выбрать хотя бы один; большинство выбирает последний, но годится любой). Итак, приготовьтесь. Вот эти ответы.

Мы рождаемся такими, как есть, и в тех странных семьях, где появились на свет,

просто потому, что «потому» кончается на "у" (вот представьте себе),

потому что у Самости есть свой план, а наши скудные мозги слишком слабы, чтобы его понять (многие находят эту мысль обнадеживающей),

в силу синдрома заблудившейся зиготы (что же… вполне возможно… а что это такое?).

Семья считает вас чужой. У вас перья – у них чешуя. Вас привлекает лес, глухие места, внутренняя жизнь, внешнее великолепие. Их привлекает чистота и порядок. Если у вас в семье все обстоит именно так, значит, вы жертва Синдрома Случайной Зиготы.

Ваша семья медленно дрейфует сквозь годы – вы мчитесь, как ветер. Они шумные, а вы тихая, или они молчуны, а вы певунья. Вы знаете просто потому, что знаете. Им нужны доказательства и диссертация объемом в триста страниц. Будьте уверены, это синдром случайной зиготы.

Вы о нем никогда не слышали? Так знайте: однажды ночью над вашим городом пролетала фея Зигота и все маленькие зиготы в ее корзинке вертелись и подпрыгивали от нетерпения.

На самом деле вы предназначались родителям, которые бы вас понимали, но фею Зиготу подхватил вихрь, и – увы и ах! – вы выпали из корзинки не над тем домом. Вы летели вниз кувырком и попали в семью, которая предназначалась вовсе не для вас. Ваша истинная семья жила тремя милями дальше.

Вот почему вы так полюбили семью, которая была не вашей и жила тремя милями дальше. Вам всегда хотелось, чтобы вашими родителями были миссис и мистер Такие-то. Вполне возможно, что ими должны были стать именно они.

Вот почему вы отбиваете чечетку, проходя по коридору, хотя и происходите из семьи книжных червей. Вот почему ваши родители вздрагивают каждый раз, когда вы приходите домой или звоните по телефону. «Что она еще выкинет? – беспокоятся они. – Прошлый раз

она нас просто довела. Один Бог знает, что ей взбредет в голову теперь!» Видя вас, они прикрывают глаза, и это совсем не потому, что их ослепляет ваше сияние.

Все, что нужно вам, – любовь. Все, что нужно им, – покой.

Члены вашей семьи по собственным причинам (из-за своих предпочтений, невинности, травм, склада характера, душевной болезни или культивируемого невежества) не особо сильны в спонтанной связи с бессознательным, и, разумеется, ваше появление в доме вызывает у них к жизни архетип трикстера – того, кто создает переполох. Поэтому вы еще не успели преломить с ними хлеб, как трикстер уже несется в бешеной пляске, умирая от желания бросить пару волос в семейное жаркое.

Даже если у вас и в мыслях нет огорчать свою семью, они все равно будут огорчаться. Когда вы появляетесь, кажется, что всеми людьми и предметами овладевает полное безумие.

Если родители постоянно недовольны, а дети чувствуют, что старшим никогда не угодишь, это верный знак того, что в семье завелись дикие зиготы.

Домашняя семья хочет только одного, но заблудившаяся зигота никак не может угадать, чего именно, а если бы смогла, у нее волосы бы встали дыбом, как восклицательные знаки.

Приготовьтесь, я открою вам эту великую тайну. Вот чего они в действительности хотят от вас, вот эта загадочная и неуловимая вещь.

Домашние (недикие) хотят от вас постоянства.

Они хотят, чтобы сегодня вы были точно такой же, как вчера. Они хотят, чтобы с течением дней вы не менялись, а оставались такой же, как в самом начале.

Спросите у родителей, хотят ли они постоянства, и они ответят утвердительно. Неужели во всем? Нет, скажут они, только в том, что важно. Но, какими бы важными ни были эти вещи по их шкале ценностей, для дикой женской природы они чаще всего являются анафемой. К несчастью, то, что «важно» для них, несовместимо с тем, что «важно» для дикого ребенка.

Для Дикой Женщины постоянство в поведении – невыносимый приговор, потому что ее сила в умении приспосабливаться к переменам, в изобретательности, в танце, в рыке, в крике, в глубокой инстинктивной жизни, в творческом огне. Ее постоянство проявляется не в однообразии, а в творческой жизни, в постоянной чуткости, зоркости, гибкости и ловкости.

Если бы нужно было назвать одним словом то, что делает Дикую Женщину тем, что она есть, то это слово – «реакция». Его английский аналог, слово response, происходит от латинского корня, который означает «обещать, давать обет», – и это сильная сторона Дикой Женщины. Ее чуткая и ловкая реакция – постоянное обещание и обет творческим силам, будь то Дуэнде, дух-гоблин, таящийся за страстью, или Красота, Искусство, Танец, Жизнь. Она обещает – если только мы не помешаем этому обещанию осуществиться, – что позволит нам жить, позволит жить полной жизнью, чутко и постоянно.

Так получается, что заблудившаяся зигота дает присягу верности не своей семье, а своему внутреннему "Я". Вот почему она чувствует, что разрывается на части. Можно сказать, что мать-волчица тянет ее за хвост, а земная семья – за руки. Проходит немного времени, и она начнет кричать от боли, скалиться и кусать себя и других, пока, наконец, не затихнет, как мертвая. Загляните ей в глаза, и вы увидите ojos del rielo – небесные глаза, глаза человека, который уже не здесь.

Хотя социализация важна для ребенка, убить внутреннюю criatura – значит убить ребенка. В Западной Африке считается, что жестоким обращением можно заставить детскую душу уйти из тела – иногда всего на несколько метров, а иногда и на расстояние многодневного пути.

Хотя потребности детской души должны быть уравновешены потребностью в безопасности, заботе и уходе, а также тщательно отобранными представлениями о «приличном поведении», я всегда беспокоюсь за тех, кто чересчур хорошо воспитан: слишком часто я замечаю у них взгляд «слабой души». Обычно здоровая душа просвечивает сквозь персону, а иногда ослепительно сверкает. Если же травма сильна, душа убегает.

Иногда она уплывает или улетает так далеко, что ее приходится долго приманивать, чтобы вернуть обратно. Может пройти немало времени, прежде чем такая душа ответит доверием и вернется, но это задача выполнимая. Для возвращения необходимы несколько условий: обнаженная честность, стойкость, нежность, доброта, разрядка гнева и юмор. Все это вместе взятое образует песню, которая призывает душу домой.

Что нужно душе? Ее потребности сосредоточены в двух мирах: природы и творчества. В этих мирах живет Na'ashje'ii Asdzaa, Паучиха, великий дух творения племени дине. Она дарует своему народу защиту. Кроме всего прочего, она еще и учит любить красоту.

Потребности души собраны в лачуге трех старых (или молодых, в зависимости от того, какой день на дворе) сестер, Клото, Лахесис и Атропос, которые прядут красную нить, то есть страсть женской жизни. Они прядут фазы женской жизни, делая узлы там, где кончается одна и начинается другая. Сестры-мойры обитают в лесах богинь-охотниц Дианы и Артемиды – обе они волчицы, олицетворяющие умение преследовать, выслеживать и добывать разные аспекты души.

Потребностями души ведает Коатликуэ, ацтекская богиня женской самодостаточности, которая рожает присев на корточки, а то и стоя. Она учит женщину жить в одиночестве. Она создательница младенцев, то есть новых возможностей для жизни, но она же и мать-смерть: она носит на юбке черепа, которые при каждом шаге гремят, как гремучие змеи, потому что это черепа-погремушки. Но их перестук похож еще и на шум дождя, и они силой своего сочувствия призывают на землю дождь. Коатликуэ – защитница всех одиноких женщин и тех, кто настолько magia, настолько полон могучими мыслями и идеями, что должен жить невесть в какой дали, чтобы не слишком слепить глаза жителям деревни. Она – особая защитница женщин-изгнанниц.

Что является главной пищей для души? Это во многом зависит от человека, но можно назвать некоторые сочетания – считайте их душевной макробиотикой. Для одних женщин необходимы воздух, ночь, солнечный свет и деревья. Других могут насытить только слова, бумага и книги. Для третьих самое важное – цвет, форма, тень и глина. Одни женщины должны прыгать, покачиваться, бегать, потому что их душа жаждет танца. Другие жаждут покоя, как плакучие ивы.

Но есть еще один момент, заслуживающий внимания. Заблудившиеся зиготы учатся искусству выживать. Тяжело годами жить рядом с людьми, которые не могут помочь твоему расцвету. Освоить эту науку – большое достижение: ведь для многих оно остается всего лишь словом. И все же в процессе индивидуации настает этап, когда угроза получить травму в основном миновала. Теперь время переходить на следующую ступень после выживания – к исцелению и процветанию.

Если остановиться на стадии выживания, не переходя к процветанию, мы тем самым обедним себя, ограничим свою энергию только собой, а свою силу в этом мире урежем больше чем наполовину. Человек может так гордиться своим умением выживать, что оно станет помехой дальнейшему творческому развитию. Иногда люди боятся расстаться со званием выжившего и идти дальше: ведь, как-никак, это звание, знак отличия, достижение, которым можно гордиться.

Вместо того чтобы ставить умение выживать во главу угла, лучше относиться к нему не как к единственному своему достоинству, а как к одному из многих. Человек заслуживает обилия воспоминаний, медалей и наград за то, что он жил – жил по-настоящему и одержал победу. Но, когда угроза миновала, есть опасность и дальше называть себя именами, полученными в эту самую страшную пору жизни. Это создает некий настрой ума, который может нас ограничить. Не стоит основывать свою душевную самобытность исключительно на подвигах, утратах и победах, сопутствовавших трудным временам. Да, умение выживать может сделать женщину крепкой, как солонина; но на каком-то этапе, полагаясь исключительно на это свойство, она сама начинает тормозить свое дальнейшее развитие.

Если женщина постоянно твердит: «Я выжила», – хотя время для этого прошло, – ясно, над чем ей предстоит работать дальше. Нужно перестать опираться на архетип выжившей,

как на костыль, иначе ничто новое не сможет появиться на свет. Я привожу пример цепкого маленького растения, которое ухитряется, несмотря на отсутствие солнечного света, влаги и питательных веществ, храбро выпустить маленький упрямый листок. Всему наперекор.

Но если вы достигли начала процветания, это значит, что теперь, когда тяжелые времена позади, нужно воспользоваться изобилием питания и света и расцвести: покрыться густой листвой и тяжелыми гроздьями цветов. Лучше называть себя именами, которые побуждают к тому, чтобы вырасти свободным существом. Это и есть процветание. Мы созданы для него.

Для человека ритуал, будь то пурим, [32] или рождественский пост, или спуск луны с небес, – это способ открыть в своей жизни перспективу. Ритуал созывает тени и призраки, накопившиеся в жизни людей, сортирует их и умиротворяет. Празднованию El Dia de los Muertos, Дня мертвых, сопутствует особый образ, который женщины могут использовать, чтобы облегчить себе переход от выживания к процветанию. Он основан на ритуале ofrendas – жертв, посвященных тем, кто ушел из этой жизни. Офрендас – это дань, память и выражение глубочайшего уважения тем, кого мы любили и кого уже нет с нами. Я убедилась, что многим женщинам полезно сделать ofrendas ребенку, которым они некогда были, – нечто вроде признания в любви этому героическому ребенку.

Некоторые женщины предпочитают запечатлеть в душе предметы, письма, одежду, игрушки и другие символы детства. Это тоже своеобразный ритуал ofrendas: их раскладывают определенным образом, рассказывают историю, связанную или не связанную с этими предметами, а потом убирают с глаз долой до следующего раза. Это – дань памяти о былых невзгодах, былой доблести и торжестве над испытаниями [15].

Такое воспоминание о былом помогает достичь сразу нескольких целей: придает жизни перспективу и помогает взглянуть на прошлое с состраданием, показывая, что человек пережил, как он распорядился этим, что в этом заслуживает восхищения. Свободу нам дает именно восхищение прошлым, а не жизнь в прошлом.

Оставаться сумевшим выжить ребенком дольше, чем это необходимо, – значит излишне сжиться с архетипом раненого. Только осознав свою рану, хотя и сохранив ее в памяти, можно вступить в пору процветания. Процветание – вот наше предназначение на этой земле. Процветание, а не просто выживание – вот право, которое женщина получает, появившись на свет.

Так не съеживайтесь, не старайтесь стать незаметной, если в детстве вас называют паршивой овцой, белой вороной, волчонком. Близорукие люди видят в бунтарях опасность для общества. Но время доказывает, что быть непохожим на других – значит находиться на передовой, значит практически наверняка сделать оригинальный вклад, полезный и впечатляющий взнос в культуру.

Ища руководства, никогда не слушайте малодушных. Будьте к ним добры, осыпьте их благословениями, польстите им, только не следуйте их советам.

Если вас когда-нибудь называли дерзкой, неисправимой, упрямой, хитрой, неуправляемой, непокорной, мятежной – вы на верном пути. Дикая Женщина где-то рядом.

Если же вас никогда так не называли, еще не вечер. Развивайте в себе Дикую Женщину. И – Andele! – Вперед! И снова вперед!

Глава 7
СЧАСТЛИВОЕ ТЕЛО: ДИКАЯ ПЛОТЬ

Меня всегда поражало, как волки толкают друг друга, когда бегают и играют, – старые по-своему, молодые по-своему, равно как и тощие, толстые, длинноногие, короткохвостые,

[32] Еврейский праздник в ознаменование событий, описанных в книге Есфири, когда евреи в Персии были спасены от массовой резни.

лопоухие, хромые. У каждого свое тело, своя сила, своя красота. Они живут и играют в соответствии с тем, кто они есть и как себя чувствуют. Они не пытаются быть тем, кем не являются.

На севере я видела одну старую волчицу, у которой было всего три лапы, – она одна могла протиснуться в расселину, где густо росла черника. Однажды я видела серую волчицу, которая присела, а потом прыгнула, стремительно, как молния, – только серебряная дуга мелькнула в воздухе. Помню одну стройную молодую мать, с еще отвисшим брюхом, которая пробиралась по болоту с грацией танцовщицы.

Однако несмотря на красоту и выносливость, про волков иногда говорят: «Они слишком алчные, у них слишком острые зубы, у них слишком ненасытный аппетит». О женщинах, как и о волках, порой судят так, будто имеет право на существование лишь один темперамент, лишь один аппетит – умеренный. К тому же нравственные качества женщины слишком часто оценивают исходя из того, отвечают ли ее размеры, рост, походка и облик общепринятому идеалу. Когда женщину сводят к повадкам, манерам и внешним признакам, соответствующим единственному идеалу красоты и поведения, это ущемляет ее тело и душу, лишая ее свободы.

Для интуитивной души тело – датчик, информационная сеть, связной, имеющий в своем распоряжении множество систем связи: сердечно-сосудистую, респираторную, костную, автономную, а также эмоциональную и интуитивную. В мире воображения тело – это мощное транспортное средство, дух, который живет рядом с нами, своеобразная молитва, обращенная к жизни. В сказках считается, что у тела, символами которого выступают волшебные вещи, придающие человеку сверхъестественные качества и способности. Две пары ушей: одна – чтобы слушать земные звуки, другая – чтобы слушать Душу; две пары глаз: одна для обычного зрения, другая для ясновидения; два вида силы: мышечная сила и несокрушимая сила души. Перечень этих присущих телу пар можно продолжить.

В системах телесно-ориентированной терапии, например в методе Фельденкрайза, в Аюрведе и других направлениях, считается, что у тела не пять органов чувств, а шесть. Тело использует кожу и лежащие под ней ткани, чтобы регистрировать все, что происходит вокруг. Как Розеттский Камень [33] для тех, кто умеет читать его надписи, тело – живая летопись подаренной жизни, отнятой жизни, ожидаемой жизни, исцеленной жизни. Его ценят за способность четко регистрировать мгновенные реакции, глубоко ощущать, предчувствовать будущее.

Тело – создание многоязычное. Оно изъясняется цветом и температурой, румянцем узнавания, сиянием любви, пеплом боли, жаром возбуждения, холодом неуверенности. Оно изъясняется, чуть заметно пританцовывая, порой покачиваясь, порой подрагивая, порой трепеща. Оно изъясняется сердцебиением, упадком духа, пустотой под ложечкой, взлетом надежды.

Тело помнит, кости помнят, суставы помнят, даже мизинец помнит. Память хранится в картинах и чувствах, заключенных в самих клетках. Плоть – как впитавшая воду губка: надавите, выжмите, даже просто дотроньтесь, и воспоминания потекут ручьем.

Ограничивать красоту и ценность тела чем-то меньшим, чем это великолепие, – значит лишить тело его законного духа, законного облика, законного восторга. Когда вас считают уродливой или никчемной только потому, что ваша красота не отвечает современной моде, это глубоко ранит естественную радость – принадлежность к дикой природе.

У женщин есть все основания отвергнуть психологические и физические стандарты, которые травмируют дух и обрубают взаимосвязь с дикой душой. Ясно, что инстинктивная природа женщины куда больше ценит тело и дух за их способность быть жизнерадостными, чуткими и выносливыми, чем за внешнее соответствие каким бы то ни было канонам. Это

---

[33] Черная базальтовая плита с надписью на трех языках – египетском иероглифическом, египетском денотическом (разговорном) и древнегреческом, – обнаруженная в 1799 г на берегу Розеттского рукава Нила. Благодаря его находке были расшифрованы египетские иероглифы

значит не отбросить то, что считается красивым в той или иной культуре, а очертить более широкий круг, объемлющий все виды красоты, формы и функции.

Разговор тел

Однажды мы с подругой по очереди рассказывали историю под названием «Разговор тел» – о том, как мы обнаружили дары, доставшиеся нам по наследству от предков. Опаланга происходит из рода гриотов, американцев африканского происхождения. Она очень высокая, стройная, как тисовое дерево. Я una Mexicana, приземистая и обильная телом. Ее в детстве дразнили за высокий рост, да еще говорили, что щель между передними зубами – признак лгунов. Мне говорили, что форма и размер моего тела – признаки неполноценности и недостатка самообладания.

Так, попеременно рассказывая о теле, мы поведали о придирках и насмешках, полученных в течение жизни только потому, что многочисленные «они» видели в наших телах избыток того и недостаток сего. Этот рассказ стал своеобразной поминальной песней телам, которыми нам не позволяли восхищаться. Мы раскачивались, мы танцевали, мы смотрели друг на друга. Каждая видела подругу такой загадочно-красивой – и как это люди могли думать иначе?

Как же я изумилась, услышав, что уже взрослой Опаланга побывала в Западной Африке, в Гамбии, и нашла там своих сородичей, многие из которых – о чудо! – оказались очень высокими и стройными, как тисовое дерево, и между передними зубами у них была щель. Ей объяснили, что эта щель называется сакаяллах, врата Бога, и считается… признаком мудрости.

Как же она удивилась, когда я рассказала ей, что уже взрослой побывала на перешейке Теуантепек в Мексике и нашла там своих сородичей, племя, чьи женщины-великанши – о чудо! – оказались сильными, игривыми и имели внушительные габариты. Они похлопывали меня [1], пощипывали и бесцеремонно говорили, что я худовата. Может быть, я мало ем? Может быть, я болела? Нужно постараться поправиться, – объясняли они, – потому что женщина – это La Tierra, она должна быть круглой, как сама Земля. Ведь Земле приходится нести на себе так много [2].

В этих поездках, как и в жизни, наши личные истории, начинавшиеся как тяжкие и гнетущие переживания, вылились в радость и сильное ощущение своей самости. Опаланга понимает, что высокий рост – ее красота, что ее улыбка сияет мудростью и что глас Божий всегда близок к ее губам. Я понимаю, что мое тело нераздельно с землей, что мои ноги предназначены для того, чтобы держать землю, что мое тело – сосуд, предназначенный для того, чтобы вмещать в себя многое. Могучие люди, живущие за пределами Соединенных Штатов и их культуры, научили нас по-новому ценить тело, отбрасывать идеи и язык, порочащие таинства тела или не желающие увидеть в женском теле инструмент познания [3].

Умение получать большую радость в мире, где есть много разновидностей красоты, – это счастье, для которого созданы все женщины. Быть поклонником единственного вида красоты – значит быть невнимательным к природе. Не может быть единственной разновидности певчей птицы, единственной разновидности сосны, единственной разновидности волков. Не может быть единственной разновидности детей, единственной разновидности мужчин, единственной разновидности женщин. Не может быть единственной разновидности груди, единственной разновидности талии, единственной разновидности кожи.

Встреча с женщинами-великаншами из Мексики заставила меня пересмотреть всю совокупность аналитических данных, касающихся разных размеров и форм женской фигуры, в частности веса. Особенно ошибочной, даже дикой, мне показалась одна старая психологическая истина – мысль о том, что все крупные женщины жаждут чего-то, что у них внутри сидит «тощее существо, которое исходит криком, пытаясь вырваться наружу». Когда

я поделилась этой метафорой «тощей кричащей женщины» с одной из дородных матрон теуанского племени, та воззрилась на меня с явным беспокойством. «Ты имеешь в виду одержимость злым духом? [4] Кто мог загнать в женщину такую гадость?» – недоумевала она. Ей было совершенно непонятно, как это «целители» или другие люди могут думать, будто у женщины внутри сидит кричащая женщина только потому, что природа наделила ее крупным телом.

Хотя нарушения, проявляющиеся в непреодолимом и разрушительном обжорстве, искажающем размеры и образ тела, реальны и трагичны, для большинства женщин они не являются нормой. Женщины – дородные и хрупкие, толстые и тощие, высокие и низкие – бывают такими, вероятнее всего, просто потому, что унаследовали телосложение своих сородичей, если не ближайших родственников, то предков, отстоящих от них на одно-два поколения. Чернить или обсуждать внешние качества, унаследованные женщинами от предков, – значит создавать все новые поколения беспокойных и нервных женщин. Оскорбительные или безапелляционные суждения по поводу внешности, которую женщина получила в наследство, лишают ее нескольких необходимых и драгоценных духовных сокровищ. Они отнимают у нее гордость за полученный в наследство тип телосложения. Если ее приучили относиться к этому наследию с осуждением, это немедленно разрывает ее телесную связь с остальной семьей.

Если ее научили ненавидеть собственное тело, то как она может любить тело своей матери [5], которое так похоже на ее собственное, тело своей бабушки, тела своих дочерей? Как она может полюбить тела других женщин (и мужчин), своих родственников, которые унаследовали телосложение и внешность своих предков? Такие нападки отнимают у женщины, какого бы роста, размера и облика она ни была, законное право гордиться близостью к своему роду, отнимают у нее тот естественный напев, который звучит в ее теле. В сущности, нападки на женское тело – это нападки на тех, кто ушел до нее, и на тех, кто придет после [6].

Критические суждения о приемлемом внешнем виде того или иного тела порождают массу высоких сутулящихся девушек, маленьких женщин на высоченных каблуках, полных женщин, которые одеваются так, будто они в трауре, худеньких женщин, которые пыжатся, как голуби, и других женщин, которые стараются выглядеть не такими, какие есть на самом деле. Разрушая инстинктивное родство женщины с ее телом, ее лишают уверенности. Это вынуждает ее постоянно сомневаться, хороша она или нет, и ставит ее самооценку в зависимость от того, как она выглядит, а не кем она является. Это заставляет ее тратить энергию на подсчеты количества съеденной пищи, на беспокойство по поводу граммов и сантиметров. Это делает ее озабоченной, окрашивает тревогой все ее действия, планы и мечты. В мире инстинктов невозможно представить, чтобы женщина жила, уделяя такое огромное внимание своей внешности.

Есть полный смысл оставаться здоровой и сильной, давать своему телу как можно больше питания [7]. Однако приходится согласиться, что у многих женщин действительно сидит внутри «голодная». Но предмет ее голода – не конкретный размер, облик или рост, не соответствие определенному стереотипу – женщины жаждут элементарного внимания со стороны окружающего их общества. «Голодная», которая сидит у них внутри, жаждет, чтобы к ней относились с уважением, принимали ее [8] или хотя бы не пытались втиснуть в стереотип. Если действительно существует женщина, которая «исходит криком, стараясь выбраться», то она кричит, требуя уважения, требуя, чтобы прекратили неуважительно мерить чужими мерками ее тело, ее лицо, ее возраст.

Там, где отклонения женского тела от общепринятого стандарта объявляются патологией, возникает глубоко предвзятое отношение, сторонниками которого выступают многие психологи-теоретики, и в первую очередь Фрейд. Например, его сын Мартин в книге о своем отце Зигмунде рассказывает, что в семье у них активно не любили толстых людей и насмехались над ними [9]. Вопрос, почему у Фрейда были такие взгляды, выходит за пределы этой книги; и все же трудно понять, как могла такая точка зрения способствовать

уравновешенному отношению к женскому телу.

Тем не менее приходится признать, что многие психологи-практики продолжают относиться к естественному телу столь же предвзято, тем самым вынуждая женщин постоянно контролировать свою фигуру и лишая их более глубокой и тонкой связи со своим обликом. Боязнь своего тела наносит большой ущерб творческой жизни женщины и ее вниманию к другим вопросам.

Такое поощрение попыток переделать женское тело поразительно похоже на попытки срыть, сжечь, счистить слои, срезать до костей плоть самой Земли. Ранам, нанесенным женским телам и душам, соответствуют раны на теле общества и, наконец, самой Природы. В подлинно целостной и органичной психологии все миры понимаются как взаимозависимые, а не отдельные сущности. Не удивительно, что в нашем обществе есть проблема, связанная с переделкой данного женщине природой тела, что есть близкая к ней проблема переделки ландшафта, а также проблема расчленения культуры на кусочки в угоду нынешней моде. И хотя женщине в одночасье не остановить насилия над культурой и Землей, она может перестать подвергать ему собственное тело.

Дикая природа никогда не простит вреда, наносимого телу, культуре или Земле. Дикая природа никогда не смирится с насилием, которому ты подвергаешь свое тело, лишь бы доказать, что ты чего-то стоишь, что можешь себя обуздать, что у тебя есть характер, лишь бы стать более привлекательной, больше цениться в финансовом выражении.

Женщина не может добиться от общества большего понимания, сказав ему: «Изменись». Но она может начать относиться по-другому к себе самой и тем самым отражать от себя уничижительные проекции окружающих. Для этого нужно вернуть себе свое тело. Если не отказывать в радости телу, которое дано тебе от природы, если не покупаться на иллюзию, будто счастье приходит только к женщинам определенной внешности и возраста, если ничего не ожидать и ни от чего не отказываться, если вернуться к самой себе и жить полной жизнью, все встанет на свои места. Такое динамичное самоутверждение и самооценка – именно то, что может положить начало переменам в обществе.

Тело в волшебных сказках

Есть много мифов и сказок, в которых говорится об уязвимости и изначальности тела. Вот их герои: греческий бог Гефест, хромой кузнец, обрабатывающий драгоценные металлы; мексиканский Артар, человек с двумя телами; рожденная из моря Венера; самый крошечный портной, уродливый, но обладающий способностью творить новую жизнь; женщины с Горы-Великанши, которых берут в жены за их силу, Мальчик-с-пальчик, который нигде не пропадет, и т.д.

В сказках удачными метафорами тела являются некоторые волшебные предметы, обладающие чуткостью и способностью преодолевать расстояние, – например, волшебный лист, ковер-самолет, облако. Иногда плащи, сапоги, шапки и шлемы наделяют способностью невидимки, огромной силой, ясновидением и т.д. Все это архетипические родственники. Каждый позволяет физическому телу обрести обостренную интуицию или слух, умение летать или ту или иную защиту для души и психики.

Вероятно, до изобретения карет, повозок и колесниц, до одомашнивания животных для перевозки тяжестей и людей, в этом мотиве волшебный предмет выступал символом священного тела. Предметы одежды, амулеты, талисманы и другие вещи при правильном обращении могли перенести человека через реку, а то и в иной мир.

Превосходный символ сенсорной и психической ценности естественного тела – ковер-самолет. Сказки, в которых появляется этот волшебный ковер, воспроизводят не очень сознательное отношение к телу в нашем с вами обществе. Вначале ковер-самолет считают обычным и не особенно ценным. Но если сесть на середину и сказать: «Лети!» – ковер

мгновенно задрожит, приподнимется, повисит немножко, а потом – раз! – полетит, унося седока в другое место, к другим ценностям, взглядам, знаниям [10]. И тело тоже, благодаря своим состояниям возбуждения, сознавания и чувственного восприятия – например, звуков музыки, любимого голоса или знакомого аромата, – обретает способность переносить нас куда угодно.

В сказках, как и в мифах, ковер олицетворяет разновидность движения, но совершенно особого – того, что позволяет увидеть не только земной мир, но и загробный. В сказках народов Среднего Востока это средство духовного полета шаманов. Тело – не что-то бессловесное, из чьего плена мы стараемся вырваться. Если смотреть на него правильно, то оно – космический корабль, ряд атомных отсеков, сплетение нервных центров, ведущих в иные миры, к иным переживаниям.

Помимо ковра-самолета есть и другие символы тела. В одной сказке – ее подарила мне Фатах Келли – их сразу три. Она называется просто – «Сказка о ковре-самолете» [11]. В ней султан посылает трех сыновей, чтобы они нашли «самое дивное диво на свете». Тот, чья находка будет признана лучшей, получит все царство. Один брат искал-искал и привез жезл слоновой кости, с помощью которого можно было увидеть все, что ни пожелаешь. Второй искал-искал и привез яблоко, чей аромат мог исцелить любой недуг. А третий привез ковер-самолет, который мог перенести человека в то место, о котором он подумает.

«Так что же лучше всего? – спросил султан. – Способность видеть все на свете? Способность исцелять и воскрешать? Или способность воспарять духом?»

Каждый из братьев по очереди расхваливал свою находку. Но в конце концов султан махнул рукой и сказал: «Ни одну из этих вещей нельзя признать лучшей, ибо по отдельности они несовершенны». И разделил царство поровну между тремя сыновьями.

В эту сказку вкраплены яркие образы, которые позволяют нам представить, что же такое подлинная живость тела. Эта сказка (и ей подобные) рисуют поразительные силы интуиции, проницательности, духовного целительства и восторга, скрытые в человеческом теле [12]. Мы привыкли считать тело чем-то отдельным, что делает свое дело без нас и, если «правильно» с ним обращаться, обеспечивает нам «хорошее самочувствие». Многие обращаются с телом так, будто оно раб, или даже могут обращаться с ним хорошо, но требуют, чтобы оно по-рабски выполняло их желания и прихоти.

Некоторые говорят, что тело получает вести от души. А что, если на миг вообразить, что это душа получает вести от тела, что тело помогает душе приспособиться к земной жизни, анализирует, переводит, дает чистый лист, чернила и перо, чтобы душа могла создавать летопись нашей жизни? Представьте, что, как в сказках о колдунах-оборотнях, тело само по себе – Бог, учитель, наставник, опытный проводник. Что тогда? Разумно ли всю жизнь третировать этого учителя, который мог бы столько нам дать, стольկому научить? Согласны ли мы всю жизнь позволять другим чернить наше тело, судить его, считать несовершенным? Хватит ли у нас силы пойти наперекор большинству и по-настоящему, глубоко прислушаться к телу, этому сильному и священному созданию? [13]

Характерный для нашего общества подход к телу исключительно как к скульптуре неверен. Тело – не мраморная статуя. У него другое назначение. Его задача – защищать, вмещать, поддерживать и воспламенять душу и дух, быть хранилищем воспоминаний, наполнять нас чувством – лучшей пищей для души. Оно служит для того, чтобы возвышать нас и побуждать, наполнять чувством; чтобы доказать, что мы существуем, что мы здесь; чтобы давать нам основу, массу, вес. Неверно думать о нем так, будто это место, которое мы покидаем, чтобы воспарить в духовные сферы. Тело – носитель для этих переживаний. Не будь тела, не было бы ощущения, что мы переходим через порог, ощущения подъема, невесомости. Все это исходит от тела. Тело – ракета-носитель. Находясь в ее носовом отсеке, душа смотрит в иллюминатор на загадочную звездную ночь, и у нее захватывает дух.

Власть бедер

Что входит в состав здорового тела в инстинктивном мире? Прежде всего, грудь, живот и все, что покрыто кожей и где присутствуют нейроны, чтобы передавать ощущения. Главное здесь не форма, не размер, не цвет, не возраст, а то, возникают ли ощущения, выполняются ли необходимые функции, способны ли мы реагировать, ощущаем ли весь спектр, весь диапазон чувств. Сковано ли тело страхом или болью, парализовано застарелой травмой, или в нем играет своя музыка, и оно, как богиня Баубо, слушает животом, смотрит множеством глаз?

Когда мне было двадцать с небольшим, мне довелось испытать два связанных с телом переломных переживания, которые шли вразрез со всем тем, чему меня учили. Во время недельного женского сбора, как-то ночью у горячего источника, я увидела обнаженную женщину лет тридцати пяти. Ее груди были высосаны детьми, живот исполосован рубцами, следами многочисленных беременностей. Я, тогда еще совсем молодая, испытала чувство жалости, глядя на эти отметины, изуродовавшие светлую тонкую кожу. Кто-то заиграл на маракасах и барабанах, и она стала танцевать. Ее волосы, груди, кожа, руки и ноги – все исполняло свой собственный танец. Какая красота сквозила в нем, какая жизненная сила! От ее грации заходилось сердце. Я всегда посмеивалась, когда про кого-то говорили: «У нее в чреслах огонь». Но в ту ночь я его увидела. Я увидела мощь ее бедер. Я увидела то, что была приучена не замечать, – мощь женского тела, воодушевленного внутренним огнем. Прошло почти три десятка лет, но я до сих пор вижу, как она танцует в ночи, и меня до сих пор завораживает мощь ее тела.

Второе пробуждение связано с женщиной, которая была гораздо старше. Если мерить общими мерками, ее бедра формой походили на грушу, по сравнению с ними грудь казалась совсем маленькой, ноги покрывала сетка фиолетовых прожилок, а по всему телу, от грудной клетки до позвоночника, проходил длинный шрам, след серьезной хирургической операции – так снимают кожуру, когда чистят яблоко. Зато талия была шириной в четыре ладони.

Для меня оставалось загадкой, почему мужчины вились вокруг нее так, будто она была намазана медом. Казалось, они хотят откусить от ее грушевидных бедер, полизать ее шрам, ласкать ее грудь, прижаться щекой к паутине прожилок. Ее улыбка была ослепительна, походка грациозна, а ее глаза так и вбирали в себя то, на что смотрели. Я снова увидела то, что меня учили не замечать, – власть, таящуюся в теле. Признанная культурой власть тела – в его внешней красоте, но скрытая в теле власть – редкость, ибо в большинстве случаев ее изгоняют – истязая себя или стесняясь собственной плоти.

Именно в этом свете дикая женщина может вглядеться в божественность собственного тела и понять, что оно – не обуза, которую мы обречены таскать всю свою жизнь, не вьючное животное, которое принуждают кнутом или пряником, чтобы оно несло нас по жизни, а череда дверей, снов и стихов, благодаря которым мы можем учиться и познавать все на свете. Дикая душа воспринимает тело как самостоятельное существо, которое любит нас, зависит от нас; иногда мы бываем для него матерью, а иногда – оно для нас.

LA MARIPOSA, ЖЕНЩИНА-БАБОЧКА

Чтобы открыть еще кое-что о власти тела, придется рассказать вам историю – настоящую и довольно длинную.

Вот уже много лет туристы толпами валят через великую американскую пустыню по так называемой «духовной цепи»: долина Памятников, каньон Чако, Меса Верде, Кайента, каньон Киме, Пэйнтед Дезерт, каньон де Челли. Они разглядывают лоно матери – Великого Каньона, покачивают головами, пожимают плечами и спешат домой – только затем, чтобы следующим летом снова нестись через пустыню, чтобы высмотреть что-то еще, выискать что-то новое.

В основе всего этого лежит все та же жажда встречи с нуминозным, которая испокон

веков терзает людей. Но иногда эта жажда усиливается, ибо многие люди утратили связь с предками [14]. Обычно они не знают имен даже своих прадедов. В частности, они утратили семейные предания. В духовном отношении такая ситуация вызывает печаль… и голод. Очень многие пытаются воссоздать что-то важное, что могло бы утолить этот душевный голод.

Туристы на протяжении многих лет стекаются в Пуйе. Там находится меса – столовая гора, или плоский холм, большой и пыльный, затерянный в глуши Нью-Мексико. Когда-то здесь древние Anasazi перекликались с одного холма на другой. Говорят, что доисторическое море вырезало в здешних каменных стенах тысячи лиц – веселых, злобных, искаженных мукой.

Дине (навахо), хикарилльские апачи, южные юты, хопи, зуньи, Санта-Клара, Санта-Доминго, лагуна, пикурис, тесуке – все эти племена пустыни собираются здесь. Здесь они пляшут, в плясках снова превращаясь в сосны, в оленей, в орлов и Katsinas – могучих духов.

Приезжают сюда и гости – некоторые из них изголодались по мифам о своем происхождении, оторвались от духовной плаценты, забыли своих древних богов. Они приезжают посмотреть на тех, кто не забыл.

Ведущая к Пуйе дорога была построена в расчете на лошадиные копыта и мокасины, но со временем повсюду развелись автомобили, и теперь и местные жители, и гости приезжают на самых разнообразных легковых автомобилях, грузовиках, пикапах и фургонах. Все эти машины, завывая, изрыгая дым и вздымая клубы пыли, медленным караваном тащатся по дороге.

Все кое-как располагаются на округлых холмах, и к полудню окраина горы начинает походить на огромную автомобильную свалку. Некоторые паркуются впритык к двухметровым зарослям алтея, полагая, что запросто пригнут растения и вылезут из машины. Но столетние стебли несгибаемы, как чугунные тумбы, и те, кто припарковался рядом с ними, сидят в машине, как в клетке.

Днем солнце жарит, как огненная печь. Все бродят в раскаленных башмаках, с зонтом под мышкой на случай дождя (он еще впереди), таская с собой складной алюминиевый стул на случай, если устанешь (так оно и будет), а если это гости, то еще и камеру (если разрешено) и гирлянды из коробочек с пленкой, которые свисают с шеи, словно связки чеснока.

Гости приносят с собой разнообразные ожидания, от самых высоких до самых заурядных. Они приезжают, чтобы увидеть то, что дано увидеть не каждому, – одно из самых фантастических зрелищ, живое божество, La Mariposa – женщину-бабочку.

Танец бабочки – завершающее событие дня. Все в восторгом предвкушают этот танец-соло. Его исполняет женщина, и – о, что это за женщина! Когда солнце начинает клониться к горизонту, появляется старик в ритуальном костюме, на который ушли килограммы бирюзы. В хромированный микрофон выпуска тридцатых годов, попискивающий, словно завидевший ястреба цыпленок, он возвещает: «А теперь – танец бабочки» – и, прихрамывая, удаляется.

В отличие от балетного номера, где после объявления занавес раздвигается и танцоры выпархивают на сцену, здесь, в Пуйе, как и в других местах, где исполняются племенные танцы, от объявления до выхода танцора может пройти любое время – от двадцати минут до вечности. Где исполнитель? Возможно, он наводит порядок в своем автофургоне. Температура воздуха здесь нередко превышает сто градусов, [34] поэтому в последний момент необходимо подправить потекший от пота грим. Если специальный пояс танцора, принадлежавший еще его деду, по пути к арене лопнет, то танцор вообще не появится, потому что дух пояса нуждается в отдыхе. Начало танца может быть отложено в связи с тем, что по радио исполняют хорошую песню.

Иногда исполнитель не слышит объявления, и за ним приходится посылать гонца. И

---

[34] По шкале Фаренгейта. Примерно тридцать восемь градусов по Цельсию.

потом, конечно же, по пути к арене танцовщик обязательно должен переговорить со всеми родственниками и обязательно остановится, чтобы маленькие племянники и племянницы могли вдоволь на него наглядеться. Ребятишки приходят в ужас, смешанный с восторгом, увидев возвышающийся над ними дух Katsina, который подозрительно напоминает дядюшку Томаса, или танцовщицу в костюме кукурузы, которая так похожа на тетушку Яси. Наконец, всегда есть вероятность, что танцор еще только подъезжает по Тесукскому шоссе – ноги его торчат из кузова грузовичка, из выхлопной трубы которого на целую милю стелется черный дым.

С нетерпением ожидая танца бабочки, люди болтают о девах-бабочках и о красоте молодых женщин из племени зуньи, которые танцуют в старинных красно-черных одеяниях, оставляя одно плечо обнаженным, с ярко-розовыми кругами, нарисованными на щеках. Они хвалят молодых исполнителей танца оленей, которые пляшут, привязав к кистям рук и щиколоткам сосновые ветки.

А время все идет.

Идет.

Идет.

Люди бренчат мелочью в карманах. Цыкают зубами. Собравшимся не терпится увидеть прославленную исполнительницу танца бабочки.

И вдруг неожиданно, потому что всем уже смертельно надоело ждать, руки барабанщика начинают выбивать священный ритм бабочки, а хор принимается изо всех сил возносить призывы богам.

В представлении собравшихся бабочка – это нечто хрупкое. «Воздушная красота», – предвкушают они. Поэтому все неизбежно бывают потрясены, когда на сцену выскакивает Мария Лухан [15]. Она огромна – действительно огромна, – как Венера Виллендорфская [35], как Мать Времен, как могучая женщина с картины Диего Риверы, которая одним мановением руки создает город Мехико.

И еще Мария Лухан стара, очень стара – как женщина, восставшая из праха, как старая река, как старые сосны на границе леса. Одно ее плечо обнажено. Ее красно-черная manta, накидка, подпрыгивает вместе с ней. Тучное тело и очень тонкие ноги делают ее похожей на прыгающего паука, обернутого кожурой красного перца.

Она скачет на одной ноге, потом на другой. Помахивает веером из перьев. Она – Бабочка, прилетевшая, чтобы дать силу слабым. Она – то, что большинство из нас считает слабым – старость, бабочка, женственность.

Косы девы-бабочки касаются земли. Они толстые, как початки кукурузы, а цвет их – каменно-серый. У нее крылья бабочки – как у маленьких детей, которые в школьных спектаклях изображают ангелов. Ее бедра – как два покачивающихся битком набитых мешка, а мощные ягодицы такие выпуклые, что образуют полку, на которой смогли бы усидеть два малыша.

Она прыгает: прыг-скок, прыг-скок – но не как кролик, а так, что земля содрогается.

– Я здесь, здесь, здесь…

– Я здесь, здесь, здесь…

– Проснитесь вы, вы, вы!

Она помахивает веером из перьев, овевая землю и обитающих на ней людей опыляющим духом бабочки. Ее браслеты из ракушек гремят, как гремучие змеи, подвески из колокольчиков постукивают, как дождь. Ее тень с огромным животом и тонкими ножками танцует от одного края танцевальной арены к другому. Ее ступни вздымают маленькие вихри пыли.

Индейцы охвачены благоговением. А некоторые из гостей переглядываются и ворчат:

---

[35] Палеолитическая скульптура, найденная в Нижней Австрии и изображающая тучную женщину с пышными формами.

«Это она и есть? Это дева-бабочка?» Они в недоумении, а кое-кто даже разочарован. Похоже, они уже не помнят, что мир духов – это место, где женщины – волчицы, мужья – медведи, а старухи внушительных размеров – бабочки.

Да, так оно и должно быть – чтобы Дикая Женщина-Бабочка была стара и тучна, ибо в одной груди она носит мир наземный, а в другой – подземный. Ее спина – круглая планета Земля со всеми ее растениями, зверьем и людьми. На плечах она носит рассвет и закат, в левом бедре – все сосны в мире, в правом – всех волчиц. В утробе у нее – все дети, которым предстоит родиться на свет.

Дева-бабочка – это оплодотворяющая женская сила. Перенося пыльцу с места на место, она выполняет перекрестное опыление – так душа оплодотворяет сознание снами, так архетипы оплодотворяют земной мир. Она – центр. Она соединяет противоположности, беря крошку отсюда и перенося туда. Преображение – дело ничуть не более сложное. Вот чему она учит. Вот как она учит. Вот как это делает душа.

Женщина-бабочка исправляет ошибочное представление о том, что преображение – только для тех, кто вынес муки, для святых или сказочно сильных. Чтобы преобразиться, "Я" не нужно двигать горы. Достаточно небольших усилий. Их хватит надолго. Ими можно многое изменить. Оплодотворяющая сила позволяет не двигать горы с места на место.

Дева-бабочка опыляет души земли. «Это проще, чем вы думаете», – говорит она. Помахивая веером из перьев и подпрыгивая, она осыпает духовной пыльцой всех присутствующих: американских индейцев, маленьких детей, гостей – всех. Все ее тело несет благодать – все старое, слабое, тучное тело, с короткими ногами, с короткой шеей, покрытое старческими пятнами. Перед вами женщина, связанная со своей дикой природой, переводчица с языка инстинкта, оплодотворяющая сила, та, что исправляет, та, что помнит старые принципы. Она – la voz mitologica. Она олицетворение Дикой Женщины.

Исполнительница танца бабочки должна быть старой, ибо она олицетворяет древнюю душу. У нее широкие бедра и тяжелый зад, потому что она много несет на себе. Ее седые волосы показывают, что ей уже не нужно соблюдать табу, запрещающие прикасаться к другим людям. Она вольна прикоснуться к кому угодно: к мальчикам, младенцам, мужчинам, женщинам, девочкам, старым, больным и мертвым. Женщина-бабочка может прикоснуться к любому. Это ее привилегия – касаться всех. В этом ее сила. Ведь у нее тело La Mariposa, бабочки.

Тело – что планета. Оно как земля. Его, как и любой природный ландшафт, вредно слишком плотно застраивать, делить на клочки, урезать, перекапывать, лишать силы. Дикую женщину не так легко сбить с толку планами преобразования. Для нее вопрос не в том, как выглядеть, а в том, как себя ощущать. Грудь любой формы имеет функцию: кормить и быть чувствительной. Она дает молоко? Она дает ощущения? Значит, это хорошая грудь.

Бедра бывают широкими потому, что таят в себе атласную колыбель цвета слоновой кости для взращивания новой жизни. Женские бедра – широкие борта для того, что расположено выше и ниже, они – портал, пышные подушки, рукоятки любви, убежище, за которым прячутся дети. Ноги предназначены для того, чтобы нас нести, перемещать; они лебедки, которые помогают нам подняться; они – anillo, кольцо, обнимающее любимого. Они не могут быть слишком такими или слишком другими. Они такие, какие есть.

В теле нет ничего, что «должно быть таким-то». Дело не в форме, не в размере, не в возрасте, даже не в том, что всего должно быть по два, потому что есть и исключения. Вопрос первозданности стоит так: чувствительно ли тело, есть ли у него надлежащая связь с наслаждением, с сердцем, с душой, с дикой природой? Доступно ли ему счастье, радость? Может ли оно само двигаться, танцевать, подпрыгивать, раскачиваться, вращаться? Если да, то больше ничего не нужно.

В детстве я как-то попала на экскурсию в Чикагский музей естественной истории. Там я увидела скульптуры Мальвины Хоффман – десятки статуй из темной бронзы в натуральную величину, стоящие в просторном зале. Она изображала главным образом обнаженные тела людей, принадлежавших к разным народам мира, и видение у нее было

дикое.

Она расточала свою любовь стройной лодыжке охотника, длинным грудям матери с двумя взрослыми детьми, холмикам плоти на груди девственницы, яйцам старика, свисающим до середины ляжки, носу с ноздрями крупнее глаз, носу, крючковатому, как ястребиный клюв, носу, прямому как угол. Она влюблялась в уши, похожие на семафоры, в уши, доходившие почти до подбородка, и маленькие, как орехи-пекан. Она любила каждый волосок, свившийся, как змея, каждый волосок, волнистый, как развернутая лента, каждый волосок, прямой, как осока. Она любила тело дикой любовью. Она понимала скрытую в нем силу.

В пьесе Нтозаке Шанге «Для цветных девушек, которые подумывают о самоубийстве, когда радуги достаточно» [16] есть одна строка. Эти слова произносит девушка в фиолетовом после неудачных попыток справиться со всеми психическими и физическими аспектами своего существа, которые общество игнорирует или принижает. Она подводит итог такими мудрыми и спокойными словами:

Вот что у меня есть:
стихи,
широкие бедра, набухшие груди
и
так много любви!

Вот в чем сила нашего тела, наша сила, сила дикой женщины. В мифах и сказках божества и другие великие духи испытывают сердца людей, являясь им в разных обликах, скрывающих их божественность. Они приходят в мантиях и в лохмотьях, в серебряных перевязях и с грязными ногами. Они приходят – темнокожие, как старое дерево, или светлые, как розовый лепесток, в облике хрупкого ребенка или пожелтевшей старухи, немого человека или говорящего зверя. Эти великие силы проверяют, научились ли люди узнавать величие души во всем разнообразии ее обликов

Первозданная Женщина показывает нам много разных размеров, форм, цветов и состояний. Будьте начеку, чтобы суметь узнать дикую душу во всех ее самых разных обличьях.

Глава 8
САМОСОХРАНЕНИЕ: КАК ОБНАРУЖИТЬ КАПКАНЫ, ЛОВУШКИ И ЯД В ПРИМАНКЕ

Одичавшая женщина

Одичавшим называют того, кто некогда был диким, потом был одомашнен, а затем снова вернулся к естественному, неприрученному состоянию.

Я считаю одичавшей женщину, которая некогда пребывала в естественном душевном состоянии, то есть в присущем ей первозданном состоянии сознания, а потом, под влиянием какого-то поворота событий, позволила себя приручить, в результате чего ее инстинкты омертвели. Если у нее возникает возможность вернуться к изначальной дикой природе, она очень легко попадается на ловушки и яды. Поскольку ее циклы и защитные механизмы повреждены, то, попадая в прежде естественное для нее дикое состояние, она оказывается в опасности. Утратив бдительность и осторожность, она легко становится добычей.

Утрата инстинкта происходит по определенной схеме. Очень важно изучить эту схему, как следует ее запомнить, чтобы оберегать сокровища своей глубинной природы и природы своих дочерей. В чащах души полно ржавых железных капканов, скрытых под зеленью подлеска. В психологическом смысле то же самое характерно и для внешнего мира Есть

разнообразные соблазны, на которые мы падки, есть заманчивые знакомства, связи, предприятия, но стоит нам вонзить зубы в аппетитную наживку – внутри нее оказывается умерщвляющее наш дух, смертоносное острие.

У одичавшей женщины любого возраста, а особенно у молодой, возникает острейшее искушение вознаградить себя за долгие годы голода и изгнания. Она подвергает себя опасности, бездумно стремясь к людям и целям, которые не могут дать ни защиты, ни опоры, ни постоянства. Где бы она ни находилась, в какое бы время ни жила, ее всегда подстерегают ловушки: варианты слишком мелкой жизни, в которые женщину можно заманить или загнать.

Если вы когда-нибудь попадали в ловушку, если когда-нибудь испытывали hantbre del alma, душевный голод, если когда-нибудь оказывались в клетке и особенно если у вас есть тяга к творчеству, то очень вероятно, что вы были одичавшей женщиной или являетесь таковой. Одичавшая женщина обычно испытывает острую жажду чего-то душевного и часто заглатывает любую отравленную приманку, веря, что это именно то, чего жаждет ее душа.

Хотя некоторые одичавшие женщины в последний момент ускользают из капкана, оставив в нем лишь клок шерсти, большинство все же случайно попадает в них – одни на какое-то время теряют сознание, другие ломают хребет, третьи ухитряются вырваться и уползают в пещеру зализывать раны в одиночестве.

Чтобы избежать этих приманок и соблазнов, к которым женщину толкает время, проведенное в неволе и голоде, нужно увидеть их заранее и обойти стороной. Нужно восстановить утраченную интуицию и осторожность. Нужно научиться менять направление. Чтобы знать, куда ступить, нужно знать, куда ступать нельзя.

Хочу познакомить вас с тем, что сама считаю остатком старой женской сказки-притчи, которой объясняются беды изголодавшейся и одичавшей женщины. У этой сказки есть разные названия – «Бальные туфельки дьявола», «Раскаленные башмачки дьявола» и, наконец, просто «Красные башмачки»: такое название дал ей Ханс Кристиан Андерсен, написавший переложение этой старой сказки. Как истинный сказочник, он приукрасил ядро истории, сдобрив ее национальным колоритом и сентиментальностью.

С благословения моей тетушки Терезы представляю вам венгерско-германскую версию сказки о красных башмачках, которую она, бывало, рассказывала нам в детстве. Начиная ее, она всегда в виде присказки говорила: «Посмотрите на свои башмаки и будьте рады, что они простые: ведь тому, чьи башмаки слишком красные, нужно соблюдать в жизни великую осторожность».

КРАСНЫЕ БАШМАЧКИ

Жила однажды бедная девочка-сиротка, у которой не было обуви. Стала она собирать лоскутки и через некоторое время сшила себе пару красных башмачков. Они получились грубыми, но девочка их любила. Надевая их, она чувствовала себя богатой, несмотря на то что ей каждый день дотемна приходилось искать себе пропитание в глухом лесу.

Но однажды, когда она, одетая в лохмотья и обутая в красные башмачки, шла по дороге, рядом остановилась раззолоченная карета. Ехавшая в ней старая дама сказала, что возьмет девочку к себе домой и станет воспитывать как собственную дочь. И они поехали туда, где жила эта богатая старая дама. Там девочку умыли и причесали, дали ей чистое белое белье, нарядное шерстяное платье, белые чулочки и блестящие черные башмачки. Когда девочка спросила, что стало с ее старой одеждой, и особенно с красными башмачками, старая дама сказала, что одежда была такая грязная, а башмаки такие неуклюжие, что их бросили в огонь, и они сгорели дотла.

Девочка опечалилась: пусть теперь она живет в богатстве, все равно скромные красные башмачки, которые она смастерила своими руками, были самым большим счастьем в ее жизни. Теперь ей приходилось все время сидеть не двигаясь, ходить не подпрыгивая,

молчать, пока к ней не обратятся, и постепенно в душе ее стал разгораться тайный огонь. Она все сильнее тосковала по своим красным башмачкам.

Когда девочка подросла, накануне Дня избиения младенцев, на который была назначена конфирмация, старая дама повела ее к калеке-сапожнику, чтобы по этому случаю заказать пару новых башмаков. У сапожника на витрине стояла пара красных башмачков из тончайшей кожи. Они были чудо как хороши, просто сияли красотой. И хотя это было немыслимо – надеть в церковь красные башмачки, – девочка, послушавшись своего изголодавшегося сердечка, выбрала красные. Глаза у старой дамы были такие слабые, что она не разглядела, какого цвета башмачки. Старый сапожник подмигнул девочке и завернул покупку.

На следующий день служители церкви были вне себя, увидев на ногах у девочки красные башмачки, сиявшие, как натертые до блеска алые яблоки, как сердца, как только что вымытые сливы. Все не сводили с них глаз – даже висевшие на стенах иконы, даже статуи неодобрительно косились на башмачки. Но девочке они нравились все больше и больше. И пока священник произносил слова молитвы, а хор подхватывал их и орган гремел, девочка не думала ни о чем, кроме своих красных башмачков.

К вечеру старой даме доложили о красных башмачках ее подопечной. «Никогда больше не смей их надевать!» – приказала дама. Пришла суббота, но девочка не смогла надеть черные и вместе со старой дамой снова отправилась в церковь в красных башмачках.

У входа стоял старый солдат с рукой на перевязи. У него была короткая тужурка и рыжая борода. Солдат поклонился и попросил разрешения смахнуть пыль с девочкиных башмачков. Девочка выставила ногу вперед, и он выбил на подошве ее башмачка озорную дробь: тикки-тук-тук! – от которой у нее защекотало ступни. «Не забудь остаться на танцы», – ухмыльнулся он и подмигнул.

Опять все косились на девочкины красные башмачки. Но ей так нравились башмачки, красные, как кумач, красные, как малина, красные, как гранаты, что она не могла думать ни о чем другом и едва слушала проповедь. Поставит ногу то так, то этак и все любуется своими красными башмачками – даже петь забыла.

Когда она вместе со старой дамой выходила из церкви, солдат-калека окликнул ее: «Какие красивые бальные туфельки!» От этих слов ноги у девочки пустились в пляс. Сделав несколько танцевальных движений, она уже не могла остановиться: приплясывая, она пронеслась мимо цветочных клумб, завернула за угол церкви. Ноги совсем перестали ее слушаться. Она станцевала гавот, потом чардаш, а потом закружилась в вальсе по дороге через поле.

Кучер старой дамы соскочил с козел и побежал за девочкой. Он догнал ее, взял на руки и понес обратно к карете, но ноги ее и в воздухе продолжали выделывать танцевальные па. Вместе со старой дамой кучер стал стаскивать с девочки красные башмачки. Ну и зрелище это было: шляпы у обоих сбились набекрень, а девочкины ноги бешено брыкались в воздухе. Но наконец им удалось справиться с ее непослушными ногами.

Вернувшись домой, старая дама закинула красные башмачки на самую высокую полку и запретила девочке к ним прикасаться. Но девочка не могла удержаться, чтобы не поглядывать на них и не тосковать о них. Для нее они по-прежнему были самой красивой вещью на свете.

Вскоре судьба распорядилась так, что старая дама слегла в постель. Как только врачи ушли от нее, девочка пробралась в комнату, где хранились красные башмачки. Она стала смотреть, как они лежат на самой высокой полке. И чем дольше она на них смотрела, тем сильнее становилось ее желание. Наконец девочка достала башмачки с полки и надела, думая, что от этого не будет никакой беды. Но как только башмачки оказались у нее на ногах, ее снова одолело непреодолимое желание танцевать.

Так, танцуя, она вышла из комнаты, спустилась по лестнице – сначала гавотом, потом чардашем, а потом закружилась в бешеном вихре вальса. Девочка была в восторге и не понимала, что попала в беду, пока не захотела сделать поворот влево, потому что башмачки

понесли ее вправо. Тогда она решила танцевать по кругу, но башмачки понесли ее прямо вперед. Башмачки понесли ее по дороге, через поля, в темный мрачный лес.

Там, прислонившись к дереву, стоял старый солдат с рыжей бородой и рукой на перевязи, одетый в короткую тужурку. «Надо же, – сказал он, – какие красивые бальные туфельки!» Девочка в ужасе пыталась стащить башмачки, но они будто приросли к ногам. Она стала прыгать то на одной ноге, то на другой, стараясь сбросить башмачки, но при этом нога, стоявшая на земле продолжала отплясывать, а другая, которую она держала руками, тоже выделывала свои па.

Так она плясала, плясала, плясала – по холмам и долинам, в дождь и в снег, ночью, на восходе и в сумерках. Только танец ее был нехорош – то был ужасный танец, и не было ей ни покоя, ни передышки.

Как-то раз она оказалась у церкви, но ужасный призрак не позволил ей войти. «Так и будешь плясать в своих красных башмачках, пока сама не станешь призраком, привидением, пока от тебя не останутся кожа да кости, – произнес он. – Так и будешь плясать от двери к двери, из деревни в деревню, будешь трижды стучать в каждую дверь. А когда люди выглянут и увидят тебя, то испугаются, как бы и с ними такого не приключилось. Пляшите, красные башмачки, танцуйте до упаду!»

Девочка хотела попросить пощады, но не успела она вымолвить слово, как красные башмачки умчали ее прочь. Она плясала, передвигаясь через заросли вереска, через ручьи, через живые изгороди, все дальше и дальше, пока не очутилась у своего прежнего дома. Там она увидела похоронную процессию: старая дама, которая взяла ее к себе, умерла. И все равно девочка плясала – мимо, вперед и вперед. В полном изнеможении и ужасе она оказалась в лесу, где жил городской палач. Почуяв ее приближение, топор, что висел у него на стене, стал подрагивать.

«Прошу вас! – взмолилась она, танцуя мимо дома палача. – Отрубите мои башмачки, избавьте меня от этой ужасной участи!» Палач взял топор и разрезал шнурки башмачков, но башмачки не хотели слезать с ног. Тогда девочка, заливаясь слезами, сказала, что жизнь ее все равно погибла, и попросила отрубить ноги вместе с башмачками. И палач отрубил ей ноги. А красные башмачки вместе с обрубками ног пошли плясать дальше – через лес, через холм – и скрылись из вида. Девочка так и осталась несчастной калекой, и пришлось ей жить в услужении. Никогда больше она не мечтала о красных башмачках.

Жестокая утрата в волшебных сказках

Возникает вопрос: почему в волшебных сказках встречаются такие жестокие эпизоды? Подобное явление можно встретить в мифах и фольклорных произведениях самых разных народов мира. Такая ужасная концовка характерна для сказок в тех случаях, когда попытка духовного героя осуществить задуманное превращение терпит крах.

С точки зрения психологии, жестокий эпизод выступает носителем непреложной душевной истины. Эта истина чрезвычайно важна, и тем не менее от нее очень легко отмахнуться, сказав: «Нет, ничего не понимаю», – и отправиться дальше, навстречу гибели. Поэтому мы вряд ли обратим внимание на тревожный сигнал, если он будет облечен в более мягкую форму.

В современном мире техники на смену жестоким эпизодам волшебных сказок пришли образы телерекламы: например, чтобы внушить, как опасно управлять машиной в нетрезвом виде, нам показывают залитую кровью семейную фотографию, где один из членов семьи перечеркнут жирным крестом, а чтобы убедить людей не принимать наркотики, показывают, как шипит и корчится на сковороде яйцо, намекая, что с мозгом наркомана происходит нечто подобное. Жестокий мотив – это древний способ вынудить эмоциональное "Я" обратить внимание на очень серьезную весть.

В «Красных башмачках» психологическая истина заключается в том, что в душевную

жизнь женщины могут вмешаться, этой жизни могут угрожать, ее могут отобрать или выманить, если женщина не удержит или не вернет свою сокровенную радость первозданной, дикой свободы. Эта сказка привлекает наше внимание к ловушкам и приманкам, на которые мы так легко попадаемся, когда нашу первозданную душу терзает голод. Без прочной связи с дикой природой женщина не может вынести этот голод и впускает в свою душу настроения типа «мне уже лучше», «оставьте меня в покое» и «полюбите меня, пожалуйста».

Изголодавшаяся женщина примет любые предложенные ей заменители, в том числе и бесполезные, как плацебо, которые ничем ей не помогут, и разрушительные и опасные для ее жизни, которые заставят ее впустую расточать время и таланты или подвергнут ее жизнь реальной опасности. Именно неутоленный голод души побуждает женщину выбирать то, что заставит ее неудержимо мчаться в бешеном танце, – чтобы в итоге очутиться у двери палача.

Чтобы еще глубже постичь эту сказку, нужно понять, что, утратив связь с инстинктивной, дикой жизнью, женщина может непоправимо сбиться с пути. Чтобы сохранить то, что имеешь, чтобы найти обратный путь к первозданной женственности, нужно понять, какие ошибки может совершить женщина, попавшая в такую западню. Тогда можно вернуться назад и все исправить. Тогда можно установить утраченную связь.

Как мы увидим, потеря самодельных красных башмачков олицетворяет для женщины утрату избранного жизненного пути и необузданной жизненной силы, переход к слишком домашней жизни. В конце концов это приводит к утрате четкого восприятия, за этим следуют излишества и, как результат, потеря ног – платформы, на которой мы стоим, нашей основы, сокровенной части нашей инстинктивной природы, обеспечивающей нашу свободу.

Сказка о красных башмачках показывает нам, как начинается гибель и до какого состояния мы дойдем, если сами не встанем на защиту своей дикой самости. И пусть женщина не ошибется, когда выйдет на битву со своим демоном, каким бы он ни был, – это самая важная из всех известных битв, как в сфере архетипа, так и в обычной реальности. Хотя изголодавшись, попав в ловушку, растеряв инстинкты, сделав гибельный выбор и по тысяче других причин она может, как это случилось в сказке, оказаться на самом дне, помните: дно – это именно то место, где находятся живые корни души. На дне лучше всего сеять и выращивать что-то новое. В этом смысле оказаться на дне, как бы болезненно это ни было, – значит еще и засеять почву.

Хотя мы никогда не соблазнились бы губительными красными башмачками, чтобы тем самым навлечь беду на себя или других, однако в свирепом и роковом центре этой ситуации присутствует нечто такое, что сплавляет свирепость с мудростью для женщины, исполнившей этот проклятый танец, утратившей себя и свою творческую жизнь, загнавшей себя в ад в дешевой (или дорогой) упаковке – и все же сохранившей какую-то связь со словом, с мыслью, с идеей, пока ей не представился случай улизнуть через зазор во времени, чтобы выжить и рассказать обо всем этом.

Поэтому женщина, которой довелось безудержно плясать помимо своей воли, женщина, утратившая почву под ногами и сами ноги и понимающая печальное состояние девочки в конце сказки, обладает особой, драгоценной мудростью. Она похожа на сагуаро, прекрасный и удивительный кактус, который растет в пустыне. Сагуаро можно изрешетить пулями, можно изрезать, сломать, можно ходить по нему ногами – он все равно жив, все равно хранит живительную влагу, все равно бурно растет и со временем залечит полученные раны.

Волшебные сказки заканчиваются через десяток страниц, а наша жизнь продолжается. Мы – многотомные издания. Даже если какой-то эпизод нашей жизни можно сравнить с крушением или пожаром, впереди нас ждет Другой эпизод, а за ним третий. Всегда есть возможности что-то исправить, сделать свою жизнь такой, какую мы заслуживаем. Не тратьте время на то, чтобы ненавидеть свои неудачи. Неудачи учат больше, чем успехи. Слушайте, учитесь, идите вперед. Для этого и предназначена сказка о красных башмачках. Мы слушаем ее древнее послание. Мы узнаем о губительных ухищрениях и можем

продолжать путь, обладая силой того, кто умеет видеть капканы, ловушки и приманки прежде, чем мы на них наступим или попадемся.

Так давайте начнем распутывать эту очень важную сказку, а для этого необходимо понять, что происходит, когда самое главное в жизни – то, что мы в ней больше всего ценим, каким бы оно ни казалось окружающим, – сама жизнь, которую мы любим больше всего на свете, обесценивается и обращается в прах.

Самодельные красные башмачки

В этой сказке мы видим, как девочка теряет красные башмачки, которые она сама смастерила и которые позволяли ей чувствовать себя богатой, несмотря ни на что. Она была бедна, но изобретательна; она искала свой собственный путь. Из состояния, где у нее не было обуви, она поднялась к состоянию, в котором у нее были башмачки, и они обеспечивали ей душевную жизнь, несмотря на тяготы жизни внешней. Самодельные башмачки – знак ее перехода от душевной скудности к необузданной жизни, которую она сама для себя замыслила. Башмачки – символ огромного и буквального шага к объединению изобретательной женской природы с повседневной жизнью. Не важно, что эта жизнь несовершенна. В ней есть свои радости. Она способна развиваться.

В волшебных сказках можно понимать этот типичный образ бедной, но изобретательной девочки как психологический мотив, изображающий духовно богатую личность, которая медленно, но верно обретает все большую осознанность и силу. Можно сказать, что этот образ – точный портрет каждой из нас, ведь все мы медленно, но верно идем вперед.

В социальном смысле башмачки – это сигнал, возможность отличить одного человека от другого. Часто художники носят совсем другую обувь, чем, скажем, инженеры. Обувь может кое-что рассказать о том, что мы собой представляем, и даже о том, чем мы стремимся стать, о персоне, которую мы на себя примеряем.

Архетипическая символика обуви берет начало в древности, когда обувь была свидетельством власти: правители имели ее, а рабы – нет. Даже сегодня во многих странах мира людей учат выносить суждения об уме и способностях окружающих, исходя из того, ходят они босиком или обуты, а у обутых – исходя из качества обуви.

Этот вариант сказки родом из холодных северных стран, где обувь – ни много ни мало одно из средств выживания. Держать ноги теплыми и сухими – значит пережить трескучие морозы и сырость. Помню, тетушка мне рассказывала, что украсть зимой у человека единственную пару обуви значило совершить преступление, равноценное убийству. Такой же опасности подвергается и творческая, необузданная натура женщины, если она не может сохранить связь с истоками роста и радости. Они ее тепло, ее защита.

Символ обуви можно понимать как психологическую метафору: они защищают и оберегают то, на чем мы стоим, – наши ноги. В архетипической символике ноги олицетворяют подвижность и свободу. В этом смысле иметь обувь для защиты ног – значит быть уверенным в своих убеждениях и иметь возможность действовать, исходя из них. Не имея «обуви» для души, женщина не способна справиться с внешними и внутренними обстоятельствами, требующими от нее проницательности, здравого смысла, осмотрительности и жесткости.

Жизнь и жертва идут рука об руку. Красный – цвет жизни и жертвы. Чтобы жить полной жизнью, мы приносим разнообразные жертвы. Если вы хотите учиться в университете, приходится жертвовать временем и средствами и целиком посвятить себя этой цели. Если хотите заниматься творчеством, то, чтобы запечатлеть свои самые яркие озарения, самые сокровенные видения, приходится жертвовать внешним благополучием, стабильностью, а нередко и желанием нравиться.

Проблемы возникают в том случае, если из многочисленных жертв не рождается новая

жизнь. Тогда красный цвет становится цветом кровопотери, а не яркой жизни. Именно это и происходит в сказке. В первый раз яркий и любимый красный цвет оказался утрачен, когда сожгли самодельные красные башмачки. Это положило начало тоске, одержимости и, наконец, болезненной привязанности к другому красному цвету: цвету излишеств, дешевых сенсаций, бездушного секса – всего того, что ведет к бессмысленной жизни.

Итак, понимая все аспекты этой сказки как составляющие единой женской души, можно увидеть, что, мастеря себе красные башмачки, девочка совершает главный подвиг: она поднимает свою жизнь со ступени босоногости/рабства – когда просто идешь, уставившись на дорогу, не глядя ни вправо, ни влево, – на ступень сознания, когда останавливаешься, чтобы создавать, когда видишь красоту и чувствуешь радость, когда испытываешь страсти и отмечаешь насыщение и все то, что составляет целостную натуру, которую мы называем дикой.

По сути, красный цвет башмачков указывает на то, что впереди нас ожидает полная жизнь, в которой есть все, в том числе и жертва. Так и должно быть. То, что башмачки самодельные и сделаны из лоскутков, указывает, что ребенок олицетворяет творческий дух: не имея матери и не получив воспитания, девочка, руководствуясь лишь врожденным чувством, сама сложила все лоскутки воедино. Браво! Какое прекрасное душевное достижение!

Если бы на этом и остановиться, ситуация для творческой самости сложилась бы наилучшим образом. В сказке девочка в восторге от самодельной обновки, оттого, что справилась с задачей: терпеливо искала, собирала, придумывала, мастерила, примеряла и в итоге сумела воплотить свой замысел. Не важно, что ее первое произведение получилось грубым, – во всех культурах и во все времена многие боги-творцы поначалу творили не лучшим образом. Первую попытку всегда можно улучшить, как и вторую, а там и третью, и четвертую. Это никак не связано с душевными качествами и умениями человека. Это просто жизнь, которая нас пробуждает и развивает.

Но если бы девочку оставили в покое, она смастерила бы еще одну пару красных башмачков, а за ней еще одну и еще – пока они перестали бы получаться грубыми. Помимо того, что она проявила удивительную изобретательность и жизнестойкость в трудных обстоятельствах, особо ярким является тот факт, что самодельные башмачки стали для нее причиной огромной радости, а для ее жизни радость – это кровь, духовная пища и жизнь души, все вместе взятое.

Радость – это то чувство, которое испытывает женщина, когда просто доверяет свои мысли листу бумаги или впервые попадает точно в тон. Ух ты! Невероятно! Это чувство, которое испытывает мечтающая о ребенке женщина, когда обнаруживает, что беременна. Это чувство, которое испытывает женщина, когда видит, как веселятся те, кого она любит. Это чувство, которое испытывает женщина, совершив то, к чему стремилась, чего хотела всей душой, что чревато риском, что потребовало от нее напряжения сил, развития и принесло успех – он может быть заслуженным или нет, но она добилась своего, создала что-то или кого-то: произведение искусства, победу, момент, свою жизнь. Это – инстинктивное состояние бытия, естественное для женщины. Именно через такую радость проявляется Первозданная Женщина. Именно эта душевная ситуация окликает ее по имени.

Но в сказке судьба распорядилась так, что в один прекрасный день в жизнь девочки со скрипом въезжает раззолоченная карета – образ, прямо противоположный сшитым из лоскутков простеньким красным башмачкам, простой радости жизни.

Ловушки

Ловушка первая: золоченая карета, обесцененная жизнь

В архетипической символике карета – это буквальный образ: средство, которое переносит человека из одного места в другое. В современных сновидениях и современном

фольклоре на ее место пришел автомобиль, передающий то же архетипическое ощущение. Такое «транспортное» средство традиционно понимается как главный настрой души, переносящий ее из одного состояния в другое, от одной идеи к другой, от одной мысли к другой, от одной попытки к другой.

Для девочки сесть в золоченую карету старой дамы – все равно что войти в позолоченную клетку: на первый взгляд это сулит более легкую и удобную жизнь, а на деле заманивает в ловушку. Такую западню сразу не разглядишь, поскольку позолота слепит глаза. Представьте себе: мы идем по своему жизненному пути в самодельных красных башмачках, и на нас находит такое настроение: «А может, в жизни есть кое-что получше, полегче, не требующее столько времени, энергии и усилий?»

В жизни женщины подобное случается нередко. Мы на середине пути, и наше отношение к нему колеблется от плюса к минусу. Мы только начинаем налаживать свою жизнь и делаем для этого все, что можем. Но скоро на нас что-то находит и говорит: «Это для тебя трудновато. Посмотри-ка лучше, какая там красота. Эта заманчивая штука выглядит куда доступнее, лучше, привлекательнее». Неожиданно подкатывает раззолоченная карета, распахивается дверца, опускается лесенка, и мы влезаем внутрь. Мы поддались искушению. Это происходит постоянно, даже ежедневно. Иногда бывает очень трудно сказать «нет».

Так мы выходим замуж не за того мужчину, потому что это позволит нам улучшить материальное положение. Мы забрасываем новое произведение, над которым работаем, и возвращаемся на старый проторенный путь, надоевший нам уже десять лет назад. Мы не превращаем просто хорошее стихотворение в шедевр, а довольствуемся очередным вариантом, вместо того чтобы поработать с ним еще и еще раз.

Появление позолоченной кареты перевешивает безыскусное наслаждение красными башмачками. Хотя этот эпизод можно интерпретировать как проявление женского стремления к материальным благам и комфорту, он чаще выражает простое психологическое желание не прилагать особых трудов к достижению основных целей творческой жизни. Само по себе стремление облегчить себе жизнь – не ловушка, а естественное желание эго. Да, но какой Ценой? Цена и есть ловушка. Ловушка захлопывается, когда девочка соглашается жить у старой дамы. Там она должна вести себя прилично и тихо – ей не разрешается открыто выражать свои желания, тем более их осуществлять.

В классической юнгианской психологии подчеркивается, что потеря души чаще всего происходит в среднем возрасте: лет в тридцать пять или позже. Но в современном обществе потеря души угрожает женщине каждый Божий день – восемнадцать вам или восемьдесят, замужем вы или нет – независимо °т родословной, образования или материального положения. Многие «образованные» люди снисходительно улыбаются, слыша, что у «примитивных» народностей есть бесконечные перечни переживаний и событий, которые, по их мнению, могут похитить душу, – от встречи с медведем в неподходящее время года до посещения дома, который не успели освятить после того, как в нем кто-то умер.

Хотя в современной культуре много чудесного и жизнеутверждающего, у нас на один квартал приходится больше неурочных встреч с медведями и больше посещений неосвященных мест, чем на тысячу квадратных миль какого-нибудь захолустья. Главный психологический факт остается тем же: связь со смыслом, страстью, душевностью и своей дикой природой – это то, за чем необходимо неусыпно следить. Есть много возможностей выбросить, отнять, выманить у нас самодельные башмачки, например, просто сказав: «Я займусь этим позже, отложу (танец, посадку, объятия, поиски, планы, учебу, примирение, уборку) на потом». Все это – ловушки.

Ловушка вторая: чопорная старая дама, старческая сила

В толковании сновидений и сказок владелец «переносчика отношений», раззолоченной кареты, рассматривается как главный движитель, который принуждает душу, толкает ее вперед, двигает в том направлении, что угодно ему. В данном случае душой начинают манипулировать ценности старой дамы, владелицы кареты.

В классической юнгианской психологии архетипический образ старика часто называют «сенексной» силой. Латинское слово senex значит «старик». Более правильно и без учета пола символ старости называют старческой силой – той, которая действует так, как это свойственно пожилым людям [1].

В сказках эту старческую силу олицетворяет пожилой человек, который часто изображается несколько однобоким – это указывает на то, что душевный процесс человека тоже развивается однобоко. В идеальном смысле старая женщина олицетворяет достоинство, опеку, мудрость, самопознание, верность традициям, четкие рамки и опыт… изрядно сдобренные ворчливой, въедливой, прямолинейной, придирчивой сухостью.

Когда старая дама использует все эти качества во вред, как это происходит в сказке «Красные башмачки», это становится предостережением: тем аспектам души, которые нуждаются в тепле, со временем предстоит окоченеть. Те свойства души, которые обычно играют и трепещут, скоро будут туго накрахмалены, перелицованы или изуродованы до неузнаваемости. Когда девочка садится в позолоченную карету старой дамы, а затем попадает к ней в дом, она так же верно оказывается в ловушке, как если бы сунула руку в двойной охотничий капкан.

Как мы видим в сказке, обеспеченная жизнь в доме у старой дамы, куда нет доступа ничему новому, оборачивается рабством у всего старого, собственно старческого. Вместо того чтобы по-настоящему заботиться о воспитаннице, старуха пытается остановить ее развитие. В этой сказке старая дама не обладает мудростью, а упорно настаивает на одной-единственной ценности, отвергая эксперименты и необходимость обновления.

Описываемые эпизоды в церкви свидетельствуют о том, что эта единственная ценность гласит: мнение коллектива превыше всего – оно перевешивает потребности отдельно взятой дикой души. Часто коллективом считают общество [2], окружающее человека. Это верно, но Юнг определяет его как «множество в противовес одному». На нас оказывают влияние многие коллективы: группы, в которые мы входим, и группы, членами которых мы не являемся. Какими бы ни были окружающие нас коллективы, – научными, духовными, финансовыми, производственными, семейными или иными, – они раздают ощутимые награды и наказания и тем, кто в них входит, и тем, кто не входит. Они стремятся на все влиять и все контролировать: от наших мыслей до выбора партнеров и цели нашей жизни. Они могут также дискредитировать усилия, которые не совпадают с их предпочтениями, или чинить им препятствия.

В этой сказке старая дама выступает символом косного хранителя коллективных традиций, поборника непререкаемого статус-кво, правил вроде «веди себя прилично», «не горячись», «не слишком задумывайся», «не высовывайся», «будь бледной тенью», «будь кроткой овечкой», «говори „да“, даже если тебе не нравится, не подходит, жмет и трет». И так далее.

Следовать такой безжизненной системе ценностей – значит совершенно утратить связь с собственной душой. Независимо от коллективного членства или влияния, наша задача – во имя дикой души и своего творческого духа не смешиваться с каким бы то ни было коллективом, а, разграничив себя с теми, кто нас окружает, наводить мосты по собственному усмотрению. Нам решать, какие мосты будут прочными и многолюдными, а какие получатся шаткими и пустыми. И мы удостоим общения только те коллективы, которые смогут оказать самую сильную поддержку нашей душе и творческой жизни.

Если женщина работает в университете, ее окружает научный коллектив. Ей следует, не смешиваясь с тем, что может предложить ей это окружение, украсить его своим собственным ароматом. Являясь существом цельным, она, если только не занята какими-то другими важными вещами, способными это компенсировать, не может себе позволить стать однобоким брюзгливым созданием, твердящим: «Я делаю свое дело, ступайте домой, идите сюда…» Если женщина пытается стать частью организации, ассоциации или семьи, которая не удосуживается вглядеться в нее, чтобы увидеть, из какого теста она сделана, не удосуживается спросить: «От чего она бежит?», не старается ее ободрить или воодушевить, –

это отрицательно сказывается на ее способности цвести и творить. Чем суровее обстоятельства, тем дальше они загоняют женщину в солончаковую пустошь, где нет места ничему живому.

Отделение женской жизни и души от сглаженного коллективного мышления и развитие ее уникальных дарований – главнейшие из доступных женщине достижений, ибо эти поступки не дают душе и психике попасть в рабство. Общество, которое подлинно способствует индивидуальному развитию, никогда не превратит представителей той или иной группы, того или иного пола в рабов.

Однако в сказке дитя принимает абстрактные и безжизненные ценности старой дамы. Именно тогда девочка дичает, переходит из естественного состояния в подневольное. Скоро, не имея врожденного чутья, не умея разглядеть опасность, она потянется к диким радостям дьявольских красных башмачков.

Отойдя от исполненной страстей подлинной жизни и сев в золоченую карету сухой и чопорной старой дамы, мы в результате усваиваем персону и притязания старой зануды-перфекционистки. [36] И тогда, как и все подневольные существа, мы впадаем в печаль, выливающуюся в некую неутолимую тоску, которую в моей практике часто называют «беспокойство без названия». В этом состоянии нам грозит опасность ухватиться за первую же приманку, которая обещает нам вернуть ощущение жизни.

Здесь важно глядеть в оба и тщательно взвешивать, если нам предлагают легкую жизнь или безопасный путь, особенно если взамен мы должны возложить свою радость творчества на погребальный костер, а не позволить ей самой пылать ярким пламенем.

Ловушка третья: уничтожение сокровища, hambre del alma, душевный голод

Иногда мы сжигаем с радостью, а иногда сжечь – значит уничтожить. Если в первом случае огонь преображает, то во втором только уничтожает. Нам нужен именно преображающий огонь. Но некоторые женщины отказываются от красных башмачков и соглашаются стать чистенькими, милыми, полностью согласными с чьим-то видением мира. Мы предаем свои веселые красные башмачки разрушительному огню, когда без разбора поглощаем чужие ценности, пропагандистские призывы и идеи. Красные башмачки сгорают дотла, когда мы рисуем, поступаем, пишем, действуем так, что это приводит к оскудению нашей жизни, затуманивает видение, ломает наш духовный хребет.

Тогда женскую жизнь покрывает бледность, потому что теперь она hambre del alma, изголодавшаяся душа. Все, что ей нужно, – получить обратно свою сокровенную жизнь. Все, что ей нужно, – самодельные красные башмачки. Необузданную радость, которую они олицетворяют, можно сжечь на костре небрежения, на костре недооценки собственной работы. Их можно сжечь в огне добровольного молчания.

Многие, слишком многие женщины связывают себя страшной клятвой гораздо раньше, чем узнают что-то лучшее. В молодости они успели изголодаться по элементарному ободрению и поддержке и исполниться такой печали и отвращения, что отложили перо, закрыли слова на замок, выключили музыку, скатали холсты и поклялись никогда к ним не притрагиваться. В таком состоянии женщина очертя голову бросается в печь вместе со своей самодельной жизнью. И ее жизнь превращается в пепел.

Жизнь женщины гибнет в огне ненависти к себе, потому что комплексы могут больно кусаться и, по крайней мере на время, так напугать ее, что она станет обходить стороной то дело своей жизни, которое для нее дороже всего. Много лет будет потрачено на то, чтобы не ходить, не двигаться, не учиться, не находить, не получать, не брать на себя, не становиться.

И то, как женщина видит собственную жизнь, тоже может погибнуть в пламени чьей-то зависти или чьей-то неприкрытой враждебности по отношению к ней. Семья, наставники, учителя и друзья не должны быть враждебными, даже чувствуя зависть, но некоторые

---

[36] Здесь: перфекционизм – стремление к совершенству любой ценой. – Прим. ред.

определенно бывают – как тайно, так и явно. Ни одна женщина не может позволить своему творческому началу висеть на волоске, пока она разбирается с противником в лице любовника, родителя, учителя или друга.

Когда жизнь души сгорает дотла, женщина теряет животворное сокровище и начинает действовать хладнокровно, как Смерть. Желание получить обратно красные башмачки, обрести необузданную, дикую радость не только хранится в ее бессознательном, но растет и крепнет, пока наконец не встанет на ноги и не понесется вперед, яростное и голодное.

Если вас довели до состояния hambre del alma, значит, вас гложет беспощадный голод. Его может утолить все что угодно, лишь бы это снова позволило вам почувствовать себя живой. Попавшая в неволю женщина не знает ничего лучшего и возьмет любое, хорошее или плохое, лишь бы оно было похоже на утраченное сокровище. Женщина, изголодавшаяся по истинной жизни души, внешне может выглядеть умытой и причесанной, хотя внутри у нее десятки протянутых рук и голодных ртов.

В этом состоянии она возьмет любую пищу, независимо от ее состояния или действия, ибо она пытается компенсировать прежние утраты. И хотя эта ситуация поистине ужасна, дикая Самость будет снова и снова стараться нас спасти. Она шепчет, хнычет, зовет, тащит наши безжизненные тела во снах, пока мы не осознаем свое состояние и не предпримем шаги, чтобы вернуть сокровище.

Мы сможем лучше понять гонимую душевным голодом женщину, которая Ударяется в крайности – чаще всего это наркотики, выпивка и неудачная любовь, – если понаблюдаем за поведением голодного животного, рыщущего в поисках добычи. Считается, что волк, как и голодная душа, злобен, ненасытен, нападает на невинных и неосторожных, убивает ради убийства, никогда не знает меры. Как видите, в сказках и в реальной жизни волк пользуется незаслуженно дурной репутацией. На самом деле волки – убежденные общественные существа. Стая инстинктивно организована так, что здоровые волки убивают ровно столько, сколько нужно для прокорма. От этого обычая отступают только если отдельный волк или вся стая потерпели ущерб.

Волк, когда ему плохо, убивает без меры только в двух случаях. Он может убивать без разбора, если болен бешенством или чумой. Он может убивать больше, чем необходимо, после долгого периода голода. То, как голод может изменять поведение живых существ, – смысловая метафора изголодавшейся душой женщины. В девяти случаях из десяти женщина, столкнувшись с духовной или психологической проблемой, что заманивает ее в ловушку, где она испытывает тяжкие страдания, – это женщина, которую терзает голод или которая пережила острый душевный голод в прошлом.

У волков голод случается, когда выпадет много снега и невозможно догнать дичь. Олени и карибу [37] действуют как снегоочистители, а волки идут по глубокому снегу по их следам. Когда же из-за сильных снегопадов олени оказываются в снежном плену, никто не расчищает тропу, и волкам приходится несладко. Наступает голод. Зима для волка – самое голодное, самое опасное время. Для женщины голод может наступить в любое время, он может прийти с любой стороны, в том числе из привычного круга общения.

Для волка голод обычно заканчивается весной, когда начинает таять снег. Изголодавшаяся стая может впасть в безумие и предаться безудержному убийству. Тогда волки не пожирают излишек убитой добычи и не прячут ее. Они ее бросают. Они убивают куда больше, чем могут съесть, куда больше, чем им когда-нибудь понадобится [3]. Сходный процесс происходит, когда женщина побывала в неволе и изголодалась. Внезапно обретя свободу – свободу идти, делать, быть, – она тоже может впасть в опасное безумие и предаться излишествам. И при этом будет чувствовать себя правой. Девочка из сказки тоже чувствует себя правой, стараясь любой ценой завладеть смертоносными красными башмачками. Есть в голоде нечто такое, что искажает представление о правоте.

---

[37] Канадский олень (Rangifer caribou).

Поэтому, когда сокровище – самое сокровенное в жизни женщины – сгорает дотла, она, вместо того чтобы сгорать от нетерпения, становится ненасытной. Так, например, если женщине не разрешали рисовать, она может внезапно начать рисовать день и ночь, изводить себя недосыпанием, лишать ни в чем не повинный организм питания, подрывать здоровье и вытворять еще бог знает что. Если глаза закрываются, она тянется за стимулятором – кто знает, сколько еще времени ей удастся оставаться свободной.

Hambre del alma – жажда того, что полагается душе: творческое состояние, острота чувственного восприятия и другие дары инстинкта. Если женщина вынуждена вести себя как дама и сидеть только тесно сдвинув колени, если, услышав крепкие выражения, она готова упасть в обморок, если ей никогда не разрешали пить ничего кроме пастеризованного молока, тогда – взгляните на нее, когда она вырвется на свободу! Она пьет джин с содовой и никак не может напиться, она сидит развалившись, как пьяный матрос, а от ее речей краска облезает со стен. Изголодавшуюся душу всегда снедает страх, что, неровен час, ее снова поймают. Поэтому она пользуется случаем и берет, пока дают [4].

Излишествами и крайностями себя разрушают те женщины, которые изголодались по жизни значимой, исполненной смысла. Если женщина длительное время была отрезана от своих циклов или творческих нужд, она начинает неистово предаваться чему угодно, бросаясь в крайности: пьянство, наркотики, гнев, поглощение суррогатов духовности, деспотизм, беспорядочные связи, беременность, наука, творчество, руководство, учеба, бизнес, аэробика, обжорство – этот список вы можете продолжить сами. Поступая так, женщины компенсируют утрату обычного цикла самовыражения, душевного выражения, душевного насыщения.

Такая женщина переживает одно голодание за другим. Она может замышлять бегство и все же думать, что цена побега слишком высока, что это будет стоить ей слишком большой потери либидо, слишком большой потери энергии. Некоторые могут быть не готовы и в других отношениях – из-за скудости образования, материального положения, духовного развития. К несчастью, утрата сокровища и воспоминания о голоде, засевшие глубоко в памяти, могут заставить нас прийти к выводу, что излишество – дело полезное. И потом, конечно, это такое облегчение и счастье – наконец обрести возможность наслаждаться ощущением, любым ощущением.

Женщина, которая только что избавилась от голода, ради разнообразия хочет просто наслаждаться жизнью. Ее восприятие эмоциональных, рациональных, физических, духовных и финансовых границ – необходимое условие для выживания – притупилось, а это чревато опасностью. Где-то перед ней маячит пара смертоносных ярко-красных башмачков. Она схватит их, как только найдет. Вот чем опасен голод. Если женщине покажется, будто что-то сможет утолить ее голод, она набросится на это без лишних раздумий.

Ловушка четвертая: повреждение основного инстинкта – последствие неволи

Инстинкт – вещь трудно определимая, ибо его не увидишь глазами. Хотя нам известно, что инстинкты присущи человеку с незапамятных времен, никто толком не знает, в каком месте нервной системы они обитают и как именно на нас воздействуют. Если смотреть с психологической точки зрения, то Юнг полагал, что инстинкты происходят из психоидного бессознательного, того уровня психики, где могут соприкасаться биологическое и духовное. Я сознательно придерживаюсь той же точки зрения и, пойдя дальше, рискну предположить, что творческий язык, в частности, есть такой же лирический язык Самости, как и символика сновидений.

Этимологически слово «инстинкт» происходит от латинских слов instingue-re, что значит «импульс», и instinctus, что значит «побуждение» – подстрекательство или принуждение со стороны внутреннего голоса. Инстинкт можно рассматривать как полезное качество, нечто внутреннее, что в союзе с предусмотрительностью и сознанием направляет человека к целостным поступкам. Женщина рождается с полноценным набором инстинктов.

Хотя мы могли бы сказать, что девочка из сказки попала в новую обстановку, где ее

грубые свойства смягчились, а все трудности жизни остались позади, но на самом деле ее индивидуация прекратилась, и ее стремление развиваться заглохло. А когда старая дама – образ, выражающий притупляющее воздействие, – видит в плодах труда творческого духа не сокровище, а мусор, и сжигает самодельные красные башмачки, девочка не просто замолкает. Она печалится, а это обычное состояние творческого духа, отрезанного от естественной для души жизни. Хуже того, инстинкт, который подтолкнул бы ребенка к бегству от этой напасти, притупился, сошел на нет. Вместо того чтобы стремиться к новой жизни, девочка тонет в душевной трясине. Отсутствие чувства в том случае, когда оно абсолютно оправданно, приводит к депрессии. А это еще одна ловушка.

Называйте душу как угодно: союзом с диким началом, надеждой на будущее, неукротимой энергией, творческой одержимостью, своим путем, своим делом, Возлюбленной, дикой невестой, «пушинкой на устах Бога» [5]; какие бы слова или образы вы ни использовали, чтобы обозначить этот элемент вашей жизни, именно он оказался в неволе. Именно поэтому творческий дух вашей души оказался так ущемлен.

Исследуя разные виды животных в неволе, ученые обнаружили: как бы любовно ни были оборудованы их места обитания в зоопарке, как бы ни любили их служители – а они их действительно любят, – звери часто теряют способность размножаться, их потребности в пище и отдыхе меняются, былая жизнерадостность сменяется сонливостью, угрюмостью или беспричинной агрессией. Зоологи называют такое поведение «депрессией животных». Когда животное держат в клетке, его естественные циклы сна, выбора партнера, гона, ухаживания, воспитания потомства и т.д. нарушаются. На месте утраченных естественных циклов образуется пустота. Но эта пустота, в отличие от буддийского представления о священной пустоте, не полна, а именно пуста, как внутренность герметически закрытого ящика.

Так и любая женщина, войдя в дом сухой и чопорной старой дамы, ощущает недостаток решимости, тоску, скуку, обычную депрессию и внезапную тревогу – симптомы, похожие на те, какие проявляют страдающие от неволи и травмы животные. При слишком сильном одомашнивании наши некогда сильные и необходимые побуждения к игре, общению, скитаниям, завязыванию отношений – исчезают. Если женщина соглашается стать слишком «воспитанной», ее инстинкты, регулирующие эти побуждения, погружаются в темное бессознательное и становятся для нее недосягаемыми. Тогда говорят, что ее инстинкты повреждены. То, что должно происходить естественно, не происходит вовсе или происходит после долгих раскачиваний, размышлений, борьбы с самой собой.

Отождествляя слишком сильное одомашнивание с неволей, я не имею в виду социализацию – процесс обучения детей более или менее цивилизованному поведению. Социальное развитие – дело важное и необходимое. Без него женщина не смогла бы нормально сосуществовать со своим окружением.

Но чрезмерно одомашнить – все равно что запретить быть жизнерадостной. Это правильное и здоровое состояние: ведь дикая самость не должна быть покорной или безразличной. Она чутко реагирует на каждое движение, на, каждый миг. Она не ограничена каким-то одним абсолютным, повторяющимся шаблоном на все случаи жизни. Она обладает творческим выбором. У женщины, чьи инстинкты повреждены, такого выбора нет. Она увязла в трясине.

Есть много способов увязнуть. Обычно женщина с поврежденными инстинктами разбазаривает себя, поскольку ей трудно попросить о помощи или осознать собственные потребности. Ее природные инстинкты, побуждающие ее дать отпор или бежать со всех ног, крайне замедлены или сведены на нет. Способность распознавать такие ощущения, как сытость, посторонний привкус, опасность, настороженность и стремление к всеобъемлющей и свободной любви, ослаблена или преувеличена.

Как и в сказке, одна из самых коварных атак на дикую самость – это требование вести себя прилично, сопровождаемое обещанием награды (которая вряд ли последует). Хотя этот метод иногда (повторяю: иногда) помогает убедить трехлетнего ребенка убрать в комнате (никаких игрушек, пока не застелешь постель) [6], он никогда и ни при каких условиях не

принесет успеха, если речь идет о живой женщине. Хотя постоянство, последовательность и организованность – важные факторы, положительно влияющие на творческую жизнь, требование старой дамы «вести себя прилично» убивает все возможности роста.

Игра, а вовсе не какие-либо приличия, – главная артерия, ядро, мозговой ствол творческой жизни. Стремление к игре – один из инстинктов. Будь паинькой – творческая жизнь на нуле. Сиди смирно – аналогичный случай. Всегда будь сдержанна в словах, мыслях и поступках – никакого творческого огня. Любая группа или организация, любое общество или учреждение, которое поощряет женщин осуждать все странное, относиться с подозрением к новому и необычному, избегать пылкого, энергичного, изобретательного, обезличивать личное, тем самым хочет насадить культуру мертвых женщин.

Яркий пример одичавшей женщины, инстинкты которой оказались повреждены разрушительными для духа силами, – Джейнис Джоплин, известная в шестидесятые годы блюзовая певица. Ее творческая жизнь, невинная любознательность, любовь к жизни, несколько непочтительное отношение к миру в период взросления – все это подвергалось безжалостному поношению со стороны учителей и многих из тех, кто окружал ее в «приличной» общине южных баптистов, где она росла.

Хотя она была отличницей и талантливой художницей, девочки не водились с ней, потому что она не пользовалась косметикой [7], а соседи не одобряли за то, что она любила забраться на скалы за городской чертой и петь там вместе с друзьями, и еще за то, что она слушала джаз. Когда наконец она сбежала в мир блюза, то была так голодна, что уже не могла остановиться. У нее были неустойчивые границы, то есть отсутствие тормозов, когда дело касалось секса, выпивки и наркотиков [8].

И в Бесси Смит, Энн Секстой, Эдит Пиаф, Мэрилин Монро и Джуди Гарланд было нечто такое, что укладывается в ту же схему изголодавшейся души с поврежденными инстинктами: попытки приспособиться, утрата чувства меры, неспособность остановиться [9]. Можно было бы составить длинный список талантливых женщин с поврежденными инстинктами, совершивших в таком уязвимом состоянии роковой выбор. Как дитя в сказке, все они где-то в пути потеряли свои самодельные башмачки и нашли дорогу к смертоносным красным башмачкам. Все они были полны печали, потому что изголодались по духовной пище, душевной беседе, безыскусным скитаниям, по праву быть такой, как хочется, по пути к Богу, по простой и здоровой чувственности. Но, сами того не ведая, они выбрали заколдованные башмачки – убеждения, поступки, представления, которые способствовали все большему и большему разрушению жизни, которые превратили их в призраков, кружащихся в безумной пляске.

Нельзя не учитывать, что поврежденные инстинкты становятся главной причиной того, что женщины совершают безумные поступки, становятся одержимы навязчивыми идеями или идут по менее гибельному, и все же разрушительному пути. Восстановление поврежденных инстинктов начинается с того, что женщина признает: она попала в ловушку, за которой последовал душевный голод, и обычные границы интуиции и самозащиты оказались нарушенными. Процесс, который довел женщину до неволи и последовавшего за ней голода, необходимо обратить вспять. Но многие женщины вначале проходят через следующие пять стадий, как это описано в нашей сказке.

Ловушка пятая: попытка украсть тайную жизнь – раздвоение "я"

В этой части сказки девочке предстоит конфирмация, и ее ведут к сапожнику за новыми башмаками. Мотив конфирмации – сравнительно новое дополнение к старой сказке. С точки зрения архетипа, вполне вероятно, что «Красные башмачки» – это скрытый под множеством наслоений фрагмент гораздо более старого мифа или сказки о появлении первых менструаций и вступлении в менее защищенную матерью жизнь. С помощью этой сказки женщины постарше когда-то учили молодых осознанности и адекватной реакции на окружающий мир [10].

Есть сведения, что в матриархальных обществах Египта, а также Древней Индии, Турции и некоторых других районов Азии (считается, что именно оттуда на тысячи миль во всех направлениях распространилось и дошло до нас представление о женской душе) главным событием пороговых обрядов было вручение юным девушкам хны и других красных пигментов, чтобы они могли красить ими ступни [11]. Один из самых важных пороговых обрядов был связан с первой менструацией. Этот обряд знаменовал переход от детства к полноценной способности зарождать в своем чреве новую жизнь, владеть сопутствующей сексуальной энергией и всеми прочими женскими качествами. На всех этапах этой церемонии использовалась красная маточная кровь во всех ее проявлениях: менструальная и та, которая выделяется при родах и при выкидыше и во всех случаях стекает по ногам вниз, к ступням. Как видите, у красных башмачков есть богатый подтекст.

Упоминание Дня избиения младенцев – тоже более позднее дополнение. Здесь речь идет о христианском празднике, который в Европе в конце концов вытеснил древний языческий праздник зимнего солнцестояния. В языческом мире в этот день женщины выполняли ритуальное очищение тела и души/духа, готовясь к буквальному и символическому обновлению, которое приходит месте с весной. В эти ритуалы могло входить коллективное оплакивание потерь при деторождении [12] – включая смерть новорожденного, выкидыш, мертворожденного ребенка, прерывание беременности и другие важные события в сексуальной и репродуктивной жизни женщины за истекший год [13].

Далее в сказке следует один из наиболее красноречивых эпизодов душевного гнета. Ненасытный душевный голод девочки сметает преграды, сдерживавшие ее поведение. В лавке сапожника она тайком от старой дамы хватает странные красные башмачки. Вырвавшись на поверхность души, неутолимая жажда душевной жизни заставляет хватать все, что попадается под руку, потому что эго знает: скоро его свободе придет конец.

Такая безудержная алчность бывает в том случае, когда большая часть женской самости оказалась подавленной и вытесненной в теневую область души. С точки зрения аналитической психологии, вытеснение в бессознательное инстинктов, потребностей, чувств – как положительных, так и отрицательных – вынуждает их обитать в теневом мире. В то время как эго и супер-эго пытаются и дальше контролировать теневые импульсы, давление, которое вызывают эти попытки, можно сравнить с пузырьком в боковой стенке автомобильной шины. Когда колесо вращается и шина нагревается, давление на пузырек увеличивается и шина взрывается, выбрасывая содержимое наружу.

Так же ведет себя и тень. Вот почему человек типа Скруджа может поразить всех, внезапно пожертвовав миллионы на приют для сирот. Или почему обычно милый человек способен выкинуть неожиданный номер, подобный вспышке фейерверка. Мы обнаруживаем, что, приоткрывая дверь в теневой мир и понемногу выпуская обитающие там элементы, общаясь с ними, находя им применение, договариваясь с ними, можно уменьшить риск неприятного сюрприза, когда тень устраивает внезапные набеги и неожиданные взрывы.

Хотя у каждой культуры могут быть свои ценности и, таким образом, в теневую зону могут вытесняться различные, «положительные» и «отрицательные» качества, однако обычно считаются отрицательными и, следовательно, отправляются в тень те импульсы, которые толкают человека на воровство, обман, убийство, разнообразные излишества и другие поступки такого же рода. Отрицательные, теневые аспекты парадоксальным образом возбуждают, однако, являясь носителями энтропии, они лишают равновесия и покоя отдельных людей, пары и более широкие группы.

Однако тень тоже содержит в себе божественные, приятные, прекрасные и сильные аспекты личности. Особенно это касается женщин – у них тень почти всегда содержит те очень тонкие аспекты бытия, которые в обществе запрещены или почти не получают поддержки. У очень многих женщин на дне колодца находится наделенная пророческим даром созидательница, проницательная поборница истины, ясновидящая, та, кто может судить о себе, не умаляя собственных достоинств, может смотреть на себя без отвращения, может совершенствовать свое ремесло. В нашем обществе такие благотворные для женщин

теневые импульсы чаще всего сосредоточиваются вокруг права самой творить свою жизнь.

Эти выброшенные за ненадобностью, обесцененные, «неприемлемые» стороны души и самости не просто скрываются в темноте, а замышляют заговор: как и когда вырваться на свободу. Там, в темноте бессознательного, они клокочут, бурлят, кипят, пока однажды, как бы плотно ни была закрыта крышка, не происходит взрыв, и тогда они неудержимой лавиной выплескиваются наружу и вытворяют, что хотят.

И тогда, как говорят в наших краях, справиться с ними – все равно что затолкать два мешка глины в один. То, что вырвалось из тени, трудно сдержать, если взрыв уже произошел. Конечно, гораздо лучше найти целостный способ, позволяющий сознательно пережить радость творческого духа, а не зарывать ее в землю; однако иногда женщину загоняют в угол – и получают соответствующий результат.

Теневая жизнь настает, если писательница, художница, танцовщица, мать, искательница, мистик, ученица, путешественница перестает писать, рисовать, танцевать, растить, искать, созерцать, учиться, странствовать – делать свое дело. Она может перестать это делать, если то, чему она уделяла столько времени, не оправдало ее надежд, не получило заслуженного признания – или по множеству других причин. Если творческая натура по той или иной причине прекращает творить, энергия, которая к ней естественно притекала, уйдет под землю и будет вырываться на поверхность когда сможет и где сможет. Поскольку женщина чувствует, что при свете дня не может открыто заниматься любимым делом, она начинает вести странную двойную жизнь, на людях притворяясь одной – и ведя себя по-другому, когда удается улучить момент.

Если женщина притворяется, что упаковала свою жизнь в аккуратную и изящную коробочку, она добивается только одного: вся ее взведенная, как пружина, жизненная энергия уходит в тень. «У меня все хорошо», – говорит такая женщина. Мы смотрим на нее через комнату или в зеркало и понимаем, что ей отнюдь не хорошо. А потом в один прекрасный день мы узнаем, что она связалась с пианистом и сбежала с ним в Типпикану, чтобы стать звездой бильярда. Мы недоумеваем: что случилось? Ведь мы знаем, что она терпеть не может пианистов, всегда хотела жить на Оркнатских островах, а не в Типпикану и никогда раньше не упоминала о бильярде.

Дикая женщина может, как Гедда Габлер в пьесе Генрика Ибсена, со скрежетом зубовным притворяться, что живет «как все», но за это всегда приходится расплачиваться. Гедда тайком ведет страстную и опасную жизнь, играя в игры со своим бывшим любовником и со Смертью. Внешне она притворяется, что вполне довольна жизнью, меняя шляпки и слушая скучное брюзжание мужа-зануды. Внешне женщина может вести себя учтиво и даже цинично, а в Душе истекать кровью.

Или, подобно Джейнис Джоплин, женщина может пытаться уступать, пока не закончатся силы, и тогда ее творческая натура, измученная и искалеченная долгим пребыванием в тени, бурно взрывается, восставая против пут бездумного «воспитания», которому нет дела ни до дарований человека, ни до его жизни.

Можете называть это как угодно, но необходимость урывками красть жизнь – если уж в реальной жизни ей не дают места, где она могла бы цвести, – плохо сказывается на жизнеспособности женщины. Женщина, которая попала в неволю и изголодалась, будет хвататься за все подряд: за недозволенные книги и музыку, за дружеские связи, за радости плоти, за религиозные секты. Она хватается за тайные мысли, за мечты о революции. Она крадет время у своих партнеров и семей. Она тайком приносит в дом свое сокровище. Она урывает время для литературного труда, для раздумий, для души. Она притаскивает в спальню призрак, урывает минутку, чтобы почитать стихи перед работой или потанцевать, урывает объятие, когда никто не видит.

Чтобы сойти с этого раздвоенного пути, нужно перестать притворяться. Если урывками таскать поддельную душевную жизнь, никакого толка не будет. Оболочка всегда лопается, когда вы меньше всего этого ожидаете. И тогда беды не миновать. Лучше встать, подняться – какой бы самодельной ни была ваша платформа – и жить изо всех сил, как можно лучше. И

перестаньте хвататься за подделки. Тянитесь к тому, что имеет для вас подлинный смысл и пользу.

В сказке девочка хватает башмачки прямо под носом у близорукой старой дамы. Это подразумевает, что абстрактная система ценностей и отвлеченных идеалов лишена способности ясно видеть, чутко откликаться на происходящее. Это характерно и для ущербной души, и для ущербного общества – не замечать личных бед индивидуальности. Так девочка делает очередной негодный выбор в длинной череде негодных выборов.

Предположим, что первый шаг к неволе, согласие сесть в позолоченную карету, она совершила по неведению. Скажем, то, что она отдала свою поделку, – поступок неразумный, но типичный для неопытных душ. Но теперь она захотела башмачки из сапожной лавки, и, как это ни парадоксально, этот ее импульс к новой жизни хорош и правилен. Но все дело в том, что она слишком много времени провела у старой дамы, поэтому ее инстинкты не бьют тревогу, когда она делает этот роковой выбор. На самом деле сапожник вступает с девочкой в сговор. Видя ее неудачный выбор, он подмигивает и ухмыляется. Вдвоем они утаивают красные башмачки от старой дамы.

Женщины часто обманывают себя подобным образом. Они выбрасывают сокровище, чем бы оно ни было, а потом начинают таскать по мелочам везде, где только удается. Они пишут? Да, но тайком, и поэтому не имеют ни поддержки, ни отклика. Если они учатся, то стремятся ли к совершенству? Да, но тайно, и потому не имеют ни помощи, ни наставника. А актриса – рискнет ли она исполнить совершенно новый номер или ограничится бледной имитацией и станет не образцом для подражания, а подражательницей? А как насчет предприимчивой женщины, которая скрывает свою предприимчивость, однако стремится что-то сделать для себя, для народа, для всего мира? Она – яркая мечтательница, принуждающая себя пробивать свой путь в молчании. Это губительно – когда некому довериться, когда нет ни руководства, ни хотя бы капли ободрения.

Трудно урывать клочки жизни, но женщины делают это каждый день. Если женщине приходится таскать жизнь по крупицам, значит, она сидит на голодном пайке. Она таскает жизнь тайком от «них», кем бы эти «они» ни были. Она притворяется спокойной и равнодушной, но, как только появляется лучик света, ее изголодавшаяся самость выскакивает наружу, устремляется к ближайшему живому существу, сияет от счастья, бешено прыгает и скачет, пляшет до упаду, доводит себя до изнеможения, а потом торопится заползти обратно в свою темную клетку, пока никто ее не хватился.

Так поступают женщины, чей брак не удался. Так поступают женщины, которых вынуждают чувствовать себя неполноценными. Так поступают женщины, которые мучаются от стыда, боятся наказания, осмеяния или унижения. Так поступают женщины с поврежденными инстинктами. Воровство помогает томящейся в неволе женщине только в том случае, если она стащит то, что нужно, то, что поможет ей освободиться. По сути, таская полезные, насыщающие, придающие смелость аспекты жизни, душа еще больше убеждается, что этот период воровства закончится, и она сможет открыто жить на свободе, как сочтет нужным.

Понимаете, есть в дикой душе нечто такое, что не позволит нам вечно питаться крохами. Ведь на самом деле женщина, которая стремится жить осознанно, не может ухватить несколько глотков свежего воздуха и этим удовольствоваться. Помните, как в детстве вы обнаружили, что невозможно жить не дыша? Можно стараться обойтись глотком воздуха или вообще без воздуха, но потом какие-то огромные меха приступают к работе, и что-то властно и настойчиво заставляет вас судорожно вдохнуть. Вы глотаете воздух, заталкиваете его в себя, пока снова не начинаете дышать полной грудью.

К счастью, и в душе-психее присутствует нечто похожее. Оно приступает к работе и заставляет нас полной грудью дышать свежим воздухом. Ведь мы и сами знаем, что не можем существовать, украдкой цедя жизнь маленькими глотками. Дикая сила, обитающая в душе женщины, требует, чтобы она имела доступ ко всему богатству жизни. Мы можем быть настороже и брать все, что нам полезно.

Сапожник в этой сказке является предвестником старого солдата, который позже заставляет безудержно плясать заколдованные башмачки. Этот персонаж слишком во многом совпадает с тем, что мы знаем о древней символике, чтобы считать его случайным свидетелем. Естественный хищник, скрывающийся в душе (и в культуре тоже), – это оборотень, сила, которая умеет скрываться под разными личинами, как скрывают капканы, ловушки и отравленные приманки, желая заманить несведущих. Нужно иметь в виду, что он веселится, обманув старую даму.

Нет, он наверняка заодно с солдатом, который, конечно же, олицетворяет дьявола в человеческом облике [14]. В старину дьявол, солдат, сапожник, горбун и другие образы использовались, чтобы изобразить силы зла в мире и в человеческой природе [15].

Хотя мы вправе гордиться душой, которая в таких суровых условиях осмеливается попробовать что-то стащить, факт остается фактом: одно это не решает всей проблемы. Чтобы быть целостной, психология должна рассматривать не только тело, душу и дух, но также – в равной степени – общество и окружающую среду. И в этом свете на каждом уровне нужно задавать вопрос: как получилось, что едва не каждая женщина чувствует необходимость раболепствовать, лебезить, пресмыкаться, вымаливая жизнь, которая, если уж на то пошло, принадлежит только ей. Что же такое обитает в каждом обществе, что требует от нее этого? Если женщина обратит внимание на давление, создаваемое каждым слоем внутреннего и окружающего мира, то уже не станет думать, будто стащить дьявольские башмачки – значит сделать конструктивный выбор.

Ловушка шестая: заискивание перед коллективом, тайный бунт – бунт тени

Девочка тайком берет красные башмачки, отправляется в церковь, не обращает внимания на то, что творится вокруг, и заслуживает осуждение общества. По деревне идут сплетни и пересуды. Ее бранят и отбирают красные башмачки. Но слишком поздно – она уже попалась на крючок. До одержимости еще не дошло, но коллектив, требуя смириться с его ограниченными ценностями, усиливает и обостряет ее внутренний голод.

Можно стараться жить тайной жизнью, но раньше или позже на вас обрушатся супер-эго, отрицательный комплекс и/или само общество. Трудно скрыть то запретное, чего вы нестерпимо жаждете. Трудно скрыть ворованные радости, даже если они не насыщают.

Отрицательные комплексы, закрепленные в данной культуре, в данном социуме, имеют обыкновение хвататься за любое расхождение во мнениях относительно того, что считать приемлемым поведением, а что выходкой, свойственной конкретному человеку. Как некоторые люди приходят в бешенство, завидев один-единственный листик на своей дорожке, так и отрицательное суждение хватается за топор, чтобы оттяпать все, что не подчиняется правилам.

Иногда коллектив принуждает женщину быть «святой», просвещенной, политически правильной, разносторонней, чтобы каждое ее достижение было верхом совершенства. Если мы заискиваем перед коллективом и уступаем нажиму, требующему от нас бездумного согласия, нам удается избежать изгнания, о этим предательством мы навлекаем опасность на свою дикую жизнь.

Некоторые думают, что прошли времена, когда женщину, заслужившую прозвище «дикарки», подвергали проклятию. Если она была дикой, то есть выражала свою естественную душу-самость, ее обзывали дурной и никчемной. Эти времена не прошли, нет. Изменились только формы поведения, которые позволяют объявить женщину «неуправляемой». Например, если сегодня в разных уголках планеты женщина утверждает себя в сферах политической, общественной, духовной, семейной, экологической, если она показывает, что тот или иной король – голый, или выступает в защиту обиженных или обездоленных, то ее мотивы слишком часто подвергают бдительному рассмотрению, чтобы выяснить, не «одичала» ли она, то есть не сошла ли с ума.

Если в жесткой общине рождается дикий ребенок, то в результате он, как правило, сталкивается с унижениями, поскольку все его сторонятся. При этом все сторонящиеся

относятся к жертве так, будто она не существует. Они лишают ее духовной заботы, любви и других необходимых душе факторов. Смысл такого отношения в том, чтобы вынудить жертву смириться или убить ее духовно и/или изгнать из деревни, чтобы она затосковала и умерла в одиночестве.

Если люди сторонятся какой-то женщины, то причина почти всегда в том, что она совершила некий поступок из разряда диких, порой совсем пустяковый: выразила несколько иное убеждение или оделась в неподходящие цвета – сущие мелочи, а иногда и кое-что поважнее. Следует помнить, что угнетенная женщина не столько отказывается соответствовать, сколько не может – для нее это смерти подобно. На карту поставлена ее духовная целостность. И она старается освободиться любыми средствами, пусть даже рискованными.

Вот недавний пример. Согласно CNN, в начале войны в Персидском заливе женщины-мусульманки, которым религия запрещает водить машину, сели за руль и поехали. После войны этих женщин отдали под трибунал. Их поведение осудили, и лишь после долгого следствия и разбирательств их освободили под опеку отцов, братьев и мужей, которые пообещали в будущем держать своих женщин в узде.

Вот вам пример того, как знак животворящей и жизнеутверждающей функции женщины в этом безумном мире был расценен как скандал, безумие и неуправляемость. В отличие от девочки в сказке, которая позволяет окружающему обществу еще больше себя иссушить, иногда, чтобы не спасовать перед иссохшим коллективом, есть единственный выход – совершить поступок, брызжущий отвагой. Этот поступок не должен обязательно походить на землетрясение. Быть отважным – значит следовать своему сердцу. Каждый день миллионы женщин совершают поступки, исполненные великой смелости. Иссохший коллектив может и не измениться из-за единичного поступка, но непрерывная череда таких поступков сделает свое дело. Как однажды сказала мне молодая буддийская монахиня, «вода камень точит».

Кроме того, у большинства коллективов есть одно очень скрытое свойство, способствующее угнетению дикой, душевной, творческой жизни женщины, – это тенденция общества поощрять женщин к тому, чтобы они сами «доносили» друг на друга и приносили своих сестер (или братьев) в жертву правилам, которые убивают близость, присущую женской природе в семейной жизни. Эта тенденция не только заставляет одну женщину донести на другую и тем самым обеспечить ей неприятности за непосредственную, естественную самореализацию, за проявление вполне законного ужаса или отвращения при виде несправедливости, но и поощряет женщин постарше сплотиться, чтобы физически и психологически травить тех, кто младше, слабее и беззащитнее, а молодых женщин – относиться с невниманием и пренебрежением к потребностям старших женщин.

Отказываясь поддерживать иссохший коллектив, женщина отказывается отбросить свои дикие мысли и вытекающие из них поступки. В сущности, сказка «Красные башмачки» учит нас тому, что дикая душа нуждается в надлежащей защите, а для этого женщине необходимо самой безоговорочно ценить ее, защищать ее интересы, отказываясь подчиниться душевному нездоровью. Мы также узнаем, что своей энергией и красотой дикое всегда притягивает взгляды той или иной личности, той или иной группы, вызывая желание его присвоить, а если не выйдет, то хотя бы ослабить, изменить, подчинить, убить, переделать или ограничить. Дикому всегда нужен страж, иначе оно станет жертвой злоупотребления.

Если коллектив враждебен естественной жизни женщины, она, вместо того чтобы принять те уничижительные и унизительные ярлыки, которые на нее навешивают, может и обязана держаться, стоять до конца, как гадкий утенок, найти свою стаю и постараться жить, цвести и творить вопреки тем, кто ее преследовал.

Проблема девочки в красных башмачках в том, что, вместо того чтобы укрепить дух для битвы, она блуждает в мире заурядности, захваченная мечтой о красных башмачках. Самое главное в бунте – чтобы вид, который он принимает, возымел действие. Магическое

очарование красных башмачков, в сущности, отвлекает девочку от осмысленного бунта, который бы принес перемену, подал весть, вызвал пробуждение.

Как бы я хотела иметь возможность сказать, что теперь никаких ловушек для женщин больше не существует или что женщины стали так мудры, что умеют замечать их издалека. Но, увы! В нашем обществе и поныне обитает Хищник, который по-прежнему старается подорвать и уничтожить все сознательное, всякое стремление к целостности. Не зря говорят, что свободу приходится завоевывать заново каждые двадцать лет. Порой кажется, что ее приходится завоевывать каждые пять минут.

Но дикая природа учит нас разрешать трудности, как только они возникают. Ведь когда на волков устраивают облаву, они не говорят: «Сколько можно?» Они прыгают, увертываются, бегут, ныряют, карабкаются, притворяются мертвыми, вцепляются в глотку – делают все, чтобы уцелеть. И мы не должны впадать в прострацию оттого, что на свете есть энтропия, упадок, трудные времена. Давайте усвоим: то, что крадет у женщин радость, будет всегда менять место и облик, но в нашей подлинной природе можно найти ту абсолютную стойкость и то необходимое либидо, которые нужны для всех отважных поступков.

Ловушка седьмая: притворство – усилия «быть паинькой», свыкшись с псевдонормой

По ходу сказки девочку наказывают за то, что она надела в церковь красные башмачки. Теперь она только смотрит, как они стоят наверху, на полке, но не прикасается к ним. До сих пор она пыталась обойтись без душевной жизни, но у нее ничего не вышло. И теперь, дойдя до последней черты, она старается «быть паинькой».

Вся проблема таких попыток «быть паинькой» в том, что они не разрешают коренного теневого вопроса, и он опять встанет – как цунами, как гигантская приливная волна, и ринется дальше, сметая все на своем пути. Стараясь «быть паинькой», женщина закрывает глаза на все грубое, испорченное или губительное в своем окружении и пытается просто «ужиться с ним». Попытки примириться с таким ненормальным положением еще больше повреждают ее инстинкты, помогающие реагировать на неправильное, несправедливое, замечать его, изменять его, влиять на него.

Вот что написала Энн Секстой о сказке «Красные башмачки» в стихотворении, которое она тоже назвала «Красные башмачки»:

Я стою на площади
мертвого города,
завязывая красные башмачки:
они не мои,
а моей матери.
А прежде – ее матери.
Их передают по наследству,
но прячут, как постыдные письма.
Дом и улица, откуда они родом,
скрыты, и все женщины
тоже скрыты…

Женщина душевно обкрадывает себя, пытаясь быть хорошей, послушной, сговорчивой, чтобы скрыть сложную душевную или жизненную ситуацию при угрозе внутренней или внешней опасности. Она лишает себя знания, лишает способности действовать. Как и девочка из сказки, которая не ропщет, старается скрыть свой душевный голод, сделать вид, что ее ничто не гложет, современная женщина страдает тем же недугом: она пытается видеть в ненормальном нормальное. Этот недуг поражает все общества. Попытки считать

ненормальное нормальным заставляют дух, который в обычном состоянии ринулся бы исправлять положение, погрузиться в скуку, самодовольство и в конце концов, как старая дама, еще и в слепоту.

Есть одно важное исследование, помогающее понять, насколько женщины утратили инстинкт самосохранения. В начале шестидесятых ученые [16] проводили опыты на животных, желая выяснить у человека наличие «инстинкта побега». В одном из экспериментов они подвели электрический ток к половине дна большой клетки, так что собака получала удар, как только ставила лапу на правую половину. Собака быстро научилась держаться на левой стороне клетки.

Потом с той же целью ток подвели к левой стороне, а правую оставили свободной. Собака быстро переориентировалась и научилась держаться на правой стороне клетки. Затем ток подвели ко всему дну, чтобы собака время от времени получала удары в любом месте, лежа или стоя. Сначала собака была в недоумении, а потом впала в панику. Наконец она «сдалась»: легла и стала терпеть удары, не пытаясь их избежать или предупредить.

Но на этом эксперимент не закончился. Дверцу клетки открыли. Ученые ожидали, что собака выскочит, но она и не думала спасаться бегством. Она лежала, терпя удары, хотя могла покинуть клетку. Исходя из этого, ученые сделали вывод, что живое существо, пережившее насилие, склонно приспосабливаться к этой напасти, так что потом, когда насилие прекращается или существо отпускают на свободу, здоровый инстинкт побега оказывается настолько ослаблен, что существо остается в неволе [17].

Если взять дикую женскую природу, то именно такое отношение к насилию как к норме, которое ученые потом назвали усвоенной беспомощностью, заставляет женщин не только терпеть мужей-пьяниц, начальников-садистов и коллективы, которые их изводят и эксплуатируют, но и чувствовать себя неспособными встать на защиту того, во что верят всем сердцем: своего творчества, своей любви, своего стиля жизни, своих политических убеждений.

Восприятие ненормального как нормы даже в том случае, когда это явно идет себе в ущерб [18], – вот что происходит при угнетении физической, эмоциональной, творческой, духовной и инстинктивной природы. Женщины сталкиваются с этой проблемой каждый раз, когда их вынуждают заниматься чем-то менее важным, чем защита своей душевной жизни от чуждых проекций – общественных, психических или иных.

Наша душа привыкает к ударам, нацеленным на нашу дикую натуру. Мы приспосабливаемся к насилию над мудрой природой своей души. Стараясь быть хорошими, мы начинаем воспринимать ненормальное как норму. В результате мы утрачиваем способность спасаться бегством. Мы утрачиваем способность бороться за те элементы души и жизни, которые считаем самыми ценными. Когда мы одержимы красными башмачками, все важные дела в личной, общественной и окружающей жизни отходят на второй план.

Когда человек отказывается от жизни, которую создал своими руками, происходит такая утрата смысла, что он может снести любой ущерб, причиненный душе, природе, культуре, семье и т.д. Вред, наносимый природе, сравним с ущемлением человеческой души. Их невозможно, да и не следует рассматривать раздельно. Когда одна группа говорит, что дикое – плохое, а другая возражает, что дикое сделали плохим, то в этом действительно есть что-то плохое. В инстинктивной душе Дикая Женщина глядит на лес и видит дом для себя и всех людей. Но другие, глядя на тот же лес, могут представлять, как деревья вырубают, а в их карманы рекой текут деньги. Это отражает серьезное нарушение способности жить самому и давать возможность жить всему живому.

Мое детство приходится на пятидесятые годы, начало хищнического наступления промышленности на нашу землю. Однажды в Чикагской бухте озера Мичиган затонула баржа с нефтью. На следующий день на пляже матери отскребали своих малышей с тем же рвением, с каким они обычно скребут деревянные полы, потому что детские тела были в нефтяных разводах.

Разлившаяся нефть образовала на воде липкие пятна; они дрейфовали, словно плавучие

острова размером с целый квартал. Сталкиваясь с катерами, они распадались на клочки, опускались на дно, плыли к берегу вместе с волнами. Годами в озере невозможно было искупаться, не покрывшись черной жижей. Ребятишки, строя замки из песка, вдруг выкапывали горсть нефтяного студня. Влюбленные больше не могли валяться в песке. Страдали все: собаки, птицы, водные твари, люди. Помню, у меня было такое чувство, будто мой собор разрушила бомба. Поврежденный инстинкт, восприятие ненормального как нормы – вот что позволяло матерям деловито отскребать пятна разлившейся нефти – а потом и другие грехи фабрик, нефтеперерабатывающих заводов, плавильных комбинатов – со своих маленьких детей, со своего белья, с душ тех, кого они любили. Но несмотря на недоумение и тревогу, женщины успешно справлялись со своим праведным гневом. Не все, но очень многие привыкли к тому, что бессильны вмешиваться в события, которые их потрясают. Ведь тем, кто не желал молчать, кто бежал из клетки, указывал на виновных, требовал перемен, грозила суровая кара.

На примере похожих событий, произошедших в жизни каждой из нас, можно увидеть: когда женщины молчат, когда молчат слишком многие, голос Дикой Женщины умолкает, а за ним и весь мир перестает говорить о естественном и диком. О волках, медведях и прочих хищниках. В таком мире умолкают песни, танцы и творчество. Умолкает любовь, умение исправлять и сохранять. Исчезают чистая вода, чистый воздух и голоса сознания.

Но в прежние времена, а сегодня все чаще, женщины, несмотря на жажду дикой воли, продолжают разве лишь молча писать SOS на оконных стеклах, полируя их моющими средствами, оставаясь, по выражению Сильвии Платт, «на цепи у стиральных машин». Они стирают белье в воде, слишком горячей для человеческих рук, и грезят об ином мире [19]. Если инстинкты повреждены, человек будет воспринимать как норму каждую очередную атаку, любую несправедливость, любой ущерб, нанесенный ему самому, его потомству, его любимым, его стране и даже его богам.

Но если восстановить инстинкт, он откажется воспринимать потрясения и оскорбления как норму. Если восстановить инстинкт, вернется и целостная дикая природа. Тогда, вместо того чтобы, надев красные башмачки, нестись в пляске по лесу, пока сама жизнь не станет искаженной и бессмысленной, мы сможем вернуться к жизни, сотворенной своими руками, к полностью осмысленной жизни, сможем изготовить себе новые башмачки, пойти своим путем, заговорить собственным голосом.

Конечно, можно многому научиться, избавляясь от своих проекций (ты плохой, ты меня обидел) и вглядываясь в то, как мы сами плохо относимся к себе, обижаем себя. Но это не окончательное решение проблемы, и останавливаться на этом нельзя.

Внутри этой ловушки кроется еще одна: думать, что все можно решить, избавившись от проекций и обретя ясность и целостность. Это и так и не так. Вместо парадигмы «либо/либо»: либо где-то чего-то недостает, либо с нами что-то не в порядке, – лучше воспользоваться моделью «и/и». Есть проблема и внешняя, и внутренняя. Эта парадигма позволяет решить всю проблему целиком, во всех направлениях и с куда большей пользой. Эта парадигма помогает женщинам уверенно подойти к выяснению статус-кво, смотреть не только на себя, но и на мир, который оказывает на них давление – случайно, неосознанно или злонамеренно. Парадигма «и/и» предназначена не для того, чтобы использовать ее как модель обвинения, чтобы обвинить себя или других, а для того, чтобы взвешивать и оценивать – ответственность, как внешнюю, так и внутреннюю; что необходимо изменить; о чем нужно позаботиться; что нужно наметить. Она помогает прекратить метания – когда женщина пытается исправить все, до чего доходят руки, – и при этом не ограничивать свои потребности и не отворачиваться от мира.

Многие женщины каким-то образом умудряются держать себя в неволе и при этом живут вполжизни, в четверть жизни или даже в десятую ее часть. Умудряются, но с каждым годом страдают все больше. На них постепенно надвигается безнадежность, и все чаще, как маленькие дети, которые надрываются от плача, не в силах привлечь внимание хотя бы одной живой души, погружаются в тихое, молчаливое отчаяние. За ним следует

изнеможение и отвращение. Клетка захлопнулась.

Ловушка восьмая: безудержный танец – одержимость и зависимость

Старая дама допустила в своих суждениях три ошибки. Хотя в идеале ее можно считать охранительницей, руководительницей души, но она слишком слепа, чтобы видеть природу башмачков, за которые сама же заплатила. Она не способна увидеть, как девочка попадает под их чары, не способна разглядеть сущность мужчины с рыжей бородой, поджидающего их у церкви.

Старик с рыжей бородой стучит по подошвам красных башмачков: тикки-тук-тук! – и от этой щекочущей дроби девочкины ноги пускаются в пляс. Она танцует – ах как она танцует! – вот только остановиться не может. И старая дама, которая должна действовать как охранительница души, и девочка, чей образ призван выражать радость души, полностью отрезаны от инстинкта и здравого смысла.

Девочка перепробовала все: она подлаживалась к старой даме и не подлаживалась, таскала исподтишка, была паинькой, потеряла власть над собой и танцевала до упаду, пришла в себя, снова старалась быть паинькой. Острая жажда души и смысла заставляет ее еще раз схватить красные башмачки, зашнуровать их и пуститься в последний танец – танец в пустоту бессознательного.

Она научилась видеть в сухой, жестокой жизни норму и тем самым породила в теневой области души еще большую тоску по башмачкам безумия. Человек с рыжей бородой произвел что-то на свет, но это не дитя, а смертоносные башмачки. Девочка начинает раскручивать и растрачивать свою жизнь, но это, как и любая зависимость, приносит не изобилие, надежду и счастье, а лишь муки, страх и изнеможение. Она не ведает покоя.

Когда танец приносит ее на церковный двор, ей преграждает дорогу ужасный призрак. Он произносит над ней проклятье: «Так и будешь плясать в своих красных башмачках, пока сама не станешь призраком, привидением, пока от тебя не останутся кожа да кости, – сулит он. – Так и будешь плясать от двери к двери, из деревни в деревню, будешь трижды стучать в каждую дверь. А когда люди выглянут и увидят тебя, то испугаются, как бы и с ними такого не приключилось. Пляшите, красные башмачки, танцуйте до упаду!» Так ужасный дух ставит на ней печать одержимости – которая равноценна зависимости.

Жизнь многих творческих женщин развивалась по той же схеме. Подростком Джейнис Джоплин пыталась приспособиться к нравам своего заштатного городка. Потом она немного побунтовала: забиралась ночью на скалы и пела, водилась с «артистическими натурами». После того, как ее родителей вызвали в школу, чтобы отчитать за поведение дочери, она стала жить двойной жизнью, внешне изображая скромницу, а по ночам тайком удирая через границу штата слушать джаз. Потом она поступила в колледж, совершенно расстроила здоровье всевозможными злоупотреблениями, «исправилась» и вроде бы старалась вести себя нормально. Постепенно она снова начала пить, собрала маленькую джазовую группу, перешла на наркотики и туго зашнуровала красные башмачки. Она все плясала и плясала, пока в двадцать семь лет не умерла от передозировки наркотиков.

Джейнис Джоплин убила не музыка, не пение, не творческая жизнь, которая в конце концов вырвалась на свободу. Все дело в том, что у нее недоставало инстинктов, чтобы распознавать ловушки, чтобы знать, когда остановиться, возвести границы вокруг своего здоровья и благополучия, чтобы понять: излишества ломают мелкие косточки души, потом более крупные и, наконец, весь душевный хребет рушится, и человек из несокрушимой силы превращается в бесформенную кучу.

Ей была нужна всего одна мудрая внутренняя установка, за которую можно было бы уцепиться, один клочок инстинкта, которого хватило бы до тех пор, пока она не начала многотрудную работу по перестройке внутреннего чутья и инстинкта. В каждой из нас живет дикий голос, который нашептывает: «Не торопись; побудь здесь, пока не возродишь надежду, не сбросишь показное спокойствие, не откажешься от оборонительной полуправды, пока не начнешь прокладывать, пробивать, прорубать свой путь. Побудь здесь, пока не

поймешь, что тебе подходит; побудь здесь, пока не наберешься сил, чтобы сделать попытку, которая приведет к победе; побудь здесь, пока не сможешь добраться до финишной черты любыми средствами, сколько бы времени для этого ни потребовалось!»

Зависимость

Не радость жизни убивает дух девочки в сказке о красных башмачках, а ее отсутствие. Если женщина не сознает своего голода, последствий употребления смертоносных средств и веществ, она все танцует и танцует. Если присутствуют такие факторы, как хроническая неудовлетворенность, несложившиеся отношения, тягостные ситуации, наркотики или алкоголь, то они действуют так же, как красные башмачки: завладев человеком, они очень редко позволяют ему вырваться.

Главную роль в такой компенсаторной зависимости от излишеств играет педантичная старая дама. С самого начала она была слепа. Теперь она еще и заболела. После того как она слегла, в душе воцаряется полная пустота. Теперь некому научить предающуюся излишествам душу уму-разуму. В конце концов старая дама и вовсе умирает, не оставляя в душе ни единого безопасного места. А девочка все танцует. Поначалу она закатывает глаза от восторга, а потом, когда башмачки доводят ее до изнеможения, закатывает глаза от ужаса.

В дикой душе таятся самые свирепые женские инстинкты, направленные на выживание. Но если женщина регулярно не пользуется внешними и внутренними свободами, то смирение, пассивность и проведенное в неволе время притупляют врожденные способности – зрение, восприятие, уверенность и т.д. – все то, что ей необходимо, чтобы быть независимой.

Инстинктивная природа говорит нам, когда пора остановиться. Она осторожна и направлена на сохранение жизни. Женщина не может рассчитаться за годы, когда ее предавали и мучили, пустившись во всевозможные излишества, будь то удовольствия, ярость или отрицание. Обитающая в душе старуха должна напомнить о времени, сказать: пора. В нашей сказке старухе капут, с ней все кончено.

Иногда нам бывает трудно уловить, когда именно мы утрачиваем инстинкты, потому что обычно этот процесс незаметен, он занимает не один день, а длительное время. К тому же утрата или омертвение инстинкта часто получает полную поддержку окружающего общества, а иногда и других женщин, которые расценивают потерю инстинкта как способ присоединения к обществу, в котором для естественной женщины нет питательной среды [20].

Зависимость возникает тогда, когда женщина теряет осмысленную жизнь, которую создала своими руками, и сосредоточивается на том, чтобы любыми средствами заполучить что-нибудь на нее похожее. В сказке девочка старается снова и снова вернуть дьявольские красные башмачки, несмотря на то что они заставляют ее все больше терять самообладание. Она утратила способность различать, способность ощущать истинную природу вещей. Утратив изначальную жизненную силу, она жаждет обрести ее мертвенную копию. В аналитической психологии мы сказали бы, что она утратила свое "Я".

Зависимость и одичание взаимосвязаны. Большинство женщин побывали в неволе хотя бы недолго, а некоторые и бесконечно долго. Но есть и такие, кто были свободны только in utero, в материнской утробе. Все они в разной степени утратили инстинкт продолжения рода. У одних поврежден инстинкт, помогающий определять, хорош человек или плох, и женщина часто заблуждается. У других замедлена реакция на несправедливость, и они часто становятся невольными мученицами, долго не решаясь дать отпор. У третьих ослаблен инстинкт, подсказывающий, когда нужно уносить ноги, а когда сражаться, и они становятся жертвами. И это не весь список. Если же женщина в здравом диком уме, она отвергает договор, если он неразумен и ничего ей не дает.

Химическая зависимость – очень реальная ловушка. Наркотики и алкоголь очень

похожи на жестокого любовника: сначала он хорошо к вам относится, потом бьет, просит прощения, какое-то время носит вас на руках, потом опять бьет. Ловушка здесь в том, что вы стараетесь цепляться за хорошее и не замечать плохого. Ошибка. Из этого никогда ничего не выходит.

Джоплин стала олицетворением диких желаний других людей. Она стала носительницей архетипического духа, который они сами нести не осмеливались. Они поощряли ее бунт, как будто она могла дать им свободу, став дикой за них.

Прежде чем начать долгий спуск в одержимость, Джейнис сделала еще одну попытку приспособиться. А потом пополнила список других сильных, но измученных женщин, которые действовали на массы, как летающие шаманы. Они тоже обессилели и упали с небес. Фрэнсис Фармер, Билли Холидэй, Энн Секстон, Сильвия Платт, Сара Тисдэйл, Джуди Гарланд, Бесси Смит, Эдит Пиаф, Мэрилин Монро – к несчастью, у многих из этих наших любимых ролевых моделей жизнь оборвалась преждевременно и трагично.

Одичавшая женщина недостаточно сильна, чтобы нести в себе желанный для всех архетип и не сломаться. Одичавшая женщина находится в процессе выздоровления. Ведь мы не просим человека, который еще не оправился от болезни, тащить вверх по лестнице рояль. Женщине, которая возвращается к себе, необходимо время, чтобы восстановить силы.

Люди, захваченные в плен красными башмачками, всегда поначалу считают то, к чему они пристрастились, своим абсолютным спасением в том или ином смысле. Иногда оно дает им ощущение огромной силы или обманчивое чувство, будто у них столько энергии, что можно не спать по ночам, творить до рассвета, обходиться без еды. Или, быть может, оно позволяет им спать, не опасаясь демонов, или не так сильно переживать по всем поводам, по которым они так сильно переживают, или, возможно, оно помогает больше не хотеть любить и быть любимыми. Тем не менее как мы видели в сказке, в конце оно создает лишь бешеное кружение, когда жизнь проносится так стремительно, что не успеваешь прожить ее по-настоящему. Зависимость [21] – это обезумевшая Баба Яга, которая ест заблудившихся детей или оставляет их у двери палача.

У дома палача
Запоздалая попытка снять башмачки

Когда дикая природа почти уничтожена, в самых крайних случаях женщиной может овладеть шизоидная деградация и/или психоз [22]. Она может внезапно слечь в постель, отказывается вставать или слоняется по дому в халате, рассеянно оставляя в пепельнице горящие сигареты, или без конца плачет, не в силах остановиться, бродит по улицам немытым страшилищем, может внезапно бросить семью и удариться в бродяжничество. Она может испытывать тягу к самоубийству, может покончить с собой, случайно или намеренно. Но чаще всего такая женщина просто мертвеет. Она не чувствует себя здоровой или больной – она просто ничего не чувствует.

Что же происходит с женщиной, когда яркие краски ее души перемешиваются? Что произойдет, если смешать вместе пунцовый, сапфировый, топазовый? Художники знают. Если смешать яркие краски, получится цвет, который называют грязью. Но эта грязь не плодородна, а бесплодна, бесцветна, странно мертвенна, она не светится. Если художник развел на холсте грязь, ему приходится начать все сначала.

Это трудный этап – именно здесь приходится отрубить башмачки. Это больно – отрубить свою тягу к саморазрушению. А почему – никто не знает. Казалось бы, вырвавшись из неволи, пленник должен вздохнуть с облегчением. Казалось бы, он сразу ощутит вкус свободы. Казалось бы, он должен ликовать. Не тут-то было. Он охвачен страхом, он слышит стук зубов и обнаруживает, что сам издает этот звук. Он чувствует, что истекает кровью, хотя никакой крови нет. И все же именно эта боль, именно эта ампутация, когда, образно выражаясь, больше не на чем стоять, это отсутствие дома, куда можно вернуться, – как раз

то, что необходимо, чтобы начать сначала, начать сызнова, вернуться к жизни, которую мы сами старательно и вдумчиво творим каждый день.

Да, больно оказаться отрезанным от красных башмачков. Но наша единственная надежда в том и состоит, чтобы одним ударом отсечь зависимость. Такая ампутация исполнена абсолютной благодати. Ноги снова отрастут, мы найдем свой путь, мы выздоровеем и в один прекрасный день снова станем бегать, прыгать и скакать. Но к тому времени будет готова наша самосотворенная жизнь. Мы скользнем в нее и поразимся: до чего же нам повезло – мы получили еще один шанс!

Возврат к жизни, сотворенной своими руками, – исцеление поврежденных инстинктов

Когда сказка заканчивается так, как эта, – смертью или увечьем главного действующего лица, – мы спрашиваем: а могла ли она закончиться иначе?

Для души хорошо иметь промежуточную станцию, стоянку, условленное место, где, спасшись от голода, можно отдохнуть и прийти в себя. Год-другой – совсем не много для того, чтобы оценить повреждения, поискать руководства, поправить здоровье и подумать о будущем. Год или два – короткий срок. Одичавшая женщина – это женщина, которая возвращается к себе. Она учится пробуждаться, быть внимательной, расставаться с наивностью, неосведомленностью. Она берет жизнь в свои руки. Чтобы заново освоить глубинные женские инстинкты, важно для начала понять, как они оказались утраченными.

Что бы ни потерпело урон – ваше искусство, слова, образ жизни, мысли или идеи, – если вы сами запутались в своем рукоделии, разрежьте путы и покончите с ним. За страстями и желаниями, за тщательно продуманными методами, которые мы любим обсуждать и оговаривать, есть простая дверь, которая ждет, чтобы мы вошли. За ней – то, что даст нам новые ноги. Идите туда, а если понадобится, ползите. Перестаньте болтать и изводить себя. Вперед!

Мы не можем выбирать ту, кто производит нас на свет. Мы не можем влиять на то, как нас воспитывают. Мы не можем заставить общество мгновенно стать радушным. Но благая весть заключается в том, что даже после травмы, даже в одичавшем состоянии, даже, если уж на то пошло, еще находясь в неволе, мы можем получить свою жизнь обратно.

Психологический план возврата души себе самой таков: примите предельные меры предосторожности, чтобы вернуться к дикой Самости постепенно. Создайте этические и защитные приспособления, которые дадут вам возможность увидеть, когда что-то превысит норму (как правило, когда чего-то недостает, вы улавливаете это очень чутко).

Итак, возвращаться к дикой и свободной душе следует смело и в то же время осмотрительно. Мы, психоаналитики, любим говорить: чтобы быть целителем/помощником, важно знать не только что нужно делать, но и чего не нужно делать. Такая же осторожность нужна и когда возвращаешься из неволи к первозданной дикой свободе. Давайте разберем это более подробно.

Приготовленные для дикой женщины ловушки, капканы и отравленные приманки зависят от культуры, которая ее окружает. Здесь я перечисляю те, что являются общими для большинства культур. Женщины, обитающие в иных этнических и религиозных условиях, дополнят их конкретными фактами. Образно говоря, мы составляем карту лесов, в которых живем. Мы отмечаем на ней, где водятся хищники, и описываем их повадки. Говорят, что волчица знает каждое живое существо на своей территории на много миль вокруг. Именно благодаря этому знанию она обладает преимуществом – жить максимально свободно.

Возврат утраченного инстинкта и исцеление поврежденного инстинкта – дело вполне достижимое, ибо инстинкт возвращается, когда женщина становится очень внимательной, когда она слушает, разглядывает и ощущает окружающий мир, а затем поступает так, как поступают другие, вкладывая в этот поступок все знания, умения и душу. Главное для такого возврата – возможность наблюдать действия других, чьи инстинкты в целости и

сохранности. Постепенно умение слушать, смотреть и поступать образует единый процесс со своим внутренним ритмом, и вы повторяете его, пока не освоите вновь и не доведете до автоматизма.

Если нашу дикую природу кто-то травмировал или что-то травмировало, мы отказываемся лечь и умереть. Мы отказываемся считать эту рану нормой. Мы призываем свои инстинкты и делаем все необходимое. По своей природе дикая женщина сильна и талантлива. Но, будучи отрезанной от собственных инстинктов, она еще и наивна, привычна к насилию и изгнанию, к отсутствию матери. Любовники, наркотики, выпивка, деньги, слава и власть не могут до конца возместить нанесенный ущерб. Зато его может возместить постепенное возвращение к инстинктивной жизни. Для этого женщине нужна мать, «в меру хорошая» дикая мать. А теперь угадайте, кто только того и ждет, чтобы стать вам такой матерью? Дикая Женщина удивляется: что и почему так долго мешает вам быть с ней, быть с ней по-настоящему – не урывками, не когда вам это удобно, а постоянно.

Если вы стремитесь делать то, что цените, очень важно окружить себя людьми, которые безоговорочно поддерживают вашу работу. Ловушка и отрава – иметь так называемых друзей, которые страдают от тех же травм, но не имеют подлинного желания от них исцелиться. Такие друзья поощряют вас на вызывающие поступки, чуждые вашим естественным циклам, не согласующиеся с потребностями вашей души.

Одичавшая женщина не может позволить себе быть наивной. Возвращаясь к своей исконной жизни, она должна обозреть излишества скептическим взглядом и осознать, какова их цена для души, психики и инстинкта. Как волчата, мы помним капканы, их устройство и место, где они установлены. Именно так мы остаемся на свободе.

Несмотря ни на что, утраченные инстинкты не уходят, не оставив отзвуков и отпечатков чувства, поэтому, идя по их следам, мы можем вернуть их обратно. Даже зажатая в бархатном кулаке благопристойности и строгости, даже находясь на краю гибели от излишеств или только начав погружаться в них, женщина все еще слышит в своей крови шепот дикой Богини. Сказка о красных башмачках показывает, что даже в таких наихудших обстоятельствах можно исцелить самые поврежденные инстинкты.

Чтобы все это исправить, мы снова и снова возрождаем свою дикую природу; при этом каждый раз чаша весов склоняется в ту или другую сторону. Мы поймем, когда возникнет повод для беспокойства, потому что обычно равновесие расширяет нашу жизнь, а его отсутствие – сужает.

Одна из самых важных задач, которые мы можем решить, – научиться понимать жизнь – всю жизнь – как самостоятельный живой организм со своей дыхательной системой, восстановлением клеток, сменой кожи и отходами. Глупо ожидать от своего организма, чтобы отходы в нем накапливались не чаще, чем раз в пять лет. Нелепо думать, что, поев вчера, мы сегодня не проголодаемся.

Так же неразумно полагать, что, если мы однажды решили проблему, она останется решенной навсегда, что, раз что-то усвоив, мы навеки сохраним здравомыслие. Нет, жизнь – большой организм, разные части которого растут и уменьшаются с разной скоростью. Когда мы ведем себя как организм: работаем над своим развитием, пробираемся через la mierda, дерьмо, просто дышим или отдыхаем, – мы активно живем, мы совпадаем с циклами Дикой Женщины. Если бы мы понимали, что наша работа – продолжать работать, то стали бы гораздо активнее и гораздо спокойнее.

Чтобы удержать радость, иногда необходимо за нее бороться, необходимо стать сильнее, идти на все, сражаясь всеми доступными способами. Чтобы подготовиться к осаде, нужно научиться длительное время обходиться без многих удобств. Можно долго обходиться почти без всего, кроме радости, кроме все тех же самодельных красных башмачков.

Подлинное чудо индивидуации и возвращение Дикой Женщины заключается в том, что все мы начинаем этот процесс прежде, чем обретем готовность, наберем силу, наберем знания. Мы начинаем диалог с мыслями и чувствами, которые щекочут и грохочут внутри.

Мы отвечаем, прежде чем выучим язык, прежде чем узнаем ответы, прежде чем точно выясним, с кем говорим.

Но Дикая Женщина проявляется в нас – как волчица, которая учит своих волчат охотиться и быть осторожными. Мы начинаем говорить ее голосом, смотреть ее глазами, мерить ее ценностями. Она учит нас посылать письмо о нашем возвращении тем, кто сродни нам.

Я знаю нескольких писательниц, у которых этот девиз висит над письменным столом. Я знаю одну, кто носит его с собой, сложив и сунув в башмак. Он взят из стихотворения Чарльза Симика и служит для нас главным руководством:

«Тот, кто рычать не умеет, стаю свою не найдет» [23].

Если вы хотите вернуть Дикую Женщину, откажитесь быть пойманной [24]. Используя инстинкты, отточенные для равновесия, прыгайте, где захочется, рычите, когда вздумается, берите, что есть, узнайте все, что можно; пусть ваши глаза светятся чувством, вглядывайтесь во все, видьте все, что видите. Пляшите в красных башмачках, только удостоверьтесь, что это те, которые вы смастерили своими руками. Могу вам обещать, что так вы станете по-настоящему живой женщиной.

Глава 9
ЧУВСТВО ДОМА: ВОЗВРАТ К СЕБЕ

Есть время человеческое и есть время дикое. В детстве, подрастая среди северных лесов, я не знала, что есть четыре времени года, и думала, что их десятки: время ночных гроз, время зарниц, время лесных костров, время крови на снегу, время заиндевевших деревьев, согнувшихся деревьев, плачущих деревьев, блестящих деревьев, бородатых деревьев, время деревьев, которые покачивают только верхушками, и время деревьев, которые роняют своих детей. Я любила время искрящегося снега, курящегося снега, скрипящего снега и даже грязного снега и каменного снега, потому что это значило, что скоро придет время цветов на реке.

Эти времена походили на важных и высоких гостей, и каждый посылал своего гонца: открытые сосновые шишки, неоткрывшиеся сосновые шишки, запах прелых листьев, запах дождя, потрескивающие волосы, гладкие волосы, пышные волосы, свободно закрывающиеся двери, тугие двери, двери, которые совсем не хотят закрываться, стекла, покрытые морозными узорами, стекла, покрытые цветочными лепестками, стекла, покрытые желтой пыльцой, стекла, запятнанные клейким соком. И у нашей кожи тоже были свои циклы: она бывала пересохшей, потной, шершавой, загорелой, мягкой.

Женская психика и душа тоже имеет свои циклы и времена года: активности и пассивности, бегства и неподвижности, общительности и одиночества, поисков и покоя, зарождения и вынашивания, пребывания в миру и возврата в обитель души. В детстве и девичестве наша инстинктивная природа отмечает все эти фазы и циклы. Она витает где-то совсем близко, и в разное время мы бываем бдительны и активны.

Дети являются дикой природой; они без чьей-либо подсказки готовятся к приходу этих времен, приветствуют их, живут с ними и сохраняют recuerdos, воспоминания об этих временах: багряный листок в словаре, ожерелье из кленовых семян, похожих на крылья ангела, снежки в морозилке, особый камень или стручок, особую кость, палку или ракушку, ленточку с похорон птички, целую коллекцию запахов из тех времен, безмятежное сердце, беспокойную кровь и все образы, запечатленные в памяти.

Когда-то мы жили по этим циклам и временам – год за годом, – и они жили в нас. Они нас успокаивали, будоражили, придавали уверенность, заставляли учиться всем существом. Они были частью кожи нашей души – оболочки, которая обнимала нас вместе с диким природным миром, – по крайней мере до тех пор, пока нам не сказали, что на самом деле есть всего четыре времени года, а у женщин – всего три поры: девичество, зрелость и старость.

И все считают, что так оно и есть.

Но мы не можем позволить себе бродить, как сомнамбулы, в плену этих неубедительных выдумок, изобретаемых теми, кто не умеет наблюдать: эти выдумки заставляют женщин отклоняться от своих естественных циклов, циклов души, и страдать от засухи, усталости и тоски по дому. Несравненно лучше регулярно возвращаться к своим уникальным душевным циклам, ко всем без исключения. Сказку, которую я сейчас расскажу, можно понимать как комментарий к самому важному из женских циклов: к возвращению домой, в дикий дом, в дом души.

Во всем мире рассказывают сказки о существах, имеющих таинственное родство с людьми, потому что они олицетворяют архетип, всеобщее знание одной из сторон души. Иногда волшебные сказки и народные сказки возникают из чувства места; особенно это касается тех мест, где ощущается присутствие души. Эту сказку рассказывают в холодных северных краях, во всех странах, где есть ледяное море или океан. Разные версии этой сказки есть у кельтов, шотландцев, у северо-западных племен американских индейцев, у народов Сибири и Исландии. Обычно ее называют «Девушка-тюлень», «Селки-о, Памраук, маленький тюлень» или «Айялиртак, тюленье мясо». Эту литературную обработку я сделала для своих пациенток и назвала «Тюленья шкура». Сказка напоминает, откуда мы родом на самом деле, из какого теста мы сделаны и почему все мы должны регулярно пользоваться инстинктами, чтобы найти дорогу домой [1].

ТЮЛЕНЬЯ ШКУРА

Случилось это в те времена, что некогда были, навсегда миновали и скоро придут снова. День за днем вокруг было только белое небо да белый снег, а люди, собаки и медведи казались черными пятнышками на белом снегу.

Природа здесь сурова. Дуют сильные ветры, так что людям приходится надвигать капюшон парки на самые глаза и повыше подтягивать меховые сапоги-мамлуки. Слова здесь замерзают на лету, так что приходится обламывать их с губ собеседника, а потом оттаивать на огне, чтобы узнать, что он сказал. Люди здесь живут в густых белых волосах старой Аннулук. Эта древняя праматерь, старая колдунья, есть сама Земля. И жил в этом краю человек, такой одинокий, что за долгие годы слезы прорезали на его щеках глубокие борозды.

Он старался бодриться и улыбаться. Он ходил на охоту. Он преследовал добычу и спал спокойно. Но он тосковал по человеческому обществу. Иногда, выплывая в каяке к отмелям, он видел тюленей и вспоминал старые истории о том, что когда-то давно тюлени были людьми. Теперь о том времени напоминают только тюленьи глаза, в которых светится мудрость, любовь и дикая душа. После этого на него порой находила такая тоска, что слезы струились по лицу, привычно стекая по избороздившим его канавкам.

Однажды вечером он охотился дотемна, но ничего не добыл. Когда на небе взошла луна и льдины заискрились в ее лучах, охотник оказался неподалеку от большого пятнистого утеса. Его острый глаз заметил, что на островке что-то плавно движется.

Он медленно и неслышно подплыл поближе: на вершине утеса танцевали несколько женщин. Они были нагие, как в тот самый первый день, когда вышли из материнского чрева. Охотник был одинок, у него не было друзей – разве только в воспоминаниях, – поэтому он сидел неподвижно и не сводил с женщин глаз. Тела их казались сотканными из лунного молока, кожа мерцала серебристыми блестками, как у весеннего лосося, а руки и ноги были длинные и стройные.

Они были так хороши, что охотник сидел как зачарованный, а тем временем волны, подталкивая лодку, несли ее все ближе и ближе к островку. Он уже слышал, как красавицы смеялись: по крайней мере так ему казалось – или то был плеск воды у скал островка? Охотник был сам не свой, увидев такое диво. И постепенно исчезло одиночество,

сдавливавшее его грудь, как мокрая шкура. Почти не думая, действуя будто по наитию, он прыгнул на островок и схватил одну из тюленьих шкур. А потом притаился за краем скалы и спрятал шкуру под квутнгук (парка).

Вскоре одна из женщин стала звать остальных, и голос ее был напевнее всех звуков, какие ему доводилось слышать до сих пор: он был как призыв кита на заре; нет, скорее как лай волчат, когда они возятся весной; нет, он был куда нежнее, но дело не в этом, потому что… что же это делают женщины?

Они надевают тюленьи шкуры и одна за другой ныряют в море, вскрикивая и радостно смеясь. Все, кроме одной. Самая высокая из них ищет на камнях, ищет под камнями, ищет свою тюленью шкуру и нигде не может найти. Тут охотник осмелел, а почему – и сам не сказал бы. Он вышел из-за скалы и заговорил:

– Женщина… будь моей… женой. Я… я так одинок.

– Нет, я не могу быть женой, – отвечала она. – Ведь я из тех, кто живет темекванек, под водой.

– Будь моей женой, – настаивал охотник. – А на седьмое лето я верну тебе тюленью шкуру, и тогда ты сама решишь, уйти тебе или остаться.

Девушка-тюлень долго смотрела ему в лицо; глаза ее, не будь она из рода тюленей, были бы совсем человеческими. Наконец, словно через силу, она проговорила:

– Хорошо, я пойду с тобой. А через семь лет поглядим.

Прошло время, и у них родился сын, которому дали имя Урук. Он был маленький и пухлый. Зимой мать рассказывала Уруку сказки о существах, которые живут под водой, а отец длинным ножом вырезал из белого камня волка или медведя. Относя маленького Урука в постель, мать показывала ему в дымовом отверстии облака и говорила, на что они похожи. Только вместо ворона, медведя или волка она видела моржа, кита, тюленя или лосося – ведь это были те звери, которых она знала.

Но время шло, и кожа ее стала вянуть – сначала шелушиться, а потом трескаться. Веки стали облезать, а волосы выпадать. Она сделалась налуак, мертвенно-бледной. Тело ее сохло. Она старалась скрывать хромоту. Помимо ее воли, глаза у нее с каждым днем тускнели. Ей приходилось находить дорогу ощупью, потому что зрение угасало.

Так продолжалось, пока однажды ночью маленький Урук не проснулся от громких голосов. Он сел на постели из меховых одеял и услышал рык, походивший на медвежий, – то его отец бранил мать. Он услышал крик, как звон серебра о камень, – то был голос матери.

– Долгих семь лет назад ты спрятал мою тюленью шкуру. Теперь настала восьмая зима. Я хочу, чтобы ты вернул часть моей плоти! – кричала женщина-тюлениха.

– Я отдам ее тебе, а ты уйдешь от меня! – рычал муж.

– Не знаю, как я поступлю. Знаю только, что должна получить то, что мне принадлежит.

– И ты, негодная, оставишь меня без жены, а нашего мальчика без матери! С этими словами муж рванул меховой полог, закрывавший вход, и исчез в ночи.

Мальчик очень любил свою мать. Он боялся ее потерять и плакал, пока не уснул. Разбудил его ветер. То был странный ветер, он будто звал: «Ууруук! Ууурууук!»

Мальчик вылез из постели. Он так торопился, что надел парку задом наперед, а муклуки натянул только до половины. Слыша, как ветер повторяет его имя, он выскочил в звездную-презвездную ночь.

– Ууууруууук!

Мальчик выбежал на утес, нависавший над водой. Там, далеко в бурном море, плавал серебристый тюлень, огромный и косматый. У него была большая голова, желтые глаза, а усы свисали на грудь.

– Уууууруууууук!

Мальчик кубарем скатился с обрыва и в самом низу наткнулся на камень – нет, на сверток, – который выпал из расселины в камне. Волосы хлестали мальчика по лицу, как тысячи ледяных поводьев.

– Уууууруууууук!

Мальчик судорожно развернул сверток и встряхнул его – то была тюленья шкура его матери. Уловив знакомый запах, он прижал шкуру к лицу, вдохнул – и душа его встрепенулась, как внезапный порыв летнего ветра.

Урук вскрикнул от боли и радости и снова поднес шкуру к лицу – и снова материнская душа коснулась его души. Он снова вскрикнул, наполненный бесконечной любовью своей матери.

А далеко в море старый серебристый тюлень медленно ушел под воду.

Мальчик вскарабкался на крутой берег и побежал к дому, тюленья шкура летела за ним, развеваясь по ветру. Он ворвался в дом и попал в объятия матери. Она прижала к груди его и свою шкуру и закрыла глаза, радуясь, что оба целы и невредимы.

Потом стала натягивать на себя шкуру.

– Нет, мама, не надо! – закричал мальчик.

Она подхватила его, зажала под мышкой и, прихрамывая, побежала к ревущему морю.

– Нет, мама, не уходи! Не оставляй меня! – плакал Урук.

Было видно, что она хочет остаться с сыном, жаждет этого всем сердцем, но что-то властно звало ее к себе – это что-то было старше ее, старше его, старше, чем время.

– Нет, мама, нет, нет, нет! – надрывался мальчик.

Она взглянула на него глазами, полными беспредельной любви. Потом взяла его лицо в ладони и вдохнула ему в легкие ароматный воздух: раз, другой, третий. Держа его под мышкой, как ценную ношу, она нырнула в море и стала опускаться все глубже, глубже и глубже. Женщина-тюлениха и ее сын свободно дышали под водой.

Они быстро погружались в пучину и скоро оказались в подводной бухте, где жили тюлени. Там разные морские звери пировали, пели и плясали, вели беседы, а большой серебристый тюлень, который звал Урука из ночного моря, обнял мальчика и назвал его внуком.

– Как тебе жилось там, наверху, дочка? – спросил серебристый тюлень-великан.

Женщина-тюлениха отвела взгляд и сказала:

– Я обидела человека… который отдал все ради меня. Но я не могу к нему вернуться, потому что тогда я стану пленницей.

– А мальчик, мой внук? – спросил старый тюлень, и голос его дрогнул от гордости.

– Он должен вернуться, отец. Он не может здесь оставаться. Ему еще не пришло время жить здесь, с нами. – Она заплакала, а вслед за ней заплакали и старый тюлень с мальчиком.

Прошло несколько дней и ночей, а если точнее, семь, и волосы и глаза женщины-тюленихи заблестели, как прежде. Кожа снова стала смуглой и гладкой, зрение острым, тело полным, поступь легкой. Но вот настало время мальчику возвращаться на сушу. В ту ночь старый тюлень-дед и прекрасная тюлениха-мать отправились в путь, держа между собой мальчика. Они плыли назад, все выше и выше, в верхний мир. Там они ласково вынесли Урука на залитый лунным светом берег.

– Я всегда буду с тобой, – заверила мальчика мать. – Только притронься к тому, чего касались мои руки: к палочкам для добывания огня, к моему улу, ножу, к выдрам и тюленям, которых я вырезала из камня, и я дохну на тебя ветром, чтобы ты мог петь свои песни.

Старый серебристый тюлень и его дочь долго целовали мальчика. Наконец, с трудом оторвавшись от него, они отплыли от берега и, бросив на него последний взгляд, исчезли под водой. А Урук остался. Потому что его время еще не настало.

Годы шли, он вырос, научился петь, играть на бубне и рассказывать сказки. Говорят, что всем этим он обязан тому, что в детстве великие духи тюленей уносили его в море. До сих пор сквозь серый утренний туман иногда можно увидеть, как он, привязав свой каяк, опускается на колени на скалистом островке в море и разговаривает с тюленихой, которая часто подплывает к берегу. Хотя многие на нее охотились, и не раз, но ничего из этого не вышло. Ее называют Танкигкак, светлая, священная. Рассказывают, что, хоть она и тюлениха, глаза у нее человеческие – в них светится мудрость, любовь и дикая душа.

Потеря ощущения души как инициация

Тюлень – один из самых прекрасных символов дикой души. Как и инстинктивная женская природа, тюлень – любопытное создание, которое развивалось и приспосабливалось на протяжении многих эпох. Тюлени, как и женщина-тюлениха из сказки, выходят на землю только для того, чтобы выводить и кормить потомство. На протяжении двух месяцев тюлениха-мать безмерно предана своему малышу: она лелеет его, охраняет и кормит только своим молоком. За это время двенадцатикилограммовый детеныш учетверяет свой вес. Тогда мать уплывает в море, а маленький тюлень, подросший и способный жить самостоятельно, начинает независимую жизнь.

Во многих этнических группах, обитающих по всему миру, в том числе в приполярных районах и в Западной Африке, считается, что люди становятся полностью одушевленными только после того, как душа родит дух, взлелеет его и выпестует, наполнив силой. В конце концов душа возвращается в отчий дом, а дух начинает самостоятельную жизнь в мире [2].

Символ тюленя как олицетворения души тем более убедителен, что тюлени обладают сообразительностью, восприимчивостью – это хорошо известно тем, кто живет с ними рядом. В тюленях есть нечто такое, что роднит их с собаками, они по природе своей дружелюбны и привязчивы. Они излучают своеобразную чистоту. Но им свойственна и быстрота реакции, позволяющая своевременно отступить, а если обидят, то и дать сдачи. Этим же отличается и наша душа. Она витает где-то поблизости. Она пестует дух. Она не убегает, когда видит что-то новое, необычное или трудное.

Но иногда, особенно если тюлениха непривычна к людям и просто лежит, впав в состояние блаженного неведения, в которое тюлени склонны время от времени погружаться, она может не знать, чего следует ожидать от людей. Как женщина-тюлениха из сказки или как душа юной и/или неопытной женщины, она не ведает, что замышляют окружающие и какой вред эти замыслы могут ей причинить. Именно тогда и происходит похищение тюленьей шкуры.

В итоге многолетней работы с мотивами «поимки» и «кражи сокровища», а также многочисленных сеансов психоанализа, у меня возникло ощущение, что почти каждому человеку в процессе индивидуации случается пережить как минимум одну весьма ощутимую кражу. Одни утверждают, что у них украдена «величайшая в жизни возможность». Другие говорят, что у них отобрали любовь или похитили дух, лишили ощущения собственного Я. Третьи рассказывают о том, как их оторвали от чего-то важного: от искусства, любви, мечтаний, надежд, от веры в добро, от развития, от стремлений, от славы – уничтожили или разрушили все это.

В большинстве случаев эта главная кража подбирается к человеку незаметно, используя его слабые стороны. С женщинами это случается по той же причине, что и с героиней сказки: из-за наивности, плохого понимания мотивов других людей, отсутствия опыта предвидения будущего, невнимания ко всем тем ключам, которые скрыты вокруг, а еще потому, что судьба любит давать нам уроки.

Люди, ставшие жертвой кражи, вовсе не плохи. Они не порочны, не глупы. Просто им недостает опыта в чем-то важном, либо их душа пребывает во сне. Было бы ошибкой считать, что эти состояния свойственны только молодым. Они могут наблюдаться у любого человека, независимо от возраста, этнической принадлежности, длительности обучения и даже добрых намерений. Ясно, что ситуация кражи для тех, кто стал ее жертвой, – то есть почти для всех – совершенно однозначно выливается в возможность таинственного архетипического посвящения, или инициации [3].

Процесс возвращения сокровища и понимания того, как можно вернуть утраченное, развивает в психике четыре важные структуры. Если встретить эту дилемму лицом к лицу, если совершить спуск к Rio Abajo Rio, реке под рекой, то наша решимость бороться за

сознательное восстановление становится непреклонной. И тогда со временем становится очевидным то, что для нас важнее всего. Мы приходим к убеждению, что нам необходимо постоянно думать о душевном или ином освобождении и воплотить обретенную мудрость в жизнь. И наконец, что важнее всего, это развивает нашу серединную природу – ту дикую и мудрую часть психики, которая может странствовать и в мире души, и в мире людей.

Архетипическое ядро сказки о тюленьей шкуре обладает особой ценностью, ибо задает нам ясное и точное направление, в котором нужно двигаться, чтобы иметь возможность развиваться и проложить путь для решения этих задач. Одна из самых важных и потенциально наиболее гибельных ситуаций, с которыми приходится сталкиваться женщине, – это первое вхождение в разнообразные процессы психологической инициации под руководством тех, кто сам ее не завершил. У женщины нет зрелого советника, который бы знал, что делать дальше. Если тот, кто руководит инициацией, сам не прошел ее до конца, он, сам того не ведая, упускает важные стороны процесса, порой нанося инициируемому большой ущерб, поскольку оба используют неполное представление об инициации, чреватое теми или иными изъянами [4].

На другом краю спектра мы видим женщину, которая пережила кражу и стремится осознать ситуацию и овладеть ею, но, сбившись с пути, не знает, что для завершения обучения необходимы дополнительные познания, и поэтому снова и снова повторяет первый этап: кражу. Какими бы ни были ее обстоятельства, она запуталась. По существу, у нее нет руководства. Вместо того чтобы раскрыть потребности здоровой дикой души, она становится жертвой незавершенной инициации.

Для очень многих женщин инициация по женской линии, когда старшие женщины знакомят младших с некоторыми психическими фактами и процессами дикой женственности, давным-давно нарушена или утрачена, а потому это великое благо, что существует археология сказок и мифов, по которым мы можем учиться. Сведения, которые можно почерпнуть из этих глубинных моделей, отражают врожденные схемы наиболее целостных психологических процессов, свойственных женщине. В этом смысле сказки и мифы дают инициацию, выполняя роль мудрецов, которые учат тех, кто пришел после них.

Поэтому движущие силы, которые мы видим в сказке о тюленьей шкуре, наиболее важны для женщин, получивших неполную или половинчатую инициацию. Зная все шаги, которые нужно пройти, чтобы завершить цикл возвращения домой, можно исправить, возобновить и довести до конца даже неумело проведенную инициацию. Давайте посмотрим, какие советы для продолжения пути дает нам эта сказка.

Потеря шкуры

Развитие знания, о котором повествуется в некоторых версиях сказок «Синяя борода», «Рапунцель», «Дьявольская повитуха» и «Шиповничек», начинается со страдания. Вначале героиня пребывает в неведении, потом становится жертвой чьих-то козней, а потом снова обретает силу и, что еще важнее, свою сокровенную сущность. Тема роковой западни, которая становится проверкой сознания и заканчивается глубоким знанием, извечно бытует в сказках, где главная героиня – женщина. В таких сказках содержатся сжатые наставления для всех нас: что делать, если/когда мы попадем в неволю, и как выбраться из нее благодаря способности pasar atravez del basque como una loba, скользить по лесу как волчица, con un ojo agudo, с зоркими глазами.

В сказке «Тюленья шкура» мы обнаруживаем обратный мотив. Иногда мы называем такие истории «сказками навыворот». Во многих волшебных сказках человека заколдовывают и он превращается в зверя. Здесь мы видим обратное: животное начинает вести человеческую жизнь. Эта сказка позволяет проникнуть в структуру женской души. Девушка-тюлениха, как и дикая природа женской души, есть загадочное сочетание, которое берет начало в животном мире и в то же время может приспосабливаться к людям и жить

среди них.

В этой сказке шкура – не сколько предмет, сколько символ состояния чувств и состояния бытия: неотъемлемого, исполненного души и родственного дикой женской природе. Пребывая в этом состоянии, женщина чувствует, что она полностью в себе, а не вне себя: ей не нужно следить за собой – то ли она делает, правильно ли поступает, верно ли думает. Хотя время от времени она утрачивает связь с этим состоянием пребывания «в себе», однако проведенное в нем время поддерживает ее в мирских трудах. Именно периодическое возвращение к дикому состоянию восстанавливает ее психические резервы, необходимые для замыслов, отношений, семейной и творческой жизни во внешнем мире.

Каждая женщина, надолго оторванная от дома души, в конце концов устает. Иначе и быть не может. Тогда она снова ищет свою шкуру, чтобы возродить чувство самости и души, чтобы возобновить проницательное и необъятное знание. Великий цикл ухода и возвращения, ухода и возвращения повторяется в инстинктивной женской природе и присущ каждой женщине на протяжении всей ее жизни. Он пронизывает девичество, юность и молодость, пору любви, пору материнства, пору мастерства, пору мудрости, пору старости и идет дальше. Эти фазы не обязательно следуют в хронологическом порядке: ведь нередко женщины средних лет бывают новорожденными, пожилые женщины умеют пылко любить, а маленькие девочки прекрасно разбираются в старушечьих чарах.

Мы снова и снова теряем это ощущение – что мы в своей собственной шкуре, – а виной тому причины, которые я уже называла, и, кроме того, длительная неволя. Такая опасность грозит и тем, кто слишком долго трудится, не получая передышки. Шкура, оболочка души, тает, если мы не умеем обращать внимание на то, что в действительности делаем, и особенно – на то, чего нам это стоит.

Мы теряем оболочку души, когда слишком заняты своим эго, когда страдаем излишней требовательностью, перфекционизмом [5], когда без нужды мучаем себя или одержимы слепым честолюбием, когда не удовлетворены – собой, своей семьей, окружением, обществом, всем на свете – и ничего не говорим и не делаем, чтобы это изменить, когда претендуем на роль неиссякаемого источника для окружающих или не делаем всего, что в наших силах, чтобы себе помочь. Возможностей потерять оболочку души столько же, сколько женщин на свете.

Единственный способ сберечь нашу шкуру – необходимую нам оболочку души – сохранить пронзительно первозданное осознание ее ценности и назначения. А поскольку никто не способен постоянно поддерживать такое острое осознание, то никто и не в силах стеречь оболочку души каждый миг, день и ночь. Но можно свести вероятность ее кражи до минимума. Можно развить охо агудо, острый глаз, который следит за всем, что происходит вокруг, и охраняет нашу душевную территорию. Однако в сказке о тюленьей шкуре повествуется о случае, который можно назвать кражей с отягчающими обстоятельствами. Имея осознание, можно в будущем уменьшить ущерб – для этого необходимо внимательно относиться к своим циклам и к голосу, который призывает нас оставить все и вернуться домой.

Каждое живое существо на земле возвращается домой. Не странно ли: мы создаем безопасные места обитания для ибисов, пеликанов, цапель, волков, журавлей, оленей, мышей, лосей и медведей, но только не для себя, не там, где мы живем изо дня в день. Мы понимаем, что потеря места обитания – самое ужасное, что может постигнуть живущее на воле существо. Мы с пеной у рта доказываем, что естественные территории обитания других существ оказались в кольце городов, ферм, автострад, шума и других напастей, как будто все это не окружает нас самих, как будто на нас все это не влияет. Мы знаем: чтобы выжить, живое существо должно, хотя бы время от времени, иметь приют, место, где бы оно чувствовало себя защищенным и в то же время свободным.

Мы традиционно компенсируем утрату более спокойной среды обитания тем, что берем отпуск или выходные; считается, что так мы доставляем себе удовольствие, – если забыть, что отпуск обычно чреват всем, кроме удовольствия. Мы можем компенсировать

неудобства, которые приносит работа, сокращая перечень своих дел, но для этого приходится так напрягать мышцы, что они превращаются в болезненные бугры. Все это очень хорошо, но для души-самости-психики взять отпуск – не значит сбежать. Дать себе отсрочку или передышку – не значит вернуться домой. Покой – не значит одиночество.

Можно умерить эту потерю души – для этого, прежде всего, нужно не спускать со шкуры глаз. Например, в своей практике я встречала талантливых женщин, у которых причиной утраты шкуры стали взаимоотношения, им противопоказанные, а иногда и совершенно губительные. Чтобы их разорвать, необходимо проявить волю и настойчивость; и это вполне возможно, особенно если, как это происходит в нашей сказке, пробудиться и услышать доносящийся из нашего дома голос, зовущий к той глубинной самости, где таится непосредственная мудрость, целостная и доступная. Вернувшись туда и обретя ясновидение, женщина сможет решить, что ей необходимо и что она хочет делать.

Кража шкуры с отягощающими обстоятельствами может происходить и менее явно, когда у женщины крадут ресурсы и время. Мир истосковался по уюту, по женским грудям и бедрам. Он тянет тысячами рук, взывает миллионами голосов, манит нас, дергает и тащит к себе, требуя внимания. Порой кажется: куда ни повернись, повсюду в мире есть кто-то, кто в чем-то нуждаются, чего-то хотят, к чему-то стремятся. В мире есть вещи, темы и люди приятные и притягательные, есть требовательные и гневные, а есть и такие, которые кажутся столь трогательно беззащитными, что помимо нашей воли нас переполняет сочувствие, и мы начинаем заливаться молоком. Но, если только это не вопрос жизни и смерти, найдите время и возможность и «наденьте непромокаемый лифчик» [38] [6]. Перестаньте быть молочной рекой. Поворачивайте к дому.

Хотя мы видим, что шкуру можно потерять из-за опустошительной любви к неподходящему человеку, ее можно потерять и вследствие глубочайшей любви к подходящему человеку. Когда у нас крадут шкуру, причина не в том, подходит нам человек или не подходит, а в том, во сколько нам все это обходится, с какими это связано затратами времени, энергии, заботы, внимания, опеки, подсказок, советов, обучения, натаскивания. Эти движения души – все равно что сбережения, снятые с банковского счета нашей психики. И вопрос состоит не в самих этих снятых энергетических сбережениях – они важная часть жизненного цикла, состоящего из отдачи и получения. Их перерасход – вот что вызывает потерю шкуры, а также ослабление и притупление наиболее острых инстинктов. Истощение запасов энергии, мудрости, понимания, идей и душевного подъема – вот что вызывает у женщины такое ощущение, будто она умирает.

Потеряв шкуру, молодая женщина-тюлениха становится участницей прекрасной погони, поиска свободы. Она все танцует и танцует, не обращая внимания на то, что происходит. Все мы столь же ярко ощущаем жизнь, когда мы едины с дикой природой, со своим законным достоянием. Это также один из признаков того, что Дикая Женщина где-то рядом. Все мы входим в этот мир, танцуя. Но тогда, в самом начале, наша шкура цела и невредима.

Однако всем нам суждено пройти эту стадию индивидуации, во всяком случае пока мы не станем более осознанными. Все мы подплываем к утесу, танцуем и не смотрим по сторонам. Именно тогда и проявляется самый коварный аспект души: в какой-то момент мы начинаем искать то, что нам принадлежит, или то, чему принадлежим мы, – и не находим. Тогда оказывается, что наше ощущение души таинственным образом исчезло, более того, оно где-то спрятано. И вот мы бродим в полубессознательном состоянии. В таком состоянии не годится делать выбор, но мы его делаем.

Мы знаем, что плохой выбор тоже может быть разным. Одна женщина слишком рано выходит замуж. Другая слишком молода, чтобы стать матерью. Третья связывается с неподходящим мужчиной. Четвертая забрасывает искусство ради материальных благ. Кто-то

---

[38] В оригинале игра слов: brass brassiere – латунный лифчик.

выбирает иллюзии, кто-то обещания, кто-то избыток добродетели и недостаток души, кто-то избыток неземных качеств и недостаток земных. И если у женщины уцелела только одна половина шкуры, а вторая пропала, в этом повинен не столько неверный выбор, сколько то, что она слишком давно живет вдали от дома своей души и от этого сохнет и становится бесполезной для всех, а главное – для себя. Есть сотни способов потерять защитную оболочку души.

Анализируя символ звериной шкуры, мы видим, что у всех животных, в том числе и у человека, пилоэрекция – когда волосы встают дыбом – возникает в ответ на зрительные образы и ощущения. Когда волосы или шерсть на звериной шкуре встают дыбом, по телу пробегают мурашки, и это возбуждает подозрительность, осторожность и другие защитные качества. Инуиты говорят, что мех и перья умеют видеть то, что происходит вдалеке, – вот почему ангакок, шаманы, носят много мехов и перьев: чтобы иметь сотни глаз и лучше видеть тайное. Тюленья шкура – символ души, которая обеспечивает не только тепло, но, благодаря своей способности видеть, еще и систему предупреждения.

В охотничьих культурах шкура равноценна пище, потому что является важным средством выживания. Из нее делают сапоги, подкладку для парки; благодаря своей водонепроницаемости она защищает лицо и руки от изморози.

Шкура защищает и согревает чувствительное к морозу человеческое тело: живот, спину, ноги, руки, голову, – а укутанные в нее маленькие дети чувствуют себя в тепле и безопасности. Потерять шкуру – значит потерять защиту, тепло, систему раннего предупреждения, инстинктивное видение. В психологическом понимании женщина, оказавшись без шкуры, стремится к тому, что кажется ей нужным, а не к тому, чего она действительно хочет. Она следует за тем, кто или что кажется ей самым сильным, не заботясь о том, пойдет это ей на пользу или нет. Это сопряжено с множеством метаний и недостатком осмотрительности. Проницательность подменяется беспечностью: женщина отшучивается от жизни, откладывает ее на потом. Она медлит сделать следующий шаг, совершить необходимый спуск и стоит на месте, пока что-нибудь не случится.

Вы видите, что в мире, где ценятся женщины-автоматы, которые идут вперед не останавливаясь, украсть шкуру очень легко – настолько легко, что в первый раз такая кража происходит между семью и восемнадцатью годами. К этому времени большинство женщин начинают танцевать на морском утесе. К этому времени большинство из них протягивают руку, чтобы взять шкуру, и не обнаруживают ее на месте. И хотя, казалось бы, этот случай должен в первую очередь вызвать проявление в душе стержня, то есть умения жить в духовном мире и одновременно во внешнем, реальном, очень часто этот процесс не завершается, как и все остальные сопутствующие инициации переживания, и женщина так и скитается по жизни без своей шкуры.

Хотя можно попытаться предотвратить повторную кражу, прочно зашив на себе оболочку души, очень немногие женщины, вступая в пору совершеннолетия, сохраняют больше чем несколько клочков некогда целой шкуры. Танцуя, мы ее снимаем. Мы познаём мир, но теряем шкуру. Мы убеждаемся, что без нее начинаем постепенно сохнуть. Но поскольку большинство женщин усвоили, что переносить утрату нужно так же стоически, как это делали их матери, никто не замечает, как происходит медленное умирание, пока однажды…

Когда мы молоды и наша душевная жизнь приходит в столкновение с желаниями и требованиями общества и мира, мы остро ощущаем себя выброшенными на мель вдали от дома. Но, став взрослыми, мы продолжаем загонять себя все дальше от дома – это результат выбора: какого человека, какое дело, место и время мы выбрали. Если в детстве нас не научили возвращаться в дом своей души, мы будем до бесконечности повторять схему кражи и бесцельного скитания. Но даже если неудачный выбор сбил вас с пути и увлек слишком далеко от того, что вам необходимо, не теряйте веры, ибо в каждой душе есть механизм, помогающий находить дорогу домой. Все мы умеем возвращаться.

Одинокий мужчина

Есть сказка, основной сюжет которой похож на нашу: там земная женщина соблазняет мужчину-кита и, похитив его плавник, принуждает к сожительству. В других сказках у героини рождается девочка, а иногда – мальчик-рыба. Иногда из моря взывает почтенная старая самка. Поскольку в этих сказках пол героев бывает разным, в них не так важна женская или мужская природа, как явный проступок – нарушение запрета.

Имея это в виду, будем считать, что одинокий мужчина, похитивший тюленью шкуру, олицетворяет эго женской души. Здоровье эго часто зависит от того, насколько хорошо человек ощущает границы внешнего мира, насколько сильна его личность, насколько хорошо он различает прошлое, настоящее и будущее и насколько близко его впечатления совпадают с общепринятой картиной реальности. В человеческой психике эго и душа испокон веков борются за господство над жизненной силой. В раннем возрасте эго с его потребностями часто играет главенствующую роль: оно всегда умеет изобрести что-то очень заманчивое. В эту пору эго бывает очень сильным. Оно оттесняет душу на задворки, оставляя ей обязанности кухарки.

Но приходит время – это может быть двадцать или тридцать лет, чаще же всего сорок, хотя некоторые женщины не готовы и в пятьдесят-шестьдесят, а то и в семьдесят-восемьдесят, – когда мы, наконец, позволяем душе лидировать. От свистулек и хлопушек власть переходит к делам душевным. И хотя, придя к власти, душа не убивает эго, оно оказывается, так сказать, пониженным в должности; в психике оно получает другие функции – главным образом подчиняться требованиям души.

С самого рождения в нас живет тяга к дикому, которая жаждет, чтобы нашу жизнь определяла душа, ведь способности эго ограниченны. Представьте себе эго на постоянном и довольно коротком поводке – оно может только слегка сунуть нос в тайны жизни и духа. Зайти дальше оно обычно опасается. У него есть скверная привычка сводить все нуминозное к определению «ничего особенного». Оно требует общедоступных фактов. Доказательства, которые исходят от чувств или мистической природы, чаще всего плохо уживаются с эго. Вот почему оно одиноко. Ведь в своих измышлениях оно очень ограниченно и не может целиком участвовать в более таинственных процессах души и психики. И все же этот одинокий человек тоскует по душе, он смутно узнает душевное и дикое, когда оно рядом.

Некоторые используют слова «душа» и «дух» как синонимы. Но в сказках душа всегда выступает предшественницей и прародительницей духа. В тайной науке герменевтике дух рождается от души. Дух облекается или воплощается в материю, чтобы собирать сведения о том, что происходит в мире, и сообщать их душе. Если отношения между духом и душой ничто не нарушает, они представляют собой совершенную симметрию, где одно и другое взаимообогащаются. Вместе душа и дух образуют симбиозную пару, как в пруду, где обитающие на дне существа питаются теми, что живут на поверхности, и наоборот.

В юнгианской психологии эго часто рассматривают как маленький островок сознания, дрейфующий в океане бессознательного. В фольклоре же эго изображают ненасытным существом, часто в образе не очень умного человека или животного в окружении сил, которые являются для него загадкой и которыми он хочет овладеть. Иногда это ему удается, причем эго проявляет крайнюю жестокость и агрессивность, но в конце концов, благодаря усилиям героя или героини, оно теряет право на власть.

В начале жизни эго проявляет интерес к миру души, но чаще оно бывает озабочено тем, как бы удовлетворить собственные потребности. Первоначально эго зарождается в нас как потенциал, а потом формируется и развивается, усваивая идеи, ценности и обязанности, которые черпает из окружающего мира – от наших учителей, родителей, из общества, в котором мы живем, – поскольку становится нашим спутником, нашей броней, нашим разведчиком во внешнем мире. Однако если дикой природе не дозволено воспарять через эго, придавая ему цвет, вкус и инстинктивную чуткость, даже если общество может одобрять

то, что вложено в эго, душа не сможет и не захочет одобрить свое столь несовершенное творение.

Одинокий мужчина из сказки пытается участвовать в жизни души. Но, как и эго, он для этого не создан и старается уцепиться за душу, а не развить отношения с ней. Почему эго крадет тюленью шкуру? Оно, как и все голодные или одинокие, любит свет. Видя свет и возможность находиться рядом с душой, оно подкрадывается к ней и крадет ее неотъемлемую оболочку. Эго не может удержаться от этого. Оно – такое, как есть, его притягивает свет. Хоть оно и не может жить под водой, его гложет тоска, желание вступить в связь с душой. По сравнению с душой, эго – существо грубое. Его поступки не отличаются чуткостью или тонкостью. Но ему свойственно слабое, смутно осознаваемое стремление к прекрасному свету. И на некоторое время это его как-то успокаивает.

Итак, тоскуя по душе, наше эго-самость крадет шкуру. «Останься со мной, – нашептывает эго, – я дам тебе счастье: я избавлю тебя от души-самости и твоих циклов, от необходимости возвращаться в дом души. Ты будешь очень-очень счастлива. Прошу тебя, останься». И вот, как и в самом начале индивидуации женщины, душа вынуждена общаться с эго. Обыденная функция такой подчиненности эго заключается в том, чтобы мы могли познавать мир, учиться приобретать, работать, отличать хорошее от посредственного; понимать, когда нужно двигаться, а когда выжидать; уживаться с другими людьми; осваивать общественные механизмы и рычаги, учиться работать, ухаживать за ребенком, заботиться о своем теле, о своем деле – обо всем, что составляет внешнюю жизнь.

Первейшая цель развития в женской душе такой важной структуры, как брак женщины-тюленихи и одинокого мужчины, брак, в котором она занимает явно подчиненное положение, – в том, чтобы создать временное соглашение, которое в итоге породит духовное дитя, способное жить и в обыденном, и в диком мире и стать между ними посредником. Когда это символическое дитя родится, подрастет и пройдет инициацию, оно вернется во внешний мир и связь с душой будет восстановлена. Пусть даже одинокий мужчина, эго, не может властвовать вечно, – ведь когда-то, и уже до конца дней женщины, оно должно будет подчиниться требованиям души – живя бок о бок с женщиной-тюленихой, оно было затронуто ее величием и благодаря этому одновременно удовлетворилось, обогатилось и смирилось.

Духовное дитя

Итак, мы видим, что союз противоположностей, эго и души, рождает нечто бесконечно ценное – духовное дитя. И даже в том случае, когда эго грубо вторгается в более тонкие аспекты психики и души, взаимное обогащение все равно происходит. Как это ни парадоксально, похитив у души защиту и способность при желании скрываться в воде, эго участвует в сотворении ребенка, который станет обладателем двойного наследия – мира и души; ребенка, который сможет стать посредником между родителями, передавая вести и дары от одного к другому и обратно.

В некоторых самых замечательных сказках, таких, как гэльская «Красавица и чудовище», мексиканская «Bruja Milagra» и японская «Цукино вагума, медведь», поиски пути к законному состоянию души начинаются с того, что кто-то находит или выхаживает одинокую женщину, одинокого и/или раненого мужчину или зверя. Это одно из вечных чудес души – то, что ребенок, который сможет свободно перемещаться в двух столь разных мирах, может родиться у женщины, пребывающей в душевно обнаженном состоянии и «вступившей в брак» с чем-то таким в себе или во внешнем мире, что предельно одиноко и неразвито. Когда мы пребываем в таком состоянии, в нас происходит нечто такое, что рождает ощущение, крошечный росток новой жизни, слабый огонек, который выживает в несовершенных, трудных или даже нечеловеческих условиях.

Это духовное дитя – la nigna milagrosa, чудо-дитя, обладающее способностью слышать

зов, слышать далекий голос, который говорит: «Пора возвращаться; возвращайся к себе». Это дитя – часть нашей сокровенной природы, которая побуждает нас к действию, поскольку умеет услышать зов сразу, как только он раздастся. Именно это дитя, пробуждающееся от сна, встающее с постели, выскакивающее из дома в бурную ночь, скатывающееся с обрыва к бурному морю, заставляет нас сказать: «Бог свидетель, я пойду до конца», или «Я выстою», или «Никто не заставит меня отступить», или «Я сделаю все возможное, чтобы продолжать путь».

Именно дитя возвращает матери тюленью шкуру, оболочку души. Именно дитя позволяет ей вернуться домой. Это дитя – та духовная сила, которая заставляет нас продолжать важную работу, отражать натиск, изменять жизнь, улучшать окружение, присоединяться к тем, кто пытается уравновесить мир, – и все это благодаря возвращению домой. У того, кто хочет в этом участвовать, должен произойти трудный брак между душой и эго, в результате чего появится на свет духовный ребенок. Возвращение и возрождение – вот умения, которые необходимо освоить.

Какими бы ни были обстоятельства женщины, духовное дитя, старый тюлень, который из моря зовет свою дочь домой, и открытое море – всегда рядом. Всегда. Даже там и в то время, когда мы их меньше всего ожидаем.

С 1971 года я преподаю в тюрьмах и исправительных заведениях страны писательство как практику созерцания. Однажды вместе с компанией артисток-целительниц [7] я приехала в федеральную женскую тюрьму, чтобы дать там представление и провести занятие с группой из сотни женщин, которые интенсивно участвовали в программе духовного развития. Как обычно, я увидела очень мало ожесточившихся женщин и, напротив, десятки женщин, которые проходили разные стадии женщины-тюленихи. Очень многие попались – и в буквальном, и в переносном смысле – в результате крайне наивного выбора. Какие бы причины ни привели их в тюрьму, каждая женщина, несмотря на очень стесненные условия, по-своему, но явно проходила процесс зарождения духовного ребенка, бережно и трудно создавая его из собственной плоти, из собственных костей. Каждая женщина искала свою тюленью шкуру, каждая припоминала дорогу к дому своей души.

Одна из артисток, молодая чернокожая скрипачка по имени Индия Кук, стала играть для женщин. Концерт состоялся во дворе, под открытым небом. Было очень холодно, и ветер дико завывал в кулисах открытой сцены. Скрипачка ударила смычком по струнам электрической скрипки и заиграла минорную мелодию, от которой по спине забегали мурашки. Ее скрипка плакала, как живая. Крупная индианка-лакота хлопнула меня по плечу и хрипло прошептала: «Этот звук… эта скрипка будто что-то отпирает во мне. А я-то думала, что заперта крепко-накрепко, раз и навсегда». На ее широком лице было написано недоумение и благоговение. Сердце мое дало перебой, но это было благодатное ощущение, потому что я поняла: что бы с ней ни случилось – ас ней случалось всякое, – она по-прежнему способна слышать голос с моря, зовущий домой. В сказке «Тюленья шкура» женщина-тюлениха рассказывает сыну истории о живности, обитающей под водой. Этими рассказами она учит, формирует дитя, родившееся от ее союза с эго. Она формирует дитя, рассказывая ему о территории и повадках «иного». Душа готовит этого дикого ребенка психики к чему-то очень важному.

Почему женщина увядает и становится калекой

В большинстве случаев женская депрессия, тоска и потеря ориентации бывают вызваны строгим ограничением душевной жизни, при котором изобретательность, порывы и творческое начало сдерживаются или запрещаются. Творческая сила дает женщине колоссальный толчок к действию. Мы не можем пройти мимо факта, что общество до сих пор продолжает ограничивать женщин в проявлении природных и диких инстинктов и даже наказывать их за это, а результатом становится расхищение и сведение на нет женских

талантов.

Из этого положения можно выйти, если существует подземная река или хотя бы маленький ручеек, которые истекают из каких-то душевных сфер и питают нашу жизнь. Но если женщина, находясь «вдали от дома», отдаст всю свою силу, ее некогда дикая самость сначала превратится в туман, потом в пар и, наконец, в прозрачную дымку.

Такое исчезновение природной шкуры, в результате чего женщина начинает увядать и превращается в калеку, напоминает мне одну историю, которую в нашем роду передавали старые деревенские портные. Покойный дядюшка Вилмос как-то рассказал ее, чтобы успокоить и образумить кого-то из взрослых, принадлежавших к нашей обширной семье, когда тот, рассердившись, слишком грубо обошелся с ребенком. Дядюшка Вилмос обращался с людьми и животными с безграничным терпением и добротой. Он был прирожденным рассказчиком в традиции mesemondok и умел использовать сказки как мягкое лечебное средство.

Пришел как-то к szabo, портному, человек и стал примерять костюм. Стоя перед зеркалом, он заметил, что полы у жилетки не очень ровные.

– Не стоит волноваться, – заверил его портной. – Если придерживать короткую полу левой рукой, никто не заметит.

Заказчик последовал его совету, но тут увидел, что лацкан пиджака, вместо того чтобы лежать гладко, загибается вверх.

– Ах, это? – сказал портной. – Сущий пустяк. Нужно чуть-чуть повернуть голову и прижать лацкан подбородком.

Заказчик послушался и тут заметил, что брюки мелковаты и тянут.

– Не беспокойтесь, – утешил его портной. – Одергивайте брюки вниз правой рукой, и все будет отлично.

Заказчик согласился и забрал костюм.

На следующий день он надел обновку и пошел прогуляться, делая все как надо руками и подбородком. Когда он ковылял по парку, прижимая подбородком лацкан, одной рукой придерживая полу жилетки, а другой вцепившись в ширинку, два старика, что играли в шашки, бросили игру и стали наблюдать за ним.

– M'Isten, Боже праведный! – сказал один старик. – Ты только посмотри на несчастного калеку!

Второй задумался на миг, а потом пробормотал:

– Igen, да, хромота – дело скверное; но знаешь, я вот о чем подумал: где он достал такой отличный костюм?

Отклик второго старика выражает привычную реакцию общества на женщину, которая создала себе безупречную персону, но превратилась в калеку, стараясь ее сохранить. Да, она калека, но посмотрите, как прекрасно она выглядит, какая милая, как хорошо живет. Высыхая, мы стараемся бодро ковылять, чтобы окружающие видели: у нас все получается, все хорошо, все в порядке. Если мы потеряли свою душевную оболочку или нам не впору та шкура, которую на нас напялило общество, мы превращаемся в калеку, но пытаемся это скрыть. И когда мы так поступаем, то жизнь съеживается, и расплачиваться за это приходится очень дорогой ценой.

Когда женщина начинает сохнуть, ей становится все труднее и труднее сохранять здоровую дикую природу. Замыслы, творчество, сама жизнь – все это требует влаги. В таком состоянии женщины часто видят сны о страшном человеке: им угрожают убийцы, грабители, насильники; их берут в заложницы, обворовывают или еще того хуже. Иногда такие сны – травматические, вызванные реальными происшествиями. Но чаще всего эти сны бывают у женщин, которые сохнут, не уделяют внимания инстинктивной стороне своей жизни, обкрадывают себя, лишают себя возможности творить, а иногда даже попыток никаких не делают, чтобы себе помочь, или же делают все для того, чтобы не услышать призыв вернуться в воду, в море.

За годы практики я перевидала множество женщин в таком иссохшем состоянии – одни

пострадали меньше, другие больше. От тех же самых женщин я услышала о множестве снов о раненых животных, причем за последние десять лет их количество поразительно возросло, как у женщин, так и у мужчин. Трудно не заметить, что рост количества таких снов совпадает с ущербом, наносимым дикой природе, – как на земле, так и в человеческой душе.

В этих снах животное – лань, ящерица, лошадь, медведь, бык, кит и т.д. – искалечено, как человек в истории о портном, как женщина-тюлениха. Хотя сны о раненых животных говорят о состоянии инстинктивной души женщины и ее связи с дикой природой, они одновременно отражают глубокие раны в коллективном бессознательном, обусловленные утратой инстинктивной жизни. Если общество по каким бы то ни было причинам отказывает женщине в целостной и здоровой жизни, ей будут сниться раненые животные. Хотя душа всеми силами старается регулярно очищать и укреплять себя, каждый рубец, оставленный «там», регистрируется «здесь», в бессознательном, поэтому спящая испытывает на себе и последствия утраты личных связей с Дикой Женщиной, и последствия того, что мир утратил связь с этой сокровенной природой.

Поэтому иногда высыхает не только женщина. Порой важнейшие аспекты нашего ближайшего окружения – например, семьи или рабочего коллектива или более широкого, общественного, – тоже иссыхают и рассыпаются в прах, и это также влияет на нас пагубно. Чтобы исправить такое состояние, женщина должна вернуться в свою собственную шкуру, к своему инстинктивному здравому смыслу, вернуться домой.

Как мы уже видели, трудно осознать свое состояние, пока не окажешься в таком же бедственном положении, как женщина-тюлениха: шелушится кожа, сохнет тело, отказывает зрение, одолевает хромота. Поэтому душа от щедрот своей колоссальной жизнеспособности посылает нам дар – это таящийся в подсознании вестник, Старик, который поднимается на поверхность сознания и начинает безостановочно звать нас к нашей истинной природе.

Услышать голос Старика

Что это за крик, летящий над морем? Этот голос, который доносит ветер, голос, поднимающий с постели и зовущий в ночь, похож на сон, который приходит в сознание спящего как бестелесный голос и ничего больше. Это один из самых впечатляющих снов, который может привидеться человеку. В культурных традициях, к которым я принадлежу, считается: все, что скажет такой голос, – это прямая весть, исходящая из души.

Говорят, что бестелесный голос может раздаться в любое время, но особенно в те периоды, когда душа тоскует. Тогда глубинная самость пробивается на поверхность. Раз! И женская душа говорит. И рассказывает, что будет дальше.

В сказке старый тюлень поднимается из своей стихии, чтобы издать призывный клич. Это глубинное качество дикой души: если мы не приходим сами, не обращаем внимания на свои циклы, на то, что пришла пора возращения, то Старик придет за нами и будет звать, пока что-то в нас не откликнется.

Спасибо небесам за этот призывающий нас домой естественный сигнал, который звучит тем громче, чем острее наша потребность вернуться. Этот сигнал раздается, когда все в нашей жизни становится избыточным или недостаточным. Пора возвращаться домой может настать и тогда, когда возникает слишком много благих порывов, и когда существует постоянный разлад. Может быть, мы в чем-то переусердствовали. Бывает, нас что-то слишком утомляет. Можно перелюбить и недолюбить, переработать и недоработать, и за все приходится платить. Если возник такой избыток или недостаток, мы начинаем сохнуть, сердце устает, энергии иссякают и в нас поселяется таинственная тоска по чему-то такому, для чего мы почти никогда не можем найти названия, – поселяется и становится все сильнее. И тогда Старик зовет нас.

Интересно, что в этой сказке доносящийся с моря голос слышит духовное дитя и откликается на него. Именно ребенок отважно пускается в путь по обледеневшим скалам и

камням, именно он молча идет на зов и случайно натыкается на свернутую тюленью шкуру матери.

Тревожный детский сон – точное и четкое изображение того беспокойства, которое ощущает женщина, когда она стремится вернуться к своим душевным корням. Поскольку психика – система сложная, на зов откликаются все ее элементы. В эту пору беспокойство часто сочетается у женщины с раздражительностью и ощущением, что все слишком близко, чтобы быть удобным, или слишком далеко, чтобы дать покой. Она ощущает растерянность, от едва заметной до нестерпимой, потому что слишком давно живет вдали от дома. Эти ощущения – как раз то, что нужно. Они – весть, которая гласит: «Иди сюда, скорее!» Такое ощущение оторванности возникает потому, что мы слышим – сознаём мы это или не нет, – как что-то зовет нас, зовет домой, и мы не можем сказать ему «нет», не причинив боли самим себе.

А если мы не пойдем, когда наступит время, душа сама явится за нами, как повествует стихотворение «Женщина, живущая в озере»:

…однажды ночью
Ты слышишь стук в дверь, как стук сердца.
За дверью женщина в тумане:
волосы – ветки, а платье – водоросли,
роняющие капли зеленой озерной воды.
"Я – это ты, – говорит она, –
я пришла издалека.
Пойдем со мной, мне нужно тебе что-то показать…"
Она поворачивается, чтобы идти, ее накидка распахивается,
и вдруг – золотой свет… повсюду золотой свет… [8]

Старый тюлень всплывает по ночам, и мальчик бежит на берег ночью. В этой сказке, как и во многих других, мы видим, как главный герой обнаруживает поразительную истину или находит несметное богатство под покровом тьмы. В некоторых областях культуры выражение «темная ночь души» стало почти крылатым. Божественное находят во тьме Хель, или Гадеса, или другого потустороннего мира. Возвращение Христа выглядит как сияние из сумерек ада. Аматэрасу, японская богиня Солнца, появляется из темного грота у подножия горы. Шумерская богиня Инанна в своей водной ипостаси «пылает белым золотом, лежа в свежевспаханной борозде черной земли» [9]. В горах Чиапаса говорят, что каждый день «желтое Солнце, чтобы взойти на небо, должно прожечь дыру в черной-пречерной huipil, рубахе» [10].

Эти образы пути во тьме и сквозь тьму несут в себе древнее послание, которое гласит: «Не бойся незнания». Так и должно быть на разных этапах и в разные периоды нашей жизни. Эта особенность сказок и мифов воодушевляет нас, заставляя идти на зов, даже если мы понятия не имеем, куда идти, в каком направлении и как долго. Нам известно только одно: как дитя из сказки, мы должны встать, выйти и посмотреть, в чем дело. Может быть, сначала мы, спотыкаясь, будем брести во тьме, пытаясь понять, что же нас зовет, но поскольку нам удалось устоять против уговоров не поддаваться на зов дикой природы, мы непременно наткнемся на тюленью шкуру. И когда мы вдохнем это состояние души, у нас мгновенно возникнет ощущение: «Вот оно. Я знаю, что мне нужно».

Для многих современных женщин блуждать в темноте в поисках тюленьей шкуры – не самое страшное. Гораздо труднее – нырнуть в воду, по-настоящему вернуться домой и особенно – по-настоящему уйти. Женщина может вернуться в себя, надеть шкуру, приготовиться, но уйти нелегко, это действительно очень трудно – отступить, отказаться от всего того, чем мы занимались, и просто уйти.

Слишком долго медлить

В сказке женщина-тюлениха начинает сохнуть, потому что медлит слишком долго. Она испытывает те же муки, которые терпим мы, когда слишком медлим. Ее кожа пересыхает. Кожа – наш самый чуткий орган; он сообщает наж, когда нам холодно или жарко, когда мы возбуждены или испуганы. Если женщина ушла слишком далеко от дома, ее способность воспринимать то, как она в действительности ощущает себя и других, что думает о себе и о других, начинает сохнуть и трескаться. Она в положении лемминга. [39] Не понимая, что такое слишком много и что такое недостаточно, она переходит пределы того, что для нее приемлемо.

В сказке мы видим, что ее волосы редеют, тело сохнет, она становится тенью себя прежней. Задерживаясь слишком надолго, мы тоже теряем свои замыслы, наша связь с душой слабеет, кровь становится жидкой и течет медленно. Женщина-тюлениха начинает хромать, ее глаза теряют влагу, она начинает слепнуть. Когда мы медлим вернуться домой, наши глаза перестают сверкать, потому что у них нет для этого причины, кости ноют, нервы словно теряют защитную оболочку, и мы больше не способны сосредоточиться на том, кто мы есть и что мы есть.

В лесистых холмах Индианы и Мичигана живет удивительная группа людей, чьи предки давным-давно пришли с холмов Кентукки и Иллинойса. Хотя их речь пестрит грамматическими неправильностями, они любят читать Библию и используют длинные, звучные и протяжные слова вроде «небогоугодный», «благоуханный» и «песнопение» [11]. Кроме того, у них есть много выражений для описания женщины, которая измучилась и потеряла себя. Эти затерянные в глуши люди не шлифуют свои слова до блеска. Они их вырубают, связывают в охапки, которые называют предложениями, и бросают. «Слишком долго ходила в упряжке», «уморилась, без задних ног», до того замучилась, что «не может добраться до стойла». Есть у них один особенно жестокий оборот: «вскармливает дохлый помет» – это значит, что женщина губит себя, приносит себя в жертву никчемному браку, делу или стремлению.

Слишком долго находясь вдали от дома, женщина все меньше и меньше способна двигаться по жизни вперед. Вместо того чтобы тащить собственный выбор, в который впряглась, она бессильно болтается в упряжи. От усталости ее зрение так ослабло, что она проходит мимо места, где можно получить помощь и утешение. Дохлый помет состоит из замыслов, забот и потребностей, которые не работают, в которых нет жизни, которые не дают жизни ей. Такая женщина становится все более неуступчивой, но рассеянной, все более издерганной и вздорной. Ее пламя постепенно угасает. В народе говорят, что она «перегорела», но дело не только в этом: налицо hambre del alma, душевный голод. И выход здесь только один: в конце концов женщина понимает, что она должна – не «возможно» и «хорошо бы», а именно должна – вернуться домой.

В сказке данное обещание становится нарушенным обещанием. Мужчина, который сам изрядно высох от длительного одиночества, так что лицо его избороздили морщины, принудил женщину-тюлениху войти в свой дом...

Какая женщина не знает цены таких обещаний? «Я смогу поехать, как только закончу дела. Как только смогу вырваться… Поедем в начале весны. В конце лета. Когда дети пойдут в школу… Поедем поздней осенью, когда деревья такие красивые… Зимой никто никуда не ездит, подождем до весны… На этот раз я тебе твердо обещаю…»

Вернуться домой особенно важно, если вы погрязли в мирских делах и превысили свой срок. Что это за срок? У каждой женщины он свой, но достаточно сказать, что женщины знают, безошибочно знают, когда они задерживаются в миру слишком надолго. Они знают,

---

[39] У леммингов бывают необъяснимые периоды массовых миграций. Существует легенда, что в конце своего пути лемминги тысячами устремляются в море и тонут. свое сердце, пообещав ей, что через условленный срок вернет ей шкуру, и тогда она сможет остаться с ним или вернуться в свою страну, – как пожелает.

когда пора возвращаться домой. Ведь тело живет здесь и сейчас, а ум – далеко-далеко.

Женщины отчаянно жаждут новой жизни. Они тоскуют по морю. Они живут в ожидании следующего месяца, конца семестра, они не могут дождаться, когда наконец закончится зима и они снова почувствуют себя живыми. Они ждут некоей мистически предопределенной даты где-то в будущем, когда они смогут совершить нечто удивительное. Они думают, что умрут, если не… – пропуск заполните сами. И во всем этом есть нечто траурное. Есть страх. Есть чувство утраты. Есть тоска. Есть задумчивость, когда женщина теребит подол юбки и неотрывно смотрит в окно. И это не мимолетная напасть. Она всегда с нами и со временем только усиливается.

Но женщины продолжают тащить свои повседневные хлопоты, смотрят робко, действуют неуверенно и виновато. «Да-да-да, я знаю, – говорят они. – Я бы так и сделала, но только вот… только… только…» Эти «только» выдают каждую с головой: она задержалась слишком надолго.

Получившая неполную инициацию женщина, находясь в таком истощенном состоянии, ошибочно полагает, что ее духовные заслуги возрастут, если она останется, а не уйдет. Другие, как говорят в Мексике, dar a algo un tiron fuerte, вечно дергают Пресвятую Деву за рукав, то есть вечно работают как одержимые, чтобы доказать, какие они достойные, хорошие люди.

Но есть и другая причина для внутреннего разлада, которым страдают многие женщины. Такая женщина не привыкла позволять другим браться за весла. Может быть, она любительница «детских причитаний», которые звучат так: «Моим детям нужно то, моим детям нужно это» – и так до бесконечности [12]. Она не понимает, что, принося в жертву свою потребность вернуться, учит детей точно так же жертвовать своей, когда они станут взрослыми.

Некоторые женщины боятся, что окружающие не поймут этой их потребности. Действительно, это понятно не всем. Но вот что должна понять сама женщина: когда, повинуясь своим циклам, женщина возвращается домой, она задает окружающим задачи индивидуации, жизненно важные вопросы, которыми им необходимо заняться. Ее возвращение позволяет и другим расти и развиваться.

У волков нет такого двойственного чувства – уйти или остаться, потому что их дела, производство потомства, отдых и скитания организованы циклически. Волки образуют группу, которую объединяют общие дела и заботы, пока младшие требуют от них внимания. Жить так – хорошо. Такому образу жизни присуща вся целостность дикой женственности.

Давайте остановимся более подробно на том, что возвращение домой для каждой женщины означает разное. Мой друг, румынский художник, понял, что его бабушка находится в состоянии возврата домой, когда она вынесла в сад деревянный стул, села и стала смотреть на солнце открытыми глазами. «Для моих глаз это лекарство, и тебе тоже будет полезно», – сказала она. Окружающие поняли, что ее лучше не беспокоить, а те, кто не понял, быстро это усвоили. Важно понимать: чтобы вернуться домой, не обязательно нужны деньги. Нужно время. Нужна сильная воля, чтобы сказать: «Я ухожу» – и выполнить это. Можно, как советует моя дорогая подруга Джин, бросить через плечо: «Сейчас меня нет, но я вернусь», – но и тогда нужно продолжать путь домой.

Домой ведет много путей: большинство из них – земные, но есть и божественные. Мои пациентки говорят, что эти земные поступки являются для них путем к дому… но я вас предупреждаю: точное место, откуда начинается путь домой, время от времени меняется, так что в этом месяце оно может находиться уже не там, где было в прошлом. Перечитать отрывки из книг или единственное стихотворение, которое вас тронуло. Хотя бы несколько минут побыть у реки, у ручья, у родника. Полежать на земле в пятнах солнца. Побыть с любимым, когда рядом нет детей. Посидеть на крыльце, что-то перебирая, что-то перешивая, что-то перевязывая. Идти или ехать куда глаза глядят в течение часа, а потом вернуться. Сесть в автобус и поехать в неизвестном направлении. Слушая музыку, отбивать ритм. Встретить восход солнца. Поехать туда, где городские огни не мешают звездам. Помолиться.

Встретиться с задушевным другом. Посидеть на мосту, спустив ноги. Подержать на руках младенца. Сидеть в кафе у окна и что-то писать. Сидеть в окружении деревьев. Сушить волосы на солнце. Опустить руки в бочку с дождевой водой. Сажать растения и как следует испачкать в земле руки. Наблюдать красоту, грацию и трогательную хрупкость человеческих созданий.

Вы видите: чтобы попасть домой, не обязательно совершать долгое и трудное путешествие. Но я не хочу, чтобы у вас возникло впечатление, будто это пустяковое дело, потому что путь домой, труден он или легок, связан с большими препятствиями.

Есть еще одна причина, по которой женщины откладывают возвращение, гораздо более загадочная, – это их склонность слишком тесно отождествлять себя с архетипом целительницы. Архетип – огромная сила, в которой есть для нас и тайна, и наука. Находясь с ним рядом, хотя бы отчасти подражая ему, пребывая с ним в ровных отношениях, мы многое получаем. Каждый архетип несет в себе характерные качества, подтверждающие названия, которые мы даем этому архетипу: великая мать, божественное дитя, великий герой и т.д.

Архетип великого целителя сосредоточивает в себе мудрость, доброту, знание, заботу и все прочие качества, которые мы ассоциируем с целителем. Поэтому хорошо быть благородным, добрым и помогать всем, как это свойственно архетипу великого целителя. Но только до какого-то предела. Если перейти эту черту, он начинает оказывать на нашу жизнь сдерживающее воздействие. Стремление женщины «все исцелить, все устроить» – один из главных силков, расставляемых на нас требованиями общества и, главным образом, вынужденной необходимостью доказывать, что мы не просто занимаем место, коптим воздух и получаем удовольствие, а представляем собой востребованную ценность; а в некоторых странах – необходимость доказывать, что мы обладаем ценностью, а значит, имеем право жить. Такая необходимость внедряется в нашу психику, когда мы еще малы и не способны ее оценить или опровергнуть. Она становится для нас законом… если – мы не бросим ей вызов.

Но один человек не может постоянно отвечать на вопли страждущего мира. Мы можем сделать выбор: отвечать только тем, кто позволяет нам регулярно возвращаться домой, – иначе наш сердечный свет угаснет, так что его почти не будет видно. То, чему рвется помочь сердце, порой не соответствует тому, что есть в запасе у души. Если женщине дорога ее душевная оболочка, она будет решать эти вопросы в зависимости от того, как далеко она от дома и как часто туда возвращается.

Хотя архетипы могут на короткий срок воплощаться в нас, создавая так называемые божественные переживания, ни одна женщина не может постоянно олицетворять собой архетип. Только сам архетип может быть вечно деятельным, всемилостивым, постоянно энергичным. Мы можем стараться ему подражать, но архетип – это идеал, недоступный человеку, и так оно и должно быть. Однако ловушка требует, чтобы женщина доводила себя до изнеможения, стараясь достичь этого невозможного уровня. Чтобы не попасть в такую ловушку, нужно научиться говорить себе: «Стой» и «Остановите музыку» и, разумеется, делать это всерьез.

Женщина должна уходить, чтобы побыть наедине с собой и для начала разобраться в том, как она угодила в ловушку архетипа [13]. Необходимо вернуть и развить важнейший дикий инстинкт, который повелевает: «только до этой черты и ни шагу дальше» и «ровно столько и ни капли больше». Только так женщина может сохранить свое имущество. Лучше на время возвращаться домой, даже если это вызывает у окружающих раздражение, чем остаться, подвергнуться разрушению и в итоге уползти чуть живой.

Поэтому – женщины, если вы устали, прониклись отвращением к миру, если боитесь остановиться, дать себе передышку, – вам пора пробудиться! Укутайте одеялом гудящий гонг, который непрерывно зовет помочь тому, помочь этому, помочь кому-то еще. Он останется на своем месте, так что вернувшись, вы сможете его распеленать – если захотите. Если мы не будем возвращаться домой своевременно, то утратим свой центр тяжести. Найдя шкуру и туго натянув ее на себя, мы снова направляемся домой и лучше выполняем наши дела по возвращении. Есть поговорка: «Домой возврата нет». Это попросту ложь. Да,

невозможно снова заползти в материнскую утробу, но можно вспомнить дом своей души. Не только можно, но и необходимо.

Вырваться, нырнуть в глубину

Что такое чувство дома? Это инстинкт, заставляющий вернуться, найти место, которое мы помним. Это способность находить свой дом днем или темной ночью. Все мы умеем возвращаться домой. Сколько бы времени ни прошло, мы найдем дорогу назад. Мы проберемся сквозь ночь, по незнакомым местам, через чужие селения – без карты, не спрашивая дорогу у встречных.

Точно ответить на вопрос: «Где дом?» – дело более сложное. Можно сказать, что это сокровенное место, находящееся скорее во времени, чем в пространстве; это такое место, где женщина чувствует себя целостной. Дом там, где можно лелеять мысли или чувства, не боясь, что нам помешают или оторвут от этого занятия только потому, что наше время или внимание необходимы для чего-то другого. На протяжении веков женщины изобрели несметное множество способов отвести для себя такое место, беречь и обустраивать его, даже если их заботы и обязанности нескончаемы.

Впервые я научилась этому в детстве, в родных краях, где многие богомольные женщины поднимались в пятом часу утра и, надев длинные черные платья и надвинув на глаза платки, шли сквозь серый рассвет преклонить колени под сводами старой церкви. Они склоняли головы на шершавые ладони и молились, разговаривали с Богом, наполнялись покоем, силой и мудростью. Тетушка Катерина частенько брала меня с собой. Когда однажды я сказала: «Здесь так тихо и красиво», она шикнула на меня и подмигнула: «Никому не рассказывай, это очень большая тайна». Так оно и было, потому что в то время существовали всего два места, где было запрещено тревожить женщину: ведущая к церкви дорога в рассветную пору да сумрачное пространство церковного зала.

Это хорошо и справедливо, что женщина зарабатывает, добывает, берет, создает, стремится получить, утверждает свое право вернуться домой. Дом – это устойчивое ощущение или настроение, позволяющее нам переживать состояния, которые в обыденной жизни не являются устойчивыми: удивление, видение, покой, свободу от тревог, свободу от требований, свободу от постоянных пересудов. Все эти сокровища, которые дает нам дом, следует спрятать в душе, чтобы потом использовать в земном мире.

Хотя на земле есть много реальных мест, куда можно отправиться, чтобы «почувствовать» путь домой, в свой особый дом, само по себе такое место – еще не дом. Оно лишь средство передвижения, которое укачивает эго, заставляет его уснуть, так что остаток пути можно проделать в одиночестве. Таких средств, которые помогают женщине попасть домой, много: музыка, искусство, лес, океан, прибой, восход солнца, одиночество. Они возвращают нас домой, в питательный внутренний мир, где свои идеи, свой порядок, свои средства к существованию.

Дом – это первозданная инстинктивная жизнь, которая идет легко, как подшипник, скользящий в смазанной обойме, где все работает как надо, нет никаких посторонних шумов, свет горит ярко, запахи успокаивают, а не тревожат. Как проводить время по возвращении – не столь важно. Важно то, что восстанавливает утраченное равновесие. Это и есть дом.

Там для нас приходит время не только размышлять, но и учиться, извлекать на свет забытое, заброшенное и погребенное. Там мы можем предугадывать будущее и разглядывать карту шрамов души, чтобы узнать, откуда они взялись и что будет дальше.

Вот что пишет о возвращении Самости Адриана Рич в своем проникновенном стихотворении, «Спуск в затонувшее судно» [14]:

Там лестница.

Лестница всегда там,
невинно свисает
с борта шхуны…
Я спускаюсь глубже…
Осматриваю останки корабля…
Вижу разрушения и сокровища, которых больше…

Самое важное из того, что я могу сказать о календаре возвращения домой, звучит просто: если время пришло, значит, пришло. Даже если вы еще не готовы, даже если что-то не завершено, даже если сегодня прибывает ваш корабль. Если время пришло, значит, пора. Женщина-тюлениха возвращается в море не потому, что ей так захотелось, не потому, что сегодня для этого подходящий день, не потому, что в жизни у нее все распрекрасно – такого распрекрасного не бывает ни у кого. Она уходит, потому что пришло время, а значит, она должна это сделать.

У каждой из нас есть излюбленные способы отговорить себя от возвращения домой, но, восстановив свои инстинктивные дикие циклы, мы берем душевное обязательство организовать свою жизнь так, чтобы проживать ее все более и более гармонично. Бесполезно спорить, правильно или неправильно мы поступаем, уходя, чтобы вернуться домой. Здесь есть одна простая истина: если время пришло, значит, пора [15].

Есть женщины, которые никогда не возвращаются домой и всю жизнь проводят a la zona zombi, в краю зомби. Самое жестокое в этом безжизненном состоянии то, что женщина функционирует: ходит, разговаривает, действует, даже многого добивается, но уже не ощущает последствий того, что что-то разладилось: ведь если бы она это ощущала, боль немедленно заставила бы ее что-то сделать.

Но нет, в таком состоянии женщина ковыляет, вытянув руки перед собой; ей не грозят страдания из-за утраты дома, она слепа и, как говорят на Багамах, спарат, то есть душа покинула ее, а потому, что бы она ни делала, ее не оставляет чувство нематериальности. В таком состоянии женщину преследует странное ощущение, что она многого достигла, но не чувствует удовлетворения. Казалось бы, она делает то, что хочет, но сокровище в ее руках почему-то превращается в пыль. Для женщины в таком состоянии это очень полезное ощущение. Неудовлетворенность – тайная дверь, ведущая к важной и животворной перемене.

Женщины, с которыми я работала и которые не были дома двадцать лет, а то и больше, всегда плачут, впервые ступив на эту душевную почву снова. По многим причинам, которые в свое время казались благими, они провели много лет, смирившись с постоянным изгнанием из родного края, они забыли, как это восхитительно, когда на пересохшую землю падают капли дождя.

Для некоторых дом – это нечто вроде удавшейся попытки. Женщины начинают петь, хотя годами находили причины, чтобы молчать. Они начинают усердно изучать то, к чему давно тянулись душой. Они ищут потерянных людей и потерянные предметы. Они вновь обретают голос и начинают что-то писать. Они отдыхают. Они делают какой-то уголок земли своим. Они принимают и реализуют многочисленные и очень важные решения. Они делают что-то такое, что оставляет следы.

Для некоторых дом – это лес, пустыня, море. На самом деле дом – это голографическая картинка. Он содержится в полном объеме в одиноком дереве, в сиротливом кактусе на витрине цветочного магазина, в спокойной глади пруда. Он присутствует целиком в желтом листе, что лежит на асфальте; в красном глиняном горшке, готовом принять путаницу корней; в капле воды на коже. Если настроить глаза души, можно увидеть дом в самых разных местах.

Как долго мы идем домой? Так долго, как сможем, или пока не вернемся. Как часто это нужно делать? Как можно чаще, если вы очень чувствительны и активно проявляете себя во

внешнем мире. Реже, если вы толстокожи и больше любите сидеть дома. Каждая женщина в душе знает, как часто и как долго ей необходимо это делать. Показателем может быть блеск в глазах, радость жизни, яркость ощущений.

Как мы сочетаем потребность возвращаться домой с повседневной жизнью? Мы заранее планируем в своей жизни время для этого. Всегда удивляешься, когда видишь, как легко женщины умеют выкроить необходимое время, если кто-то болен, если нужно заниматься с ребенком, если ломается машина, если заболит зуб. Нужно уделять такое же внимание возвращению домой, а если необходимо – поставить его на первое место. Ведь это бесспорная истина: если женщина не уйдет вовремя, тоненькая трещина в ее душе превратится в пропасть, а пропасть – в ревущую бездну.

Если женщина относится к своим циклам возвращения и прихода как к абсолютной ценности, окружающие тоже научатся их ценить. Это правда, что настоящее чувство дома можно испытать, выкраивая время из повседневной суеты – время, которое будет нерушимо и исключительно нашим. «Исключительно свое» каждая женщина понимает по-разному. Одной, чтобы вернуться домой, достаточно побыть в комнате в уединении, оставаясь доступной для окружающих. Для другой место, откуда начинается спуск домой, должно быть совершенно недоступно для постороннего вмешательства. Никаких «Мама, мама, где мои ботинки?», никаких «Дорогая, прихватить что-нибудь в овощной лавке?»

Для такой женщины вход в сокровенный дом открывает тишина. No me molestes,[40] Полная Тишина, с большой буквы. Для нее тишина – шелест ветра в кронах деревьев. Для нее тишина – рев горного потока. Для нее тишина – грохотание грома. Для нее животворная тишина – естественный порядок природы, который ничего не просит взамен. Каждая женщина выбирает в зависимости от своих способностей и потребностей.

Сколько бы времени ни длилось ваше возвращение домой – один час или несколько дней, помните: о ваших кошках могут позаботиться другие, даже если ваши кошки утверждают, что только вы умеете делать это правильно. Ваша собака попытается вам внушить, что вы бросаете ребенка посреди дороги, но она вас простит. Газон слегка пожелтеет, но потом оживет. Вы с детьми будете скучать друг без друга, но зато обрадуетесь при встрече. Ваш муж может ворчать – он это переживет. Ваш шеф может угрожать – он это тоже переживет. Задерживаться слишком долго – безумие. Вернуться домой – здравый выбор.

Если культура, общество или душа не поддерживают этот цикл возврата домой, многие женщины учатся прыгать через ворота или пролезать сквозь изгородь. У них развиваются хронические болезни, и они подолгу валяются в постели с книгой. Они улыбаются во весь рот, показывая, что все в порядке, а сами медленно, но верно делают свое тайное дело.

Многие женщины, у которых нарушен цикл возвращения домой, понимают: чтобы завоевать право уйти, чтобы утвердить свои душевные потребности, придется сражаться с шефом, детьми, родителями или мужем. Поэтому бывает, что в разгар такой схватки женщина заявляет: "Ладно, я ухожу. Раз ты такой/така></emphasis*> (заполните пробел)* , то я пошла, будь здоров(а)". Грохот, сотрясение земли, пыль столбом – и она исчезла.

Если женщине приходится бороться за то, что принадлежит ей по праву, она чувствует, что ее желание вернуться домой абсолютно законно и справедливо. Интересно отметить, что волки в случае необходимости дерутся, чтобы получить желаемое, будь то еда, сон, секс или покой. Может показаться, что борьба за исполнение своих желаний – это нормальная инстинктивная реакция на препятствия. Однако для многих женщин такая борьба должна происходить еще и в душе, а то и исключительно в ней, противостоя всему внутреннему комплексу, который прежде всего отрицает ее потребности. К тому же гораздо легче отражать нападки агрессивного общества, если вы побывали дома и вернулись.

---

[40] «Оставьте меня в покое» (исп.).

Если вам приходится вести борьбу каждый раз, когда настает пора уходить, наверное, стоит тщательно взвесить ваши отношения с близкими людьми. Если можно, лучше приучить окружающих к тому, что вы возвращаетесь другим человеком, что вы не бросаете их, а переучиваете себя и возвращаетесь к подлинной жизни. Так, если вы человек искусства, окружите себя людьми, которые понимают вашу потребность бывать дома, потому что есть вероятность, что вам чаще, чем другим, придется вести раскопки в душевной земле дома, чтобы познать циклы творения. Поэтому говорите кратко и убедительно. Моя подруга Норманди, талантливая писательница, сказала, что постепенно пришла к такому варианту: «Я ухожу». Это самые лучшие слова. Произнесите их – ив путь.

У каждой женщины свое представление о полезном и/или необходимом сроке, который следует провести дома. Большинство из нас не всегда может отлучаться на столько, на сколько нам хотелось бы, поэтому мы уходим на сколько можем. Время от времени мы уходим на сколько должны. Бывает, что мы отсутствуем, пока не начнем скучать по тому, что оставили. Иногда мы судорожно ныряем, выныриваем, снова ныряем. Большинство женщин, возвращающихся к своим природным циклам, попеременно используют все эти варианты, соразмеряя их со своими обстоятельствами и потребностями. Одно можно сказать твердо: всегда хорошо держать у дверей маленький чемоданчик – так, на всякий случай.

Промежуточная женщина – умение дышать под водой

В сказке показан любопытный компромисс. Вместо того чтобы оставить сына или забрать его с собой навсегда, женщина-тюлениха берет его в гости к тем кто живет «внизу». Мальчика, в чьих жилах течет материнская кровь, принимают в члены тюленьего рода. Там, в подводном доме, он знакомится с повадками дикой души.

Ребенок олицетворяет новый строй души. Мать-тюлениха вдохнула в его легкие часть своего дыхания, часть своей души, и, таким образом, выражаясь языком психологии, превратила его в промежуточное существо [16] – то, которое способно соединить два мира. Однако хотя мальчик получил посвящение в мир иной, он не может оставаться там и должен вернуться на землю. С этих пор он играет особую роль. Дитя, которое нырнуло в глубину и вернулось на поверхность, – это не вполне эго и не вполне душа, а нечто промежуточное.

В каждой женщине таится то, что Тони Вулф, психоаналитик-юнгианец, живший в первой половине двадцатого века, назвал «промежуточной женщиной». Находясь между миром повседневной реальности и миром мистического бессознательного, промежуточная женщина выступает посредницей между ними. Промежуточная женщина – приемник и передатчик ценностей или идей. Именно она приносит в жизнь новые идеи, обменивает устаревшие идеи на новаторские, служит переводчиком и проводником между миром рационального и миром воображаемого. Она «слышит», «знает», «чувствует», что должно произойти.

Эта промежуточная точка между мирами разума и образов, между чувством и мыслью, между материей и духом – между всеми мыслимыми противоположностями и всеми оттенками смысла – и есть дом промежуточной женщины. Женщина-тюлениха из сказки являет собой воплощение души. Она способна жить во всех мирах, в верхнем – мире материи – ив дольнем, или нижнем мире – своем духовном доме, но не может слишком долго оставаться на земле.

В совокупности Женщина-тюлениха и ее дитя образуют в женской душе систему наподобие цепочки людей на пожаре. Женщина-тюлениха, душа-самость, передает из воды мысли, идеи, чувства и импульсы наверх, промежуточному "Я", которое, в свою очередь, поднимает все это на сушу, в сознание внешнего мира. Эта структура работает и в обратном направлении. События нашей повседневной жизни, наши прошлые обиды и радости, наши страхи и надежды на будущее – все это из рук в руки передается вниз, душе, которая комментирует полученное в наших снах, посылает свои чувства наверх, в наше тело, или,

даруя миг вдохновения, пронзает нас идеей.

Дикая Женщина – это сочетание здравого смысла и душевного смысла. Промежуточная женщина – ее двойник, ей также присуще и то, и другое. Как и дитя из сказки, промежуточная женщина принадлежит к нашему миру, но может легко спускаться в самые глубины души. Некоторые женщины рождаются с этим качеством, получая его в дар. Другие приобретают его как навык. Но один из результатов регулярного возвращения таков: если земная женщина уходит и возвращается, промежуточная женщина с каждым разом становится все сильнее.

Подъем на поверхность

Чудо и боль возвращения на дикую родину заключаются в том, что мы можем там побывать, но не можем остаться. Как бы ни было чудесно в этом самом сокровенном из домов, мы не можем оставаться под водой навеки и должны вновь подняться на поверхность. Как Урук, которого осторожно вынесли на каменистый берег, мы возвращаемся к земной жизни, с обновленной душой и свежими силами. И все же это грустный миг – когда мы снова оказываемся на суше, наедине с собой. Так в древности люди, которые прошли тайные обряды инициации, возвращаясь во внешний мир, переживали прилив сладостно-горького чувства. Вместе с радостью и чувством обновления они поначалу ощущали светлую печаль.

Средство от этой смутной тоски дает женщина-тюлениха, наставляя сына: «Я всегда буду с тобой. Только притронься к тому, чего касались мои руки: к палочкам для добывания огня, к моему улу, ножу, к выдрам и тюленям, которых я вырезала из камня, и я дохну на тебя ветром, чтобы ты мог петь свои песни» [17]. Ее слова – особая разновидность безмолвного обещания. Они подразумевают: не нужно долго томиться желанием вернуться назад; лучше овладей этими инструментами, подружись с ними, и ты ощутишь мое присутствие, будто ты – натянутая на бубен кожа, которой коснулась дикая рука.

Про эти инструменты инуиты говорят, что они принадлежат «настоящей женщине». Они – то, что необходимо женщине, чтобы «вырезать для себя жизнь». Ее нож вырезает, одевает, освобождает, отмечает, приспосабливает. Владение палочками для добывания огня позволяет ей развести костер в самых суровых условиях. В резьбе по камню находят выражение ее мистическое знание, способность исцелять и личная связь с духовным миром.

Если использовать язык психологов, то эти метафоры олицетворяют силы, присущие дикой природе. В классической юнгианской психологии этот тандем можно назвать единством оси эго-самость. В контексте сказки нож, помимо всего прочего, является инструментом провидения, позволяющим пронзить тьму и увидеть скрытое. Приспособления для добывания огня олицетворяют способность добывать себе пропитание, превращать старую жизнь в новую, отбрасывать ненужное. Их можно рассматривать как символ внутреннего побуждения, которое подвергает огненной закалке исходные материалы души. Традиционно изготовление фетишей и талисманов помогает герою и героине сказки помнить, что сила духовного мира рядом.

Для современной женщины улу, нож, символизирует интуицию, способность и готовность отсечь избыточное, подвести итог и приступить к новым начинаниям. Разжигание огня говорит о способности оправиться от неудачи, раздуть жар для собственных нужд, а если нужно, то и спалить что-нибудь дотла. Каменные фигурки воплощают память о своем диком сознании, связь с природной инстинктивной жизнью.

Как и дитя женщины-тюленихи, мы узнаём, что приблизиться к творениям матери-души – значит наполниться ею. Хотя она и ушла к своему народу, полностью почувствовать ее силу нам помогают такие женские способности, как интуиция, страсть и связь с дикой природой. Ее обещание гласит: если мы соприкоснемся с этими орудиями душевной силы, то почувствуем ее веяние; ее дыхание сольется с нашим, и нас наполнит священный дух песни. Старые инуиты говорят, что дыхание бога и человеческое дыхание, смешиваясь, побуждают

человека создавать поэтические произведения с явной печатью божественного [18].

Именно эту священную поэзию и песню мы ищем. Нам нужны сильные слова и песни, которые можно услышать под водой и на земле. Именно дикие песни мы ищем – возможность использовать дикий язык, который мы выучили в подводном мире. Если женщина изрекает откровения, воспламеняет намерение и чувство, хранит тесную связь с инстинктивной природой, то она поет, она живет в диком дыхании души. Такая жизнь – самостоятельный цикл, который должен длиться, длиться и длиться.

Вот почему Урук не пытается снова нырнуть в воду или попросить мать взять его с собой, когда она уплывает в море и исчезает из вида. Вот почему он остается на земле. У него есть обет. Когда мы возвращаемся в суетный мир, особенно если на время возвращения домой мы были от него изолированы, то люди, машины и другие предметы выглядят слегка непривычно, и даже болтовня окружающих звучит как-то странно. Это естественный этап возвращения, который называют вхождением. Через несколько часов или несколько дней такое ощущение принадлежности к иному миру проходит. Потом, погружаясь в привычную жизнь, мы будем питаться энергией, собранной во время возвращения домой, и практикой уединения, станем налаживать связь с душой.

В сказке ребенок женщины-тюленихи начинает осуществлять промежуточную природу. Он становится музыкантом, певцом, сказителем. В сказочном истолковании музыкант, играя на бубне или барабане, становится ядром новой жизни, какой бы она ни была, и тогда должно родиться и затрепетать новое чувство. Музыкант может отпугивать и привлекать. Певец передает вести от великой души к земной личности и обратно. Природой и тембром своего голоса певец может разрушать и уничтожать, но может возводить и созидать. Про сказителя говорят, что он подобрался близко к богам и слушал, как они разговаривают во сне [19].

Так своими творческими действиями ребенок воплощает то, что вдохнула в него мать-тюлениха. Он воплощает то, что узнал под водой: жизнь в родстве с дикой душой. И тогда мы находим себя – мы наполнены биением бубна, наполнены пением, наполнены звуками наших собственных слов, услышанными и произнесенными, наполнены новыми стихами, способностью видеть, поступать и думать по-новому. Мы не стараемся продлить волшебство, а просто живем. Мы не страшимся избранной работы, не сопротивляемся ей, а плавно входим в нее; мы бодры, полны новых идей и сгораем от желания увидеть, что будет дальше. Человек, который в конце концов вернулся домой, многое пережил: великие духи-тюлени унесли его в море, и он вернулся живым.

Практика добровольного одиночества

В сером утреннем тумане ребенок, который стал взрослым, опускается на колени на морском утесе и ведет беседы не с кем иным, как с женщиной-тюленихой. Эта систематическая практика одиночества и общения с нуминозным дает ему особый способ быть рядом с домом – не только нырять в мир души на более длительное время, но, что не менее важно, иметь возможность ненадолго вызывать душу на поверхность.

Чтобы общаться с дикой женственностью, женщина должна на время оставить мир и пребывать в состоянии полного одиночества, наедине с собой. Ведь в старину английское слово alone, «одинокий», состояло из двух слов: all one [20], то есть «совсем один», «наедине с собой». Как раз в этом и состоит цель уединения – побыть наедине с собой. Это лекарство от изнеможения, в котором так часто пребывают современные женщины; оно помогает им, как говорится в старой пословице, «вскочить на коня и помчаться во весь опор».

Одиночество – это не отсутствие энергии или движения, как полагают некоторые, а дар из сокровищницы первозданной свободы, которые передает нам душа. Из письменных свидетельств целителей-знахарей, монахов и мистиков мы знаем, что в старину уединение

считалось и успокаивающим, и профилактическим средством. Им лечили усталость и предупреждали тоску. Его использовали и в целях предсказания, как способ прислушаться к внутреннему Я, чтобы попросить совета и руководства, которые невозможно расслышать в шуме и суете повседневной жизни.

Женщины, жившие в древние времена, как и наши современницы из туземных племен, часто отводили для таких бесед и вопросов особое, священное место. Традиционно считается, что делать это нужно во время месячных, потому что в этот период женщина гораздо ближе к самопознанию, чем в обычное время, поскольку преграда между бессознательным умом и сознательным становится значительно тоньше. Чувства, воспоминания, ощущения, обычно недоступные сознанию, приходят беспрепятственно. Если женщина предастся одиночеству в этот период, ее ждет более богатый улов.

Однако, общаясь с женщинами из племен Северной, Центральной и Южной Америки, а также с женщинами, ведущими свой род от некоторых славянских племен, я обнаружила, что «женские места» использовали в любое время, а не только в период месячных; более того, обычно у каждой женщины было свое «женское место» – особое дерево, кусочек берега, клочок леса, пустыни или морской грот.

Проводя с женщинами сеансы психоанализа, я убедилась, что многие предменструальные недомогания современных женщин – не просто физический синдром: их можно в равной степени приписать тому, что женщинам не позволяют уделить достаточно времени возрождению и обновлению [21]. Я всегда смеюсь, когда слышу, как люди цитируют старых антропологов, которые утверждали, будто в разных племенах женщин во время менструаций считали «нечистыми» и заставляли уходить из деревни до окончания месячных. Все женщины понимают: даже если и существовало такое вынужденное ритуальное изгнание, то каждая женщина, когда подходил ее срок, покидая деревню, шла, скорбно повесив голову, пока ее могли видеть, а потом вдруг пускалась вприпрыжку и всю дорогу заливалась смехом.

Как и в сказке, регулярно практикуя добровольное одиночество, мы завязываем разговор между собой и дикой душой, которая подплывает к нашему берегу. Мы делаем это не только для того, чтобы просто «побыть рядом» с дикой и одушевленной природой, – как и в существующей с незапамятных времен мистической традиции, цель такого союза заключается для нас в том, чтобы задавать вопросы, а для души – в том, чтобы давать ответы.

Как можно вызвать душу? Для этого есть много способов: медитация, ритм бега или барабанного боя, пение, писательство, живопись, сочинение музыки, созерцание прекрасного, молитва, размышление, обряды и ритуалы, покой и даже зачаровывающие настроения и идеи. Все это – психические призывы к душе, исходящие из ее обители от нее самой.

Однако я советую использовать те методы, которые не требуют ни реквизита, ни специального места и которые можно завершить как за день, так и за минуту. Это значит использовать для призывания души собственный ум. У каждой из нас есть хотя бы одно привычное состояние ума, в котором лучше всего переживать такое одиночество. Для меня одиночество похоже на «складной лес», который я повсюду ношу с собой и разворачиваю вокруг себя, когда возникает потребность. Я сажусь у подножия огромных старых деревьев своего детства. Из этого места я задаю вопросы, получаю ответы, а потом снова уменьшаю свой уголок леса до размера любовной записки – до следующего раза. Такое переживание бывает мгновенным, кратким и емким.

На самом деле единственная необходимая для одиночества вещь – это способность отключаться от всего, что нас отвлекает. Женщина способна научиться не замечать других людей, шума и болтовни, даже если находится в накаленной атмосфере на собрании правления, даже если у нее дома такое, что без бульдозера не разгребешь, даже если вокруг восемьдесят словоохотливых родственников, которые все три дня праздника горланят, пляшут и дерутся. Если вы были подростком, то знаете, что такое отключаться. Если вы

были матерью двухлетнего ребенка, который не желает спать, вы знаете, как себе устроить уединение. Само по себе это не трудно – трудно не забыть это сделать.

Хотя, возможно, все мы предпочитаем, чтобы наше путешествие домой продолжалось подольше, чтобы никто не знал, куда мы ушли, и возвращение было нескорым, так же хорошо практиковать одиночество в помещении, где полно народу. Поначалу сама мысль об этом может показаться странной, однако, скажу вам, есть люди, которые общаются с душой постоянно. А есть и такие, кто впадает в это состояние не намеренно, а внезапно: на них снисходит откровение или же вдруг – хлоп! – и они уже там.

Поскольку этот период задушевного общения считается чем-то неподобающим, мы научились скрывать его за вполне земными терминами: мы «разговариваем с собой», «глубоко задумываемся», «глядим в пространство» или «грезим». Эти иносказания привились в разных областях нашей культуры, поскольку, к несчастью, нас с детства учат ощущать неловкость, если нам случается общаться со своей душой, особенно в таких прозаических обстоятельствах, как работа или школа.

В научном и деловом мире время, которое мы уделяем пребыванию наедине с собой, почему-то считается потраченным впустую, хотя на самом деле это время – самое плодотворное. Ведь именно дикая душа поставляет идеи нашему воображению, и только потом мы их сортируем, чтобы решить, какие взять на вооружение, какие наиболее приемлемы и перспективны. Именно слияние с душой наполняет нас сиянием духа, способствуя раскрытию наших талантов, какими бы они ни были. Именно этот краткий, часто мимолетный, но намеренный миг единства помогает нам поддерживать внутреннюю жизнь: нам удается не похоронить ее под такими изъянами личности, как робость, стыд, страх подвергнуться наказанию или безоглядной критике, бездеятельность, самодовольство или другие ограничивающие нас выдумки и оправдания, а предоставить ей трепетать, сиять и сверкать на виду у всех.

Таким образом, помимо получения любых интересующих нас сведений, уединение можно использовать для оценки своих успехов в избранной сфере. В сказке мы видели, что мальчик оставался под водой семь дней и семь ночей – то было время усвоения одного из древнейших природных циклов. Семь часто считают женским, мистическим числом, связанным с делением лунного месяца на четыре фазы и с женским циклом, у которого тоже есть свои периоды роста, половинной фазы, полной силы и убывания. В старинных этнических женских традициях было заведено в период полнолуния исследовать состояние своего бытия: дружеских связей, семейной жизни, мужа, детей.

Это можно сделать пребывая в одиночестве, ибо именно в это время мы сводим все аспекты своей личности в одну точку во времени и там их рассматриваем и расспрашиваем, чтобы выяснить, чего мы/они/душа желаем/желают в настоящий момент, и по возможности исполнить это желание. Так мы проводим жизненно важное исследование своих текущих обстоятельств. В нашей жизни есть и много таких сторон, которые необходимо оценивать постоянно: жилье, работа, творчество, семья, муж, дети, мать/отец, сексуальная сфера, духовная жизнь и т.д.

При оценке мы используем простой метод измерения: выясняем, что необходимо убавить и что прибавить. Мы спрашиваем инстинктивную самость – не прибегая к высокой логике, не от лица эго, а от лица Дикой Женщины, – что нужно сделать, наладить, ослабить, усилить. Не сбились ли мы душой и духом с верного курса? Как выглядит наша внутренняя жизнь со стороны? Что необходимо улучшить, защитить, умерить, повысить? Что нужно устранить, переместить или изменить?

По мере практики начинает сказываться плодотворное влияние добровольного уединения. Оно действует как жизненно необходимая дыхательная система, как естественный циклический ритм: знание прибывает, мы вносим мелкие уточнения и убираем все ненужное. В уединении не только сила, но и практичность, ведь одиночество находится на нижнем уровне пищевой цепи: оно кое-чего требует в смысле намерения и систематической работы, зато доступно в любое время и в любом месте. Практикуя его, вы

со временем обнаружите, что придумываете для души свои вопросы. Иногда вопрос может быть всего один. Бывает, что у вас вообще нет вопросов и вы просто хотите отдохнуть на камне рядом с душой, дыша с ней одним воздухом.

Врожденная экология женщины

В сказке говорится, что многие пытаются охотиться на душу, чтобы поймать и убить ее, но ни одному охотнику это не удается. Это еще один сказочный намек на неуязвимость дикой души. Даже если наша работа, любовь, отдых или игра не согласуются с циклом, это не убивает Дикую Женщину, а только изматывает нас самих. Отрадно то, что можно внести необходимые поправки и снова вернуться к собственным природным циклам. Ведь именно любя и охраняя свои природные времена года, мы не даем навязать своей жизни чужой ритм, чужой танец, чужой голод. Именно отводя четкие циклы для секса, творчества, отдыха, игры и работы, мы заново учимся понимать и различать свои дикие чувства и периоды.

Мы знаем, что нельзя жить чужой жизнью. Мы знаем, что бывает пора, когда нужно на время оставить дела людей, народа, мира. Теперь мы знаем, что похожи на земноводных: мы можем жить на суше, но не постоянно – нам необходимо время от времени возвращаться в воду, домой. Чересчур цивилизованные и деспотические общества пытаются помешать женщинам возвращаться домой. Слишком часто женщину отпугивают от воды, пока она не истает как свеча.

Но когда прозвучит голос, призывающий вернуться домой надолго, какая-то ее часть всегда услышит: она ждала этого зова. Когда прозвучит этот призыв из дома, она послушается – тайно или не слишком таясь она готовится пойти на зов. Она сама и все союзники ее сокровенной души восстановят способность возвращаться. Этот процесс обретения способности касается не просто той или иной женщины – он касается всех нас. Каждая из нас опутана земными обязательствами. И все же Старик зовет всех нас в море. Все должны возвращаться.

Ни один из этих способов возврата домой не зависит от материального и социального положения, образования или физической подвижности. Даже если мы способны увидеть одну-единственную травинку, даже если весь наш горизонт – куцый клок неба, даже если все наше достояние – тощий сорняк, пробившийся сквозь трещину в тротуаре, мы можем увидеть все свои циклы в природе и благодаря ей. Все мы можем уплыть в море. Все мы можем общаться с морем с утеса. Все женщины должны иметь эту связь: многодетные матери, влюбленные женщины, одинокие женщины, деловые женщины, хандрящие женщины, светские женщины, женщины-экстраверты и женщины-интроверты, женщины с патологическим чувством долга.

Юнг говорил: «Было бы куда лучше просто признаться в своей духовной нищете… Когда дух тяжелеет, он превращается в воду… Поэтому путь души… ведет к воде» [22]. Возвращение домой и беседы с тюленихой, когда мы стоим на коленях на морском утесе, – это действия, которым присуща исконная и целостная экология, ибо они являют собой возвращение в воду, встречу с диким другом, с тем, кто больше, чем кто бы то ни было, любит нас неослабно, беззаветно и с глубочайшим терпением. Нужно только глядеть в эти глаза души, «дикие, мудрые и любящие», и учиться у них.

Глава 10
ЧИСТАЯ ВОДА: ПИЩА ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Творчество обладает волшебной изменчивостью: сейчас у него один облик, через миг – другой. Оно как ослепительное видение, которое является всем, но которое трудно описать: все расходятся в представлениях о том, что же они увидели в этой сверкающей вспышке. Разве умение водить кистью по холсту или осыпавшаяся краска и обои не служат

свидетельствами его существования? А перо и бумага, а цветочные бордюры у садовой дорожки, а здание университета? Ну конечно же! А искусство безупречно выгладить воротничок, разжечь революцию? Тоже! С любовью дотронуться до листьев растения, провернуть крупную сделку, сесть за ткацкий станок, обрести свой голос, крепко любить кого-то? Да! Поймать в ладони горячее тельце новорожденного, дорастить ребенка до зрелых лет, помочь народу подняться с колен? Да! Лелеять свой брак, как сад, добывать душевное золото, подыскать меткое словцо, сшить голубую занавеску? Все это моменты творческой жизни. Все это идет от Дикой Женщины, от Rio Abajo Rio, реки под рекой, которая беспрестанно протекает через нашу жизнь.

Одни говорят, что творческая жизнь заключается в идеях, другие – в свершениях. Но похоже, что в большинстве случаев она заключается в самом бытии. Ведь творчество – не виртуозность, хотя сама по себе виртуозность тоже прекрасна. Творчество – это любовь, столь огромная любовь к чему-то или кому-то – к человеку, образу, идее, земле или человечеству, – что, когда она нас переполняет, остается только одно – творить. И дело тут не в желании, не в единичном волевом акте – у нас просто нет другого выхода.

Творческая сила затопляет нашу душу и ищет в ней естественные впадины: arroyos, каналы, которые в нас существуют. Мы становимся ее притоками, ее бассейнами; мы ее пруды, озера, реки и священные водоемы. Дикая творческая сила заполняет все русла, которые мы можем ей предоставить: и те, с которыми родились, и те, которые выкопали собственными руками. Нам не нужно их наполнять – наше дело только создать их.

В теории архетипа есть принцип, который гласит: если приготовить в душе особое место, то бытие, творческая сила, душевный источник узнают о нем, отыщут к нему дорогу и займут его. Чем бы ни была вызвана такая сила – библейским «Ступай, готовь место для души своей» или, как в фильме «Поле сновидений» [1], голосом, повелевшим фермеру построить бейсбольное поле, на котором бы могли играть духи покойных спортсменов: «Ты построй, и они придут», – готовя подходящее место, мы приглашаем великую творческую силу.

После того как мощный подземный поток находит в нашей душе свои устья и рукава, наша творческая жизнь начинает, как дикая река, наполняться и иссякать, вздыматься и опадать в зависимости от времени года. В соответствии с этими циклами происходит создание, вскармливание, упадок и умирание – все в свое время, снова и снова.

Созданное в одном месте реки служит пищей для тех, кто приходит к ней, служит пищей для существ, обитающих ниже по течению, и тех, что живут в глубине. Творчество – не единичное движение, и в этом его сила. То, что им затронуто, тот, кто его слышит, видит, ощущает, знает, – все получают пищу. Вот почему, воспринимая чье-то творчество, слово, образ, идею, мы насыщаемся, обретаем вдохновение для собственной творческой деятельности. Даже один творческий акт способен дать пищу целому континенту. Один творческий акт может заставить поток пробить каменную преграду.

Вот почему способность женщины к творчеству – самое ценное ее достояние. Оно оделяет всех вокруг и дает ей внутреннюю пищу на всех уровнях: физическом, духовном, душевном, эмоциональном и материальном. Дикая природа изливает бесконечные возможности, действует как родовой канал, наполняет энергией, утоляет жажду, насыщает голод – тягу к глубокой и дикой жизни. В идеале эта творческая река не имеет ни плотин, ни ответвлений, а главное, недоступна злоупотреблениям [2].

Река Дикой Женщины питает нас и выращивает из нас создания, подобные ей самой, – дарующие жизнь. Когда мы творим, это дикое и загадочное бытие в ответ творит нас, наполняя любовью. Оно возбуждает нас, как зверей возбуждают солнце и вода. Мы так наполняемся жизнью, что сами начинаем творить жизнь: набухаем, расцветаем, делимся и множимся, оплодотворяем, вынашиваем, наделяем, отдаем.

Очевидно, что творческое начало проистекает от того, что растет, катится, вздымается и низвергается в нас, а не от того, что стоит на месте, пока мы надеемся, изрядно наплутавшись, найти к нему путь. В этом смысле творческое начало невозможно «утратить».

Оно всегда присутствует, наполняя нас и сокрушая все вставшие у него на пути заторы. Не найдя бреши, оно отступает, набирает силу и бьется о преграду, пока не прорвет ее. Единственный способ сопротивляться его настойчивой энергии – постоянно создавать для него препятствия или позволить ему стать жертвой пагубных воздействий или небрежного отношения.

Если мы жаждем творческой энергии, если нам недостает изобретательности, воображения, идей, если нам трудно сосредоточиться на своем личном восприятии, выразить его или настоять на нем, значит, что-то разладилось в шлюзе, соединяющем реку и водохранилище. Может быть, ваш творческий поток течет по отравленной местности, которая убивает все живые образы, прежде чем они успевают достичь зрелости. Чаще всего, когда женщина лишена творческой жизни, причиной беды бывают все эти обстоятельства, вместе взятые.

Но есть и менее явные возможности. Бывает, что человек так восхищается талантами другого и/или кажущимися благами, которые тот зарабатывает или получает, что становится мастером мимикрии, печально подстраиваясь под заурядное большинство, вместо того чтобы развивать собственные уникальные дарования до совершенных и поразительных высот. Бывает, человек впадает в неумеренный восторг по поводу чужого творчества и не представляет, как развивать собственные неподражаемые способности. Бывает, он боится, потому что вода глубока, ночь темна, а путь далек, но это именно те условия, которые необходимы для развития собственных оригинальных и драгоценных дарований.

Дикая Женщина – это Rio Abajo Rio, река под рекой, поэтому, когда она впадает в нас, мы тоже превращаемся в поток. Если соединяющее нас русло перекрыто, мы отрезаны от нее. Если ее воды отравлены нашими пагубными внутренними комплексами или влиянием окружающих нас людей, тонкий процесс создания наших идей тоже подвергается загрязнению. Тогда мы уподобляемся гибнущей реке. Это не пустяк, от которого можно отмахнуться. Утрата чистого творческого потока – свидетельство психологического и духовного кризиса.

Если река отравлена, все начинает умирать, ведь, как мы знаем из экологии, каждый биологический вид зависит от всех других. Если в реке осока у берега желтеет от недостатка кислорода, пыльце становится нечего опылять, тростник гибнет, не оставляя между корнями углублений для кувшинок, на ивах не будет сережек, тритоны не найдут себе самок, поденки не выведутся. Поэтому рыба перестанет выпрыгивать из воды, птицы перестанут нырять, а волки и другие животные, которые приходят к реке на водопой, уйдут в другое место или погибнут, напившись отравленной воды или сожрав дичь, которая наелась отравленных прибрежных растений.

Если творческое начало одолел застой, результат будет таким же: недостаток свежести, упадок способности к воспроизводству, отсутствие места для мелких видов, привыкших селиться между более крупными, конец преемственности идей, конец рождениям, конец новой жизни. Тогда мы начинаем плохо себя чувствовать и нам хочется движения. Мы бесцельно слоняемся, делая вид, что можем обойтись без цветущей творческой жизни или имитируя ее, но это бесполезно и невозможно. Чтобы вернуть творческую жизнь, нужно снова сделать воду чистой и прозрачной. Нужно влезть в ил, очистить воду от загрязнений, открыть шлюзы и впредь оберегать реку от ущерба.

У испаноязычных народов есть старая сказка, которая называется La Llorona [3], «Плачущая». Говорят, что ее сложили в начале четырнадцатого века, когда вторгшиеся в Мексику конкистадоры поработили ацтеков, но на самом деле она гораздо старше. В ней повествуется о реке жизни, которая превратилась в реку смерти. Ее героиня – призрачная женщина, живущая в реке, плодоносная и щедрая, творящая из собственного тела. Она бедна, ослепительно красива, богата душой и духом.

La Llorona – странная сказка, поскольку она развивается во времени, как будто в избытке обладает собственной внутренней жизнью. Как большая подвижная песчаная дюна путешествует по суше – захватывая землю, которая окажется перед ней, формируясь на ней и

из нее, пока эта земля не станет частью ее самой, – так и эта сказка формируется на душевных проблемах каждого поколения. Иногда ее рассказывают как историю о Че – Малиналли или Малинче, местной женщине, которая стала переводчицей и возлюбленной испанского завоевателя Эрнана Кортеса.

Однако в первой из услышанных мною версий La Llorona говорилось об участнице борьбы против объединения штатов, разгоревшейся в северных лесах, где я росла. В следующий раз, когда я услышала эту сказку, ее героиня была противницей насильственного выдворения мексиканцев из Соединенных Штатов в пятидесятых годах нашего века. На юго-западе страны я слышала множество версий этой сказки; в одной из них, рассказанной старыми фермерами-испанцами, которые получили земельные наделы от государства, героиня была участницей войны за землю в штате Нью-Мексико: богатому землевладельцу приглянулась бедная, но красивая молодая испанка.

Есть и сказка-страшилка, в которой La Llorona, плача, бродит ночью по стоянке трейлеров. Есть история о зараженной СПИДом проститутке – в ней La Llorona занимается своим ремеслом в Остине, у реки Таун. Но самую поразительную версию я услышала от маленького ребенка. Сначала я познакомлю вас с общей сюжетной линией сказки, а потом расскажу и этот, самый потрясающий вариант.

LA LLORONA

Богатый hidalgo, дворянин, ухаживает за красивой, но бедной девушкой и добивается ее расположения. Она рожает ему двух сыновей, но он не собирается на ней жениться. Однажды он заявляет, что возвращается в Испанию, чтобы жениться на богатой женщине, которую выбрали для него родители, и собирается забрать с собой сыновей.

Молодая женщина теряет рассудок и поступает так, как поступали до нее все безумные: расцарапывает ему и себе лицо, рвет на нем и на себе одежду. Потом хватает малышей, бежит с ними к реке и бросает их в пучину. Дети тонут, а La Llorona в отчаянии падает на берегу и умирает.

Идальго возвращается в Испанию и женится на богатой женщине. Душа La Llorona воспаряет на небеса. Там привратник говорит ей, что она может попасть в рай, потому что страдала, но войдет туда только после того, как вызволит из реки души своих детей.

Вот почему сегодня говорят, что La Llorona, плачущая женщина, прочесывает берега рек своими длинными волосами, погружает в воду длинные тонкие пальцы, чтобы достать со дна своих детей. Вот почему дети не должны после заката подходить к реке – La Llorona может принять их за своих детей и навсегда забрать с собой [4].

А теперь вернемся к современной La Llorona. По мере того как общество испытывает разнообразные влияния, наше мышление, подход и проблемы меняются. Изменилась и сказка о La Llorona. Когда в прошлом году я собирала в Колорадо истории о призраках, мне рассказал эту сказку Дэнни Салазар, десятилетний мальчик, у которого не было передних зубов, а ступни по сравнению с тощим телом, обещающим стать телом высокого мужчины, казались просто громадными.

"Все было совсем не так, – заверил меня Дэнни. – La Llorona связалась с богатым идальго, у которого на реке были заводы. Но что-то у них там разладилось. Во время беременности La Llorona пила воду из реки, и ее дети-близнецы родились слепыми и с перепонками между пальцами, потому что идальго отравил реку сточными водами своих заводов.

Идальго сказал La Llorona, что ему не нужны ни она сама, ни ее дети. Он женился на богатой женщине, которой нужны были те вещи, которые выпускали его заводы. La Llorona бросила детей в реку, потому что их ждала очень тяжелая жизнь. Потом она упала замертво от горя. Ее душа поднялась на небеса, но Святой Петр сказал, что ей не попасть в рай, пока она не найдет души своих сыновей. Теперь La Llorona ищет и ищет в отравленной реке своих сыновей, но никак не найдет, потому что вода очень грязная и мутная. Это ее призрак прочесывает реку своими длинными пальцами, это она бродит по берегу и неустанно зовет сыновей".

Загрязнение дикой души

La Llorona принадлежит к той категории сказок, которые cantadoras и cuentistas нашей семьи называют temblon, истории, от которых пробирает дрожь. Внешне занимательные, они заставляют слушателей пережить трепет осознания, а это порождает задумчивость, размышление и действие. Несмотря на то что отдельные мотивы этой сказки меняются со временем, тема остается все та же: гибель плодоносной женственности. Где бы ни происходило загрязнение дикой красоты, во внутреннем мире или во внешнем, видеть его одинаково больно. В современном обществе мы иногда считаем, что первое гораздо пагубнее второго, но оба одинаково опасны.

Хотя иногда я рассказываю оба варианта этой сказки в другом контексте [5], когда слушатели воспринимают ее как метафору гибели творческого потока, но неизменно она заставляет их – и женщин, и мужчин – содрогнуться, увидев иносказание и его смысл. Если рассматривать ее как описание состояния отдельно взятой женской души, можно многое узнать об угасании и исчерпании творческого процесса женщины. Как и другие сказки с плохим концом, эта история является средством обучения женщин: она указывает, чего делать нельзя и как застраховаться от неудачного выбора, чтобы уменьшить вредные последствия. Обычно, сделав психологический шаг, обратный тому, который выбрала героиня сказки, мы учимся держаться на гребне волны, не захлебываться и не тонуть.

В этой сказке метафоры красивой женщины и чистой реки представляют творческий процесс женщины в его обычном состоянии. Но при столкновении со злым умыслом страдают и женщина, и река. И тогда у женщины, чья творческая жизнь приходит в упадок, как и у La Llorona, возникает чувство, что она отравлена, искалечена; возникает желание убить все на свете. В результате она обречена вечно искать на месте крушения былую творческую способность.

Чтобы восстановить изначальную экологию реки, ее необходимо очистить. В этой истории нас заботит не качество продуктов нашего творчества, но способность человека осознать ценность своих уникальных дарований и методы поощрения творческой жизни, которая их окружает. За такими процессами, как литературный труд, живопись, раздумья, целительство, работа, стряпня, разговоры, улыбки, ремесло, всегда скрывается река, Rio Abajo Rio, – это она питает все, что мы делаем.

В символике большие водные пространства олицетворяют место, где, по всей вероятности, зародилась жизнь. У выходцев из Испании, населяющих юго-запад страны, река символизирует способность жить, жить полной жизнью. К ней обращаются как к матери: La Madre Grande, La Mujer Grande – великая мать, великая женщина, чьи воды не только текут в канавах и речных руслах, но и струятся из тел женщин, когда у них рождаются дети. Для этих людей река – Gran Dama: она идет по Земле в широкой развевающейся юбке, синей или серебристой, а иногда золотой, и возлегает с полем, чтобы сделать его плодородным.

Мои подруги, старые женщины из Южного Техаса, говорят: «El Rio Grande никогда не могла бы быть мужской рекой – это женская река». Они со смехом говорят: «Ведь река – не что иное, как la dulce acequia, сладкая щель между бедрами Земли». На севере Нью-Мексико о бурной, вздыбленной ветром или разлившейся половодьем реке говорят, что она возбуждена и в горячке рвется дотронуться до всего, чего удастся, чтобы заставить его расти.

Итак, мы видим, что здесь река символизирует щедрую женственность, которая волнуется, возбуждается, лучится страстью. Когда женщина творит, глаза ее сверкают, голос звенит, лицо пылает жизнью, кажется, даже волосы блестят ярче. Ее возбуждают идеи, воспламеняют возможности, воодушевляет сама мысль, и в этот миг ей, как великой реке, положено беспрестанно течь все дальше и дальше, следуя своему собственному ни с чем не сравнимому творческому пути. Только тогда женщина чувствует, что обрела себя. Таким

было и состояние реки, близ которой некогда жила La Llorona, до того, как случилась беда.

Но иногда, как в нашей сказке, творческой жизнью женщины овладевает нечто такое, что желает создавать вещи исключительно из эго и для него – вещи, которые не обладают долговечной ценностью для души. Иногда это нажим, который оказывает общество, утверждающее, что ее творческие идеи бесполезны, что они никому не нужны, что нет никакого смысла продолжать. Это и есть загрязнение. Это все равно что вылить в воду свинец. Это то, что отравляет душу.

Удовлетворять эго можно и даже по-своему важно. Проблема в том, что сбрасывание вредных комплексов отрицательно сказывается на всем свежем, новом, многообещающем, новорожденном, на том, что находится в зачаточном или скрытом состоянии, на недозрелом, а также на старом и почитаемом. Когда начинается перепроизводство бездушных или псевдоважных вещей, ядовитые отходы стекают в чистую реку, умерщвляя и творческий порыв, и энергию.

Отрава в реке

Есть много мифов о загрязнении и загромождении творческого и дикого начала, будь то рассказы об осквернении чистоты – например, о ядовитом тумане, окутавшем некогда остров Лекия, где хранились мотки спряденной мойрами [6] нити жизни, – или сказки о злодеях, засыпавших деревенские колодцы и тем самым вызвавших страдания и смерть. Две наиболее яркие истории – это более поздние «Жан-цветочник» и «Родниковая Манон» [7]. В них два человека, задумав отнять у бедного горбуна землю, которую тот вместе с женой и дочкой усердно возделывает и засаживает цветами и деревьями, перекрывают питающий эту землю источник и доводят до гибели душевную и трудолюбивую семью.

Самый общеизвестный результат загрязнения творческой жизни женщины – утрата жизненной силы. Это подрывает способность женщины творить или действовать «там», в мире. Хотя и в циклах здоровой творческой жизни женщины бывают периоды, когда река творчества на время исчезает под землей, все равно какое-то развитие происходит. Это время вынашивания. И ощущение при этом совсем иное, чем во время духовного кризиса.

Природный цикл может сопровождаться чувством беспокойства и нетерпения, но никогда не ощущением, что дикая душа умирает. Можно увидеть различие, обратившись к своим предчувствиям: даже когда наша творческая энергия проходит долгий период вынашивания, мы все равно ждем исхода, чувствуем внутри биение и толчки новой жизни, которая ворочается и поет в нас. Мы не впадаем в отчаяние. Нам чужды метания и безнадежность.

Совсем другое дело, когда творческая жизнь умирает из-за того, что мы не заботимся о здоровье реки. Тогда мы сами чувствуем себя точно так же, как гибнущая река: мы ощущаем потерю энергии, усталость; ничего не ползет, не катится, не вздымает листья, не остывает, не нагревается. Мы густеем, становимся болезненно медлительны, мы отравлены загрязнениями или затором и застоем всех наших богатств. Все становится замаранным, нечистым, ядовитым.

Каким же образом творческая жизнь женщины может подвергнуться загрязнению? Такое заболачивание постигает все пять составляющих творчества: вдохновение, сосредоточение, организацию, реализацию и питание. Женщины, утратившие одну из них или несколько, говорят, что «не могут думать» ни о чем новом, полезном или требующем их участия, их сострадания. Они легко «отвлекаются» на любовные дела, избыток работы, избыток игры, усталость или боязнь неудачи [8].

Иногда они не могут усвоить навыки организации, и их планы разваливаются на тысячи кусков. Причина этой проблемы может заключаться в том, что женщина слишком наивно воспринимает собственную экстраверсию: она думает, что, сделав несколько движений, сумеет чего-то добиться. Это все равно что вылепить руки скульптуры, оставив ее

без ног и головы, и считать работу законченной. Женщина чувствует свое несовершенство.

Иногда женщине мешает собственная интроверсия: она хочет, чтобы все получалось само собой просто потому, что она так пожелала. Она думает, что пришедшая ей на ум мысль сама по себе хороша и не требует внешнего воплощения. Только при этом она все равно чувствует себя обездоленной и неполноценной. Все это проявления загрязненности реки. Заводы производят не жизнь, а то, что ей противоречит.

Бывает, что женщину донимают окружающие или голоса, бубнящие у нее в голове: «Твоя работа недостаточно хороша, недостаточно правдива, ей недостает того, недостает сего. Она слишком грандиозна, слишком ничтожна, слишком незначительна, слишком затянута, слишком проста, слишком сложна». Это все равно что лить в реку кадмий.

Есть еще одна история – в ней описан тот же процесс, только символы использованы другие. В греческих мифах есть такой эпизод: боги решают, что стая птиц, которых называют гарпиями [9], должна наказать смертного по имени Финей. Каждый раз, когда перед Финеем по волшебству появлялась еда, налетала стая, похищала часть пищи, а остальную бросала в грязь, заставляя несчастного страдать от голода [10].

Такое буквальное загрязнение можно понимать и в переносном смысле как группу комплексов в душе, существующих исключительно для того, чтобы все замарать. Эта сказка – явный temblon, история, от которой пробирает дрожь: она заставляет нас содрогнуться от узнавания, потому что всем нам доводилось это переживать. «Синдром гарпии» губит нас, очерняя наши таланты и усилия, а также заставляя вести внутренний диалог, в котором мы вынуждены постоянно оправдываться. Скажем, женщина выдвигает идею, а гарпия норовит ее обгадить. Женщина говорит:

– По-моему, нужно сделать то-то и то-то.

Гарпия возражает:

– Дурацкая идея, это никому не нужно, элементарно до смешного. Помяни мое слово, все твои идеи – чушь собачья, ты просто людей насмешишь, ведь на самом деле тебе нечего сказать.

Вот что такое диалог с гарпией.

Другая разновидность загрязнения – привычка постоянно оправдываться. От писательниц, художниц, танцовщиц и других людей искусства я наслышалась самых разнообразных оправданий, существующих со времен сотворения мира. «Я непременно этим займусь, прямо на днях». Тем временем у нее разыгрывается депрессия под видом веселья. «Я постоянно занята, пытаюсь урвать минуту-другую для работы, в прошлом году я написала пару стихотворений, а еще закончила одну картину и начала другую, это было полтора года назад, да еще дом, дети, муж, приятель, кот, мой младшенький – и всем нужно мое внимание. Я собираюсь вернуться к творчеству, только у меня нет денег, нет времени, никак не могу его выкроить, не могу приступить, пока не получу самые современные и дорогие инструменты или новые впечатления. Сейчас у меня не то настроение, я еще не готова. Мне всего-то нужен денек, чтобы закончить с делами и приступить. Мне всего-то нужно несколько дней, чтобы приступить. Мне всего-то нужно побыть наедине с собой недельку-другую, чтобы приступить. Мне всего-то, всего-то, всего-то…»

Пожар на реке

В семидесятые годы нашего века в реке Кайахога в районе Кливленда скопилось столько загрязнений, что она загорелась. Загрязненный творческий поток может внезапно воспламениться, и тогда пожар уничтожит не только плавающие в реке отходы, но и все живое. Избыток психических комплексов, которые проявляются одновременно, может нанести реке огромный ущерб. Разрушительные психологические комплексы встают в полный рост и подвергают испытанию ваши достоинства, ваши намерения, вашу искренность, ваши таланты. К тому же они настойчиво внушают вам, что нужно тяжким

трудом «зарабатывать себе на жизнь», делая то, что доводит до изнеможения, утомляет, не оставляет времени для творчества, лишает желания дать работу воображению.

Эти зловредные комплексы любят похищать и подавлять женское творческое начало: чаще всего они обещают душе-самости, что она еще успеет заняться творчеством где-то в туманном будущем. Или обещают: когда у вас выдадутся несколько свободных дней подряд, тут-то вы и начнете творить вовсю. Все это пустые слова. У комплексов нет такого намерения. Это еще один способ задушить творческий импульс.

Или голоса могут нашептывать: «Твоя работа была бы сносной, но только в том случае, если бы у тебя была докторская степень, или только в том случае, если бы тебя похвалила сама королева, или только в том случае, если бы у тебя были бы такие-то и такие-то награды, или только в том случае, если бы ты печаталась в таких-то журналах». Сплошные если, если, если.

Эти «если» словно пичкают душу суррогатами. Одно дело жевать все подряд, и совсем другое – по-настоящему насытиться. Чаще всего логика у комплексов совершенно неверная, несмотря на то что они пытаются убедить вас в обратном.

Одна из важнейших проблем творческого комплекса – то, что он постоянно сулит неприятности: что бы мы ни делали, у нас ничего не получится, потому что мы нелогично мыслим, нелогично поступаем, и все, что мы до сих пор делали, тоже нелогично, а следовательно, обречено на провал. Начнем с того, что сами по себе начальные стадии творчества нелогичны и не должны быть таковыми. Но если комплексу удастся остановить вас своими пророчествами, вы у него в руках. Велите ему сидеть смирно и не мешать – или убираться прочь, пока вы не закончите. Помните: если бы миром правила исключительно логика, все мужчины пользовались бы женским седлом.

Я знаю женщин, которые изнывают на ненавистной работе, чтобы покупать дорогие вещи для дома, мужа или детей. Они зарывают в землю свои незаурядные таланты. Я знаю женщин, которые должны убрать дом, прежде чем взять в руку перо; но уборка дома – дело странное: она никогда не кончается. Отличный способ остановить женщину.

Женщина должна быть осмотрительна и не позволять повышенному чувству ответственности (или благопристойности) красть у нее творческие паузы, ритмы и озарения. Нужно просто топнуть ногой и сказать «нет» половине тех дел, которые она считает себя обязанной выполнять. Искусство – не то, чем можно заниматься только урывками и украдкой.

Бывает, что наши планы и замыслы оказываются развеяны и сметены, будто порывом ветра. Это случается, когда мы пытаемся реализовать творческую идею, а она почему-то ускользает, становясь все более запутанной и экстравагантной. Мы не проявляем необходимой настойчивости, потому что нам некогда все записать и организовать или потому, что нас отвлекает такое множество других дел, что мы теряем идею и не можем найти ее снова.

Бывает также, что окружающие проявляют невнимание или неуважение к нашему творческому процессу. Наша задача – объяснить им: когда у нас появляется «такой взгляд», это не значит, что мы пустота, которую необходимо заполнить. Это значит, что мы держим на кончике пальца огромный карточный дом идей и тщательно соединяем все карты, используя крошечные хрустальные косточки и капельки слюны. Если нам удастся перенести это сооружение на стол так, чтобы оно не рухнуло и не развалилось, мы сможем воплотить наяву образ незримого мира. Заговорить с нами в такой миг – значит наслать гарпий, которые вихрем разметают всю постройку. Заговорить с нами в такой миг – значит разбить нам сердце.

Но женщина может и сама все испортить, если станет разглагольствовать о своих идеях, пока из них не улетучится весь творческий дух, или не окажет сопротивления тем, кто растаскивает необходимые для творчества инструменты и материалы, или просто по небрежности, если не приобретет нужное оборудование, чтобы можно было нормально заниматься творчеством, или если будет бесконечно начинать и бросать, позволяя всем, даже

коту, вмешиваться, когда им вздумается, – в результате от ее замысла останутся рожки да ножки.

Если общество, в котором живет женщина, настроено против творческой функции своих членов, если оно разрушает или расшатывает все архетипы, извращает их структуру или смысл, то они так и войдут в души людей в искаженном виде – не как здоровая сила, полная жизни и возможностей, а как сила сломленная.

Если эти элементы, призванные обеспечивать и питать творческую жизнь, но искаженные и поврежденные, активизируются в женской душе, то трудно даже хоть как-то понять, что именно не в порядке. Угодить под власть комплекса – все равно что оказаться в черном ящике. Там темно, мы не видим, что нас схватило, – знаем только, что попались. Мы на время теряем способность выстраивать мысли и приоритеты и, как и все загнанные существа, начинаем действовать наобум. Иногда опрометчивые поступки очень полезны, а первая мысль бывает самой верной – но не в этом случае.

Если творческий процесс отравлен или застопорен, женщина кормит душу-самость «понарошку». Она старается не замечать состояние анимуса: то подбросит душе семинар, то урвет для нее кусочек времени для чтения. Но в итоге никой пищи не получается. Женщина только обманывает себя.

Когда река умирает, она лишается течения, жизненной силы. Индуисты говорят: лишившись Шакти, женского олицетворения жизненной силы, Шива, воплощающий способность к действию, становится трупом. Она – жизненная сила, одушевляющая мужской принцип, а мужской принцип, в свою очередь, одухотворяет действие во внешнем мире [11].

Итак, мы видим, что необходимо сохранять в реке разумное равновесие между илом и чистой водой, иначе ничего не получится. Но, чтобы этого добиться, непосредственное окружение должно быть благоприятным. Когда дело касается выживания, мы видим один неопровержимый факт: чем менее доступно самое необходимое – пища и вода, безопасность и кров, – тем меньше выбор. А чем меньше выбор, тем меньше возможностей для творческой жизни, ведь для творчества необходимо изобилие, бесконечное сочетание всего, что есть на свете.

Роковой идальго в сказке – олицетворение глубинной, но легко узнаваемой части раненой женщины. Он ее анимус, который побуждает к борьбе, но оружием становится не творчество – часто она даже не способна до этого дойти, – а однозначное разрешение, твердая внутренняя поддержка, позволяющая творить по собственному усмотрению. Здоровый анимус предназначен для того, чтобы участвовать в деятельности реки, и так оно и должно быть. При полном единстве он становится помощником, который следит за тем, чтобы все шло наилучшим образом. Но в сказке «La Llorona» анимус является односторонним: одерживая победу, он препятствует свежей новой жизни и стремится господствовать над жизнью души. Если злокачественный анимус набирает такую силу, женщина может начать чернить собственную работу или, впав в другую крайность, симулировать активность. Когда это происходит, творческий выбор постепенно оскудевает. Захватив власть, анимус начинает помыкать женщиной, он порочит ее работу и этим, так или иначе, лишает ее подлинной значимости. И все это потому, что идальго погубил реку.

Давайте сначала разберем параметры анимуса в целом, а потом посмотрим, почему тот, который здесь описывается, губительно сказывается на творческой жизни женщины и что с этим можно и нужно делать. Творчество должно быть актом чистого сознания. Его деятельность отражает чистоту реки. Анимус, то, что поддерживает внешнее действие, – это мужчина на реке. Он управляющий. Он хранитель и защитник воды.

Мужчина на реке

Прежде чем мы сумеем понять, что сделал в сказке La Llorona отравивший реку мужчина, нужно уяснить, почему то, что он олицетворяет, считается положительным

конструктом женской психики. В классической юнгианской трактовке анимус – это душевная энергия женщины, которой приписывают мужское начало. Однако многие женщины-психоаналитики, в том числе и я, на основе собственных наблюдений отказались от этого классического подхода и стали утверждать, что этот животворящий источник является не мужским, чуждым женщине началом, а женским, то есть близким и понятным [12].

И все же я считаю представление об анимусе как о мужском начале вполне правомерным. Существует тесная взаимосвязь между женщинами, которые боятся творить – боятся проявлять свои идеи в мире или же делают это без должного уважения либо необдуманно, – и их снами, в которых могут присутствовать многочисленные образы раненых или наносящих раны мужчин. И напротив, в снах женщин, обладающих сильной способностью к самовыражению, часто присутствует образ сильного мужчины, каждый раз в новом облике.

Анимус лучше всего понимать как силу, которая помогает женщине действовать во внешнем мире себе на благо. Анимус помогает ей конкретно выражать ее особые, женские, внутренние мысли и чувства конкретным образом: эмоционально, сексуально, материально, творчески и т.п. – а не в виде модели, которая равняется на обусловленный обществом стандарт мужского развития.

Мужские образы в женских снах, скорее всего, означают, что анимус – это не душа женщины, а нечто «из, от и для» ее души [13]. В уравновешенном и неизвращенном виде анимус – это необходимый «связующий» мужчина. Этот образ обычно обладает удивительными способностями, которые позволяют ему выполнять функцию поставляющего и связующего звена. Он снабженец души. Он импортирует и экспортирует знания и продукты. Он выбирает лучшее из того, что предлагается, назначает лучшую цену, контролирует правильность обмена, сопровождает, наблюдает.

Еще один способ понять, что такое анимус, – видеть в Дикой Женщине, душе-Самости, художника, а в анимусе – руку художника [14]. Дикая Женщина – водитель; анимус толкает машину. Она сочиняет песню – он ее аранжирует. Она изобретает – он дает советы. Без него пьеса может быть создана в воображении, но никогда не будет написана и тем более исполнена. Без него театр может быть переполнен, но занавес никогда не поднимется и не вспыхнут огни рампы.

Если перевести здравый анимус как понятие на язык испанской метафоры, его можно назвать el agrimensor, землемер, – человек, который знает рельеф местности и, вооружившись компасом и рулеткой, измеряет расстояние между двумя точками. Он устанавливает пределы участка и его границы. Можно также назвать его eljugador, букмекер, – человек, который знает, сколько и на кого поставить, чтобы выиграть. Таковы некоторые важнейшие аспекты здравого анимуса.

Итак, анимус курсирует по дороге, соединяющей два, а то и три мира: нижний, внутренний и внешний. Все женские чувства и мысли он берет с собой и возит по всем этим территориям, во всех направлениях, потому что ему люб весь мир. Он привозит ей мысли «оттуда», а мысли ее души-Самости везет через мост к созреванию и дальше, «на рынок». Без строителя и содержателя этого моста внутренняя жизнь женщины не смогла бы осмысленно проявляться во внешнем мире.

Необязательно называть его «анимус» – выберите для него любые слова или образы по своему вкусу. Но имейте в виду, что сегодня в женской культуре к мужскому относятся подозрительно: для одних это боязнь «потребности в мужчине», для других – трудное выздоровление от нанесенной им травмы. Обычно такая настороженность – следствие боли от ран, которые только-только начали затягиваться, ран, нанесенных семьей и обществом в прежние времена, когда к женщине относились не как к личности, а как к рабыне. В памяти Дикой Женщины еще свежо то время, когда одаренных женщин отшвыривали, как мусор, когда женщина могла породить идею только тайно выносив и оплодотворив ее в мужчине, который потом открывал ее миру под собственным именем.

Но я думаю, что в конечном итоге мы не можем отбрасывать ни одну метафору, которая помогает нам понимать и жить. Ведь я не выброшу палитру, если в ней не хватает красного цвета, или синего, или желтого, или черного, или белого. И вы тоже. Анимус – это главный цвет в палитре женской души.

Поэтому анимус, или женская природа противоположного пола, – это не природа женской души, а глубокий психический интеллект, обладающий способностью действовать. Он курсирует между мирами, между разными пунктами души. Эта энергия обладает способностью, проявляясь вовне, выражать желания эго, воплощать импульсы и идеи души и таким образом явно и конкретно реализовывать творческое начало женщины.

Ключевой аспект развития полезного анимуса – это реальное проявление связных внутренних мыслей, импульсов и идей. Хотя здесь мы говорим о развитии положительного анимуса, нужно иметь в виду следующее: целостный анимус развивается в полном сознании и при тщательном самонаблюдении. Если не обращать пристального и постоянного внимания на свои мотивы и склонности, результатом будет недоразвитый анимус. Такой небезопасный анимус может и, безусловно, будет бездумно выполнять стихийные импульсы эго, выталкивая наружу разнообразные слепые амбиции и воплощая несметное множество непроверенных склонностей. К тому же анимус – это такой элемент женской души, который необходимо упражнять: устраивать ему постоянную разминку, чтобы и сама женщина, и он могли действовать целостно. Если женщина в своей душевной жизни пренебрегает полезным анимусом, он атрофируется, точь-в-точь как мышца, которая слишком долго бездействовала.

Хотя некоторые женщины утверждают, что природа женщины-воительницы, женщины-амазонки, женщины-охотницы может заменить это «мужское в женском», на мой взгляд, в мужской природе есть много слоев и оттенков, скажем, нечто вроде интеллектуального творения правил, установления законов, определения границ – чрезвычайно ценных для живущих в современном мире женщин. Эти мужские качества, возникающие из инстинктивного душевного темперамента женщины, следует отличать от тех, что идут от ее женской природы [15].

Поскольку мир, в котором мы живем, требует от нас как медитативных, так и внешних действий, я считаю, что представление о мужской природе, анимусе в женской душе очень полезно. В условиях равновесия анимус действует как помощник, товарищ, любовник, брат, отец, царь. Это не значит, что анимус – царь женской души, как это могло бы быть по условиям ущербной патриархальной точки зрения. Это значит, что женской душе присущ царственный аспект, который, если развивать его целенаправленно, будет относиться к дикой природе с любовью и заботой. С точки зрения архетипа, царь – это символ энергии, которая должна работать ради женщины и на ее благо; он господствует над тем, что она сама и ее душа ему доверили, правит теми душевными владениями, которые она ему пожаловала.

Вот как должно обстоять дело, но в сказке анимус преследует иные цели и делает это за счет дикой природы. По мере того как река переполняется отходами, сам поток начинает отравлять другие аспекты творческой души, особенно неродившихся детей женщины.

Что получается, когда душа отдала анимусу власть над рекой, а он ею злоупотребил? В детстве я слышала, что творить во благо так же легко, как творить во вред. Я не считаю, что это так. Поддерживать чистоту реки гораздо трудней. Гораздо легче предоставить ей загнивать. Следует уяснить, что сохранение чистоты потока – естественная задача, которая стоит перед всеми нами. Мы надеемся как можно быстрее и активнее прекратить его загрязнение.

Но что делать, если творческим потоком что-то овладевает, делая его все грязнее и грязнее? Что, если мы, обманувшись, начинаем по ошибке получать от этого некую выгоду и не только одобрять такое положение дел, но и полагаться на него, зарабатывать на нем, ощущать, что оно несет нам жизнь? Что, если мы пользуемся им, чтобы утром встать с постели, чтобы куда-то попасть, чтобы стать кем-то в собственных глазах? Такие ловушки поджидают нас всех.

В этой сказке идальго олицетворяет тот аспект женской души, который, попросту

говоря, испортился. Он стал продажным, он извлекает выгоду из того, что производит яд, он каким-то образом связан с нездоровой жизнью. Он подобен царю, который правит благодаря искусственно созданному голоду. Он не мудр и никогда не добьется любви женщины, которой стремится служить.

Очень хорошо, если в душе женщины присутствует верный анимус, сильный, дальновидный, слышащий все, что творится во внешнем мире и во внутреннем, способный предсказать, что будет дальше, строящий законы и правосудие на совокупности того, что он ощущает и видит во всех мирах. Но в нашей сказке анимус неверен. В женской душе роль анимуса, которого олицетворяет благополучный идальго, царь или наставник, состоит в том, чтобы помогать женщине реализовать свои возможности и цели, проявлять идеи и идеалы, которыми она дорожит, оценивать справедливость и целостность вещей, заботиться о вооружении и разрабатывать стратегию, когда ей что-то угрожает, помогать ей объединить все территории души.

Когда анимус становится угрозой, как мы это видим в сказке, женщина утрачивает уверенность в своих решениях. По мере того как анимус все больше слабеет от собственной однобокости: от обмана, воровства, позерства, которые порочат и его, и женщину, – вода в реке превращается из одной из жизненных необходимостей в такую же опасность, как наемный убийца. И тогда стране грозит голод, а реке – полное загрязнение.

В латинском языке глаголу «творить» [16] соответствует слово creare, что значит производить, порождать (жизнь), создавать на том месте, где раньше ничего не было. Если пить воду из загрязненной реки, это ведет к остановке внутренней, а значит, и внешней жизни. В нашей сказке загрязнение приводит к рождению детей-калек, а дети символизируют новые идеи и идеалы. Дети олицетворяют нашу способность порождать что-то новое там, где раньше не было ничего. Мы понимаем, что происходит такая деформация новых возможностей, когда у нас возникают сомнения: способны ли мы думать, действовать, быть и, в первую очередь, – вправе ли мы это делать.

Одаренные женщины, даже обретая творческую жизнь, даже когда их руки, их перо, их тело начинают творить прекрасные произведения, продолжают сомневаться: настоящая ли я писательница, художница, актриса, человеческая личность? Конечно же, все они настоящие, даже если им угодно сбивать себя с толку рассуждениями о «настоящем». Крестьянка, которая смотрит на свою землю и прикидывает, что посеять весной, – настоящая. Бегунья, которая делает первый шаг, – настоящая. Цветок, который еще не появился из материнского стебля, – настоящий. Дерево, которое еще заключено в семечке, сидящем в сосновой шишке, – настоящее. Старое дерево – настоящее живое существо. Настоящее – все то, что живет.

У разных женщин анимус развивается по-разному. Это не полностью сформировавшееся существо, которое выходит из божественных чресел. Он явно обладает неким изначальным или врожденным качеством, но должен «вырасти», получить воспитание и образование. Он должен превратиться в мощную и непосредственную энергию. Но если многочисленные силы общества и личности повреждают анимус, то между внутренним миром души и внешним миром – миром чистой страницы, чистого холста, пустой сцены, застывшего в ожидании зала заседаний или собраний – обосновывается нечто вялое, нечто мелочное или та мертвечина, которую мы называем нейтральностью. И вот это «нечто» – обычно оно бывает недоверчивым, непонятым или недооцененным – забивает реку, засоряет мысли, застопоривает перо и кисть, закрепощает суставы на бесконечно долгое время, покрывает коркой свежие идеи, и от этого мы начинаем страдать.

Для души характерно одно странное явление: если у женщины поврежден анимус, то любой ее творческий акт его возбуждает, и он бросается в атаку. Она берется за перо – завод начинает изрыгать в реку яд. Она хочет поступить на курсы или в репетиционный класс, но останавливается на полпути, задыхаясь от недостатка духовной пищи и поддержки. Женщина рвется вперед, но ее все время что-то отбрасывает назад. Так множится число недошитых платьев, неразбитых цветочных клумб, неосуществленных путешествий,

ненаписанных любовных писем, невыученных иностранных языков, пропущенных уроков музыки, тканей, которые свисают со станка в напрасном ожидании…

Все это увечные существа, отравленные дети La Llorona. Их бросают в реку, в ту самую загрязненную воду, которая их искалечила. В наилучшей архетипической ситуации может произойти следующее: попускав пузыри, они возродятся, как феникс из пепла, в новом облике. Но поскольку с анимусом не все в порядке, у женщины нарушена способность отличать одно побуждение от другого, не говоря уже о том, чтобы проявлять и использовать свои идеи в мире.

Поэтому самое трудное впереди: нужно покопаться в грязи, чтобы найти погребенные под ней драгоценные дары. Мы должны, как La Llorona, прочесать реку, чтобы обрести свою душевную жизнь, творческую жизнь. И еще одна, не менее трудная задача: мы должны очистить реку, чтобы La Llorona смогла увидеть, найти души своих детей и, обретя покой, творить снова.

Общество, которое обладает огромной способностью обесценивать женское начало и не понимать связующей силы мужского [17], еще больше усугубляет вред от «заводов» и загрязнения. Оно слишком часто держит женский анимус в изгнании, настойчиво задавая один из тех неразрешимых и абсурдных вопросов, которые комплексы выдают за насущно важные и перед которыми пасуют многие женщины: «Ты настоящая писательница (художница, мать, дочь, сестра, жена, любовница, танцовщица), настоящий работник (человек)?» Или: «Ты по-настоящему талантлива (одарена, достойна)?» Или: «Ты можешь сказать что-то такое, что по-настоящему заслуживает внимания (проливает свет, принесет пользу человечеству, поможет найти лекарство от рака)?»

Нет ничего удивительного в том, что, если анимус занят производством чего-то вредного, производительность женщины падает по мере убывания ее уверенности и творческой энергии. В таком состоянии женщины говорят, что «не могут найти выход» из творческого застоя или хотя бы его причину. Их анимус высасывает из реки весь кислород, и они ощущают «неимоверную усталость», страдают от «колоссальной потери энергии», они не в состоянии «сдвинуться с места», чувствуют, будто их «что-то не пускает».

Повернуть реку вспять

Природа Жизни-Смерти-Жизни заставляет Судьбу, взаимоотношения, любовь, творчество и все остальное стихийно образовывать естественные структуры и следовать в таком порядке: творение, рост, сила, убывание, смерть. Следствием нарушения потока становится кража или отсутствие идей, мыслей, чувств. Вот как можно повернуть реку вспять.

Получайте питание – с этого нужно начинать очистку реки. Вредные загрязнения в реке становятся очевидными, когда женщина отклоняет искренние комплименты по поводу своей творческой жизни. Это могут быть легкие загрязнения, как в том случае, когда она говорит: «Как это мило с вашей стороны – сказать мне такой комплимент», но может быть и большая беда: «А, это старье» или «Должно быть, вы не в своем уме». Возможна и оборонительная реакция: «Разумеется, у меня большой талант, странно, что вы не замечали этого раньше!» Все это признаки поврежденного анимуса. То хорошее, что проникает в женщину, бывает мгновенно отравлено.

Чтобы обратить это явление вспять, нужно научиться принимать комплименты (даже если вначале это выглядит так, будто женщина набрасывается на комплимент, чтобы на этот раз оставить его себе), смаковать их, отгонять зловредный анимус, который хочет убедить автора комплимента: «Напрасно вы так думаете, ведь вы не знаете, сколько ошибок она наделала, что она за дрянь…» и т.д.

Особой притягательностью для вредных комплексов обладают самые плодотворные, самые революционные и замечательные идеи и самые яркие виды творчества. Поэтому здесь

не может быть двух мнений: нужно призвать к действию более зоркий анимус, а старый отправить на покой, то есть отослать в архивный слой души, где хранятся обескровленные и сложенные вчетверо импульсы и катализаторы. Там они становятся памятниками прошлого, а не действующими лицами или аффектами.

Реагируйте – тем самым вы очищаете реку. Волки ведут в высшей степени творческую жизнь. Каждый день, чтобы достичь желанной цели, им приходится десятки раз делать выбор, решать, как поступить, оценивать расстояние, концентрироваться на добыче, прикидывать шансы, использовать возможности, остро реагировать. Их способность находить спрятанное, реализовывать намерение, сосредоточиваться на желаемом результате и на усилиях по его достижению – именно эти качества требуются людям для творческих свершений.

Чтобы творить, необходимо уметь реагировать. Творческое начало – это способность реагировать на все, что происходит вокруг. Умение выбирать из сотен возможных мыслей, чувств, действий и реакций, которые у нас возникают, и объединять их в едином отклике, в едином выражении или послании, передающем момент, страсть и содержание. В этом смысле утрата творческого состояния означает, что мы, оказывается, ограничены единственным выбором, лишены чувств и мыслей, вынуждены их подавлять или подвергать цензуре, не действовать, не говорить, не делать, не быть.

Будьте дикой – тем самым вы очищаете реку. В своем первозданном виде река не бывает загрязненной, это наша работа. Река не пересыхает, мы ее перегораживаем. Если мы хотим дать ей свободу, нужно отпустить свою происходящую на уровне понятий жизнь на волю, предоставить ей свободно течь, приносить все что угодно, изначально не подвергать ничего цензуре. Это и есть творческая жизнь. Она содержит в себе божественный парадокс. Это абсолютно сокровенный процесс. Чтобы творить, нужно добровольно стать круглым дураком, сесть на трон на спине осла и начать плеваться рубинами. Тогда река потечет, тогда мы сможем стоять в ее стремительных струях. Сможем подставить подол и зачерпнуть, сколько в силах унести.

Начните – тем самым вы очищаете загрязненную реку. Если вы боитесь, боитесь неудачи, я говорю вам: начинайте и потерпите неудачу, если это необходимо, соберитесь с силами и начните снова. Снова неудача – так что же? Начните еще раз. Нас удерживает не неудача; это нежелание начинать сызнова приводит нас к застою. Вы боитесь – ну и что? Если вы боитесь, что что-то собирается на вас наброситься и укусить, то, бога ради, разделайтесь с ним наконец! Пусть ваш страх выпрыгнет и укусит вас, чтобы вы могли с ним покончить и идти дальше. Вы справитесь с ним. Страх пройдет. В этом случае лучше встретиться с ним лицом к лицу, прочувствовать его и покончить с ним, чем продолжать им пользоваться, чтобы уклониться от очистки реки.

Берегите свое время – так вы не допустите загрязнений. В Скалистых горах живет одна моя знакомая художница. Когда ей вздумается порисовать или поразмышлять, она вешает на преграждающую подъезд к ее дому цепь табличку: «Сегодня я работаю и гостей не принимаю. Я знаю, вы думаете, что вас это не касается, потому что вы мой банкир, агент или лучшая подруга. Вы ошибаетесь».

Другая моя знакомая, скульптор, вывешивает на своих воротах такую табличку: «Не беспокоить – если только я не выиграла в лотерею или кто-нибудь не видел Иисуса на Старом Таосском шоссе». Из этого можно сделать вывод, что у хорошо развитого анимуса надежные границы.

Продолжайте в том. же духе. Как не допускать загрязнений впредь? Настоятельно требуя, чтобы ничто не мешало нам проявлять прочно укоренившийся анимус, продолжая прясть свою душу, делая то, что нас окрыляет, занимаясь искусством, кройкой и шитьем собственной психики, независимо от того, чувствуем мы себя сильными или нет, ощущаем свою готовность или нет. Если это необходимо, привяжите себя к мачте, к стулу, к письменному столу, к дереву, к кактусу – к месту своего творчества. Очень важно, хотя, как правило, мучительно, уделять творчеству необходимое время, не увиливать от трудных

задач, неизбежных в стремлении к мастерству. Истинно творческая жизнь может проявляться по-разному.

Вредные комплексы, которые возникают на пути, изгоняются или преображаются – на последнем этапе пути вас будут вести ваши сны. Для этого необходимо настоять на своем раз и навсегда и сказать: «Творческая жизнь мне дороже, чем пособничество собственному угнетению». Если бы мы жестоко обращались со своими детьми, к нам заявились бы сотрудники Службы защиты детей. Если бы мы жестоко обращались со своими домашними животными, к нам нагрянули бы представители Общества защиты животных и взяли нас в оборот. Но нет ни творческого патруля, ни душевной полиции, которые вмешаются, если мы будем постоянно морить голодом собственную душу. Есть только мы сами. Мы единственные, кто может опекать душу-Самость и героический анимус. Это просто зверство – поливать их раз в неделю или раз в месяц, а то и раз в год. У каждого из них свой суточный ритм. Мы и вода нашего мастерства нужны им каждый день.

Оберегайте свою творческую жизнь. Если вам не грозит hambre del alma, душевный голод, назовите свою проблему, какой бы она ни была, и разрешите ее. Занимайтесь своей работой каждый день. И еще: следите, чтобы ни мысль, ни мужчина, ни женщина, ни подруга, ни религия, ни работа, ни ворчливый внутренний голос не смогли загнать вас в состояние душевного голода. А если понадобится, покажите клыки.

Создайте себе подлинное дело. Постройте приют тепла и знания. Соберите свою энергию воедино. Строго соблюдайте равновесие между скучным исполнением долга и личной увлеченностью. Оберегайте душу. Ни на шаг не отступайте от полноценной творческой жизни. Не позволяйте ее похитить ни своим комплексам, ни обществу, ни интеллектуальному мусору, ни звучной аристократической, педагогической или политической трескотне.

Обеспечьте питание для творческой жизни. Хотя есть много вещей, полезных и питательных для души, большинство из них можно подразделить на четыре категории продуктов питания, необходимых для Дикой Женщины: время, причастность, увлеченность и независимость. Запасайте их. Они помогут сохранить чистоту реки.

Когда река очищена, она течет свободно, творческая отдача женщины повышается, а дальше следует естественным циклам: повышается, понижается и снова повышается. Ничто не может быть унесено или испорчено надолго. Любые возникающие загрязнения будут естественно и эффективно нейтрализованы. Река снова становится нашей системой питания – мы можем входить в нее без страха и пить из нее без опаски; рядом с ней мы можем утешить истерзанную душу La Llorona: исцелить ее детей и вернуть их матери. Мы можем остановить отравляющую работу завода, создать новый анимус. Там, у реки, мы сможем жить как нам хочется, как мы считаем нужным, держа на руках многочисленных детей, показывая им их отражения в чистой, прозрачной воде.

Цель и фабрика грез

В Северной Америке сказка «Девочка со спичками» больше всего известна в переложении Ханса Кристиана Андерсена. Суть ее – показ того, что такое отсутствие питания, отсутствие цели и к чему оно приводит. Это очень старая сказка, которую рассказывают по всему миру в разных вариантах. Иногда ее герой – угольщик, который использует последнюю горсть угля, чтобы согреться, и грезит о прошедших временах. В некоторых версиях в качестве символа используются не спички, а что-то другое, как, например, в сказке «Маленький цветочник», повествующей о юноше с разбитым сердцем, который, глядя в сердцевинки последних цветов, уходит из жизни.

Хотя, взглянув на внешнюю канву, кто-то может назвать эти сказки слезливыми, имея в виду, что им свойственна избыточная сентиментальность, было бы ошибкой слишком легко от них отмахнуться. На самом деле эти истории рисуют яркий образ души, которую

пагубные влияния доводят до предела, когда дух реальной и трепетной жизни начинает «умирать» [18].

Приведенную ниже версию «Девочки со спичками» я услышала от своей тетки Катерины, которая перебралась в Америку после Второй мировой войны. Во время войны захолустная венгерская деревушка, где она жила, трижды переходила из рук в руки, поочередно становясь добычей трех враждующих армий. Начиная сказку, тетя всегда говорила, что в жестоких условиях нежные сны не приносят пользы, что в трудные времена нужно видеть трудные сны, реальные сны, которые сбудутся, если мы будем усердно работать и пить молоко за здоровье Пресвятой Девы.

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Жила-была маленькая девочка. Не было у нее ни отца ни матери, и жила она в темном лесу. На краю леса стояла деревня, и вот девочка надумала покупать там спички по полгроша, а потом продавать их в городе, на улице, за грош. Если торговля шла хорошо, она покупала себе краюшку хлеба, возвращалась в свою лесную хижину, накрывалась всем тряпьем, которое у нее было, и засыпала.

Пришла зима, а с ней и морозы. Башмаков у девочки не было, а пальтишко так износилось, что просвечивало насквозь. Ноги у нее совсем посинели, а пальцы на них побелели, как и пальцы на руках и кончик носа. Она бродила по улицам и спрашивала прохожих: «Не желаете ли купить у меня спички?» Но никто не останавливался, никто не обращал на нее никакого внимания.

Однажды вечером она села и сказала себе: «Ведь у меня есть спички. Можно развести огонь и согреться». Но у нее не было ни щепок, ни дров. Тогда она решила просто зажигать спички.

Села на улице, вытянув ноги перед собой, и чиркнула первую спичку – ив тот же миг холода и снега как не бывало. Там, где только что мела метель, появилась комната – просторная комната с большой темно-зеленой изразцовой печкой, дверцу которой украшали затейливые чугунные узоры. От печки шел такой жар, что воздух в комнате подрагивал. Малютка прижалась к печке и ощутила райское блаженство.

Но вдруг печка пропала – девочка снова сидела на снегу, так отчаянно дрожа, что зубы стучали. Тогда она чиркнула вторую спичку, свет ее упал на стену соседнего здания, и стена вдруг стала прозрачной. Там был стол, покрытый снежно-белой скатертью, на столе белые-пребелые фарфоровые тарелки и блюдо с гусем, которого только-только вынули из духовки. Но только девочка протянула руку, чтобы взять свою порцию, как видение исчезло.

Снова вокруг был только снег. Но закоченевшие ноги больше не болели. Мороз, жаля и кусая, поднимался по телу все выше. Малютка чиркнула третью спичку.

В ее пламени возникла чудесная рождественская елка, нарядно украшенная белыми свечами в кружевных оборках и чудесными стеклянными игрушками. На ней мигали тысячи огоньков, так много, что и не сосчитать.

Девочка не сводила глаз с огромного дерева – оно вздымалось все выше и выше, пока не превратилось в усеянное звездами небо; по небу прокатилась звезда, и она вспомнила, как мать говорила: звезда падает, когда умирает чья-то душа.

Вдруг откуда ни возьмись появилась ее бабушка, такая теплая и добрая. Увидев ее, малютка обрадовалась. Бабушка расправила передник и, закутав в него девочку, прижала к себе обеими руками. Малютке стало очень покойно.

Но тут образ бабушки стал бледнеть. Девочка чиркала одну спичку за другой, чтобы удержать бабушку… еще и еще, чтобы не отпустить ее… И вот они вдвоем стали подниматься на небо, туда, где нет ни холода, ни голода, ни боли. А утром на улице нашли девочку, мертвую и застывшую.

Препятствия для творческой фантазии

Девочку окружают люди, которым нет до нее дела. Если вы попали в подобную ситуацию, выбирайтесь из нее. Девочка попала в такую среду, где то, что у нее есть, – маленькие огоньки на пал очках, зачатки творческих возможностей, – никому не нужно. Если вас постигла такая участь, поворачивайтесь и уходите. Девочка попала в душевную ситуацию, из которой мало выходов. Она смирилась с таким «местом» в жизни. Если это случится с вами, не смиряйтесь – лягайтесь, брыкайтесь, но вырвитесь на свободу. Когда Дикую Женщину загоняют в угол, она не сдается, а идет в атаку, выпустив когти, и бьется насмерть.

Что же делать девочке со спичками? Будь у нее полноценные инстинкты, было бы и много возможностей выбора: уйти в другой город, тайком забраться в повозку, спрятаться в трюме корабля. Дикая Женщина знала бы, что делать дальше. Но девочка со спичками забыла про Дикую Женщину. Дикая малютка замерзает: все, что от нее осталось, – это существо, которое бродит как во сне.

Чтобы творческая жизнь текла рекой, нам необходимо общество реальных людей, которые нас согревают, которые поддерживают и воодушевляют наше творческое начало. Иначе мы замерзнем. Питание – это хор голосов, идущих изнутри и снаружи, который замечает, в каком состоянии находится женщина, старается ее подбодрить, а если нужно, и утешить. Не знаю точно, сколько нужно иметь друзей, но уж не меньше одного или двух, которые считают, что ваш дар, в чем бы он ни заключался, – это pan de cielo, хлеб небесный. Каждая женщина достойна слушать хор похвал.

Оказавшись на холоде, женщины склонны не действовать, а жить в мире грез. Такие грезы становятся для них сильным обезболивающим средством. Я знаю женщин, которых природа одарила прекрасным голосом. Знаю женщин, которые являются прирожденными рассказчицами: почти все, что изливается из их уст, свежо по форме и прекрасно по содержанию. Но они чувствуют себя одинокими или обездоленными. Они робки, а за робостью часто скрывается изголодавшийся анимус. Они почти не ощущают внутренней поддержки или поддержки друзей, семьи, коллектива.

Чтобы не уподобиться девочке со спичками, нужно придерживаться одного главного правила: люди, которые не одобряют вашу жизнь, ваше искусство, недостойны вашего внимания. Сурово, но справедливо. Иначе вы окажетесь в лохмотьях девочки со спичками и будете вынуждены жить скудной жизнью, которая заморозит все ваши мысли, надежды, дарования, произведения, постановки, планы и танцы.

Главной целью девочки со спичками должны были стать поиски тепла. Но в сказке все по-другому. Она старается продать спички, свой источник тепла. От этого женское начало не становится ни теплее, ни богаче, ни мудрее и не развивается дальше.

Тепло – вещь таинственная. Оно исцеляет и возрождает. Оно ослабляет то, что слишком напряжено, усиливает течение, загадочную потребность быть, девичий взлет свежих идей. Каким бы ни было это тепло, оно притягивает нас все ближе и ближе.

Обстановка, в которой живет девочка со спичками, не способствует ее развитию. Там нет ни тепла, ни щепок, ни дров. Что бы мы делали на ее месте? Прежде всего, не стали бы предаваться фантазиям, которые она создает, зажигая спички. Фантазии бывают трех разновидностей. Первая – приятные фантазии, нечто вроде мороженого для ума, их пример – сладкие грезы, они существуют исключительно для удовольствия. Вторая разновидность – направленная работа воображения. Ее можно сравнить с составлением плана. Мы используем ее как средство, которое переносит нас к действию. Все успехи – психологические, духовные, материальные, творческие – начинаются с подобных фантазий. Есть и третий вид фантазий, который все тормозит. В критические моменты подобные фантазии мешают совершать правильные поступки.

К несчастью, именно такие фантазии лелеет девочка со спичками – фантазии, которые

не имеют ничего общего с реальностью. Они продиктованы чувством безысходности или ощущением, что задача слишком трудновыполнима, а потому можно предаваться бесплодным фантазиям. Иногда фантазии изобретает сама женщина, иногда они навеяны алкоголем, наркотиками – или их отсутствием. Порой их приносит дым травки или нескончаемая череда постелей и мужчин. В такой ситуации женщина каждую ночь играет роль девочки со спичками, создавая все новые фантазии, и каждое утро просыпается мертвой и застывшей. Есть много способов утратить перспективу, потерять цель.

Как же это исправить, как восстановить уважение к себе и к своей душе? Нужно найти что-то весьма разнящееся от того, что есть у девочки со спичками. Нужно найти для своих идей такое место, где для них была бы поддержка. Это шаг колоссальной важности, созвучный с целью, – найти питание. Очень немногие из нас способны творить без посторонней помощи. Нужно, чтобы как можно больше ангельских крыльев одобрительно похлопывали нас по плечу.

Большую часть времени люди лелеют прекрасные замыслы: перекрашу стену в любимый цвет; разработаю проект, в котором смогут участвовать все жители города; сделаю плитки для ванной, а если хорошо получится, то часть продам; вернусь в институт; продам дом и отправлюсь путешествовать; рожу ребенка; брошу это и начну то; пойду своим путем; исправлю свой поступок; помогу восстановить справедливость; защищу беззащитных.

Всем этим замыслам необходимо питание. Им нужна живая поддержка теплых людей. Девочка со спичками попала в беду. Как поется в старой народной песне, она так давно находится на дне, что оно кажется ей вершиной. На этом уровне невозможно развиваться. Мы хотим оказаться в таком положении, чтобы можно было, как цветы и деревья, поворачиваться к солнцу. Но для этого нужно солнце. И еще для этого нужно двигаться, а не сидеть на месте. Нужно что-то делать, чтобы изменить свою ситуацию. Если мы не будем двигаться, то вернемся на улицу и снова будем продавать спички.

Лучшие в мире солнца – это друзья, которые вас любят и готовы согреть вашу творческую жизнь. Когда у женщины, как у девочки со спичками, нет друзей, она тоже замерзает от тревоги, а иногда и от гнева и отчаяния. А если даже у нее есть друзья, они могут не быть солнцами. Они могут утешать женщину, но не предупреждать ее о том, что вокруг становится все холоднее. Они ее утешают, но утешение – еще не забота. Забота перемещает вас из одного места в другое. Забота – овсяные хлопья для души.

Разница между утешением и заботой состоит в следующем: если растение заболело, потому что вы держали его в темном чулане, и вы будете говорить ему ласковые слова, то это утешение. Если же вы достанете его из чулана, выставите на солнце, дадите ему напиться, а потом станете с ним разговаривать, то это забота.

Без заботы окоченевшая женщина склонна предаваться бесконечным грезам: что, если… Но даже когда она находится в таком окоченелом состоянии – особенно когда она находится в таком окоченелом состоянии, – ей необходимо отказаться от утешительных фантазий. Утешительные фантазии неминуемо нас убьют. Всем нам знакомы эти смертоносные фантазии: «когда-нибудь…», «если бы мне только…», «он раскается…», «если бы только я умела владеть собой…», «когда я буду совсем готова, когда у меня будет достаточно того, другого или третьего, когда дети подрастут, когда я буду материально независима, когда я найду кого-нибудь другого, как только я…» – и так до бесконечности.

У девочки со спичками есть внутренняя бабушка, которая, вместо того чтобы гаркнуть: «Проснись! Вставай! Ищи тепло во что бы то ни стало!», – увлекает ее в мир фантазий, уносит «на небеса». Но в этой ситуации небеса не помогут Дикой Женщине, загнанному дикому ребенку или девочке со спичками. Эти успокоительные фантазии не дают тепла. Они всего лишь соблазнительные и смертельные отвлечения от настоящей работы.

Мы видим, что девочка со спичками пытается торговать, причем делает это неразумно: она продает спички, ту единственную вещь, которая может дать ей тепло. Для женщины жить в отрыве от любви и заботы Дикой Матери – все равно что существовать на голодном пайке во внешнем мире. Эго с трудом перебивается, получает от жизни жалкие крохи и

каждую ночь снова и снова возвращается к тому, с чего начало. И там в изнеможении засыпает.

Такая женщина не может пробудиться к жизни, у которой есть будущее, поскольку ее жалкая жизнь – как крючок, на котором она каждый день повисает. Когда во время инициации человек проводит значительный период в трудных условиях, это становится частью процесса отсечения, снимающего налет беспечности и самодовольства. Когда этот сопутствующий инициации переход будет завершен, «отшлифованная» женщина вступит в обновленную и наполненную мудростью духовную и творческую жизнь. Однако про женщину, которая попала в ситуацию девочки со спичками, можно сказать, что ее инициация пошла наперекосяк. Враждебное окружение способствует не углублению, а измельчанию. Необходимо выбрать другое место, другое окружение, способное обеспечить другую поддержку и руководство.

В историческом плане, и особенно с позиции мужской психологии, болезнь, изгнание и страдание часто трактуются как сопутствующее инициации отсечение, которое порой несет в себе глубокий смысл. Но у женщин существуют дополнительные архетипы инициации, которые возникают из присущей женщине психологии и физиологии: первый – это способность давать жизнь, второй – власть крови, а еще – способность любить и получать питающую любовь. Получение благодати от тех, на кого она смотрит снизу вверх, получение от старших глубоких знаний, становящихся поддержкой, – это тоже инициации, сильные, имеющие свои тяготы и взлеты.

Можно сказать, что девочка со спичками подошла очень близко к переходной стадии движения и действия, которая должна завершать инициацию, – и в то же время осталась очень далекой от нее. Хотя в ее горемычной жизни есть материал для сопутствующих инициации переживаний, ни внутри, ни вовне у нее нет никого, кто бы взял на себя руководство этим психическим процессом.

На материальном уровне зима несет самое страшное – поцелуй смерти, то есть холод, – всему, с чем она соприкасается. Холод обрекает на гибель любые отношения. Если вы хотите что-то погубить, проявляйте холодность. Как только чувства, мысли или действия замерзают, отношения становятся невозможными. Желая расстаться с чем-то в себе или дать кому-то отставку, мы перестаем обращать на человека внимание, приглашать его и замечать, стараемся с ним не встречаться, не видеть его и не слышать. Именно это происходит в душе девочки со спичками.

Девочка бродит по улицам и просит прохожих купить у нее спички. Эта сцена рисует один из самых немыслимых поступков, свойственных женщинам с поврежденным инстинктом, – она отдает свет за бесценок. Здесь маленькие огоньки на палочках напоминают нам о более ярких огнях – о насаженных на палки пылающих черепах, знакомых нам из сказки про Василису. Они символизируют мудрость и, что еще важнее, воспламеняют сознание, превращая тьму в свет, заставляя светить то, что уже сгорело. Огонь – главный символ обновления души.

Здесь перед нами девочка, которая живет в большой нужде, просит подаяние, предлагая нечто чрезвычайно ценное – свет – взамен гораздо менее ценного – гроша. Происходит ли такой неравный обмен в нашей душе, или мы производим его во внешнем мире, результат всегда один и тот же: дальнейшая потеря энергии. И тогда женщина теряет способность удовлетворять свои потребности. То, что хочет жить, просит ее, но ничего не получает в ответ. Перед нами личность, которая приносит свет из бездны, как София, олицетворявшая мудрость у греков, но бесполезно расходует его в порывах бесплодной фантазии. На этот выбор ее толкают неудачные любовники, негодные начальники, вынужденные ситуации и всевозможные зловредные комплексы.

Когда девочка решает зажигать спички, она использует эти свои ресурсы не для действия, а для фантазий. Она расходует свою энергию на мимолетные цели. В жизни женщины это проявляется со всей очевидностью. Она решает поступить в институт, а потом три года думает, какой выбрать. Она собирается написать серию картин, но так как ей негде

развесить столько холстов, она занимается чем угодно, только не живописью. Она хочет сделать то или это, но не удосуживается поучиться, развить восприимчивость или мастерство, необходимые для того, чтобы выполнить работу хорошо. Она исписала снами десять блокнотов, но запуталась в фантазиях, пытаясь их истолковать, и не может сделать их руководством к действию. Она знает, что нужно уйти, начать, остановиться, идти дальше, – и ничего не делает.

Понятно, почему так получается. Если чувства женщины заледенели, если она больше не ощущает себя, если ее кровь, ее увлеченность больше не достигают всех уголков души, если она отчаялась, то жизнь в фантазиях становится для нее приятнее, чем все остальное, на чем она может остановить взгляд. Маленькие огоньки от спичек, не имея топлива, сжигают душу, будто сухое полено. Душа начинает обманывать самое себя: она живет в пламени фантазии, а в нем все желания кажутся сбывшимися. Такие фантазии похожи на ложь: повторяй их почаще, и сам поверишь.

Такой способ борьбы со страхом, когда мы стараемся уменьшить проблемы или трудности, с энтузиазмом придумывая невыполнимые решения или грезя о лучших временах, является бичом не только для женщин: это главное препятствие на пути всего человечества. В фантазиях девочки со спичками печь символизирует теплые мысли. Это также символ центра, сердца, очага. Он дает нам понять, что предмет ее фантазий – истинное Я, сердце души, тепло внутреннего дома.

Но печь внезапно исчезает. Девочка со спичками, как и все женщины в таком душевном состоянии, снова оказывается сидящей на снегу. Мы видим, что эта фантазия мимолетна, но чрезвычайно губительна. Она не сжигает ничего, кроме нашей энергии. Пусть даже женщина сможет воспользоваться своими фантазиями, чтобы согреться, все равно в итоге она промерзнет до костей.

Девочка все зажигает спички. Каждая фантазия сгорает, и малютка по-прежнему остается на морозе, все больше коченея. Когда душа леденеет, женщина замыкается только на себе и больше ни на ком. Она чиркает третью спичку. Это сказочная елка, волшебное число, момент, когда должно случиться что-то новое. Но в данном случае фантазия заслоняет собой действие и ничего нового не происходит.

Знаменательно, что в сказке присутствует рождественская елка. Елка пришла к нам из дохристианских времен, когда вечнозеленые растения использовали как символ вечной жизни. Можно предположить, что именно это могло бы спасти девочку: идея вечно живой, вечно растущей, вечно движущейся души-психеи. Но у комнаты нет потолка. Идея жизни не может сохраниться в душе, которая уже попала под власть чар.

Появляется бабушка, такая теплая, такая добрая, но она становится последней каплей сонного зелья. Она погружает малютку в сон смерти. В самом худшем смысле это сон безмятежности, сон оцепенения: «Все в порядке, все устроится», сон отрицания: «Просто нужно найти другой выход». Это сон губительной фантазии, которая обещает, что все наши горести исчезнут как по волшебству.

Общеизвестно, что, когда либидо, или энергия, ослабевает до предела, при котором на зеркале не видно следа дыхания, возникают образы Жизни-Смерти-Жизни – в данном случае это бабушка. Ее задача – явиться, когда человек умер, унести душу, которая сбросила свою оболочку, и позаботиться о ней, пока она не сможет родиться заново.

Это благодать, которой удостаивается каждая душа. Даже при таком мучительном конце, какой выпал девочке со спичками, есть луч света. Когда пройдет достаточно времени, когда будет испита до дна чаша разочарования и гнета, обитающая в душе Дикая Женщина вдохнет в сознание женщины новую жизнь и даст ей возможность еще раз поработать на собственное благо. Если учесть, с какими страданиями это сопряжено, гораздо лучше излечиться от тяги к фантазиям, чем ждать и надеяться, что тебя воскресят из мертвых.

Обновить творческий огонь

А теперь давайте представим, что у нас все есть, что у нас четкое намерение, что мы не увязли в фантазиях, уводящих нас от действительности, что мы живем в ладу с собой и миром, и наша творческая жизнь в полном цвету. Нам недостает только одного: мы должны знать, что делать, не если, но когда мы потеряем цель, то есть на время выдохнемся. Что? Проделав такую работу, мы по-прежнему способны потерять цель? Да, это временное явление, но вполне естественное. Вот прекрасная сказка на эту тему, которую в нашей семье называют «Три золотых волоса».

В нашей семье говорят, что у сказки есть крылья. Вместе с удочерившими меня венграми, которые во время войн бежали из своих деревень, многие сказки, носительницей которых я являюсь, перебрались через Карпаты, осели на некоторое время на Урале, а потом пересекли океан и попали в Северную Америку. Потом эта кучка оборванцев со сказками, в которые вплелось пережитое, прошла путь через густые леса в бассейне Великих Озер.

Центральное ядро сказки «Три золотых волоса», которое я здесь несколько расширила, передала мне тетушка Ката, талантливая сказительница и сочинительница молитв, которая выросла в Восточной Европе. Исследуя эту тему, я обнаружила очень разные тевтонские и кельтские сказки, лейтмотивом которых являются золотые волосы. Лейтмотив или ядро сказки выражает архетипический след в душе. Такова природа архетипа – он оставляет частицу себя там, где произошло его соприкосновение с душой. Иногда он оставляет вещественное доказательство, символический образ, и так проникает в жизнь, сны и мысли каждого смертного. Архетипы, которые обитают невесть где, образуют, так сказать, свод наставлений для души, которые, преодолевая пространство и время, несут мудрость каждому новому поколению.

В этой сказке говорится о том, как, потеряв цель, обнаружить ее вновь. Следовать цели нам помогают чутье, слух и советы внутреннего голоса. Многие женщины хорошо умеют следовать цели, но, потеряв ее, теряются сами – так перья из перины разлетаются по всей округе.

Важно иметь вместилище, чтобы хранить в нем все то, что мы получаем от дикой природы. Для некоторых женщин это дневник, в который они заносят все пролетающие мимо перья, для некоторых – творчество: они воплощают их в живописи, танце, рукописи. Помните Бабу Ягу? У нее есть большая емкость, куда можно все складывать, – это ступа, в которой она летает по небу. У нее свой образ мыслей, свой способ передвижения, и все это она хранит. Да, сохранение – это решение проблемы потери энергии. Но есть и еще кое-что. Давайте послушаем…

ТРИ ЗОЛОТЫХ ВОЛОСА

Однажды темной-претемной ночью, такой темной, что земля казалась черной, а деревья – скрюченными руками на темно-синем небе, шел по лесу старик, один-одинешенек. Ветки царапали ему лицо, слепили глаза, но он держал перед собой маленький фонарь, свеча в котором становилась все короче и короче.

Странный это был старик: длинные желтые волосы, обломанные желтые зубы, загнутые желтые ногти, спина круглая, как мешок с мукой. И к тому же такой древний, что кожа на шее, руках и ногах обвисла складками.

А двигался он по лесу так: схватится за одно деревце – подтянется, схватится за другое – снова подтянется. Так, загребая руками и еле дыша, он пробирался сквозь чащу.

Каждая косточка у него болела, будто ее жгло огнем. Суставы скрипели, как ночные птицы на деревьях, но он упрямо тащился сквозь тьму. Где-то вдали виднелся крошечный мерцающий свет – хижина, огонь, дом, приют, – и старик стремился к этому мерцающему свету. Он добрался до двери измученный, в полном изнеможении. Огонек в его фонаре потух, и бедняга без сил рухнул на пороге.

В доме жила старуха. Она сидела у ярко пылающего огня. Увидев старика, она поспешила к нему, подняла и поднесла к огню. Она обняла его, как мать обнимает дитя. Держа его на руках, она стала качаться в качалке. Так они и сидели – ветхий старик, кожа да кости, и сильная старая женщина. Она баюкала его и приговаривала: «Ш-ш-ш, все пройдет».

Так она баюкала его всю ночь, а когда ночь стала клониться к утру, он помолодел – то был красивый юноша с золотыми волосами и длинными стройными ногами. А старуха все баюкала его: «Ш-ш-ш, все пройдет».

С наступлением утра юноша превратился в миловидное дитя с золотыми волосами, заплетенными в косички.

В миг восхода старуха быстро вырвала из детской головки три волоса и бросила на пол. Падая, они звенели: дзинь! дзинь! дзинь!

Мальчик слез с ее колен и побежал к двери. На пороге он оглянулся на старуху, ослепительно улыбнулся ей, а потом повернулся и, взлетев на небо, превратился в сверкающее утреннее солнце [19].

Ночью все выглядит по-другому, поэтому, чтобы понять эту сказку, нужно использовать ночное сознание – состояние, в котором мы мгновенно настораживаемся на каждый скрип и стук. Ночь – время, когда мы ближе к себе, ближе к тем насущным мыслям и чувствам, которые не особенно замечаем в дневные часы.

В мифах ночь – это мир Матери Нике, женщины, которая сотворила мир. Она же Старая Мать Дней, одна из старух, которых зовут Жизнь и Смерть. Когда в сказке стоит ночь, мы знаем: это значит, что мы в мире бессознательного. Св. Иоанн Креста называл его «темная ночь души». [41] В этой сказке ночь обозначает пору, когда энергия, которую олицетворяет старик, становится все слабее. Это время, когда в каком-то своем важном деле мы находимся на последнем издыхании.

Потерять цель – значит потерять энергию. Если мы потеряли цель, самая большая ошибка – метаться, пытаясь найти ее снова. Такие метания ни к чему не приведут. Сказка говорит нам: нужно сидеть и качаться. Покой, терпение и раскачивание способствуют обновлению идей. Некоторые женщины могут возразить, что просто держать на коленях идею и терпеливо ее баюкать – это роскошь. Дикая Женщина называет это необходимостью.

Это то, что отлично знакомо волкам. Когда появляется чужак, волки могут рычать, лаять или даже кусать нарушителя границ, а могут, собравшись вместе на приличном расстоянии, сидеть вместе, по-семейному. Они просто сидят и дышат вместе. Ребра ходят вперед-назад, вверх-вниз. Они сосредоточиваются, погружаются в себя, находят в себе центр и решают – что самое главное, что делать дальше. Они решают: «Пока не стоит ничего делать – посидим, подышим, поглазеем».

Как часто мы теряем цель, когда идеи не развиваются, не хотят легко воплощаться или когда мы работаем с ними не лучшим образом. Это часть естественного цикла – так бывает, когда идея утратила новизну или когда мы потеряли способность воспринимать ее свежим взглядом. Мы сами стареем, становимся скрипучими, как старик в сказке «Три золотых волоса». Существует много теорий о препятствиях, мешающих творчеству, но суть их всех заключается в том, что незначительные препятствия приходят и уходят, как погодные условия и времена года, – исключение же составляют психологические блоки, о которых мы говорили раньше: например, мы не можем добраться до истины, боимся, что нас отвергнут, боимся высказать то, что знаем, беспокоимся по поводу собственной адекватности, склоняемся к заурядности или бледным имитациям, когда загрязняется главный поток и т.д.

Эта сказка замечательна тем, что описывает весь цикл идеи; этот цикл совершает маленький огонек, который, разумеется, изображает саму идею – он слабеет и почти гаснет, что тоже является частью естественного цикла. Когда в сказке происходит что-то плохое, это

---

[41] Хуан де Йепес и Альварес (1542-1591), знаменитый испанский мистик, поэт, монах ордена кармелитов. Его произведение «Темная ночь души» (Noche of oscura del alma) – одна из вершин мистической литературы.

значит, что необходимо попробовать нечто новое, что должна возникнуть новая энергия, что необходимо обратиться за помощью к советчику, целителю, волшебной силе.

Здесь мы снова видим старую La Que Sabe, женщину, которой два миллиона лет. Она – «Та, Кто Знает». Тот, кого она держит на руках перед своим очагом, исцеляется, воскресает [20]. Именно к этому огню, к этим рукам тащится старик, ибо без них он умрет.

Старик давно устал от работы, которую мы ему задаем. Вам случалось видеть женщину, которая работает как одержимая, а потом вдруг падает духом и не делает больше ни шага вперед? Вам случалось видеть женщину, которая разглагольствует о социальных проблемах, а потом в один прекрасный день бросает все и говорит: «Да пропади оно пропадом!» Ее анимус выдохся, ему нужно, чтобы его убаюкала La Que Sabe. Женщина, чья идея или энергия убывает, чахнет или совсем на исходе, должна знать дорогу к этой старухе-curandera, целителънице; она должна отнести к ней усталый анимус для обновления.

Я работаю с многими женщинами, которые активно занимаются общественной деятельностью. В конечной точке этого цикла их неизменно подстерегает усталость, они тащатся через лес, скрипя суставами, фонарь мигает и вот-вот погаснет. В такие минуты они говорят: «С меня хватит. Я ухожу. Возвращаю свое удостоверение, свой значок, свою форму, свое…» – все что угодно. Они собираются эмигрировать в Новую Зеландию. Они собираются смотреть телевизор, есть соевый творог и никогда больше не смотреть в окно на мир. Они собираются купить дешевые туфли, переехать в поселок, где никогда ничего не происходит, и всю оставшуюся жизнь смотреть только рекламные передачи. Отныне они будут заниматься только своими делами, смотреть на все по-иному… и так далее и тому подобное.

Как бы они ни представляли себе передышку, пусть даже в них говорит обыкновенная усталость и разочарование, я соглашаюсь: «Передышка – дело хорошее, давно пора отдохнуть». В ответ на это они обычно взвизгивают: «Отдохнуть?! Разве я могу отдыхать, когда весь мир катится к черту прямо у меня на глазах!»

Но в конце пути женщина должна отдохнуть, поваляться, снова обрести свой центр. Она должна помолодеть, восстановить энергию. Она думает, что это невозможно, но возможность есть, ведь круг женщин – – матерей, учениц, художниц или общественных деятельниц – всегда смыкается, заполняя место тех, кто отлучился, чтобы отдохнуть. Творческая женщина обязана сначала отдохнуть, а потом вернуться к своей напряженной работе. Она должна навестить в лесу старуху, которая умеет оживлять, Дикую Женщину в одном из ее многочисленных обличий. Дикая Женщина ожидает, что анимус будет время от времени выдыхаться. Она не выказывает изумления, когда он падает у нее на пороге. Она готова. Она не кинется к нам в панике. Она просто поднимет нас и будет баюкать, пока мы не восстановим силы.

И мы не должны паниковать, потеряв движущую силу или цель. Как и старуха в сказке, мы должны спокойно сохранять свою идею, какое-то время просто побыть с ней наедине. Что является нашей целью – самосовершенствование, мировые проблемы или отношения с кем-то – не имеет значения: анимус все равно выдохнется. Весь вопрос в том, когда это случится. Когда вы завершаете долгое дело – заканчиваете школу, рукопись, музыкальное произведение, уход за больным, – наступает пора, и некогда юная энергия стареет, убывает и не может больше течь.

Лучше, если женщина будет знать это в самом начале, только приступая к делу, поскольку, когда наваливается усталость, для женщин это часто бывает неожиданностью. Тогда они начинают причитать, бормотать, шептать о провале, о своем несоответствии и обо всем таком прочем. Да нет же, такая потеря энергии – дело обычное. Такова Природа.

Утверждение непоколебимой силы мужского начала – ошибка. Это социальная интроекция, которую необходимо выкорчевать из души. Такое ошибочное представление заставляет как мужские энергии во внутреннем мире, так и мужчин в обществе ощущать непроизвольное чувство неудачи, если они устают и нуждаются в отдыхе. Все живое нуждается в передышке, чтобы восстановить силы. Образ деятельности Жизни-Смерти-

Жизни имеет циклический характер и является таковым для всего и всех.

В сказке на пол падают три волоса. В моей семье есть поговорка: «Брось немного золота на пол». Она пошла от выражения desprender las palabras, что в традиции cuentistas, сказочниц и целительниц нашего рода, означает: выбросить из сказки несколько слов, чтобы ее усилить.

Волос – символ мысли, того, что исходит из головы. Если вырвать у мальчика несколько волос и выбросить их или уронить на землю, это придаст ему легкость, заставит сиять еще ярче. Так и ваша выдохшаяся идея или выдохшееся дело смогут засиять ярче, если взять от них часть и выбросить. Так скульптор удаляет один за другим слои мрамора, чтобы обнаружить то, что скрывается под ними. Действенный способ обновить, укрепить намерение или действие, пораженное усталостью, – отбросить некоторые идеи и заново сосредоточиться на цели.

Выдерните из своего дела три волоса и бросьте на землю – они зазвучат как призыв к пробуждению. Падая, они создают в женской душе психический звук, звон, резонанс, который приводит к возобновлению деятельности. Отпадая, некоторые из наших многочисленных идей издают звук, который возвещает начало новой эры или новых возможностей.

На самом деле старая La Que Sabe подвергает мужское начало легкой обрезке. Мы знаем, что если обрезать мертвые ветки, дерево становится сильнее. Еще мы знаем, что если обрезать центральный побег у некоторых растений, они становятся гораздо ветвистее и пышнее. Дикая женщина воспринимает свойственный анимусу цикл возрастания и убывания как естественный. Это архаичный процесс, древний процесс. Именно так с незапамятных времен женщины подходили к миру идей и к их внешним проявлениям. Именно так поступают женщины. В сказке «Три золотых волоса» старуха учит нас – по-настоящему, заново, – как это делается.

В чем смысл такого исправления, сосредоточения на цели, призывания того, что было утрачено, бега с волками? В том, чтобы найти уязвимое место, докопаться до корня и костей всего, что составляет вашу жизнь, ибо именно там кроется ваше наслаждение, ваша радость, женский Эдем – место, которое дает время и свободу быть, бродить, удивляться, писать, петь, творить и не бояться. Почуяв удовольствие или опасность, волки поначалу замирают, как вкопанные. Они стоят, как статуи, полностью сосредоточившись, чтобы увидеть, услышать, почувствовать, что именно перед ними, что он такое по самой своей сути.

Именно это предлагает нам дикая природа – способность видеть, что перед нами; нужно только нацелиться: остановиться, посмотреть, послушать, понюхать, потрогать, попробовать на вкус. Нацелиться – значит использовать все свои чувства, в том числе и интуицию. Именно в этот мир приходят женщины, чтобы утвердить свой голос, свои ценности, свое воображение, свое ясновидение, свою зоркость, свои сказки и древние женские предания. Для этого необходимы целеустремленность и творчество. Если вы потеряли цель, просто сядьте и посидите спокойно. Возьмите идею и побаюкайте ее на руках. Часть оставьте, а часть выбросьте, и она обновится сама. Больше ничего не нужно.

Глава 11
ЖАР: ВЕРНУТЬ СВЯЩЕННУЮ ЧУВСТВЕННОСТЬ

Грязные богини

Есть существо, которое обитает в диких глубинах женской натуры. Это наша чувственная природа, и ей, как и всякому целостному существу, присущи свои природные и пищевые циклы. Это существо любознательно, общительно, порой кипит энергией, порой дышит непоколебимым покоем. Оно реагирует на стимулы, которые затрагивают чувства: на музыку, движение, еду, питье, комфорт, безопасность, тишину, красоту, темноту [1]. Именно

эта сторона женской натуры таит в себе жар. Но не такой, как в песенке: «Люби меня детка, люби», а тот, что подобен подземному пожару, который то разгорается, то затухает, следуя циклам. Получая высвобождающуюся при этом энергию, женщина действует как считает нужным. Женский жар – не чувство сексуального возбуждения, а ощущение напряженной чувственной восприимчивости; оно включает в себя и сексуальность, но не ограничивается ею.

Можно много писать об использовании женской чувственной природы во благо и во вред, о том, как сама женщина и окружающие либо раздувают этот огонь вопреки его естественным ритмам, либо пытаются полностью потушить его. Но давайте лучше сосредоточим внимание на том пылком, явно диком и горячем, что нас приятно согревает. В современном мире такому проявлению женской чувственности выносится суровый приговор, а во многих местах и во многие времена на него накладывается полный запрет.

Есть разновидность женской чувственности, которая в древности называлась священным бесстыдством, но не в том смысле, какой мы сегодня вкладываем в слово «бесстыдство», а имея в виду тех, кто владел тайнами сексуальной науки. Некогда существовали культы Богини, отчасти посвященные такой нечестивой женской чувственности. Их ритуалы не были непристойными, они имели целью изображение тех частей бессознательного, которые и по сей день остаются загадочными и в большинстве своем неисследованными.

Само представление о чувственности как о чем-то священном и, еще более конкретно, о бесстыдстве как о разновидности священной чувственности является жизненно важным для дикой природы. В древних женских обществах существовали богини бесстыдства, которых называли так за их невинную и одновременно лукавую похотливость. Однако очень трудно, по крайней мере в английском языке, усмотреть в выражении «бесстыдная богиня» какой-либо иной смысл помимо грубого. Поэтому ниже я привожу значения слова obscene [42] и других связанных с ним слов. Я полагаю, что это поможет вам понять, почему данный аспект поклонения древней Богине был изгнан с глаз долой.

Мне бы хотелось, чтобы вы поразмыслили над этими тремя словарными определениями и пришли к собственному выводу:

Dirt [43]: от среднеанглийского drit, вероятно, пришедшего из исландского языка и означавшего экскременты. Значение расширилось, включив в себя грязь: главным образом землю, пыль и т.д., а также всевозможные непристойности, особенно языковые.

Dirty word [44]: непристойное слово, в современном обиходе также используется для обозначения того, что стало считаться социально или политически непопулярным или подозрительным, нередко из-за незаслуженной критики и клеветы или несоответствия современным тенденциям.

Obscene: от древнееврейского Ob, что значит колдун, чародейка.

Несмотря на поношения, во всем мире сохранились остатки историй, переживших многочисленные чистки. Они говорят нам, что бесстыдное – это вовсе не низменное: оно скорее похоже на некое фантастическое порождение природы, которое вы бы всей душой желали видеть рядом с собой, в числе своих ближайших друзей.

Несколько лет назад, когда я начала рассказывать «сказки грязной богини», женщины посмеивались, а потом и хохотали, слушая о подвигах женщин, реальных и мифологических,

---

[42] Бесстыдный, непристойный (англ.).

[43] Грязь (англ.).

[44] Грязное слово (англ.).

использовавших сексуальность и чувственность, чтобы высказать свои мысли, облегчить грусть, вызвать смех, а значит, исправить в душе то, что разладилось. Но меня также занимало то, как женщины в этих вопросах приближаются к порогу смеха. Вначале им приходится забыть про воспитание, про все утверждения, что дамы над подобными вещами не смеются.

Я видела, как в неподходящих ситуациях стремление выглядеть дамой душит женщину, не давая ей дышать. Смеясь, мы попеременно делаем быстрые вдохи и выдохи. Из кинезиологии и других методов телесно ориентированной терапии, таких, как хакоми, мы знаем, что вдох помогает ощутить эмоции, что, желая оградить себя от чувств, мы задерживаем дыхание.

Смеясь, женщина дышит свободно, и такое дыхание может вызвать прилив несанкционированных чувств. Что же это за чувства? Оказывается, это не столько чувства, сколько средства, которые расслабляют и лечат чувства и часто помогают пролить сдерживаемые слезы или извлечь забытые воспоминания, или порвать цепи, сковывающие чувственную личность.

Мне стало ясно, что ценность этих древних богинь бесстыдства – в их умении ослаблять слишком натянутое, рассеивать мрак, приводить в такое настроение, которое исходит не от ума, а от тела, и обеспечивать легкость этих переходов. Это тело смеется над историями о койоте, над сказками дядюшки Трунгпы [2], над стишками о Мей Уэст [45] и т.д. Озорство и юмор бесстыдной богини могут стать животворным снадобьем, которое распространяется по всей эндокринной и нервной системе.

Следующие три истории воплощают в себе бесстыдство именно в этом смысле слова, а именно те сексуально-чувственные чары, которые способствуют хорошему эмоциональному самочувствию. Две из них древние, а третья – современная. Они посвящены грязной богине. Я говорю так потому, что они долгое время блуждали под землей. В хорошем смысле, они сродни плодородной земле, грязи, навозу души – той творческой среде, из которой вырастает все искусство. В сущности, грязная богиня олицетворяет тот аспект Дикой Женщины, который одновременно сексуален и свят.

Баубо – пузатая богиня

Есть образное выражение: Ella habla рог en media en las piernas, «Она говорит из того места, что между ног». Такие маленькие истории, исходящие из места «между ног», известны во всем мире. К ним принадлежит и рассказ о древнегреческой богине Баубо, которую называют богиней непристойности. У нее есть и более старые имена, например, Ямба; можно предположить, что греки позаимствовали ее из гораздо более древних культов. Архетипическая дикая богиня священной чувственности и плодовитости Жизни-Смерти-Жизни существует с незапамятных времен.

В древних литературных памятниках есть только одна общеизвестная ссылка на Баубо, из чего можно сделать вывод, что ее культ был уничтожен и погребен под лавинами многочисленных нашествий. Я подозреваю, что где-то, может быть под поросшими деревьями холмами и лесными озерами Европы или Востока, сохранились ее храмы, изобилующие фигурками из кости и другими предметами [3].

Поэтому не удивительно, что мало кто слышал о Баубо; но по осколкам архетипа можно восстановить весь ее облик. И такой осколок у нас есть – это история, в которой появляется Баубо. Она одна из самых прелестных и колоритных обитательниц Олимпа. Представляю вам свою версию – версию cantadora, сказительницы, – основанную на древних диких останках Баубо, которые по сию пору сверкают в греческих мифах

---

[45] Знаменитая голливудская кинозвезда тридцатых годов, славившаяся пышными формами.

постматриархальной эпохи и в гомеровских гимнах [4].

У Матери-Земли Деметры была красавица дочь по имени Персефона. Однажды, играя на лугу, Персефона увидела прекрасный цветок и уже протянула руку, чтобы его сорвать, как вдруг земля содрогнулась и разверзлась. Из ее глубин явился Гадес, бог подземного мира – высокий и могучий, он стоял на черной колеснице, запряженной четверкой пепельно-серых лошадей.

Гадес схватил Персефону и умчал на колеснице – на лугу остались только покрывало и сандалии девы. Все глубже под землю гнал он своих коней, все глуше звучали крики Персефоны, и наконец земля сомкнулась, будто ничего и не случилось.

Вопли девы эхом отражались от горных склонов, пузырями вскипали со дна морского. Деметра услышала крики камней, услышала плач воды. И тогда над землей повисла призрачная тишина и запах увядших цветов.

Сорвав с бессмертной головы гирлянду, спустив с плеч темные покровы, Деметра полетела над землей, как огромная птица, высматривая дочь, зовя ее.

В ту ночь у входа в пещеру старуха сказала своим сестрам, что слышала днем три крика: молодой голос вскрикнул от ужаса, другой голос стал жалобно звать, а после раздался плач матери.

Персефоны нигде не было, и тогда начались долгие отчаянные странствия Деметры в поисках любимой дочери. Богиня бушевала, рыдала, призывала, расспрашивала встречных, обыскивала каждую гору, каждую впадину, каждую пещеру, молила о пощаде, молила о смерти, но нигде не могла найти милое дитя.

Тогда она, даровавшая жизнь всему сущему, прокляла все плодородные нивы на земле и в тоске вскричала: «Умрите! Умрите! Умрите!» Из-за проклятия Деметры перестали рождаться дети, перестали расти хлеба, перестали цвести цветы. Нечем было украсить пиры, нечем укрыть усопших. Иссохла и потрескалась земля, иссохли женские груди.

Деметра забыла про омовения, одежды ее запылились, кудри повисли космами. Но хотя сердце ее разрывалось от боли, она не сдавалась. Как-то раз после долгих расспросов, просьб и встреч, которые ни к чему ни привели, она забрела в незнакомую деревню и села, привалившись к колодцу. Когда она сидела так, остужая измученное тело о прохладный камень, к ней подошла женщина, вернее, некое подобие женщины. Она стала танцевать перед Деметрой, виляя бедрами и тряся грудями, всеми своими движениями намекая на совокупление. И, глядя на нее, Деметра невольно улыбнулась.

На самом деле это была не совсем женщина: головы у нее не было, соски заменяли ей глаза, а влагалище – рот. И из этого рта полились сочные шутки, которыми она стала угощать Деметру. Богиня усмехнулась, потом заулыбалась и наконец от души расхохоталась. И обе женщины стали хохотать вместе: маленькая пузатая богиня Баубо и великая Мать-Земля, богиня Деметра.

Именно этот смех излечил Деметру от тоски и дал ей силы для дальнейших поисков, которые благодаря помощи Баубо, старухи Гекаты и солнца Гелиоса увенчались успехом. Персефона вернулась к матери. Мир, земля и женские чрева снова наполнились жизнью.

Малютка Баубо всегда нравилась мне больше всех остальных богинь греческой мифологии, а может быть, и всех персонажей вообще. Несомненно, она ведет свой род от неолитических пузатых богинь – загадочных фигурок без голов, а иногда и без рук и ног. Называть их «олицетворениями плодородия» – явное преуменьшение, потому что они олицетворяют нечто гораздо большее. Они – талисманы разговоров, которые женщины ведут между собой и никогда, ни за что не повторят в присутствии мужчин – разве что для этого сложатся какие-то совершенно особые обстоятельства. Да, это те разговоры.

Эти фигурки символизируют универсальные для всего мира чувства и образы: груди и то, что ощущают эти чуткие создания – женские половые губы, где сосредоточены ощущения, известные только женщине и о которых остальные могут лишь догадываться. И смех, от которого трясется живот, – одно из лучших лекарств, имеющихся в арсенале женщины.

Мне всегда казалось, что женские беседы за чашкой кофе – остаток объединявшего женщин древнего ритуала, когда они вели задушевные разговоры, делились самым сокровенным, смеялись, дурачились. И когда, облегчив душу, они возвращались домой, жизнь казалась краше.

Иногда женщинам бывает трудно избавиться от мужчин и побыть вместе без них. Я знаю, что в старину женщины уговаривали мужчин «сходить на рыбалку». Это уловка, которую женщина использует с незапамятных времен, чтобы на время выдворить мужчин и побыть одной или в компании других женщин. Время от времени женщине хочется побыть в чисто женской атмосфере, будь то общество самой себя или подруг. Это естественный женский цикл.

Мужская энергия хороша. Даже больше чем хороша: великолепна, превосходна. Но иногда возникает ощущение, будто ты объелась шоколада. Чтобы отделаться от его вкуса, хочется посидеть несколько дней на холодном рисе и чистом бульоне. Делать это время от времени просто необходимо.

Кроме того, маленькая пузатая богиня Баубо наводит на интересную мысль: небольшая порция непристойностей помогает развеять тоску, справиться с депрессией. Да, это особый смех: он приходит из тех историй, которые женщины рассказывают друг другу, и сами по себе эти истории настолько сомнительны, что почти безвкусны… но они пробуждают либидо. Они снова разжигают в женщинах интерес к жизни. Пузатая богиня и смех от пуза – вот что нужно нам всем!

Поэтому включите в свой арсенал самоисцеления «грязные истории», истории от Баубо. Такие рассказики – сильное лекарство. Эти забавные «грязные» истории не только помогут избавиться от депрессии, но и остановят приступ гнева, тем самым сделав вас более счастливыми. Попробуйте – сами увидите.

Я не могу здесь подробно распространяться о двух других сторонах истории о Баубо, ведь обсуждать их следует в тесном кругу, где присутствуют только женщины. Могу лишь сказать следующее: у Баубо есть еще одна способность – она видит сосками. Мужчинам этого не понять, но, когда я говорю это женщинам, они энергично кивают и отвечают: «Я понимаю, что ты имеешь в виду!»

Умение видеть сосками – явно чувственная способность. Соски – органы души, чутко реагирующие на температуру, страх, гнев, шум. Они – такой же орган чувств, как и глаза.

Что же касается речи, которая идет «из вульвы», то здесь имеется в виду первооснова, самая суть, самый откровенный уровень истины – самый главный рот. Можно еще сказать, что речь Баубо идет из материнской породы, из глубоких недр, из самых глубин. В истории о том, как Деметра искала свою дочь, никому не известно, какие именно слова сказала Деметре великая богиня Баубо. Но мы можем призвать на помощь воображение.

Койот Дик

Я думаю, что шутки, которыми Баубо развеселила Деметру, были обычными женскими шутками о прекрасно сконструированных передатчиках и приемниках – гениталиях. Если это так, то, быть может, Баубо рассказала Деметре историю вроде следующей, которую я услышала несколько лет назад в Ногалесе от хозяина трейлерной стоянки. Звали его Старый Индеец, и он утверждал, что в его жилах течет кровь краснокожих. Он не пользовался вставной челюстью и пару дней не брился. Его жена по имени Ивушка, была милая старушка со следами былой красоты на лице. Она сказала мне, что нос ей сломали в пьяной драке. У них было три кадиллака, все неисправные, и мексиканская дворняжка, которую держали в кухне, в детском манеже. Он был из тех мужчин, которые не снимают шляпу даже сидя на унитазе.

Разъезжая на маленьком трейлере в поисках сказок, я завернула на их стоянку.

– Может, вы знаете какие-нибудь истории про эти места? – завела я разговор, имея в

виду эти края и окрестности.

Старый Индеец лукаво взглянул на жену, ухмыльнулся и подмигнул ей.

– Пожалуй, стоит рассказать ей про койота Дика [5].

– Нет, Индеец, не смей! Только не эту сказку!

– Я все равно расскажу ей про койота Дика! – не сдавался Старый Индеец. Ивушка спрятала лицо в ладонях и чуть слышно пробормотала:

– Прошу тебя, Индеец, не рассказывай ей эту сказку.

– Я уже рассказываю.

Ивушка сидела, отвернувшись и прикрыв глаза руками, будто внезапно ослепла.

Вот что рассказал мне Старый Индеец. Он сказал, что слышал эту историю «от одного навахо, который услышал ее от мексиканца, а тот услышал ее от хопи».

Как-то давным-давно жил-был койот Дик, и был он самым хитрым и самым глупым из всех зверей, что водились на земле. Он вечно чего-то хотел и, чтобы исполнить свое желание, постоянно дурачил людей, а все остальное время спал.

Как-то раз, когда койот Дик спал, его члену надоело это занятие; он решил уйти от койота и поразвлечься. Член отделился от койота Дика и побежал по дороге, вернее, поскакал по дороге, потому что у него была только одна нога.

Так он скакал, скакал и был вполне доволен жизнью, но потом соскочил с дороги, свернул в лес и – о ужас! – угодил прямо в заросли жгучей крапивы. «Ой! – взвизгнул он. – Ай-ай-ай! – завопил он. – Спасите, помогите!»

От его воплей койот Дик проснулся, привычным движением потянулся вниз, чтобы завести свой мотор, и обнаружил, что рукоятка исчезла! Койот помчался по дороге, держа лапу между ног, и наконец обнаружил свой член, который попал в беду. Койот Дик бережно извлек шаловливый член из крапивы, погладил его, утешил и приладил на место.

Старый Индеец хохотал, как полоумный – он задыхался, глаза едва не вылезли из орбит.

– Вот и вся история про койота Дика.

– Ты забыл рассказать ей самый конец, – напомнила Ивушка.

– Какой еще конец? Я рассказал все до конца, – буркнул Старый Индеец.

– Ты забыл рассказать ей настоящий конец этой истории, старая ты канистра!

– Рассказывай сама, если так хорошо помнишь. Зазвонил колокольчик, и он поднялся со скрипучего стула. Ивушка посмотрела на меня в упор, и глаза ее сверкнули.

– В конце истории вся мораль.

Тут ею овладела Баубо: она захихикала, потом захохотала и, наконец, разразилась утробным гоготом, причем гоготала так долго, до слез, что пару минут не могла выговорить две фразы: каждое слово она повторяла два-три раза, перемежая их взрывами смеха.

– А мораль в том, что с тех самых пор член у койота Дика так зудит от крапивы, что он места себе не находит. Вот почему мужики вечно липнут к женщинам, норовят о них потереться, а в глазах у них написано: «У меня зуд в одном месте!» Понимаешь, их общий член зудит с тех пор, как в первый раз удрал!

Не знаю, что в ее словах меня так проняло, но мы обе сидели на кухне, взвизгивая и колотя руками по столу, пока совершенно не обессилели. Впоследствии я поняла, что испытанное тогда мною состояние можно сравнить с тем, какое бывает, когда съешь большой кусок крепкого хрена.

Думаю, как раз такие истории и рассказывала Баубо. В ее репертуар входит все то, что заставляет женщин смеяться именно так: безудержно, не заботясь о том, что видна вся глотка, что колышется живот и подпрыгивают груди. В чувственном смехе есть нечто такое, что отличает его от смеха по менее рискованным поводам. «Чувственный» смех пробирает душу до самой глубины, снимает напряжение, сотрясает кости и создает во всем теле приятнейшее ощущение. Это одно из диких наслаждений, хранящихся в душевном арсенале каждой женщины. В женской душе священная и чувственно-сексуальная жизнь соседствуют очень близко, ведь и ту, и другую пробуждает чувство удивления – не размышление, а

переживание, – когда что-то трогает физические струны тела, что-то мимолетное или вечное: поцелуй, видение, утробный смех или что-то иное – изменяя нас, потрясая, вознося на небо, выпрямляя наши пути, приглашая нас на танец, вызывая свистом, позволяя ощутить истинное биение жизни.

В священном, непристойном, чувственном всегда таится дикий смех: короткий миг беззвучного хохота или мерзкого старческого хихиканья, хриплого гогота или дикого животного ржания, или трели, которая звучит как музыкальная гамма. Смех – скрытая сторона женской чувственности, в нем есть нечто телесное, стихийное, страстное, животворное, а потому возбуждающее. Это чувственность, которая, в отличие от полового возбуждения, не преследует никакой цели. Это чувственная радость, которая длится краткое мгновение, подлинно чувственная любовь, которая свободно летает, живет и умирает и снова живет, довольствуясь собственной энергией. Она священна, потому что необычайно целительна. Она чувственна, поскольку возбуждает тело и эмоции. Она сексуальна, потому что волнует и порождает волны наслаждения. Она не одномерна, ведь смех – это то, что мы делим с собой и многими другими. Это самая дикая женская чувственность.

Даю вам еще одну возможность познакомиться с женскими историями и грязными богинями. С этой историей я познакомилась в детстве. Удивительно, но дети многое слышат, хотя их родители об этом и не подозревают.

Поездка в Руанду

Мне было около двенадцати, а происходило это на озере Биг-Бэсс в Мичигане. Приготовив завтрак и обед на сорок человек, все мои хорошенькие кругленькие родственницы, мама и тетушки, загорали, болтали и обменивались шутками, растянувшись в шезлонгах на солнце. Мужчины «ушли на рыбалку», то есть весело проводили время, рассказывая свои, мужские, истории и анекдоты и не стесняясь в выражениях. Я играла неподалеку от женщин.

Вдруг я услышала пронзительные вопли и в тревоге бросилась туда, где лежали женщины. Но они кричали не от боли. Они смеялись, и одна из моих тетушек, переводя дыхание между приступами смеха, снова и снова повторяла: «…прикрыли лица… они прикрыли лица!» И эта загадочная фраза снова вызывала у всех неудержимые приступы хохота.

Они еще долго стонали, взвизгивали, вскрикивали, охали. На коленях у одной из тетушек лежал журнал. Позже, когда женщины задремали на солнышке, я вытащила журнал из-под руки у спящей и, забравшись под шезлонг, стала жадно читать. Там был напечатан анекдот времен Второй мировой войны. В нем говорилось примерно следующее.

Генерал Эйзенхауэр собрался посетить свои войска в Руанде (это могло быть на Борнео, а генерал мог носить фамилию Мак-Артур – тогда для меня имена мало что значили). Губернатор пожелал, чтобы все туземные женщины выстроились вдоль грунтовой дороги и встречали Эйзенхауэра приветственными криками и взмахами рук, когда он будет проезжать мимо в джипе. Единственная неувязка была в том, что туземные женщины не носили никакой одежды, кроме бус да иногда еще пояска.

Нет-нет, так дело не пойдет! Губернатор призвал к себе старейшину племени и поделился с ним своими сомнениями. «Не стоит беспокоиться», – сказал старейшина. Если губернатор сможет выдать несколько дюжин юбок и блузок, он, старейшина, позаботится, чтобы женщины надели их по этому особому случаю. Губернатор и местные миссионеры раздобыли необходимую одежду.

Однако в торжественный день, за несколько минут до того, как Эйзенхауэр должен был появиться на дороге, выяснилось, что, хотя все туземные женщины послушно облачились в юбки, блузки пришлись им не по нраву и они оставили их дома. Так что все они выстроились по обе стороны дороги, одетые в юбки, под которыми, разумеется, ничего не было, и с

голыми грудями.

Когда губернатор увидел это, с ним чуть не случился удар. Он отчитал старейшину, но тот доложил, что старшая из женщин обещала ему, что все женщины прикроют груди, когда генерал будет проезжать мимо.

– Ты уверен? – спросил губернатор.

– Совершенно уверен, – отвечал старейшина.

Времени для споров не оставалось, и можно только догадываться, что подумал генерал Эйзенхауэр, когда при приближении его машины одна обнаженная по пояс женщина за другой изящным движением поднимала подол широкой юбки и прикрывала им лицо.

Лежа под шезлонгом, я корчилась от смеха. То была самая дурацкая история из всех, которые мне довелось слышать. То была замечательная история, волнующая история. Но интуиция мне подсказывала, что это еще и запретная история, поэтому я много лет держала ее при себе. Иногда, в разгар трудных времен, даже перед тем, как сдавать экзамены в колледж, я вспоминала про женщин из Руанды, как они прикрывали юбками лица и наверняка же смеялись в подол. Я тоже смеялась и ощущала в себе целеустремленность, силу и устойчивость.

Несомненно, это тоже дар женских шуток и совместного смеха. В тяжелые времена все это становится лекарством и опорой. Это полезное и чистое грязное веселье. Вообразимо ли, чтобы чувственное и непристойное могло быть святым? Да, особенно если оно целебно, способствует целостности и здоровью сердца. Юнг отмечал, что если человек приходит к нему в кабинет с жалобой на сексуальные расстройства, то нередко оказывается, что это расстройство духа и души. Если же человек рассказывает о душевных неурядицах, то чаще всего они коренятся в сексуальной сфере.

В этом смысле чувственность можно рассматривать как лекарство для духа и, следовательно, считать священной. Если чувственный смех является un remedio, лекарством, то это священный смех. И все, что вызывает целительный смех, тоже священно. Если смех помогает, не причиняя вреда, если смех приносит облегчение, перестраивает, упорядочивает, подкрепляет силу и энергию, значит, этот смех дарует здоровье. Если смех помогает людям радоваться жизни, чувствовать себя счастливыми, ощущать любовь, воспарять на крыльях эроса, если он прогоняет печаль и освобождает от гнева, то это священный смех. Если от него люди растут, становятся лучше, щедрее, чувствительнее, то это священный смех.

В архетипе Дикой Женщины есть место и для природы «грязной богини». В этой дикой природе священное и нечестивое, священное и чувственное нераздельны – они живут рядом и, на мой взгляд, похожи на компанию старых-престарых женщин, которые стоят вдоль дороги и ждут нашего приближения. Они там, в вашей душе, – ждут, когда вы заявитесь и, проверяя друг на друге свои истории, ухают, как совы.

Глава 12
ПОМЕТИТЬ ТЕРРИТОРИЮ: ГРАНИЦЫ ЯРОСТИ И ПРОЩЕНИЯ

Лунный медведь

Под руководством Дикой Женщины мы возвращаемся к древнему, интуитивному, страстному. Если в нашей жизни отражается ее жизнь, наши действия взаимосвязаны. Мы идем вперед или учимся идти вперед – если еще не умеем. Мы делаем шаги, чтобы осуществить свои замыслы в мире. Если цель утеряна, мы вновь находим ее, вслушиваясь в свои ритмы и держась ближе к тем из друзей и партнеров, кто созвучен этим диким внутренним ритмам. Мы выбираем те отношения, которые питают нашу творческую и инстинктивную жизнь. Мы питаем других, распространяя на них свое влияние. И еще, если нужно, мы готовы научить восприимчивых партнеров слышать эти дикие ритмы.

Но есть еще один аспект, которым необходимо овладеть, – это умение справляться с

тем, для чего есть только одно название: женская ярость. Необходимо освобождаться от этой ярости. Если женщина помнит истоки своей ярости, ей кажется, что она никогда не перестанет скрежетать зубами. Но, как ни странно, мы столь же упорно стремимся развеять свою ярость, потому что она создает ощущение тревоги и беды. Нам хочется поскорее от нее избавиться.

Но подавить ее невозможно. Это все равно что пытаться спрятать огонь в бумажном мешке. Не стоит также допускать, чтобы она сжигала нас самих или окружающих. Здесь мы имеем дело с сильной эмоцией, которая пришла к нам незваной. Ярость напоминает токсичные отходы: они существуют, все хотят от них избавиться, но мест для их сброса очень мало. Чтобы добраться для полигона, где их можно захоронить, нужно проделать долгий путь.

Вот литературная обработка короткой японской сказки, которой я занималась несколько лет. Она называется Цукина Вагума, «Лунный медведь». Я уверена, что она поможет нам справиться с этой проблемой. Основную фабулу этой сказки, которая называлась просто «Медведь», я услышала много лет назад от сержанта Сагары, ветерана Второй мировой войны, который находился на излечении в госпитале для ветеранов войны штата Иллинойс.

В лесу, напоенном ароматом сосны, жила молодая женщина. Ее муж много лет воевал, а когда наконец срок его службы вышел, он вернулся домой в ужаснейшем настроении. Он отказался войти в дом, потому что привык спать на камнях. Он ни с кем не разговаривал и день и ночь проводил в лесу.

Узнав, что ее муж наконец возвращается, молодая жена заволновалась, захлопотала. Она накупила продуктов, наготовила угощений: вкусный белый соевый творог, три вида рыбы, три вида водорослей, рис, посыпанный красным перцем, крупные оранжевые креветки.

Робко улыбаясь, она отнесла еду в лес, опустилась на колени перед своим уставшим от войны мужем и предложила ему угощение, которое для него приготовила. Но он вскочил и стал пинать ногами тарелки и миски, так что соевый творог рассыпался, рыба взлетела в воздух, водоросли и рис упали в грязь, а крупные оранжевые креветки покатились по тропинке.

– Отстань от меня! – заорал он и повернулся к ней спиной. Он так разъярился, что женщина испугалась. Так повторялось снова и снова, пока в конце концов молодая жена в отчаянии не отправилась к пещере целительницы, которая жила на окраине деревни.

– Мой муж вернулся с войны сам не свой, – сказала женщина. – Он постоянно зол и ничего не ест. Не заходит в дом и не живет со мной, как раньше. Нет ли у вас какого-нибудь снадобья, чтобы он стал нежным и любящим супругом?

– Я могу его сделать, – пообещала целительница, – только для него необходима особая составляющая. К сожалению, у меня вышел запас шерсти лунного медведя. Так что придется тебе забраться на гору, найти черного медведя и принести мне волосок из белой отметины в форме лунного серпа, что у него на шее. Тогда я дам тебе снадобье, и все у вас наладится.

Некоторых женщин такая задача испугала бы. Некоторые сочли бы ее невыполнимой. Но только не эта, потому что она любила своего мужа.

– Я вам очень благодарна, – сказала она. – Какое это счастье – знать, что есть выход!

Женщина собралась в дорогу и на следующее же утро отправилась на гору. Она шла и пела: Аригато дзайсё! – Так приветствуют гору, говоря ей: «Спасибо, что позволяешь мне подниматься по твоему телу!»

Она миновала подножье горы, покрытое валунами величиной с большой каравай хлеба, поднялась на плато, поросшее лесом. У деревьев были длинные плакучие ветви, а листья походили на звезды.

– Аригато дзайсё! – пела женщина. Так благодарят деревья за то, что они приподнимают свои косы, чтобы можно было пройти. Она пробралась через лес и стала подниматься выше.

Теперь идти стало труднее. На горе росли колючки, которые цеплялись за подол кимоно, а камни царапали ее нежные руки. Когда спустились сумерки, налетели незнакомые темные птицы и испугали женщину. Она поняла, что это муэн-ботокэ, духи умерших, у которых нет родных, и пропела им молитву: «Я буду вам родственницей, я помогу вам упокоиться».

Женщина взбиралась все выше, потому что ей помогала любовь. Так она карабкалась, пока не увидела снег на горных вершинах. Скоро ноги у нее промокли и озябли, но она поднималась все выше, потому что ей помогала любовь. Началась буря, снег слепил глаза, забивался в уши. Ничего не видя перед собой, она карабкалась все выше. А когда снег прекратился, женщина запела: Аригато дзайсё! – благодаря ветер за то, что он перестал слепить ей глаза.

Ночь она провела в маленькой пещерке, в которую с трудом заползла. Хотя у нее была с собой еда, она не стала есть, а зарылась в листья и уснула. Утро выдалось спокойное, из-под снега кое-где проглядывали зеленые побеги. «Ну вот, – подумала женщина, – пора искать лунного медведя».

Она бродила целый день, а к вечеру наткнулась на кучи медвежьего помета. Ее поискам пришел конец: по снежному полю шел вперевалку огромный черный медведь, оставляя позади глубокие следы. Лунный медведь грозно заревел и забрался в берлогу. Женщина достала еду и положила в миску. Потом поставила миску у входа в берлогу, а сама спряталась в пещере и притаилась. Медведь учуял съестное и неуклюже вылез из берлоги, рыча так громко, что камешки катились по склону. Он походил вокруг миски, понюхал воздух, а потом в один присест проглотил всю еду. Затем попятился, снова понюхал воздух и исчез в берлоге.

На следующий вечер женщина снова выставила еду, но на этот раз не стала прятаться в пещере, а осталась стоять на полпути. Медведь учуял съестное, вылез из берлоги, заревел так, что звезды чуть не попадали с небес, походил вокруг миски, долго нюхал воздух, но в конце концов проглотил еду и заполз обратно в берлогу. Так продолжалось много дней подряд, пока однажды темной ночью женщина не отважилась совсем близко подойти к медвежьему логову.

Она поставила миску с едой у входа в берлогу, а сама осталась стоять рядом. Когда медведь, учуяв пищу, выбрался из берлоги, он увидел не только обычную порцию еды, но и пару маленьких человечьих ног. Он стал крутить головой и реветь так громко, что его рев отдавался у женщины в костях.

Она дрожала, но не трогалась с места. Медведь встал на задние лапы, широко разинул пасть и заревел так, что женщина увидела его темно-красную глотку. Но она не убежала. Медведь заревел еще громче и протянул лапы, будто собирался ее схватить, так что его десять когтей как десять ножей нависли у нее над головой. Женщина дрожала как осиновый лист, но стояла на месте.

– Милый, хороший мишка, – взмолилась она, – я пришла сюда, потому что моему мужу нужно лекарство.

Медведь опустил передние лапы, вздыбив снежный вихрь, и уставился в испуганное лицо женщины. На миг ей показалось, что в его старых как мир глазах отражаются все горные хребты, долины, реки и деревни. На нее снизошел глубокий покой, и она перестала дрожать.

– Милый мишка, я кормила тебя столько дней. Можно мне взять один волосок из лунного серпа на твоей шее?

Медведь медлил. Эта маленькая женщина могла бы стать легкой добычей. И вдруг он пожалел ее.

– Твоя правда, – молвил он. – Ты была ко мне добра. Возьми волосок, только быстро, а потом убирайся восвояси.

Медведь поднял тяжелую голову, так что показался белый полумесяц на шее. И женщина увидела, как в этом месте сильно бьется медвежья кровь. Женщина положила одну

руку медведю на шею, а другой ухватила блестящий белый волосок и резко дернула. Медведь попятился и заревел, будто его ранили, а потом сердито заворчал.

– Благодарю тебя, лунный медведь! – Женщина принялась кланяться, но зверь зарычал и сделал шаг вперед. Он заревел, и в его реве женщине слышались слова, которых она не понимала и в то же время откуда-то знала всю свою жизнь.

Она повернулась и бросилась бежать вниз по склону что было сил. Она бежала под деревьями, листья которых походили на звезды, и всю дорогу кричала: Аригато дзайсё! – благодаря деревья за то, что приподняли ветви, давая ей пройти. Она спотыкалась о валуны, которые походили на большие караваи хлеба, и кричала: Аригато дзайсё! – благодаря гору за то, что позволила спускаться по ее телу.

Одежда ее изорвалась, волосы растрепались, лицо потемнело от грязи, но она как на крыльях летела по каменным ступеням, которые вели к ее деревне, по дороге, через деревню, к хижине, где сидела у огня старая целительница.

– Смотрите, смотрите! Я достала его, я принесла его – волос с шеи лунного медведя!

– Вот и славно, – улыбнулась старая целительница. Она пристально посмотрела на женщину, взяла у нее белый волос и стала рассматривать на свет. Потом взвесила длинный белый волос на ладони, измерила пальцами и воскликнула: – Да, это настоящий волос лунного медведя! – И вдруг бросила его в огонь. Волосок вспыхнул, затрещал и сгорел ярким золотым пламенем.

– Ох! – вскрикнула молодая женщина. – Что же ты наделала?!

– Не волнуйся, все в порядке, все будет хорошо, – успокоила ее целительница. – Помнишь каждый свой шаг, когда ты взбиралась на гору? Помнишь каждый свой шаг, когда ты старалась завоевать доверие лунного медведя? Помнишь все, что видела, слышала, чувствовала?

– Да, – ответила женщина, – прекрасно помню. Старая целительница ласково улыбнулась ей и сказала:

– А теперь, дочка, ступай домой и, вооружившись новыми знаниями, проделай все то же самое со своим мужем.

Ярость как учитель

Центральный мотив этой сказки – поиск волшебного предмета – распространен во всем мире. Иногда путешествие предпринимает мужчина, иногда женщина. Волшебным предметом может быть ресница, волосок из носа, зуб, кольцо, перо или другой материальный объект. Вариации того же мотива, где искомым сокровищем является шкура или часть тела животного, можно встретить в Корее, в Германии и на Урале. В Китае таким животным часто бывает тигр, а в Японии – медведь или лиса. В России герой должен принести бороду медведя, а в одной сказке, которая передается у нас в роду, волос нужно вырвать из подбородка самой Бабы Яги.

Сказка «Лунный медведь» принадлежит к категории, которую я называю сказками-щёлками. Такие сказки позволяют заглянуть в их скрытые целительные структуры, увидеть глубокий смысл, а не только внешнее содержание. Эта сказка повествует о том, что совладать с гневом помогает терпение, но она передает и нечто более важное: наставление о том, что должна делать женщина, чтобы исцелить свое злое Я и таким образом восстановить порядок в собственной душе.

В сказках-щёлках мы имеем дело не с утверждениями, а с предположениями. В сказке о лунном медведе глубинная структура раскрывает всю модель общения со страхом и исцеления от него: нужно найти мудрую и спокойную целительную силу (обращение к целительнице), согласиться выполнить трудное задание – проникнуть в неизведанную область души (путешествие на гору), распознать заблуждения (поведение при преодолении валунов и зарослей), успокоить свои застарелые навязчивые мысли и чувства (встреча с

муэн-ботокэ, беспокойными духами, у которых нет родных, чтобы их похоронить), войти в доверие к великой сострадательной Самости (терпеливое кормление медведя и его ответная доброта), осознать бурную сторону сострадательной души (понимание, что медведь, сострадательная Самость, – не ручной).

Эта сказка повествует, как важно принести это психологическое знание обратно на землю, в реальную жизнь (спуск с горы и путь в родную деревню), узнать, что целительство – это вопрос поисков и практики, а не только теории (уничтожение волоса). Суть сказки заключена в словах: «Обращайся так же со своей яростью, и все будет хорошо» (совет целительницы вернуться домой и воспользоваться усвоенными навыками).

Эта сказка принадлежит к разряду историй, которые начинаются с того, что герой обращается к тому или иному одинокому, измученному существу или просит его о помощи. Если взглянуть на нее так, будто все ее компоненты – часть одной женской души, то можно увидеть, что у души есть очень злая, истерзанная часть, которую олицетворяет образ вернувшегося с войны мужа. Жена, любящий дух души, берет на себя задачу отыскать средство от его гнева и ярости, чтобы она сама и ее любовь снова могли жить в мире и согласии. Это достойная цель для каждой женщины, ведь так можно справиться с яростью и даже открыть для себя искусство прощать.

Сказка показывает нам, что терпение, как и поиск целительного средства, – хороший способ сладить как с новой яростью, так и с застарелой. Хотя для разных людей лечение и прозрение будет разным, сказка предлагает кое-какие интересные идеи, помогающие подступиться к этому процессу.

На рубеже шестого века в Японии жил принц-философ по имени Сотоку Тайси. Наряду с другими вещами, он осознавал необходимость душевной работы как во внутреннем мире, так и во внешнем. Более того, он проповедовал терпимость к каждому человеку, каждому существу и каждой эмоции. Уравновешенная оценка эмоций – это, несомненно, акт самоуважения.

Каждую грубую и грязную эмоцию можно понимать как проявление света, который кипит и клокочет энергией. Можно использовать свет ярости с пользой, чтобы заглянуть в те места, которые для нас обычно незримы. При неверном использовании ярость с губительной силой собирается в одной точке, пока не прожжет черную дыру во всех тонких слоях души, как кислота проедает ткани, образуя язву.

Но есть другой путь. Любая эмоция, даже ярость, несет в себе знание, прозрение, то, что некоторые называют просветлением. Наша ярость может на время стать учителем – не помехой, от которой нужно поскорее избавиться, а драгоценностью, за которой нужно лезть на гору, которую нужно выражать в разных образах, чтобы учиться у нее, чтобы установить с ней внутреннюю связь, а потом воплотить ее во что-то полезное в мире или же предоставить ей снова обратиться в прах. В совместной жизни ярость не является чем-то посторонним. Это вещество, которое ждет наших преобразующих усилий. Цикл ярости схож с любым другим циклом: она растет, убывает, умирает и высвобождается в виде новой энергии. Процесс преобразования начинается с того, что мы уделяем внимание проблеме ярости.

Когда мы позволяем себе учиться у собственной ярости и тем самым ее преобразуем, она рассеивается. Теперь мы снова можем использовать ее энергию в других областях, особенно в творческой. Хотя некоторые люди утверждают, что способны творить, движимые постоянной яростью, проблема в том, что ярость ограничивает доступ к коллективному бессознательному – неисчерпаемому запасу навеянных воображением образов и мыслей, а потому человек, чье творчество питается яростью, склонен снова и снова создавать одно и то же, не в силах воплотить ничего нового. Непреображенная ярость может стать нескончаемой мантрой, смысл которой в том, что «ах как мы угнетены, обижены и измучены».

Одна моя подруга и помощница по устройству представлений утверждает, что постоянно пребывает в ярости и отвергает любые попытки помочь ей справиться с ней. Создавая сценарии о войне, она пишет про плохих людей; когда сценарии посвящены

культуре, в них тоже действуют отрицательные персонажи. Когда она пишет сценарии о любви, в них появляются все те же плохие люди с теми же дурными намерениями. Ярость разъедает нашу веру в то, что может случиться что-то хорошее. Что-то происходит с надеждой. А за утратой надежды обычно кроется страх, за страхом – гнев, за гневом – боль, за болью – то или иное страдание, иногда свежее, но чаще всего застарелое.

Из травматологии нам известно: чем скорее приняты меры, тем меньше риск ухудшения или осложнения. И еще, чем быстрее будет оказана медицинская помощь, тем скорее заживет травма. То же самое справедливо и для душевной травмы. Каково бы нам было, если бы сломанная в детстве нога до сих пор не срослась как следует?

Первичная травма способна вызвать сильнейшие нарушения других систем и ритмов организма: иммунной и костной системы, двигательной способности и т.д. В точности то же самое происходит и при застарелых психологических травмах. Многие по неведению или небрежности не уделили им своевременного внимания. Теперь они, образно выражаясь, вернулись с войны, но душой и телом они все еще на поле битвы. Однако, питая ярость – то есть последствия травмы, – мы, вместо того чтобы искать выход, причину ярости и способ с ней справиться, до конца дней своих запираемся в комнате, которая до отказа наполнена яростью. Но так жить невозможно, ни время от времени, ни постоянно. Ведь есть и другая жизнь – за пределами слепой ярости. Как мы видим в сказке, чтобы сладить с этой напастью и исцелиться от нее, необходимы сознательные усилия. Это неописуемо трудно, но все же возможно. Для этого нужно лишь одно: упорно подниматься со ступени на ступень.

Обратиться к целителю – влезть на гору

Поэтому лучше не стараться «держать себя в руках», пытаясь подавить ярость; не давая ей ходу, мы рискуем спалить все живое в радиусе сто километров; лучше сначала пригласить ее на чай, посидеть вместе, потолковать, выяснить, что же вызвало эту гостью. Поначалу ярость ведет себя как озлобленный муж в сказке. Она не желает разговаривать, не желает есть – хочет просто сидеть, уставившись в одну точку, или буйствовать, или чтобы ее оставили в покое. Именно на этом этапе мы обращаемся к целительнице, самому мудрому своему "Я", самым лучшим своим возможностям, позволяющим заглянуть за пределы раздраженного и больного эго. Целительница всегда бывает зоркой. Именно она способна сказать нам, какую пользу можно получить, исследуя эту волну эмоций.

В сказках целители обычно олицетворяют спокойный, невозмутимый аспект души. Пусть даже мир разваливается на части, внутренний целитель остается непоколебимым и сохраняет спокойствие, чтобы рассчитать лучший выход из положения. Такой «мастер» есть в душе у каждой женщины. Это часть естественной дикой души, мы рождаемся с ней. Если мы потеряли дорогу к ее жилью, можно снова позвать ее, спокойно рассмотрев вызвавшую у нас ярость ситуацию, перенести себя в будущее и, глядя с этого наблюдательного пункта, решить, что заставило бы нас гордиться своими былыми поступками, а потом действовать в соответствии с этим.

Взрывы раздражения, вызываемые у нас различными факторами жизни и общества, усугубляются, если в детстве мы неоднократно переживали случаи неуважения, издевательства, пренебрежения или мучительной неопределенности [1]. Человек, получивший такие травмы, становится чрезвычайно чувствительным к последующим травмам и использует все средства, чтобы избежать их в будущем [2]. Ощутимые потери энергии, а с ними потеря уверенности в том, что мы достойны любви, уважения и внимания, причиняют острые страдания и заставляют давать злые детские клятвы: когда вырасту, никогда не позволю обращаться с собой подобным образом.

Кроме того, если в детстве женщина могла ожидать от жизни меньше радостей, чем другие члены семьи, если ее свобода, поведение, речь и т.д. строго ограничивались, то очень вероятно, что у нее возбуждают гнев темы, интонации, жесты, слова и другие сенсорные

раздражители, которые напоминают об исходных событиях [3]. Иногда можно сделать обоснованные догадки о полученных в детстве ранах, если пристально понаблюдать, от чего взрослые ни с того ни с сего теряют самообладание [4].

Мы хотим использовать гнев как творческую силу. Мы хотим использовать его как средство изменения, развития и защиты. Поэтому, что бы женщина ни переживала – обострение отношений с детьми или боль от жгучей раны, – у целительницы всегда один подход: если есть покой, можно получить урок, найти творческое решение, если же бушует пожар – снаружи или внутри, – он сжигает все дотла, оставляя только пепелище. Мы хотим, чтобы на наши действия можно было оглянуться с достоинством. Мы хотим, ощущая гнев, извлечь из него какую-то пользу.

Прежде чем перейти к благодатному покою, порой бывает необходимо дать выход ярости – это правда, но делать это надо осторожно. Иначе это все равно что бросить в бензин зажженную спичку. Целительница говорит: да, с яростью можно сладить, но мне нужно кое-что из иного мира, кое-что из мира инстинкта, из мира, где звери по-прежнему разговаривают, а духи живут, – из мира человеческого воображения.

В буддизме есть особая практика под названием нюбу. человек уходит в горы, чтобы понять себя и преобразить свои отношения с Великим. Это очень древний ритуал, связанный с циклами подготовки земли, сева и жатвы. Было бы неплохо иметь возможность удалиться в настоящие горы, однако горы есть и в нижнем мире, в нашем собственном бессознательном, и, к счастью, вход в этот мир есть в душе каждой из нас, поэтому мы в любой момент можем отправиться в горы для обновления.

В мифах гора иногда понимается как символ, отражающий уровень мастерства, которого необходимо достигнуть, прежде чем перейти на следующий уровень. Нижняя часть горы, предгорья, часто олицетворяет стремление к сознанию. Все, что происходит в предгорьях, рассматривается с позиции созревающего сознания. Среднюю часть горы часто рассматривают как восходящую фазу процесса, ту фазу, на которой проверяется знание, усвоенное на предыдущих уровнях. Верхняя часть горы символизирует интенсивное обучение; воздух там разреженный, и для продолжения пути необходимы выносливость и решимость. Вершина горы символизирует встречу с высшей мудростью – той, которую в мифах олицетворяет живущая на горе старая женщина, а в этой сказке – мудрый старый медведь.

Поэтому, если мы не знаем, что еще можно сделать, лучше всего отправиться в горы. Когда нас тянет на поиски неизведанного, это формирует жизнь и развивает душу. Взбираясь на незнакомую гору, мы обретаем истинное знание инстинктивной души и творческих действий, на которые она способна, – в этом и состоит наша цель. У каждого человека процесс обучения протекает по-своему. Но инстинктивная точка зрения, которую мы получаем от дикого бессознательного и которой свойственна цикличность, становится для нас единственно важной – только она одна придает смысл жизни в целом и нашей жизни в частности. Она безошибочно даем нам знать, что нужно делать дальше. Где же найти этот процесс, который сделает нас свободными? На горе!

На горе мы находим дополнительные ключи, помогающие преобразить оскорбленные, всё отрицающие и злопамятные аспекты ярости, их мы обычно ощущаем и поначалу часто культивируем сознательно. Один из них – это фраза Аригато дзайсё, которую женщина поет, благодаря деревья и горы за то, что они позволили ей пройти. В буквальном переводе эта фраза означает «Спасибо, иллюзия». В японском языке слово дзайсё означает ясный взгляд на то, что мешает нам глубже понять себя и мир.

Иллюзия возникает, когда возникает нереальный образ вроде дрожания воздуха над раскаленным шоссе, от которого дорога кажется волнистой. То, что существуют колебания воздуха, – неоспоримый факт, но дорога от этого волнистой не становится. Это иллюзия. Первая часть информации верна, а вторая, вывод, – нет.

В сказке гора позволяет женщине пройти, и деревья поднимают ветви, чтобы дать ей проход. Это символизирует исчезновение иллюзии, благодаря чему женщина может

продолжать поиск. В буддизме говорят, что есть семь покровов иллюзии. Подняв каждый из них, человек осознает очередной аспект истинной природы жизни и собственного Я. Сорвав эти покровы, человек обретает силу, необходимую для того, чтобы вынести истинную картину мира, постичь суть событий, людей и вещей и в итоге научиться не относиться к первому впечатлению с такой смертельной серьезностью, а видеть то, что скрывается под ним и за ним.

В буддизме необходимо поднять покровы, чтобы обрести просветление. В этой сказке женщина отправляется в путешествие, чтобы принести свет во тьму ярости. Для этого, находясь на горе, она должна уяснить себе много уровней реальности. Ведь у нас столько иллюзий по поводу жизни. Иллюзией может быть мысль «она красива, а значит, желанна». Такой же иллюзией может быть мысль «я хорошая, поэтому меня оценят». Мы не только ищем истину, но еще и стремимся развеять иллюзии. Научившись видеть сквозь иллюзии, которые в буддизме называют препятствиями на пути к просветлению, мы сумеем также обнаружить скрытую сторону ярости.

Есть несколько распространенных иллюзий по поводу ярости. «Если я расстанусь с яростью, то стану другой, более слабой» (первая посылка верна, а вывод неточен). «Я унаследовала ярость от отца (матери, бабушки и т.д.) и обречена ощущать ее всю оставшуюся жизнь» (первое утверждение верно, а вывод неточен). Эти иллюзии можно проверить, если искать, спрашивать, учиться, пробираться под деревьями, карабкаться по телу горы. Мы расстаемся с иллюзиями, когда идем на риск, чтобы встретить поистине дикую сторону своей натуры, которая учит нас жизни, ярости, терпению, подозрительности, осторожности, скрытности, нелюдимости и ловкости… лунного медведя.

Когда женщина взбирается на гору, на нее налетают птицы. Это муэн-ботокэ, духи умерших, у которых нет родственников, готовых накормить их, утешить и упокоить. Молясь за них, женщина становится их семьей, несет им заботу и утешение. Вот как следует понимать осиротевших мертвецов души: это те творческие мысли, слова и идеи в жизни женщины, которые постигла преждевременная смерть и которые во многом способствуют ярости. В каком-то смысле можно сказать, что ярость – это следствие того, что духи не обрели надлежащего упокоения. В конце этой главы под заголовком Descansos приведены советы, как обращаться смуэн-ботокэ женской души.

Как и в сказке, кормить дикого медведя, инстинктивную душу, и предлагать ей духовную пищу, будь то церковь, молитва, архетипическая психология, работа со сновидениями, искусство, скалолазание, гребля, путешествия или что угодно еще, – достойная задача. Чтобы подобраться к тайне медведя поближе, ему дают пищу. Усмирение ярости – тоже путешествие: мы срываем покров иллюзии, берем ярость в учителя, просим помощи у инстинктивной души, даем упокоение мертвому прошлому.

Медведь-призрак

Чему может нас научить символ медведя, в отличие от лисы, барсука или кетцаля,[46] когда речь идет об обращении со злобной самостью? Для древних медведь символизировал воскрешение. Этот зверь засыпает очень надолго, сердце его бьется редко-редко. Часто самец оплодотворяет самку перед самой спячкой, но, как это ни удивительно, яйцеклетка и семя не соединяются сразу. Они сохраняются в маточной жидкости порознь до лучших времен. Под конец спячки яйцеклетка и семя сливаются, и начинается деление клетки, так что медвежата родятся весной, когда мать пробудится от спячки – как раз вовремя, чтобы заняться заботой о новом приплоде и его воспитанием. Это животное – емкая

---

[46] Гватемальский кетцаль, или квезал (Pharomachrus mochinno), государственный символ Гватемалы, священная птица майя и ацтеков.

метафора нашей жизни, возвращения и прироста того, что, казалось бы, омертвело, и не только потому, что оно пробуждается от спячки, будто от смерти, а еще и потому – и это куда важнее, – что медведица пробуждается вместе с новым потомством.

Медведя связывают со многими богинями-охотницами: греческой Артемидой, римской Дианой, а также Муэрте и Экотептль, глиняными женскими божествами, которые являются достоянием архаических культур Латинской Америки. Эти богини даруют женщинам способность выслеживать, познавать, «откапывать» психические аспекты всех вещей. У японцев медведь – символ верности, мудрости и силы. На севере Японии живет племя айнов, которые верят, что медведь может разговаривать прямо с Богом и приносить от него вести людям. Лунного медведя считают священным животным, которое получило белую отметину на шее в форме полумесяца от буддийской богини Гуаньинь, чьим символом является лунный серп. Гуаньинь – богиня глубокого сострадания, а медведь – ее посланец [5].

В душе медведь может олицетворять способность управлять своей жизнью, особенно жизнью чувств. Медвежья сила – это способность развиваться циклически, сохранять бдительность, успокаиваться, погружаясь в спячку, которая обновляет энергию для следующего цикла. Образ медведя учит нас, что в эмоциональной жизни можно иметь нечто вроде клапана для выпуска пара, а еще больше тому, что можно быть яростной и одновременно щедрой. Можно быть скрытной и значительной. Можно защищать свою территорию, обозначать свои границы, сотрясать небо, если в этом есть необходимость, и в то же самое время быть доступной, досягаемой и животворящей.

Волос с шеи медведя – талисман, знак обретенного знания. Мы видим, что он бесценен.

Преображающий огонь и правильное действие

Позволяя женщине вырвать волос, медведь проявляет к ней великое сострадание. Она спешит вниз с горы, повторяя все жесты, песни и славословия, которые спонтанно родились у нее по дороге на гору. Трепеща от волнения, женщина бегом возвращается к целительнице. Наверное, она говорит ей: «Смотри, у меня получилось! Я сделала, как ты мне велела! Я все выдержала и добилась своего!» Целительница – она, несомненно, добра – выжидает немного, давая женщине насладиться торжеством, а потом бросает с таким трудом добытый волос в огонь.

Женщина поражена. Что наделала эта безумная? Но целительница говорит ей: «Ступай домой и делай то же самое в жизни». В дзэн-буддизме именно этот миг, когда волосок летит в огонь и целительница произносит простые слова, является мигом истинного просветления. Отметим, что просветление происходит не на горе. Оно наступает в ту минуту, когда, благодаря сожжению волоса лунного медведя, развеивается вымышленное представление о волшебном снадобье. Все мы сталкиваемся с этой проблемой, потому что все надеемся, что, если усердно трудиться и иметь высокую, священную цель, можно получить вещество, материал – нечто такое, что раз и навсегда поставит все на свои места.

Но так не получается. Все бывает в точности так, как рассказано в этой сказке. Можно обладать всеми знаниями в мире, но все упирается в одну-единственную вещь: в практику. Все заканчивается тем, что нужно вернуться домой и шаг за шагом применять все накопленные знания – так часто, как понадобится, и так долго, как понадобится, или даже постоянно – как получится. Очень полезно помнить: когда в нас бушует ярость, мы точно и с уверенностью мастерицы знаем, что с этим делать: переждать, развеять иллюзии, отправиться на гору, поговорить с ней, почтить ее как учителя.

Эта сказка дает нам много ориентиров, много советов о том, как следует успокаиваться: проявлять терпение, быть доброй к разъяренному существу и дать ему время справиться с яростью, прибегнув к самоанализу и поиску. Старая мудрость гласит:

Прежде дзэн горы были горами, а деревья деревьями.

Во время дзэн горы были престолами духов, а деревья – голосами мудрости.

После дзэн горы стали горами, а деревья деревьями.

Пока женщина была на горе, узнавая новое, все было волшебством. Теперь, когда она спустилась с горы, считавшийся волшебным волос сожжен в огне, разрушителе иллюзий, и настало время «после дзэн». Жизнь снова становится обыденной. Однако на горе женщина многое пережила. Она обрела знание. Энергию, которая питала ярость, можно использовать для других целей.

Теперь женщина, которая сумела сладить с яростью, возвращается к повседневной жизни, обладая новым знанием, с новым ощущением, что она способна жить более умело. Однако настанет время, и что-то снова возникнет: взгляд, слово, интонация, чувство, что до тебя снисходят, тебя не ценят или тобой манипулируют, – и тогда остатки боли вспыхнут огнем [6].

Отголоски ярости, вызванной старыми травмами, можно сравнить с раной от шрапнели. Можно удалить почти все осколки, и все равно мельчайшие частицы металла останутся в теле. Некоторые думают, что извлечь большую часть осколков вполне достаточно. Не тут-то было. Иногда крошечные кусочки металла начинают двигаться и поворачиваться, снова и снова причиняя такую же острую боль, как старая рана (вздымающаяся ярость).

Но причина – уже не былая безудержная ярость, а лишь ее частицы, оставшиеся в душе раздражители, от которых никогда не избавиться до конца. Это они причиняют почти такие же мучительные страдания, как старая травма. И тогда человек напрягается, боясь сильного приступа боли, и тем самым усиливает боль. Он начинает предпринимать отчаянные действия сразу на трех фронтах: во-первых, старается воспрепятствовать внешнему событию, во-вторых, пытается ослабить боль, которая идет от старой раны внутрь, и в-третьих, пытается создать для себя безопасное убежище, зарыться в психологическую норку.

Невозможно требовать от одного человека, чтобы он, сражаясь за троих, мог победить на всех трех фронтах сразу. Вот почему в разгар этих действий необходимо остановиться, отступить и уединиться. Пытаться бороться и в то же время справляться с ощущением, что тебя прострелили насквозь, – непосильная задача. Забравшись на гору, женщина отступает – сначала нужно разобраться с более давними событиями, потом с более свежими, определить свою позицию, отряхнуть перышки, навострить ушки и только потом вернуться и действовать с достоинством.

Никому из нас не удается полностью уйти от прожитой жизни. Можно, конечно, оттеснить ее на задворки, но она все равно остается. И все же, если вы проделаете все то, о чем мы с вами говорили, то справитесь со своей яростью, и постепенно все успокоится и наладится. Не до конца, но наладится. Вы сможете идти дальше. Время шрапнельной ярости придет к концу. С каждым разом вы будете справляться все лучше, ведь вы будете знать, когда пора обращаться к целительнице, подниматься на гору, избавляться от иллюзии, что настоящее – это точная копия прошлого, которую можно рассчитать заранее. Женщина помнит, что можно быть свирепой и в то же время щедрой. Ярость – это не камень в почке: потерпишь подольше, и пройдет. Ничего похожего. Нужно действовать, и действовать правильно. Тогда она пройдет, и в вашу жизнь войдет новое творчество.

Праведная ярость

Прежде чем подставлять другую щеку, то есть молча сносить несправедливость и жестокое обращение, нужно очень хорошо подумать. Одно дело – использовать пассивное сопротивление в качестве средства политической борьбы, к чему призывал народные массы Ганди, и совсем другое – когда женщин поощряют или вынуждают молчать перед лицом такой невозможной ситуации, как безнравственный или несправедливый гнет в семье, обществе или мире. Это отрезает женщин от дикой природы, и их молчание – уже не покой, а напряженная оборона. Неверно думать, что если женщина молчит, то это значит, что она

одобряет ту жизнь, которую ведет.

Бывают времена, когда необходимо высвободить ярость, так, чтобы небеса содрогнулись. Бывает время – очень редко, но бывает, – когда нужно пустить в ход всю свою тяжелую артиллерию. Поводом для этого может быть серьезное оскорбление – тяжелое и направленное против духа или души. Но вначале следует испробовать все прочие разумные способы изменить ситуацию. Если это не помогает, необходимо правильно выбрать время. Несомненно, для полновесной ярости есть свое время. Если женщина обращает внимание на инстинктивное "Я", как это делает мужчина из следующей сказки, она знает, когда такое время приходит. Она интуитивно понимает это и тогда действует. И это верно. Верно, как дважды два.

Эта сказка родом со Среднего Востока. В Азии разные ее версии есть у суфиев, буддистов и индуистов [7]. Она принадлежит к категории сказок, в которых ради спасения жизни приходится выполнить запретное или непозволительное действие.

ЗАСОХШИЕ ДЕРЕВЬЯ

Жил-был человек, который из-за своего дурного нрава потерял больше времени и друзей, чем по какой-либо другой причине. Пришел он к старому мудрецу-нищему и спросил: «Как мне справиться с демоном ярости?» Старик велел ему найти затерянный далеко в пустыне пересохший оазис, поселиться там и предлагать солоноватую воду каждому путнику, которого занесет туда судьба.

Желая победить свою ярость, тот человек поехал в пустыню и нашел оазис с засохшими деревьями. Долгие месяцы, закутавшись в бурнус, чтобы спастись от гонимого ветром песка, он доставал из колодца солоноватую воду и предлагал всем, кто проезжал мимо. Прошли годы, и приступы ярости перестали его мучить.

Однажды к мертвому оазису приблизился смуглый всадник. Он смерил надменным взглядом человека, который предложил ему мутную воду, с издевкой отверг ее и собрался было продолжать путь.

Тут водонос так разъярился, что, ослепленный гневом, стащил всадника с верблюда и убил на месте. О ужас! Он сразу спохватился и пожалел о том, что поддался ярости. А теперь послушайте, что было дальше.

Внезапно подъехал еще один всадник. Увидев труп, он воскликнул: «Хвала аллаху! Ты прикончил злодея, который собирался убить шаха!» И в тот же миг мутная вода оазиса стала пресной и прозрачной, а засохшие деревья покрылись пышной листвой и цветами.

Мы понимаем, что у этой сказки символический смысл. Она не об убийстве, а о том, что гнев нужно высвобождать не без разбора, а в нужное время. Сказка начинается с того, как человек учится давать жаждущим воду, то есть жизнь, даже в условиях засухи. Давать жизнь – врожденное стремление, присущее большинству женщин. Чаще всего они делают это очень умело. Но иногда настает время для взрывов страсти, для праведного гнева, праведной ярости [8].

Многие женщины чутки, как песок чуток к ветру, как деревья чутки к качеству воздуха, как волк, который издалека чует, что на его территорию вторгся чужак. Если женщина обладает таким чутьем, то этот великолепный дар помогает ей видеть, слышать, получать и передавать идеи и образы с быстротой молнии. Большинство женщин умеют улавливать тончайшие изменения в настроении окружающих, умеют понимать язык лица и тела – мы называем это интуицией. Часто из множества мелких источников, которые, соединяясь, дают ей сведения, она знает, что у человека на уме. Чтобы пользоваться этими дикими дарами, женщина должна быть открыта всему на свете. Но именно эта открытость оставляет ее границы незащищенными, уязвимыми для духовных травм.

Перед женщиной может в большей или меньшей степени встать та же проблема, что и перед героем сказки «Засохшие деревья». Ее может донимать «осколочная» ярость, которая

заставляет хвататься за все без разбора или использовать холод как анестезию, или произносить сладкие речи, желая наказать или унизить. Она может навязывать свою волю тем, кто от нее зависит, или угрожать, что порвет с ними отношения или лишит любви. Она может скупиться на похвалу или не удостаивать доверия, хотя человек этого заслуживает, и вообще поступать так, как поступают люди с поврежденными инстинктами. Ясно как день: если женщина поступает так с другими, это значит, что в душе она переживает яростную атаку демона, который точно так же поступает с ней.

Многие женщины, пораженные таким недугом, решают от него избавиться: больше не быть мелочными, стать лучше, добрее. Это достойное намерение, и, бывает, окружающим даже становится легче жить – если только женщина не слишком увлечется и не начнет отождествлять себя с образом щедрого человека, как это случилось с мужчиной из сказки. Поселившись в оазисе, он служит другим, начинает чувствовать себя все лучше и лучше и постепенно отождествляет себя с безмятежностью и в то же время со скукой своей жизни.

Так и женщина, избегая любых конфликтов, начинает чувствовать себя лучше. Но только на время. Это не то знание, к которому мы стремимся. Мы стремимся узнать, когда можно позволить себе праведный гнев, а когда нет. Эта сказка не о стремлении к безмятежной святости. Она о том, как узнать, когда нужно действовать целостно и дико. Волки в большинстве случаев избегают столкновений, но, когда нужно отстоять свою территорию, когда кто-то или что-то не оставляет их в покое или загоняет в угол, они по-своему мощно взрываются. Это бывает редко, но способность проявлять гнев входит в их арсенал – и должна входить в наш.

Существует расхожее мнение о том, что злобная женщина внушает ужас своей способностью вызывать у окружающих страх и трепет. Но это во многом отражает представления конкретного человека, его страх перед любой женщиной, которая ведет себя подобным образом. В инстинктивной душе женщины таится способность проявлять осмысленный гнев, если ее спровоцируют, и в этом ее сила. Для нее гнев – один из врожденных способов добиваться своего, когда речь идет о создании и сохранении равновесия, которым она дорожит и которое по-настоящему любит. Это ее право, а при некоторых обстоятельствах – еще и моральный долг.

Для женщины это значит, что иногда приходит время обнажить клыки, продемонстрировать свою способность яростно защищать территорию, сказать мужчине: «Ни шагу дальше! Стой и слушай, что я тебе скажу. Впредь все будет иначе».

У многих женщин, как у героя «Засохших деревьев» в начале сказки, как у воина из «Лунного медведя», в душе обитает измученный, уставший от сражений солдат, который больше не хочет ни о чем слышать, не хочет ни о чем говорить, не хочет ничего делать. Из-за этого и возникает в душе высохший оазис. И снаружи, и внутри это всегда место великой тишины, которое только и ждет, только и просит, чтобы разразился рев, который растревожит, сотрясет, не оставит камня на камне и сделает возможным приход новой жизни.

Убив всадника, герой сказки поначалу ошеломлен, но потом, поняв, что в этом случае сработала «первая мысль – лучшая мысль», освобождается от власти слишком простого правила «никогда не злись». Как и в «Лунном медведе», просветление наступает не во время действия, а только после того, как уничтожена иллюзия, и человек, переживая озарение, постигает скрытый смысл.

Descansos

Итак, мы убедились, что наше желание – превратить ярость в огонь, на котором можно что-то приготовить, а не в ненасытный пожар. Мы убедились, что работу с яростью не закончить до тех пор, пока не совершишь ритуал прощения. Мы говорили о том, что женская ярость часто берет начало от обстановки, которая окружала женщину в семье, где она росла, от окружающего общества, а иногда и от травмы, полученной во взрослом возрасте. Но, независимо от источника ярости, должно случиться нечто такое, что помогло бы осознать ее, благословить, умерить и высвободить.

У женщин, которых мучают, часто развивается поразительная восприимчивость, обладающая невероятной глубиной и широтой. Хотя я никому не пожелала бы пережить мучения, чтобы познакомиться с тайнами бессознательного, факт остается фактом: жизнь под тяжким гнетом способствует возникновению дарований, которые становятся компенсацией и защитой.

В этом отношении женщина, пережившая в жизни много страданий и глубоко погрузившаяся в них, сама бесспорно обретает несравненную глубину. Хотя для того, чтобы сохранить сознание, ей прошлось пройти через муки и тяжкий труд, ее ожидает глубокая и богатая душевная жизнь и яростная вера в себя, которую не нарушат случайные колебания эго.

В нашей жизни, обычно в ее середине, наступает пора, когда женщине приходится принимать решение, возможно самое важное для души, которое определит всю ее последующую жизнь: ожесточиться или нет. Чаще всего женщины приходят к этому, когда им под сорок или немного за сорок. Это время, когда они сыты всем по горло, когда они чувствуют, что «довольно», что «это последняя капля», что они «выжаты, как лимон», «выброшены на свалку». Возможно, мечты их молодости разбиты в прах. Возможно, они пережили все: разбитое сердце, разбитый брак, разбитые надежды.

С течением времени в теле накапливаются отходы, и это неизбежно. Но если женщина не позволит себе ожесточиться, а вернется к своей инстинктивной природе, ее ожидает возрождение, обновление. У волчицы детеныши рождаются каждый год. Сначала это маленькие комочки – слепые, покрытые темной шерсткой, к которой прилипли травинки и грязь, но такие живые, игривые, ласковые, жаждущие тепла и заботы. Они хотят играть, хотят расти. Женщина, которая возвращается к инстинктивной, творческой природе, вернется и к жизни. Она тоже захочет играть, захочет расти – вширь и вглубь. Но вначале необходимо пройти очищение.

Хочу познакомить вас с понятием descanso в том виде, в каком я использую его в своей практике. Если вы когда-нибудь бывали в Мексике, в Нью-Мексико, на юге Колорадо, в Аризоне или других южных штатах, то видели маленькие белые кресты у обочины дороги. Это descansos, места упокоения [9]. Их можно увидеть также на краях обрывов, на некоторых живописных, но небезопасных дорогах Греции, Италии и других стран Средиземноморья. Иногда можно встретить группы из двух, трех, пяти крестов. На них написаны имена: Хесус Мендес, Артуро Буэнофуэнтес, Джинни Абейта. Иногда имена выбиты гвоздями, иногда написаны краской или вырезаны.

Многие кресты обильно украшены искусственными или живыми цветами или поблескивают свежей соломой, наклеенной на деревянную основу; в лучах солнца они сверкают, как позолоченные. Иногда descanso – это просто две палочки или два обрезка трубы, связанные крест-накрест лозой и воткнутые в землю. На горных перевалах это просто кресты, нарисованные белой краской на больших придорожных камнях.

Descanso – это знак смерти: здесь, как раз на этом месте, чей-то жизненный путь неожиданно прервался. Произошла автомобильная катастрофа или кто-то шел по дороге и умер от теплового удара, а может быть, это место вооруженного столкновения. Здесь случилось нечто такое, что навеки изменило жизнь какого-то человека и всех, кто был с ним связан.

Женщина умирает тысячу раз, прежде чем доживет до двадцати лет. Она идет в том или ином направлении – ей отрезают путь. Лелеет надежды и мечты – их тоже отсекают. Та женщина, которая скажет, что это не так, еще не пробудилась. Все это льет воду на мельницу descansos.

Хотя все эти моменты углубляют индивидуацию, дифференциацию, развитие и обогащение личности, ее расцвет, а также пробуждение, осведомленность и сознание, они глубоко трагичны и достойны скорби.

Сделать descansos – значит собраться с мыслями, посмотреть на линию своей жизни и спросить: «Где кресты? Где места, которые необходимо запомнить и благословить?» Каждый

из них таит в себе смысл, который вы перенесли в свою сегодняшнюю жизнь. Их нужно запомнить настолько, чтобы забыть. А для этого нужно время. И терпение.

Помните, в «Лунном медведе» женщина произнесла молитву и тем самым упокоила скитающиеся души одиноких мертвецов? То же самое мы совершаем, делая descansos. Это сознательная практика, цель которой – пожалеть и почтить одиноких мертвецов своей души и наконец-то дать им покой.

Чтобы по-настоящему пожалеть себя, сделайте descansos, места упокоения, для тех аспектов своей души, которые были на пути к чему-то, но так и не добрались до цели. Descansos отмечают места смерти, темные времена, но это еще и любовные письма, адресованные вашему страданию. Они способствуют преображению. Можно еще долго говорить о необходимости прикреплять вещи к земле, чтобы они не следовали за нами по пятам. Можно еще долго говорить о необходимости дать им покой.

Поврежденный инстинкт и ярость

Пытаясь исчерпать старые ситуации, женщины (и мужчины) склонны говорить: «Я/он/она/они сделали все, что могли». Но сказать «они сделали все, что могли» – не значит простить. Даже если это категоричное заявление соответствует действительности, оно отсекает возможность исцеления. Это все равно что наложить жгут, чтобы остановить кровь из глубокой раны. Если оставить такой жгут надолго, то из-за недостатка кровоснабжения возникнет гангрена. Простым отрицанием гнева и страданий ничего не добьешься.

Если у женщины повреждены инстинкты, она сталкивается с несколькими типичными проблемами, которые имеют отношение к ярости. Во-первых, ей часто бывает трудно обнаружить вторжение: она с опозданием замечает нарушение своих территориальных границ и не осознаёт собственного гнева, пока он ею не овладеет. Приступы гнева находят на нее неожиданно, будто из засады, как это случилось с человеком из сказки «Засохшие деревья».

Такое запаздывание – результат повреждения инстинктов; это случается, когда в детстве женщину приучают не замечать разногласий, стараться любой ценой сохранить мир, ни во что не вмешиваться и переносить боль, пока все не успокоится или на какое-то время не уйдет. Как правило, такие женщины не проявляют ярости в тот момент, когда ее ощущают, а либо опережают события, либо, имея замедленную реакцию, только недели, месяцы или даже годы спустя понимают, что они могли или должны были сказать или сделать.

Обычно дело тут совсем не в робости или интроверсии, а в привычке «семь раз отмерить», быть излишне милой с теми, кто причиняет ущерб, и в неумении слушать голос души. Дикая душа знает, как и когда действовать, – нужно только прислушиваться к ней. Правильный отклик приносит озарение, а также силу и сострадание, смешанные в надлежащей пропорции. Поврежденный инстинкт необходимо исправлять, устанавливая и сохраняя надежные границы и стараясь реагировать решительно, по возможности спонтанно, но непреклонно.

Женщина может испытывать трудности с избавлением от гнева посредством спонтанного его проявления, даже если он осложняет ей жизнь, вынуждая без конца перебирать в памяти события многолетней давности, как будто они произошли только вчера. Для исцеления очень важно некоторое время упорно размышлять над травмой, чтобы уяснить ее причину. Но в конце концов на каждую рану нужно наложить шов и предоставить ей зажить, образуя шрам.

Коллективная ярость

Коллективный гнев или ярость – это тоже естественная функция. Есть такой феномен, как групповая обида, групповое горе. Женщинам, у которых развивается социальное политическое или общественное сознание, часто приходится иметь дело с коллективной яростью, которая вздымается в них снова и снова.

Если женщина ощущает в себе такую ярость, это здоровая психическая реакция. Столь же здоровая психическая реакция – обратить эту ярость против несправедливости, чтобы обеспечить перемену к лучшему. Нездоровая психологическая реакция – нейтрализовать гнев, чтобы перестать его ощущать, и таким образом не стремиться к развитию и перемене. Коллективная ярость, как и индивидуальная, является учителем. Женщины могут с ней советоваться, задавать ей вопросы – наедине или вместе с другими – и действовать в соответствии со сделанными выводами. Совсем разные вещи – носить в себе застарелую ярость или ворошить ее новой палкой, чтобы выяснить, какую конструктивную пользу можно из нее извлечь.

Коллективную ярость хорошо использовать как мотивацию для поиска или оказания поддержки, как способ вовлечь группы или отдельных людей в диалог или как предлог для того, чтобы потребовать отчета, прогресса, улучшений. Для женщины, которая стремится обрести сознание, это нормальные процессы. Они помогают понять, что для нее важно и нужно. Ведь это характерно для здоровой инстинктивной психики – остро реагировать на неуважение, угрозу, травму. Спонтанная реакция – органичная составляющая науки о коллективных мирах души и психики.

Увязнуть в старой ярости

Если ярость снова становится преградой для творческого мышления и действия, то, когда это случится, необходимо ее смягчить или изменить. Для тех, кто посвятил значительное время работе над своей травмой, нанесенной чьей-то жестокостью, пренебрежением, беспечностью, высокомерием, неведением или даже самой судьбой, приходит время простить, чтобы облегчить душу и помочь ей вернуться к обычному состоянию мира и покоя [10].

Если женщине трудно избавиться от гнева или ярости, причина чаще всего бывает в том, что она использует ярость, чтобы утвердить свою силу. Если поначалу это, может быть, и имело смысл, то теперь ей нужно быть осмотрительной, потому что постоянная ярость – огонь, который сжигает ее насущную энергию. Пребывать в таком состоянии – все равно что мчаться по жизни «выжимая газ», пытаться жить уравновешенной жизнью, когда педаль акселератора нажата до отказа.

Не следует также заблуждаться, считая огонь ярости заменой страстной жизни. Такая жизнь – отнюдь не самая лучшая: это защита, поддержание которой (после того, как необходимость в обороне миновала) обходится очень дорого. Через некоторое время она неудержимо накаляется, загрязняет наши идеи своим черным дымом и мешает нам воспринимать и оценивать.

Я не собираюсь вас обманывать, утверждая, что можно очистить всю ярость за день или за неделю и она исчезнет навсегда. Прошлые страхи и муки периодически восстают в душе снова и снова. Хотя глубокая очистка помогает избавиться от большей части застарелой обиды и ярости, осадок никогда не удается очистить до конца. Но в итоге остается очень легкий пепел, а не всепожирающий огонь. Поэтому очистка остаточной ярости должна стать периодическим гигиеническим ритуалом, который приносит облегчение, ибо сохранять застарелую ярость, когда она становится бесполезной, – значит сохранять постоянную, пусть даже бессознательную тревогу.

Иногда люди ошибочно полагают, что увязнуть в застарелой ярости – значит суетиться и волноваться по пустякам, устраивать сцены, швырять вещи и бить посуду. В большинстве случаев это проявляется совсем не так. Это значит ощущать постоянную усталость,

скрываться под толстым налетом цинизма, отталкивать от себя все, что несет обещание, надежду, ласку. Это значит бояться, что проиграешь, не успев даже открыть рот. Это значит, что вы постоянно готовы взорваться, даже если этого не показываете. Это значит хранить затаенное желчное молчание. Это значит ощущать беспомощность. Но из этого положения есть выход – простить.

«Как это – простить? – скажете вы. – Еще чего!» Но в глубине души вы знаете, что когда-нибудь, в один прекрасный день, кончится именно этим. Может быть, прощение придет вместе со смертью, но все равно придет. Подумайте: многим бывает трудно прощать, потому что их учили, что прощение – единичный поступок, совершаемый, так сказать, в один присест. Это не так. У прощения много слоев, много периодов. В нашем обществе существует представление, будто простить можно только на сто процентов: все или ничего. Еще нас учат, что прощать – значит закрывать глаза, вести себя так, будто ничего не произошло. Это тоже неправда.

Женщина, способная простить на девяносто пять процентов того или то, что причинило ей ущерб или заставило страдать, достойна причисления к лику блаженных, если не святых. Если она прощает на семьдесят пять процентов, а остальные двадцать пять приходится на «не знаю, смогу ли я простить до конца и даже не знаю, захочу ли», то это больше чем нормально. Но и шестидесятипроцентное прощение плюс сорок процентов «не знаю, я не уверена и продолжаю работать над этим» – вполне приличный показатель. Пятидесятипроцентный уровень прощения означает, что работа в самом разгаре. Ну а если он меньше десяти процентов? Это значит, что вы либо только что начали, либо еще не старались по-настоящему.

Но, так или иначе, если вы прошли чуть больше половины пути, остальное придет в свое время, обычно малыми толиками. Самое важное в прощении – это начать и продолжать. А окончание – работа пожизненная. У вас есть вся оставшаяся жизнь, чтобы выполнить меньшую часть. На самом деле, если мы бы сумели все понять, можно было бы и все простить. Но большинству людей, чтобы до этого дойти, необходимо провести долгое время в алхимической купели. Это нормально. У нас есть целительница, а значит, и терпение, чтобы довести дело до конца.

Одним людям благодаря врожденному темпераменту прощение дается легче, чем другим. Для некоторых оно дар, но большинству его приходится осваивать как ремесло. Природная жизнестойкость и чуткость помогает легче смотреть на вещи. Правда, высокая жизнестойкость и высокая чуткость не всегда позволяют легко спускать обиды. Если вы с трудом прощаете, это не значит, что вы плохой человек. А если прощение дается вам легко, это не значит, что вы святая. Каждому свое, и всему свое время.

Чтобы по-настоящему исцелиться, нужно высказать правду, и не только сожаление и боль, но и то, какой ущерб мы потерпели и какой гнев, какое отвращение и желание наказать себя или отомстить в нас зародились. Старая целительница души понимает человеческую природу со всеми ее изъянами и дает прощение, основанное на высказывании неприукрашенной истины. Она не только дает вторую попытку – в большинстве случаев она дает много повторных попыток.

Рассмотрим четыре уровня прощения. Я сама разработала эти стадии и уже много лет использую их в работе с травмированными людьми. Каждая стадия состоит из нескольких слоев. Их можно использовать в любом порядке и столько времени, сколько пожелаете, но я перечисляю их в том порядке, который советую своим пациентам, приступающим к этой работе.

Четыре стадии прощения

Отключиться – сделать передышку
Превозмочь – воздержаться от наказания

Забыть – вычеркнуть из памяти, прекратить пережевывать
Простить – вычеркнуть из списка должников

Отключиться [11]

Чтобы начать прощать, хорошо на время отключиться, то есть временно перестать думать о человеке или событии. Это не значит, что вы оставляете что-то недоделанным, – просто вы устраиваете себе отдых от него. Это помогает не доводить себя до изнеможения, стать сильнее в других областях, испытать в жизни другое счастье.

Это хорошая практика для окончательного освобождения, которое придет позже, вместе с прощением. Расставайтесь с ситуацией, воспоминанием, проблемой столько раз, сколько необходимо. Суть не в том, чтобы не обращать внимания, а в том, чтобы вдали от проблемы стать сильнее и выносливее. Отключиться – значит заняться ткачеством, литературным трудом, уехать на море, заняться учебой или любимым делом, которое придает вам силы, и на время позволить проблеме исчезнуть с вашего горизонта. Это правильно, полезно и целительно. Проблемы пережитой травмы будут донимать женщину гораздо меньше, если она заверит раненую душу, что сейчас даст ей заживляющие снадобья, а вопросом, кто в чем виноват, займется попозже.

Превозмочь [12]

Второй этап – превозмочь, и главное здесь – воздержаться от наказания: не думать о нем и совершенно ничего не предпринимать в этом направлении. Сдерживать себя таким образом чрезвычайно полезно, потому что при этом проблема собирается воедино, а не разлетается по сторонам. Это помогает сосредоточиться к тому времени, когда можно будет перейти к следующим стадиям. Это не значит, что нужно ослепнуть или умереть и потерять защитную бдительность. Это значит, что нужно подарить ситуации каплю милосердия и посмотреть, что из этого выйдет.

Превозмогать – значит иметь терпение, вынести, несмотря ни на что, направить эмоции в другое русло. Это сильные средства. Приложите максимум усилий. Это режим очищения. Не обязательно делать все сразу – можно выбрать что-то одно, скажем, терпение, и упражняться только в нем. Можно воздерживаться от уничижительных высказываний, от ворчания, от неприязненных и враждебных действий. Воздерживаясь от сведения счетов, вы укрепляете целостность действия и души. Превозмогать – значит открывать путь великодушию, позволяя великой сострадательной природе участвовать в том, что раньше вызывало совсем другие эмоции – от мелочного раздражения до ярости.

Забыть [13]

Забыть – значит вычеркнуть из памяти, перестать пережевывать, иными словами – отпустить, ослабить хватку; особенно это касается воспоминаний. Забыть – не значит умертвить свой мозг. Сознательное забывание – это когда вы избавляетесь от события, так, чтобы оно не маячило на переднем плане, а сошло со сцены и ограничивалось задворками вашей памяти.

Занимаясь сознательным забыванием, мы отказываемся извлекать на поверхность огнеопасный материал, отказываемся вспоминать. Забывание – занятие активное, а не пассивное. Это значит: не затрагивать конкретные материалы, не ворошить их снова и снова, не взвинчивать себя навязчивыми мыслями, картинами, эмоциями. Сознательно забывать – значит перестать себя изводить, отказаться от этой привычки и не вспоминать о ней, не оглядываться назад и таким образом жить в новом окружении, творя новую жизнь и новые переживания взамен старых, о которых можно будет думать впредь. Такое забывание не стирает воспоминания, а окончательно успокаивает окружающие память эмоции.

Простить [14]

Есть много способов и уровней прощения, от кого или от чего бы ни исходила обида:

от человека, общества или народа. Важно помнить, что «окончательное» прощение – это не смирение. Это сознательное решение прекратить лелеять неприязнь, в том числе простить долги и отказаться от желания отомстить. Это вы решаете, когда простить и какой использовать ритуал, чтобы ознаменовать это событие. Вы решаете, какой долг объявить не требующим оплаты.

Одни выбирают полное прощение, на веки вечные освобождая человека от какого бы то ни было возмещения ущерба. Другие предпочитают остановить процесс возмещения и отказаться от остатка долга, сказав: «Что было, то прошло, хватит». Еще один вид прощения – отпустить человека, даже если от него не получено никакого возмещения, ни эмоционального, ни какого-либо иного.

Для некоторых людей окончательное прощение означает возможность оказать обидчику снисхождение, и сделать это легче всего, когда нанесенная обида сравнительно невелика. Один из самых глубоких видов прощения – оказать обидчику сострадательную помощь в том или ином виде [15]. Это не значит, что вы должны совать голову в змеиное гнездо, – просто нужно действовать с позиции милосердия, защищенности и подготовленности [16].

Прощение – это вершина процесса, состоящего из отключения, превозможения и забывания. Оно подразумевает отказ не от защиты, а от холодности Одна из глубоких разновидностей прощения – перестать отгораживаться от человека, то есть перестать держаться с ним натянуто, пренебрежительно или холодно и при этом не впадать ни в покровительственный, ни в лицемерный тон. Для души-психики лучше строго ограничить общение с людьми, которых вам трудно видеть, чем вести себя как бездушный манекен.

Прощение – творческий акт. Для этого у вас есть большой набор опробованных временем методов. Можно простить на время, простить до каких-то пор, простить до следующего раза, простить, но не дать больше шансов – это своеобразная новая игра, если есть возможность ее продолжать. Можно дать еще один шанс, еще несколько шансов, дать много шансов, дать шансы при условии. Можно простить часть или половину обиды, а можно всю целиком. Можно устроить всепрощение. Все зависит от вас [17].

Как узнать, что вы простили? Вы ощущаете уже не ярость, а печаль, жалеете человека, а не злитесь на него. У вас в памяти не остается ничего, что можно было бы сказать по этому поводу. Прежде всего, вы понимаете страдание, с которого началась обида. Вы предпочитаете держаться вне толпы. Вы ничего не ждете. Вы ничего не хотите. Вы уже не привязаны за ногу веревкой, которая тянется за вами, куда бы вы ни пошли. Вы свободны. Может быть, у вас не получилось жить «счастливо до конца дней», зато впереди вас несомненно ожидает новый «один прекрасный день».

Глава 13
БОЕВЫЕ ШРАМЫ: ЧЛЕНСТВО В КЛАНЕ РАНЕНЫХ

Слезы – река, которая вас куда-нибудь приведет. Плач разливается рекой вокруг лодки, несущей вашу душевную жизнь. Слезы поднимают вашу лодку с камней, с сухой земли и уносят течением в какие-то другие, лучшие места.

Есть океаны слез, которые женщины так и не выплакали, потому что их научили хранить до гробовой доски отцовские и материнские тайны, мужские тайны, тайны общества и свои собственные. Женский плач считается весьма опасным, ведь он ослабляет замки и засовы на хранимых женщинами тайнах. Но на самом деле для дикой женской души лучше, чтобы женщины плакали, поскольку женские слезы – это посвящение в клан раненых – старое как мир племя женщин всех цветов кожи, всех национальностей, всех наречий, которые испокон веков переживают что-то очень серьезное и все же сохраняют гордость.

У каждой женщины есть своя личная история, такая же непостижимая и сильная, как чудесное создание из волшебной сказки. Но есть одна история, имеющая отношение ко всем женским тайнам, особенно к тем, что связаны со стыдом: она соединяет в себе часть самых

важных историй, разгадке которых женщина может посвятить свое время. Для большинства женщин эти тайные истории – их личные истории, мерцающие не как алмазы в короне, а как черная галька под оболочкой души.

Тайны как убийцы

За свою двадцатилетнюю практику я выслушала тысячи «тайных историй», большинство которых хранилось в тайне многие годы, чуть ли не целую жизнь. Сама ли женщина окружает тайну молчанием, или ей угрожает кто-то гораздо более сильный, она всегда ужасно боится, что, раскрыв тайну, навлечет на себя кару, прослывет недостойным человеком, лишится расположения уважаемых ею людей, а иногда даже опасается физической расправы.

У некоторых женщин тайные истории связаны с тем, что они сказали явную ложь или совершили умышленную низость, и это причинило кому-то неприятность или боль. Но в моем опыте таких случаев немного. Большинство женских тайн связано с нарушением каких-то культурных или нравственных норм, принятых в обществе, религии или личной системе ценностей. Некоторые из таких поступков, событий или предпочтений, особенно затрагивающие женскую свободу в одной из сфер жизни или во всех сразу, общество нередко объявляет постыдно недопустимыми для женщин – но не для мужчин.

Проблема окутанных стыдом тайных историй заключается в том, что они отрезают женщину от ее инстинктивной природы, которая, в большинстве своем, полна радости свободы. Если в душе таится какая-то мрачная тайна, женщина не может даже приблизиться к ней и, по сути, защищает себя от соприкосновения со всем, что могло бы напомнить о ней или еще больше усилить и без того неотступную боль. Это очень распространенный оборонительный маневр. Он, как и последствие травмы, скрыто влияет на выбор, который женщина делает, решая, что предпринимать и чего не предпринимать во внешнем мире: какие книги, фильмы и события впускать или не впускать в свою жизнь, над чем смеяться или не смеяться, какие интересы себе позволить. Тем самым она ограничивает дикую природу, которая должна быть вольна делать что угодно, быть какой угодно, смотреть на что угодно.

Обычно тайны развиваются по тому же сюжету, что и высокая драма. Вот некоторые сюжеты тайн: предательство, запретная любовь, недозволенное любопытство, отчаянные поступки, вынужденные действия, безответная любовь, ревность и отвергнутые чувства, месть и ярость, жестокость к себе или другим, предосудительные страсти, желания и мечты, предосудительные сексуальные склонности и интересы, нежелательная беременность, злоба и ненависть, случайная смерть или увечье, нарушенные обещания, трусость, потеря самообладания, незавершенное дело, неспособность что-то сделать, закулисные интриги и махинации, пренебрежение, злоупотребление. Список можно продолжить, и большинство его пунктов подпадают под категорию плачевных ошибок [1].

Тайнам, как и сказкам и сновидениям, свойственны те же энергетические модели и структуры, что и драме. Но тайны, вместо того чтобы следовать героической структуре, следуют структуре трагической. Героическая драма начинается с того, что героиня отправляется в путь. Иногда у нее еще не наступило психологическое пробуждение. Иногда она слишком добра и не чует опасности. Иногда она уже столкнулась с жестоким отношением и отчаянно бьется, как пойманное животное. Каким бы ни было начало, героиня в конце концов попадает в ту или иную критическую ситуацию, где ее ждут суровые испытания. Затем, благодаря собственной смекалке и тому, что есть люди, готовые за нее заступиться, она обретает свободу и в результате становится сильнее [2].

В трагедии героиня становится жертвой захвата, насилия или сама попадает прямиком в ад и вследствие этого переживает потрясение. Ее криков никто не слышит, или же ее мольбы остаются без ответа. Она теряет надежду, теряет связь с драгоценностью своей

жизни и сдается. Вместо того чтобы одержать триумф над превратностями судьбы и насладиться им или, призвав на помощь мудрость и терпение, сделать правильный выбор, она слабеет и гибнет. Тайна, которую хранит женщина, – это почти всегда героическая драма, без всяких на то оснований превращенная в безвыходную трагедию.

Но есть и хорошая новость. Трагическую драму можно снова превратить в героическую, если открыть тайну, доверить ее кому-нибудь, написать другую концовку, исследовать свою роль в ней и свою способность ее вынести. Эти уроки чреваты в равной степени болью и мудростью. Если мы их переживаем, это триумф высокого и дикого духа.

Постыдные тайны, которые носят в себе женщины, стары, как мир. Каждая женщина, которой доводилось хранить компрометирующую ее тайну, сгорала от стыда. В этой универсальной ситуации сама модель является архетипической: героиня либо была вынуждена что-то сделать, либо, утратив инстинкт, попала в ловушку. Как правило, она бессильна исправить это прискорбное положение. Некое обещание или стыд заставляют ее хранить тайну. Она повинуется, боясь лишиться любви, уважения, средств к существованию. Чтобы еще крепче запечатать тайну, на человека или людей, которые ее разгласят, налагается проклятье. Если тайна будет раскрыта, им грозит нечто ужасное.

Женщинам внушают, что некоторые события, решения и обстоятельства, обычно имеющие отношение к сексу, любви, деньгам, насилию и/или другим обстоятельствам, подстерегающим их на жизненном пути, чрезвычайно постыдны, а потому абсолютно не поддаются искуплению. Это неправда.

Все мы принимаем неправильные решения, воплощая их в слова или в дела, пока не выучимся и не поймем, каковы будут последствия. Ни на нашей планете, ни во Вселенной нет ничего такого, чего нельзя было бы простить. Ничего. «Да нет же, – скажете вы, – тот единственный поступок, который я совершила, совершенно непростителен!» А я вам говорю, ничто из того, что человек может сделать, делает или уже сделал, не входит в категорию непростительного. Ничто.

Самость – это не карающая сила, которая носится повсюду, наказывая мужчин, женщин, детей. Самость – это дикий Бог, который понимает природу живых существ. Часто нам бывает трудно «поступать правильно», особенно если мы отрезаны от основных своих инстинктов, в том числе от интуиции. Тогда нам трудно подумать о последствиях раньше, чем все произойдет. Дикой душе присуще глубокое сострадание, поэтому она это учитывает.

В архетипе тайны некие чары черной сетью накрывают душу женщины, заставляя ее считать, что тайна никогда не должна быть раскрыта и еще что если она ее разгласит, то впредь все порядочные люди при встрече будут клеймить ее позором. Эта дополнительная угроза, как и сам тайный стыд, вынуждает женщину нести уже не одно бремя, а два.

Такая призрачная угроза в ходу только у людей, в чьем сердце гнездится злая тьма. Те же, кто относится к ближним с любовью и теплом, всегда готовы помочь извлечь тайну на свет, поскольку знают: она причиняет боль, которая никогда не утихнет, пока тайное не станет явным.

Мертвая зона

Если женщина хранит тайну, это отгораживает ее от тех, кто мог бы дать ей любовь, помощь и защиту. Таким образом, ей приходится в одиночку нести бремя печали и страха, причем иногда за целую группу, будь то семья или общество. Кроме того, как сказал Юнг, сохраняя тайну, мы отгораживаемся от бессознательного. Там, где есть постыдная тайна, всегда есть мертвая зона в женской душе, место, которое не чувствует и не реагирует надлежащим образом в ответ на смену событий эмоциональной жизни – собственной или чужой.

Мертвая зона тщательно охраняется. Это место, где тянутся бесконечные стены, где каждая из бесчисленных дверей заперта на двадцать замков, а гомункулы, крошечные

создания из женских снов, постоянно заняты тем, что устанавливают новые двери, новые преграды, новые системы безопасности, чтобы тайна не смогла выйти наружу.

Но обмануть Дикую Женщину невозможно. Ей известно о темных узелках в женском сознании, которые крепко-накрепко перевязаны веревками и бечевками. Эти области женского сознания так плотно закрыты, что не реагируют на свет и милосердие. Но душа очень щедра, поэтому тайна, разумеется, все равно выйдет наружу, если не в изреченном виде, то в виде внезапных приступов меланхолии, периодических и беспричинных вспышек ярости; разнообразных спазмов, тиков, болей; в виде болтовни, которая внезапно и необъяснимо сменяется молчанием, а также неожиданных странных реакций на фильмы и даже телевизионную рекламу.

Тайное всегда становится явным, даже если оно высказано не языком слов, а языком тела, причем чаще всего так, что бывает невозможно открыто подойти и оказать помощь. Что же делает женщина, когда видит, что тайное начинает выплывать наружу? Она начинает гоняться за ним, проявляя завидную энергию. Она загоняет, заталкивает, закапывает его обратно в мертвую зону и возводит еще более мощные укрепления. Она созывает своих гомункулов – внутренних стражей и защитников эго – и приказывает построить новые стены, установить новые двери. Потом прислоняется к своей новой душевной гробнице, покрытая кровавым потом и пыхтящая, как паровоз. Женщина, которая хранит тайну, – это измученная женщина.

Мои nagynenik, тетушки, любили рассказывать сказку про такие тайны. Они называли ее «Aranyos Haj» – Златовласка, Девушка с золотыми волосами.

ЗЛАТОВЛАСКА

Жила-была очень странная, но красивая девушка с длинными золотыми волосами, тонкими, как золотые нити. Она была бедна, и не было у нее ни отца, ни матери. Жила она в лесу одна-одинешенька и ткала на станке, сделанном из темных ореховых веток. Тупой грубиян, сын угольщика, пытался силой заставить ее стать своей женой. И тогда, чтобы откупиться, она дала ему часть своих золотых волос.

Он не знал и знать не хотел, что это сокровище для души, а не для наживы, и пошел продавать волосы на базар. Но люди посмеялись над ним и решили, что он спятил.

К вечеру он вернулся разъяренный, убил девушку собственными руками и закопал ее тело у реки. Долгое время никто не замечал, что она пропала, никто не спрашивал, как она живет и здорова ли она. Златовласка лежала в могиле, а волосы ее все росли и росли. Прекрасные волосы поднимались вверх, прорастали сквозь черную землю, ветвились и кустились, пока ее могила не покрылась зарослями золотого тростника. Пастухи срезали тростинки и смастерили свирели, а когда они начали играть, свирели запели не умолкая:

Златовласка-девица в могиле лежит,
А убийца ее сытно ест, сладко спит.
Его руки и сердце, как уголь, черны,
Не видать ему больше красивой жены.

Так убийца девушки с золотыми волосами был обнаружен и справедливо наказан, чтобы все те, кто живет в диких лесах, как мы с вами, снова могли чувствовать себя в безопасности.

На первый взгляд, эта сказка содержит обычные наставления: соблюдать осторожность в безлюдной лесной чаще. Но она несет еще и глубокое внутреннее послание: внутренняя жизнь прекрасной дикой женщины, которую олицетворяют ее волосы, продолжает жить и расти и оставаться источником знаний даже в том случае, если выглядит безмолвной и погребенной. Основные мотивы этой сказки, вероятно, являются фрагментами гораздо более

развернутой древней истории о жизни и воскрешении, посвященной некоему женскому божеству.

Этот фрагмент обладает самобытной красотой и ценностью и к тому же кое-что сообщает нам о природе тайного, а может быть, даже о том, что именно в душе гибнет, когда женскую жизнь не ценят надлежащим образом. В этой сказке тайна – убийство живущей в лесу женщины. Она является олицетворением Коры, [47] вечной девы. Эта сторона женской души олицетворяет желание оставаться в одиночестве. Это мистическое, благое одиночество, ибо Кора поглощена тем, что сортирует и ткет идеи, мысли и дела.

Именно эта независимая дикая женщина больше всего страдает от травм и необходимости хранить тайну; это она олицетворяет неотъемлемое чувство самости, которому для счастья надо совсем немного, эту сердцевину женской души, которая ткет в лесу на станке из черного ореха и тем довольна.

В сказке никто не спрашивает, куда подевалась эта яркая женщина. Так нередко бывает не только в сказках, но и в реальной жизни. В сказке о Синей Бороде родители убитых женщин тоже не ищут своих дочерей. В общественном смысле это явление не требует объяснений. Как ни печально, всем нам известно, что это значит, и многим женщинам понятно такое отсутствие интереса. Женщина, которая хранит тайну, часто ощущает такое же отношение к себе. Даже если люди видят, что ее сердце разбито, они могут случайно или умышленно оставаться слепыми к самому факту ее несчастья.

Но чудо дикой души отчасти в том, что, как бы смертельно женщину ни ранили, какой бы вред ей ни причинили, ее душа продолжает жить, поднимается над землей, а если сложатся благоприятные для души обстоятельства, изольет себя в песне. Она сознательно оценит тяжкий ущерб и начнет возрождаться.

Не правда ли, интересная идея: жизненная сила продолжает расти, даже если внешне женщина совершенно безжизненна? Это – обещание, что даже в самых скудных условиях дикая жизненная сила будет поддерживать жизнь и развитие наших идей, даже если некоторое время они будут оставаться под землей. Придет время, и жизнь пробьется, выйдет на поверхность. Жизненная сила не будет знать покоя, пока не обнаружат останки убитой женщины и не выяснят обстоятельства ее гибели.

Чтобы узнать истинное состояние души и что нужно делать дальше, следует вдохнуть, а потом направить дыхание души, или пневму, в свирель, как это делают пастухи. Тогда вы услышите плач души, а дальше придется копать.

Хотя некоторые тайны делают нас сильнее – например те, которые мы используем как часть стратегии, чтобы опередить соперников в достижении цели, или те приятные тайны, которые хранят только для того, чтобы полнее ими насладиться, – постыдные тайны отличаются от них, как от медали на ленте окровавленный нож. Их нужно извлечь на свет, чтобы сострадательные люди рассмотрели их в благоприятных условиях. Когда женщина хранит постыдную тайну, страшно видеть, какие тяжкие самообвинения и самоистязания она выносит. Все обвинения и кары, которые ей обещаны в случае разглашения тайны, так или иначе падают на нее, даже если она ни словом не обмолвилась, – все это гложет ее изнутри.

Дикая женщина так жить не может. Постыдные тайны делают человека жертвой. Женщина теряет сон, потому что позорная тайна, как острая колючая проволока, раздирает ей нутро, едва она пытается спастись бегством. Постыдные тайны губительны не только для душевного здоровья женщины, но и для ее связи с инстинктивной природой. Дикая Женщина откапывает скрытое, подбрасывает в воздух, ищет повсюду. Закопать и забыть – это не для нее. А если она и закопает, то помнит, что и где, и в скором времени откопает снова.

Если мы скрываем что-то постыдное, это наносит душе глубочайший ущерб. Тайны вторгаются в сновидения. Психоаналитику часто приходится заглядывать за явное, порой

---

[47] Девушка – культовое имя богини Персефоны.

даже за архетип сновидения, чтобы убедиться, что в действительности оно передает ту самую тайну, которую спящая не могла, не осмеливалась предать гласности.

Есть много снов, анализ которых обнаруживает сильные и глубокие чувства, которые спящий не может выразить в реальной жизни. Некоторые их этих снов касаются тайн. Наиболее распространенные сюжеты встречавшихся мне сновидений – это свет, электрический или другой, который мигает и/или гаснет, болезнь, которая поражает спящего после того, как он что-то съел, опасность, от которой не скрыться, и тщетные попытки позвать на помощь, когда голос не повинуется.

Помните canto Hondo, сокровенную песню, и hambre del alma, изголодавшуюся душу? Со временем, благодаря снам и дикой жизненной энергии женщины, эти две силы поднимаются на поверхность души и издают необходимый крик – крик, который освобождает. И тогда женщина обретает голос. Она выпевает, выкрикивает тайну, и ее слышат. Ее душевная основа будет восстановлена.

В традиции этнических и религиозных практик, принятых в нашей семье, сущностный смысл этой сказки и других, на нее похожих, рассматривается как снадобья, которыми лечат тайные раны. В молитвенной разновидности curanderisma их считают ободрением, советом и разрешением. За структурой сказочной мудрости кроется тот факт, что для большинства мужчин и женщин раны, наносимые самости, душе и психике тайнами и другими обстоятельствами, являются частью жизни. И последующих шрамов никак не избежать. Но этим повреждениям можно помочь, и они, несомненно, излечимы.

Есть раны, которые встречаются у всех, и есть типично мужские и типично женские. Аборт оставляет шрам. Выкидыш оставляет шрам. Потеря ребенка любого возраста оставляет шрам. Иногда близость с человеком чревата образованием шрама. Обширные повреждения могут быть следствиями наивного выбора, пребывания в западне, а также правильного, но трудного выбора. Разновидностей шрамов столько, сколько видов душевных ран.

Если мы скрываем что-то тайное, сопряженное со стыдом, страхом, гневом, виной или унижением, это накрепко закрывает все остальные части бессознательного, примыкающие к зоне тайны [3]. Это все равно что перед хирургической операцией сделать обезболивающий укол, скажем, в лодыжку. Обезболивание затрагивает ногу выше и ниже лодыжки, так что все эти области теряют чувствительность. Именно так сказывается на душе сокрытие тайны: возникает постоянный приток в вену обезболивающего препарата, от которого немеет гораздо большая область, чем необходимо.

Какой бы ни была тайна, какая бы боль ни сопутствовала ее сохранению, воздействие на душу оказывается одинаковым. Вот вам пример. Одну женщину, чей муж сорок лет назад покончил с собой через три дня после свадьбы, семья не только вынудила скрыть, что он страдал серьезным психическим заболеванием, но и вынуждала все это время скрывать глубокую печаль и гнев. В результате у нее развилась «мертвая зона», в которую вошли его страдания, ее страдания и гнев на клеймо, наложенное на это событие обществом.

Она позволила родственникам мужа совершить предательство по отношению к себе, согласившись с их требованием никогда не разглашать тот факт, что они многие годы обходились с ним жестоко. Каждый год в день смерти мужа его семья практиковала гробовое молчание. Никто не спросил ее: «Как ты себе чувствуешь? Может быть, хочешь поговорить? Тебе его не хватает? Я знаю, что это так. Давай погуляем или займемся чем-нибудь вместе». Каждый год эта женщина разрывала могилу мужа и хоронила в ней свое горе.

Постепенно она стала избегать других памятных дат: годовщин и дней рождения, в том числе собственных. Мертвая зона росла от центра тайны вширь, включая в себя не только памятные даты, но и распространяясь на праздники и другие события. Женщина стала пренебрегать всеми этими семейными и дружескими встречами, открыто объявляя их пустой тратой времени.

Для ее бессознательного они были пустыми жестами, потому что никто не подошел к ней в тяжелое для нее время. Ее хроническое страдание, сокрытие постыдной тайны,

пробралось в ту область души, которая управляет общением. Чаще всего мы раним других в то место, или близко к тому месту, куда ранили нас самих.

Но если женщина хочет, чтобы ее инстинкты и способности перемещались в душе по-прежнему свободно, она может поверить свою тайну или тайны одному достойному доверия человеку, рассказав о ней столько раз, сколько необходимо. Обычно бывает недостаточно один раз продезинфицировать рану, чтобы забыть о ней, – необходимо промывать и смазывать ее несколько раз, пока не заживет.

Когда тайна, наконец, высказана, душе необходим более красноречивый отклик, чем «Неужели? Это просто ужасно!» или «Что поделаешь, такова жизнь», как со стороны рассказчика, так и со стороны слушателя. Рассказчик должен постараться не умалять проблему, и это счастье, если слушателем окажется человек, который умеет слушать всем своим существом, охать, вздрагивать, ощущать, как боль пронзает его или ее сердце, и не падать духом. Часть исцеления – поведать свою тайну так, чтобы другие были тронуты. Так женщина начинает оправляться от стыда, получая помощь и поддержку, которой ей так недоставало в пору первичной травмы.

В маленьких женских группах, где все доверяют друг другу, я, чтобы вызвать такое общение, прошу женщин собраться и принести фотографии матерей, тетушек, сестер, подруг, бабушек и других женщин, которые им дороги. Мы раскладываем все фотографии. Среди них есть потрескавшиеся, облупившиеся, со следами воды или кофейных чашек, есть разорванные пополам и снова склеенные, есть запечатанные в прозрачную пленку. У многих на обратной стороне красуются старомодные надписи: «Моя прелесть!», «С вечной любовью», «Мы с Джо в Атлантик-сити», «Это я и моя лучшая подружка» или «Девушки из нашего цеха».

Я предлагаю каждой из собравшихся начать со слов: «Это женщины моего рода» или «Это женщины, от которых я многое унаследовала». Женщины смотрят на фотографии своих родственниц и подруг и начинают с глубоким состраданием рассказывать истории и тайны каждой: большие радости, большие обиды, большие муки, большие победы в жизни каждой женщины. Во время нашего общения то и дело наступают минуты, когда приходится сделать паузу, потому что реки слез выносят множество лодок из сухих доков, и мы на время уплываем вместе [4].

Здесь ценно то, что женщины дочиста отстирывают свое белье, раз и навсегда. Общеизвестное правило не стирать семейное белье на людях нелепо, потому что обычно «грязное белье» не стирают даже в кругу семьи. Семейное грязное белье так и лежит в самом темном углу кладовки, навеки храня свои секреты. Настойчивое стремление скрывать все от людей действует как отрава. На самом деле это значит, что у женщины нет вокруг никого, с кем бы можно было поделиться своими горестями.

Многие женские тайные принадлежат к разряду историй, которые бесполезно обсуждать с родными и друзьями: они все равно не поверят или постараются отмахнуться, и у них есть для этого вполне понятная причина. Если они станут обсуждать эти тайны, разбираться в них, стараться помочь, им придется взять на себя часть скорби. Тогда уже не удастся стоять в стороне, сложа руки, не удастся отделаться вздохами и молчанием. Не удастся отделаться советами вроде «Нужно постараться чем-то себя занять и не думать о таких вещах». Подруге, семье, окружающим придется разделить с женщиной скорбь об убитой девушке с золотыми волосами. Им всем придется присоединиться к похоронной процессии. Им всем придется поплакать у могилы. Никому не удастся уклониться, и всем придется пережить тяжелые минуты.

Если женщина уделяет проблеме своего тайного стыда больше внимания, чем другие члены семьи или группы, осознанно страдает только она одна [5]. Психологическая задача семьи – сплачиваться – никогда не бывает выполнена. Однако дикая природа требует, чтобы окружение было очищено от раздражителей и угрожающих факторов, чтобы все, что угнетает, было сведено до минимума. Поэтому обычно женщина рано или поздно все равно призовет на помощь всю свою отвагу, срежет золотую тростинку и сыграет свою тайну

громко и чисто.

Я дам рекомендации, как быть с постыдными тайнами; эти рекомендации основаны на исследовании архетипических советов, почерпнутых из десятков сказок, таких как «Синяя Борода», «Господин Лис», «Жених-разбойник», «Мэри Калейн» [6] и других, в которых героиня так или иначе отказывается хранить тайну и благодаря этому окончательно освобождается. Чтобы снова жить полной жизнью.

Видьте то, что видите. Расскажите кому-нибудь об увиденном. Это никогда не поздно сделать. Если вы чувствуете, что не можете произнести тайну вслух, запишите ее и дайте прочитать. Выберите человека, которому вы инстинктивно доверяете. Гораздо лучше держать банку с червями, которую вы так боитесь открыть, снаружи, чем внутри, где ее содержимое будет медленно гнить. Если хотите, поищите психотерапевта, который умеет обращаться с тайнами. Этот человек должен быть милосердным, не особенно напирать на то, что правильно и что неправильно, понимать разницу между виной и раскаянием и природу скорби и возрождения духа.

Какой бы ни была тайна, мы понимаем, что теперь это часть нашей пожизненной работы. Раскаяние заживляет некогда открытую рану. Но шрам все равно останется. При перемене погоды этот шрам может и болеть. Такова природа подлинной скорби.

Многие годы во всех направлениях классической психологии ошибочно считалось, что скорбь – это процесс, который вы когда-то переживали, может быть в течение года, а потом он завершился; если же по истечении положенного срока человек не может или не хочет расстаться со своим горем, значит, с ним что-то не в порядке. Но мы теперь знаем то, что люди инстинктивно знали многие века: некоторые разновидности обид, потерь и стыда невозможно изжить скорбью; одна из самых долговечных травм, если не самая долговечная, – потеря ребенка вследствие его смерти или разлуки с ним.

Исследуя дневники, которые люди вели долгие годы [7], Пол С. Розенблатт, доктор психологии, обнаружил, что человек может оправиться от самой тяжкой душевной скорби в первые год-два после трагедии, в зависимости от системы поддержки и других факторов. Но и после он продолжает переживать периоды активной скорби. Хотя эти периоды становятся все более краткими и редкими, каждый рецидив по своей интенсивности приближается к той разрывающей душу скорби, которая была вызвана исходным событием.

Эти сведения помогают понять, что длительная скорбь – нормальное явление. Если тайна не высказана, скорбь продолжается и может длиться всю жизнь. Сохранение тайн становится помехой естественному самоисцелению души и духа. Это еще одно объяснение позыва делиться своими тайнами. Рассказывая их и скорбя, мы спасаемся из мертвой зоны и обретаем способность оставить позади погребальный культ, связанный с тайнами. Мы можем горевать, причем горевать глубоко, но выйдем из этого запятнанные слезами, а не стыдом. В итоге мы углубим свое знание, обретем полное понимание и наполнимся новой жизнью.

В минуты скорби Дикая Женщина будет держать нас в объятиях. Она – наша инстинктивная Самость. Она может выносить наши крики, наши стоны, наше желание похоронить себя заживо. Она найдет лучшее лекарство для худших ран. Она будет шептать и бормотать нам на ухо. Она будет терзаться нашей болью. Она вынесет ее. Она не убежит. Хотя останутся шрамы, полезно помнить, что шрам прочнее, чем сама кожа, и лучше переносит удары.

Камзол отпущения

Иногда, работая с женщинами, я учу их мастерить из ткани или других материалов камзол отпущения – длинный, до самого пола. Камзол отпущения – это наряд, на котором в виде рисунков, надписей, всевозможных нашивок и наклеек подробно изображены все бранные слова, которые женщине доводилось выслушать, все оскорбления, все обвинения,

все травмы, все раны, все шрамы. В нем находит выражение ее опыт пребывания в роли козла отпущения. Одним, чтобы сделать такой камзол, достаточно одного-двух дней, другим не хватает и месяца. Он очень помогает подробно вспомнить все обиды, удары и раны, которые выпадают на нашу женскую долю.

Сначала я сделала камзол отпущения для себя. Скоро он стал таким тяжелым, что хоть призывай хор муз, чтобы несли шлейф. Я собиралась сшить этот камзол отпущения, а потом, собрав на него весь душевный хлам, сжечь все сразу и таким образом избавиться от некоторых старых ран. Но, вы знаете, я подвесила его к потолку в коридоре, да так и оставила; и каждый раз, проходя мимо, я чувствовала себя не хуже, а лучше. Я обнаружила, что восхищаюсь ovarios тех женщин, которые, нося на себе такие камзолы, способны ступать гордо, петь, творить и помахивать хвостом.

Я обнаружила такое же отношение у женщин, с которыми работала. Сделав камзолы отпущения, они тоже не хотят с ними расставаться. Они предпочитают сохранить их навсегда, и, чем их камзолы ужаснее, чем больше на них следов крови, тем лучше. Иногда мы также называем их боевыми камзолами, ибо они являют собой свидетельства выносливости, неудач и побед каждой женщины в отдельности и всех женщин в целом.

Есть еще одна хорошая идея: исчислять женский возраст не годами, а боевыми шрамами.

– Сколько вам лет? – иногда спрашивают люди.

– Семнадцать боевых шрамов! – отвечаю я.

Обычно меня понимают сразу и тут же начинают увлеченно подсчитывать собственный возраст по числу боевых шрамов.

Как лакоты, желая запечатлеть события зимы, рисуют значки на звериных шкурах, а науатлы, майя и египтяне вели летописи, в которые заносили великие события, происходившие в племени, войны и победы, так и у женщин есть свои камзолы отпущения, боевые камзолы. Интересно, что подумают о таких летописях наши внучки и правнучки. Я надеюсь, им объяснят, что все это значит.

И пусть здесь не будет недоразумений, потому что вы заработали это трудными решениями своей жизни. Если вас спросят о национальности, этническом происхождении или кровном родстве, улыбнитесь загадочно и скажите: «Я из клана раненых».

Глава 14
LA SELVA SUBTERRANEA: ПОСВЯЩЕНИЕ В ПОДЗЕМНОМ ЛЕСУ

Безрукая девица

Если сказка – семя, то все мы – почва для нее. Просто слушая сказку, мы способны переживать ее так, будто сами являемся ее героиней, которая в конце либо терпит неудачу, либо одерживает победу. Услышав сказку о волчице, мы сами некоторое время бродим, как волчица, и обладаем ее знанием. Услышав сказку про голубку, которая наконец нашла своего птенца, мы некоторое время чувствуем, как бьется сердце в нашей оперенной груди. Если это сказка о том, как была добыта священная жемчужина из пасти девятого дракона, мы испытываем очень явственную усталость и удовлетворенность. Слушая сказку, мы запечатлеваем в себе знание.

У последователей Юнга это называется мистическим соучастием – термин позаимствован у антрополога Леви-Брюля и используется для обозначения отношений, в которых «человек не может отделить себя от воспринимаемого объекта или предмета». Последователи Фрейда называют это явление проективной идентификацией. Антропологи иногда называют его симпатической магией – колдовством, основанным на внушении. Все эти термины обозначают способность сознания на время отделяться от эго и сливаться с иной реальностью, то есть с иным способом восприятия, иным способом понимания. В

нашем роду целители понимают это как переживание и усвоение идей в молитвенном или необычном состоянии сознания и перенос полученных прозрений и знаний в повседневную реальность [1].

«Безрукая девица» – замечательная сказка, в которой мы видим, как из-под более поздних наслоений выглядывают следы древних ночных культов. Она построена таким образом, что слушатель становится участником испытаний на выносливость, которым подвергается героиня, поскольку сказке присуща такая широта, что требуется долгое время, чтобы ее рассказать, и еще более долгое, чтобы ее постичь.

По обычаю я рассказываю эту сказку семь ночей; иногда, в зависимости от слушательниц, это продолжается семь недель, а бывает, что и семь месяцев, причем каждому описанному в сказке испытанию посвящается ночь, неделя или месяц, и для этого есть своя причина.

Эта сказка завлекает нас в мир, который лежит глубоко под корнями деревьев. С этой точки зрения мы видим, что «Безрукая девица» предлагает материал, который женщина может использовать всю свою жизнь. Он касается большинства главных странствий женской души. В отличие от других рассмотренных в этой книге сказок, которые посвящены конкретным задачам длящегося несколько дней или недель конкретного учебного процесса, «Безрукая девица» охватывает многолетний путь – путь, который проходит через всю жизнь женщины. Так что это совершенно особая сказка и, чтобы как следует ее усвоить, лучше всего, прочитав ее, посидеть подольше со своей музой, обдумывая историю эпизод за эпизодом.

«Безрукая девица» – сказка о том, как женщина, пройдя ритуал испытания выносливости, получает доступ в подземный лес. На первый взгляд, слово «выносливость» означает долготерпение, и, хотя это тоже часть лежащей в основе этой сказки задачи, «выносливость» означает еще и способность становиться сильнее, прочнее, долговечнее – в этом и заключается основной пафос этой сказки, а также творческая особенность долгой душевной жизни женщины. Мы идем вперед не просто чтобы идти. Выносливость подразумевает, что мы создаем что-то существенное.

Учение о выносливости пронизывает всю природу. У каждого новорожденного волчонка подушечки лап мягкие, как глина, и только возня, беготня и прогулки с родителями делают их более жесткими. Теперь волчонок может бегать, ходить по острым камням, по жгучей крапиве, даже по битому стеклу, и не поранить лапы.

Я видела, как волчицы купают своих волчат в ледяных ручьях, заставляют их бегать, пока неокрепшие лапы не начнут заплетаться. Так они закаляют маленький дух, наделяя его силой и стойкостью. В мифах обучение выносливости – один из ритуалов Великой Дикой Матери, архетипа Дикой Женщины. Ее извечный ритуал – делать свое потомство сильным. Это она закаляет нас, дает нам силу и выносливость.

Где же происходит такая учеба, где приобретаются подобные качества? Это место – – la selva subterranea, подземный лес, потаенный мир женского знания. Это дикий мир; он расположен под нашим миром, где хозяйничает эго. Находясь там, внизу, мы усваиваем инстинктивный язык, инстинктивное знание. С этой позиции мы понимает то, что не так легко понять с точки зрения верхнего мира.

В нашей сказке девушка осуществляет спуск несколько раз. Завершая один круг спуска и преображения, она попадает в следующий. Это полные алхимические круги, у каждого из которых есть свое нигредо, утрата, рубедо, жертва, и альбедо, наступление света, – этапы, которые следуют друг за другом. И у короля, и у его матери – у каждого есть собственный круг. Весь этот процесс – спуск, потеря, находка и обретение силы – отображает посвящение женщины, длящееся всю ее жизнь, в обновление дикого начала.

В разных концах света сказку о безрукой девице называют по-разному: «Серебряные руки», «Безрукая невеста», «Фруктовый сад». Знатоки фольклора насчитывают более сотни версий этой истории. Ядро литературной версии, которую я здесь привожу, дала мне тетушка Магдалена, великая труженица, с которой мне довелось жить в юности. В

Восточной и Центральной Европе существуют и другие варианты, но, по правде говоря, глубокое женское переживание, положенное в основу этой сказки, можно найти везде, где есть тяга к Дикой Матери.

У моей тетушки Магдалены была своя лукавая манера рассказывать сказки. Произнеся в начале сказки слова: «Это случилось десять лет назад», – она усыпляла бдительность слушателей, а потом переносила действие в средние века, населяя сказку рыцарями, замками и прочими древностями. Или скажет: «Однажды, на той неделе…» – и начнет рассказывать о временах, когда люди еще ходили голыми.

Итак, перед вами древне-современная «Безрукая Девица».

Однажды, несколько дней тому назад, жил-был один человек, и был у него большой жернов, которым он молол зерно для всей деревни. Пришла для мельника тяжелая пора, и не осталось у него ничего, только старый жернов в остове мельницы да цветущая яблоня за ним.

Взял он как-то свой среброгубый топор и пошел в лес нарубить дров. Вдруг вышел из-за дерева незнакомый старик и говорит:

– Зачем тебе мучиться, рубить деревья? Я осыплю тебе богатствами, если отдашь мне то, что у тебя за мельницей.

«Нет у меня за мельницей ничего, кроме цветущей яблони», – подумал мельник и согласился.

– Через три года я приду и заберу то, что мне причитается, – ухмыльнулся старик, заковылял прочь и исчез между деревьями.

По пути домой мельник встретил жену – она выбежала ему навстречу простоволосая, в развевающемся переднике.

– Муженек, муженек! В мгновение ока в наш дом пришло богатство: новые часы на стене, обитые бархатом стулья взамен деревянных, шкафы ломятся, ящики и бочки полным-полны! Прошу тебя, скажи, как это произошло?

Не успела она это сказать, как на пальцах у нее засверкали золотые кольца, а на голове – золотой обруч.

Мельник только ахнул. Его старый камзол из домотканого стал атласным, и старые деревянные башмаки, каблуки у которых были до того сношены, что носы задирались вверх, тоже преобразились.

– Это все подарки незнакомца, – с трудом выговорил он. – Я встретил в лесу старика в темном плаще, и он пообещал мне богатство, если я отдам ему то, что у нас за мельницей. Ведь мы можем посадить и другую яблоню, правда, женушка?

– Что же ты наделал, муженек? – вскрикнула жена и побледнела, как мертвая. – Человек в черном – это сам дьявол. За мельницей и правда стоит яблоня, да только там еще и наша дочь – подметает двор ивовым веником!

Несчастные родители пошли домой, всю дорогу роняя слезы. Дочь их три года оставалась в девицах, а нравом была нежна, как первые летние яблоки. В тот день, когда за ней пришел дьявол, она умылась, надела белую рубаху и встала посередине круга, который начертила мелом. Когда дьявол протянул руку, чтобы ее схватить, невидимая сила отшвырнула его на другой конец двора.

– Пусть не смеет больше умываться, – крикнул дьявол, – а то мне никак к ней не подойти!

Девица и ее родители перепугались до смерти. Так прошло несколько недель. Бедняжка не умывалась, так что волосы ее свалялись, ногти стали походить на черные полумесяцы, кожа посерела, одежда потемнела от грязи и стояла колом.

Когда девица стала совсем походить на зверя, явился дьявол. Но девушка плакала не переставая. Слезы стекали по пальцам, струились по рукам, и было их так много, что ее грязные руки снова стали чистыми и белоснежными. Дьявол страшно разъярился.

– Отрубите ей руки, иначе мне к ней не подойти! Отец был в ужасе.

– Ты хочешь, чтобы я отрубил руки собственной дочери?

– Делай, что тебе сказано, а не то здесь все умрет: и ты, и твоя жена, и все поля, которые можно охватить глазом, – рявкнул дьявол.

Отец до того перепугался, что послушался и, попросив у дочери прощения, стал точить свой реброгубый топор. Девица покорилась своей участи и молвила:

– Я твоя дочь, делай, что тебе приказано.

Так он и сделал, и никто не мог сказать, кто громче плакал от горя – девица или ее отец. Так закончилась для девицы привычная жизнь.

Когда дьявол пришел снова, девица так заливалась слезами, что обрубки рук снова стали чистыми, и когда дьявол попытался ее схватить, его опять отшвырнуло через весь двор.

Изрыгая такие проклятия, что в лесу вспыхнуло пламя, дьявол исчез навсегда, потому что потерял все права на девицу.

Отец и мать постарели на сто лет. Как и все, кто живет в лесу, они продолжали держаться изо всех сил. Отец предложил дочери прекрасный замок, полный сокровищ, но девица сказала, что ей больше подобает просить подаяние и полагаться на милость других. Она обвязала руки чистой белой тканью и на рассвете ушла из той жизни, к которой привыкла.

Так она шла и шла. Полуденное солнце стало припекать, и струйки пота промыли светлые дорожки на ее темном лице. Ветер растрепал ей волосы, так что они стали походить на неряшливое сорочье гнездо. Посреди ночи она подошла к королевскому саду, где висящие на деревьях плоды поблескивали в лучах луны.

Войти в сад она не могла, потому что он был окружен рвом. Тогда бедняжка упала на колени, потому что обессилела от голода. Вдруг явился призрак в белом одеянии и, закрыв ворота шлюза, спустил воду из рва.

Девушка стала бродить между грушевыми деревьями и каким-то образом поняла, что каждая прекрасная груша сосчитана и пронумерована, и все они охраняются. Но вдруг ветка сама, поскрипывая, склонилась к ней, предлагая висящий на самом ее конце сочный плод. Безрукая девица приблизила уста к золотистой кожице груши и стала есть, стоя в лунном свете: руки обмотаны белой марлей, волосы всклокочены – не девушка, а пугало воронье.

Садовник все видел, но понял, что девицу охраняет призрак, и не стал ей мешать. Съев одну-единственную грушу, она перебралась через опустевший ров и устроилась на ночлег в лесной чаще.

На следующий день пришел король и стал пересчитывать свои груши. Недосчитавшись одной, он обыскал весь сад, но так и не нашел исчезнувшего плода. Тогда садовник сказал:

– Этой ночью два привидения осушили ров, вошли в сад, когда луна стояла высоко в небе, и одно из них, в облике безрукой женщины, съело грушу, которая сама к нему опустилась.

Король решил, что ночью сам будет сторожить. Когда стемнело, он пришел вместе с садовником и чародеем, который умел разговаривать с духами. Все трое сели под деревом и стали ждать. В полночь из леса появилась девица: на теле грязные лохмотья, волосы всклокочены, лицо в полосках грязи, кисти рук отрублены – и с ней призрак в белом одеянии.

Они вошли в сад тем же способом, что и накануне. И снова дерево плавно склонило ветку, чтобы девушка смогла достать плод, и та стала откусывать понемногу от росшей на конце ветки груши.

Чародей подошел поближе, но не слишком близко, и спросил:

– Из сего ты мира или из иного?

– Когда-то я была из мира сего, – отвечала девица, – а теперь не из мира сего.

– Кто это, женщина или дух? – спросил чародея король.

Тот ответил, что и то и другое сразу. Сердце короля встрепенулось, он подбежал к девушке и воскликнул:

– Я не покину тебя! Отныне я буду о тебе заботиться!

Он отвел ее в замок и сделал для нее пару серебряных рук. А потом вышло так, что король взял безрукую девицу в жены.

Но вот пришло время королю ехать на войну в дальние страны, и он попросил мать позаботиться о юной королеве, которую любил всем сердцем.

– А если она родит дитя, немедля пошлите ко мне гонца.

Юная королева благополучно родила здорового младенца, и королева-мать послала к сыну гонца, чтобы сообщить ему добрую весть. Но в пути гонец устал и, когда подъехал к реке, его стал одолевать сон и под конец совсем одолел, так что он прилег на берегу. Тут из-за дерева вышел дьявол и подменил письмо. Теперь в нем говорилось, что королева родила полуребенка-полусобаку.

Прочитав его, король ужаснулся и отослал гонца обратно, написав матери, чтобы та была нежна с молодой королевой и позаботилась о ней в это трудное время. Когда гонец снова подъехал к реке, его так разморило, будто он перебрал на пиру, и он уснул на берегу. Тут опять появился дьявол и подменил письмо, так что теперь оно гласило: «Убейте королеву вместе с ребенком».

Королеву-мать потрясло распоряжение сына, и она послала гонца за подтверждением. Гонцы скакали взад-вперед и каждый раз засыпали у реки, а дьявол подменял письма, которые с каждым разом становились все ужаснее. В последнем было написано: «Сохраните язык и глаза королевы как доказательство того, что она убита».

Королева-мать не могла допустить, чтобы кроткая молодая королева погибла. Она велела убить лань, взяла язык и глаза и спрятала. Потом помогла молодой королеве привязать ребенка к груди и, закрыв ей лицо покрывалом, велела бежать ради спасения своей жизни. Женщины заплакали и поцеловались на прощание.

Молодая королева скиталась, пока не забрела в такой глухой, дремучий лес, какого в жизни не видывала. Она бродила взад-вперед и по кругу, но никак не могла найти тропинку. Когда стало темнеть, появился знакомый призрак в белом и отвел ее на бедный постоялый двор, который держали добрые лесные жители. Другая девица в белом пригласила королеву внутрь и назвала ее по имени. Ребенка уложили спать.

– Как вы узнали, что я королева? – спросила безрукая девица.

– Мы, лесные жители, это видим, госпожа. А теперь отдыхай. Королева с сыном прожила на постоялом дворе семь счастливых лет. Руки ее постепенно отросли: сначала это были младенческие ручки, розовые как жемчуг, потом руки девочки и наконец женские руки.

За это время король вернулся с войны. Увидев его, старая мать заплакала:

– Зачем ты заставил меня погубить две невинные души? – и показала глаза и язык.

Выслушав ужасную историю, король зашатался и неутешно зарыдал. Видя его скорбь, мать сказала, что то были глаза и язык лани и что она отослала королеву с ребенком в лес.

Король поклялся не есть и не пить и, чтобы найти их, скитаться до тех пор, пока небо не изменит свой цвет. Он искал семь лет. Руки его почернели, борода стала бурой, как мох, веки покраснели и потрескались. Все это время он не пил и не ел, но какая-то великая сила помогла ему выжить.

Наконец он добрался до постоялого двора, который держали лесные жители. Женщина в белом пригласила измученного путника войти, и он прилег отдохнуть. Та же женщина закрыла ему лицо покрывалом, и он уснул. От его дыхания покрывало вздымалось и опадало и наконец соскользнуло. Король проснулся и увидел, что на него смотрят прелестная женщина и миловидный ребенок.

– Я жена твоя. А это твое дитя, – молвила она.

Король жаждал поверить, но не мог: у женщины были руки!

– Я перенесла столько мук и тревог, что руки отросли, – сказала девица. А женщина в белом принесла серебряные руки, которые хранились в сундуке.

Король встал и обнял жену и ребенка, и в тот день в лесу был большой праздник.

Все духи и постояльцы отлично повеселились. А потом король и королева с ребенком

вернулись к матери, обвенчались во второй раз и народили еще много детей. Каждый из них рассказал эту историю сотне людей, а те еще сотне, и вы тоже из сотни тех, кому я ее рассказала.

Этап первый: сделка по неведению

На первом этапе сказки предприимчивый и жадный мельник заключает неудачную сделку с дьяволом. Он задумал разбогатеть, но слишком поздно узнал, что цена будет непомерно высока. Он полагал, что отдаст за богатство яблоню, а оказалось, что придется отдать дьяволу дочь.

В архетипической психологии мы считаем, что все элементы сказки изображают аспекты души одной женщины. Поэтому, если подходить к этой сказке как душе женщины, нужно для начала задать себе такой вопрос: «Какую неудачную сделку заключает каждая женщина?»

Хотя в зависимости от обстоятельств ответы могут быть разными, есть один ответ, общий для всех женщин. Хотя нам очень не хочется в этом признаваться, самую неудачную в жизни сделку мы снова и снова заключаем тогда, когда отказываемся от жизни, исполненной глубокого знания, ради гораздо менее ценной: когда жертвуем своими зубами, когтями, здравым смыслом, чутьем; когда отдаем свою дикую природу в обмен на обещание чего-то такого, что кажется богатым, но оказывается пустым. Как отец из сказки, мы заключаем эту сделку, не ведая, какую печаль, боль и беду она нам принесет.

Мы можем быть умны в житейских делах, и все же дочь почти каждой матери, дай ей хотя бы полшанса, первым делом заключит неудачную сделку. Такая ужасная недальновидность обусловлена глубоким и полным смысла парадоксом. Хотя плохой выбор может выглядеть как собственно саморазрушительный акт, гораздо чаще он переходит в поворотное событие, которое приносит огромные, позволяющие преобразовать энергию инстинктивной природы возможности. Поэтому, несмотря на утраты и печаль, неудачная сделка, как и рождение и смерть, являет собой довольно утилитарный, запланированный Самостью шаг с обрыва, дабы помочь женщине погрузиться в свою дикость.

Инициация женщины начинается с неудачной сделки, которую она заключила несколько лет назад, когда еще находилась в полусне. Выбрав то, что поманило богатством, она взамен пожертвовала властью над некоторыми, а иногда и всеми элементами своей эмоциональной, творческой и инстинктивной жизни. Этот полусон женской души есть состояние, которое можно сравнить с сомнамбулизмом. Мы ходим, разговариваем и в то же время спим. Мы любим, мы работаем, но то, что мы выбираем, свидетельствует о нашем состоянии – страстные, любознательные, добрые и мятежные стороны нашей природы еще не вполне пробудились.

Именно в таком состоянии находится в этой сказке дочь. Это прелестное, невинное создание. Однако она может так и провести всю жизнь, подметая двор за мельницей, размахивая метлой туда-сюда, туда-сюда, и никогда не прийти к знанию. В ее метаморфозе отсутствует метаболизм.

Итак, сказка начинается с ненамеренного, но тяжкого предательства юной женственности, невинности [2]. Можно сказать, что отец, символ той функции души, которая должна быть нашим проводником во внешнем мире, по сути, сам совершенно не представляет себе взаимодействия внешнего и внутреннего миров. Если отцовская функция души несведуща в душевных проблемах, мы легко оказываемся жертвами предательства. Отец не осознает одной из важнейших вещей, которая является связующим звеном между миром души и миром материи: многое из того, что предстает перед нами, совсем не такое, каким кажется на первый взгляд.

Посвящение в это знание – это посвящение, которого никто из нас не желает, хотя это именно то посвящение, которое все мы получим, раньше или позже. Очень многие сказки:

«Красавица и чудовище», «Синяя Борода», «Рейнеке-лис» – начинаются с того, что отец подвергает дочь опасности [3]. Но несмотря на то, что отец, не ведая о темной стороне мира бессознательного, заключает ужасную сделку, для женской души этот страшный миг знаменует драматическое начало: грядущее обретение знания и проницательности.

В этом мире ни одной душе не позволено навеки оставаться невинной. Ради нашего же процветания наша же инстинктивная природа заставляет нас принять факт, что все в мире не таково, каким кажется на первый взгляд. Эта дикая творческая природа вынуждает нас познакомиться со многими состояниями бытия, восприятия и познания. Это те многочисленные средства, которые Дикая Женщина использует для общения с нами. Потеря и предательство – первые нетвердые шаги долгого процесса посвящения, который приводит нас в la selva subtermnea, подземный лес. Там, иногда впервые в жизни, мы получаем возможность не натыкаться больше на стены, которые сами же воздвигли, а научиться проходить сквозь них.

Если в современном обществе на женскую потерю невинности часто не обращают внимания, то в подземном лесу к женщине, которая рассталась со своей невинностью, относятся по-особому – отчасти потому, что она потерпела ущерб, но главным образом – потому, что ее это не остановило, она изо всех сил старается понять, содрать слои своих впечатлений и защитных реакций, чтобы увидеть, что же скрывается под ними. В подземном мире ее потеря невинности рассматривается как ритуал перехода [4]. Здесь приветствуют тот факт, что она обрела способность видеть более ясно. То, что она выстояла и продолжает учиться, придает ей особое положение и достоинство.

Неудачная сделка показательна не только для психологии юной женщины – она характерна для женщины любого возраста, которая не получила посвящения или застряла на стадии неполного посвящения. Как женщина попадает в ситуацию неудачной сделки? В начале сказки мы видим мельницу и мельника в качестве символов. Как и они, душа перемалывает идеи, измельчает представления, превращая их в полезный продукт питания. Она вбирает сырой материал в виде идей, чувств, мыслей и впечатлений и раскрывает их, чтобы сделать пригодными для питания.

Эту способность души часто называют обработкой. Занимаясь обработкой, мы сортируем весь сырой душевный материал, все то, что мы узнали, услышали, прочувствовали и пожелали за конкретный период времени. Мы измельчаем все это и спрашиваем: «Как мне использовать это наилучшим образом?» Мы использует эти обработанные идеи и энергии, чтобы выполнять свои самые сокровенные задачи и воплощать свои творческие замыслы. Благодаря этому женщина остается бодрой и крепкой.

Но в сказке мельница не мелет. Мельник души остался без работы. Это значит, что со всем сырьем, которое ежедневно поступает в нашу жизнь, ничего не делается и что все крупицы знания, которые летят нам в лицо из мира земного и подземного, не усваиваются. Если у мельника [5] нет работы, это значит, что в чем-то очень важном душа перестала себя питать.

Помол зерна связан с творческой потребностью. По той или иной причине творческая жизнь женской души переживает застой. Женщина, которая ощущает себя подобным образом, чувствует, что она больше не благоухает идеями, не пылает замыслами, не мелет тонко-тонко, чтобы обнаружить суть вещей. Ее мельница остановилась.

По-видимому, существует естественный сон, который находит на людей в определенные периоды жизни. На опыте борьбы с собственным сном и многолетней работы с одной и той же группой одаренных детей я убедилась, что такой сон начинает одолевать детей, когда им около одиннадцати лет. Именно тогда они начинают придирчиво сравнивать себя с другими. В эту пору их ясные глаза затуманиваются, и они, как перекати-поле, находятся в постоянном движении и все же часто жалуются, что умирают от холода. Независимо от того, дерзки эти дети или слишком хорошо воспитаны, они совершенно не реагируют на то, что происходит у них в душе, и постепенно их чуткую, ясноглазую природу затуманивает сон.

Предположим теперь, что в такую пору нам предлагают что-то даром. И мы каким-то образом умудряемся убедить себя, что, если и дальше будем спать, нам что-то перепадет. Женщины знают, что я имею в виду.

Если женщина приносит в жертву свой инстинкт, который подсказывает ей, когда нужно говорить «да» и когда «нет»; если она теряет проницательность, интуицию и другие дикие качества, то оказывается в ситуации, которая сулит золото, но в итоге приносит горе. Есть женщины, которые променяли творчество на смехотворный брак по расчету или отказались от мечты всей своей жизни, чтобы стать «слишком хорошей» матерью, дочерью или девочкой, или пожертвовали истинным призванием во имя жизни, которая, как они надеялись, будет более приемлемой, удачной и, особенно, более здоровой.

Так мы теряем свои инстинкты. Вместо того чтобы наполнить жизнь возможностью просветления, мы закрываем ее от света. Наша внешняя способность прозревать природу вещей и наше внутреннее видение мирно спят, и поэтому, когда в нашу дверь стучится дьявол, мы, так и не просыпаясь, открываем и впускаем его.

Дьявол – это символ темной силы души, хищника, которого в этой сказке поначалу не узнают. Этот дьявол – архетипический злодей, который нуждается в свете, жаждет его и высасывает из других. Если предположить, что дьявол получил бы свет, то есть жизнь, а с ней и возможность любви и творчества, то он перестал бы быть дьяволом.

В этой сказке дьявол появляется потому, что его привлекает мягкий свет юной девушки. Это не просто свет, а свет девичьей души, томящейся в сомнамбулическом состоянии. Что за лакомый кусочек! Ее свет сияет щемящей сердце красотой, но сама она не осознает своей значимости. Такой свет, будь то сияние женской творческой жизни, ее дикой души, физической красоты, ума или щедрости, всегда привлекает хищника. Такой свет, к тому же неосознанный и незащищенный, всегда является легкой добычей.

Как-то я работала с женщиной, которую использовали все: муж, дети, мать, отец, чужие люди. Ей было сорок лет, и она все еще не преодолела ту стадию развития души, на которой происходит сделка/предательство. Ее доброта, теплое, приветливое обращение, приятная манера не только привлекали тех, кто таскал у нее угли, но и собирали у ее душевного огня такую толпу, что ей самой вообще не удавалось воспользоваться собственным теплом.

Неудачной сделкой, которую она заключила, была ее привычка никогда не говорить «нет» – чтобы все и всегда ее любили. Обитавший у нее в душе хищник пообещал ей золото всеобщей любви, если она откажется от инстинктов, которые говорят: «Хорошенького понемножку». Она полностью осознала, что делает с собой, когда ей приснился сон, в котором она ползала в толпе на коленях, стараясь сквозь лес ног добраться до драгоценной короны, которую кто-то забросил в угол.

Так инстинктивный слой души подсказал ей, что она утратила власть над собственной жизнью и, чтобы вернуть ее обратно, придется поползать на коленях. Чтобы вернуть себе корону, этой женщине пришлось пересмотреть время, внимание и щедрость, которые она уделяла другим.

Цветущая яблоня символизирует прекрасную сторону женщины, ту сторону ее натуры, корни которой уходят в мир Дикой Матери, где они получают питание из глубины. Дерево – архетипический символ индивидуации; оно считается бессмертным, поскольку его семена продолжают жить, его корневая система дает приют и возрождает, оно является родным домом всей пищевой цепи жизни. Как и у женщины, у дерева тоже есть свои времена года и стадии развития: у него есть зима и весна.

В северных лесных краях фермеры называют своих кобыл и собак девочками, а цветущие яблони – дамами. Фруктовые деревья – это обнаженные юные женщины весны, «первый аромат», как говорят в наших местах. Из всех примет весны благоухание цветущих фруктовых деревьев перевешивает и тройные прыжки ошалевших малиновок во дворе, и молодые всходы, торчащие из черной земли, как маленькие язычки зеленого пламени.

Еще про яблони говорят: «Вырви глаз ранний плод, а бочок словно мед». Это значит, что у яблока двойная природа. Ранним летом оно на вид круглое и румяное, будто

обрызганное рассветом, а на вкус – кислое-прекислое, челюсти сводит. Но ближе к осени ешь яблоко – будто сосешь сладкую карамель. Яблоня и девушка – взаимозаменяемые символы женской Самости, а плод – символ питания и созревания нашего понимания этой Самости. Если наше знание повадок собственной души не созрело, оно не может нас питать. Как и яблоко, оно должно созреть, а корни должны как следует разрастись; должен пройти сезон, а то и несколько. Пока чувство девичьей души не пройдет испытания, в нашей жизни больше ничего не сможет произойти. Если же мы вырастим подземные корни, то сможем достичь зрелости и обеспечить питанием свою душу, Самость и психику.

Да, цветущая яблоня – метафора плодородия. Но, что еще важнее, она олицетворяет глубоко чувственную творческую потребность и созревание идей. Все это – работа la curanderas, женщин-волшебниц, которые живут в глубоких ущельях и в montagnas, горах, бессознательного, ведут там раскопки и доставляют нам свои находки. Мы перерабатываем то, что они нам дают, и в результате возникает мощное пламя, возникают чуткие инстинкты и глубокое знание, мы развиваемся и растем вглубь – как во внутреннем мире, так и во внешнем.

Здесь дерево символизирует богатство дикой и свободной природы в женской душе, однако сама душа не осознает этой драгоценности. Можно сказать, что вся душа охвачена сном и не видит огромных возможностей женской природы. Говоря о женской жизни в связи с символом дерева, мы имеем в виду цветущую женскую энергию, которая принадлежит нам и периодически приходит, уходит и вновь возвращается, поскольку в душе за зимой всегда следует весна. Без обновления этого цветущего импульса в нашей жизни надежда скрывается из виду и земля нашего сознания и сердца остается пустой. Цветущая яблоня – наша сокровенная жизнь.

Мы убеждаемся, что душа трагически недооценивает юную стихийную женственность, когда отец говорит о яблоне: «Ведь мы можем посадить другую». Душа не узнает собственную богиню-создательницу в облике цветущего дерева. Юная самость переходит в чужие руки из-за непонимания ее ценности и роли главной посланницы Дикой Матери. Однако именно неведение приводит к началу посвящения, которое становится испытанием на выносливость.

Безработный мельник, оказавшись в тяжелом положении, стал рубить дрова. А рубить дрова – работа нелегкая, ведь так? Приходится изрядно помахать топором. Но эта работа символизирует богатые душевные ресурсы, способность обеспечивать энергией свои задачи, развивать свои замыслы, осуществлять свои мечты, какими бы они ни были. Поэтому, когда мельник начинает рубить лес, мы понимаем, что душа занялась очень трудной работой – обеспечением света и тепла для себя.

Но жалкое эго всегда ищет легких путей. Когда дьявол предлагает мельнику избавить его от тяжкого труда взамен на свет сокровенной женственности, мельник по неведению соглашается. Так мы решаем собственную судьбу. Где-то в холодной глубине души мы стреляные воробьи: мы знаем, что преображения без работы не бывает. Мы знаем, что так или иначе придется сгореть дотла. А потом посидеть на пепелище того, чем мы себя считали раньше, и оттуда начать новый путь.

Но другая сторона нашей натуры – та, что больше любит мечтать, – надеется, что этого не случится, надеется, что тяжелая работа прекратится и можно будет снова погрузиться в сон. Когда появляется хищник, мы уже предназначены ему в жертву: мы с готовностью вообразили, что есть более легкий путь.

Если мы перестанем рубить лес, душе отрубят руки, ведь если душа не трудится, ее руки отмирают. Но желание отделаться от тяжкого труда так характерно для людей и так распространено, что можно только подивиться, встретив человека, который отказался бы от такого договора. Этот выбор столь обычен, что если начать перечислять женщин (или мужчин), которые предпочли перестать рубить лес и заняться чем-нибудь полегче, взамен дав отсечь себе руки – то есть власть над собственной жизнью, – процесс затянулся бы очень надолго.

Например, женщина выходит замуж из неверных побуждений и отсекает свою творческую жизнь. Женщина имеет одну сексуальную ориентацию, но принуждает себя к другой. Женщина хочет куда-то идти, кем-то быть, сделать что-то большое, но сидит дома и перебирает вырезки из газет. Женщина хочет жить полной жизнью, но собирает маленькие обрывки жизни, будто кусочки веревки… Женщина – целостное существо, но она отдает руку, ногу или глаз каждому любовнику, которого встретит. Женщину переполняет яркая творческая энергия, и она приглашает друзей-вампиров к своему источнику. Женщина должна как-то жить дальше, и что-то в ней говорит: «Попасть в ловушку – значит быть в безопасности». Это и есть дьявольское «я тебе то, а ты мне это» – сделка по неведению.

Таким образом то, что должно было быть питающим и цветущим деревом души, теряет силу, теряет цвет, теряет энергию, оказывается проданным, вынуждено расстаться со своим потенциалом, не понимая, что сделка уже заключена. Почти всегда все эти драматические события начинаются и упрочивают свою власть без ведома женщины.

Однако необходимо подчеркнуть, что именно отсюда начинается каждая из нас. В этой сказке отец олицетворяет точку зрения внешнего мира, коллективный идеал, который вынуждает женщину быть не дикой, а слабой. Но никто не будет вас винить или стыдить, если вы отдали цветущие ветви. Да, это принесло вам страдание, я в этом не сомневаюсь. Возможно, вы отдали их на годы, даже на десятки лет. Но все равно надежда есть.

Мать в этой сказке сообщает душе о том, что случилось. Она говорит: «Проснись! Что ты наделал!» И все просыпаются, да так быстро, что это приносит боль [6]. Но все равно это добрая весть, ведь нерешительная мать души, та самая, которая некогда помогала ослабить и притупить работу чувств, только что проснулась и постигла ужасный смысл сделки. Теперь боль женщины стала осознанной. Осознав свою боль, женщина может с ней что-то сделать. Она может использовать ее, чтобы учиться, стать сильнее, стать мудрой женщиной. Пройдет время, и мы узнаем еще более добрую весть: отданное можно вернуть, можно снова поместить его на законное место в душе. Вы сами в этом убедитесь.

Этап второй: отсечение

Во второй части сказки родители плетутся домой и обливают слезами свои обновки. Проходит три года, и дьявол является, чтобы забрать дочь. Она умылась и надела белое платье. Она встала в середину круга, который начертила вокруг себя мелом. Когда дьявол протягивает руки, чтобы схватить ее, какая-то неведомая сила отбрасывает его на другой конец двора. Он велит девушке больше не умываться. Она становится похожа на зверя, но потом орошает свои руки слезами, и дьявол опять не может до нее дотронуться. Он велит отцу отрубить девушке руки, чтобы она не могла на них плакать. Отец повинуется, и на этом для девушки заканчивается привычная жизнь. Но она орошает слезами обрубки рук, и дьявол, снова не сумев ее одолеть, сдается.

Учитывая сложность обстоятельств, девушка отлично справилась. И все же, пройдя этот этап, мы впадаем в оцепенение, осознав, что с нами случилось: мы подчинились воле хищника и перепуганного отца и в итоге потеряли руки.

После этого дух начинает двигаться вместе с нами, стремиться вместе с нами, ходить вместе с нами, но при этом ничего не ощущает. Мы цепенеем, когда понимаем, что произошло. Мы боимся выполнить сделку. Мы думали, что наши внутренние отцовские структуры должны всегда сохранять бдительность и чуткость и охранять цветущую душу. Теперь мы видим, что бывает, когда они не выполняют своих обязанностей.

Между заключением сделки и возвращением дьявола проходит три года. Эти три года – время, когда женщина не способна ясно осознавать тот факт, что сама является жертвой. Она – благовония, которые сожгли, чтобы ознаменовать неудачную сделку. В мифологии трехлетний период – это время набора силы, как в те три года зимы, после которых, согласно скандинавским мифам, наступил Рагнарёк, гибель богов. В подобных мифах случается тот

или иной трехлетний период, после чего происходит катастрофа, а потом из руин рождается новый мир покоя [7].

Это количество лет символизирует пору, когда женщина недоумевает, что будет с ней дальше, недоумевает: а вдруг то, чего она больше всего боится – что ею полностью овладеет губительная сила, – действительно случится. Этой модели соответствует сказочная символика числа три: первая попытка неудачна, вторая – тоже. Подошла очередь третьей – теперь что-то непременно случится!

Скоро энергия наконец всколыхнется, в душе поднимется достаточно сильный ветер, чтобы унести корабль души далеко-далеко. Лао-цзы [8] говорит: «Из одного получается два, из двух – три, а из трех – десять тысяч». Ко времени, когда для нас настает «третья» сила, то есть миг преображения, атомы срываются с места и застой мгновенно уступает место движению.

То, что девушка три года остается без мужа, можно понимать в том смысле, что душа переживает инкубационный период, когда отношения были бы слишком затруднительны и к тому же отвлекали бы от главного. Задача этих трех лет – стать как можно сильнее, использовать все душевные ресурсы в собственных целях, обрести как можно большую осознанность. Это значит выйти из круга страдания и посмотреть, что все это значит, что получается, по какой схеме развивается, присмотреться к другим, кто, следуя той же схеме, сумел все это пережить, и подражать им в том, что кажется нам разумным.

Именно такое изучение ситуации и выходов из нее помогает женщине остаться верной себе, и это правильно, ибо, как мы увидим дальше, задача девушки – найти себе жениха в нижнем мире, а не в верхнем. Задним умом женщина видит, что подготовка к спуску, которая сопутствует инициации, шла долго, порой несколько лет, и вот внезапно она летит с обрыва в быстрину, чаще всего от чьего-то толчка, но иногда и сама, изящно нырнув со скалы – правда, это бывает очень редко.

Иногда этот период времени бывает отмечен тоской. Женщины часто говорят: у меня такое настроение, что невозможно приложить руку ни к чему, будь то работа, любимый человек, время, творчество. Трудно сосредоточиться. Трудно что-то сделать. Такое нервное беспокойство типично для этого этапа духовного развития. В свое время – причем очень скоро – мы придем на край обрыва, с которого необходимо упасть, шагнуть или нырнуть.

В этой части сказки мы видим фрагмент старых ночных культов. Молодая женщина совершает омовение, одевается в белое, чертит вокруг себя круг мелом. Это древний ритуал Богини: омыться – очиститься; облачиться в белую рубашку – одеяние для спуска в страну мертвых; и начертить вокруг себя круг волшебной защиты – священной мысли. Все это девушка делает в состоянии, весьма напоминающем транс, будто получив наставления из давних времен.

В жизни бывает критический момент, когда мы ждем того, что – мы в этом уверены – принесет нам гибель, кончину. Это заставляет нас, как и девушку, чутко ловить голос, доносящийся из далеких времен, голос, который учит нас оставаться сильными, сохранять простоту и чистоту духа. Однажды, пребывая в отчаянии, я услышала во сне голос, который сказал: «Коснись Солнца». С тех пор каждый день, куда бы ни шла, я стала прикасаться спиной, ступней или ладонью к солнечным зайчикам – бликам, которые солнце оставляло на стенах, на полу, на дверях. Они действовали на мой дух как источник энергии. Не могу сказать, как именно, но это было именно так.

Если мы будем внимательны к услышанным во сне голосам, к образам и сказкам – особенно тем, что приходят к нам из жизни, – а также к своему творчеству, к тем, кто жил до нас, и друг к другу, то непременно что-то получим, причем не однажды: это будут ритуалы, личные психологические обряды, которые помогут упорядочить этот этап процесса [9].

Кости этой сказки принадлежат к тем временам, про которые говорят, что тогда богини очень любили смертных женщин и расчесывали им волосы. Имея это в виду, мы понимаем, что в этой сказке спуск ведет женщину в древнее прошлое, к родовым связям по материнской линии, скрытым в подземном мире. В этом и состоит задача – через мглу

времен вернуться к месту, где живет La Que Sabe, где она ждет нас. У нее есть глубокие сокровенные учения, которые во внешнем мире будут очень полезны для нас самих и для нашего духа.

В старых религиях содержание себя в чистоте и подготовка к смерти делают человека неуязвимым, недостижимым для зла. Окружая себя древней защитой Дикой Матери – меловым кругом молитвы, высочайших устремлений или заботой о благотворном для души исходе, – мы способствуем тому, чтобы, выполняя свой психологический спуск, не сбиться с пути, чтобы наша жизненная сила не пала жертвой дьявольской, враждебной энергии души.

И вот, облачившись надлежащим образом и как можно лучше защитив себя, мы ждем своей участи. Но девушка плачет, орошает слезами свои руки. Поначалу, когда душа плачет бессознательно, мы не можем ее услышать – разве что нами овладевает чувство беспомощности. Девушка все плачет и плачет. Ее слезы – ростки того, что ее хранит, очищает рану, которую она получила.

К.С.Льюис писал о пузырьке с детскими слезами, одна капля которых исцеляет любую рану. В мифах слезы растапливают ледяное сердце. В сказке «Каменное дитя» [10], которую я сложила на основе песни, полученной несколько лет назад от моей любимой эскимосской мадрины [48] Мэри Укулат, горячая слеза мальчика заставляет холодный камень разбиться и выпустить духа-защитника. В сказке «Мэри Калейн» демон, который схватил Мэри, не может войти ни в один дом, где искренняя душа пролила слезы, – демон считает их святой водой. Во все времена слезы выполняли три дела: помогали призвать на свою сторону духов, прогоняли тех, кто способен подавить и связать бесхитростную душу, и исцеляли раны от заключенных людьми неудачных сделок.

В жизни женщины бывает пора, когда она без конца плачет и не может остановиться – даже имея помощь и поддержку любимых людей, она все равно плачет. Иногда именно этот плач отгоняет хищника, отгоняет нездоровые желания или сделки, которые могут ее погубить. Слезы помогают заделать те бреши в душе, через которые энергия утекает наружу. Это серьезная неприятность, но самого худшего не произойдет: у нас не украдут свет, потому что слезы даруют нам способность осознавать. Пока плачешь, не уснешь. А любой сон, который придет потом, станет просто отдыхом для тела.

Иногда женщины говорят: «Мне надоело плакать, я устала от слез, хочу, чтобы они прекратились». Но слезы льет ее душа, они ее защита. Поэтому придется потерпеть, пока не пройдет время слез. Некоторые женщины поражаются тому количеству воды, которое изливается из организма, когда они плачут. Так будет продолжаться не всегда, а только до тех пор, пока душа не закончит таким образом проявлять свою мудрость.

Дьявол пытается приблизиться к дочери – и не может, потому что она умывалась и плакала. Он признает, что эта святая вода подорвала его силу, и велит девушке больше не умываться. Но это не вредит ей, а дает противоположный эффект [11]. Начиная походить на зверя, она наполняется силой сокровенной дикой природы, и это тоже становится ее защитой. Может быть, именно на этом этапе женщина начинает обращать меньше внимания на свою внешность или относиться к ней иначе. Она может одеваться так, что напоминает не человека, а копну сена. Когда женщина размышляет о своем незавидном положении, многие прежние заботы отступают.

«Погоди, – говорит дьявол, – вот я сдеру с тебя налет цивилизации и тогда, быть может, смогу навеки украсть твою жизнь». Хищник хочет унизить девушку, ослабить своими запретами. Он думает, что если она станет грязной и неумытой, то он сумеет украсть ее у нее же самой. Но случается обратное, ведь чумазую женщину, грязную женщину любит и безоговорочно защищает Дикая Женщина [12]. Похоже, хищник не знает, что его запреты только приближают девушку к ее мощной дикой природе.

---

[48] Кумушка (исп.).

Дьявол не может добраться до дикой самости. Она обладает чистотой, которая в итоге прогоняет бездумную или разрушительную энергию. В сочетании с ее чистыми слезами это преграждает путь злу, которое хочет ее погубить и расцвести пышным цветом.

Далее, дьявол велит отцу искалечить дочь – отрубить ей руки. А если отец не согласится, демон грозит погубить всю душу целиком: «Здесь все умрет: и ты, и твоя жена, и все поля, которые можно охватить глазом». Задача дьявола – сделать так, чтобы девушка осталась без рук, то есть утратила душевную способность схватывать, удерживать, помогать себе и другим.

Отцовский элемент души незрел: не в силах одолеть настойчивого хищника, он отрубает дочери руки. Он пытается вымолить для нее снисхождение, но цена – гибель всех творческих сил души – оказывается слишком высокой. Дочь смиряется с казнью, и свершается кровавая жертва, которая в древности обозначала полное нисхождение в подземный мир.

Оставшись без рук, женщина спускается в la selva subterranea, подземное святилище, где происходит посвящение. Будь это греческая трагедия, на этом месте хор разразился бы криками и рыданиями: несмотря на то, что жертва позволяет героине познать великую силу, при этом погибла женская невинность, и она уже никогда не вернется в прежнем виде.

Сереброгубый топор происходит из другого слоя древней дикой женственности, где серебро – особый цвет мира духов и луны. Топор называют среброгубым потому, что он выкован из стали, которая от огня чернеет, а край лезвия потом точат на оселке, пока он не приобретет яркий серебристый цвет. В древней минойской религии топор Богини использовали как знак ритуального пути, которым следовали посвящаемые, и мест, которые считались святынями. От двух старых хорватских сказочниц я слышала, что в старых женских культах маленький ритуальный топорик использовали, чтобы отсечь пуповину новорожденного – освободить младенца от подземного мира, чтобы он мог жить на земле [13].

Серебряный топор перекликается с серебряными руками, которые со временем получит девушка. Это каверзный переход, поскольку он может намекать на то, что отсечение рук могло быть ритуальным действием. В старинных женских целительских ритуалах, бывших некогда в ходу в Восточной и Северной Европе, существовало мнение, что молодое деревце следует обрезать топором, чтобы оно пышнее росло [14]. В давние времена люди питали глубокую любовь к деревьям, ценили их, ведь деревья символизировали для людей способность вновь оживать после смерти. Их ценили за все необходимое, что они давали людям для жизни: дрова для очага, прутья для колыбели, посох для ходьбы, лекарство от жара, наблюдательный пункт, чтобы смотреть вдаль, а если надо, то и убежище, где можно спрятаться от врага. Поистине, дерево было для человека великой дикой матерью.

В древних женских культах такой топор – неотъемлемая принадлежность Богини, а не отца. Эта часть сказки явно намекает на то, что к отцу топор перешел в результате смешения старой религии с более новой, причем старая оказалась искалеченной, а потом и забытой. И все же, несмотря на дымку времени и/или наслоения, скрывшие старые представления о женском посвящении, мы, разбирая подобную сказку, всегда можем извлечь то, что нам необходимо, восстановить карту, на которой указан маршрут спуска и обратный путь наверх.

Отсечение рук можно понимать приблизительно так же, как понимали этот символ древние. В Азии небесный топор использовали для того, чтобы отсечь человека от его просветленной самости. Мотив отсечения как действия, сопутствующего посвящению, – центральный для нашей сказки. Если в современном обществе для того, чтобы вернуть себе дикое предназначение, необходимо отсечь руки эго – значит, нужно с ними проститься, чтобы избавиться от всех бессмысленных соблазнов, к которым нас тянет, что бы они собой ни представляли. Ведь если мы будем вечно за них цепляться, это не позволит нам расти. Если нам суждено на время утратить руки, значит, так тому и быть. Придется с ними проститься.

Отец точит серебряное лезвие, и, хотя его терзает невыносимое сожаление, ему гораздо

дороже собственная жизнь и жизнь всей души, хотя некоторые сказочники в нашей семье ясно дают понять, что больше всего он боится потерять именно свою собственную жизнь. Если воспринимать отца как организующий принцип, нечто вроде правителя внешней или мирской души, то можно сделать вывод, что явная женская самость – мирская, правящая эго-самость – не хочет умирать.

И это вполне понятно. Так всегда бывает при спуске. Некую нашу часть тянет в подземный мир, как будто там есть что-то привлекательное, таинственное, с приятной горчинкой. И в то же время мы чувствуем отторжение и готовы пересечь душевные улицы, автострады и даже континенты, лишь бы туда не попасть. Однако здесь мы убеждаемся, что цветущее дерево должно пережить обрезку. Единственный способ вынести эту мысль – заручиться обещанием, что где-то в подземном мире нас кто-то ждет – ждет, чтобы помочь, исцелить. И это действительно так. Великий Некто ждет, чтобы излечить нас, преобразить то, что пришло в упадок, перебинтовать израненные ноги.

В сельских краях, где я росла, грозу с градом называли «секущей бурей», а иногда – «косящей бурей», как Старуху с косой, поскольку эти грозы секли все живое в округе: животных, а иногда и людей, но больше всех от них доставалось растениям. После сильных гроз целые семьи выбирались из подвалов и осматривали землю: какая помощь нужна посевам, цветам, деревьям. Самые маленькие подбирали разбросанные ветки, усыпанные цветами и плодами. Дети постарше подпирали выжившие растения, побитые градом: накладывали лубки и белые полотняные повязки. Взрослые разбирали и хоронили то, что было безнадежно испорчено.

Мы увидим, что такая же любящая семья ожидает девушку в подземном мире. Метафора отсечения рук подсказывает нам: что-то из этого выйдет. То, что не может жить, попадает в подземный мир, где его расчленяют, чтобы использовать в других целях. Женщина из сказки не стара, не больна, и все же ее ожидает распад, ведь она уже не может быть такой, какой была прежде. Однако ее ожидают некие силы, готовые помочь исцелиться.

Отсекая дочери руки, отец углубляет спуск, ускоряет dissolutio, мучительную утрату всего самого дорогого, что придает жизни смысл, – утрату положения, утрату перспективы, утрату понимания того, во что и почему человек верит. Во всем мире в туземных ритуалах присутствует принцип: ошеломить обычный ум, чтобы посвящаемым было легче постичь мистическое [15].

Отсечением рук подчеркивается важность остального материального тела и его качеств, и мы знаем, что неразумному отцу – правителю души – осталось жить недолго, ибо глубинная искалеченная женщина собирается выполнить свою работу – с его помощью и защитой или без таковых. И при всей своей кажущейся на первый взгляд чудовищности эта новая конфигурация ее тела ей помогает.

Итак, именно во время этого спуска мы теряем руки души, те части своего тела, которые напоминают двух самостоятельных человеческих существ. В старину пальцы сравнивали с ногами и руками, а лучезапястный сустав – с головой. Эти существа могут петь, могут танцевать. Однажды я хлопала в ладоши, отбивая ритм Рене Эредиа, исполняющему музыку фламенко великому гитаристу. Во фламенко ладони рук говорят, они издают звуки, которые так же красноречивы, как слова: «Быстрее, красавец! А теперь плыви, глубже, почувствуй меня, почувствуй эту музыку, почувствуй то, это и все остальное!» Руки – самостоятельные существа.

Если вы повнимательнее приглядитесь к персонажам рождественского вертепа,[49] который можно увидеть в странах Средиземноморья, то заметите, что руки пастухов, волхвов, Марии, Иосифа обращены ладонями к божественному младенцу, как будто он свет, который можно получить через кожу ладоней. Это можно увидеть и в Мексике, глядя на статуи великой Богоматери Гвадалупской, которая, обратив к нам ладони, посылает

[49] Модель пещеры с яслями, младенцем Христом, его матерью и т.д.

целительный свет. О силе рук известно из древних летописей. В Кайенте, где находится резервация индейцев дине (навахо), есть один хоган, [50] где рядом со входом красуется древний отпечаток ладони. Он как бы говорит: «Здесь мы в безопасности».

Мы, женщины, приходим в соприкосновение со многими людьми. Мы знаем, что наша ладонь – своеобразный датчик. Обнимая, хлопая по плечу или просто дотрагиваясь до человека, мы считываем его данные. Если мы так или иначе связаны со старой La Que Sabe, то можем узнать, что ощущает другой человек, коснувшись его ладонью. К некоторым из нас информация о том, что человек думает или чувствует, поступает в виде образов, а иногда даже слов. Можно сказать, что руки – своеобразный радар.

Руки не только приемники, но и передатчики. Здороваясь с человеком за руку, можно передать ему весть; часто мы делаем это бессознательно – силой, длительностью рукопожатия, температурой кожи. Если прикоснуться к человеку, который готов на какую-то низость, сознательную или бессознательную, возникает такое ощущение, будто он проделывает дыры в теле твоей души. И напротив, наложением рук можно успокоить человека, утешить, снять боль, исцелить. Это женское умение на протяжении веков передается по наследству от матери к дочери [16].

Хищнику души известно все про глубокую тайну, связанную с руками. Во многих странах мира можно встретить на редкость жестокий способ выражать свое патологическое человеконенавистничество: невинного человека похищают и отрубают ему руки – отсекают его способность чувствовать, понимать, исцелять. Убийца не чувствует, поэтому хочет, чтобы его жертва тоже не чувствовала. Это в точности повторяет намерение дьявола, ибо нераскаявшийся аспект души тоже не чувствует, и безумная зависть к тем, кому это дано, разжигает в нем пронзительную ненависть. В о многих сказках женщину лишают жизни именно через отсечение. Но этот дьявол – не просто убийца, он изувер. Он не хочет удовольствоваться нанесением декоративных или ритуальных надрезов, а настаивает на увечье, которое на всю жизнь оставит женщину калекой.

Говоря, что у женщины отрублены руки, мы имеем в виду, что она отрезана от самоутешения, от мгновенного самоисцеления и потому не способна делать ничего, как только следовать своим извечным путем. Это наша простая и мощная защита от демона, столь коварного, что никто из нас не в состоянии полностью постичь его побуждения или замыслы.

В сказках есть лейтмотив, который называется «брошенный предмет». Спасаясь от погони, героиня вынимает из волос волшебный гребень и бросает позади себя – из него вырастает лес, такой густой, что между деревьями даже руку не просунуть. Или откупоривает пузырек с водой и на бегу разбрызгивает за собой его содержимое. Капли превращаются в бурный поток, отрезающий путь преследователям.

В нашей сказке девица плачет, орошая слезами обрубки рук, и дьявола отбрасывает нечто вроде образовавшегося вокруг нее силового поля. Он не может схватить ее, как ни старается. Здесь роль «брошенного предмета» играют слезы: эта водная преграда удерживает дьявола не потому, что слезы его тронули или смягчили – ничего подобного, – а потому, что в чистоте искренних слез есть нечто такое, что подрывает силу дьявола. И мы убеждаемся, что это действительно так, когда мы плачем, взывая к Богу, потому что на горизонте нет ничего – ничего, кроме самой неясной, самой призрачной и нереальной возможности, – и все же слезы спасают нас, и мы не сгораем дотла без всякой пользы [17].

Дочь должна горевать. Меня поражает, как мало женщины сегодня плачут, а если даже это происходит, они начинают извиняться. Меня беспокоит, когда стыд или неупотребление начинают лишать нас столь естественной функции. Быть цветущим деревом и к тому же влажным – необходимо, иначе вы сломаетесь. Плакать полезно, нужно. Слезами горю не поможешь, но они способствуют продолжению процесса, не дают ему застопориться. Теперь

---

[50] Глинобитная хижина индейцев навахо.

жизнь, к которой девушка привыкла, жизнь, как она ее понимала до сих пор, закончена, и она переходит на другой уровень внутреннего мира. А мы следуем за ней по пятам. Мы идем дальше, хотя и уязвимы и лишены защитного слоя эго, как дерево, с которого ободрали кору. И все же мы сильны, ибо научились отшвыривать дьявола на другой конец двора.

В эту пору мы понимаем: что бы мы ни делали в жизни, планы эго ускользают от нас. В нашей жизни грядет перемена, большая перемена, как бы блестяще наш маленький внутренний руководитель-эго ни спланировал следующий шаг. Нашей жизнью начинает властно управлять наша собственная участь, а не мельница, не подметание двора и не сон. Нашей привычной жизни пришел конец. Мы жаждем одиночества и покоя, может быть, пусть нас даже бросят. Мы больше не можем полагаться на гнетущее общество отца, мы вот-вот впервые узнаем свою собственную жизнь. Мы идем вперед.

Это пора, когда все, что мы ценим, утрачивает свой ритм. Юнг напоминает нам о термине, который использовал Гераклит, – энантиодромия, что значит поток, повернувший вспять. Но это обратное течение может стать чем-то большим, чем отступление в личное бессознательное, – оно может быть прочувствованным возвращением к полезным древним ценностям, к более глубоко воспринятым идеям [18]. Если даже мы понимаем этот этап посвящения методом испытания на выносливость как шаг назад, его также следует считать десятимильным шагом вниз, вглубь, в мир Дикой Женщины.

Все это вынуждает дьявола поджать хвост и убраться восвояси. Если женщина чувствует, что потеряла соприкосновение с миром, свой привычный путь в мире, это значит, что она по-прежнему сильна чистотой своей души, она непобедима верностью своей печали, и это заставляет отступиться того, кто желает ее погубить.

Материальное тело потеряло свои драгоценные руки, это правда. Но остаток души возместит потерю. У нас остались ноги, которые знают дорогу, душа-сознание, чтобы далеко видеть, груди и живот, чтобы ощущать, – как у странной и загадочной пузатой богини Баубо, которая олицетворяет глубокую инстинктивную природу женщины… и тоже не имеет рук.

И с этим бесплотным, сверхъестественным телом мы идем вперед. Мы готовы совершить следующий спуск.

Этап третий: скитание

В третьей части сказки отец предлагает окружить дочь роскошью на всю оставшуюся жизнь, но она говорит, что уйдет и положится на судьбу. На рассвете, обмотав руки чистой тканью, она уходит из той жизни, к которой привыкла.

Девушка снова становится растрепанной и похожей на зверя. Поздно вечером она приходит в сад, в котором все груши наперечет [19]. Призрак осушает ров вокруг сада и девушка на глазах у изумленного садовника съедает грушу, которая сама к ней склоняется.

Посвящение – это процесс, в результате которого мы расстаемся со своей естественной привычкой жить бессознательно и принимаем решение: стремиться к сознательному союзу с сокровенным разумом, с Дикой Самостью, даже если на этом пути нас ожидают страдания, борьба, трудности. В сказке мать и отец пытаются вновь заманить девушку в несознательное состояние: «Оставайся с нами. Ты стала калекой, но мы поможем тебе забыть об этом». Согласится ли она, победив дьявола, почивать на лаврах? Вернется ли она, безрукая, искалеченная, в те пределы души, где о ней смогут заботиться до конца дней, а ей останется только бездумно плыть по течению и делать то, что скажут?

Нет, она не запрется навеки в темной комнате, как красавица, чье лицо обезображено кислотой. Она оденется, перевяжет свои раны и по следующей каменной лестнице спустится на еще более глубокий уровень души. Старая господствующая часть души предлагает навеки спрятать ее в безопасном месте, но ее инстинктивная природа отвечает отказом, ибо чувствует, что должна стремиться к полностью пробужденной жизни, чего бы это ни стоило.

Девушка перевязывает свои раны белой тканью. Белый – цвет царства мертвых, а также

цвет алхимического альбедо, воскресения души из мертвых. Этот цвет – предвестник цикла спуска и возвращения. Здесь девушка становится странницей, а это само по себе и есть воскресение для новой жизни и смерть в старой. Странствие – очень хороший выбор.

На этом этапе женщина очень часто ощущает отчаяние и одновременно непоколебимую решимость любой ценой совершить это внутреннее странствие. Так она и поступает, оставляя одну жизнь ради другой, а иногда и одну любовь ради единственной любви – к себе самой. Превратиться из девушки в молодую женщину или из замужней женщины в незамужнюю, или из женщины средних лет в пожилую, пересечь границу старости, получить рану, а вместе с ней и новую систему ценностей – все это значит умереть и воскреснуть. Разорвать связь, покинуть родительский дом, оставить позади изжившие себя ценности, стать самой себе хозяйкой, а иногда и забраться далеко в дикие дебри только потому, что так нужно, – все это удел тех, кто спускается вниз.

И вот мы идем, спускаемся в иной мир, где иное небо, иная земля под ногами. И все же мы беззащитны: мы ни за что не держимся, не цепляемся, не хватаемся и ничего не знаем, потому что у нас нет рук.

Мать и отец – коллективные и эгоистичные аспекты души – уже не имеют над нами былой власти. Они наказаны кровью, которая пролилась из-за их беспечного равнодушия. И хотя они приносят дары, чтобы окружить дочь заботой, они больше не властны управлять ее жизнью, ибо судьба велит ей стать странницей. В этом смысле ее отец и мать умирают. Ее новые родители – ветер и дорога.

Архетип странника констеллирует, то есть приводит к образованию нового: архетипа одинокого волка или чужака. Девушка чужая для счастливых на вид жителей деревни, чужая в теплых комнатах, одна на холоде – такова теперь ее жизнь [20]. Это становится живой метафорой женщин, которые на пути. У нас возникает ощущение, что мы уже не являемся частью того балагана жизни, который шумит вокруг. Звуки оркестра затихают вдали, зазывалы, разносчики, весь мощный хор внешней жизни постепенно умолкает по мере того, как мы спускаемся все ниже в мир иной.

Здесь нам навстречу выходят древние ночные культы. Древний миф о том, как Гадес умчал Персефону в преисподнюю, прекрасен и драматичен, но есть и более старые истории, пришедшие из культов богини-матери, например мифы об Иштар и Инанне, которые явно указывают на любовную связь между девой и царем нижнего мира.

В этих древних культовых версиях дева не ждет, когда ее схватит какой-нибудь мрачный бог и утащит в преисподнюю. Дева сама знает, что должна пойти туда, знает, что это часть божественного ритуала. Возможно, она страшится, однако с самого начала хочет встретить в преисподней своего короля, своего жениха. Совершая свой спуск, она переживает преображение, обретает глубокое знание и снова поднимается во внешний мир.

И классический миф о Персефоне, и ядро сказки «Безрукая девица» – это драмы, состоящие из отрывков более связных историй, запечатленных в древних религиях. То, что некогда являло собой стремление найти потустороннюю Возлюбленную, со временем превратилось в похоть и одержимость.

В эпоху великих матриархий понимали, что женщина испытывает естественную тягу к подземному миру и в конце концов, ведомая силами сокровенного женского начала, найдет туда дорогу. Получение такого знания в процессе личного переживания считалось частью обучения и величайшим достижением. Природа этого спуска составляет архетипическое ядро и сказки «Безрукая девица», и мифа о Деметре и Персефоне.

Итак, девица, снова неумытая, похожая на зверя лесного, странствует по свету. Такой настрой и должен быть при спуске: «очень многое из того, что есть в мире, меня больше не интересует». И, как мы убеждаемся, ее красота продолжает сиять, несмотря ни на что. Сам принцип неумытости тоже родом из древних ритуалов, кульминацией которых становится омовение и надевание новых одежд, олицетворяющее переход к новым или обновленным отношениям с Самостью.

Мы видим, что безрукая девица проделала полный цикл спуска и превращения – цикл

пробуждения. В некоторых трактатах по алхимии повествуется о трех стадиях, необходимых для превращения: нигредо, черная или темная стадия распада; рубедо, красная или жертвенная стадия, и альбедо, белая стадия воскресения. Сделка с дьяволом – это нигредо, помрачение; отсечение рук – рубедо, жертва; и уход из дома в белых повязках – альбедо, новая жизнь. Теперь, став странницей, она снова погружается в нигредо. Но старая самость осталась позади, а глубинная самость, обнаженная самость – выносливая странница [21].

Но вот странница не только измучилась, но и проголодалась. Она преклоняет колени перед садом, как перед алтарем, и так оно и есть – это алтарь диких богов подземного царства. Нисходя к своей изначальной природе, мы отказываемся от старых бездумных способов питания. То мирское, что прежде было нашей пищей, утратило вкус. Прежние цели нас уже не волнуют, прежние достижения не представляют интереса. Куда бы мы ни глянули в верхнем мире, нигде нет подходящей для нас пищи. И это одно из величайших чудес души: когда мы совершенно беззащитны, приходит помощь, причем как раз вовремя.

Беззащитной девушке является вестник души, призрак в белом. Этот призрак устраняет преграды, отделяющие ее от пищи. Он осушает ров, открыв ворота шлюза. Ров несет скрытый смысл. В древнегреческой мифологии страну живых от страны мертвых отделяет подземная река Стикс. Ее воды полны воспоминаний обо всех поступках мертвых с начала времен.

Мертвые могут разгадывать и упорядочивать эти воспоминания, потому что обладают обостренным видением, следствием утраты материального тела.

Для живых же эта река – яд. Если при переправе с ними нет духовного провожатого, они тонут и попадают на другой уровень подземного мира, похожий на туман, и будут блуждать там вечно. У Данте это Вергилий, у Коатликуэ – змея, сопровождающая ее в огненный мир, а у безрукой девицы – призрак в белом. Итак, вы видите: сначала женщина убегает от непробужденной матери и жадного, недальновидного отца, а потом доверяется провожатому – дикой душе.

В сказке провожатый-призрак помогает девушке переправиться через ров, в подземный мир деревьев – королевский сад. Это тоже остаток старого культа. В старых культах юным посвящаемым всегда давались духи-спутники. Греческие мифы изобилуют рассказами о том, как юных дев сопровождают женщины-волчицы, женщины-львицы или другие персонажи, которые и дают им посвящение. Даже в современных связанных с природой религиозных обрядах, которые бытуют, например у племени дине (навахо), присутствуют загадочные йеибечей – духи животных, сопровождающие посвящения, а также целительные ритуалы.

Здесь воплощен следующий духовный принцип: подземный мир, как и человеческое бессознательное, полон необычных и непреодолимых качеств, образов, архетипов, соблазнов, угроз, сокровищ, мук и испытаний. Для странствия, цель которого – женская индивидуация, важно иметь развитое духовное чутье или провожатого, который таким чутьем обладает, чтобы не стать жертвой фантасмагории бессознательного, не потеряться в этой ошеломляющей среде. Как мы видим из сказки, более важно – остаться со своим голодом и от этого состояния двигаться вперед.

Как некогда Персефона, как некогда богини Жизни-Смерти-Жизни, девушка находит дорогу в страну, где растут волшебные сады и ее ожидает король. Чем дальше, тем больше через эту сказку начинает просвечивать древняя религия. В греческих мифах [22] над входом в загробный мир сплетали ветви два дерева, а Элизиум, куда попадали признанные добродетельными умершие, состоял – из чего бы вы думали? – из садов!

Элизиум изображают местом, где всегда царит день, где души могут выбирать для рождения любое место на земле. Это doppelganger, двойник верхнего мира. Здесь могут встречаться трудности, но их смысл и наука, которая в них содержится, – иные, чем в верхнем мире, где все истолковывается в свете простых выгод и потерь. В подземном же мире, или в мире ином, все истолковывается в свете таинств подлинного видения, верного действия и дальнейшего превращения в человека, обладающего непоколебимой внутренней силой и мудростью.

Теперь действие сказки сосредоточивается вокруг фруктового дерева, которое в древности называли древом жизни, или древом познания. В отличие от деревьев, одетых только иглами или листвой, это дерево несет на себе изобильную пищу – и не только пищу, потому что в плодах деревья запасают воду. Вода, первичная жидкость роста и непрерывности, всасывается корнями, оттуда поднимается по капиллярам в сеть из миллиардов микроскопических клеточных образований, питает дерево, поступает в плоды, и они наливаются, превращаясь в прекрасные творения природы.

Поэтому считается, что плоды обладают душой, живительной силой, которая развивается из воды, воздуха, земли, питания и семени и содержит все это понемногу, а сверх того имеет божественный вкус. Женщины, которые питаются плодами, водой и семенами труда в подземных лесах, психологически сами наливаются, как сочный плод, их душа наполняется и пребывает в процессе непрерывного созревания.

Как мать, дающая младенцу грудь, грушевое дерево склоняется, чтобы дать девушке плод. Этот материнский сок – сок восстановления. Съедая грушу, девушка насыщается, но здесь совершается и гораздо более трогательное событие: бессознательное, его плод, склоняется, чтобы ее накормить. В этом смысле бессознательное запечатлевает поцелуй на ее устах. Оно дарует ей вкус Самости, дыхание и плоть ее дикого бога, дикого причастия.

Сцена из Нового Завета, где Марию приветствует Елизавета [23], ее родственница, вероятно, является свидетельством такого древнего взаимопонимания, существовавшего между женщинами. «Благословен плод чрева твоего», – говорит она. В прежних ночных культах женщину, только что получившую посвящение и беременную знанием, приветствовали, благословляли и приглашали обратно в мир живых ее родственницы.

Замечательная идиома этой сказки заключается в том, что во время самой темной поры женского бессознательного, внутриутробного бессознательного, женскую душу питает Природа. Женщины рассказывают: во время спуска, находясь в кромешной тьме, они ощущают прикосновение крыла и чувствуют свет. Они чувствуют прилив внутренних сил, чувствуют, как по иссохшей земле струится благословенная влага – а откуда, они не знают. Эта влага не избавляет от мук, но помогает выжить, когда больше неоткуда ждать помощи. Это манна в пустыне. Это вода из камней. Это еда из ниоткуда. Она утоляет голод, и мы можем идти дальше. В этом и состоит весь смысл – идти дальше. Идти, чтобы познать свой удел.

Эта сказка пробуждает воспоминания об одном очень старом обещании. Оно заключается в том, что спуск даст пищу, несмотря на то, что путь лежит во тьме, несмотря на то, что путнику кажется, что он заблудился. Даже посреди неведения, невидения, блуждания вслепую есть Нечто, неизменно присутствующее Нечто, которое идет бок о бок с нами. Мы налево – и оно налево. Мы направо – оно рядом, поддерживая нас, прокладывая путь.

Теперь мы попали в другое нигредо, где мы скитаемся, не зная, что с нами будет, и все же даже в этом крайне плачевном состоянии мы получаем возможность испить от Древа Жизни. Вкусить от Древа Жизни в стране мертвых – это древняя метафора зачатия. Люди верили, что душа может войти в плод или любой другой съедобный предмет, – когда будущая мать съест его, скрытая в плоде душа начнет возрождаться в ее теле. Итак, здесь, почти на середине пути, с мякотью груши мы получаем плоть Дикой Матери – едим то, чем станем сами [24].

Этап четвертый: обретение любви в подземном мире

На следующее утро приходит король, чтобы пересчитать свои груши. Одной недостает, и садовник докладывает о том, что видел: «Этой ночью два привидения осушили ров, вошли в сад, когда луна стояла высоко в небе, и одно из них, в облике безрукой женщины, съело грушу, которая сама к нему опустилась».

Ночью король стоит на страже вместе с садовником и чародеем, который умеет

разговаривать с духами. В полночь из леса появляется девица: на теле грязные лохмотья, волосы всклокочены, лицо в полосках грязи, кисти рук отрублены – и с ней призрак в белом одеянии.

И снова дерево плавно склоняется перед ней, и она ест грушу, висящую на конце ветки. Чародей подходит поближе, но не слишком близко, и спрашивает:

– Из сего ты мира или из иного?

– Когда-то я была из мира сего, – отвечает девица, – а теперь – не из мира сего.

– Кто это, женщина или дух? – спрашивает чародея король.

Тот отвечает, что и то и другое сразу. Король бросается к девушке и клянется ей в любви и верности:

– Я не покину тебя! Отныне я буду о тебе заботиться! Они женятся, и король делает для нее пару серебряных рук.

Король – вразумляющее существо потусторонней души. Он не просто какой-то старый король, а один из главных стражей женского бессознательного. Он стережет сад растущей души – свой и своей матери, – в котором изобильно растут деревья жизни и смерти. Он из рода диких богов. Как и девица, он способен многое перенести. И как и ее, его ожидает впереди еще один спуск. Но об этом позже.

В каком-то смысле можно сказать, что он идет по следу девушки. Душа всегда следит за своими процессами. Вот священная истина: если вы скитаетесь, есть еще кто-то – по меньшей мере один, а чаще их несколько – зрелый и опытный; он ждет, когда вы постучите в дверь, ударите по камню, съедите грушу или просто покажетесь, ждет, чтобы объявить о вашем прибытии по всему нижнему миру. Это живое присутствие ждет скитальца-искателя и следит за ним. Женщины это хорошо знают. Они называют это крошечным проблеском света, интуицией, предчувствием или присутствием.

Садовник, король и чародей – это три зрелых воплощения архетипической мужественности. Они соответствуют святой троице женственности, воплощениями которой выступают дева, мать и старуха. В этой сказке древняя тройственная богиня или три богини в одной воплощены в следующих образах: дева – в образе безрукой девицы, а мать и старуха вместе – в образе матери короля, которая появится в сказке позже. Поворот, который делает эту сказку «современной», заключается в том, что в образе дьявола воплощен персонаж, который в древних женских ритуалах посвящения обычно изображала старуха, обладающая двойной природой: способностью даровать и отбирать жизнь. В этой сказке дьявол изображается только как существо, отбирающее жизнь.

Однако могу поспорить, что в туманном прошлом действующим лицом подобных историй была старуха, которая выполняла двойную роль: давала посвящение и становилась причиной бед, осложняя жизнь милой юной героине и таким образом побуждая ее к странствию из мира живых в мир мертвых. Это перекликается с принципами юнгианской психологии, теологии и древних ночных культов, согласно которым Самость, которую мы называем Дикой Женщиной, усеивает душу бедами и испытаниями, заставляя женщину в отчаянии искать убежища в своей изначальной природе, искать ответов и силы и таким образом восстановить утраченную связь с великой дикой Самостью, а потом, насколько это возможно, оставаться с ней нераздельной.

Эта замена некоторым образом меняет наши представления о древнем процессе возвращения женщины в нижний мир. Но на самом деле замена старухи на дьявола поразительно созвучна нашему времени, ибо, чтобы открыть для себя древние пути бессознательного, мы часто вынуждены вступать в борьбу с дьяволом в образе общественных, семейных или душевных запретов, обесценивающих душевную жизнь дикой женственности. В этом смысле сказка выполняет обе задачи: оставляет достаточно костей старого ритуала, чтобы его можно было реконструировать, и показывает нам, как природный хищник старается отрезать нас от наших законных сил, отнять у нас наш душевный труд.

Главные действующие силы превращения, присутствующие в это время в саду, таковы (называю их в порядке появления): девица, призрак в белом, садовник, король, чародей,

мать/старуха и дьявол. Традиционно они олицетворяют следующие душевные силы:

Девица

Как мы уже видели, девица олицетворяет искреннюю душу, которая прежде пребывала в дремотном состоянии. Но под кроткой наружностью скрывается героиня-воительница. Она обладает выносливостью одинокой волчицы. Она способна вынести грязь, пыль, предательство, обиду, одиночество и изгнание, которое сопутствует посвящению. Она способна скитаться в нижнем мире и вернуться в верхний мир обогащенной. Она следует наставлениям и указаниям старой Дикой Матери, Дикой Женщины, хотя при первом спуске, быть может, не способна выразить их словами.

Призрак в белом

В легендах и сказках призрак в белом – это проводник, существо, обладающее врожденным и добрым знанием, которое в женском странствии выполняет функцию первопроходца. Некоторые mesemondok считают этого призрака частью свергнутого бога, древнего и драгоценного, который до сих пор живет в каждом человеке. Белое одеяние связывает призрака с бесчисленными богинями Жизни-Смерти-Жизни, принадлежащими к разным культурам: La Потопа, Берхтой, Хель и другими – все они носили ослепительно белые одеяния. Это означает, что призрак в белом – помощница матери/старухи, которую в архетипической психологии называют также богиней Жизни-Смерти-Жизни.

Садовник

Садовник – это земледелец души, обновитель и хранитель семени, почвы и корня. Он выполняет те же функции, что и Кокапелли – горбатый дух племени хопи, который приходит каждую весну, чтобы оплодотворить посевы и женщин. Задача садовника – обновление, возрождение. Женская душа должна постоянно сеять, выращивать и жать новую энергию, чтобы заменять все старое, изжившее себя. Существует естественная энтропия, или износ и выход из строя, частей души. Это хорошо – так и должна работать душа, только нужно иметь под рукой готовые энергии, чтобы осуществить замену. В этом и состоит роль садовника в душевной работе. Он выявляет необходимость в замене и пополнении. В душе постоянно продолжается жизнь, постоянно наступает смерть, постоянно происходит замена идей, образов, энергий.

Король

Король [25] олицетворяет знание, найденное в подземном мире. Он обладает способностью переносить внутреннее знание во внешний мир и воплощать его в жизнь – без обиняков, недовольства или извинений. Король приходится сыном королеве-матери/старухе. Как и она и, вероятно, вслед за ней, он участвует в механизме животворного процесса души, который заключается в отказе, смерти и возвращении сознания. Дальше по ходу сказки, скитаясь в поисках пропавшей королевы, он переживет подобие смерти, и это превратит его из цивилизованного короля в дикого. Он найдет королеву и благодаря этому возродится. В аспекте психики это означает, что главенствовавшие в душе старые позиции отомрут и она обретет новое знание. На смену этим старым позициям придут новые или обновленные взгляды на все, что касается жизни женщины. В этом смысле король символизирует обновление господствующих позиций и законов женской души.

Чародей

Чародей, или маг [26], которого король берет с собой, чтобы тот растолковал ему все, что они увидят, олицетворяет непосредственную магию женской власти. Такие качества, как мгновенный отклик, способность видеть за тысячи миль, сострадательное умение смотреть глазами других – глазами человека или животного, – все это принадлежности инстинктивного женского начала. Чародей – человек, который владеет ими, а также

традиционно помогает их поддерживать и проявлять во внешнем мире. Хотя чародей может быть любого пола, здесь это сильный мужской образ, сходный со сказочным образом отважного брата, который так любит свою сестру, что сделает все, лишь бы ей помочь. Чародей всегда обладает способностью менять облик: в сказках и сновидениях он является то мужчиной, то женщиной. Он может стать существом мужского или женского пола, животным или камнем, так же, как старуха, его женский двойник, тоже может с легкостью являться в любом обличье. В сознательной жизни чародей помогает женщине проявлять свою способность становиться тем, кем захочет, и в любой момент представать такой, какой пожелает.

Королева-мать/старуха

В этой сказке в роли королевы-матери/старухи выступает мать короля. Этот образ олицетворяет многое, в том числе плодородие, сильно развитую способность распознавать проделки хищника и способность смягчать проклятия. Слово «плодородие» означает не только плодовитость, но и способность оплодотворяться, принимать семя, как принимает его земля. Этот образ и есть черная земля, поблескивающая слюдой, вмещающая мохнатые корешки и все то живое, что ушло и превратилось в пахучий жирный перегной. Слово «плодовитость» рождает ассоциации с семенами, яйцами, живыми существами, идеями. Плодородие – основа, в которую закладывают семена – подготовленные, согретые, выдержанные, сбереженные. Вот почему эту старую мать часто называют ее более древним именем – Мать Земля; ведь она – тот перегной, который способствует созреванию идей.

Дьявол

В этой сказке двойная природа женской души, которая и третирует ее, и исцеляет, заменена одним образом – дьявола. Как мы уже отмечали раньше, образ дьявола олицетворяет естественного хищника, обитающего в женской душе, contra naturam, враждебный природе аспект, который препятствует развитию души и пытается истребить всю душу. Это сила, которая отделена от своего животворящего аспекта. Это сила, которую необходимо преодолеть и укротить. Образ дьявола отличается от другого естественного источника травли и третирования, который тоже есть в женской душе: я называю эту силу второй душой. Вторая душа противодействует и утверждает. Она часто появляется в женских снах, сказках и мифах в образе старухи-оборотня, которая заманивает женщину, вынуждая ее совершить спуск в нижний мир, который в идеале заканчивается единением с глубочайшими душевными ресурсами.

Итак, здесь, в подземном саду, нас ожидает собрание этих мощных элементов души, женских и мужских. Они образуют conjunctio. Это слово происходит из алхимии и означает высшее преобразующее соединение непохожих веществ. Если эти противоположности приходят в соприкосновение, результатом становится активизация некоторых душевных процессов. Их действие можно сравнить с высекающим искру ударом кремня о камень. Именно соединение и давление непохожих элементов, населяющих одно и то же душевное пространство, рождает эмоциональную энергию, проницательность и знание.

Наличие такого conjunctio, как в этой сказке, является знаком активизации нового цикла Жизни-Смерти-Жизни. Видя это редкостное и драгоценое собрание, мы знаем, что грядет духовная смерть, что неминуем духовный брак и что должна родиться новая жизнь. Эти факторы предсказывают, что должно произойти. Conjunctio не является чем-то таким, что можно достать где угодно. Это соединение происходит благодаря тому, что была проделана неимоверно трудная работа.

И вот мы в пропыленной одежде идем по дороге, которой никогда раньше не видели, а изнутри нас все сильнее просвечивает знак дикой природы. Будет правильно сказать, что это conjunctio настаивает на коренном пересмотре вашей старой самости. Если вы здесь, в саду, и с вами эти узнаваемые аспекты души, пути назад нет – мы идем вперед.

Что еще можно сказать об этих грушах? Они предназначены тем, кто проголодался в долгом странствии по подземному миру. Есть плоды, которые традиционно используются как символы женской матки, – чаще всего это груши, яблоки, фиги и персики, – хотя, в сущности, это свойство женского начала содержать в себе жизнь может выражать любой предмет, имеющий внутри семя, которое может породить новую жизнь, – например, яйцо. Здесь груши в архетипическом смысле символизируют возникновение новой жизни, зачаток новой личности.

Во многих мифах и сказках деревья находятся под покровительством Великой Матери, старой Дикой Матери, а король и его подданные являются ее помощниками. Груши в саду пересчитаны, потому что в этом процессе преобразования все должно быть на учете. Здесь ничего не делается наудачу, все записано и сочтено. Старая Дикая Мать знает, сколько у нее каждого рода преобразующей субстанции. Король приходит пересчитывать груши не потому, что он ревностный собственник, он хочет выяснить, не пришел ли в подземный мир кто-то новый, чтобы начать тайное посвящение. Мир души всегда ожидает новичков и скитальцев.

Груша, опустившаяся, чтобы накормить девицу, – словно колокол, звон которого разносится по подземному саду, созывая источники и силы: короля, чародея, садовника, а вскоре и старую мать, и все они бросаются к гостье, желая ее приветствовать, поддержать, оказать помощь.

На протяжении веков святые не устают повторять, что нам уже уготовано место на пути, ведущем к преображению. Именно к этому месту нас влечет нюх или интуиция, именно к нему ведет нас судьба. Раньше или позже все мы приходим в королевский сад. Это правильная, достойная цель.

В этом эпизоде три мужских элемента женской души – садовник, король и чародей – охраняют, расспрашивают и оберегают ее в потустороннем мире, где все не такое, каким кажется на первый взгляд. Когда царственный аспект потусторонней женской души узнает, что в саду что-то произошло, он приходит вместе с чародеем души, который умеет разбираться в мире людей и в мире духов, который сведущ в различиях между теми или иными душевными аспектами бессознательного.

Они следят, как призрак осушает ров. Как уже было упомянуто, этот ров является символом, который по смыслу близок к Стиксу, ядовитой реке, через которую переправлялись души умерших на пути из царства живых в царство мертвых. Она ядовита только для живых, а для мертвых безопасна. Это значит, что следует беречься ощущения покоя и свершения: они несут с собой заблуждение; окончание духовного подвига или духовного цикла – не повод для того, чтобы остановиться и почить на лаврах на веки вечные. Ров – это место отдохновения мертвых, свершение в конце жизни, но живая женщина не может задерживаться у него слишком долго, иначе ее охватит летаргический сон и она проспит циклы созидания души [27].

Ров, символ реки, текущей по кругу, предупреждает нас: эта вода не обычная, а особая. Это пограничная вода: она весьма сродни кругу, который девушка начертила вокруг себя, чтобы не подпустить дьявола. Входя в круг или пересекая его, мы входим или переходим в другое состояние бытия, другое состояние сознательности или в состояние его отсутствия.

Здесь девушка проходит через состояние бессознательности, отведенное для мертвых. Ей не следует пить эту воду или идти по ней, и она перебирается через сухое русло. Поскольку, совершая спуск, женщина должна миновать царство мертвых, это иногда сбивает ее с толку и она думает, что должна умереть навеки. Но это не так. Ее задача – пройти через царство мертвых и остаться живой; именно так рождается сознание.

Поэтому ров – очень важный символ, а то, что призрак его осушает, помогает понять, как мы должны поступать в своем странствии. Нельзя ложиться спать – так можно беззаботно проспать все то, чего мы успели достичь. Нельзя также прыгать в ров, опрометчиво стремясь ускорить события. Есть смерть с маленькой буквы, и есть Смерть с большой. Та, которую душа ищет в этом чередовании циклов Жизни-Смерти-Жизни, – это la

muerte por un instante, смерть на миг, а не La Muerte Eterna, Смерть Вечная.

Чародей подходит к призраку и девице поближе, но не слишком близко. Он спрашивает: «Из сего ты мира или из иного?» И женщина, облаченная в неряшливое и дикое одеяние существа, лишившегося эго, стоя рядом с сияющим белым призраком, отвечает чародею, что находится в стране мертвых, хотя и жива: «Некогда я была из мира сего, а теперь не из мира сего». Когда король спрашивает чародея: «Кто она, женщина или дух?», тот отвечает, что она и женщина, и дух.

Загадочный ответ девушки означает, что она принадлежит к миру живых, и все же ступает в ритме Жизни-Смерти-Жизни, а потому она человек в процессе спуска, а также тень прежней самости. Днем она может жить в верхнем мире, но преобразующая работа происходит в нижнем, и она может жить в обоих, как La Que Sabe, Та, Что Знает. А цель всего этого – найти и расчистить путь к своей подлинной дикой самости.

А теперь несколько вопросов, которые помогут постичь смысл сказки о безрукой девице, помогут женщинам осознать свое странствие в нижнем мире. Эти вопросы поставлены так, что на них можно отвечать и индивидуально, и коллективно. Вопрос создает светящуюся сеть, которая возникает, когда женщины разговаривают между собой, и эту сеть они забрасывают в свое коллективное сознание, а потом вытягивают, полную сверкающих, бьющихся, неподвижных, дышащих и бездыханных образов своей внутренней жизни, чтобы вместе рассматривать их и работать с ними.

Когда мы отвечаем на один вопрос, возникают другие, и, чтобы больше знать, мы отвечаем на них тоже. Вот некоторые из этих вопросов:

Можно ли постоянно жить в верхнем мире и одновременно в нижнем?

Что нужно сделать, чтобы самостоятельно спуститься в нижний мир?

Какие обстоятельства жизни помогают женщине осуществить спуск?

Есть ли у нас выбор: идти или остаться?

Какую спонтанную помощь вы получаете в это время от инстинктивной природы?

Пребывая в таком состоянии двойного гражданства, женщина (или мужчина) может по ошибке подумать, что это блестящая идея – уйти от мира, оставить мирскую жизнь с ее заботами и обязанностями, которые не только не привлекают, но и безмерно раздражают. Но это не лучший выход, поскольку в такие времена внешний мир – это единственная привязь, удерживающая женщину, которая странствует, работает, висит головой вниз в нижнем мире. Это неимоверно важное время, когда мирское должно сыграть свою роль, помогая вынести притяжение иного мира и сохранить равновесие, чтобы довести дело до благополучного завершения.

И вот мы идем по пути, спрашивая себя: «А если истина уже познана?», бормоча себе под нос: «Из сего я мира или из иного?» и отвечая: «Из обоих». И, продолжая путь, мы напоминаем себе об этом. На этой стадии женщина должна жить в обоих мирах. Именно такое странствие помогает избавиться от последней капли упрямства, от последних остатков высокомерия, убрать последние возражения, которые мы можем выдумать, ибо это странствие утомляет. Но эта особая усталость заставляет нас окончательно пожертвовать страхами и притязаниями эго и просто следовать тому, что происходит. В итоге мы сможем глубоко и полно осмыслить время, проведенное в подземных лесах.

В сказке вторая груша опускается, чтобы накормить девушку, и поскольку король – сын старой Дикой Матери, и поскольку этот сад принадлежит ей, то девушка, в сущности, узнает вкус плода, в котором заключены тайны жизни и смерти. Поскольку плод – главный образ циклов цветения, роста, созревания и убыли, то, когда при посвящении человек его съедает, в душе у него начинают идти часы, которые знают ритм Жизни-Смерти-Жизни и впредь боем сообщают, когда пора дать умереть одному и приступить к рождению другого.

Каким способом мы находим эту грушу? Мы погружаемся в тайны женственности, в циклы земли, насекомых, зверей, птиц, трав, цветов, времен года, течения рек и уровня воды в них, в тайну того, как в зависимости от времени года одеяние животных то редеет, то снова становится пышнее, в тайну циклов тусклости и прозрачности наших собственных процессов

индивидуации, циклов обострения и ослабления потребности в сексе, религии, подъеме и спуске.

Есть груши – значит утолять свой острый творческий голод, потребность писать, рисовать, ваять, ткать, высказывать свое мнение, становиться на защиту, выдвигать идеи и творческие планы, каких мир еще не видывал. Это отлично насыщает, когда мы вносим в современную жизнь те женские модели и принципы врожденной чуткости и те циклы, которые обогащают нашу жизнь сейчас.

Истинная природа дерева души такова: оно растет, плодоносит, его используют, оно оставляет после себя семена новой жизни, оно нас любит. Такова загадка Жизни-Смерти-Жизни. Это схема, причем древняя – старше воды, старше света, – и притом безошибочная. Усвоив эти циклы и их символические обозначения, будь то груша, дерево, сад или этапы и возрасты женской жизни, мы сможем полагаться на них, повторяя их снова и снова, проходя тот же цикл точно таким же образом. А схема эта такова: во всем, что умирает, есть бесполезное, но оно становится полезным по мере того, как мы прокладываем через него путь. Какое бы знание нам ни встретилось, оно раскрывается перед нами, когда мы проходим мимо. Во всей живой природе утрата окупается сторицей. Наша задача – истолковать этот цикл Жизни-Смерти-Жизни, прожить его как можно красивее, рычать, как бешеная собака, если не получается, и идти вперед, ибо впереди нас ждет любящая подземная семья души, которая раскроет навстречу нам объятия и поможет нам.

Король помогает девушке жить более умело в подземном мире ее трудов. И это хорошо, ведь при спуске женщина иногда чувствует себя не посвященной, а несчастным чудовищем, которое случайно удрало из лаборатории ученого безумца. Однако со своего наблюдательного пункта обитатели нижнего мира видят в нас благословенную жизнь, которая борется с преградами. В их глазах мы – буйное пламя, бьющееся о темное стекло, чтобы разнести его вдребезги и освободиться. И все силы-помощницы бросаются из нижней обители, чтобы нас поддержать.

В древние времена в историях о женщинах, спустившихся в преисподнюю, говорилось, что они делали это ради того, чтобы получить в мужья короля (в некоторых ритуалах короля не было, и посвященная, вероятно, сочеталась браком с существовавшим в то время воплощением Дикой Женщины из подземного мира). В сказке мы видим рудимент этой истории, когда король, едва увидев девушку, без сомнений и колебаний тотчас полюбил ее как родную. Он узнает в ней родную душу не вопреки отсутствию рук, дикости, облику странницы, а именно благодаря им. Это продолжение темы обездоленности и вместе с тем полноты. Несмотря на то что мы скитаемся неумытые, одинокие, полуслепые и безрукие, великая сила Самости способна нас полюбить и прижать к своему сердцу.

В этом состоянии женщина обычно испытывает сильное волнение – сродни тому, что она ощущает при встрече с мужчиной своей мечты. Это странная пора, парадоксальная пора, поскольку мы находимся на земле и в то же время под землей. Мы скитаемся и в то же время любимы. Мы небогаты и в то же время сыты. У Юнга это состояние называется «напряженность между противоположностями» – что-то одновременно притягивается с каждого полюса души, образуя новую основу. В психологии Фрейда это называется бифуркацией, или раздвоением, при этом важнейший настрой или установка души разделяется на два полюса: белое и черное, хорошее и плохое. У сказителей, принадлежащих к моей культуре, это состояние называется nacio dos vesas, двойное рождение. Это пора, когда по волшебству происходит второе рождение, после чего душа заявляет права на две родословные, одна из которых идет из материального мира, а другая – из незримого.

Король говорит, что будет любить и защищать девушку. Теперь душа больше осознаёт себя, и состоится бракосочетание, причем весьма интересное, – живого короля страны мертвых и безрукой женщины из страны живых. Брак двух таких разных натур должен стать испытанием даже для самой исключительной любви, не так ли? Однако этот союз перекликается со всеми причудливыми сказочными союзами, которые соединяют две сильные, но непохожие жизни. Принцесса и трубочист, женщина и медведь, девушка и

месяц, женщина-тюлениха и рыбак, пустынница и койот. Душа перенимает знание обеих сторон. Это и имеется в виду под двойным рождением.

В сказочных браках, как и в браках земных, великая любовь и союз столь непохожих существ может длиться вечно или лишь до тех пор, пока не будет усвоен урок. В алхимии союз противоположностей означает скорые рождение и смерть, и мы увидим это в сказке.

Король заказывает для девушки-калеки пару духовных рук, которые будут действовать ей на благо в нижнем мире. Именно на этом этапе женщина становится опытной странницей, она полностью посвятила себя этому путешествию, нашла точку опоры для ног, а теперь и для рук. Такая опора в нижнем мире приобретается через умение вызывать, направлять, успокаивать и просить обитающие в этом мире силы, а также прогонять его нежеланные аспекты – сонливость и т.п. Если в верхнем мире рука – это радар, чуткий к состоянию окружающих, то в нижнем мире она может видеть в темноте, а также прозревать прошлое и будущее.

Идея замены утраченных конечностей серебряными, золотыми или деревянными имеет за собой многовековую историю. В сказках народов Европы и приполярных районов обработка серебра – ремесло гомункулов, троллей, двергаров, кобольдов, гремлинов и эльфов, которым соответствуют стихийные аспекты духа, обитающие в глубинах души и раскапывающие там ценные идеи. Эти существа – маленькие психопомпы, то есть гонцы-посредники между душевной энергией и человеческими существами. С незапамятных времен предметы из драгоценных металлов связывают с этими трудолюбивыми, но часто весьма своенравными добытчиками. Это еще один пример того, как душа трудится нам на благо, хотя мы не в состоянии одновременно присутствовать на всех рабочих местах.

Как и все, что связано с духом, серебряные руки несут в себе историю и тайну. Есть много мифов и сказок, в которых говорится, где впервые возникли волшебные протезы, кто их вылепил, отлил, принес, вынул из печи, охладил, отшлифовал и приладил. В классической Греции серебро было одним из драгоценных металлов Гефестовой кузницы. Как и девушка, бог Гефест был искалечен в результате драматических событий, связанных с его родителями. Вполне может быть, что Гефест и король из сказки – взаимозаменяемые персонажи.

С точки зрения архетипа, Гефест и безрукая девица – брат и сестра: у обоих родители не осознают ценности своих детей. Когда родился Гефест, его отец Зевс потребовал его удалить, и мать Гера уступила, по крайней мере до тех пор, пока ребенок вырастет. Впоследствии она вернула Гефеста на Олимп. Он стал замечательным серебряных и золотых дел мастером. Как-то между Зевсом и Герой разгорелась ссора, поскольку Зевс был ревнив. Гефест принял сторону матери, и тогда Зевс сбросил его вниз на скалы. Тогда-то Гефест и покалечил ноги.

Он стал калекой, но отказался сдаваться и умирать. Он раскалил горн докрасна и выковал себе из серебра и золота пару ног – от колен и ниже. Потом он изготовил еще много волшебных вещей и стал богом любви и мистического возрождения. Его можно назвать покровителем тех вещей и людей, которые оказались искалеченными, сломанными, расщепленными, треснувшими, увечными. Особо любит он тех, кто родился калекой, и тех, у кого разбито сердце или мечта.

Всем им он оказывает помощь, используя средства, которые выковал в своей удивительной кузнице: скрепляет сердца тончайшими золотыми скобками, укрепляет искалеченные конечности накладками из золота и серебра, наделяет волшебными силами, которые искупают ущерб.

Не случайно во все времена считалось, что одноглазые, хромые, обезножевшие обладают особым знанием. Увечье или непохожесть на других рано вынуждает их исследовать те части души, которые обычно предназначены для глубоких стариков. За ними присматривает Гефест, этот любящий кузнец души. Как-то он сделал двенадцать девушек с руками и ногами из серебра и золота, и все они умели ходить и говорить. Легенда рассказывает, что он влюбился в одну из них и стал просить богов, чтобы те превратили ее в человека. Но это совсем другая история.

Получить серебряные руки – значит обрести умения рук духовных: исцелять прикосновением, видеть в темноте, получать глубокое знание благодаря физическому чутью. Они несут с собой целую науку душевного врачевания, помогающую питать, исправлять и поддерживать. На этом этапе девушка обретает прикосновение раненой целительницы. Эти душевные руки помогут ей лучше понимать тайны подземного мира, но они останутся с ней как дары, когда она завершит свою работу и снова поднимется наверх.

Для этого этапа спуска характерно, что сверхъестественные, странные и целительные события происходят помимо воли эго, – это результат того, что девушка получает духовные руки, то есть энергию мистического целительства. В старину эти мистические способности принадлежали старшим женщинам деревни. Но они получали их не с первыми седыми волосами, а накапливали за долгие годы тяжелого труда, воспитания выносливости. Именно этим мы и занимаемся.

Можно сказать, что серебряные руки знаменуют коронацию девицы, в результате которой она получает новую роль. Она увенчана не короной на голове, а серебряными руками. Она становится королевой подземного мира. Давайте слегка углубимся в палеомифологию и вспомним, что в греческой мифологии Персефона была не только дочерью своей матери, но и владычицей подземного царства.

Есть и менее известные истории о Персефоне, в которых она выносит разные муки: висит три дня на Древе Мира, чтобы спасти души тех, кто сам недостаточно страдал и потому не сумел углубить свой дух. В сказке «Безрукая девица» можно услышать отголоски этой женской ипостаси Христа. Параллель становится еще более явной, если учесть, что Элизиум, место, где Персефона жила в царстве мертвых, означает «страна яблок»: alisier – догалльское слово, обозначавшее ягоду, яблоко, – и Артуровский Аваллон означает то же самое. Безрукая девица напрямую связана с цветущей яблоней.

Таков древний шифр. Когда мы научимся его разгадывать, то увидим, что Персефона – из страны яблок; безрукая девица и цветущая яблоня – это одна и та же временная обитательница дикой страны. Из всего этого следует, что сказки и мифы оставили нам четкую карту знаний и практик прошлого и путь, которым нужно следовать в настоящем.

На этом заканчивается четвертое испытание безрукой девицы – можно было бы сказать, что девичья часть спуска завершена, поскольку она стала королевой жизни и смерти. Теперь она лунная женщина, которая знает, что происходит ночью; даже само Солнце должно прокатиться мимо ее подземных владений, чтобы обновиться для следующего дня. Но это еще не lysis, не конец. Мы лишь на середине превращения – это место, где нас задерживает любовь и откуда мы медленно ныряем в следующую бездну. Итак, вперед!

Этап пятый: терзания души

Король отправляется на войну в дальние страны и просит мать позаботиться о молодой королеве, а также наказывает ей послать ему весть, когда супруга родит дитя. Молодая королева производит на свет здорового младенца, и радостная весть уже в пути. Но гонец засыпает у реки, и тут снова появляется дьявол и подменяет письмо, которое теперь гласит: «Королева родила полуребенка-полусобаку».

Король приходит в ужас, но шлет ответное письмо, в котором просит любить королеву и заботиться о ней в это страшное время. Гонец снова засыпает у реки, снова появляется дьявол и подменяет послание, в котором теперь говорится: «Убейте королеву вместе с ребенком». Старая мать, потрясенная этой просьбой, посылает гонца за подтверждением. Гонцы скачут взад и вперед и каждый раз засыпают у реки. Подметные письма дьявола становятся все ужаснее, и наконец последнее гласит: «Сохраните язык и глаза королевы как доказательство того, что она убита».

Королева-мать отказывается убивать кроткую молодую королеву. Взамен она жертвует ланью, оставляет язык и глаза и прячет их. Она помогает молодой королеве привязать

ребенка к груди, закрывает ей лицо накидкой и велит бежать, спасая жизнь. Женщины плачут и расстаются.

Как Синяя Борода, Ясон из мифа о золотом руне, идальго из «La Llorona» и другие сказочные и мифологические мужья и возлюбленные, король женится, а потом уезжает. Почему все эти мужья исчезают так быстро, вскоре после брачной ночи? В каждой сказке причина своя, но главный душевный факт везде одинаков: царственная энергия души отступает и исчезает, чтобы женщина смогла перейти к следующему этапу процесса – испытанию только что обретенного душевного состояния. Что до короля, то он не покинул супругу, ведь в его отсутствие за ней присматривает его мать.

Следующий шаг – образование связи между девушкой, старой Дикой Матерью и рождением. Происходит испытание любовной связи между девушкой и королем и между девушкой и старой матерью. Первая – это связь между противоположностями, вторая имеет отношение к любви, исходящей из глубинной женской Самости.

Отъезд короля – распространенный сказочный мотив. Если мы ощущаем не исчезновение опоры, а уменьшение близости этой опоры, то можем быть уверены, что скоро начнется пора испытаний: нам придется питаться лишь памятью души, пока не вернется любимый. В это время нашей единственной любовью станут сновидения, особенно самые яркие, самые пронзительные.

Вот типичные сны, которые, по рассказам женщин, очень поддерживали их во время следующего этапа.

Одной нежной и пылкой женщине средних лет приснилось, что она видит в глине очертания губ. Она ложится на землю, и губы шепчут ей какие-то слова, а потом неожиданно целуют в щеку.

Другая женщина, которая очень много работала, увидела, казалось бы простой сон: что всю ночь она спала беспробудным сном. Она рассказывала, что проснувшись, почувствовала себя замечательно отдохнувшей: во всем организме не было ни единой мышцы, ни единого нерва, ни единой клетки, которая бы не была в полном порядке.

Еще одной женщине приснилось, что ей делают операцию на сердце. При этом над операционной не было кровли, так что вместо хирургической лампы было солнце. Женщина почувствовала, как лучи солнца коснулись ее обнаженного сердца, и услышала, как хирург сказал, что больше ничего делать не нужно.

Сны, подобные этим, являются переживаниями дикой женской природы и Того, Кто нас просветляет. Эмоционально, а часто и физически яркие, они несут в себе душевные состояния, которые можно сравнить с запасом продовольствия. Мы можем черпать из них, когда наша духовная пища оскудеет.

Когда король отбывает навстречу опасности, его душевное участие в спуске сохраняется благодаря любви и памяти. Девица понимает, что царственный принцип подземного мира предан ей и не покинет ее, как и было обещано перед их бракосочетанием. В эту пору женщина часто бывает «полна собой». Она беременна, то есть полна зарождающейся идеей о том, какой может стать ее жизнь, если она продолжит свой труд. Как мы увидим, это волшебное и мучительное время, потому что это лишь один цикл спуска, и за поворотом нас ожидает следующий.

Именно по причине зарождения новой жизни жизнь женщины снова спотыкается на краю обрыва и снова летит в бездну. Но на этот раз любовь внутреннего мужского начала и старой Дикой Самости будут служить для нее особенно надежной поддержкой.

От союза короля и королевы нижнего мира рождается дитя. Дитя, рожденное в нижнем мире, – волшебное дитя, обладающее всеми возможностями, связанными с нижним миром, к примеру, острым слухом и врожденным чутьем, но пока все это находится в зачаточном состоянии. Именно в эту пору странствия у женщины возникают ошеломляющие идеи – можно называть их грандиозными, – которые являют собой результат новых, юношеских взглядов и надежд. У очень молодых это может принять такое простое выражение, как обретение новых интересов и друзей. Для женщин постарше это может означать всю

трагикомическую историю, связанную с разводом, новым браком и предполагаемым счастьем без конца.

Духовное дитя заставляет сорокапятилетнюю женщину-домоседку лазать по горам. Духовное дитя заставляет женщину забросить свою жизнь, главной целью которой была забота о блеске полов, и поступить в университет. Это духовное дитя заставляет женщину, которая всю жизнь занималась невинными пустяками, выйти на дорогу, сгибаясь под тяжестью рюкзака.

В духовном смысле родить – значит стать собой, то есть нераздельной душой. До того, как в нижнем мире родится эта новая жизнь, женщина чаще всего думает, что все присутствующие в душе элементы и личности – это что-то вроде шайки бродяг, которые то забредают в ее жизнь, то покидают ее. Рождение в подземном мире учит женщину: все, что ее касается, составляет ее часть. Иногда бывает трудно различить все аспекты души, особенно те склонности и потребности, которые мы считаем неприемлемыми. Задача полюбить свои непривлекательные стороны – это тоже своеобразный подвиг, ничуть не меньше тех, какие совершали героини сказок и мифов.

Порой мы боимся, что обнаружение в душе нескольких личностей может быть показателем душевного расстройства. Действительно, психически больные люди тоже ощущают в себе много личностей, отчетливо отождествляя себя с ними или ополчаясь против них, тогда как психически здоровый человек подходит ко всем своим внутренним личностям спокойно и разумно. Если использовать их с толком, это способствует росту и процветанию человека. Для большинства женщин опека и воспитание внутренних личностей – это творческая работа, способ познания, а не повод для беспокойства.

Итак, безрукая девица ждет ребенка, новую маленькую дикую личность. Беременный организм делает то, что хочет делать, то, что умеет. Новая жизнь завязывается, делится, набухает. На этом этапе душевного процесса женщина может пережить еще одну энантиодромию – психическое состояние, при котором все то, что некогда считалось ценным, теперь уже не так ценно, а кроме того, на смену ему могут прийти новые, непреодолимые устремления к странным и необычным зрелищам, переживаниям, занятиям.

Так, для многих женщин брак раньше был всем на свете. Теперь, в состоянии энантиодромии, они хотят вырваться на свободу: брак – это зло, брак – это чушь, брак – полное дерьмо. Поставьте вместо слова «брак» слова «любовник», «работа», «тело», «искусство», «жизнь» и «выбор» – и перед вами душевный настрой женщины в эту пору.

Но есть еще и страстные желания. Да! Женщине может страстно захотеться побыть у воды или лечь ничком, уткнуться носом в землю и вдыхать ее дикий аромат. Она может испытывать непреодолимое желание ехать навстречу ветру, желание что-то посеять, что-то прополоть, выдернуть что-то из земли или посадить в землю, желание месить тесто и печь пироги, извозившись по локти в муке.

Ей может взбрести в голову бродить по холмам, перепрыгивая с камня на камень и пробуя голос у горных склонов. Ее может притягивать звездное ночное небо, когда звезды похожи на пудру, рассыпанную на черном мраморном полу. У нее может возникнуть ощущение, что она умрет, если не потанцует голой в грозу, не посидит в полной тишине, не вернется домой вся в чернилах, в краске, в слезах, в бликах лунного света.

Новая личность на подходе. Наша внутренняя жизнь, наша привычная жизнь вот-вот изменится. Хотя это не значит, что необходимо затеять сумасшедшую уборку и выбросить приемлемые и в особенности – полезные аспекты своей жизни; это значит, что во время спуска верхний мир и его идеалы бледнеют, и нас ожидают временные беспокойство и неудовлетворенность, – ведь удовлетворенность, исполнение желаний переживают процесс рождения во внутренней реальности.

Того, чего мы так жаждем, никогда не смогут дать нам ни партнер, ни работа, ни деньги, ни новые приобретения. Мы жаждем иного мира, мира, который бы насытил нашу женскую жизнь. И это дитя, эту новую Самость, которую мы ожидаем, можно обрести только одним способом: терпением. Срок нашей жизни и работы в подземном мире идет

своим чередом, а тем временем дитя зреет и скоро родится. В большинстве случаев его рождение предвещают женские сны: буквальные сны о новом ребенке, о новом доме, о новой жизни.

Теперь королева-мать и молодая королева остаются вдвоем. Угадайте, кто она, королева-мать? Все та же старая La Que Sabe. В женском бессознательном [28] королева-мать олицетворяет и заботу, качество Деметры, и старость, качество Гекаты [29].

Во взаимоотношениях безрукой девицы и королевы-матери мы слышим отзвук алхимического превращения женщины: девушка – мать – la curandera, старуха-целительница. Обе представляют собой одно и то же психологическое уравнение. Хотя в этой сказке образ королевы-матери получился несколько схематичным, как и образ девушки в начале истории, когда та, облачившись в белую рубашку и чертя мелом круг, выполняет ритуал, но она тоже знает древние ритуалы, и мы в этом еще убедимся.

Когда рождается дитя-Самость, старая королева-мать посылает к королю гонца с вестью о том, что молодая королева родила сына. Гонец кажется совершенно нормальным, но, приближаясь к речному потоку, он ощущает все большую сонливость и засыпает – и тут появляется дьявол. Это ключ, подсказывающий нам, что впереди душу ждет новое испытание – следующая задача, которую придется выполнить в подземном мире.

В греческих мифах в подземном мире протекает река Лета – выпив ее воды, человек забывает все, что он говорил и делал. С психологической точки зрения это означает стать равнодушным к реальной жизни. Гонец, который должен обеспечивать связь между этими двумя компонентами новой души, еще не способен одолеть гнездящиеся в психике гибельно-искусительные силы. Связующая функция души ощущает сонливость, ложится, засыпает и все забывает.

А теперь угадайте, кто всегда тут как тут? Конечно же, старый охотник за девушками, голодный дьявол. Само слово «дьявол» дает основание утверждать, что эту сказку покрывают более поздние религиозные наслоения. В ней гонец, река и погружающий в забытье сон дают нам понять, что под строками, прямо под верхним слоем, таится древняя религия.

Такова была архетипическая модель спуска с начала времен, и мы тоже следуем этой извечной схеме. И у нас позади череда устрашающих задач. Мы видели дымное дыхание смерти. Мы одолели цепкие леса, ходячие деревья, ползучие корни, застилающий глаза туман. Мы – героини души, наши чемоданы наполнены медалями. Кто теперь может нас винить? Нам хочется отдохнуть. Мы многое вынесли и заслужили отдых. И вот мы ложимся. Рядом с живописной рекой. Священный процесс не забыт, а просто… просто… просто нам хочется устроить передышку, совсем ненадолго, только на минуточку закрыть глаза…

И не успеваем мы опомниться, как дьявол уже тут как тут, подменяет послание, предназначенное возбудить любовь и радость, на другое, способное вызвать только отвращение. Дьявол олицетворяет душевную напасть, которая с ухмылкой изводит нас, вопрошая: «Неужто теперь, когда тебя любят, ты вернулась к былой невинности и наивности? Теперь, когда ты родила? Неужели, дурочка, ты полагаешь, что твои испытания закончились?»

Но мы продолжаем мирно похрапывать, потому что находимся на берегу Леты. Это ошибка, которую совершают все женщины, и не однажды, а много раз. Мы забываем про дьявола. Письмо подменяют, и вместо победного «Королева родила прелестное дитя» в нем написано: «Королева родила полуребенка-полусобаку». В другой версии этой же сказки подметное письмо еще более красноречиво: «Королева родила полуребенка-полусобаку, так как в лесу совокуплялась со зверями».

Этот образ получеловека-полусобаки не случаен. На самом деле это удивительный фрагмент древних религий, которые были распространены во всей Европе и Азии и основывались на поклонении Богине – в те времена обычно трехголовой. В разных системах эта богиня представлена в образах Гекаты, Бабы Яги, фрау Холле, Берхты, Артемиды и других. Каждая из них могла принимать облик собаки или была тесно связана с ней.

В древних религиях эти и другие величавые женские божества были хранительницами женских традиций посвящения и обучали женщин на всех стадиях жизни – девушки, матери, старухи. Рождение получеловека-полусобаки – искаженное представление древних диких богинь, чья инстинктивная природа почиталась священной. Новая религия постаралась опорочить священный смысл тройственной Богини, утверждая, что богини спаривались с животными и поощряли к этому своих последовательниц.

Именно в это время архетип Дикой Женщины был свергнут с пьедестала и погребен глубоко под землей, а дикое женское начало стало приходить в упадок. Мало того, говорить о нем теперь можно было только шепотом и тайком. Нередко женщинам, которые продолжали любить старую Дикую Мать, приходилось опасаться за свою жизнь. И в конце концов знание о ней стало доходить до нас только в виде сказок и фольклора, в трансовых состояниях да в сновидениях. Спасибо Богу и за это.

Если в «Синей Бороде» мы узнали естественного хищника как существо, отсекающее женские идеалы, чувства и поступки, то здесь, в «Безрукой девице», мы знакомимся с гораздо более тонким, но чрезвычайно сильным аспектом хищника, с которым мы должны встречаться в собственной душе, а кроме того, все чаще и чаще – в своем внешнем окружении.

Из «Безрукой девицы» мы узнаем, что у хищника есть способность искажать человеческие впечатления и жизненно важные представления, необходимые нам для того, чтобы развить во внешней и внутренней жизни нравственную силу, широту видения и способность к ответственным поступкам. В «Синей Бороде» хищник никому не дает жить. В «Безрукой девице» дьявол позволяет жить, но пытается помешать женщине восстановить связь с глубоким знанием инстинктивной природы, которое содержит в себе автоматическую правильность восприятия и действия.

Поэтому, когда в сказке дьявол подменяет письмо, это в каком-то смысле можно считать подлинным описанием некоего исторического события, которое имеет особую актуальность для современных женщин, выполняющих душевный труд – спуск и осознание. Удивительно, но многие аспекты общества (я имею в виду коллектив и господствующую систему убеждений группы людей, живущих достаточно близко для того, чтобы оказывать друг на друга влияние) до сих пор поступают по отношению к внутренней работе, личной жизни и душевным процессам женщины так же, как это делает дьявол. Изымая одно, препятствуя другому, тут подрезая корень, там затыкая отверстие, «дьявол» в обществе и хищник в женской душе вынуждают многие поколения женщин трепетать от страха и все же скитаться наугад, не имея ни малейшего представления о причинах этого или о том, что они утратили дикую природу, которая могла бы им все открыть.

Это правда, что хищник любит свою добычу, то есть жаждет души, тоскует по ней или имеет какую-то другую слабость, но сказки показывают нам, что хищника также привлекает сознание, обновление, спасение и вновь обретенная свобода. Стоит ему учуять все это, и он тут как тут.

Хищника изобличает бесчисленное множество сказочных текстов – есть они и в этой сказке, и в других, а также в мифах: греческом об Андромеде и ацтекском о Малинче. Его извечные уловки – опорочить цель противника, использовать пренебрежительные слова для описания жертвы, а также туманные суждения, предписания и незаконные кары. Все эти способы хищник использует для того, чтобы заменить животворящие вести, которыми обмениваются душа и дух, на умерщвляющие, которые ранят наше сердце, пятнают стыдом и, что еще плачевнее, мешают нам совершать правильные поступки.

Можно привести много примеров того, как хищник формирует принятые в обществе мысли и чувства с целью похитить у женщин свет. Один из самых поразительных примеров утраты естественного восприятия – целые поколения женщин, чьи матери нарушили традицию обучения, подготовки своих дочерей и посвящения их в такой важный физический аспект женской жизни, как менструации. [30] В нашем обществе, как и во многих других, дьявол изменяет весть так, чтобы первое кровотечение и все последующие его циклы стали

восприниматься не как чудо, а как унижение. В итоге миллионы молодых женщин утратили это наследие – чудесное тело – и стали ощущать себя умирающими, больными или наказанными Богом. Общество и составляющие его люди подхватили это фальсифицированное послание дьявола, не удосужившись его проверить, и принялись передавать друг другу. Последствия оказались самыми серьезными: женскую пору обостренной эмоциональной и сексуальной восприимчивости люди превратили в пору стыда и наказания.

Из этой истории видно: если хищник внедряется в культуру, будь то душа или общество, различные аспекты или члены этой культуры должны призвать на помощь острую проницательность, должны читать между строк, быть начеку, чтобы не стать жертвами возмутительных и одновременно волнующих притязаний хищника.

Там, где ощущается избыток хищника и недостаток дикой души, экономические, социальные, эмоциональные и религиозные структуры общества постепенно вносят искажения в самые сокровенные ресурсы как духовной, так и земной жизни. Естественные циклы, истощаясь, принимают неестественный вид, их терзают неразумным применением или умерщвляют. Ценность дикого и интуитивного принижается, делаются мрачные выводы о мнимой опасности инстинктивной природы. И тогда, избавившись от подлинной святости и подлинного смысла, в качестве высших ценностей провозглашают разрушительные и мучительные методы и средства.

Но как бы дьявол ни лгал, пытаясь подменить прекрасные вести о подлинной жизни женщины вестями коварными, завистливыми и губительными для жизни, мать короля видит, что происходит на самом деле, и отказывается пожертвовать дочерью. Если перевести это на современный язык, она не станет затыкать дочери рот, не станет мешать ей высказывать правду, не станет учить ее преуменьшать свои достоинства ради большей выгоды. Рискуя навлечь на себя кару, эта дикая мать из подземного мира делает то, что считает самым разумным. Она не вступает в сговор с хищником, а побеждает его тем же оружием – хитростью. Она не сдается. Она знает, что такое целостность, знает, что нужно женщине для процветания, знает все повадки хищника, знает, как с ним справиться. Даже под нажимом самых лживых вестей, исходящих от души или общества, даже если хищник в душе или в обществе пользуется полной свободой, мы всегда можем услышать ее подлинные дикие советы и следовать им.

Именно это узнают женщины, когда докапываются до дикой инстинктивной природы, когда завершают труд сокровенного посвящения и развития сознания. Развивая способность безупречно видеть, слышать, жить и действовать, они обретают колоссальные возможности. Они учатся искать хищника – а не отгонять его, игнорировать или быть с ним милой. Они изучают проделки и личины хищника и образ его мышления. Они учатся «читать между строк» во всем, что касается вестей, запретов, ожиданий или обычаев, которые были искажены и из подлинных превратились в средства манипуляции. И тогда, откуда бы нам ни грозил хищник – из собственной души, из окружающего общества или с обеих сторон, – мы бдительны, готовы дать ему отпор и поступить так, как необходимо.

В этой сказке дьявол олицетворяет все то, что искажает понимание сокровенных процессов женской души. Ведь для того, чтобы травить души женщин, не обязательно быть Торквемадой [31]. Их можно травить из лучших побуждений, насаждая новые, неестественные порядки, которые, если позволить им зайти слишком далеко, отнимают у женщины питающую ее дикую природу и способность формировать свою душу. Женщина не должна жить так, будто она родилась в десятом веке, и все же старое знание – это знание на все времена, вечная, бессмертная наука, которая и через пять тысяч лет будет такой же ценной, как сегодня и как пять тысяч лет назад. Это архетипическое знание, а над таким знанием время не властно. Но полезно помнить и о том, что над хищником оно тоже не властно.

Здесь есть еще один, совсем иной смысл: поскольку тот, кто подменяет вести, – это извечная, существующая в душе и в обществе противоборствующая сила, она естественно

противостоит новому ребенку-Самости. При этом происходит нечто парадоксальное: поскольку мы должны реагировать, чтобы эту силу победить или уравновесить, сама борьба придает нам невиданные силы. В ходе личной душевной работы мы постоянно получаем от дьявола подметные письма, в которых вместо «я хорошая» стоит «я посредственная», вместо «я занимаюсь важнейшей работой» – «я занимаюсь никчемной работой», вместо «я становлюсь другой» – «у меня ничего не выходит», вместо «я храбрая» – «я трусиха», вместо «я мудрая» – «мне стыдно за себя». Они нас смущают, если не сказать больше.

Итак, мать короля вместо молодой королевы приносит в жертву лань. В душе, как и в обществе, можно наблюдать странное психическое явление. Дьявол показывается не только в тех случаях, когда люди терпят голод и лишения, но пророй тогда, когда происходит что-то невероятно прекрасное – в данном случае, рождение прелестного младенца. Хищника всегда притягивает свет, а где он найдет больше света, чем у истоков новой жизни?

Но в душе есть и другие разрушительные силы, которые тоже пытаются унизить или опорочить новое. Когда женщина знакомится с подземным миром, этому сопутствует непреложный душевный факт: как только рождается что-то прекрасное, сразу же, пусть только на время, возникает что-то гнусное, завистливое, выражающее непонимание или презрение. Один или несколько настойчивых хулителей назовут новорожденного дауном, назовут уродом и подвергнут осуждению. Рождение нового заставляет комплексы – враждебного отца, враждебную мать и другие враждебные существа – восстать с душевной свалки и попытаться по меньшей мере подвергнуть новый порядок острой критике, а прежде всего – постараться задавить женщину и ее новорожденное потомство, идею, жизнь или мечту.

Это все тот же старый сценарий, которым пользовались в древности такие отцы, как Кронос, Уран и Зевс, вечно пытавшиеся съесть или изгнать своих потомков, движимые каким-то смутным страхом, что дети одержат над ними верх. Юнг назвал бы эти разрушительные силы комплексом, присутствующей в душе организованной совокупностью чувств и представлений, которая не осознается эго, а потому способна в большей или меньшей степени одержать над нами верх. В психоаналитической среде в качестве противоядия предлагается выявление своих слабых и сильных сторон – тогда комплекс не сможет действовать по инерции – стихийно и непредсказуемо.

Фрейд сказал бы, что источник этой разрушительной силы – Оно: темная, неопределенная и бесконечная страна души, где, разбросанные, как обломки после крушения, ослепшие от недостатка света, живут все забытые, подавленные и отвлекающие идеи, побуждения, желания и действия. В этой психоаналитической среде разрешить проблему можно, если вспомнить исходные мысли и побуждения, привести их в сознание, описать, дать имена и классифицировать, чтобы извлечь их силу.

В некоторых исландских сказках говорится, что иногда этой обитающей в душе волшебной разрушительной силой может быть Брак, ледяной человек. Есть древнее сказание, в котором повествуется о безупречном убийстве. Брак, ледяной человек, убивает женщину, которая не отвечает ему взаимностью. Он убивает ее сосулькой, имеющей форму кинжала. На следующий день выходит солнце, и сосулька тает, как и сам ледяной человек, после чего не остается орудия, которое изобличило бы убийцу. И от убийцы тоже ничего не остается.

Зловещий образ ледяного человека из мира мифов имеет ту же сверхъестественную способность исчезать и появляться, что и комплексы человеческой души, и те же повадки, что у дьявола из сказки о безрукой девице. Вот почему появление дьявола так дезориентирует посвящаемую. Как и ледяной человек, он возникает из ниоткуда, выполняет свою смертоносную работу и исчезает, превращается в ничто, не оставляя никакого следа.

Однако в этой истории есть замечательный ключ: если вам кажется, что вы утратили свое предназначение, свой задор, если ощущаете смятение, легкую растерянность, поищите дьявола, ловца душ, у себя внутри. Если не удается увидеть, услышать, поймать его с

поличным, сделайте вывод, что он занят своим делом, и главное – будьте бдительны, как бы вы ни устали, как бы вас ни одолевала сонливость, как бы вам ни хотелось закрыть глаза на свой истинный труд.

На самом деле, когда у женщины есть комплекс дьявола, это происходит именно так. Она живет-поживает, занимается своим делом, и вдруг – бах! – выскакивает дьявол, и все ее хорошее дело разом теряет энергию, начинает хромать, задыхаться и в конце концов гибнет окончательно. То, что можно назвать комплексом демона, использует голос эго, нападает на наше творческое начало, на наши замыслы и мечты. В сказке он проявляется как нелепая попытка обесценить женское ощущение мира земного и мира подземного посредством раскола естественного conjunctio, соединения, рационального и мистического. Дьявол лжет, утверждая, что итогом пребывания женщины в подземном мире стало животное: в действительности им стало прекрасное дитя.

Когда разные святые писали о том, что для сохранения веры в избранного Бога им пришлось бороться, ночи напролет отражая нападения дьявола, который обжигал их уши словами, призванными ослабить их решимость, сотрясал их глаза зрелищами ужасных призраков, волочил их душу по битому стеклу, – они имели в виду именно это: выскакивающего из засады дьявола. Цель этой душевной засады – подорвать вашу веру не только в самое себя, но и в ту скрупулезную и тонкую работу, которую вы выполняете в бессознательном.

Чтобы в такое время идти дальше, необходимо изрядное количество веры, но мы должны идти – и идем. Король, королева и мать короля – все элементы души тянут в одном направлении, в нашем направлении, и мы должны упорствовать вместе с ними. В этот момент работа вступает в свою завершающую стадию. Бросить ее теперь – неразумно и к тому же мучительно.

Король нашей души обладает стойкостью. Его не собьешь с ног первым же ударом. Он не замкнется, тая ненависть и месть, как хотелось бы дьяволу. Король, который так любит свою жену, потрясен лживой вестью дьявола, однако шлет ответное письмо, в котором призывает заботиться о королеве и младенце в его отсутствие. Это испытание нашей внутренней уверенности: могут ли две силы сохранить связь, даже если одну из них объявляют мерзкой и презренной? Сможет ли другая остаться рядом, несмотря ни на что? Сможет ли союз уцелеть, несмотря на старательно зароненные семена сомнения? До сих пор ответом было «да». Проверка возможности скрепленного вечной любовью брака между диким подземным миром и земной душой завершилась весьма впечатляюще.

Возвращаясь в замок, гонец снова засыпает у реки, и дьявол подменяет письмо на приказ убить королеву. Хищник надеется, что душа разделится на два полюса и сама себя истребит, целиком отвергнув один из своих аспектов, самый важный, только что пробудившийся, – знающую женщину.

Мать короля приходит в ужас от этого послания, и они с сыном вступают в длительную переписку, в которой каждый пытается выяснить смысл полученной вести, пока наконец дьявол не подменяет послание короля на письмо, которое гласит: «Убейте королеву и сохраните глаза и язык в качестве доказательства ее смерти».

Здесь мы видим девушку без мирской хватки, без рук, поскольку дьявол добился, чтобы их отрубили. Теперь он настаивает на дальнейшей ампутации. Он хочет лишить ее способности изрекать и видеть истину. Мы знаем, что имеем дело с дьяволом, и все же его требование заставляет нас затаить дух. Ведь то, что он хочет увидеть, постоянно происходит – именно такое поведение отягощает женщин с незапамятных времен. Он хочет, чтобы женщина подчинилась запретам: «Не смей видеть жизнь такой, как она есть. Не смей понимать циклы жизни и смерти. Не смей следовать своим желаниям. Не смей говорить обо всех этих диких вещах».

Старая Дикая Мать, которую олицетворяет мать короля, разгневана требованиями дьявола. «Слишком много хочет!» – заявляет она. Она просто отказывается выполнять его приказы. Если речь идет о женской работе, душа говорит: «Это слишком. Этого я не могу

терпеть и не буду». В результате полученного при этом посвящении духовного опыта, которому сопутствует испытание на выносливость, душа начинает действовать более трезво.

Старая Дикая Мать могла бы подобрать юбки, оседлать пару лошадей и поскакать к сыну, чтобы узнать, что на него нашло, зачем он велел убить прелестную молодую королеву и первенца, но она этого не делает. Взамен, поступая согласно освященному веками обычаю, она отсылает юную женщину, проходящую обряд посвящения, в следующее место посвящения – в леса. В некоторых обрядах таким местом бывала пещера или подножие горы, но в подземном мире, где преобладает символ дерева, это чаще всего лес.

Поймите, что это означает: отсылая девицу на новое место посвящения, королева-мать следовала бы естественному ходу событий, даже если бы дьявол не выскочил из засады и не подменил письмо. На этапе спуска есть несколько мест посвящения, которые следуют одно за другим, и каждое несет свой урок и свое утешение. Можно сказать, что дьявол практически гарантирует, что мы ощутим потребность встать и поспешить к следующему месту.

Вы помните, после родов наступает естественная пора, когда считается, что женщина принадлежит к подземному миру. Она покрыта его пылью, увлажнена его влагой; во время родов она заглянула в тайны жизни и смерти, боли и радости [32]. Поэтому она временно находится «не здесь», а все еще «там». Чтобы вернуться, ей нужно время.

Девица похожа на только что родившую женщину. Она поднимается с родильного кресла в подземном мире, где дала жизнь новым идеям, новому взгляду на жизнь. Теперь она окутана покрывалом, ее дитя у груди, и она снова отправляется в путь. В версии сказки «Безрукая девица», принадлежащей братьям Гримм, ребенок – мальчик, а зовут его Печальник. Но в религиях Богини духовное дитя, родившееся от союза женщины с королем подземного мира, носит имя Радость.

Здесь мы снова видим след древней религии. После того, как у девицы родилась новая самость, мать короля отправляет молодую королеву в долгое посвящение, которое, как мы увидим, познакомит ее с циклами, характерными для женской жизни.

Старая Дикая Мать дает девице двойное благословение: она привязывает дитя к полным молока грудям матери, – пусть дитя-Самость получает пищу, что бы ни случилось дальше. Потом, поступая в традиции культов древней Богини, она закутывает девицу в покрывало – первейшее одеяние, которое Богиня надевает, когда отправляется в священное паломничество, желает остаться неузнанной или не хочет, чтобы ее отвлекали от цели. В Греции многочисленные скульптуры и рельефы изображают участниц Элевсинских мистерий, когда они, окутанные покрывалами, ждут следующего этапа посвящения.

Что означает этот символ, покрывало? Он показывает, что спрятаться и замаскироваться – это разные вещи. Он также учит нас секретности, замкнутости, умению не выдавать свою тайную природу. И еще он имеет отношение к сохранению эроса и тайны дикой природы.

Иногда нам бывает не по силам долго держать свою новую жизненную энергию в преобразующем тигле, чтобы что-то приобрести. Мы должны держать ее при себе, не отдавая по первому требованию или по любому случайному поводу, даже если нам внушают, что следует открыть крышку и вылить нашу самую сокровенную душевную энергию в чужие рты или на землю.

Окутать что-то покрывалом – значит усилить его действие или ощущение. Женщины знают это как свои пять пальцев. Моя бабушка говорила: «занавесить миску». Это значило накрыть миску с тестом белой салфеткой, чтобы дать ему подняться. Покрывало для теста и покрывало для души выполняют одну и ту же функцию. Во время спуска происходит сильное брожение женской души, мощный подъем. Если накрыть ее покрывалом, это обостряет мистическую интуицию. Сквозь покрывало все люди выглядят призраками, все события и предметы – как на рассвете или во сне.

В шестидесятые годы женщины занавешивали себя волосами. Они отращивали их

очень длинными и использовали как занавеску, как способ закрыть лицо – как будто мир был слишком распахнутым, слишком голым, и волосы могли обеспечить их ранимой самости уединение и защиту. На Среднем Востоке есть танец с покрывалами и, конечно, современные женщины-мусульманки носят покрывала. Платки восточно-европейских женщин и трахес, [51] которые носят женщины Центральной и Южной Америки – это тоже остатки покрывал. Кстати, индийские женщины тоже носят покрывала, как и африканские.

Обозрев нашу планету, я даже стала слегка жалеть современных женщин, которые не носят покрывал. Ведь быть свободной и носить покрывало, если захочется, – значит хранить в себе силу Загадочной Женщины. Видеть такую женщину под покрывалом – очень яркое ощущение.

Однажды я наблюдала зрелище, которое на всю жизнь сделало меня поклонницей покрывал: моя кузина Ева готовилась к вечернему свадебному торжеству. Я, тогда восьмилетняя, сидела на ее чемодане: венок успел сбиться набок, один носок натянут, другой съехал и спрятался в туфле. Сначала она надела длинное белое атласное платье, которое на спине застегивалось на сорок обтянутых атласом пуговок, потом длинные белые атласные перчатки, на каждой из которых красовалось десять обтянутых атласом пуговок. Потом набросила на прелестное личико и плечи фату – длинное, до полу, покрывало. Тетушка Тереза принялась оправлять фату, бормоча под нос обращенные к Богу молитвы, чтобы все обошлось наилучшим образом. Дядюшка Себастьян застыл в дверях, потому что Ева уже не была смертной. То была Богиня. Сквозь фату ее глаза отливали серебром, волосы мерцали звездами, рот пылал алым бутоном. В ней были внутренняя сосредоточенность, собранность, сила и приличествующая случаю недоступность.

Некоторые называют покрывалом девственную плеву. Другие говорят про покров иллюзии. Но это не все. Как ни парадоксально, хотя покрывало использовали, чтобы скрыть свою красоту от чужой похоти, оно же – предмет из арсенала роковой женщины. При соответствующей внешности надеть соответствующее покрывало в соответствующее время в присутствии соответствующего любовника – значит выпустить такой заряд знойной чувственности, от которого перехватывает дыхание. В женской психологии покрывало символизирует способность принимать любой облик, выражать любую сущность.

В женщине под покрывалом есть какая-то поразительная нуминозность. Она вызывает такое благоговение, что все встречные замирают на месте, настолько пораженные ее призрачным величием, что даже не смеют к ней обратиться. В сказке девица, перед тем как отправиться в путь, закутана в покрывало, а значит, недосягаема. Никто не осмелится поднять покрывало без ее разрешения. После всех посягательств дьявола она снова под защитой. Женщины тоже проходят такое превращение. Когда они пребывают в подобном состоянии, чуткие люди знают, что в их душевное пространство не следует вторгаться.

Итак, после всех полученных душой лживых вестей, и даже в изгнании, нас защищает некая высшая мудрость, некое великолепное и питательное одиночество, которое возникло благодаря нашей связи со старой Дикой Матерью. Мы снова в пути и при этом в безопасности. Надетое покрывало – знак нашей принадлежности к Дикой Женщине. Мы ее дочери, и, хоть и не являемся недосягаемыми для мира, но она все же удерживает нас от полного погружения в повседневность.

Нас не ослепляют увеселения верхнего мира. Мы скитаемся, чтобы найти в бессознательном свое место, свой родной дом. Поскольку плодовые деревья в цвету сравнивают с девушками в прозрачных покрывалах, мы вместе с девицей становимся теперь цветущими яблонями, которые бродят в поисках родного леса.

Убийство оленя некогда было обрядом возрождения, в котором предводительствовала старая женщина, вроде матери короля, ибо она являлась признанной «провидицей» циклов жизни и смерти. В жертвенном убийстве лани мы снова видим следы старой религии.

---

[51] Длинное женское платье.

Жертвоприношение оленя – древний обряд, цель которого – высвободить кроткую и в то же время стремительную энергию животного.

Считалось, что священное животное, как и женщина в процессе спуска, способно пережить самую холодную и суровую зиму, что олени прекрасно могут кормиться, размножатся и жить, следуя врожденным природным циклам. Возможно, участники ритуала принадлежали к одному роду, и смысл жертвоприношения состоял в том, чтобы научить посвящаемых искусству смерти, а также наделить их качествами самого дикого животного.

Перед нами снова жертва, двойное рубедо – в сущности, кровавое жертвоприношение. Сначала приносят в жертву оленя, который в роду Дикой Женщины является священным животным. В древних обрядах убить оленя вне связи с циклом – значило причинить ущерб старой Дикой Матери. Убийство животных – опасное занятие, поскольку облик животных могут принимать разные безобидные и полезные существа. Считалось, что, убив такое существо вне связи с циклом, человек нарушает тонкое равновесие в природе и навлекает на себя поистине ужасную кару силы.

Но еще важнее то, что в жертву принесена лань – одно из животных, принадлежащих Матери, символ совокупности женского знания. Тогда, вкушая плоть этого существа и надевая его шкуру для тепла и чтобы продемонстрировать принадлежность к роду, человек сам становится этим существом. Такой ритуал существовал с незапамятных времен. Сохранить глаза, уши, рога и разные внутренние органы значило обрести способности, символами которых являются их функции: выносливое тело, умение видеть и слышать на большом расстоянии, передвигаться с большой быстротой, привлекать себе подобных и т.д.

Второе рубедо происходит, когда девица разлучается и с доброй старой матерью, и с королем. Это период, когда необходимо хранить память, упорствовать в поисках пищи духовной, даже если мы разлучены с силами, которые поддерживали нас прежде. Мы не можем вечно пребывать в блаженстве совершенного союза. Для большинства из нас такой путь неприемлем. Наше дело – пережив в какой-то момент разлуку с этими чрезвычайно стимулирующими силами, сохранить сознательную связь с ними и перейти к следующей задаче.

Конечно, мы можем задержаться на каком-то особо привлекательном аспекте душевного союза и попытаться остаться с ним навеки, присосавшись к священной груди. Это не значит, что питание губительно. Совсем наоборот, в пути питание абсолютно необходимо, причем в изрядном количестве. Если его нет в достаточном количестве, искатель теряет энергию, впадает в уныние и от слабости переходит на шепот. Но если мы останемся в излюбленном месте души, где нас окружает только красота, только блаженство, индивидуация замедлит темп до черепашьего. Суровая правда такова: чтобы перейти на следующий этап процесса, нам придется расстаться – хотя бы на время – с теми священными силами, которые мы находим в собственной душе.

Как и в сказке, где две женщины со слезами прощаются, мы должны попрощаться с драгоценными внутренними силами, которые нам безмерно помогли. Потом, прижимая к сердцу и груди новорожденную Самость, мы выходим на дорогу– Девица снова в пути, она бредет к густым лесам, свято веря, что из этого просторного зеленого зала появится нечто – что-то необходимое для созидания души.

Этап шестой: Мир Дикой Женщины

Молодая королева попадает в лес невиданной величины и дикости. В нем нет ни дорог, ни тропинок. Она бродит взад-вперед и по кругу, а когда темнеет, тот же самый призрак в белом, который некогда помог ей перебраться через ров, отводит ее на скромный постоялый двор, который держат добрые лесные жители. Здесь женщина в белом приглашает ее войти и называет по имени. Когда королева спрашивает женщину, откуда та знает ее имя, она отвечает: «Мы, лесные жители, это видим, госпожа».

Королева остается на постоялом дворе и живет там со своим ребенком семь счастливых лет. Постепенно руки у нее отрастают – сначала это маленькие младенческие ручки, потом руки девочки и, наконец, руки взрослой женщины.

Хотя в сказке этот эпизод передан кратко, на само деле он заключает в себе самый длинный период, с точки зрения как времени, так и завершения задачи. Девица снова странствует и, можно сказать, на семь лет приходит домой – правда, она проводит их в разлуке с мужем, но зато переживает обогащение и исцеление.

Ее состояние снова вызывает сострадание призрака в белом – теперь это ее дух-хранитель, – и он отводит ее в лесной дом. Такова бесконечно милосердная природа сокровенной души в период странствия женщины. Ей всегда кто-то или что-то придет на помощь. Этот дух, который ведет ее и оберегает, – посланец старой Дикой Матери, а следовательно, инстинктивная душа, которая всегда знает, что случится дальше и что будет потом.

Этот огромный дикий лес, куда попадает девица, являет собой архетип священного места инициации. Он подобен дикому лесу древнегреческой мифологии, где растут священные и родовые деревья и в изобилии водятся животные, дикие и ручные. Именно здесь безрукая девица находит покой на семь лет. Эта лесная страна, символом которой является цветущая яблоня, наконец становится ее домом – местом, где ее яркая и цветущая душа вновь обретает свои корни.

Кто же эта женщина, кто держит постоялый двор в лесной чаще? Как и призрак в белоснежном одеянии, она являет собой один из аспектов древней трехликой Богини, и если бы наше повествование сохранило абсолютно все составляющие первоначальной сказки, то на постоялом дворе в том или ином качестве присутствовала бы добрая/свирепая старуха. Но этот фрагмент оказался утраченным, а без него сказка неполна, как рукопись, из которой вырвали несколько страниц. Возможно, недостающий элемент исчез во время одной из тех войн, которые бушевали между сторонниками старой природной религии и тех новых верований, в которых главным фактором стали религиозные убеждения. Но и то, что уцелело, обладает достаточной силой. Вода этой сказки не только глубока, но и чиста.

Перед нами две женщины, которые за семь лет узнали друг друга. Призрак в белом напоминает проницательную Бабу Ягу из сказки о Василисе Премудрой, которая является олицетворением старой Дикой Матери. Как и Баба Яга, сказавшая Василисе: «Знаю я тебя и твоих родных», хотя раньше ее никогда не встречала, этот женский дух, владеющий постоялым двором в нижнем мире, уже знает молодую королеву, ибо тоже принадлежит к тем священным созданиям, которые знают все.

И здесь в сказке снова следует большой пропуск. Про конкретные задачи и уроки этих семи лет ничего не говорится, кроме того, что это были годы покоя и возрождения. Хотя можно было бы предположить, что повествование прерывается потому, что уроки старой природной религии, которая лежит в основе этой истории, традиционно хранили в тайне, а потому им не место в этой сказке, однако более вероятная причина в том, что есть и другие семь аспектов, задач или эпизодов – по одному на каждый год учебы, проведенный девицей в лесу. Но если урок усвоен крепко, он навсегда останется в душе, ведь так?

Мы можем припомнить и воссоздать все, что произошло за эти семь лет, по крошечным осколкам, полученным из других источников женской инициации. Женская инициация – это архетип, и хотя архетип может иметь много вариаций, его ядро остается неизменным. Вот что мы знаем об инициации из других сказок и мифов, существующих в письменной форме и в устных преданиях.

Девица проводит в лесу семь лет, потому что таков цикл женской жизни. Семь – число, связанное с фазами луны и другими священными периодами времени: тут и семь дней творения, и семь дней недели и т.д. Но за этим мистическим смыслом стоит еще один, гораздо более важный.

Женская жизнь делится на семилетние фазы. Каждый семилетний период отмечен определенной совокупностью переживаний и уроков. Эти фазы можно понимать конкретно,

как периоды развития взрослой женщины, но еще и как стадии духовного развития, которые не обязательно соответствуют хронологическому возрасту женщины, хотя иногда бывает и так.

С незапамятных времен жизнь женщины делилась на фазы, связанные, главным образом, с изменчивыми силами, обитающими в ее теле. Такое подразделение физической, духовной, эмоциональной и творческой жизни женщины служит для того, чтобы она могла предвидеть «что будет дальше» и подготовиться к грядущим событиям. «Что будет дальше» – это сфера инстинктивной Дикой Женщины. Она всегда знает. Но с течением времени, когда отмерли старые дикие обряды посвящения, обычай, согласно которому старшие женщины знакомили молодых с этими врожденными стадиями женской жизни, тоже исчез.

Эмпирическое наблюдение женского беспокойства, томления, изменчивости и роста помогает снова извлечь на свет эти старые модели, или фазы сокровенной жизни женщины. Хотя можно дать этим фазам конкретные названия, все они суть циклы завершения, старения, умирания и новой жизни. За семь лет, проведенных в лесу, девица постигает подробности и события, связанные с этими фазами. Это циклы, по семь лет каждый, которые объемлют всю женскую жизнь. У каждого из них свои обряды и свои задачи. Какие именно – зависит от нас.

Я предлагаю вам все это только в качестве метафоры душевной глубины. Эти возрасты и этапы женской жизни выдвигают как задачи, которые следует выполнить, так и позиции, на которых следует стоять. Например, если, в соответствии с приведенной ниже схемой, мы доживем до душевной области/фазы призрачных созданий, до места, где все мысли новы, как завтрашний день, и стары, как мир, то окажется, что мы обретаем другую позицию, другой взгляд, и с этого нового горизонта обнаруживаем и выполняем задачи, которые встают перед сознанием.

Эти метафоры – только фрагменты. Но, имея достаточно емкие метафоры, можно из того, что нам известно о древнем знании, и из своих ощущений по этому поводу создать для себя новые прозрения – нуминозные и в то же время имеющие смысл сегодня, сейчас. Эти метафоры произвольно опираются на эмпирический опыт и наблюдения, на психологию развития и на феномены, почерпнутые из мифов о творении, которые всегда содержат множество старых следов человеческой психологии.

Эти фазы не обязательно жестко связывать с хронологическим возрастом, потому что есть женщины, которые и в восемьдесят лет пребывают на стадии развития, характерной для юной девушки, есть сорокалетние, которые блуждают в душевном мире призрачных созданий, и есть двадцатилетние, у которых боевых шрамов как у древних старух. Эти возрасты не обязательно следуют в иерархическом порядке – они всего лишь принадлежности женского сознания и хода жизни женской души. Каждый возраст знаменует смену позиции, смену задачи, смену ценностей.

0-7 возраст тела и сна/социализации, но и сохранения воображения

7-14 возраст отделения и одновременно сращения разума и воображения

14-21 возраст нового тела – девичества – расцветающей и в то же время обороняющейся чувственности

21-28 возраст нового мира – новой жизни – исследования миров

28-35 возраст матери – освоения искусства заботы о других и о себе

35-42 возраст искательницы – освоения искусства заботы о себе – поиска своей самости

42-49 возраст пожилой женщины – обретения дальней стоянки – ободрения других

49-56 возраст подземного мира – изучения слов и обрядов

56-63 возраст выбора – выбора своего мира и работы, которую предстоит выполнить

63-70 возраст превращения в наблюдательницу – усвоения всего выученного

70-77 возраст омоложения – дальнейшего старения

77-84 возраст призрачных существ – обретения большого в малом

84-91 возраст ткачества из красных нитей – понимания ткани жизни

91-98 возраст бесплотности – меньше слов, больше бытия
98-105 возраст пневмы, дыхания
105+ возраст безвременности

Для многих женщин первая половина этих фаз женского знания – лет до сорока или около того – являет собой путь от самостоятельного тела инстинктивных детских открытий до телесного знания сокровенной матери. Во втором же круге фаз тело почти полностью превращается во внутреннее чуткое устройство, а сама женщина становится все более проницательной.

По мере того как женщина проходит эти циклы, ее защитные слои, броня, плотность все больше истончаются, пока не начинает просвечивать душа. Становясь все старше, мы обретаем поразительную способность ощущать и видеть движение души внутри тела-психики.

Итак, семь – это число посвящений. В архетипической психологии число семь встречается едва не на каждом шагу. Одно из таких сочетаний, которое, на мой взгляд, больше всего помогает женщинам распознавать стоящие перед ними задачи и определить свое местоположение в подземном лесу, – это древние способности семи органов чувств. Считалось, что эти способности принадлежат всем людям; по-видимому, они являлись составной частью инициации души, в которой использовались метафоры или реальные системы тела.

Например, согласно древнему целительскому учению индейцев науа, чувства символизируют аспекты души, или «священного внутреннего тела», и их необходимо совершенствовать и развивать. Хотя эта тема слишком обширна, чтобы излагать ее здесь, могу сказать, что существует семь чувств, а следовательно, семь задач: одушевленность, осязание, речь, вкус, зрение, слух и обоняние [33].

Считалось, что на каждое чувство оказывает влияние небесная энергия. Чтобы искусно принести ее на землю, женщины, обсуждая между собой эти вещи, могут говорить о них, исследовать их, выявлять, используя для проникновения в тайну этих чувств метафоры из того же ритуала: огонь одушевляет, земля дарует чувство осязания, вода – речь, воздух – вкус, туман – зрение, цветы – слух, южный ветер – обоняние.

Когда я увидела маленький клочок древнего обряда инициации, уцелевший в этой части сказки, – главным образом, слова «семь лет», – у меня возникло сильное ощущение, что в древние времена этапы всей женской жизни и такие моменты, как семь чувств и другие циклы и события, которые традиционно отмечались цифрой семь, предлагали вниманию посвящаемой и включали в ее работу. Один сказочный фрагмент, который меня чрезвычайно интригует, пришел ко мне от старой Кратинаны, моей любимой швабской сказительницы, принадлежавшей к нашей обширной семье. Она говорила, что давным-давно бывало, что женщины уходили на насколько лет в горы, так же как мужчины надолго уходили в армию, на королевскую службу.

В эту пору, когда девица в лесной чаще усваивает свои уроки, происходит очередное чудо. Ее руки начинают постепенно отрастать. Сначала это ручки младенца. Это можно понять так, что ее понимание всего, что произошло, сначала носит подражательный характер, как поведение младенца. По мере того, как ее руки становятся руками девочки, у нее развивается конкретное, но не абсолютное понимание всех вещей. Когда же наконец ее руки становятся руками взрослой женщины, она на собственном опыте глубоко постигает тот неконкретный, метафорический, священный путь, по которому идет.

Приобретая на опыте глубокое инстинктивное понимание всевозможных вещей, мы постоянно учимся, и у нас снова вырастают руки – руки взрослой женщины. Иногда бывает забавно наблюдать за собой, когда мы впервые начинаем очередной душевный этап собственной индивидуации, неуклюже подражая поведению, которое хотели бы освоить. Следуя дальше, мы постепенно обретаем собственную духовную речь, собственный законный и неповторимый облик.

Иногда в представлениях и сеансах психоанализа я использую свою литературную обработку этой сказки. Молодая королева подходит к колодцу. Когда она наклоняется, чтобы достать воды, дитя падает в колодец. Женщина зовет на помощь, появляется дух и спрашивает, почему она не спасает ребенка.

– Потому что у меня нет рук! – кричит она.

– А ты попробуй, – призывает дух.

Девица опускает руки в воду, тянется к ребенку, ее руки тут же отрастают, и дитя спасено.

Это тоже яркая метафора идеи спасения ребенка-Самости, души-Самости, – ее необходимо спасти, не дать ей снова затеряться в бессознательном, не забыть, кто мы такие и в чем наша задача. Именно в эту пору своей жизни мы можем с легкостью отказаться от чрезвычайно привлекательных людей, от чрезвычайно соблазнительных идей, от самой манящей музыки, особенно если они не питают союз женщины с диким началом.

Многие женщины воспринимают как чудо этот переход от состояния, когда их захватывает или порабощает любая идея первого встречного, к состоянию женщины, излучающей La Destina, глубокое ощущение собственного предназначения. Такая женщина входит в жизнь по-новому мощно – устремив глаза вперед, простирая руки, без помех внимая голосу инстинктивной самости. В этой версии сказки девица так хорошо справилась с работой, что когда ей понадобились руки, чтобы ощутить и сберечь свое достижение, они мгновенно появляются. Они вырастают из страха потерять свою младенческую самость. Когда у женщины восстанавливается власть над жизнью и работой, это порой вызывает временную заминку в работе, поскольку она может быть не вполне уверена в только что обретенных силах. Ей может понадобиться время, чтобы опробовать их и убедиться, насколько велик их диапазон.

Нам часто приходится менять свое представление о том, что быть бессильной (безрукой) – пожизненное состояние. После всех своих потерь и страданий мы обнаруживаем, что стоит нам протянуть руки, как мы получим награду – изловим дитя, которое для нас дороже всего на свете. Именно это чувствует женщина, которая после долгих мытарств снова обрела власть над своей жизнью. У нее есть ладони, «чтобы видеть» и снова лепить свою жизнь. Все это время ей помогали душевные силы, и она стала значительно более зрелой. Теперь она поистине «в себе».

Итак, проделав долгий путь, мы дошли почти до конца этой длинной истории. Впереди всего один отрезок – крещендо и финал. Поскольку это введение в тайну/искусство выносливости, давайте завершим этот последний этап путешествия по подземному миру.

Этап седьмой: дикие невеста и жених

После того как король возвращается, он вместе с матерью понимает, что их письма перехватывал и подменял дьявол. Чтобы найти жену и дитя, король дает обет очищения: клянется не есть, не пить и скитаться, пока небо не изменит свой цвет. Он ищет их семь лет. Руки его почернели, борода стала бурой, как мох, веки покраснели и потрескались. Все это время он не ест и не пьет, но какая-то великая сила помогает ему выжить.

Наконец он добирается до постоялого двора, который держат лесные жители. Там его укрывают покрывалом, он спит, просыпается и видит, что на него смотрят прелестная женщина и миловидное дитя. «Я жена твоя, а это твой сын», – говорит молодая королева. Король жаждет поверить, но видит, что у женщины есть руки. «Я перенесла столько мук и тревог, что руки отросли», – говорит девица. А женщина в белом приносит серебряные руки, которые хранились в сундуке. Начинается праздник духа. Король и королева с ребенком возвращаются к матери и венчаются во второй раз.

В итоге женщина, совершившая столь длительный спуск, получает прочный сплав четырех духовных сил: царственного анимуса, младенческой Самости, старой Дикой Матери

и посвященной девы. Она прошла многократное очищение и омовение. Стремление эго к безопасной жизни уже не играет главенствующей роли. Теперь во главе души стоит эта четверица. [52]

Именно страдания и скитания короля обеспечили финальное воссоединение и повторный брак. Почему же он, владыка подземного мира, вынужден скитаться? Разве он не король? Истина состоит в том, что короли, даже если они воплощают в себе архетип, тоже должны заниматься душевным трудом. В этой сказке заключен древний и чрезвычайно загадочный принцип: он гласит, что изменение одной из сил души влечет за собой изменение другой. Королева уже не та девушка, на которой король женился, уже не прежняя душа, хрупкая и неуверенная. Она посвященная, она умеет найти ко всему свой женский подход. Истории и советы старой Дикой Матери сделали ее мудрой. У нее есть руки.

Поэтому, чтобы завершить свое развитие, король должен страдать. В каком-то смысле он остается в подземном мире, но как образ анимуса он символизирует приспособление женщины к жизни в коллективе – несет главенствующие идеи, которые она усвоила в странствии, в верхнее, внешнее общество. Правда, он еще не побывал в ее шкуре, и именно это ему предстоит сделать, чтобы принести в мир то, что она есть, и то, что она знает.

Когда старая Дикая Мать сообщает сыну, что его одурачил дьявол, король сам начинает процесс преображения путем скитаний и находок, как до него это делала девица. Он не лишился рук, но лишился своей королевы и потомка. Поэтому анимус следует путем, похожим на путь девы.

Этот настойчивый повтор изменяет способ бытия женщины в мире. Перестроить анимус таким образом – значит инициировать его и включить в личную работу женщины. Возможно, именно поэтому в исключительно женских посвящениях, проводившихся в Элевсине, появились участники-мужчины: они брали на себя задачи и труды, характерные для обучения женщины, чтобы найти свою душевную королеву и душевное потомство. Анимус начинает свое собственное семилетнее посвящение. Таким образом то, что женщина усвоила, отразится не только в ее сокровенной душе, но и будет на ней написано и обретет внешнее проявление.

Король тоже блуждает в лесу, который является местом инициации, и у нас снова возникает ощущение, что в сказке недостает еще семи эпизодов – семи этапов инициации анимуса. Но и здесь тоже есть фрагменты, на основе которых можно восстановить целое, есть методы и средства для этого. Один из ключей – это то, что король семь лет не ест и все-таки жив. Способность обходиться без пищи объясняется тем, что мы преодолеваем свои потребности и аппетиты и обретаем таящееся за ними более глубокое знание. Проходя посвящение, король учится более глубоко понимать аппетиты – сексуальные [34] и прочие. Он учится понимать ценность циклов, питающих людские надежды и счастье, и их равновесие.

Вдобавок, поскольку король – это анимус, его поиск направлен еще и на то, чтобы найти в душе полностью инициированное женское начало и хранить его как свою главную цель, независимо от того, что еще встретится ему на пути. В-третьих, его посвящение в дикую самость, когда он семь лет обретает звериную природу и семь лет не моется, призвано содрать слои усвоенной им излишней цивилизованности. Анимус усердно трудится, готовясь к тому, чтобы в повседневной жизни выглядеть и действовать под стать душевной Самости женщины, недавно получившей посвящение.

Та линия сказки, которая связана с положенным на лицо спящего короля покрывалом, вероятнее всего, является еще одним фрагментом древних обрядов, входивших в мистерии. Есть прекрасная греческая скульптура, в которой запечатлен такой образ: мужчина под покрывалом склонил голову, как будто отдыхает, ждет или спит [35]. Теперь мы видим, что анимус не может действовать на более низком уровне, чем уровень ее знания, иначе ее снова

---

[52] Четверица, или кватерность – универсальный архетип, образ четырехчастной символической структуры.

ожидает разрыв между внутренним знанием/ощущением и внешним поведением, которое проявляется через анимус. Поэтому анимус вынужден скитаться по природе, по своей собственной мужской природе, то есть тоже по лесу.

Не удивительно, что и девице, и королю приходится бродить по душевным краям, в которых происходят эти процессы. Их может научить только дикая природа, только близость к Дикой Женщине. Обычно так и бывает: женщина, получившая подобное посвящение, находит свою подземную любовь к дикой природе, когда та проявляется на поверхности ее жизни в верхнем мире. Ее душа источает запах лесного пожара. Обычно она начинает осуществлять здесь то, что усвоила там.

Самое удивительное в этой долгой инициации – то, что проходящая этот процесс женщина продолжает делать все то, что положено делать, когда живешь в верхнем мире: любить своего избранника, рожать детей, заниматься детьми, заниматься искусством, заниматься словами, возиться со стряпней, с красками, с нитками, бороться за то и другое, хоронить мертвых – делать все повседневные дела одновременно с этим глубоким и далеким странствием.

В эту пору женщина часто разрывается в двух направлениях, поскольку на нее находит желание войти в лес, как в реку, плавать в зелени, забраться на вершину утеса и сидеть, подставив лицо ветру. Это пора, когда внутренние часы бьют полдень – час, который вызывает у женщины внезапную потребность назвать небо своим, обнять руками дерево, прижаться щекой к скале. И все же она должна жить еще и в верхнем мире.

Пусть ей не раз хочется все бросить и сбежать, она этого не делает – по крайней мере постоянно, – ив этом ее великая заслуга. Ведь именно внешняя жизнь создает то давление, которое заставляет женщину проходить испытания в подземном царстве. В это время лучше оставаться в мире, чем покинуть его, поскольку это давление полезно: именно оно создает драгоценную, устремленную вглубь жизнь, и никак иначе ее не создать.

Итак, мы видим, что анимус переживает собственное преображение, готовясь стать ровней девице и младенческой Самости. Наконец они вновь обретают друг друга и возвращаются к старой матери, мудрой матери, матери, которая может вынести все, помогает своей смекалкой и мудростью; и вот все они вместе, связанные взаимной любовью.

Попытка демонической силы овладеть душой потерпела сокрушительное поражение. Душа перенесла испытание на выносливость и выдержала его. Женщина проходит этот цикл каждые семь лет: в первый раз – едва заметно, затем, хотя бы один раз, – как правило, очень тяжело, после чего следующие циклы носят характер воспоминания или обновления. А теперь, добравшись до конца, давайте отдохнем и обозрим эту яркую панораму женской инициации и ее задач. Завершив цикл, мы можем в какое угодно время и по какой угодно причине выбрать любую задачу или все сразу, чтобы обновить свою жизнь. Вот некоторые из них:

покинуть престарелых родителей души, неузнанными спуститься в страну души, положившись на доброту тех, кого встретим в пути

перевязать раны – последствия неудачной сделки, которую мы совершили на каком-то этапе жизни

скитаться, испытывая душевный голод, и верить, что природа нас накормит

найти Дикую Мать и ее поддержку

установить связь со спасительным анимусом подземного мира

переговорить с психопомпом (чародеем)

увидеть древние сады (формы энергии) женского начала

выносить и родить духовного младенца-Самость

терпеть непонимание, снова и снова переживать разлуку с любовью

стать чумазой, грязной, покрытой пылью

прожить семь лет с лесными людьми, пока дитя не достигнет сознательного возраста

ждать

восстановить внутреннее зрение, внутреннее знание, внутреннее исцеление рук

не отступать, даже потеряв все, кроме духовного ребенка

проследить и понять детство, девичество и состояние взрослой женщины

преобразовать анимус в дикую, природную силу, полюбить его и добиться, чтобы он ответил взаимностью

устроить дикую свадьбу в присутствии старой Дикой Матери и нового ребенка-Самости

Одно и то же семилетнее посвящение, которое проходят и безрукая девица, и король, – это то общее, что роднит женское и мужское начало. Оно дает нам ясно понять, что эти две силы может связывать не противостояние, а глубокая любовь, особенно если она основана на поисках своей Самости.

«Безрукая девица» – подлинная история о нас, реальных женщинах. В ней повествуется не о каком-то одном периоде жизни, а об этапах всей нашей жизни. По существу, она учит тому, что дело женщины – снова и снова уходить скитаться в лес. Наша психика и душа специально созданы для этого, а потому мы способны бродить по подземному миру души, останавливаясь то тут, то там, слушая голос старой Дикой Матери, вкушая плоды духа и вновь соединяясь со всем, что любим, и со всеми, кого любим.

Пора, которую мы проводим с Дикой Матерью, сначала нелегка. Исправить поврежденный инстинкт, изжить наивность и со временем открыть для себя глубочайшие аспекты психики и души, сохранить то, что узнали, и придерживаться этого, смело высказывать свои убеждения – все это требует безграничной и мистической выносливости. Когда мы выходим из подземного мира после одного из свершений, в нас можно не увидеть наружных перемен, но внутри мы возродили безграничную и женственную дикость. Внешне мы по-прежнему дружелюбны, но, будьте уверены, под кожей мы уже больше не ручные.

Глава 15
ВЫСЛЕЖИВАНИЕ: CANTO HONDO, ГЛУБИННАЯ ПЕСНЬ

Выслеживать – значит легко шагать, неслышно ступать и благодаря этому уметь свободно передвигаться по лесу, все замечая, но оставаясь незаметным. Волчица выслеживает всех и все, что вторгается на ее территорию. Это ее способ сбора информации. Надо уметь появиться, потом рассеяться, как дым, и появиться снова.

Волки умеют двигаться очень тихо, производя не больше шума, чем los anjeles timidos, кроткие ангелы. Сначала они украдкой выслеживают существо, которое привлекло их внимание. Потом неожиданно появляются перед ним, прицелившись из-за дерева золотистым глазом. Внезапно волк резко поворачивается и исчезает, мелькнув гривой с белым подбоем и мохнатым хвостом, но только для того, чтобы сделать круг и снова появиться, теперь уже за спиной у чужака. Это и есть выслеживание.

Дикая Женщина выслеживает обычных женщин годами. Вот она мелькнула перед нами и снова исчезла из виду. И все же она появляется в нашей жизни так часто и в таком множестве обличий, что нам кажется, будто нас со всех сторон окружают ее образы и импульсы. Она приходит к нам в сновидениях и в историях – особенно в историях из нашей личной жизни, – ибо хочет увидеть, кто мы такие, готовы ли мы присоединиться к ней. Нам достаточно бросить взгляд на свою тень, чтобы увидеть: это не двуногая тень человека, а прелестный образ дикого и свободного существа.

Мы должны быть постоянными обитательницами ее территории, а не просто туристами, ибо мы родом из этой страны – это наша родина и в то же время наше наследие. Дикая сила нашей души-психики выслеживает нас не случайно. Есть высказывание, дошедшее до нас из средних веков: если ты совершаешь спуск и тебя преследует какая-то великая сила и если этой великой силе удается поймать твою тень, ты тоже станешь самостоятельной силой.

Дикая сила нашей собственной души, великая и добрая, хочет наступить лапой на наши тени и таким образом объявить нас своей собственностью. Как только дикая Женщина поймает наши тени, мы снова станем принадлежать себе, окажемся в соответствующем окружении, в доме, который принадлежит нам по праву.

В большинстве своем женщины, как правило, этого не боятся. В сущности, они стремятся к такому воссоединению. Если бы они прямо сейчас могли найти логово Дикой Женщины, они нырнули бы туда и радостно прижались к ее груди. Нужно только указать им верный путь, а он всегда ведет вглубь: вглубь вашей работы, вглубь вашей внутренней жизни – вниз по этому туннелю прямо к ее логову.

В детстве, или уже повзрослев, мы начинаем искать дикое начало, потому что ощущаем поддержку дикой силы всякий раз, когда стремимся к чему-то всей душой. Может быть, мы во сне увидели ее след на свежем снегу. Или отмечали в душе то согнутую ветку, то камешки, перевернутые сырой стороной кверху, и понимали: рядом прошло что-то благословенное. Мы слышали в душе доносящийся издалека звук знакомого дыхания, чувствовали содрогание земли и безошибочно знали: на подходе что-то мощное, что-то значительное, что-то дикое и свободное.

Не в силах от него отвернуться, мы шли по пятам, старательно учась прыгать, бегать, выслеживать все, что вторгается на нашу душевную территорию. Мы выслеживали Дикую Женщину, а она в ответ любовно выслеживала нас. Она рычала, и мы пытались ей отвечать – раньше, чем вспомнили, как говорить на ее языке, даже раньше, чем до конца поняли, с кем разговариваем. А она ждала нас и воодушевляла. Таково чудо дикой инстинктивной природы. Еще не обретя полного знания, мы знали. Еще не обретя полного видения, понимали, что за пределами эго существует чудесная и любящая сила.

В детстве Опал Уайтли написала такие слова о примирении с силой дикого начала:

Сегодня, ближе к вечеру,
Я завела девочку, которая не умела видеть,
В лес, где темнота и тени.
Я подвела ее к тени,
Которая шла рядом с нами.
Я коснулась щеки подружки
Бархатными пальцами тени.
Теперь она тоже
Полюбила тени,
А ее страх исчез.

То, что для женщин было веками потеряно, можно найти снова, если следовать за отбрасываемой им тенью. И еще – поставить свечку Богоматери Гваделупской, ибо эти утраченные и украденные сокровища до сих пор отбрасывают тени в наших снах, в наших грезах и в старых-престарых сказках, в поэзии и в каждом вдохновенном мгновении. Женщины всего мира: ваши матери, моя мать, вы и я, наши сестры, наши подруги, наши дочери, все племена женщин, которые еще не встретились, – все мы видим во сне то, что утрачено, что вот-вот должно возникнуть из бессознательного. Во всех концах земли женщины видят одни и те же сны. Мы никогда не останемся без карты. Нас объединяют наши сновидения.

Сны приносят воздаяние, они дают зеркало, которое позволяет заглянуть в глубины бессознательного и которое отражает главным образом то, что утрачено, и то, что необходимо, чтобы восстановить равновесие. В снах бессознательное постоянно создает учебные образы. Как фантастический затерянный мир, мир сновидений поднимается из наших спящих тел, окутанный дымкой, сочащийся влагой, и образует над всеми нами родной материнский кров. Это мир нашего знания, страна нашей Самости.

Что же нам снится? Архетип Дикой Женщины, воссоединение. Каждый день мы

рождаемся и возрождаемся из этого сна и весь день творим, используя его энергию. Ночь за ночью мы рождаемся и возрождаемся все из того же дикого сна и выходим на свет, сжимая в кулаке грубую шерсть; наши ступни черны от сырой земли, наши волосы пахнут морем, лесом или костром.

Выходя из этой страны, мы влезаем в дневную одежду, в дневную жизнь. Мы покидаем эту дикую страну, чтобы сидеть перед компьютером, перед кастрюлей, перед окном, перед учителем, книгой, клиентом. Мы вдыхаем дикое в свою коллективную работу, в свои коммерческие сделки, в свои решения, в свое творчество, в свой ручной и сердечный труд, в политику, духовность, планы, домашнюю жизнь, образование, промышленность, международные дела, свободы, права и обязанности. Дикое женское начало не только сохраняется во всех мирах – оно сохраняет все миры.

Давайте примем это. Мы, женщины, строим себе родину – у каждой свой участок земли, вырезанный из ночных сновидений и дневных трудов. Постепенно мы расширяем и расширяем этот общий участок. Когда-то это будет бескрайняя страна, восставшая из мертвых, возрожденная страна, Munda de la Madre, Страна Матери, душевная родина, сосуществующая и равноправная с другими мирами. Этот мир сотворен из наших жизней, нашего плача, нашего смеха, наших костей. Такой мир стоит создать, в таком мире стоит жить, это мир, где преобладает достойное дикое здравомыслие.

Когда мы думаем о восстановлении, на ум приходят бульдозеры, плотники, ремонт старых конструкций. Однако у слова reclamation есть и более старый смысл. Оно происходит от древнефранцузского reclaimer, подзывать сокола, которого отпустили полетать. Именно это нам и нужно – заставить что-то дикое вернуться на зов. Это слово отлично нам подходит по смыслу. Мы используем голос сознания, жизни и души, чтобы призвать интуицию, воображение, призвать Дикую Женщину. И она приходит.

Женщине от этого не уйти. Если должна произойти перемена, мы уже здесь. Мы несем в себе La Que Sabe, Ту, Что Знает. Если предстоит внутренняя перемена, каждая женщина должна ее совершить. Если предстоит перемена мирового масштаба, у нас, женщин, есть свои способы помочь ей свершиться. Дикая Женщина подсказывает нам слова и методы, а мы выполняем. Она бежит, останавливается и смотрит: успеваем ли мы за ней? У нее есть кое-что, много кое-чего, чтобы нам показать.

Поэтому, если вы на грани бегства, на грани риска, если осмеливаетесь нарушить запрет, откопайте кости из самой глубины, доведите до созревания дикие и природные качества женщин, жизни, мужчин, детей, земли. Используйте любовь и острые инстинкты – они подскажут вам, когда время рычать, бросаться, валить с ног, когда отступить, когда преследовать добычу до рассвета. Чтобы жить как можно ближе к божественному дикому началу, женщина должна еще больше держать ушки на макушке, еще больше высматривать и вынюхивать, еще больше развивать интуицию, еще больше жить творческой жизнью, быть еще ближе к земле, еще больше ценить одиночество и общество других женщин, в ее жизни должно быть еще больше естественности, еще больше огня, еще больше духовности, еще больше новых слов и идей. Она должна еще больше признавать своих сестер, больше сеять, больше беречь корни, проявлять больше доброты к мужчинам, больше общаться с соседями, больше любить поэзию, больше расписывать выдумки и факты, больше уходить в дебри дикой женственности. В ее жизни должно быть больше кружков кройки и шитья для террористок, больше рычания. И как можно больше canto hondo, сокровенных песен.

Женщина должна вытряхнуть свою шкуру, обойти свои пути, утвердить свое инстинктивное знание. Все мы можем подтвердить свое членство в клане раненых, гордо носить свои боевые шрамы, написать свои тайны на стенах, отказаться стыдиться, пройти путь от начала до конца. Давайте не будем растрачивать себя на гнев – пусть лучше он делает нас сильнее. Прежде всего, будем хитроумными, будем использовать свою женскую сообразительность.

Давайте помнить, что лучшее не может и не должно скрываться. Медитация, образование, анализ сновидений, любые тайные знания – все это бесполезно, если вы

храните это для себя или небольшого кружка избранных. Так выходите же, выходите, где бы вы ни были! Оставьте глубокие следы – вы это можете. Станьте старухой в качалке и баюкайте идею, пока та не превратится в дитя. Станьте храброй и терпеливой женщиной из «Лунного медведя», которая учится видеть сквозь иллюзии. Не позволяйте спичкам и фантазиям себя отвлекать, как это случилось с девочкой со спичками.

Держитесь, пока, как гадкий утенок, не найдете тех, кто одной с вами крови. Очистите реку творчества, чтобы La Llorona смогла найти то, что ей принадлежит. Как безрукая девица, предоставьте выносливому сердцу вести себя через лес. Как La Loba, соберите кости утраченных ценностей и песней верните их к жизни. Как можно больше прощайте, поменьше забывайте, побольше создавайте. То, что вы делаете сегодня, в будущем повлияет на ваше потомство по материнской линии. Быть может, дочери дочерей ваших дочерей будут помнить о вас и, что самое главное, идти по вашим следам.

Есть великое множество методов и средств, позволяющих жить в согласии с инстинктивной природой, и ответы на ваши самые сокровенные вопросы меняются по мере того, как меняетесь вы и меняется мир, поэтому нельзя сказать: «Делай так-то и так-то, в таком-то порядке, и все будет хорошо». Но, встречаясь с волками, я всегда старалась выяснить, как им удается большую часть времени жить в такой гармонии. Поэтому я посоветовала бы вам ради собственного спокойствия прямо сейчас начать с любого пункта этого списка. Тем, кто ведет борьбу, было бы очень полезно начать с номера десять.

Общие волчьи правила для жизни

Искать пищу
Отдыхать
В промежутках бродить
Хранить верность
Любить детей
Играть в лунном свете
Держать ушки на макушке
Заботиться о костях
Заниматься любовью
Почаще рычать

Глава 16
ВОЛЧЬЯ РЕСНИЦА

Если никогда не пойдешь в лес,
с тобой никогда ничего не случится,
и твоя жизнь так и не начнется

– Не ходи в лес, не выходи из дома, – говорили они.

– Почему? Почему бы мне нынче вечером не пойти в лес? – недоумевала она.

– Там живет большой волк, он ест людей вроде тебя. Не ходи в лес, не выходи из дома. Мы серьезно говорим.

Разумеется, она пошла. Она все равно ушла в лес и, конечно же, встретила волка, как они и предупреждали.

– Вот видишь, мы тебе говорили! – верещали они.

– Это моя жизнь, а не сказка, глупые вы люди, – сказала она. – Я должна ходить в лес, я должна встречать волка, а иначе моя жизнь так никогда и не начнется.

Но волк, которого она повстречала, попал в капкан. Капкан крепко-накрепко защемил

его лапу.

– Помоги мне, помоги! Ай-ай-ай! – стонал волк. – Помоги мне, пожалуйста, помоги, – выл он, – и я щедро тебя награжу.

Именно так ведут себя волки в подобных сказках.

– Откуда мне знать, что ты меня не обидишь? – спросила она. Она была мастерица задавать вопросы. – Откуда мне знать, что ты меня не съешь, так что только косточки останутся?

– Бесполезный вопрос, – ответил волк. – Придется тебе поверить мне на слово. – И стал выть и стенать пуще прежнего:

– Ой-ой-ой! Ай-ай-ай! Уй-уй-уй!

Вот вопрос для девицы,
Чтоб ей не ошибиться:
Где-е-е-е-е
Ду-у-у-у-ша-а-а-а-а?

– Ладно, волк, я попробую. Так-то лучше! – Она открыла капкан, волк вытащил лапу, и она приложила к ране целебные травы.

– Спасибо тебе, добрая девица, спасибо, – вздохнул волк. Но она начиталась неправильных сказок и потому крикнула:

– Давай, убивай меня скорее, и покончим с этим!

Но ничего подобного не случилось. Вместо этого волк положил лапу ей на плечо и молвил:

– Я волк из другого места и времени.

А потом вырвал ресницу, дал ей и сказал:

– Храни и будь умницей. Отныне ты будешь знать, кто хорош, а кто не очень. Смотри моими глазами, и сама все увидишь.

Ты спасла мою жизнь,
Так взамен получи
Дар, какого не ведал никто.
Помни, что для девицы,
Чтоб ей не ошибиться,
Есть единственный верный вопрос:
Где-е-е-е-е
Ду-у-у-ша-а-а-а-а?
А девица вернулась домой,
Радехонька, что осталась живой.
И теперь, когда ей говорили
«Будь со мной, будь моею женой»,
Или: «Делай, как велено»,
Или: "Говори, что сказано,
И будь таким же чистым листом,
Как и в день, когда ты родилась",
Она вынимала волчью ресницу,
Подносила ее к глазам
И сразу видела все задние мысли,
Которых никогда не видела раньше.
А когда мясник стал взвешивать мясо,
Она посмотрела сквозь волчью ресницу
И увидела, что он придерживает весы пальцем.
Посмотрела на своего поклонника,
Который говорил: «Я для тебя прекрасная пара»,
И увидела, что он никуда не годится.
И это ее уберегло

Не от всех,
Но от многих
Напастей.

Но это еще не все. Новое зрение не только помогало ей распознать коварных и жестоких – подарок волка, которого она спасла, сделал ее очень сердечной, потому что, глядя на каждого человека, она видела его новыми глазами.

Она видела тех, кто поистине добр,
И тянулась к ним.
Она нашла себе мужа
И прожила с ним всю жизнь.
Она видела храбрых
И стремилась к ним.
Она узнавала преданных
И водилась с ними.
Она замечала под гневом смятение
И спешила его унять.
Она видела любовь в глазах робких
И подходила к ним.
Она видела страдание суровых
И старалась их развеселить.
Она увидела нужду бессловесного мужчины
И попросила за него.
Она увидела затаенную веру в женщине,
Которая твердила, что ни во что не верит,
И зажгла ее искрой своей веры.
Благодаря волчьей реснице
Она видела все на свете:
Все истинное и все ложное,
Все, что уводит от жизни,
И все, что ведет к жизни,
Все, что можно увидеть
Только глазами того,
Кто мерит сердце сердцем,
А не только умом.

Так она узнала, что люди не зря зовут волка самым мудрым. Прислушайтесь внимательно и услышите, что в волчьем вое всегда есть самые важные вопросы: не где найти еду, не на кого бы напасть, не где бы порезвиться,

А самые важные вопросы,
Помогающие заглянуть внутрь,
Взвесить ценность всего живого:
Где-е-е-е-е
Ду-у-у-уш-а-а-а-а?
Где-е-е-е-е
Ду-у-у-уша-а-а-а-а?

Ступай в лес, ступай! Если никогда не пойдешь в лес, с тобой никогда ничего не случится и твоя жизнь так и не начнется.

Ступай в лес,
ступай!
Ступай в лес,
ступай!
Ступай в лес,
ступай!

Послесловие
СКАЗКА КАК ЛЕКАРСТВО

Здесь я изложу вам этос [53] сказки в этнических традициях моей семьи – это та почва, на которой вырастают мои стихи и сказки, – и еще немного о том, как я использую las palabras, слова, и los cuentos, истории, помогающие душе жить.

На мой взгляд, historias que son medicina: сказки – это лекарство.

«Когда бы ни стали рассказывать сказку, сразу наступает ночь. В каком бы месте, в какой бы час, в какое бы время года это ни происходило, стоит начать сказку, как звездное небо и белая луна выглядывают из-за крыш и нависают над головами слушателей. Иногда к концу сказки в комнате наступает рассвет, а иной раз остается осколок звезды или лохматый клок грозового неба. И то, что остается, и есть сокровище, с которым предстоит работать, которое предстоит использовать в созидании души…» [1]

Я копаюсь в перегное сказок не только потому, что по профессии я психоаналитик, но и потому, что в детстве я долго варилась в многонациональной и неграмотной семейной среде. Хотя мои родные не умели читать и писать или делали это с большим трудом, они хранили мудрость, которая в современном обществе, как правило, утрачена.

В годы моего взросления бывало, что сказки, песни и танцы демонстрировали прямо за столом, во время обеда, свадьбы или поминок, но большинство из того, что я ношу в себе, рассказываю как есть или подвергаю литературной обработке, пришло ко мне не на посиделках, а далось тяжелым трудом в процессе решения задач, требующих напряжения сил и сосредоточения.

На мой взгляд, сказка в любом случае вырастает только из тяжкого труда – умственного, духовного, семейного, физического и совокупного. Она никогда не дается легко. Ее невозможно просто «подобрать» или изучить «в свободное время». Ее суть не может родиться или храниться в тепличных условиях, она не может достичь глубины в восторженном, но нерешительном уме, не может жить в общительном, но пустом окружении. Сказку нельзя «изучить». Ее можно усвоить методом ассимиляции, если жить рядом с теми, кто ее знает, кто ею живет и кто передает ее другим, причем, главным образом, в потоке обыденных повседневных задач, а не подчеркнуто ритуальных действий.

Целебное снадобье сказки существует не в вакууме [2]. Оно не может существовать в отрыве от своего духовного источника. Его нельзя получить с наскока. Сказка приобретает целостность, если прожить в ней реальную жизнь. Сказка приобретает яркий свет, если вырасти в ней.

В самых старых, уходящих в далекое прошлое традициях нашей семьи – как говорят мои abuelitas, «на столько поколений, сколько существует поколений», – время для сказки, выбор сказки, конкретные слова для ее передачи, интонации для каждой сказки, концовки и зачины, то, как разворачивается действие, и особенно намерение, стоящее за каждой сказкой, – все это чаще всего бывает продиктовано острым внутренним чутьем, а не каким-то другим побуждением или «случаем».

В некоторых традициях для сказок отводится особое время. У моих друзей, принадлежащих к разным племенам пуэбло, истории о Койоте оставляют на зиму. Мои comadre и родственницы, живущие на юге Мексики, рассказывают про «сильный ветер с востока» только весной. В семье моих приемных родителей сказки, принадлежащие к их восточно-европейскому наследию, рассказывают только осенью, после жатвы. В моей родной семье сказки El dia de los muertos традиционно начинались вместе с зимой и продолжались все темное время года вплоть до возвращения весны.

В старых и кропотливо разработанных целительских ритуалах, принятых в curanderisma

---

[53] Термин античной философии, обозначающий характер лица или явления.

и mesemondok, каждая деталь тщательно сличается с традицией: когда рассказывать сказку, какую именно, кому рассказывать, как долго и в какой форме, какими словами и при каких обстоятельствах. Чтобы определить нужное лекарство, мы старательно учитываем время, здоровье или недуг человека, вехи его внешней и внутренней жизни, а также некоторые другие важные факторы. В большинстве главных способов за нашими многовековыми ритуалами стоит дух, святой и целостный, и мы рассказываем сказки только в тех случаях, когда нас призывает к этому заключенный с ним договор, и не иначе [3].

В лечебном использовании сказки, как и в энергичных психоаналитических тренингах и других методах исцеления, когда важны скрупулезное знание и неукоснительное следование правилам, нас очень старательно учат, что нужно делать и в каком случае, но еще более старательно – чего не делать. Пожалуй, в этом наиболее явственное различие между сказкой как забавой, которая сама по себе имеет полное право на существование, и сказкой как лекарством. В основе моей древнейшей культуры, которая, тем не менее, связана с со временным миром, лежит извечное сказочное наследие: сказитель передает свои истории и знание заключенного в них лекарства одному или нескольким las semillas, людям-семенам. «Семена» – это люди, обладающие врожденным даром. Это будущие хранители сказок, на которых старики возлагают надежды. Талантливых людей всегда можно узнать. Несколько стариков договорятся между собой и будут им помогать, будут их пестовать и оберегать, пока они учатся.

Пережив большие трудности, неудобства и лишения, эти счастливцы приступят к многолетнему скрупулезному труду, который научит их сохранять традицию в таком виде, в каком они ее узнали, со всеми присущими ей приготовлениями, благословениями, выслушиваниями и выстукиваниями, прозрениями, этическими нормами и отношениями, которые составляют суть искусства врачевания, в соответствии с ее собственными (а не их) потребностями, в соответствии с ее посвящениями, в соответствии с ее предписаниями.

Эти формы обучения и его продолжительность нельзя обойти или модернизировать. Это знание нельзя освоить за несколько выходных или за несколько лет. Не случайно оно требует длительного обучения: ведь знание, о котором идет речь, не должно быть опошлено, изменено или испорчено, как это часто бывает, когда оно попадает в неподходящие руки или используется в неподобающих целях, или присваивается с лучшими намерениями невежественными людьми [4]. Из этого не может получиться ничего хорошего.

Выбор «семян» – загадочный процесс, точно определить который не удастся никому, кроме тех, кто сам его хорошо знает, ибо он основан не на наборе правил и не на игре воображения, а на искренних, проверенных временем отношениях между людьми. Старший выбирает младшего, один выбирает другого, иногда они находят к нам дорогу, но чаще мы натыкаемся друг на друга – и оба узнают друг друга, будто знакомы уже тысячу лет. Желание походить на кого-то – не то же, что быть им.

Как правило, членов семьи, которые обладают таким талантом, выявляют еще в детстве. Взрослые носители этого дара зорко глядят по сторонам, отыскивая тех, кто «sin piel», лишен кожи, кто чувствует очень остро и глубоко и способен видеть как общие картины жизни, так и более мелкие подробности. Они, как я в свои сорок с лишним лет, ищут, присматриваются к тем, кто обрел некоторую проницательность благодаря тому, что десятилетиями и всю жизнь жил внимательно прислушиваясь.

Обучение curanderas, cantadoras и cuentistas очень похоже, потому что, как говорят в моем роду, сказки, подобно un tatuaje del destine (легкая татуировка), написаны на коже тех, кто их пережил.

Считается, что талант целителя происходит от чтения этих еле заметных надписей на душе и от развития того, что прочитано. Сказка, одна из частей пятичастной науки исцеления, рассматривается как судьба, как удел того, кто несет на себе подобные надписи. Эти надписи даны не каждому, но уж кому даны, тому его будущее предопределено. Таких людей называют Las unicas – «единственные в своем роде» [5].

Поэтому первый вопрос, который мы задаем встречая сказителя-целителя, звучит так: «Quienes son tus familiares? Quienes son tus padres?» – «Кто твои родные?» Иными словами, из какого рода целителей ты происходишь? Это не значит «в какую школу ты ходил?» Это не значит «какие лекции ты слушал, какие семинары посещал?» Это имеет буквальный смысл: от какого духовного корня ты ведешь свой род? Как всегда, мы ищем человека, который соответствовал бы своему возрасту; который обладал бы знанием, а не умением быстро соображать; непоколебимой религиозной верой, которая была бы неразрывно связана с повседневной жизнью; мягкими манерами и приятным обхождением. Все это явно и неотъемлемо присуще носителю знания Истока, от которого берет начало все целительство [6].

В традиции cantadora-cuentista у сказки есть родители, есть бабушки и дедушки, а иногда и кумовья и крестные: каждый из них – это тот, кто передал вам сказку, ее смысл и импульс, кто подарил ее вам (отец или мать сказки), а также тот, кто передал ее тому, кто передал ее вам (abuelo o abuela, дедушка и бабушка сказки). Так и должно быть.

Абсолютно необходимо получить у человека четкое разрешение рассказывать его сказку и обязательно на него ссылаться, если такое разрешение получено, – это помогает сохранить генеалогическую пуповину: на одном конце мы, а на другом – животворящая плацента. Попросить разрешение и получить его [7], не пользоваться тем, чего тебе не передавали, уважать труд других, ибо их труд и жизнь воплощаются в их творчестве, – все это знаки уважения и, можно сказать, подобающих манер, свойственные человеку, надлежащим образом воспитанному в сказочной традиции. Ведь сказка – не просто сказка. В самом сокровенном и истинном смысле она есть чья-то жизнь. Именно высшая сила, присутствующая в жизни человека, и то, что он пережил, заключенное в сказке знание, делают эту сказку лекарством.

Крестные родители сказки – это те, кто, подарив сказку, присовокупили к ней свое благословение. Иногда, прежде чем начать рассказывать сказку, приходится очень долго говорить о ее родословной. Этот перечень, в который входят мать сказки, ее бабушка и т.д., не становится длинной и скучной преамбулой, потому что ее сдабривают самостоятельными маленькими историями. И тогда, как на банкете, следующая за ними основная, более длинная история становится вторым блюдом.

В каждой из известных мне сказочных и целительских традиций рассказ начинают с того, что поднимают, мобилизуют душевное содержимое, коллективное и личное. Этот процесс требует больших затрат времени и энергии, как интеллектуальной, так и духовной; его никак не назовешь легким занятием. Хотя бывают и intercambiamos cuentes, сделки, предметом которых служат сказки, – когда два человека, которые хорошо знают друг друга, обмениваются историями, даря их друг другу, – это происходит потому, что между ними установились родственные отношения, даже если они не являются кровными родственниками. Так и должно быть.

Несмотря на то что некоторые используют сказки исключительно для развлечения, несмотря на то что телевидение слишком часто использует сказочные сюжеты, изображающие отмирание жизни, одно их древнейших предназначений сказки – искусство врачевания. У некоторых людей обнаруживается призвание к этому искусству, и, на мой взгляд, лучшие из них – это те, кто по-настоящему возлег со сказкой и нашел у себя внутри, в глубине, все соответствующие ей части. Такие люди прошли долгий период ученичества, долгий период духовного наставничества и долго шлифовали свои навыки. Таких людей можно мгновенно узнать просто по их виду.

Имея дело со сказками, мы получаем доступ к архетипической энергии, которую, если прибегнуть к метафоре, можно сравнить с электричеством. Эта архетипическая энергия может воодушевлять и просветлять, но в неверное время, в неверном месте, в неверном количестве, при неверно выбранной сказке, у неверного рассказчика, у неподготовленного рассказчика, у того, кто более или менее знает, что делать, но не знает, чего не делать [8],

она, как и любое лекарство, не даст желаемого эффекта или даже даст нежелательный. Иногда так называемые «собиратели сказок» не понимают, что делают, когда просят сказку из другого измерения или пытаются использовать ее без благословения.

Архетип нас изменяет. Архетип наполняет нас узнаваемой целостностью, узнаваемой выносливостью, и если в рассказчике не произошло перемены, значит, не было верности, не было подлинного контакта с архетипом, не было передачи, а был лишь механический пересказ или корыстное использование в собственных целях. Передать сказку – значит взять на себя большую и далеко идущую ответственность. Попытайся я дать исчерпывающее описание процессов врачевания, в котором как один из компонентов используется сказка, подробное описание их параметров заняло бы несколько томов. Но здесь, ограниченная объемом книги, я скажу только самое главное: мы несем на себе ответственность, мы обязаны убедить людей в том, что они полностью подключены к традиции, сказки которой несут в себе. И рассказывают.

У лучших из знакомых мне рассказчиков-целителей – а я имела счастье знать многих – сказки вырастают из их жизни, как дерево вырастает из корня. Сказки вырастили их – вырастили из них тех, кем они стали. Разницу можно увидеть. Мы видим, когда человек в шутку «вырастил» сказку и когда сказка по-настоящему вырастила его. Именно второй вариант лежит в основе неразрывных традиций.

Иногда незнакомый человек просит у меня сказку, которую я несколько лет откапывала, шлифовала, вынашивала. Являясь хранительницей сказок, полученных на основе обещаний, которые дают и держат, я не отделяю эти сказки от других слов и обрядов, которые их окружают, особенно тех, которые были развиты и вскормлены в недрах семьи. И выбор здесь зависит не от какого-то плана из пяти пунктов, а от душевной науки. Здесь все решают связь и связанность.

Модель «мастер-подмастерье» создает ту бережную атмосферу, в которой я могу помогать своим ученикам искать и развивать сказки, чтобы эти сказки их приняли, чтобы они светились в них, а не просто лежали на поверхности их существа, как фальшивые драгоценности. Пути бывают разными. Легких путей мало, и ни один из известных мне не отличается честностью. Трудных и даже мучительных путей гораздо больше, зато они честные и достойные.

Абсолютно справедливо, что пригодность человека к целительству, к использованию сказки как метода врачевания определяется тем, насколько он готов пожертвовать и что он готов вложить, причем я употребляю слово «жертва», имея в виду все его смысловые оттенки. Жертва – это не страдание, которое мы выбираем сами, это не то «удобное страдание», когда его предел определяет сам «жертвователь». Жертва – не тяжелая борьба или существенное неудобство. Это когда «ты входишь в ад, который создан не тобой» и возвращаешься из него полностью обузданным, полностью сосредоточенным, полностью преданным – не больше и не меньше.

У меня в роду говорят: хранитель сказок в свое время потребует у тебя плату за них, то есть заставит тебя жить определенной жизнью, потребует ежедневной дисциплины, многолетнего ученичества – не той учебы спустя рукава, которая по душе эго, а той, которая основана на неукоснительном соблюдении правил и требований, И это еще слабо сказано.

В семейных традициях обращения со сказкой – ив традиции mesemondok, и в традиции cuentista, – которые я усвоила еще в детстве и с тех пор использую, есть то, что называют La invitada, «гость», – имеется в виду пустой стул, который так или иначе присутствует при каждом рассказе. Иногда, когда ты рассказываешь сказку, душа кого-то из слушателей или несколько душ приходят и садятся, потому что у них возникает такая потребность. И хотя у меня достаточно много тщательно подобранных сюжетов, так что их хватит на целый вечер, я тем не менее могу изменить повествование, чтобы исцелить самочувствие духа, который присел на пустой стул, или поиграть с ним. Этот «гость» интересен всем присутствующим.

* * *

Я советую людям раскапывать сказки в собственной жизни и заставляю делать это тех, кого учу. Это особенно касается сказок из их наследия, потому что если человек всегда обращается, скажем, к переводам сказок братьев Гримм, то сказки его собственного наследия – как только умрут старики – окажутся для него навсегда утраченными. Я горячо поддерживаю тех, кто возвращает сказки своего семейного наследия, хранит их, спасает от смерти – результата небрежения. Ведь повсюду на земле костяк всех целительских и духовных структур составляют старики.

Обратите внимание на своих близких, на свою жизнь. Ведь не случайно этот совет дают и великие целители, и великие писатели. Обратите внимание на то реальное, что есть в вашей жизни. Сказки, которые вы в нем обнаружите, вам никогда не найти в книгах. Они берут начало в личных впечатлениях.

Если по-настоящему раскапывать истории в собственной жизни, в жизни своих близких и в современном мире, там, где он соприкасается с личной жизнью, неизбежны неудобства и испытания. Вы понимаете, что находитесь на верном пути, если пришлось испытать следующее: сбитые костяшки пальцев, ночлег на холодной земле, причем не однажды, а многократно, блуждания во тьме, хождение по кругу ночью, леденящие кровь откровения и приключения, от которых волосы встают дыбом, – это стоит многого. Должно быть и немножко, а в некоторых случаях изрядное количество крови, пролитой на каждую сказку, на каждый аспект вашей собственной жизни, если ей суждено нести в себе высшую силу, если человеку суждено нести людям истинное исцеление.

Я надеюсь, что вы выйдете на простор и пригласите к себе сказки, то есть жизнь, что вы будете работать с этими историями из собственной жизни – вашей жизни, а не чьей-то другой, будете поливать их своей кровью, слезами, смехом, пока они не расцветут, пока вы сами не покроетесь цветами. Это и есть работа – единственная работа [9].

Приложение

В ответ на вопросы читателей о разных сторонах моей жизни и работы я слегка расширила некоторые главы этой книги, добавив несколько эпизодов, пояснений и самых разных дополнительных примечаний, расширили послесловие и впервые включили в книгу стихотворение в прозе, которое является частью оригинального неопубликованного произведения. Все эти изменения были проделаны аккуратно, чтобы не нарушить ритмический строй книги.

Три года спустя

Многие читатели писали мне – чтобы выразить свое одобрение, поделиться новостями читательских групп, которые изучают «Бегущую с волками», благословить на следующие произведения и расспросить о планах на будущее. Они читали эту книгу вдумчиво и внимательно, а многие – не один раз [1].

В общем, я была приятно удивлена, обнаружив, что духовные корни моей работы, едва намеченные на страницах книги, оказались очевидны такому множеству читателей. Горячая благодарность читателям за их благословения в наш адрес, за добрые слова, серьезные и проницательные отзывы, за душевную щедрость, за прекрасные подарки, сделанные собственными руками, за многочисленные пожелания успеха моей работе, моим родным и близким и мне лично. Все это я бережно храню в сердце.

Давным-давно, но не слишком

Попытаюсь ответить на некоторые из вопросов, которые интересуют моих читателей.

Многие спрашивают, как началась работа над «Бегущей с волками». – «Она началась задолго до того, как я ее начала» [2]. Она началась с того, что я родилась в необычной донкихотской семейной среде, которую уготовала мне судьба. Она началась с нескольких десятилетий упоения щемящей красотой и с наблюдения больших крушений больших надежд в разгаре культурных, общественных и других бурь. Она началась как итог любовей и жизней, одновременно горький и дорогой. «Она началась задолго до того, как я ее начала» – это я могу сказать с уверенностью.

Фактическая работа, когда я взяла ручку и принялась писать, началась в 1971 году, после паломничества из пустыни в родные края, где я попросила и получила благословение старших на работу над книгой, основу которой должен был составить песенный язык наших духовных корней. Тогда со всех сторон было дано много разных обещаний, и все эти годы они выполнялись до последней буквы, и самое важное из них гласило: «Не забывай нас, и не забывай того, ради чего мы страдали» [3].

«Бегущая с волками» – первая часть серии из пяти книг, охватывающей сто сказок внутренней жизни. На то, чтобы написать две тысячи страниц этого труда, ушло более двадцати лет. По сути, эта работа имеет целью реабилитировать целостную инстинктивную природу, которую принято рассматривать как патологию, и показать ее глубинные душевные связи с природным миром. Главная предпосылка, пронизывающая всю мою работу, – это утверждение, что все люди родятся одаренными.

О языке

В этой работе было умышленно использовано смешение языков: научного, который я усвоила, когда училась на психоаналитика, и в равной степени языка традиции целительства и тяжелого труда, в которой нашли отражение мои этнические корни, – это традиция иммигрантов, простых работяг и к тому же католиков. Наследство моего периода взросления – это ритм труда; именно он сформировал меня как una poeta, как поэтессу.

Поскольку книга «Бегущая с волками» являет собой произведение психологическое и в то же время духовное, некоторые книжные магазины помещали ее сразу в несколько отделов: Психология, Художественная литература, Феминизм и Религия. Мне также говорили, что она не подпадает ни под одну категорию или положила начало новой, своей собственной. Не знаю, так ли это, но, начиная ее, я надеялась, что она станет в равной степени литературным и психологическим произведением, раскрывающим вопросы духовности.

Памятка читателям

Цель «Бегущей с волками» – помочь сознательной работе над индивидуацией. Лучший способ для этого – поразмыслить над тем, что написано в без малого двадцати главах книги. Каждая ее глава говорит сама за себя.

В девяноста девяти процентах писем, которые мы получаем, читатели рассказывают, что они читают книгу не только сами, но и тем, кого они любят, или вместе с ними: мать читает дочери, внучка бабушке, женщина своему любимому; читают ее и члены еженедельных или ежемесячных читательских групп. Но эта книга не из тех, которые можно прочитать за неделю или за месяц – она создана для того, чтобы ее изучали. Она приглашает каждого читателя сопоставить свою жизнь с тем, что в ней предлагается, согласиться или возразить, подойти поближе, вникнуть поглубже, возвращаться к ней, проходя постоянный процесс развития.

Читайте неспешно. Эта книга создавалась долго, много лет. Я писала ее, потом уходила, но все время думала о ней [4], потом возвращалась, снова писала, уходила, снова думала, возвращалась, снова писала. Большинство людей читают книгу так же, как она создавалась: почитают немного, потом уйдут, обдумают прочитанное и снова вернутся [5].

Помните:

Самый старый смысл слова «психология» – изучение души. В наш век эта наука пополнилась новыми ценными открытиями, и этот процесс будет продолжаться; тем не менее исследование человеческой природы во всем ее разнообразии далеко от завершения. Психология существует не сто лет или около того. Психология существует тысячи лет. Мир по достоинству чтит имена многих замечательных мужчин и женщин, внесших свой вклад в психологическую науку. Но психология началась не с них. Она началась с любого человека и со всех тех людей, которые, услышав голос, более мудрый, чем их собственный, исполнялись решимости искать его источник.

Некоторые говорят, что моя книга «открыла новую область». Должна с полным уважением сказать, что суть работы, которую мне довелось выполнить, принадлежит к очень старой традиции. Такая работа не может уютно угнездиться под категорией, которая что-то «открывает». Во всем мире, в каждом поколении тысячи людей, в большинстве своем старых, чаще всего «необразованных», но многосторонне мудрых, оберегают и сохраняют ее точные и сложные параметры. Она всегда живет и процветает, потому что они живут и процветают и сводят эту работу к определенным формам и смыслам [6].

Предупреждение:

Вопрос развития человека – дело индивидуальное. Здесь не может быть ничего механического: «Делай это, а затем то». Путь, который проходит каждая личность, уникален, его нельзя свести к рецепту: «Сделай эти десять легких шагов, и все будет хорошо». Эта работа – нелегкая и не для каждого. Если вы ищете целителя, психоаналитика, психотерапевта или консультанта, убедитесь, что в направлении, к которому они принадлежат, есть надежные предшественники, а сами они по-настоящему умеют делать то, в чем считают себя специалистами. Лучше, если вам их порекомендуют друзья, родственники и сотрудники, которым вы доверяете. Убедитесь, что наставник, которого вы себе выбрали, достаточно подготовлен в отношении как методики, так и этики [7].

Немного о себе

Большую часть времени я пишу и работаю, скрываясь от мира, но иногда все же показываюсь. Я продолжаю жить так же, как живу уже много лет, – глубоко уйдя в себя и в то же время искренне стремясь быть в мире. Продолжаю свою работу психоаналитика, поэта и писателя, продолжаю заботиться о своей обширной семье. Продолжаю высказываться на социальные темы, продолжаю записывать аудиоматериалы, заниматься живописью, сочинять, переводить, преподавать и помогать готовить молодых психоаналитиков. В качестве приглашенного преподавателя я веду литературу, литературное творчество, психологию, мифопоэтику, жизнь как созерцание и другие предметы в разных университетах [8].

Иногда меня спрашивают о наиболее памятном событии за последние несколько лет. Разумеется, их было много, но совершенно пронзила мое сердце та радость, с которой старейшины моей семьи встретили первую публикацию этой книги – ведь для них это был первый случай, когда кто-то из их рода написал книгу и ее напечатали. Вот вам конкретная иллюстрация: когда мой восьмидесятичетырехлетний отец впервые увидел эту книгу, он воскликнул на ломаном английском: «Книга, книга, настоящая книга!» И прямо там же, в саду, принялся отплясывать древний чибраки, танец своей старой родины.

О моей работе

Поскольку я cantadora (хранительница старых историй) и к тому же женщина, объединяющая в себе две культуры, мне было бы трудно не заметить, что люди сильно отличаются друг от друга по своим культурным, психологическим и другим параметрам. В связи с этим мне кажется, что было бы ошибкой думать, будто любой путь – это единственный путь. Данная работа задумана как вклад в понимание того, что такое настоящая женская психология и чего ей недостает, – я имею в виду психологию, которая объемлет все разнообразие женщин и все разнообразие их жизней.

Наблюдения и переживания, накопленные за двадцать с лишним лет работы с женщинами и мужчинами, привели меня к выводу, что, независимо от состояния, этапа или положения, нужно обладать душевной и духовной силой, чтобы идти вперед – шаг за шагом, преодолевая упорный встречный ветер, время от времени возникающий в жизни каждого человека.

Сила приходит не после того, как человек поднялся по лестнице или на гору, не после того, как он чего-то добился. Собраться с силой – непременное условие самого процесса достижения; особенно это необходимо перед его началом и в продолжении. Но и после тоже. Я убеждена, что самая насущная сила проистекает от внимания к природе души и ее развития.

В любом отрезке времени есть много такого, что может сломить дух и душу, – это могут быть попытки разрушить намерение или вынудить вас забыть важные вопросы – не только те, которые касаются практических сторон ситуации, но и такие, как «где душа этого дела?». Мы идем по жизни, находим точку опоры, восстанавливаем справедливость, держимся против ветра, и все это благодаря силе духа.

Приток силы, что бы мы ни использовали для того, чтобы его вызвать, – слова, молитву, разные методы созерцания или другие средства, – мы получаем от высшей силы, которая обитает в центре души и в то же время значительно превышает душу. Эта высшая сила абсолютно доступна, о ней необходимо заботиться, ее необходимо питать. Хотя у нее есть много названий, ее существование – неопровержимый психологический факт.

Она сложна и богата – вот что обнаруживает человек, достигая подлинной зрелости; она проявляется и внешне, и внутренне у того, кто к ней упорно стремится. Мы это знаем, потому что есть заметная разница между жизнью осознанной и глубокой и жизнью, основанной на фантасмагорических верованиях. И пусть на этом пути к «истинному дому» мы время от времени оглядываемся назад – мы делаем это для того, чтобы отметить или отмерить место, откуда мы вышли, а не просто оглянуться.

Примечания

Иногда такие замечания и дополнительные пояснения, приводимые в конце глав, я называю los cuentitos, маленькие истории. Они родились из большого текста, но задуманы как самостоятельные произведения. При желании их можно читать подряд, не возвращаясь к основному тексту, но я рекомендую читателю и то, и другое.

Введение

1. Язык сказок и поэзии – могучий брат языка сновидений. Основываясь на многолетнем анализе разнообразных снов (и современных, и бывших в прежние времена, т. е. почерпнутых из письменных источников), а также священных текстов и сочинений мистиков, таких, как Катерина Сиенская, Франциск Ассизский, Руми и Экхарт, и произведений многих поэтов – Дикинсон, Милле, Уитмена и других, – могу предположить,

что душе присуща функция стихосложения и художественного творчества, которая проявляется тогда, когда человек спонтанно или намеренно предпринимает путешествие к инстинктивному центру своей души. То место души, где сходятся сновидения, сказки, поэзия и искусство, представляет собой мистическую обитель инстинктивной, дикой природы. В современных снах или поэтических произведениях, как и в более старых народных сказках и сочинениях мистиков, весь этот центр рассматривается как существо, живущее собственной жизнью. В поэзии, живописи, танце и сновидениях он чаще всего символически изображается либо как одна из великих стихий – океан, небосвод, недра земли, – либо как олицетворенная сила – Царица Небесная, Белая Лань, Подруга, Возлюбленная, Любящая или Супруга.

Из этого центра исходят божественные темы и идеи, они наполняют человека, и тогда он ощущает присутствие «чего-то такого, что не от него». Кроме того, многие художники доносят до границ этого центра и погружают в него свои собственные, рожденные эго темы и идеи, безошибочно угадывая, что они будут возвращены, наполненные новым содержанием и очищенные замечательным душевным ощущением жизни, присущим этому центру. Так или иначе, это приводит к внезапному и глубокому прозрению, изменению и наполнению чувств, духа и сердца человека. Такие новые озарения всегда меняют расположение духа, а когда меняется расположение духа, то происходят перемены в сердце. Вот почему так важны образы и язык, возникающие из этого центра. Усиливая друг друга, они способны принести перемены, осуществить которые было бы трудно и мучительно, полагаясь только на волевые усилия. В этом смысле центральная Самость служит и целителем, и дарователем жизни.

2. Ось эго-Самость – выражение, которое Эдвард Фердинанд Эдингер (Edward Ferdinand Edinger, Ego and Archetype [New York: Penguin, 1971]) использовал для описания воззрений Юнга относительно эго и Самости как на взаимодополняющей связи, где каждый – и побуждающее и побуждаемое – нужны друг другу, чтобы функционировать. (C.G.Jung, Collected Works, vol. 11, 2nd ed. [Princeton: Princeton Univercity Press, 1972], para. 39).

3. «Para La Mujer Grande, the Great Woman», Copyright 1971, C.P.Estes, из Rowing Songs for the Night Sea Journey: Contemporary Chants (частная публикация, 1989).

4. См. Послесловие, «Сказка как лекарство», где рассказывается об этнических традициях, которым я следую в вопросе о границах сказки.

5. В буквальном смысле el duende – дух ветра; эта сила определяет поступки и творческую жизнь человека, в том числе его походку, звучание голоса, даже то, как он поднимает мизинец. Этот термин используют в танце фламенко, а также для описания способности мыслить поэтическими образами. Среди латиноамериканских curanderas, которые собирают сказки, он понимается как способность становиться вместилищем духа, иного, чем свой собственный. Кем бы ты ни был – художником, зрителем, слушателем или читателем, – когда el duende есть, то ты его видишь, слышишь, чувствуешь за танцем, музыкой, словами, произведением искусства, ты знаешь, что он в них. И когда el duende отсутствует – ты это тоже понимаешь.

6. В оригинале Vasalisa – англизированный вариант европейского написания русского имени Wassilissa.

7. Один из важнейших моментов в развитии исследований женской психологии – то, что сами женщины наблюдают и описывают происходящее в их жизни. Этнические связи женщины, ее происхождение, ее ценности – все это должно учитываться как единое целое, поскольку в совокупности образует чувственный мир ее души.

Глава первая

1. E.coli – сокращение от Escherichia coli, бацилла, являющаяся возбудителем гастроэнтерита; попадает в организм с загрязненной питьевой водой.

2. Ромул и Рем, а также близнецы из мифов индейцев навахо – это лишь отдельные

примеры многочисленных близнецов, известных нам из мифологии.

3. Старый Мехико.

4. Стихотворение «Luminous Animal» блюзового поэта Тони Моффейта из его книги: Tony Moffeit, Luminous Animal (Cherry Valley, New York: Cherry Valley Editions, 1989).

5. Эту сказку мне подарила моя тетушка Тирезианани. В талмудической версии этой сказки, которая называется «Четверо вошедших в рай», четыре раввина приходят в Пардес, рай, чтобы изведать божественные тайны, и трое из них, каждый по-своему, сходят с ума, узрев Шехину, древнее женское божество.

6. The Transcendent Function из C.G.Jung, Collected Works, vol. 8, 2nd ed. (Princeton: Princeton University Press, 1972), pp. 67-91.

7. Некоторые называют это древнее существо «женщина вне времени».

Глава вторая

1. Природный хищник появляется в сказках в облике разбойника, конюха, насильника, убийцы, а иногда и разнообразных злых женщин. Образы женских сновидений почти точно соответствуют частоте появления естественного хищника в сказках, где главным действующим лицом является женщина. Пагубные отношения, лица, злоупотребляющие властью, и негативные установки общества воздействуют на образы сновидений и фольклора в равной или даже в большей степени, чем собственная прирожденная архетипическая схема, которую Юнг называет архетипическими узлами, неотъемлемо присущими душе каждого человека. Такой образ по праву относится к мотиву «встреча сил Жизни и Смерти», а не к категории «встреча с ведьмой».

2. В собраниях Якоба и Вильгельма Гриммов, Шарля Перро, Анри Пурра и других представлены совершенно разные варианты сказки «Синяя Борода». Есть и устные версии, которые курсируют по всей Азии и Центральной Америке. В той литературной обработке «Синей Бороды», которую написала я, есть одна особенность: ключ, который беспрестанно кровоточит. Этот элемент характерен для семейной версии сказки, которая дошла до меня через мою тетушку. Сказка, которую я здесь привожу, носит отпечаток того периода Второй мировой войны, когда тетушку вместе с другими женщинами из Венгрии, Франции и Бельгии отправили в трудовой лагерь.

3. В фольклоре, мифах и сновидениях на каждого природного хищника почти всегда есть свой хищник или охотник. Именно схватка между ними в конце концов приносит перемену или равновесие. Если же этого не случается или не появляется другой достойный противник, то такая сказка почти всегда называется сказкой ужаса. Отсутствие положительной силы, которая бы успешно противостояла отрицательному хищнику, вселяет в сердца людей глубочайший страх.

И в повседневной жизни есть множество похитителей света и убийц сознания, которые не дремлют. Человек-хищник прежде всего высасывает из женщины творческие соки для собственного удовольствия и потребления, оставляя ее изможденной и не понимающей, что же произошло, в то время как сам он становится только здоровее и румянее. Такой хищник хочет, чтобы женщина не прислушивалась к своим инстинктам и таким образом не обнаружила, что к ее уму, воображению, сердцу, сексуальности или еще чему-то присоединена отводная труба.

Модель поведения «отдавать самое главное в жизни» может укорениться в детстве под влиянием близких, которые вымогали у ребенка любовь и использовали его прелесть, чтобы утолить собственный голод и пустоту. Такое воспитание придает врожденному хищнику огромную силу и готовит человека к тому, чтобы стать добычей других. Пока собственные инстинкты не будут приведены в надлежащее состояние, женщина, воспитанная в таком духе, очень склонна становиться жертвой невысказанных опустошительных душевных потребностей других людей. Обычно, если женщина с хорошо развитыми инстинктами обнаруживает, что какие-то отношения или ситуация не обогащают, а обедняют ее жизнь,

она знает, что где-то поблизости затаился хищник.

4. Bruno Bettelheim, Uses of Enchantment: Meaning and Importance of Fairytales (New York: Knopf, 1976).

5. Например, фон Франц говорит, что Синяя Борода – «убийца и ничего больше...». M.L. von Franz, Interpretation of Fairytales (Dallas: Spring Publications, 1970), p. 125.

6. На мой взгляд, Юнг предполагал, что и творец, и его творение пребывают в развитии, причем их сознания влияют друг на друга. Это замечательная идея – что человек может влиять на силу, скрытую за архетипом.

7. Фатальный телефонный звонок входит в первую двадцатку сюжетов человеческих сновидений. Типичный сон – когда телефон не работает или спящий не может понять, как он работает. Телефонный шнур перерезан, номера на кнопках расположены не по порядку, линия занята, номер службы спасения вылетел из головы или не отвечает. Подобные телефонные ситуации во сне по своей окраске очень близки к неверно истолкованным или коварно подмененным письмам, которые мы видим в народной сказке «Безрукая девица», где письмо, несущее радостную весть, черт подменяет зловещим.

8. В целях сохранения тайны личности участников название и адрес группы изменены.

9. В целях сохранения тайны личности участников название и адрес группы изменены.

10. В целях сохранения тайны личности участников название и адрес группы изменены.

11. В целях сохранения тайны личности участников название и адрес группы изменены.

Глава третья

1. В сказках о Василисе и Персефоне есть много общего.

2. Разные зачины и концовки сказок – предмет, изучению которого можно посвятить всю жизнь. Стив Сэнфилд, замечательный еврейский рассказчик, писатель, поэт и первый среди сказочников, живших в семидесятые годы в Соединенных Штатах, любезно передал мне искусство собирания зачинов и концовок, которые представляют собой самостоятельную разновидность творчества.

3. Оборот «в меру добрая мать» я впервые отметила в работе Дональда Уинникота. Эта изящная метафора – одно из тех выражений, которое тремя простыми словами передает целые страницы.

4. С позиций юнгианской психологии можно сказать, что материнская структура души состоит из слоев: архетипического, личностного и культурного. Именно их совокупность определяет адекватность или ее отсутствие в интернализованной материнской структуре. В возрастной психологии отмечается, что формирование адекватной внутренней матери, по-видимому, происходит поэтапно, причем каждый последующий этап формируется после усвоения предыдущего. Жестокое отношение к ребенку может разрушить образ матери или лишить его места в душе, расщепив последующие слои на противоположности, которые не взаимодействуют, а враждуют друг с другом. Это может не только свести на нет предыдущие стадии развития, но и дестабилизировать последующие, из-за чего они будут построены фрагментарно или вообще иначе.

Эти пороки развития, которые дестабилизируют формирование доверия, силы и самовоспитания, можно исправить, поскольку очевидно, что эта матрица не возводится, как кирпичная стена (которая упадет, если извлечь из нижних слоев слишком много кирпичей), а скорее плетется, как сеть. Вот почему столь многие женщины (и мужчины) нормально функционируют даже при наличии в системе их воспитания множества пробелов или пороков. Они склонны оказывать предпочтение тем аспектам материнского комплекса, в которых материнская сеть повреждена минимально. Поиски мудрого и воспитующего руководства могут помочь восстановить эту сеть, сколько бы лет человек ни прожил с поврежденной.

5. Символы неродной семьи, мачехи, отчима и сводных братьев и сестер используются в сказках как в отрицательном аспекте, так и в положительном. Из-за высокого процента

повторных браков в Соединенных Штатах существует повышенная чувствительность к использованию этих символов в отрицательном смысле, но есть много сказок о хороших и добрых приемных родителях. Наиболее известные из подобных мотивов – история о чете стариков, которые нашли в лесу брошенного младенца, и о приемном отце или матери, которые взяли ребенка с каким-то изъяном и выходили его или помогли ему обрести сверхъестественные способности.

6. Это не значит, что не нужно быть отзывчивым, когда это оправданно и вы действуете из собственных побуждений. Здесь мы говорим о той кротости, в которой есть что-то заискивающее, которая граничит с угодливостью. Она возникает, когда человек отчаянно чего-то хочет, но не чувствует себя достойным. Так ребенок, боясь собаки, приговаривает: «Хорошая собачка, хорошая», надеясь ее задобрить.

Есть еще более неприятная «кротость», когда женщина прибегает к хитрости, чтобы расположить к себе людей. Она считает, что должна оглаживать их, чтобы получить то, что иначе ей не добыть. Это вредная разновидность кротости: женщина улыбается и кланяется, стараясь умаслить людей, расположить их к себе, чтобы они ее поддержали, пропустили, оказали услугу, не выдали и т.д. Она соглашается не быть собой. Она теряет свой облик и надевает личину, которая должна больше нравиться другим. Правда, такая маскировочная тактика может быть эффективна в опасной ситуации, которую женщина плохо контролирует или совсем не контролирует. Если же она по собственной воле находит причину почти постоянно пребывать в таком положении, она обманывает себя в чем-то очень серьезном и отказывается от своего главного источника энергии – открытого отстаивания собственных интересов.

7. Мана – этот термин Юнг позаимствовал у меланезийцев, когда в начале века занимался антропологическими исследованиями. Он считал, что слово мана обозначает магическое поле, которое окружает некоторых людей, талисманы, природные объекты, вроде моря и гор, растения, камни, места и события и исходит от них. Однако в антропологических описаниях того времени не учитывались высказывания аборигенов, которые утверждают, что ощущение мана бывает одновременно прагматическим и мистическим: оно несет в себе информацию и волнует. Кроме того, из свидетельств мистиков разных времен, переживших взлеты и падения, связанные с так называемым мана, мы знаем, что контакт с исконной природой, которая порождает это явление, сродни влюбленности: когда она исчезает, человек чувствует себя покинутым. Хотя вначале такой контакт может требовать много времени и внимания, впоследствии он перерастает в глубокую и благодатную связь.

8. Гомункулы – маленькие создания, сродни гномам, эльфам и другому «маленькому народцу».

Хотя некоторые считают гомункулов недочеловеками, те, в чьем наследии они фигурируют, говорят об их сверхчеловеческих качествах: своеобразном мудром плутовстве и творческой натуре.

9. Некоторые принижают принцип звериной души или отгораживаются от мысли, что людям присущи и душевные качества, и звериные. Отчасти эта проблема – результат представления о том, что звери не обладают душой. Но в английском языке само слово «зверь, животное» – animal – позаимствовано из латыни и означает живое существо или, вернее, «все живое» и, особенно, animalis – одушевленное, от anima, что значит «воздух, дыхание, жизнь». В какое-то время – может быть, не такое уж далекое – мы, возможно, будем недоумевать, как мог возникнуть такой антропоцентризм, так же как сейчас многие из нас удивляются тому, что дискриминация, направленная против людей с иным цветом кожи, некогда была столь широко распространенным явлением.

10. Если не уделять этому внимания, женскую интуицию будут и дальше подвергать всевозможной хуле, грозящей и тем женщинам, которые придут после нас. Можно облегчить эту ситуацию, если сейчас отвести время на то, чтобы ее исправить. Речь идет не о совершенстве, а о том, чтобы обрести хотя бы относительную силу.

11. Проводя занятия с женщинами-заключенными, мы иногда делаем вместе куклы из

палочек, бобов, яблок, пшеницы, кукурузы, лоскутков ткани и рисовой бумаги. Одни женщины используют в работе роспись, другие вышивку, третьи клей. В итоге мы получаем несколько дюжин кукол и раскладываем их рядами. Некоторые из них сделаны из одних и тех же материалов, однако все они – такие же разные и уникальные, как и женщины, которые их смастерили.

12. Одна из главных проблем, связанных с прежними теориями женской психологии, заключается в том, что взгляды на женскую жизнь были весьма ограниченны. Никто не думал, что женщина может стать тем, чем она стала. Классическая психология больше изучала женщин, сжавшихся в комок, чем женщин, рвущихся на свободу, или чем женщин, стремящихся и достигающих. Инстинктивная природа требует такой психологии, которая бы наблюдала щедрых женщин, а также тех, кто распрямляется после долгих лет, прожитых в согбенном состоянии.

13. Интуиция, о которой идет речь, – не то же самое, что типологические функции, которые отмечает Юнг: чувство, мышление, интуиция и ощущение. В душе женщины (и мужчины) интуиция – нечто большее, чем типология. Она – принадлежность инстинктивной психики, души и, очевидно, является врожденной; ей свойственны процесс созревания и такие способности, как восприятие, осмысление и выражение в виде символов. Эта функция принадлежит и мужчинам, и женщинам, независимо от типологии.

14. В большинстве случаев оказывается, что лучше всего идти, когда вас зовут (или вынуждают), когда вы хоть в какой-то степени обладаете проворством и гибкостью, а не обыкновением упираться, сопротивляться, откладывать до тех пор, когда душевные обстоятельства взорвутся и вас все равно выбросит куда следует, но уже в крови и синяках. Порой бывает, что невозможно сохранить самообладание, но когда это удается, то вы затрачиваете меньше энергии, если идете вперед, а не сопротивляетесь.

15. Мать Ночь, одна из богинь Жизни-Смерти-Жизни у славянских племен.

16. По всей Центральной Америке la mascara, маска, означает, что человек обрел единство с духом, которого изображает как маска, так и одеяние. В западном обществе такое тождество с духом, достигаемое с помощью одеяния и раскраски лица, почти полностью утрачено. Однако прядение нити и ткачество являются способами привлечь духа или получить от него сведения. Есть серьезные свидетельства в пользу того, что прядение и ткачество некогда были религиозными практиками, которые использовались для постижения циклов жизни и смерти и потустороннего мира.

17. Хорошо иметь много персон, коллекционировать их, сшивать по нескольку вместе, собирать в процессе прохождения жизненного пути. Становясь старше, мы, имея в своем распоряжении такую коллекцию, обнаруживаем, что способны изобразить любой аспект самости, когда нам это заблагорассудится. Однако в какой-то момент – чаще всего это бывает начиная с середины жизни и дальше, к старости, – наши персоны загадочным образом смещаются и сливаются. В конце концов происходит некое «таяние», полная утрата персон, в результате чего обнаруживается то, что в своем чистейшем виде называется истинным Я.

18. Стремясь работать органично, человек опрощается, больше склоняется в сторону чутья и ощущений, чем чрезмерного умствования. Иногда, как говаривал мой покойный коллега Дж. Вандербург, бывает полезно думать так, чтобы твои мысли были понятны смышленому десятилетнему ребенку.

19. Эти качества одинаково необходимы как для успешной жизни души, так и для успешной экономики и бизнеса.

20. Юнг полагал, что в сновидениях можно соприкасаться с самым древним источником (C.G.Jung Speaking, ed. by William McGuire and R.F.C.Hull [Princeton: Princeton University Press, 1977]).

21. По сути, это явление связано с состояниями на границе сна и бодрствования. Исследователям сна хорошо известно, что, вопрос, заданный в начале состояния полусна, сортирует содержащиеся в мозгу «данные файла» во время последующих стадий сна, тем

самым увеличивая способность получать готовый внутренний ответ после пробуждения.

22. Близ того места, где я выросла, в лесной хижине жила старуха. Каждый день она съедала чайную ложку грязи, говоря, что это отгоняет печали.

23. По этому поводу в устной и письменной сказочной традиции есть много противоречий. В одних сказках говорится, что ранняя мудрость приносит долголетие, другие предупреждают, что это не к добру. Встречаются поговорки на эту тему, которые можно понимать очень по-разному, в зависимости от культуры и времени возникновения. Некоторые из них, на мой взгляд, представляют собой не наставления, а нечто вроде коанов. Иными словами, эти выражения являются предметом для размышления, а не прямого понимания – размышления, которое в итоге может привести к сатори – внезапному озарению.

24. Возможно, эта алхимия берет начало от гораздо более ранних наблюдений, чем труды по метафизике. Некоторые старые сказительницы, как из Восточной Европы, так и из Мексики, рассказывали мне, что символика черного, красного и белого цветов основана на менструальном и репродуктивном цикле женщины. Всем имевшим месячные женщинам известно, что черный цвет символизирует отторгнутую оболочку незабеременевшей матки. Красный символизирует задержку крови в матке во время беременности, а также пятно крови, которое знаменует начало родовых схваток и последующее начало новой жизни. Белый – это материнское молоко, предназначенное для вскармливания. Таков полный цикл глубокого преображения. Он заставляет меня задуматься над тем, не была ли алхимия более поздней попыткой создать сосуд наподобие женской матки и целого набора символов и процессов, сходных с циклами месячных, беременности, родов и вскармливания. Представляется вероятным, что существует архетип беременности, который не следует воспринимать буквально и который воздействует на оба пола, возбуждая желание отыскать его символический смысл.

25. Я много лет изучала символику красного цвета в сказках и мифах: красная нить, красные башмачки, красная шапочка и т.д. Я убеждена, что многие фрагменты сказок и мифов восходят к древним «красным богиням» – божествам, которые ведают всем спектром преображения женщины, всеми «красными» событиями: половой жизнью, деторождением и эротической сферой – и первоначально были частью архетипа трех сестер – покровительниц рождения, смерти и нового рождения, а также частью распространенных во всем мире мифов о восходящем и умирающем солнце.

26. В девятнадцатом веке антропологи ошибочно считали бытовавшее у племен почитание усопших старейшин и предков и ритуальное сохранение жизнеописаний старейшин некой разновидностью поклонения Божеству. Это далекое от истины представление и поныне можно часто встретить в различных «современных» произведениях. Однако я, имея многолетний опыт ведения семейных ритуалов dia de los muertos, «поклонения предкам», считаю, что этот термин, давным-давно возникший в классической антропологии, следовало бы изменить на общение с предками, поскольку его суть – постоянная связь с уважаемыми старейшинами рода. Этот ритуал выражает почитание семьи, представление о том, что все мы взаимосвязаны, что отдельно взятая человеческая жизнь не бессмысленна и, особенно, что добрые и замечательные дела тех, кто ушел раньше нас, имеют огромную ценность, обучая нас и направляя.

27. Много женских костей было найдено в Чатал-Хююк, неолитическом поселении, обнаруженном при раскопках в Южной Турции.

28. Есть и другие варианты этой сказки, а также другие эпизоды, а в некоторых случаях и эпилоги или антиклимаксы, [54] приделанные к концовке основного повествования.

29. Предельно утрированную форму женского таза мы видим в чашах и изображениях из раскопок в Восточных Балканах и Югославии, которые Гимбутас датирует 5-6000 гг. до

---

[54] Разочаровывающий или невыразительный исход того, что обещало хороший конец.

н.э. Marija Gimbutas, The Goddesses and Gods of Old Europe: Myths and Cult Images (Berkeley: University of California Press, 1974. Дополненное издание – 1982).

30. Образ пятна также часто появляется в снах, причем нередко как нечто такое, что преображается во что-то полезное. Некоторые мои коллеги, врачи по профессии, предполагают, что оно может символизировать эмбрион или яйцеклетку на самой ранней стадии развития. В нашей семье рассказчики часто называют такое пятно яйцом.

31. Возможно, дух и сознание человека обладают ощущением пола и такое мужское или женское начало духа и т.д. является врожденным независимо от реального пола.

Глава четвертая

1. Этот завершающий сказку стишок – традиционная концовка, распространенная среди сказителей в Западной Африке. Я узнала его от женщины по имени Опаланга, принадлежащей к традиции гриотов.

2. На Ямайке есть детская песенка, которая, возможно, несет в себе след этой сказки: «Просто чтоб знать до конца,/что „да“ – это „да“,/я спрошу ее снова/ и снова, и снова, и снова». Эту песенку я узнала от В.Б.Вашингтон, которая во всех жизненных ситуациях была для меня матерью.

3. Собака нередко ведет себя по-разному в зависимости от того, где находится: в обществе себе подобных или в домашней обстановке, в семье, где она живет.

4. Роберт Блай, из личной переписки, 1990 г.

Глава пятая

1. Есть много вариантов истории о Седне. Это – могучее божество, живущее под водой. К ней обращаются целители с просьбами вернуть здоровье и жизнь больным или умирающим.

2. Это означает не то, что связь подошла к концу, а то, что некоторые аспекты связи сбрасывают кожу, теряют панцирь, исчезают без следа, не оставив нового адреса, а потом внезапно появляются снова в другом облике, цвете и контексте.

3. Во время одной из поездок в зеленую часть Мексики у меня разболелись зубы, и boticario [55] послал меня к женщине, которая умела избавлять от зубной боли. Во время лечения она рассказала мне о Тксати, великом женском духе. Из ее рассказа ясно видно, что Тксати – богиня Жизни-Смерти-Жизни; но пока что я не нашла упоминаний о ней в научной литературе. Среди прочего, о чем поведала мне mi abuelita, curandera, [56] было и то, что Тксати – великая целительница, одновременно и материнская грудь, и могила. Тксати носит с собой медную чашу: повернет ее в одну сторону – в ней появится еда, повернет в другую – и она станет вместилищем для душ недавно умерших. Тксати – покровительница деторождения, любви и смерти.

4. Конечно, потребность в собственном пространстве может быть веской причиной одиночества, но в наше время это, наверное, самая распространенная невинная ложь в том, что касается отношений. Вместо того чтобы поговорить о том, что его беспокоит, человек уходит в себя. Это взрослая версия таких отговорок, как «собака съела мою тетрадку» или «у меня умерла бабушка» (в пятый раз).

5. А также еще не красивого.

6. Из замечательного стихотворения «Integrity». Adrienne Rich, The Fact of a Doorframe, Poems Selected, and New, 1950-1984. New-York: W.W.Norton, 1984.

---

[55] Аптекарь (исп.).

[56] Моя бабушка, знахарка (исп.).

7. Эпизод, повествующий о том, как младший перевязывает рану старшему, позаимствован из сказки «Зловонная рана», передающейся в нашей семье по наследству.

8. Это сжатое изложение очень длинной истории: чтобы рассказать ее надлежащим образом, не хватит и «трех вечеров в сезон светлячков».

Глава шестая

1. Некоторые психоаналитики-юнгианцы считают, что Андерсен был невротиком, а его произведения недостойны изучения. Я же нахожу, что если не обращать внимания на стиль изложения, то его произведения, особенно сказочные темы, которые он развивает, очень важны, поскольку в них запечатлены страдания маленьких детей, страдания душевной Самости. Разделывание, нарезание и отбивание юной души – проблема, характерная не только для того времени и места, где жил Андерсен. Она продолжает оставаться повсеместной и главнейшей проблемой души. Хотя притеснение души и духа детей, взрослых и стариков – это проблема, которую можно заглушить романтическими разглагольствованиями, я считаю, что Андерсен подходит к ней прямо и честно. Классическая психология раньше, чем общество, поняла, каковы подлинные масштабы жестокого отношения к детям, независимо от классовой и культурной принадлежности. А волшебные сказки еще раньше, чем философия, вскрыли факты умышленного вреда, который люди наносят друг другу.

2. Деревенский сказитель старается не допускать налета цинизма и сохраняет здравый смысл и ощущение ночного мира. Если исходить из этого определения, деревенским сказителем может быть и образованный человек, выросший на асфальте огромного города. Это название больше передает состояние души, чем географическое место обитания. В детстве я слышала эту версию «Гадкого утенка» от «трех Кэйти», своих старых тетушек со стороны отца.

3. Это одна из главных причин, заставляющих взрослого человека обратиться к психоаналитику или заняться самоанализом: рассортировать родительские, культурные, исторические и архетипические факторы, чтобы, как в сказках о La Llorona, река стала как можно чище.

4. Сизиф, Циклоп и Калибан – три мужских персонажа греческих мифов, известные своим упорством, способностью проявлять свирепость и толстой шкурой. В обществах, где женщинам не позволено развиваться во всех направлениях, им часто возбраняется развивать и так называемые мужские качества. Там, где в обществе есть тенденции, сдерживающие развитие женщины в мужском направлении, им не позволено брать в руки потир, стетоскоп, кисть, финансовые и политические рычаги и т.д.

5. См. произведения Элис Миллер (Alice Miller, Drama of the Gifted Child; For Your Own Good; Thou Shalt Not Be Aware).

6. Примеры того, как женщине не дают жить и работать так, как ей нужно, не обязательно должны быть драматическими. Среди самых свежих – законы, затрудняющие или запрещающие женщинам (и мужчинам) зарабатывать на жизнь дома и таким образом одновременно сохранять связь с деловым миром, очагом и собственными детьми. Законы, не дающие человеку возможности совмещать работу, семью и личную жизнь, давно необходимо изменить.

7. В мире все еще полно рабства. Иногда его так не называют, но если человек не свободен уйти и будет наказан, если сбежит, то это тоже рабство. Если человека принудительно выдворяют, если у кого-то возникает такое намерение, это тоже показатель рабовладельческого государства. Если человек вынужден выполнять мучительную работу или делать выбор в ущерб собственным интересам, чтобы получить минимальные средства к существованию или минимальную защиту, это тоже входит в понятие рабства. Под гнетом рабства всех мастей разбиваются семьи и сердца – на долгие годы, если не навсегда.

До сих пор существует и рабство в буквальном смысле слова. Человек, который

недавно вернулся с одного из островов Карибского бассейна, рассказывал мне, как в один из тамошних роскошных отелей прибыл ближневосточный шейх со свитой, в которую входило несколько рабынь. Весь персонал сбился с ног, стараясь, чтобы они не попались на глаза хорошо известному чернокожему борцу за гражданские права из Соединенных Штатов, который тоже остановился в этом отеле.

8. Сюда относятся двенадцатилетние матери-дети, подростки и женщины постарше, которые забеременели после ночи любви или ночи развлечений или того и другого, а также жертвы насилия-инцеста. Все они не знали материнской опеки и подвергались злобным нападкам, потому что в обществе было принято подвергать и мать и ребенка поношению и гонениям.

9. На эту тему писали многие. См. произведения Роберта Блая (Robert Bly), Ги Корно (Guy Corneau), Дугласа Гиллетта (Douglass Gillette), Сэма Кина (Sam Keen), Джона Ли (John Lee), Роберта Л. Мура (Robert L. Moor) и др.

10. Это один из глупейших мифов – будто женщина, взрослея, становится такой самодостаточной, что ей больше ничего не нужно, и превращается в источник для всех остальных. Нет, она развивается, как дерево, которому необходимы воздух и влага, каким бы старым оно ни было. С таким деревом можно сравнить старую женщину: в ней нет завершенности, нет внезапной остановки – это пышность корней и ветвей, а при надлежащем уходе – и обильное цветение.

11. Я получила ее от своей подруги Фалдис, иберийской женщины и родственной души.

12. Юнг использовал это слово для обозначения простофили из сказки, который в конце почти всегда добивается своего.

13. Ян Вандербург, из личной переписки.

14. В юнгианской психологии есть предрассудок, который мешает диагностировать серьезное нарушение: считается, что интроверсия – нормальное состояние человека, независимо от степени мертвенного спокойствия, в котором он пребывает. На самом деле под мертвенной тишиной, которую иногда принимают за интроверсию, чаще всего скрывается глубокая травма. Если женщина «робкая», глубоко «погруженная в себя» или болезненно «скромная», важно заглянуть поглубже, чтобы понять, что это: врожденное качество или травма.

15. Каролина Дельгадо, социальный работник юнгианского направления и художница, живущая в Хьюстоне, использует ofrendas как поднос с песком – инструмент, помогающий выявить душевное состояние человека.

16. Список женщин, которые «не похожи на других», очень велик. Вспомните любую ролевую модель, бытовавшую в последние столетия, – скорее всего, она возникла на границе или вышла из какой-то подгруппы или из основного течения.

Глава седьмая

1. Теуанские женщины постоянно похлопывают и поглаживают не только своих детей и своих мужчин, не только своих дедушек и бабушек, не только еду, одежду, домашних животных, но и друг друга. Это очень трогательная культура, которая способствует расцвету человека. Нечто похожее можно увидеть у играющих волков: они подталкивают друг друга, будто исполняют непринужденный танец. Такое соприкосновение тел – своеобразная весть: «Ты с нами, мы вместе».

2. Если понаблюдать различные изолированные туземные группы, окажется, что, хотя в них есть свои одиночки, которые, возможно, живут со своим племенем только часть времени и не обязательно постоянно следуют характерным для ядра группы ценностям, среди членов центральной группы развито уважительное отношение к мужчинам и женщинам независимо от облика, роста, размера и возраста. Иногда они поддразнивают друг друга по тому или иному поводу, но беззлобно и не ограничиваясь какими-то конкретными людьми. Такой

подход к телу, полу и возрасту – показатель более широкого мироощущения и любви к природе во всем ее разнообразии.

3. Некоторые объявляют желание жить как жили в старину, или сохранять какие-то «народные, старые или древние» ценности сентиментальностью – слащавой привязанностью к прошлому и нелогичными фантазиями. Такие люди говорят, что женская доля в старину была тяжелой, свирепствовали болезни и т.д. Это действительно так: в старину женщинам приходилось тяжело трудиться, обычно в ужасных условиях, они подвергались жестокому обращению, становились жертвами тяжелых заболеваний и т.д. Такое положение сохраняется и сейчас, и это распространялось и распространяется не только на женщин, но и на мужчин.

Однако в туземных группах и у своих близких, как мексиканского, так и венгерского происхождения, – а все это люди племенного, родового склада: создатели тотемов, прядильщики, ткачи, огородники, швеи, производители себе подобных – я обнаруживаю, что, какой бы тяжелой ни была или ни стала жизнь, старые ценности, даже если их приходится выкапывать или выучивать заново, служат неизменной поддержкой для души и психики. Многие из так называемых «старых обычаев» – это разновидность пищи, которая никогда не портится да еще и становится тем более обильной, чем больше ее употребляют.

Ко всему можно подходить с культовых или с мирских позиций, однако, на мой взгляд, нет особой сентиментальности, а есть здоровая чуткость в том, чтобы восхищаться старыми ценностями или следовать им. Нападать на традиционные духовные ценности – значит в очередной раз пытаться отрезать женщину от материнского наследия. Если одновременно черпать из прошлого знания, от настоящей силы и от будущих замыслов, это умиротворяет душу.

4. Если в женском теле и обитает «злой дух», то он, по преимуществу, внедрен туда культурой, которая сильно не в ладах с естественным телом. Женщина действительно может быть себе злейшим врагом, но ребенок не рождается с ненавистью к собственному телу. Скорее – мы убедимся в этом, понаблюдав за младенцем, – исследование и использование собственного тела его несказанно радует.

5. Или же своего отца.

6. На протяжении многих лет было написано и разошлось огромное количество книг, посвященных размерам и форме человеческого тела, в частности женского. Большинство этих работ, за редким исключением, вышло из-под пера авторов, которым те или иные разновидности телосложения были явно не по нраву и даже внушали отвращение. Интересно было бы услышать мнение женщин, которые пребывают в здравом уме, независимо от телосложения, и особенно здоровых женщин внушительных размеров. Хотя этот вопрос и не относится к теме данной книги, «кричащая женщина у нас внутри» – это, главным образом, глубокая проекция, нечто навязанное со стороны общества. Этот вопрос требует очень пристального изучения с учетом более глубоких культурных предрассудков и патологий, которые затрагивают многие принципы помимо размера. В качестве примеров можно привести гипертрофированную сексуальность в обществе, душевный голод, иерархическую структуру и кастовую систему применительно к телосложению и т.д. Бьио бы неплохо, образно говоря, уложить общество на кушетку психоаналитика.

7. С точки зрения архетипа может быть, что некоторые мании, связанные с переделкой тела, начинают бурно распространяться именно тогда, когда внутренний мир или окружающий мир кажется настолько неуправляемым, что человеку остается управлять единственной оставшейся у него мелкой собственностью – собственным телом.

8. То есть принимали как равную и без насмешек.

9. Martin Freud, Glory Reflected: Sigmund Freud, Man and Father (New York: Vanguard Press, 1958).

10. В сказках о ковре-самолете есть много разных описаний качеств ковра: он может быть красным, синим, старым, новым, персидским, индийским, турецким, принадлежать маленькой старушке, которая вынимала его только по... и т.д.

11. Ковер-самолет – это центральный архетипический мотив волшебных сказок стран Среднего Востока. Одна из них, под названием «Ковер принца Хусейна», похожа на сказку «Ковер принца Ахмета» и входит в сборник сказок «Тысяча и одна ночь».

12. В теле присутствуют естественные вещества – так называемые эндорфины, – которые вызывают хорошее самочувствие и даже чувство блаженства. Для достижения таких состояний обычно используют молитвы, медитацию, созерцание; они бывают результатом озарения, интуиции, транса, танца, некоторых видов физической деятельности, пения и других глубоких состояний душевной сферы.

13. Когда я проводила опросы представителей разных культур, на меня произвели глубокое впечатление группы, которые, оказавшись вытесненными из общего русла, все же сохранили и даже укрепили свою целостность. Поразительно раз за разом наблюдать, как лишенная гражданских прав, но сохранившая свое достоинство группа в итоге завоевывает интерес и восхищение того главного движения, которое ее некогда отторгло.

14. Одна из многих возможностей потерять такую связь – не знать, где похоронены твои предки.

15. В целях сохранения тайны личности здесь дан псевдоним.

16. Ntozake Shange, For colored girls who have considered suicide when the rainbow is enuf [57] (New York: Macmfflan, 1976).

Глава восьмая

1. От латинского корня sen, «старый», произошли такие родственные слова, как сеньор, сеньора, сенат и сенильный. [58]

2. Есть общества внутренние и внешние, и ведут они себя поразительно похоже.

3. Барри Холстон Лопес в своей работе «О волках и людях» называет это «опьянение мясом» (Barry Holston Lopez, Of Wolves and Men, New York: Scribner, 1978).

4. Можно легко впасть в излишества, независимо от того, где ты выросла: на улице или в тепличной атмосфере. Ложные друзья, притворство, мертвящая боль, покровительственное поведение, неспособность ярко светить – все это можно встретить в любой среде.

5. Слова аббатиссы Хильдегарды Бингенской, известной также под именем святой Хильдегарды. Источник: MS2 Weisbaden, Hessische Lantesbibliother.

6. В психологии метод «не получишь конфет, пока не сделаешь уроки» называют принципом

Примака или «правилом бабушки». Похоже, даже классическая психология признает, что это правило принадлежит старикам.

7. Джоплин не пользовалась косметикой не потому, что рассматривала это как некое политическое заявление. У нее, как и у многих подростков, были проблемы с кожей, к тому же, учась в старших классах, она, по-видимому, вела себя с молодыми людьми как «свой парень», а не как потенциальная подружка.

В шестидесятых годах в Соединенных Штатах многие новоиспеченные активистки не пользовались косметикой, придавая этому смысл политического заявления: «Не хочу делать из себя приманку на потребу мужчинам». В отличие от них, во многих туземных культурах представители обоих полов используют краски для лица и тела как для привлечения, так и для отпугивания. По сути, стремление приукрасить себя – типичная область женского творчества; украшает себя женщина или нет и как она это делает – в любом случае это становится индивидуальным языком, передающим то, что она хочет передать.

8. Прекрасную биографию Джейнис Джоплин, героини современной версии «Красных

---

[57] ...для цветных девушек, которые задумали самоубийство, когда достаточно радуги.

[58] Имеющий отношение к старческому слабоумию.

башмачков», см. Myra Friedman, Buried Alive: The Biography ofjanis Joplin (New York: Morrow, 1973). Исправленное издание вышло в Harmony Books, N.Y., 1992.

9. Это не значит, что там не было органических причин, а в некоторых случаях и ятрогенных нарушений.

10. Пожалуй, самые близкие к нам версии сказки «Красные башмачки» лучше, чем толстые исторические исследования, показывают, каким искажениям и извращениям подверглась первоначальная сущность этих обрядов. Тем не менее версии, дошедшие до нас даже в остаточном виде, чрезвычайно ценны, потому что иногда самые поздние и самые грубые наслоения говорят именно то, что нам нужно знать, чтобы выжить и процветать в обществе и/или душевном окружении, которое повторяет губительные процессы, изображенные в самой сказке. В этом смысле нам повезло, что до нас дошли фрагменты сказки, явно показывающей душевные ловушки, которые расставлены для нас здесь и теперь.

11. Такие обряды древних и современных туземных женщин часто называют обрядами достижения половой зрелости и обрядами плодородия. Однако эти названия отражают главным образом мужскую позицию в антропологии, археологии и этнологии, начиная, по крайней мере, с середины девятнадцатого века. Эти названия, к сожалению, не отражают действительного положения вещей, а искажают и умаляют этот процесс жизни женщины.

Выражаясь метафорически, женщина проходит сквозь собственные тазовые кости много раз и по-разному, и каждый раз для нее возникает возможность обрести новое знание. Этот процесс длится всю ее жизнь. Так называемая «фаза плодородия» не начинается с менструации и не заканчивается менопаузой.

Было бы правильнее называть все обряды «плодородия» пороговыми обрядами. Каждый из них имеет свое собственное название в соответствии с конкретной преобразующей силой, причем имеется в виду не только внешнее достижение, но и внутреннее. Хороший пример языка и названия, определяющего суть вопроса, – благословляющий ритуал племени дине (навахо), который именуется «путь красоты».

12. «Оплакивание непрожитых жизней. Психологическое исследование потери ребенка при вынашивании» юнгианского психоаналитика Джудит А. Сэвидж (Judith A. Savage, Mourning Unlived Lives – A Psychological Study of Childbearing Loss [Wilmette, Illinois: Chiron, 1989)] – превосходная книга, одна из немногих на эту тему и чрезвычайно важная для женщин.

13. Практики, такие, как хатха-йога, тантрическая йога и танец, а также другие действия, упорядочивающие связь с собственным телом, несут в себе огромную силу.

14. В фольклоре некоторых народов говорится, что дьявол чувствует себя неудобно в человеческом облике, который ему не совсем впору, и потому хромает. В сказке «Красные башмачки» девочка лишается ног и тоже становится хромой, потому что она, образно выражаясь, «танцевала с дьяволом» и переняла его хромоту, то есть нечеловеческую жизнь, чреватую излишествами и убийственную.

15. С приходом христианства старинные сапожные инструменты – рашпиль, щипцы, тиски, клещи, молоток, шило и т.д. – стали синонимами пыточных орудий дьявола. К началу шестнадцатого века во всей неязыческой Европе было распространено убеждение: «Лжепророки получаются из жестянщиков и сапожников».

16. Исследования по восприятию насилия как нормы и по усвоенной беспомощности проводили доктор медицинских наук, специалист в области экспериментальной психологии Мартин Селигман и др.

17. В семидесятых годах Ленор Уокер в своей выдающейся работе «Забитые женщины» (Lenore Walker, The Battered Women [New York: Harper & Row, 1980 ed.]) использовала этот принцип, исследуя загадку: почему женщины живут с партнерами, которые обращаются с ними с возмутительной жестокостью?

18. Или тем из нашего окружения, кто юн и беспомощен.

19. Женское движение, Национальная организация женщин и другие организации –

одни имеющие экологическую ориентацию, другие образовательную и правовую, – насчитывают в своих рядах множество женщин, которые, чтобы выступить вперед, заговорить и, что, пожалуй, важнее всего, продолжать говорить в полный голос, подвергали себя большой опасности. Это относится и к тем женщинам, которые стояли и стоят во главе движения, развивают и расширяют его. В правовой сфере многие голоса и постановления принадлежат как женщинам, так и мужчинам.

20. Такое равнение на сверстниц и женщин постарше уменьшает противоречия и увеличивает безопасность для женщин, которые вынуждены жить во враждебном окружении. Однако при других обстоятельствах это заставляет женщин в буквальном смысле предавать друг друга и таким образом отсекать еще одно материнское наследие – возможность иметь старших, которые вступятся за молодых женщин, вмешаются, разберутся, пойдут с любой из них в суд, чтобы сохранить уравновешенное общество и равные права для всех.

В других обществах, где все женщины считают себя сестрами, а мужчины – братьями, иерархические качества, налагаемые возрастом и властью, бывают сглажены отношениями взаимной заботы и ответственности. Женщина, которую в детстве предавали, постоянно ожидает предательства со стороны любимого человека, начальника и общества. Ее первый опыт, связанный с предательством, часто связан с каким-то случаем или случаями, в которых были повинны родственницы по женской линии. То, что такая женщина, несмотря на предательство, способна доверять, – еще одно чудо, на которое способна душа. Предательство – когда те, кто обладает силой, видят беду и отворачиваются. Предательство – когда люди не выполняют обещанного, нарушают обет помогать, защищать, заступаться, быть заодно, когда они, вместо того чтобы проявить смелость, проявляют равнодушие, безразличие, непонимание и т.д.

21. Привязанность – это то, что заставляет жизнь «выглядеть» лучше и в то же время опустошает ее.

22. Голод, одичание или зависимость сами по себе не являются причинами психоза, но ведут глобальное и постоянное наступление на психику. Теоретически, ослабленной душой может овладеть комплекс соглашательства. Вот почему важно восстановить поврежденные инстинкты, чтобы человек, насколько это возможно, не оставался в ухудшающемся или уязвимом состоянии.

23. Charles Sirnic, Selected Poems (New York: Braziller, 1985).

24. «The Elements of Capture», Copyright C.P.Estes, Ph.D., из научной работы после защиты докторской диссертации.

Возьмите оригинал.

Приручите девочку рано, желательно до того, как она начнет говорить или ходить.

Чрезмерно, до крайности, приучите к жизни в обществе.

Сделайте так, чтобы ее дикая природа изголодалась.

Отгородите ее от страданий и свобод других, чтобы ей не с чем было сравнивать свою жизнь.

Научите ее одной-единственной точке зрения.

Создайте недостаток чего-нибудь, или холод, или засуху, и пусть все это видят, но никто ей об этом не говорит.

Отсеките ее от естественного тела, тем самым лишив связи с этим существом.

Дайте ей свободу в среде, где она могла бы злоупотреблять вещами, которые прежде были под запретом, вещами одновременно опасными и волнующими.

Дайте ей друзей, которые тоже изголодались и поощряют ее к неумеренности.

Пусть ее поврежденные инстинкты – осмотрительности и самозащиты – остаются неисправленными.

Пусть из-за крайностей (недостаток пищи, избыток пищи, наркотики, недостаток сна, избыток сна и т.д.) Смерть поселится где-то поблизости.

Позвольте ей бороться за восстановление репутации «пай-девочки» и добиваться

успеха, но только время от времени.

Затем, под конец, позвольте ей снова броситься в омут излишеств, создающих физиологическую или психологическую зависимость, которые убийственны сами по себе или при неправильном употреблении (алкоголь, секс, ярость, уступчивость, власть и т.д.).

Вот она и попалась! Поверните процесс вспять – и она научится быть свободной. Восстановите ее инстинкты – и она снова станет сильной.

Глава девятая

1. Центральная тема этой сказки – обретение любви и дома и встреча с природой смерти – очень распространена во всем мире. Присказка о том, что «приходится отламывать слова с губ собеседника, а потом оттаивать на огне, чтобы узнать, что он сказал», тоже известна во всех холодных странах мира.

2. В разных этнических группах также известно, что душа не воплощается и не рождает дух, пока не убедится, что тело, в котором ей предстоит обитать, действительно долговечно. Вот почему в старейших традициях ребенку часто не дают имени, пока с момента его рождения не минует неделя, два лунных цикла, а то и более длительный срок, – тогда будет ясно, что плоть достаточно сильна, чтобы вместить в себя душу, которая, в свою очередь, породит дух. Кроме того, многие придерживаются разумного мнения, что по этой же причине ребенка никогда не следует бить, потому что это изгоняет из тела дух, а вернуть его и водворить в свою законную обитель – дело очень долгое и трудное.

3. Слово «инициация» происходит от латинского initiare, что значит начинать, вводить, наставлять. Инициируемый – тот, кто начинает новый путь, кто пришел, чтобы получить посвящение и наставления. Инициатор – тот, кто выполняет серьезную работу, вспоминая то, что знает о пути, показывая, как нужно продвигаться, и направляя инициируемую, чтобы она справилась с задачами и таким образом стала сильнее.

4. При неумелой инициации инициирующая порой ищет только недостатки инициируемой и забывает о том, что составляет остальные семьдесят процентов инициации – укрепление талантов и дарований женщины, – или пренебрегает этим. Часто инициирующая создает трудности, не обеспечивая поддержки, изобретает опасности, а потом уходит в сторону. Это позаимствовано из мужского стиля фрагментарной инициации, когда предполагается, что стыд и унижение делают человека сильнее. При этом вам обеспечены трудности, но не поддержка. Или же уделяется большое внимание процедуре, а насущные потребности чувств и жизни души отбрасываются как нечто второстепенное. С точки зрения души и духа, жестокая или негуманная инициация никогда не укрепляет ни женское сообщество, ни связи между отдельными женщинами. Это неразумно.

При отсутствии умелых инициаторов или находясь среди инициаторов, которые насаждают и поддерживают жестокость, женщина пытается осуществить самоинициацию. Это восхитительное начинание и замечательное свершение, даже если оно удастся хотя бы на три четверти. Оно достойно всемерного одобрения, потому что женщине приходится чутко вслушиваться в дикую душу и в то, что идет следом за ней, и еще глубже и глубже, и следовать ее указаниям, не имея никаких свидетельств о том, что так поступали тысячи раз до нее и получали прекрасные результаты.

5. Бывает перфекционизм полезный и вредный. Вредный перфекционизм часто бывает тесно связан со страхом показаться некомпетентной. Полезный перфекционизм помогает достичь наилучших результатов, является спутником мастерства. Полезный перфекционизм побуждает душу учиться делать все как можно лучше: лучше писать, говорить, рисовать, готовить пищу, отдыхать, верить и т.д. Полезный перфекционизм постоянно направлен на то, чтобы развеять сон и воплотить мечту.

6. «Надеть непромокаемый лифчик» – выражение, принадлежащее Янси Эллис Стоквелл, которая является ярким психотерапевтом и писательницей.

7. При поддержке Союза женщин и многих одаренных целитель ниц, в том числе

доктора Трэйси Томпсон, очень заботливого врача этой тюрьмы, и Кэти Парк, энергичной целительницы и рассказчицы.

8. Из стихотворения «Woman who Lives under the Lake», Copyright 1980, C.P.Estes, Rowing Songs For the Night Sea Journey: Contemporary Chants (частная публикация, 1989).

9. Из стихотворения «Come Cover Me With Your Wildness», Copyright 1980, C.P.Estes, там же.

10. Перевод на английский стихотворения «La bolsita negra», Copyright 1970, C.P.Estes, там же.

11. Их словесные образы и откровенные выражения вошли в речь выходцев из Испании и Восточной Европы, проживающих в этих краях.

12. Это могут быть не только дети, но и кто или что угодно: мои растения, моя собака, мои уроки, мой муж, мои петунии. Все это только отговорки. На самом деле женщина жаждет уйти. Но одновременно жаждет остаться.

13. Комплекс всеобщей благодетельницы подрывает компетентность женщины, заставляя ее вести себя так, будто она на самом деле великая целительница. Но для человека пытаться воплотить архетип – все равно что пытаться быть Богом. Достичь этого невозможно, а усилия, затраченные на эту попытку, крайне опустошительны и чрезвычайно губительны для души. Если архетип может выносить человеческие проекции, то люди не выносят, когда с ними обращаются как с архетипом, то есть так, будто они неуязвимы и неисчерпаемы. Если от женщины ожидают или требуют, чтобы она неустанно воплощала архетип великой целителыщцы, мы увидим, что она потерпит поражение, играя эту утомительную роль, чреватую вредным перфекционизмом. Если вас заманивают в роскошную клетку, предлагая архетипическое одеяние того или иного идеала, лучший ответ – глядя в пространство, покачать головой и продолжить путь к дому.

14. Adrienne Rich, The Fact of a Doorframe (New York: W.W.Norton, 1984), p. 162.

15. В других сказках, например, в «Спящей красавице», спящая девушка просыпается не потому, что ее поцеловал принц, а потому что пришла пора – столетнее проклятье потеряло силу и настало время проснуться. Окружающий замок непроходимый лес расступается не потому, что такова сила героя, а потому, что проклятье больше не имеет силы и пришло время, время пришло.

16. В юнгианской классической психологии такого ребенка назвали бы психопомпом, наследником Гермеса, проводника душ в загробный мир. В других культурах психопомпов называют джуджу, брухо, анквагок, цаддик. Эти названия используют и какимена собственные, а порой и как прилагательные, чтобы обозначить магические качества человека или предмета.

17. В сказке, почуяв тюлений запах, мальчик ощущает всю силу душевной материнской любви. Какая-то часть ее души проникает в него, не причиняя вреда, а лишь наполняя сознательностью. И по сию пору в некоторых иннуитских семьях, когда умирает человек, которого все любят, меховые одежды, головной убор, штаны и другие личные вещи усопшего начинают носить его родственники. При этом друзья и близкие считают, что таким образом происходит передача от одной души к другой, необходимая для продолжения жизни. Они верят, что в одежде, шкуре и орудиях умерших содержится мощный остаток души.

18. Заимствовано у Мэри Укулат, которая познакомила меня с древним представлением о том, что дыхание состоит из поэзии.

19. Там же.

20. Oxford English Dictionary.

21. Женщины склонны уделять много времени облегчению телесных недугов, особенно недугов других людей, не удосуживаясь выкроить необходимое время для общения с собственной душой. Как правило, они не понимают, что душа сродни магнето или главному генератору человеческой духовности и энергии. Многие женщины пренебрегают взаимоотношениями с душой, считая их не особенно важным инструментом. Однако их, как

и многие другие ценные инструменты, необходимо бережно хранить, чистить, смазывать, чинить. Иначе эти взаимоотношения засоряются, как автомобильный двигатель, и в повседневной жизни происходит торможение. Оно заставляет женщину тратить колоссальную энергию на выполнение простейших задач, пока, наконец, мотор не заглохнет где-нибудь на перевале, на головокружительной высоте, вдали от города и телефона. Тогда возвращаться домой придется пешком и очень-очень долго.

22. Цитата взята из интервью с Робертом Блаем, опубликованного в Bloomsbury Review (January, 1990), «The Wild man in the Black Coat Turns: A Conversation» by Clarissa Pincola Estes, Ph.D. Copyright 1989, C.P.Estes.

Глава десятая

1. «Поле сновидений» – кинофильм по роману У.П.Кинселлы «Босоногий Джо».

2. Застой в творческой жизни обычно бывает обусловлен несколькими причинами: отрицательными внутренними комплексами, отсутствием поддержки во внешнем мире, а иногда и откровенным саботажем.

Что касается внутреннего разрушения новых начинаний и идей, на мой взгляд, творческие поиски чаще всего останавливаются и объявляются несостоятельными в случае манипулирования моделью или/или. Что было раньше: курица или яйцо? Этот вопрос чаще всего заставляет отвести глаза от предмета и мешает определить его многочисленные достоинства. Он не дает увидеть, как устроена вещь и как ее можно использовать. Часто лучше использовать объединяющую и сопоставляющую модель и/и. Эта вещь и такая, и другая. Ее можно использовать/не использовать и так, и этак.

3. La Llorona – произносится Lah-Yoh-row-nah (ла-йо-ро-на), с ударением на предпоследнем слове и легким грассированием "r".

4. Историю La Llorona рассказывают с незапамятных времен – все ту же сказку с незначительными вариациями, главным образом на тему того, как одета героиня. «Она была расфуфырена, как шлюха, и один парень подцепил ее в Эль-Пасо, у реки. Он просто рот разинул!» «На ней была ночная сорочка, длинная и белая». «На ней было подвенечное платье, а лицо закрывала длинная белая фата». Многие родители латиноамериканского происхождения используют La Llorona в качестве мистической няньки. Большинство детей так запугано рассказами о том, как она хватает чужих детей взамен собственных, утонувших, что в городах, расположенных на реке, вся детвора знает: нужно держаться подальше от воды после наступления темноты и приходить домой вовремя.

Некоторые исследователи, изучавшие эти истории, говорят, что это воспитательные сказки, цель которых – запугать людей, чтобы те хорошо себя вели. Зная, какие страсти кипят в крови людей, бывших родоначальниками этих историй, я считаю их революционными сказками, цель которых – пробудить сознание для создания нового порядка. Некоторые сказители называют истории типа La Llorona «cuentos de la revolucion», революционные истории.

Истории о борьбе, душевной и иной, принадлежат к очень старой традиции, возникшей раньше, чем завоевание Мексики. Некоторые старые cuentistas, сказительницы мексиканского происхождения, принадлежащие к нашему роду, говорят, что так называемые летописи ацтеков – это никакие не военные хроники, как утверждают многие ученые, а пиктографические повествования о нравственных битвах, которые приходится вести всем мужчинам и женщинам. Многие ученые, представители старой школы, считали, что этого быть не может, поскольку были уверены, что туземное население не обладало способностью мыслить абстракциями и символами. Они полагали, что представители древних цивилизаций – все равно что дети, которые понимают все буквально. Тем не менее, изучая поэзию науатлей [59] и майя, относящуюся к тем временам, можно убедиться в существовании яркой

[59] Племенной союз, основу которого составляли ацтеки. – Прим. перев

метафоры и блестящей способности мыслить и оперировать абстракциями.

5. Как это было на Национальном съезде зеленого движения, который происходил в Скалистых горах, в районе Континентального раздела, в 1991 году.

6. Получена от Марик Папандреас Андропулос, сказительницы из Коринфа, которая получила ее от Андреа Заркоколис, тоже жительницы Коринфа.

7. Marcel Pagnol, Jean de Fkrette and Manon of the Spring, translated by W.E. van Heyningen (San Francisco: North Point Press, 1988). Клод Берри поставил по обеим историям фильмы (Orion Releases, 1987).

Первая история – про злоумышленников, которые перекрыли родник, чтобы помешать молодой супружеской паре осуществить свою мечту: жить свободно на природе в окружении зверей, деревьев и цветов и самим выращивать себе пищу. В итоге молодая семья обречена на голод, потому что на их землю не поступает вода. Злоумышленники рассчитывают купить у них участок за бесценок, поскольку за ним закрепилась дурная слава бесплодной земли. Муж умер, жена преждевременно состарилась, а ребенок остался неимущим.

Во второй книге ребенок, девочка, вырастает, раскрывает злые козни и мстит за свою семью. Стоя по колено в грязи, в кровь обдирая руки, она вытаскивает цементную пробку. Родник снова начинает бить, разливается ручьем, который течет, катя комья сухой земли – так выходит наружу старое злодеяние.

8. «Боязнь провала» – одно из тех броских выражений, которые не дают истинного представления о том, чего именно боится женщина. Как правило, каждый отдельно взятый страх складывается из трех частей: первая – это остаток прошлого (который часто является источником стыда), вторая – отсутствие уверенности в настоящем и третья – боязнь неудачного исхода или плохих последствий в будущем.

Если взять творческую жизнь, то один из самых распространенных страхов – это не конкретная боязнь провала, а боязнь подвергнуть испытанию собственную храбрость. Мы размышляем примерно так: если меня постигнет неудача, можно собраться с силами и начать все сначала – впереди еще непочатый край возможностей. Но что, если у меня получится что-то весьма посредственное? Что, если при всем старании мне не удастся достичь заветного уровня? Для творческих натур это куда более мучительный вопрос. А ведь есть и много других. Вот почему творческий путь – очень серьезная и трудная стезя. Но эта сложность не должна нас останавливать, ибо творческая жизнь проходит через самое сердце дикой природы. Несмотря на найти худшие опасения, нас защищает глубокая забота инстинктивной природы.

9. Некогда гарпии были богинями бури, божествами Жизни и Смерти. К несчастью, у них отняли звание прародительниц обеих функций и превратили в однобокие существа. Как мы уже видели при рассмотрении природы Жизни-Смерти-Жизни, любая сила, управляющая рождением, управляет и смертью. Однако в Греции культура, выражавшая взгляды и идеалы господствующей верхушки, так сильно подчеркивала смертоносный аспект гарпий как несущих смерть демонических полуженщин-полуптиц, что природа гарпий, связанная с вынашиванием, рождением и воспитанием, была начисто отсечена. К тому времени, когда Эсхил написал свою пьесу, в которой гарпий убивают или заточают в пещеру на краю света, животворящая природа этих созданий была полностью забыта.

10. Это поздняя версия. Кстати сказать, не все негативные наслоения являются патриархальными и, конечно же, не все патриархальное негативно. Что касается мифов, которые некогда изображали сильную и здоровую женственность, то здесь старые негативные патриархальные наслоения имеют свою ценность, потому что не только показывают, как культура завоевателей подрывает хранимую прежде мудрость, но и могут показать, как притесняемая женщина или женщина с поврежденными инстинктами была вынуждена оценивать себя тогда и вынуждена оценивать себя даже сегодня, а также как она может исцелиться.

Совокупность разрушительных запретов, налагаемых на женщин (и/или мужчин) и направленных против них, оставляет за собой нечто вроде архетипического рентгеновского луча, который несет все то, что в процессе развития женщины подверглось искажениям, если она выросла в обществе, не приемлющем женского начала.

11. Многие символы можно отнести как к мужскому, так и к женскому полу. Главное, чтобы человек сам решил, какой из них использовать в качестве увеличительного стекла, рассматривая проблемы души и психики. Нет особого смысла спорить – как склонны делать некоторые, – каким символом является некий предмет, мужским или женским, потому что в итоге оказывается, что эти признаки всего лишь предлагают творческий подход к проблеме, а сам символ в действительности включает в себя другие силы, которые мы, стоящие на позиции Архимеда, постичь неспособны. И все же использование мужской или женской принадлежности остается важным, ибо каждая – своеобразная линза, сквозь которую можно много увидеть. Вот почему я, сообразно своему пониманию, ищу символы во всем – чтобы увидеть то, что можно увидеть, чтобы понять, как их можно использовать и, особенно, какие раны можно ими исцелять.

12. См. работу «Is Animus Obsolete?» Jennette Jones and Mary Ann Mattoon в антологии The Goddess Reawakening, ed. Shirley Nichols (Wheaton, Illinois: Quest Books, 1989). Эта глава посвящена современным взглядам на анимус вплоть до 1987 г.

13. Для мифов вполне обычное явление, когда великая богиня создает сына из собственного тела. Впоследствии этот сын становится ее любовником/спутником/супругом. Хотя кто-то может воспринять это буквально и воспринять как описание инцеста, понимать это следует иначе: мы имеем дело с описанием того, как душа порождает мужской потенциал, который, развиваясь, воплощается в своего рода мудрость и силу и вступает в разнообразные сочетания с другими силами души.

14. А иногда и силу, движущую этой рукой.

15. В сущности, отбрасывая принцип мужской природы, мы теряем одну из важнейших составляющих пары противоположностей, которая необходима для восприятия и понимания (на всех уровнях) тайны двойственности человеческого существа. Однако если женщину коробит даже мысль о том, что мужское может быть частью женского, я посоветовала бы ей назвать эту связующую природу по своему вкусу, чтобы это не мешало ей представлять и понимать совместную работу этих противоположностей.

16. Oxford English Dictionary.

17. Я бы охарактеризовала это как сильную и предприимчивую природу мужского начала; у мужчин, принадлежащих к разным культурам, она нередко оказывается подавленной в процессе повседневных трудов, бессмысленных и бездушных. Это может быть также обусловлено происками общества, которое заманивает мужчин в упряжку и держит в ней, пока от них мало что остается.

18. В процессе своих исследований я выяснила, что некое подобие этой истории может быть вариантом сказок, посвященных зимнему солнцестоянию, когда старый год сменяется новым. В них изношенное умирает и возрождается снова во всем блеске юности.

19. Получена с любовью от Кати, которая в сороковые годы провела четыре года в русском исправительно-трудовом лагере.

20. Преображение огнем, над огнем или в огне является универсальным мотивом. Тот, что мы находим в сказке «Три золотых волоса», встречается в греческом мифе: Деметра, великая Богиня-Мать, каждую ночь держит смертное человеческое дитя в огне, чтобы дать ему бессмертие. Случайно увидев это, Метанира, мать ребенка, обвиняет ее в попытке убийства и прерывает процесс. «Очень плохо, – говорит богиня Метанире, – теперь дитя останется смертным».

Глава одиннадцатая

1. То, что вызывает счастье и наслаждение, всегда является «задними дверьми», через

которые входят любители эксплуатировать и манипулировать.

2. Сказки дядюшки Трунгпы – это непристойные плутовские истории; говорят, что они родом из Тибета. Плутовские истории есть у всех народов.

3. В Чатал-Хююк высоко на стене есть изображение, относящееся к категории «между ног». На нем представлена женская фигура, которая, широко расставив ноги, демонстрирует «нижний рот» – возможно, это изображение оракула. Одна мысль о таком изображении вызывает у многих женщин понимающую улыбку.

4. Charles Boer, The Homeric Hymns (Dallas: Spring Publications, 1987). Это по-настоящему талантливый перевод.

5. Традиционно истории про койота рассказывают только зимой.

Глава двенадцатая

1. В семье и ближайшем окружении.

2. Травмы инстинкта, эго и духа возникают у детей, если от них грубо отмахиваются, если их не видят и не слышат, не относятся к ним с пониманием или хотя бы более или менее спокойно. Многие женщины поплатились тяжелыми травмами за то, что вполне обоснованно ожидали, что обещания должны выполняться, что к людям должно относиться с уважением, что голодные должны быть накормлены, что каждый должен иметь свободу слова, мыслей, чувств и творчества.

3. Старые эмоции в чем-то похожи на натянутые в душе струны. Грубый окрик свысока может вызвать их отчаянную вибрацию. Их можно заставить звучать, даже не касаясь. События, которые несут в себе обертоны, слова, зрительные черты, созвучные исходным событиям, заставляют человека сдерживаться, чтобы не дать «зазвучать» былым эмоциям.

В юнгианской психологии такой взрыв сильных чувств называют «констелляцией комплекса». В отличие от Фрейда, который называл такое поведение невротическим, Юнг считал его подлинно обусловленной реакцией, сходной с реакцией животных, которых когда-то раньше преследовали, мучили, пугали или травмировали. Животное склонно реагировать на запахи, движения, орудия, звуки, похожие на те, которые причинили ему боль. Человеку свойственны такие же модели узнавания и реакции.

Многие люди подавляют содержимое старых комплексов, избегая людей или событий, которые их возбуждают. Иногда такой подход разумен и полезен, а иногда нет. Так, мужчина может избегать всех женщин с рыжими, как у его жестокого отца, волосами. Женщина может избегать всех шумных споров, потому что они слишком многое в ней пробуждают. Однако мы стараемся развивать свою способность выносить любые ситуации, независимо от комплексов, потому что эта непреходящая сила позволяет нам иметь свой голос в мире. Это благодаря ей мы можем изменять окружающий мир. Если мы будем слушаться только своих комплексов, то придется нам спрятаться в норку и провести в ней всю оставшуюся жизнь. Если же мы научимся относиться к ним более или менее терпимо и использовать как союзников, – к примеру, использовать старый гнев, чтобы придать остроту своим лозунгам, – то сможем многое сделать и переделать.

4. Действительно, существуют органические расстройства мозговой деятельности, при которых одним из характерных симптомов является бесконтрольная ярость. Такие расстройства лечат не психотерапевтическими, а медикаментозными средствами. Но здесь мы говорим о ярости, которую вызывают воспоминания о былых душевных муках. Можно добавить, что в семьях, где есть особо чуткий ребенок, другие дети, обладающие иной психологической организацией, даже при одинаковом обхождении могут не чувствовать, что их мучают.

Разные дети имеют разные потребности, разную «толщину кожи», разные способности переносить боль. Тот, чей «приемник» наименее чувствителен, будет меньше других страдать от жестокого обращения. Наиболее чуткий ребенок будет ощущать все – возможно, даже боль, причиненную другим. Дело здесь не в правде или неправде, а в способности

улавливать передачу, которая происходит в окружающем пространстве.

Поэтому при воспитании детей стоит помнить очень полезный старый совет: ребенка нужно воспитывать не по книге, а сообразно тому, что вы узнаёте, наблюдая его восприимчивость, личность и дарования. В природе, где все растения красивы, нежный филодендрон может обходится без воды целую вечность, а ива, которая гораздо больше и мощнее его, засохнет через неделю. И люди по природе своей тоже очень разные.

Кроме того, не нужно думать, что если взрослый чувствует и выражает гнев, то это верный признак незаконченной работы в детстве. В жизни есть место и необходимость для праведного и чистого гнева, особенно если все предыдущие призывы к сознанию, высказанные тоном от нежного до умеренного, не были услышаны. Гнев – это следующая ступень в иерархии способов привлечь к себе внимание.

Однако вредные комплексы могут разжигать обычный гнев, превращая его в буйную и разрушительную ярость. Катализатор почти всегда бывает очень незначительным, а реакция на него такой, будто он обладает огромной важностью. Испытанный в детстве душевный разлад и детские травмы могут оказать положительное влияние на то, чем мы будем заниматься, став взрослыми. Многие лидеры, возглавляющие большие политические, научные или иные «племена» или «семьи», делают это, с воспитательной точки зрения, гораздо лучше, чем их родители.

5. От старых сказителей японского происхождения я слышала такую вариацию на тему «медведь – драгоценное создание»: медведя губит злая сила, и среди людей, которые ему поклонялись, прекращается расцвет новой жизни. Скорбя и плача, тело медведя предают земле. Но когда на его могилу падают женские слезы, медведь оживает.

6. Удаление старой окаменевшей ярости, кусок за куском, слой за слоем, – необходимый для женщины процесс. Лучше постараться вывезти эту бомбу в поле и там обезвредить, чем взрывать поблизости от невинных людей. Правильный подход – постараться обезвредить ее так, чтобы это не причинило никому ущерба. Обычно, если мы постоянно видим или слышим какого-то человека или другой раздражитель, нам становится только хуже. Полезно держаться подальше от этого стимула, кем или чем бы он ни являлся. Для этого есть много способов: поменять квартиру, поменять работу, поменять интересы, поменять окружение. Это очень помогает. Старое правило, предписывающее медленно сосчитать до десяти, имеет под собой вескую причину. Если мы сумеем хотя бы на время сократить приток адреналина и других «боевых» веществ, которые поступают в организм во время вспышки гнева, это поможет нам не дать себя вовлечь в чувства и реакции, связанные с пережитой ранее травмой. Если мы сами не устроим себе передышки, эти вещества будут выделяться и дальше, буквально вынуждая нас вести себя все более агрессивно, независимо от того, есть у нас к этому і искреннее стремление или нет.

7. В книге Wisdom of the Idiots (London: Octagon Press, 1970) есть еще одна версия этой старой сказки, принадлежащая великому суфийскому сказителю и целителю Идрис-шаху.

8. Чтрбы решиться на это, нужны определенные факторы, в том числе необходимо знать, какой человек или аспект причинил вред, знать, что они способны и впредь причинять вред, и знать их намерения, а также представлять себе распределение сил: равны они или нет.

9. Слово descanso используется также для обозначения места последнего упокоения – погребения или захоронения.

10. Если имели место инцест, нападение или другое тяжкое посягательство, может понадобиться много лет, чтобы завершить цикл прощения. Бывают случаи, когда больше сил приносит отказ в прощении, и это тоже допустимо. Недопустимо только безумствовать по поводу случившегося до конца жизни. Такая чрезмерная горячность очень плохо сказывается на душе и психике, а также на материальном теле. Это положение необходимо уравновесить. Для этого есть много разных способов. Нужно проконсультироваться у психотерапевта, который является сильной личностью и специализируется в подобных проблемах. Найдя такого профессионала, следует задать ему вопрос: «Каков ваш опыт в области усмирения

ярости и укрепления духа?»

11. Forego, от древнеанглийского for gan или forgaen: проходить, уходить (Oxford English Dictionary).

12. Forbear, от средневерхненемецкого verbern: мириться, иметь терпение (Oxford English Dictionary).

13. Forget, от древнетевтонского getan: держаться или цепляться; с префиксом for означает не держаться, не цепляться (Oxford English Dictionary).

14. Forgive, от древнеанглийского forziefan: давать или даровать, прекратить питать неприязнь (Oxford English Dictionary).

15. Несколько иное определение такой разновидности прощения можно найти в Oxford English Dictionary: 1865 J.Grote, Moral Ideas, VIII (1876), 114: «Активное прощение – способность платить добром за зло». На мой взгляд, это высшая форма примирения.

16. Не только разным людям требуется разное время, чтобы простить, – это время зависит еще и от понесенного ущерба. Одно дело простить недоразумение и совсем другое – простить убийство, инцест, жестокость, несправедливость, предательство, воровство. В зависимости от ущерба, иногда бывает легче простить однократную обиду, чем повторные.

17. Поскольку тело тоже обладает памятью, ему также следует уделять внимание. Суть в том, что нужно не убегать от ярости, а исчерпать ее и разоружить и таким образом перестроить либидо, которое тогда будет свободно совсем иначе, чем прежде. Это физическое освобождение должно сопровождаться душевным пониманием.

Глава тринадцатая

1. Я согласна с Юнгом: человек, который совершил несправедливость, не сможет от нее исцелиться, если не расскажет о ней абсолютно правдиво, не взглянет на нее честно..

2. Впервые я прочитала об этом у Эрика Берна и Клода Стайнера.

3. WAE, то есть эксперимент юнгианской Ассоциации Слова, тоже подтверждает это. В данном исследовании раздражитель вызывает резонанс не только когда человек слышит слово, которое возбуждает отрицательные ассоциации, но и при упоминании некоторых более «нейтральных» слов.

4. Иногда за этим следуют фотографии отцов, братьев, мужей, дядьев, дедушек и рассказы о них (а порой и о сыновьях и дочерях), но основная работа сосредоточивается на родственницах по женской линии.

5. Она одна страдает как козел отпущения, как пожиратель греха, не имея ни власти, ни выгод того или другого, то есть благодарности, почестей и воздаяния ближних.

6. Сказка «Мэри Калейн и мертвец» – одна из визитных карточек сказительниц, двух необычайно талантливых и лукавых женщин из Северной Каролины. Их зовут Барбара Фримэр и Конни Риган-Блейк. /

7. Paul C.Rosenblatt, Ph.D., Bitter Tears: Nineteenth-Century Diarists and Twentieth-Century Grief Theories (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983). Об этой книге я услышала от Джудит Сэвидж.

Глава четырнадцатая

1. Юнгово понимание мистического соучастия было основано на взглядах, бытовавших среди антропологов в конце XIX – начале XX веков, когда многие из тех, кто изучал племена, ощущали свою к ним непричастность и были от них очень далеки, а потому не были способны понимать поведение составлявших племена людей как поведение человеческой среды, которое может иметь место где угодно, в любом обществе, независимо от расы и национальности.

2. То, о чем здесь говорится, ни в коем случае не означает, что нанесенный человеку ущерб допустим, потому что делает его сильнее.

3. О реальном инцесте, совершенном отцом, и последующей детской травме см. E.Bass and L.Thornton with J.Brister, eds., I Never Told Anyone: Writings by Women Survivors of Child Abuse (New York: Harper & Row, 1983), а также B.Cohen; E.Giller; W.Lynn, eds., Multiple Personality Disorder from the Inside Out (Baltimore: Sidran Press, 1991).

4. Предполагается, что в большинстве случаев болезненная утрата невинности происходит под влиянием мира, внешнего по отношению к семье. Это постепенный процесс, который переживают почти все и который завершается мучительным осознанием мысли: в мире все не так уж безопасно или красиво.

В психологии развития это рассматривается как осознание того, что ты не центр Вселенной. Однако применительно к духу это в гораздо большей мере являет собой пробуждение и понимание разницы между божественной природой и природой человека. Невинность не должна стать случайной добычей отца или матери. Всему свое время. Родители должны по возможности быть рядом, направляли помогая, но главная их задача – подбирать осколки и снова ставить дочь на ноги.

5. Символический образ мельника встречается в сказках в своем добром и злом аспектах. Иногда он скуп, а иногда щедр, как в сказках про мельника, который мелет зерно для эльфов.

6. Постепенное пробуждение, когда мы медленно в течение некоторого периода времени снимаем оборону, менее болезненно, чем тот случай, когда оборона рушится мгновенно. Однако, хотя быстрый способ поначалу бывает более болезненным, в режиме терапии или восстановления он дает возможность скорее начать работу и скорее довести ее до конца.

7. В других сказках число три символизирует кульминацию напряженной борьбы, таким образом три можно понимать как жертву, которая дает начало новой жизни.

8. Лао-цзы – древний философ и поэт, автор трактата Дао дэ цзин.

9. Для разных людей есть разные методы. Одни методы, скажем танец, отличаются внешней активностью, другие, например танец молитвы, танец ума, танец песни, активны по -другому.

10. Copyright 1989 C.P.Estes, Warming the Stone Child: Myths and Stories of the Abandoned Unmothered Child, аудиокассета (Boulder, Colorado: Sounds True, 1989).

11. Известно, что женщины и мужчины, переживая серьезную душевную перемену, обычно испытывают меньше интереса к внешнему миру, поскольку они мыслят, мечтают и производят отбор на таком глубоком уровне, что все внешнее просто-напросто отпадает само собой. По-видимому, душа не очень интересуется мирскими делами, если в них не участвует высшая тайная сила.

Однако это необходимо отличать от синдрома – предвестника болезни, при котором человек совершенно перестает следить и ухаживать за собой, и к тому же присутствуют явные и серьезные нарушения умственной работы и социального поведения.

12. Мне очень странно слышать, как ку-клукс-клан, желая оскорбить всех «цветных», называет их «грязными». В старину слово «грязь» употреблялось в весьма положительном смысле, так что это выражение, скорее всего, очень подходит в качестве обозначения носителей в высшей степени мудрой и сильной инстинктивной природы. Как повествуют мифы о творении, именно из грязи (и других разновидностей земли) были созданы люди и мир.

13. Губы, лезвие топора и женские половые губы подобны по форме.

14. Двойной топор Богини – это древний символ, который различные женские группы сегодня используют как символ возврата к силе женственности. Кроме того, женщины, входящие в мою учебно-исследовательскую группу сказочниц «Las Mujeras», на основе разных источников часто делают выводы, что губы, похожие на крылья бабочки, и двойной топор с древних времен являют собой сходные символы, причем считалось, что душа имеет форму бабочки с распахнутыми крыльями.

15. Мистическое – это знание мирских и духовных дел с обеих сторон, то есть и умом,

и в процессе личного душевного и духовного переживания. Прагматический мистицизм ищет всю правду целиком, а не одну ее грань, а потом обдумывает, куда встать, как поступить.

16. Когда читаешь старые сказки, возникает ощущение, что это тоже состояние чувства и знания, которое все родители передавали детям независимо от пола.

17. Как мы уже видели, слезы многофункциональны: они служат для защиты и созидания.

18. Большая часть женской культуры оказалась буквально погребена на века, и нам доступны лишь крупицы того, что лежит под спудом. Женщины должны иметь право вести исследования, и пусть им не отказывают, прежде чем они успеют провести археологическую съемку. Весь смысл в том, чтобы жить полной жизнью, в соответствии с собственным инстинктивным мифом.

19. Числа обладают большой силой. Многие ученые, от Пифагора до каббалистов, пытались разгадать тайну математики. Вероятно, пронумерованные груши – отзвук мистицизма, а также музыкальной гаммы.

20. Безрукая девица, девушка с золотыми волосами и девочка со спичками имеют много общего: так или иначе, все они – чужие для окружающих. Сказка «Безрукая девица» охватывает самый полный психологический цикл.

21. Вы можете удивиться, сколько «самостей», то есть центров сознания, находится в душе. При всем их множестве главной обычно бывает одна. Как пуэбло и каситас [60] в Нью-Мексико, душа всегда пребывает по крайней мере в трех состояниях: старая, разрушенная часть, та часть, в которой вы живете, и часть в процессе строительства. Именно так и бывает. Кроме того, согласно теории Юнга, словом «Самость» обозначается огромная душевная сила, а словом «самость» – более индивидуальная, более ограниченная личность, коей являемся мы.

22. Наиболее полные «письменные» сведения о старых обрядах принадлежат древним грекам. Хотя в большинстве древних культур некогда существовали обширные летописи, куда входили сведения об обрядах, правилах проведения ритуалов и исторические записки, а также многочисленные средства выражения: скульптура, литература, живопись, поэзия, архитектура и т.д., большинство, если не все, оказалось уничтоженным в ходе следовавших друг за другом завоеваний, которые имели самые разные цели и мотивы. Чтобы уничтожить культуру, необходимо истребить священный класс: художников, писателей и все их творения, жрецов и жриц, целителей, ораторов, историков и хранителей истории, всех певцов, танцоров и поэтов – всех тех, кто способен потрясать душу и дух человека. Однако ковчег истории до сих пор несет через века кости многих уничтоженных культур, доставляя их прямо в наше время.

23. Елизавета стара и тоже беременна – Иоанном. Фрагмент, где ее муж лишается дара речи и т.д., исполнен большой мистической силы. [61]

24. Иногда эти этапы достигаются не столько в соответствии с хронологическим возрастом, сколько в зависимости от потребности и плана духа и души.

25. Архетигшческий символ короля исследуется в книге Robert L. Moore and Douglas Gillette, King, Warrior, Magician, Lover (San Francisco: Harper, 1990).

26. Символы садовника, короля, чародея и т.д. могут быть приложимы как к мужчине, так и к женщине и быть созвучны обоим. Они не являются принадлежностью какого-то одного пола, но иногда представители разных полов понимают и используют их по-разному.

27. Выражение «созидание души» я впервые услышала от Джеймса Хиллмана, которого можно сравнить с печью для выплавки идей.

---

[60] Жилые постройки у латиноамериканцев.

[61] Евангелие от Луки, 1, 20-22.

28. Старуха – одна из ипостасей тройственных греческих богинь.

29. В «Теогонии» Гесиода (411-52) говорится, что Персефона и старуха Геката всем прочим предпочитали общество друг друга.

30. Джин Синода Болен в своей убедительной книге о менопаузе отмечает, что пожилые женщины сохраняют энергию менструальной крови в своем теле и вместо внешних детей порождают внутреннюю мудрость. Jean Shinoda Bolen, The Wise Woman Archetype: Menopause as Initiation (Boulder, Colorado: Sounds True, 1991).

31. Глава испанской инквизиции, патологически жестокий человек, санкционированный серийный убийца той эпохи.

32. Таков ритуал посвящения, которым подвергают молодых матерей старые целительницы в католических традициях моей семьи.

33. Цитируется по: Ecclus xvii, 5 (scrb/clas.tit).

34. Например, некоторые современные мужчины утратили ощущение роста и убывания своих сексуальных циклов. Одни ничего не ощущают, другие погрязли в излишествах.

35. В некоторых версиях этой сказки покрывало называется платком, и оно не сползает от дуновения пневмы, дыхания, а малыш, забавляясь, то опускает его на лицо отца, то поднимает.

Послесловие

1. Отрывок из стихотворения «At the Gates of the City of the Storyteller God», Copyright 1971, C.P.Estes, Rowing Songs for the Night Sea Journey: Contemporary Chants (частная публикация, 1989).

2. Перед вами драгоценный фрагмент подлинного текста, в котором ясно определяется самая суть искусства сказителя: этос, культура и мастерство наразделимы. Приведенный ниже отрывок принадлежит поэту и рассказчику, истинному мастеру, Стиву Сэнфилду, который посвятил десятилетия упорному труду, необходимому для дальних окраин души.

О мастере-сказителе

Чтобы стать мастером в любом деле, нужно посвятить этому всю жизнь, а не годы или даже десятилетие. Нужно целиком погрузиться в это занятие. Если же прошло всего двадцать, даже тридцать лет, то претензии на мастерство отдельного сказителя или всего направления можно назвать самонадеянностью.

Если появляется такой мастер-сказитель, ни у кого не возникает вопросов. Он обладает особым качеством – может быть неуловимым, но мгновенно узнаваемым. Если сказитель живет той или иной историей годы или всю жизнь, она становится частью его души, и человек ведет рассказ «изнутри» истории. Такое качество не часто встретишь...

Сноровка – еще не все. Ведь мастерство – не бойкость, не ловкие приемы, не фокусы, цель которых – заинтересовать слушателей. Это не рассказ ради того, чтобы тебя любили, ради денег или славы. Мастерство – это не пересказывание чужих историй. Это не попытка понравиться одному из слушателей или части аудитории, это не попытка понравиться кому бы то ни было. Это состояние, когда ты слушаешь свой внутренний голос, а потом вкладываешь сердце и душу в каждую историю, даже если это всего-навсего шутка или анекдот.

Мастер-сказитель должен владеть искусством лицедейства: движением, телом, голосом и дикцией. С точки зрения поэзии – он должен стремиться «дать простор языку». С точки зрения магии – мастер должен творить волшебство, начиная с первого слова и заканчивая последним исчезающим образом. Благодаря пониманию, заработанному трудами в мире и сполна прожитой жизнью, сказитель обретает сверхъестественное чувство видения аудитории и ее потребностей. Истинный мастер умеет точно подобрать рассказ для каждой аудитории, для каждого случая. Чтобы сделать такой выбор, необходимо иметь богатый и содержательный репертуар. Именно широта и качество репертуара в первую очередь отличает мастера-сказителя.

Чтобы собрать такой репертуар, нужно много времени, ведь он растет медленно. Превосходный сказитель не только знает историю вдоль и поперек, ной знает все о ней. Ведь истории существуют не в вакууме...

(Это был отрывок из «Записи беседы в баре Дока Вилли», запись Боба Дженкинса, Copyright 1984, Стив Сэнфилд).

3. Архетип, то есть непостижимую силу жизни, можно пробудить. Сказать, что это мощная сила, – значит ничего не сказать. Всемерно подчеркиваю: все, что связано с целительством, требует обучения у наставника, который знает путь и методы и, без сомнений, живет с этим знанием всю свою жизнь.

4. Моя бабушка Катерина говорила, что самый большой невежда не тот, кто не знает, а «тот, кто не знает, что он не знает». А еще хуже и опаснее тот, кто знает, что не знает, и ничего с этим не делает.

5. La unica que vivio las historias: та, что проживает сказки.

6. В раннем детстве я была крещена в католическую веру в Sociedad de Guadalupe, поэтому мой главный корень, самые проникновенные мои труды проистекают от преданного служения Сыну Божьему и его Матери, Богоматери Гваделупской, Блаженной Матери во всех ее святых именах и ликах – дичайшей из диких, сильнейшей из сильных – в знании моем и в опасности.

7. Бывает, что такие договоры оформляются юридически.

8. Это первейшее правило целителей: если не можешь помочь, не вреди. А чтобы не навредить, нужно знать, чего нельзя делать.

9. «Совершенная работа – это когда скроено так, чтобы было впору не работнику, а Богу». Из стихотворения «La Diosa de la Clarista, un manifesto pequeno», Copyright 1971 C.P.Estes, From the Rowing Songs for the Night Sea Journey: Contemporary Chants (частное издание, 1989).

Приложение

1. Для меня, как и для многих других, понимание многих книг начинается с перечитывания.

2. Из «Commenting Before the Poems», Copyright 1967, C.P.Estes, из книги La Pasionara, Collected Poems.

3. У нас в роду страдать – не значит быть жертвой, а значит – быть храбрым перед лицом беды, быть отважным. Даже если ты не можешь полностью владеть ситуацией или судьбой, нужно делать все, что можешь. Я использую слово «страдание» в этом смысле.

4. Писатели, которые к тому же являются родителями, часто спрашивают: «Где вы пишете? Когда?» Поздно ночью, до рассвета, когда все угомонились, по дороге в церковь, в автобусе, во время мессы, после времени, до времени, между временем, в любое время и на всем, что попадется под руку.

5. Маленькое предостережение: поскольку внимание к вопросам индивидуации может вызывать активизацию мыслей и чувств, нужно позаботиться о том, чтобы не просто стать аккумулятором идей и ощущений, но и уделять достаточное количество времени работе; стараться использовать усвоенное в повседневной жизни. Моя ежедневная практика, которую я передаю другим, – главным образом, созерцание мира и всех чудес, вмещаемых им в себя.

Независимо от того, где и с чего вы начинаете, практика должна быть регулярной. Она должна быть не слишком долгой, но зато достаточно концентрированной в том отрезке времени, который вы для нее отводите, как можно более сосредоточенной и, разумеется, ежедневной.

6. См. примечания к главе «Послесловие: Сказка как лекарство».

7. Существуют конкретные депрессии, мании и другие расстройства, которые по природе своей являются органическими, то есть проистекают от нарушений в одной из физических систем организма. Болезнями органического происхождения должны заниматься врачи.

8. Молодежь, которую я вижу в университетах, семинариях и колледжах, так стремится любить это мир, учиться, учить, творить, помогать. Поскольку именно она – наше будущее, то значит, это будущее несет в себе невероятные сокровища.